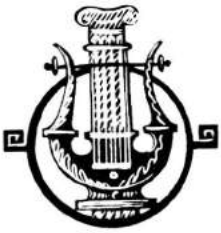
ИСТОРИКИ АНТИЧНОСТИ

ИСТОРИКИ АНТИЧНОСТИ

ИСТОРИКИ АНТИЧНОСТИ

в двух томах

ДРЕВНЯЯ ГРЕЦИЯ
ДРЕВНИЙ РИМ

ИСТОРИКИ АНТИЧНОСТИ

Том первый

ДРЕВНЯЯ ГРЕЦИЯ

МОСКВА. ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА». 1989

84(0)3
И 90

ПЕРЕВОДЫ С ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОГО

Составление, вступительная статья
и примечания
М. ТОМАШЕВСКОЙ

Иллюстрации
С. КРЕСТОВСКОГО

И $\frac{4703000000-1768}{080(02)-89}$ 1768—89

© Издательство «Правда», 1989.
Составление. Вступительная статья.
Примечания. Иллюстрации.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПРОЗА АНТИЧНОСТИ

Интерес к истории велик в последнее время как никогда. Это естественно и понятно: разобраться в сложном и меняющемся современном мире трудно, да, пожалуй, и невозможно без осмысления событий прошлого, без глубокого знания истории — отечественной и мировой. Стоящие у истоков европейской историографии Геродот, Фукидид, Тит Ливий, Корнелий Тацит занимают почетное место в ряду авторов, к которым устремляется пытливый взор нашего современника в стремлении проникнуть в глубины минувшего.

Человеку, впервые обращающемуся к произведениям греческих и римских писателей, следует знать, что взгляд на исторические сочинения в античности существенно отличался от нашего. Между искусством и наукой, в особенности тем, что мы называем наукой гуманитарной, не проводилось в те времена четкого разделения. Это, кстати, наглядно отражено в мифологии древних греков: богиня Афина покровительствовала и искусствам, и наукам, муза Клио считалась покровительницей истории, а муза Урания — астрономии. И недаром античные издатели Геродота, разделив его труд на девять книг, присвоили каждой имя одной из муз.

История мировой литературы свидетельствует, что литературное развитие начинается, как правило, с поэзии. Не станем здесь рассуждать о причинах этого явления, отметим только, что именно так развивалась античная литература. Гомеровские поэмы, по-видимому,— лишь небольшая часть не дошедшего до нас мощного пласта греческой эпической поэзии. Формирование прозаических жанров началось в греческой литературе в VI в. до н. э.

В представлениях нашего времени художественная проза — это романы, повести, рассказы, новеллы, а исторические, филологические и философские сочинения выносятся за ее рамки. Совершенно иной была художественная проза античности. Беллетристические жанры сложились в ней поздно, дошедшие до нас античные романы (по современным понятиям их можно было бы назвать и повестями) такие, например, как «Дафнис и Хлоя» Лонга, «Эфиопика» Гелиодора, «Золотой осел» Апулея, относятся лишь к I—III вв. В первые века своего существования античная проза — греческая и римская — представлена сочинениями мифологического, географического, этнографического, исторического, философского, морально-дидактического содержания. По форме же это могли быть хроники, трактаты, диалоги, биографии, сборники различного рода анекдо-

тов. Степень художественности тут, как и во все времена, определяется, бесспорно, одаренностью автора. И труды, скажем, Геродота и Платона, Ксенофонта, Плутарха и Демосфена, Тита Ливия и Цезаря, Цицерона и Тацита вошли в историю литературы не просто как сочинения знаменитых историков и философов, ораторов и государственных деятелей, но и как вершины античной художественной прозы.

Для нас античная историография начинается с Геродота, «отца истории», как назвал его в своем трактате «О законах» знаменитый римский оратор Цицерон. Это не значит, однако, что Геродот был родоначальником жанра: историческая проза существовала и до него. Местом ее зарождения была Иония — населенная греками область Малой Азии. Тогда — в первой половине VI в. до н. э.— Иония в своем социально-экономическом и культурном развитии намного опережала государства материковой Греции. Одним из крупнейших культурных центров Ионии был город Милет. Именно ионийский диалект стал языком ранней греческой прозы, получил он распространение и в Галикарнассе, на родине Геродота, хотя город этот основали представители другого греческого племени — дорийцы. На ионийском диалекте написал свое сочинение Геродот.

Термин «история» также ионийского происхождения и означал сперва «исследование». Современное значение он приобрел намного позднее. Первоначально прозаические произведения назывались по-гречески «логос» — «слово», «рассказ». Именно так называл свой труд, а также отдельные его части Геродот. Античные авторы четко противопоставляли логос поэтическому произведению и мифу. Подразумевалось, таким образом, что содержанием логоса является нечто реально происходившее или существовавшее. На деле все бывало, конечно, не совсем так, и подлинные события у древних писателей зачастую обрастали фантастическими подробностями, тем более, что важное значение придавалось занимательности рассказа. За это, кстати, критикует своих предшественников — «логографов» (то есть «пишущих логос») Фукидид: «...недалек от истины будет тот, кто признает ход событий древности приблизительно таким, как я его изобразил, и предпочтет не верить поэтам, которые преувеличивают и приукрашивают воспеваемые ими события, или историям, которые сочиняют логографы (более изящно, чем правдиво), историям, в большинстве ставшим баснословными и не поддающимися проверке».

В ряду «логографов» Фукидид числит между прочими и Геродота, но в XIX в. это слово стало термином для обозначения ранних греческих историков, предшественников Геродота и Фукидида. В этом смысле будет употребляться оно и здесь.

Произведения греческих логографов до нашего времени не сохранились. Судить об их творчестве можно лишь в самых общих чертах, ибо основываться приходится на цитатах и отзывах, находимых у более поздних античных авторов. Темой логографических со-

чинений была, как правило, история отдельных греческих областей или городов, причем повествование осложнялось множеством географических, бытописательных и мифологических экскурсов. Основывались логографы, по-видимому, на фольклорных преданиях, хрониках, эпических поэмах, но при этом неизменно стремились рационалистически истолковать мифический материал. Широко использовались также результаты собственных наблюдений, путешествий, расспросов. Наиболее значительными авторами были, насколько можно судить, Гекатей Милетский, Харон Лампсакский и Гелланик с острова Лесбос, хотя античные источники донесли до нас и множество других имен: Кадм, Ферекид, Эвгеон, Деиох, Дамокл и т. д.

Даты жизни Геродота устанавливаются приблизительно. Родился он, по-видимому, около 484 г., умер между 431 и 425 гг. до н. э. Родиной его был, как уже говорилось, приморский город Галикарнасс (первоначально дорийская колония), расположенный в Карии — на юго-западе Малой Азии. Во времена Геродота население там было смешанным: наряду с потомками дорийцев в Галикарнассе обитали и представители местного карийского племени. До нас дошли сведения, что литературные интересы в семье Геродота были присущи не ему одному — ряд источников называет его родственника (двоюродного брата или дядю) Паниасида крупным эпическим поэтом. Власть в Галикарнассе в годы молодости историка принадлежала тирану Лигдамиду. Геродот и Паниасид приняли участие в борьбе против него, в результате чего Паниасид был убит, а Геродоту пришлось бежать из Галикарнасса.

С этого момента начинаются странствия Геродота. Прожив сперва некоторое время на острове Самос, бывшем в то время одним из сильнейших ионийских государств, он путешествовал затем не менее десяти лет и повидал множество стран. Геродот был в Египте, в странах Азии — Ливии, Вавилоне, Ассирии, Персии, посетил малоазиатские области и район Геллеспонта (Дарданелльского пролива). Он предпринял также поездку в Северное Причерноморье, побывал в греческом городе Ольвии, находившемся в устье Днепро-Бугского лимана. Геродот объездил, кроме того, западное Средиземноморье и Сицилию и государства, расположенные на Балканском полуострове и островах Эгейского моря. Во время путешествий он, по-видимому, активно изучал историю, образ жизни, бытовые и религиозные обычаи увиденных им стран, и вся эта информация дала обильнейший материал для его труда. Позднее Геродот оседает в Афинах и сближается там с Периклом, одним из наиболее выдающихся государственных деятелей античности, стоявшим в то время во главе афинского правительства. Из Афин Геродот переселяется в Фурии — общегреческую колонию на юге Италии, основанную в 40-х гг. V в. до н. э. по инициативе Перикла. Собственно говоря, он не просто переселяется туда, а становится одним из руководителей основания нового города, за что многие ан-

тичные авторы называют его «фурийцем». Место смерти историка неизвестно. Одни исследователи полагают, что это Фурии, другие считают, что он умер, вернувшись в Афины.

Разделение труда Геродота на девять книг, было, как говорилось выше, предпринято позднейшими античными издателями, а не самим автором, но именно в таком виде это сочинение издается по сей день, ибо выяснить, каким было первоначальное авторское деление, ныне невозможно. Трудно также решить вопрос, следовал ли Геродот единому плану, приступая к созданию своей «Истории», или же она приобрела свой окончательный вид постепенно в ходе работы и обрастания материалом.

По содержанию труд Геродота можно разделить на две части. Первые четыре книги и начало пятой представляют собой, по сути дела, повествование о постепенном возвышении персидской державы.

Одно из многочисленных азиатских государств — Персия с приходом к власти Кира (559 г. до н. э.) начинает серию завоевательных походов. Покорив мало-помалу государства Малой Азии, Вавилон, Египет, к началу V в. до н. э. она становится крупнейшей средиземноморской державой. Геродот подробно рассказывает о странах и народах, оказавшихся объектами персидской агрессии, сопровождая свой рассказ подробными географическими, бытописательными и прочими отступлениями.

Эти рассказы, которые Геродот, как и все сочинение в целом, называл логосами, обладают тематической и композиционной самостоятельностью. Так можно выделить лидийский, египетский, скифский и ряд других логосов. В этой же части геродотова сочинения рассматриваются вопросы внутриперсидской истории.

Книга первая, включенная в настоящее издание, содержит лидийский логос — историю малоазиатского государства Лидии до завоевания ее Киром, рассказ о детстве Кира, о его приходе к власти, о его победоносных походах и гибели в войне с племенем массагетов. Добавим, что личность Кира — основателя персидского могущества, обросла легендами. В частности, сюжет о младенце, покинутом на верную гибель, чудом спасшемся и опознанном близкими уже взрослым, в античности был распространен в том или ином варианте чрезвычайно широко. Тут достаточно вспомнить мифы о Парисе, Персее, Эдипе, Зете и Амфионе, знаменитую римскую легенду о Ромуле и Реме.

Постепенно автор подводит читателя ко второй части — истории греко-персидских войн (кн. V—IX). Есть основания полагать, во-первых, что именно эту часть «Истории» Геродот считал основной и, во-вторых, что писатель имел намерение, но не успел продолжить свое сочинение. В таком случае первая часть «Истории» оказывается как бы пространным введением ко второй.

С превращением Персии в мощную державу и начинает назревать конфликт между ней и греческими государствами, в частности Афинами. Афины не могли прокормиться собственными ресурсами и вынуждены были импортировать хлеб из Северного Причерномо-

рья, нуждалась для этого и в корабельном лесе, ввозившемся из Фракии и Македонии. В борьбу за сферы влияния, за превосходство на море и уходят, собственно говоря, корни греко-персидской конфронтации.

Геродот стремится обнажить эти корни, что заставляет его углубиться во времена весьма отдаленные. Он обнаруживает непрерывный ряд обид, издревле чинимых друг другу греками и варварами (так они называли всех негреков). Иными словами, причинно-следственные связи действуют у него в сфере внешнеполитической. Именно так объясняет он и открытое военное столкновение между персами и греками.

Геродот начинает рассказ об этом столкновении с истории ионийского восстания. Ионийцы — греческое население Малой Азии — оказались под властью персов в 40-е гг. VI в. до н. э., после падения царства Креза, данниками которого они были до тех пор. В конце VI в. до н. э. ионийцы подняли против персов восстание (о перипетиях его Геродот повествует в V — начале VI книг «Истории»). Афиняне и жители Эретрии, города на острове Эвбея, оказали восставшим помощь (довольно незначительную) и это, по мнению Геродота, послужило причиной похода персов на Грецию: тогдашний царь персов Дарий, муж дочери Кира Атоссы, пожелал отомстить грекам. Поход Дария, о котором рассказано в книге VI, закончился для персов бесславно. В битве при Марафоне (490 г. до н. э.) они потерпели поражение от более малочисленного войска греков, через четыре года Дарий умер. С книги VII начинается рассказ о походе на Грецию сына Дария Ксеркса, стремившегося, по Геродоту, мстить за неудачи отца. В ней подробно описываются колебания Ксеркса, его приготовления к походу, обстановка в Греции накануне нашествия, начало войны и один из самых знаменитых эпизодов ее — битва при Фермопилах. В книгах VIII и IX рассказано о дальнейшем ходе войны вплоть до битвы при Сесте (478 г. до н. э.).

Греко-персидские войны представлялись эллину геродотова поколения важнейшим событием века. Для него это была не просто война против агрессоров, покусившихся на свободу его родины. Победа над варварами символизировала в его глазах превосходство эллинского образа жизни над варварским, победу свободных граждан над массой обезличенных царских подданных, торжество независимого эллинского духа над рабской психологией персов.

Неудивительно поэтому, что греко-персидские войны привлекли внимание Геродота. Поражает широта его замысла, умение ввести историю конкретного военного конфликта в контекст извечной борьбы Запада и Востока Тема этой борьбы, поданная в глубокой исторической перспективе, оказывается тем единым стержнем, на который Геродот с неподражаемым мастерством нанизывает богатейший и разнороднейший материал.

И грандиозность замысла, и композиционное искусство Геродота делают его подлинным новатором по сравнению с предшественниками-логографами, излагавшими, как уже говорилось, историю отдельных областей. Вместе с тем — и вполне естественно — многие

черты художественного стиля Геродота коренятся в логографической традиции. В первой половине «Истории» подобная традиционность стиля просматривается сильнее, выражаясь и в обилии разнообразных экскурсов и близости к фольклорной традиции, сочетающейся со стремлением к рационалистическому истолкованию мифа — Геродот толкует так в книге I предания об Ио, Европе, Медее, Елене,— и заботе о художественной занимательности. Отметим, что, пытаясь найти рациональное объяснение различным чудесам, Геродот при этом твердо верит в божественную силу, управляющую миром, карающую людей как за собственную их нечестивость, так и за преступления предков и за чрезмерное счастье: яркий пример тут — участь Креза. Божественное возмездие постигло, по мысли Геродота, и Ксеркса за стремление завладеть бо́льшим, чем уготовано ему судьбой.

Если в первой половине своего сочинения Геродот говорит о достаточно далеком прошлом, то во второй — он, по сути дела, выступает как историк современности. По возрасту он, конечно, не мог участвовать в греко-персидской войне, но в ней участвовали его старшие современники, и события ее были совсем свежи в памяти людской. С изменением перспективы, так сказать, временно́й удаленности, связаны, по всей вероятности, и стилистические особенности второй части, где меньше новеллистических вкраплений и разного рода экскурсов, хотя и присутствует ряд исторических отступлений (история Писистратидов, Алкмеонидов, история Спарты) и новелл. В целом стиль второй части сдержаннее и строже.

Противопоставив Запад Востоку, эллинов варварам, Геродот тем не менее вполне объективен. Он без всякого пренебрежения рассказывает об обычаях и культуре варваров, об их доблестных поступках и столь же спокойно сообщает о недостойных деяниях греков, если таковые имели место, а также ясно показывает, что накануне персидского вторжения эллинство не было единым целым и многие государства занимали проперсидские позиции (кн. VII). Такая беспристрастность, между прочим, навлекла на него несколько веков спустя нападки Плутарха, видевшего в чрезмерной, по его мнению, объективности Геродота некую злонамеренность (трактат Плутарха так и называется — «О злонамеренности Геродота»), имевшую цель умалить заслуги соотечественников. Не станем вдаваться в подробности исторической концепции Плутарха, жившего в совершенно иное время, когда вся Эллада была уже под властью Рима и национальная гордость эллина могла питаться лишь воспоминаниями о великом прошлом. Понятно, что вскрытие тех или иных неблаговидных моментов в этом прошлом представлялось знаменитому автору «Жизнеописаний» непатриотичным.

У Геродота тем не менее обнаруживается и тенденциозность: история греко-персидских войн написана им с проафинских позиций. Заслуги Афин в борьбе с персами действительно очень велики, именно афинянам, возглавляемым выдающимся полководцем Фемистоклом, удалось сплотить силы греков против общего врага, организовать их и довести борьбу до победного конца. Так что Геро-

дот в общем-то не зря называет афинян спасителями Эллады (кн. VII, 139). После окончания (480/479 г. до н. э.) греко-персидских войн начался период неслыханного возвышения и расцвета Афин, продолжавшийся более сорока лет. В это время, однако, зародилось и постепенно нарастало экономическое и политическое соперничество между Афинами с их союзниками (Афинский морской союз) и государствами Пелопоннесского союза (Спарта, Фивы, Коринф и др.). Главными противоборствующими силами были тут Афины и Спарта (Лакедемон). Постепенное обострение их соперничества привело к начавшейся в 431 г. до н. э. междоусобной войне, получившей название Пелопоннесской. Когда Геродот писал «Историю», эта война уже готова была разразиться. Геродот, нашедший в Афинах вторую родину и пребывавший к тому же под обаянием личности Перикла, вождя афинской демократии, был в острой политической борьбе того времени целиком на стороне Афин. Проафинская тенденция его труда прослеживается не столько в прославлении не нуждающихся в этом заслуг Афин, сколько в стремлении опорочить действия государств, враждебных им. Он, например, всячески оправдывает союзный Афинам Аргос, державший сторону персов в греко-персидских войнах, и старательно очерняет Коринф, флот которого сыграл важную роль в разгроме персов у острова Саламина.

Целью Геродота является установление истины при рассказе о тех или иных событиях. Во имя этой цели он скрупулезно и добросовестно собирает все сведения об интересующем его предмете и на их основе пытается воссоздать подлинную картину происходившего. Порой воссоздание это бывает невозможно из-за крайней противоречивости или фантастичности доступных Геродоту сведений, но и в подобных случаях он не менее добросовестен. «Что до меня,— говорит историк,— то мой долг передавать все, что рассказывают, но, конечно, верить всему я не обязан. И этому правилу я буду следовать во всем моем историческом труде» (кн. VII, 152). Так Геродот делает первый шаг на пути к исторической критике. Дальнейшие шаги на этом пути делает Фукидид, младший современник «отца истории».

Сведений о жизни Фукидида дошло до нас немного. Неизвестны даже даты его жизни. Ученые относят время рождения историка к промежутку 460—451 гг. до н. э., а смерти — до 396 г. до н. э. Он был знатного рода, потомки его были выходцами из северной греческой области Фракии и вели происхождение от фракийского царя Олора. Годы юности Фукидида прошли в Афинах в бурный, предшествовавший Пелопоннесской войне период. Круговерть внешнеполитических событий в то время усиливалась внутренней борьбой в самих Афинах, где противоборствовали аристократическая группировка во главе с Кимоном и демократическая, возглавляемая Периклом. Связанный с Кимоном узами родства, Фукидид встал, однако, на сторону его противника, по-видимому, как и Геродот, целиком подпав под влияние этого выдающегося человека.

Во время войны, в 424 г. до н. э., Фукидид был избран в число десяти стратегов — верховную военную коллегию Афин и послан во

главе афинского войска в афинскую колонию во Фракии, Амфиполь.

Деятельность Фукидида как военачальника была неудачной. Спартанский полководец Брасид, проделав ряд смелых военных операций, побудил к отпадению от Афин союзные им города Стагиру, Аканф и некоторые другие, а также фракийского царя Севфа, и приблизился к Амфиполю. Фукидид, находившийся с афинской эскадрой километрах в 25 от города, вблизи острова Фасоса, не успел подать помощь командующему афинским гарнизонам в Амфиполе Евклу, и Брасид с помощью заговорщиков овладел городом. Фукидид успел лишь защитить от спартанцев близлежащий город Эйон. В книге IV своего труда он описывает собственную неудачу, воздерживаясь от каких-либо оправданий и комментариев. Лишь похвалы, которые он расточает таланту Брасида, можно рассматривать как попытку косвенным образом оправдать свои промахи.

Была ли медлительность Фукидида результатом его полководческой бездарности, так сказать, «профессиональной непригодности», или же он оказался изменником, нам сейчас судить трудно. Афиняне, во всяком случае, расценили его поступок именно как измену и в 423 г. до н. э. приговорили его к пожизненному изгнанию, во время которого он, как можно предполагать, жил во Фракии и писал свою «Историю».

Примерно через двадцать лет, около 400 г. до н. э., Фукидид все-таки получил разрешение вернуться в Афины. О том, где и при каких обстоятельствах он умер, сведений до нас не дошло.

Труд Фукидида состоит из восьми книг. Подлинность последней оспаривалась некоторыми античными авторами, однако современные ученые, находя ее менее обработанной в сравнении с первыми семью книгами, все же не сомневаются в ее принадлежности перу самого Фукидида. Разделение труда Фукидида на книги, главы и параграфы было сделано позднейшими издателями.

Замысел Фукидида менее обширен, чем геродотов. Он пишет о современности, и непосредственная тема его исследования — история Пелопоннесской войны. В книге I, представляющей собою введение ко всему труду, он дает предысторию событий, чтобы в книге II непосредственно перейти к рассказу о военных действиях. Война продолжалась десять лет, после чего был заключен так называемый Никиев мир, продержавшийся до 413 г. до н. э., когда вновь начались военные действия. Окончательно она была завершена с капитуляцией Афин в 404 г. до н. э. Рассказ Фукидида заканчивается событиями 411—419 гг., хотя в книге V он упоминает об окончании войны. О происходившем до 424 г. до н. э. историк писал как непосредственный свидетель и участник, о дальнейшем получал сведения от других участников войны. «...я имел возможность,— пишет Фукидид,— благодаря моему положению изгнанника лично наблюдать ход событий у обеих сторон — у пелопоннесцев не менее, чем у афинян,— и составить себе на досуге непредвзятое суждение о них» (кн. V, 26, 5).

Стремление к непредвзятости было принципом Фукидида, проводимым достаточно последовательно, и, быть может, положение изгнанника действительно способствовало этому. В самом деле, продолжай Фукидид принимать активное участие в войне, взгляд его на происходящее был бы, пожалуй, более односторонним. Хотя и он не полностью свободен от субъективизма.

Ставя, подобно Геродоту, своей задачей отыскание истины, Фукидид сразу же противопоставляет свой метод методу логографов, к коим причисляет и Геродота. Они, по мнению Фукидида, механически слагают разнообразные сведения, не подвергая их критическому анализу. Фукидид отсекает все «баснословное», не опасаясь, что труд его потеряет из-за этого привлекательность: он «создан как достояние навеки, а не для минутного успеха у слушателей» (кн. I, 22). Историк поясняет в этой же главе принципы своей работы: «Что же касается событий этой войны, то я поставил себе задачу описывать их, получая сведения не путем расспросов первого встречного и не по личному усмотрению, но изображать, с одной стороны, лишь те события, при которых мне самому довелось присутствовать, а с другой — *разбирать сообщения* других со всей возможной точностью. *Основательная проверка* (курсив мой.— *М. Т.*) сведений была делом нелегким...»

Фукидид идет значительно дальше своего предшественника. Простая передача «всего, что рассказывают» с предоставленным самому себе правом верить или не верить у Фукидида, заменяется разбором и анализом доступных ему сведений. Это уже начало научно-исторического критицизма.

Научными достижениями Фукидида являются также использование документов — текстов постановлений, договоров и т. д.,— хронологизация событий (тут он опирался на годы правления афинских архонтов и спартанских эфоров), моделирование прошлого на основании, как мы сказали бы сейчас, археологических и этнографических данных, что великолепно проделано им в книге I (вводной) «Истории».

Геродот, отыскивая причины греко-персидской войны, отыскивает, собственно, ее виновников, то есть инициаторов конфликтов, объясняя последние местью за тот или иной поступок. Фукидид, близкий к взглядам натурфилософов, человеческую историю рассматривает как часть общекосмической. В соответствии с этим он и стремится отыскать истинную причину Пелопоннесской войны, поднявшись над моральной сферой, борьбой партий и т. д. Этой истинной причиной является, по его мнению, длительное скрытое противоборство различных сил в Греции, страх Спарты перед усилением Афин, их соперничество — политическое, торговое и прочее.

Идеальное государственное устройство для Фукидида — афинская демократия времен Перикла. Надо сказать, что античное понятие демократии отличалось от нашего, правление Перикла мы могли бы назвать демократической диктатурой. Это как раз и привлекает Фукидида, вождей демократии после Перикла он порицает за потакание самым низменным чувствам народа, и знаменитая над-

гробная речь Перикла в книге II является настоящим панегириком перикловым Афинам.

Свободу воли и возможность влиять на ход исторических событий Фукидид допускает в небольшой степени и лишь для великих политических деятелей, каковыми он признает Перикла и Фемистокла – знаменитого военачальника в греко-персидских войнах. Вообще же в ход истории постоянно вторгаются некие стихийные силы («случай») — это могут быть как стихийные бедствия, повальные болезни, так и просто непредвиденные стечения обстоятельств, не поддающиеся рациональному расчету.

Фукидида справедливо считают основоположником научно-критического метода в европейской исторической науке. В этом отношении он, бесспорно, крупнейший представитель античной историографии, из известных нам авторов античности ближе всех подошедший к типу историка-ученого современного толка. Однако не менее интересен и Фукидид-писатель.

Если стиль Геродота можно охарактеризовать как новеллистический, то Фукидид скорее драматичен. Сознательно убрав из своего труда все мифическое и баснословное, Фукидид ничуть не потерял, вопреки его собственным словам, в занимательности. Драматического эффекта Фукидид достигает во многом благодаря речам персонажей, их у Фукидида много, и вплетает он их в повествовательную ткань искусно и органично, сообщая лапидарному изложению материала живость и красочность. Картины, созданные Фукидидом, мастерски-реалистичны, и, например, его описание чумы в Афинах (кн. II) с полным основанием относят к вершинам мировой литературы.

Непосредственным продолжением «Истории» Фукидида является «Греческая история» Ксенофонта. Античный писатель Диоген Лаэрций в своем сочинении «Жизнь Ксенофонта» пишет, что именно Ксенофонт был первым издателем фукидидовой «Истории». Некоторые современные ученые считают, однако, что это мнение основано на том, что сочинение Ксенофонта начинается без всякого введения и именно с момента, до которого довел свою повесть его старший современник.

Ксенофонт Афинский — не следует смешивать его с Ксенофонтом Эфесским, писателем II в. н. э., автором любовного романа «Повесть о Габрокоме и Антии» — родился, по-видимому, незадолго до 430 г. до н. э., дата смерти его точно неизвестна, понятно лишь, что ее следует отнести ко времени после 360 г. до н. э. Подобно Фукидиду, Ксенофонт принадлежал к богатому и знатному роду. Уже упоминалось о том, что внешнеполитическая борьба накануне и во время Пелопоннесской войны осложнялась внутриполитической — раздорами между сторонниками аристократии и демократии. Надо заметить, что в этой борьбе, причем не только в Афинах, но и в прочих греческих городах-государствах, существовали и другие оттенки. Картина политической истории Греции того времени необычайно пестра, и за невозможностью дать ей здесь детальную ха-

рактеристику приходится указать лишь на два основных направления.

В отличие от Фукидида Ксенофонт был последовательным сторонником аристократии, и с этим связаны его спартанофильские позиции, ибо оплотом аристократии в Греции была Спарта. Эти его позиции во многом повлияли и на самый ход его жизни, и на угол зрения, под которым написана «Греческая история».

Ксенофонт был, несомненно, человеком очень образованным. Он принадлежал к числу учеников знаменитого философа Сократа. Учение Сократа касалось сферы прежде всего духовно-этической, письменных сочинений от него не осталось, и это интереснейшее учение можно лишь реконструировать по сократическим произведениям Ксенофонта и Платона. О своем учителе Ксенофонт рассказывает в «Воспоминаниях о Сократе» и «Апологии Сократа». Его перу принадлежат также «Пир» и «Домострой» — произведения философского характера, биография спартанского царя Агесилая, «Анáбасис» — рассказ о походе персидского царевича Кира Младшего против его брата царя Артаксеркса, и «Воспитание Кира» — сочинение об основателе персидской державы Кире Старшем, герое книги I геродотовой «Истории».

В походе Кира Младшего (401 г. до н. э.) Ксенофонт принимал деятельное участие. Поражение в Пелопоннесской войне (404 г. до н. э.) оказалось для Афин катастрофическим. Время афинского верховодства безвозвратно кануло в прошлое, и Греция вступила в непродолжительный период гегемонии Спарты. Сразу после капитуляции Афин там было создано олигархическое правительство «тридцати тиранов», деятельность которого вылилась вскоре в настоящий террор. После свержения «тридцати тиранов» в Афинах вновь усилилась демократическая партия, и, может быть, именно это побудило Ксенофонта покинуть Афины и вступить наемником в войско Кира, восставшего против Артаксеркса. Поход этот закончился неудачно: Кир погиб, а служившие у него греческие наемники после множества мытарств и опасностей сумели выбраться к побережью Малой Азии, чтобы вернуться домой. Ксенофонт был одним из вождей этого войска.

После похода Кира Ксенофонт поступил на службу в спартанское войско, став близким другом царя Агесилая, за что его объявили в Афинах изменником и присудили к пожизненному изгнанию. Он принимал участие в войне Спарты с враждебной ей коалицией греческих государств, к которой примкнули Афины (90-е гг. IV в. до н. э.), подняв, таким образом, оружие против своего отечества. Позднее, в 70-е гг., когда Афины стали уже союзником Спарты в созревшем к тому времени спартано-фиванском конфликте, Ксенофонт получил от афинян амнистию, и сыновья его сражались в афинском войске.

«Греческая история» Ксенофонта начинается с событий 410-х гг.— периода, на котором остановился Фукидид. Две первые книги посвящены завершающему периоду Пелопоннесской войны,

капитуляции Афин, правлению «тридцати тиранов» и их свержению.

Окончание войны не принесло Греции спокойствия. Последовавшее за падением Афин усиление Спарты было недолгим. Ей вскоре пришлось столкнуться с действиями созданной рядом государств антиспартанской коалиции. Междоусобицы, продолжавшие раздирать страну, осложнялись интригами Персии, поддерживавшей то одних, то других. Участие Персии в греческих делах, кстати, наглядно показано в книге I ксенофонтовой «Истории». Одновременно началось возвышение другого греческого государства — Фив, которое также не было продолжительным. Ксенофонт посвятил этому бурному периоду III—VII книги своей «Истории», закончив описанием битвы при Мантинее (362 г. до н. э.) между Фивами и силами антифиванской коалиции, возглавляемой Спартой. Эта битва, в которой погиб сын Ксенофонта Грилл, положила конец надеждам фиванцев на гегемонию в Греции, но не покончила с раздорами, длившимися до самого македонского завоевания.

В отличие от Геродота и Фукидида Ксенофонт писал «Историю» с позиций спартанофильских. Он не извращает фактов, но факты, по той или иной причине невыгодные для Спарты, стремится не акцентировать или даже по возможности опускать. В соответствии с занятой им позицией Ксенофонт весьма скупо говорит о достоинствах фиванских вождей Эпаминонда и Пелопида, хотя оба они входят в число наиболее замечательных полководцев античности, но зато всячески восхваляет спартанского царя Агесилая. Тут, по-видимому, сыграли еще роль и личная дружба и преклонение Ксенофонта перед этим выдающимся человеком. А сильную личность Ксенофонт вообще полагал решающей силой в историческом процессе.

Как историк, Ксенофонт находится словно бы в тени своих предшественников. Он менее масштабен, чем Геродот, и более поверхностен, чем Фукидид. Его труд обладает зато ценнейшим достоинством: автор смотрит на описываемые события изнутри, он был их современником и активнейшим участником, близким знакомым многих выдающихся деятелей эпохи. Кроме того, невзирая на свою спартанофильскую тенденциозность, он достаточно объективен и добросовестен. Ему принадлежит одно из центральных мест в ряду лучших писателей того времени, и стиль его письма — лаконичный, отточенный и спокойный — считается классическим и совершенным образцом древнегреческой прозы.

Включенные в первый том настоящего издания части произведений Геродота, Фукидида и Ксенофонта складываются в достаточно целостную и последовательную картину древней истории на ее важнейших этапах. От истории возвышения Персии (Геродот, кн. I) читатель перейдет к греко-персидским войнам (Геродот, кн. VII). Первая книга фукидидовой «Истории» вернет его к древнейшим событиям греческой истории и также расскажет о войнах греков и

персов. Книги II и V Фукидида расскажут о ходе Пелопоннесской войны на ее начальном этапе, а книги I и II Ксенофонта — о ее завершении. Наконец, книга VII «Истории» Ксенофонта познакомит читателя с перипетиями греческих междоусобиц после Пелопоннесской войны.

С македонским завоеванием закончилась самостоятельная история античной Греции. Теперь она будет входить в состав крупных держав — сперва Македонии, позднее Рима. Из школьных учебников мы знаем, что наиболее блестящим периодом македонской эпохи был период походов Александра. Надо сказать, что если в политическом смысле греки уже занимали подчиненное положение в эту эпоху, то для греческой культуры это было время победоносного шествия по земле: вместе с войсками Александра она проникла во многие отдаленные уголки тогдашнего мира, завоевала страны Востока. Об Александре Македонском — одном из величайших полководцев античности, да и не только античности, перекроившем политическую карту древнего мира, даст читателю представление его история, написанная римским автором Квинтом Курцием Руфом и включенная в первый том настоящего издания в качестве приложения.

О времени жизни Курция Руфа и о времени написания его сочинения мы можем судить весьма приблизительно. Он жил, по-видимому, в I в. н. э. и примерно в 40-е гг. написал «Историю Александра Македонского». Труд Курция Руфа состоял из десяти книг, первые две вообще не сохранились до нашего времени, в пятой, шестой и десятой имеются значительные пропуски.

В античной историографии существовала панегиристическая традиция в освещении личности Александра. В русле этой традиции создал, например, биографию Александра Плутарх, хотя он и не скрывает некоторых отрицательных черт своего героя. В противоположность этой «классической» традиции, в общем-то преобладающей в античной историографии, существовало и критическое отношение к личности знаменитого полководца. Оно было распространено главным образом в Риме и нашло отражение у Цицерона и Сенеки. С критической точки зрения написан и труд Курция Руфа. Автор подчеркивает подозрительность Александра, его мстительную жестокость. Деятельность Александра представляется Руфу захватнической, даже разбойничьей, а сам он честолюбивым баловнем судьбы. Именно благосклонности судьбы обязан Александр своими успехами, хотя Курций Руф признает его личную отвагу и великодушие. Римскому патриоту и сторонику твердой централизованной власти Руфу претят также неупорядоченное правление Александра, раздоры и противоречивые распоряжения его полководцев.

Популярность Руфа в античности оказалась недолгой в связи с окончательной победой «классической» традиции. Мало известен он и в наше время. Об этом можно пожалеть, ибо личность и де-

ятельность Александра Македонского сложны и противоречивы и точка зрения Курция Руфа представляет большой интерес. Для специалиста его труд является еще и ценным историческим источником, а для широких кругов увлекательным и познавательным чтением.

Любопытно, что книга Руфа была популярна в России XVIII в. За сто лет — с 1709 по 1812 г. — она выдержала десять изданий: четыре в переводе И. Кониевского, выполненном еще в 1699 г., и шесть в переводе С. Крашенинникова, сделанном в 50-е гг. XVIII в.

* * *

Историческая проза в Риме возникла на иной почве, чем в Греции. Влияние греческой культуры на римскую общепризнано. Его признавали в общем-то и сами римляне, хотя бывали периоды, когда римская культура стремилась освободиться от всяких влияний извне. Не следует делать из этого вывод о несамостоятельности или вторичности римской литературы и искусства. Напротив, с освоением и переработкой достижений эллинской культуры на римской почве возникло явление новое, самостоятельное, самобытное и в своей самобытности неповторимое.

Одним из подтверждений того, что римская культура, и литература в частности, не была простым слепком с культуры греческой, а развивалась по собственным законам, оказывается происхождение римской исторической прозы. Историография в Риме в отличие от греческой, восходящей, как мы помним, к логографии, возникла из летописей.

С глубокой древности в Риме существовали так называемые таблицы понтификов (жрецов), записи в которых носили главным образом календарный характер. Несколько позднее по этим таблицам стали составляться списки консулов — высших должностных лиц, избираемых на год, именами которых обозначались годы. Обработанные таблицы и были, по существу, первыми хрониками. Во II в. до н. э. понтифекс максимус (верховный жрец) Публиций Муций Сцевола опубликовал обработанную сводку всех ежегодных записей с основания Рима, получившую название «Великая летопись».

Первые историографы появились в Риме в III в. до н. э. Этих ранних историографов называют обычно анналистами, так как предметом их труда была литературная обработка летописей (летопись по-латыни — «анналы»).

Анналистов принято делить на старших и младших. Среди старших наиболее известны Квиний Фабий Пиктор, Луций Цинций Алимент, Гай Ацилий, писавшие по-гречески, что говорит о силе греческого культурного влияния, и Катон, Луций Кальпурний Писон Фруги, пользовавшиеся уже родным языком.

Труды старших анналистов до нас дошли во фрагментах и в пересказах позднейших авторов, что, конечно, весьма затрудняет их оценку. События в них излагались, по-видимому, строго последова-

тельно, без какой-либо критической оценки, интересовала авторов чисто, так сказать, внешняя сторона описываемого, и анализ причин того или иного явления ни в коей мере не входил в их задачу.

Начало деятельности младших анналистов — вторая половина II в. до н. э. Центральными фигурами здесь являются Луций Целий Антипатр, Семпроний Азеллион и жившие немного позднее (первая половина I в. до н. э.) Лициний Макр, Корнелий Сизенна, Валерий Анциат. Произведения их сохранились также в незначительных отрывках. В отличие от старших анналистов они любят большие отступления, стиль их более вычурный, главной же особенностью всей младшей анналистики является толкование событий прошлого под современным им углом зрения. Прошлое служит, таким образом, соображениям, как бы мы сказали сейчас, конъюнктурным.

Научно-критическое направление в историографии, связанное с именем Фукидида, в Риме большого развития не получило. В римское время его продолжил Полибий, но он был хоть и романизированным, но греком. Фукидид не боялся жертвовать привлекательностью повествования и «минутным успехом у слушателей» во имя объективности описания и толкования описанного. Римские историки ставят себе, как правило, задачи моралистические. Прошлое оказывается для них неиссякаемым кладезем примеров положительных или отрицательных. Понятно, что жертвовать «привлекательностью» при подобной моралистической установке было невозможно. Художественная сторона повествования приобретала в таких условиях величайшее значение: ведь чтобы научить читателя, требовалось произвести на него впечатление.

На греческой почве подобным принципам следовал в своих «Жизнеописаниях» Плутарх. Он пошел дальше, использовав исторический материал не более как фон для портретов своих героев. Плутарх, впрочем, был философом-моралистом, а не историком.

Другой характерной чертой римской историографии является ее связь с анналистической традицией (насколько мы вообще можем судить об анналистике). Это сказывается прежде всего в излюбленной римскими историками форме изложения событий по годам. Патриотический пафос, риторичность, морализирующие отступления — это тоже черты, идущие от трудов младших анналистов.

Из плеяды знаменитых римских историков, представленных в настоящем издании, первым по старшинству идет Гай Саллюстий Крисп. Он жил и работал в переломное для своего отечества время — период кризиса республиканского строя, канун образования империи. Саллюстий пережил конец республики, гражданские войны, установление диктатуры Цезаря и гибель его. Родился Саллюстий в 86 г., умер в 35 г. до н. э., происходил он из привилегированного, но не высшего сословия всадников. Литературным занятиям он предался с молодости, но сочетал их с карьерой политической.

На политической арене Рима происходила в то время постоянная и ожесточенная борьба сенатской аристократии с антисенатскими силами, возглавляемыми Помпеем, Цезарем и рядом других общественных деятелей.

Саллюстий занимал должности квестора (55-й или 54 г. до н. э.), народного трибуна (52 г. до н. э.). Двумя годами позднее он был исключен из сената по обвинению в безнравственности, хотя, вероятнее всего, подлинной причиной была его приверженность партии Цезаря. Еще через два года хлопотами Цезаря он был возвращен в сенат и вновь избран квестором.

Саллюстий, как ярый цезарьянец, принимал активное участие в гражданской войне (49—45 гг. до н. э.) между Помпеем и Цезарем. В 46 г. до н. э. Цезарь назначил Саллюстия наместником провинции Новая Африка. Деятельность его на этой стезе завершилась бесславно: по возвращении в Рим он едва не попал под суд за лихоимство.

После убийства своего покровителя (15 марта 44 г. до н. э.) Саллюстий удалился от политической деятельности и остаток дней прожил как частное лицо.

Первым литературным произведением Саллюстия считается написанная в 54 г. до н. э. «Инвектива [поношение] против Цицерона» — нечто вроде политического памфлета. Впрочем, принадлежность инвективы, так же как и двух «Писем к Цезарю о государственных делах», перу Саллюстия оспаривается некоторыми учеными.

Славу Саллюстию принесла книга «О заговоре Катилины», произведение во многих отношениях новаторское. Оно представляет собой нечто вроде исторической монографии, посвященной событиям 63 г. до н. э., когда группа заговорщиков во главе с политическим авантюристом Луцием Сергием Катилиной пыталась захватить власть в государстве. Заговор был разоблачен, причем одну из главных ролей в этом сыграл Марк Туллий Цицерон, занимавший в тот год должность консула. Цицерону принадлежат четыре речи «Против Катилины».

Другое известное произведение Саллюстия — «Война с Югуртой» — повесть о войне римлян с царем североафриканского государства Нумидии Югуртой, которая велась в 111—105 гг. до н. э. Третий исторический труд писателя — «История», охватывавшая события 78—67 гг. до н. э., дошел до нас в незначительных фрагментах.

Предшественником Саллюстия в смысле жанра до какой-то степени можно считать его кумира Гая Юлия Цезаря, автора книг «Записки о галльской войне» и «Записки о гражданской войне». Саллюстий сознательно остановил выбор на монографическом, а не анналистическом способе изложения. «Я решил,— говорит он в «Заговоре Катилины»,— описать по частям деяния римского народа, *насколько те или другие из них казались мне достойными упоминания*» (курсив мой.— *М. Т.*) (кн. IV, 2). Выбор падает на заговор, потому что это «преступление беспримерно», а дурные примеры могут служить моралистическим целям не менее, чем добрые. Подобными сообра-

жениями руководствуется автор и в выборе темы для второй монографии. Война с Югуртой — также впечатляющий отрицательный пример, ибо в ней, по мнению Саллюстия, впервые со всей силой проявились алчность, корыстолюбие и продажность римского общества.

Именно в алчности и безнравственности римской знати, в общем падении нравов Саллюстий видит причины многих политических событий. Причинные связи переносятся целиком в сферу человеческих отношений, тем самым в сферу нравственную. Обе его монографии украшены портретами, яркими характеристиками и речами действующих лиц, причем в создании их Саллюстий выказывает незаурядное литературное мастерство. Повествование часто прерывается у него отступлениями, дополняющими и расширяющими изложенное.

Пристальное внимание к людям иногда идет у Саллюстия в ущерб фактической скрупулезности. Люди интересуют его больше, чем факты, и выдающаяся личность может, согласно Саллюстию, стать движущей силой в ходе исторических событий.

Обещав рассказать обо всем «с правдивостью, с какой только смогу», Саллюстий точен не во всем. Не всегда он и беспристрастен: так, роль Цицерона, разоблачившего заговорщиков, им преуменьшена, и одновременно всячески выгораживается поведение Цезаря, которого многие подозревали в причастности к заговору.

В отличие от Саллюстия его младший современник Тит Ливий создал свой грандиозный труд в традиционном жанре анналов. Этот знаменитый автор — одна из центральных фигур во всей античной и, смело можно сказать, мировой историографии. Родился Тит Ливий в 59 г. до н. э. в Патавии, современной Падуе. Он происходил из богатой семьи, получил прекрасное образование и практически всю свою жизнь предавался литературным трудам.

Ливий застал самый конец республиканского строя, а зрелые годы его прошли уже в эпоху империи. Ливий даже был близок ко двору Октавиана Августа — в Риме он поселился около 31 г. до н. э., — но никогда не занимался активно политической деятельностью. Умер он в 17 г. н. э.

Исторический труд Тита Ливия состоял из ста сорока двух книг. Напомним для сравнения, что в «Истории» Геродота девять книг. Сам Ливий называл свое сочинение «Анналы». Позднее издатели дали ему заглавие «История от основания Рима», и это название считается общепринятым до сих пор.

Труд Ливия охватывал период от мифического прибытия Энея из Трои в Италию до событий 9 г. н. э. Автор говорит во введении, что ему «надо углубиться в минувшее более чем на семьсот лет». Помимо разделения на книги, сочинение Ливия делили еще на более крупные единицы — «декады» (десятки). До нас дошли I, III, IV и половина V «декад», всего 35 книг. От остальных сохранились лишь фрагменты. Сохранились, кроме того, неизвестно когда сделанные

краткие содержания книг, всех, за исключением двух. В античности существовали, по всей видимости, и издания Ливия в сокращении, своего рода краткие «выжимки».

Материал излагается у Ливия строго хронологически, по годам, то есть полностью в русле анналистической традиции. Если вспомнить композиционное мастерство Геродота, то сравнение с Ливием будет совершенно очевидно в пользу «отца истории». И общий замысел, и план произведения у римского историка намного примитивней, но, конечно, сочинение его неизмеримо подробней.

Не слишком занимает Ливия и внутренняя, причинная связь событий; в отличие от того же Геродота и в особенности от Фукидида он в общем-то довольствуется констатацией связи чисто внешней, временной. Как уже говорилось, задачи и принципы греческой и римской историографии были различны, а Тит Ливий, пожалуй, наиболее характерный представитель последней.

Патриотический пафос, морализаторство, восприятие римлян как народа лучшего и сильнейшего, а римских нравов и добродетелей как наиболее совершенных, свойственные трудам анналистов, в высшей степени присущи и сочинению Ливия. Формулируя в предисловии к «Истории» свои творческие принципы, он сообщает, что радость находит в том, чтобы «увековечить подвиги главенствующего на земле народа». Ливий не погрешил против истины: в его эпоху большая часть известных тогда земель и народов находилась под властью Рима, и власть эта представлялась незыблемой и вечной. Ливий, между прочим, мудро отмечал, что государство «страдает уже от своей громадности», хотя вряд ли мог отчетливо предвидеть, что спустя несколько веков это погубит Римскую империю.

Посокрушавшись о падении нравов в современную ему и близкие к ней эпохи, Ливий подчеркивает, что «не было никогда государства более великого, более благочестивого, более богатого добрыми примерами, куда алчность и роскошь проникли бы так поздно, где так долго и так высоко чтили бы бедность и бережливость». Представление о том, что исконной причиной возвышения Рима была изначальная чистота римских нравов, а падение их обусловило всякого рода неурядицы в государстве, было весьма распространено в римской идеологии, всячески культивировалось в литературе, давая мощный импульс морализаторскому пафосу. Именно с этим представлением связано то сопротивление иноземному, в частности греческому влиянию, которое проявлялось от времени до времени в римской идеологии.

Саллюстий описывал деяния прошлого «по частям», выбирая по своему усмотрению наиболее яркие и впечатляющие. Ливий создает анналы и в соответствии с избранным жанром рассказывает обо всем подряд. Но внутри изложенного материала он распределяет свое внимание, подобно Саллюстию: о каком-то событии может лишь упомянуть, на другом остановиться подробно, если оно, по его мнению, может воздействовать на душу и ум читателя и чему-то его научить.

Исторический материал является в первую очередь материалом дидактическим — таково авторское кредо Тита Ливия. «Мне бы хоте-

лось,— говорит он в предисловии,— чтобы каждый читатель в меру своих сил задумался над тем, какова была жизнь, каковы нравы, каким людям и какому образу действий — дома ли, на войне ли — обязана держава своим зарождением и ростом... В том и состоит главная польза и лучший плод знакомства с событиями минувшего, что видишь всякого рода поучительные примеры в обрамленье величественного целого; здесь и для себя и для государства ты найдешь, чему подражать, здесь же — чего избегать: бесславные начала, бесславные концы».

С сугубо научной точки зрения труд Тита Ливия не представляет большой ценности для современного ученого, но зато дидактический принцип дает автору возможность во всем блеске проявить свой незаурядный литературный дар. Высокое мастерство в изложении наиболее важных, с его точки зрения, эпизодов, яркие характеристики персонажей, живые и запоминающиеся речи делают Тита Ливия подлинным художником.

Корнелий Тацит, подобно Ливию, может быть назван историком-художником. О жизни этого прославленного автора мы знаем очень мало. Родился он, по-видимому, в 55—57 гг. н. э. и происходил из сословия всадников. Место рождения его нам неизвестно, так же как неизвестно точно его имя — Гай или Публий. Тацит довольно быстро прославился в качестве оратора (речи его, к сожалению, до нас не дошли) и занимал ряд важных государственных должностей. В 81-м или 82 г. он был квестором, что позволило ему перейти в сенаторское сословие, в 88 г.— претором, а в 97 г., при императоре Нерве,— консулом. Эта высшая должность республиканского Рима была, правда, во времена Тацита уже не более чем почетной. В 112—113 гг. он отправлял должность наместника провинции Азия. Умер Тацит, как можно предполагать, около 120 г.

Самым ранним из дошедших до нас произведений Тацита является, по-видимому, «Диалог об ораторах», трактующий о причинах упадка красноречия. Создан он был в конце I в. Примерно в то же время — в 98 г.— Тацит пишет еще два небольших по объему сочинения: «О жизни и характере Юлия Агриколы» и «О происхождении и местоположении Германии».

Полководец Юлий Агрикола был тестем Тацита, и историк написал ему своего рода посмертное восхваление, которое, однако, не укладывается в обычные рамки античной биографии, ибо в нем совершенно очевидны элементы сочинения исторического.

«Германия» — произведение тоже не совсем обычное. Географические и этнографические описания в античности были широко распространены, но включались, как правило, в состав исторических трудов (Геродот, Саллюстий и др.). «Германия» же представляет собой географо-этнографическую монографию.

Три указанных сочинения Тацита объединяют обычно заголовком «Малые произведения». Славу Тациту принесли его крупные исторические труды: «История» (около 110 г.) и «Анналы» (после 117 г.). Труды эти сохранились не полностью, и, если говорить об изложенных в них событиях, их следует расположить в обратном по-

рядке — сперва «Анналы», затем «История». «Анналы» начинаются с 14 г. — года смерти Октавиана Августа, и излагают историю правления императоров Тиберия, Калигулы, Клавдия и Нерона до смерти последнего в 68 г. «История» охватывает период с 69-го по 96 г., когда у власти находилась династия Флавиев. До нас дошли четыре первые и начало пятой книги «Анналов», I—VI (с пропусками) и XI—XVI книги «Истории». Автор дал «Аннелам» название «От кончины божественного Августа», заглавие «Анналы» было присвоено труду уже в новое время. В общей сложности «История» и «Анналы» состояли из тридцати книг и еще в античности рассматривались как единое целое.

Саллюстий и Ливий описывали республиканскую эпоху, Тацит — историк императорского Рима. Писание исторических трудов было в это время делом не вполне безопасным. Тацит сам рассказывает в «Анналах» (кн. IV, 34—35) о судьбе Кремуция Корда, написавшего книгу об Августе и привлеченного к суду. Против него было выдвинуто обвинение в том, что он восхвалял убийц Юлия Цезаря Брута и Кассия. Корд покончил с собой, а сочинения его были сожжены по постановлению сената, за исключением нескольких чудом уцелевших экземпляров. Историографическая традиция в Риме тем не менее не прерывалась. Среди историков времен начала империи можно назвать Азиния Полинона, Сервилия Нониана, Ауфидия Басса, Фабия Рустика, труды которых до нашего времени не дошли.

Во вступлении к «Истории» Тацит прямо заявляет, что прежде — во времена республики — историки писали «красноречиво и искренне». С установлением единовластия, которое, кстати сказать, видится Тациту необходимым для спокойствия и безопасности государства, все переменилось: «Правду стали всячески искажать — сперва по неведению государственных дел, которые люди начали считать себе посторонними, потом — из желания польстить властителям или, напротив, из ненависти к ним». Тот, кто хочет быть полностью правдивым, обязательно должен, по мнению Тацита, отрешиться как от любви, так и от ненависти и писать согласно знаменитой его формулировке «без гнева и пристрастия». Правление Траяна, когда Тацит писал свои труды, более мягкое по сравнению с предыдущими, давало возможность историку быть правдивым, не рискуя при этом головой.

Тацита действительно не упрекнешь в пристрастности, но от гневной интонации, рассказывая о беззакониях Тиберия или Нерона, он удерживается отнюдь не всегда. Судьба самого историка, как мы видели, сложилась вполне благополучно, о чем и сам он говорит в том же вступлении к «Истории», но ненависть его к тирании поистине безгранична. Не меньше ненавидит он раболепие, льстивость и подобострастие императорских приближенных и сенаторов.

Тацит ставит задачу восстановить «не только внешнее течение событий, которое по большей части зависит от случая, но также их смысл и причины», хотя внешнему ходу событий — политическим, военным перипетиям, императорско-сенатским отношениям — уделя-

ется все-таки основное внимание. Причины их историк стремится отыскать в сфере естественного, а не божественного порядка. Тацит в общем-то не признает божественного вмешательства в ход истории, и обращения к богам, к року в его трудах скорее стилистический прием. Подходя к рассказу о каком-либо важном периоде, Тацит дает предварительные обзоры общего состояния страны. Но основные причины происходящего коренятся для него, пожалуй, все же в сфере духовной, в состоянии нравственности и умов.

Придавая нравственному началу столь большое значение, Тацит неизбежно должен был во главу угла ставить цели морально-дидактические. Подобно Титу Ливию, Тацит — историк-моралист. В соответствии с избранной им темой он воспитывает читателя главным образом на примерах отрицательных, даже трагических. Отпечаток трагедии присутствует практически на всем труде Тацита. Он непревзойденный мастер в создании полного живости и драматизма повествования, эффектных, прямо-таки захватывающих сцен. Он самый драматургичный из античных историографов. Великолепны у него и описания: бури на море, пожары и т. д. Ораторский опыт Тацита проявился и в исторических его трудах: он сказывается в патетической интонации, в красочности описаний, в умении эффектно и многозначительно заключить ту или иную часть своей повести.

И все же Тацит был менее популярен в античности, нежели Ливий; лишь с XIV в. он становится все более и более знаменитым, быть может, даже затмив славу своего предшественника. Тираноборческий дух, неприятие лжи и раболепства и несравненное мастерство писателя принесли ему прочную славу в веках.

Гай Светоний Транквилл также превосходил Тацита в глазах современников. Сведений о его жизни дошло до нас немного. Родился он, вероятно, около 70 г. и происходил, подобно Тациту, из всаднического сословия. Он был близок к известному писателю Плинию Младшему, чей кружок являлся тогда одним из духовных центров римского общества. Светоний, по-видимому, рано посвятил себя литературным занятиям. Занимался он и адвокатской деятельностью.

Император Адриан, вступивший на престол в 117 г., оказывал Светонию покровительство. Его попечению были вверены публичные библиотеки, а затем он был назначен секретарем Адриана. Вскоре, однако, отношение императора к нему переменилось — почему, нам неизвестно,— и в 122 г. Светония сместили с должности. Больше о жизни Светония мы ничего не знаем. Умер он предположительно около 160 г.

Из разных источников до нас дошли названия несохранившихся произведений писателя. Этих названий более десятка, и, судя по ним, сфера литературных и научных интересов Светония была чрезвычайно широка. Из многочисленных произведений его сохранились фрагменты труда «О знаменитых людях» и почти полностью

«Жизнь двенадцати цезарей» (после смерти Юлия Цезаря имя его стало императорским титулом).

Это произведение особого рода — историко-биографического. Светоний не является основоположником этого жанра в римской литературе, однако труды его предшественников-биографистов, за исключением Корнелия Непота, до нашего времени не сохранились и о римской биографии во многом приходится судить именно по Светонию.

Светоний дает биографии первых двенадцати римских императоров, начиная с Цезаря, который, кстати сказать, официально императором не считался. Написаны они, по выражению автора, «не в последовательности времени, а в последовательности предметов», по единой схеме: 1 — родословная, 2 — время и место рождения, 3 — детство, 4 — приход к власти, 5 — главные события и мероприятия правления, 6 — внешность, 7 — характер и вкусы, 8 — смерть.

Божественность императорской власти для Светония не подлежит сомнению, поэтому императорская воля является главной действующей силой в судьбе государства. Император может быть при этом хорошим или плохим в зависимости от мягкости или жесткости его правления. Светоний старается быть объективным и добросовестно описывает как положительные, так и самые отталкивающие свойства своих персонажей.

Моралистический пафос Ливия и Тацита в светониевых биографиях отсутствует. Светония заботит в первую очередь занимательность рассказа, в угоду которой он может опустить важные события, акцентировав внимание на выразительных мелочах. За это он не раз подвергался нападкам в позднейшие эпохи. Однако эти упреки, справедливые по отношению к историческому труду, ни в коей мере не должны быть адресованы художественному произведению, а именно так следует подходить к книге Светония. Так, по-видимому, относились к ней и в античности, когда популярность Светония была, как уже говорилось, много больше популярности Тацита.

Время сместило акценты и расставило всех по своим местам. В глазах человека нового времени Светоний находится в тени ослепительного дарования Ливия и Тацита, но книга его не потеряла своей привлекательности до наших дней.

Событиям римской истории посвятил свой труд писавший по-гречески александриец Аппиан. Книга первая из его «Гражданских войн» входит во второй том настоящего издания в качестве приложения.

Александрия Египетская, где родился Аппиан, была основана Александром Македонским и быстро стала одним из крупнейших городов и одним из важнейших культурных центров античного мира. Аппиан родился в царствование императора Траяна (98—117), точнее определить дату его рождения не представляется возможным. Умер он около 170 г.

Аппиан получил римское гражданство и был включен в сословие всадников. Он занимал различные должности в городском управлении своей родной Александрии и был прокуратором одной из римских провинций.

Сколько можно судить по его сочинению, Аппиан придерживался романоцентристских и монархических взглядов: он преклоняется перед величием и мощью Римской империи, а, скажем, убийство Юлия Цезаря представляется ему кощунством.

Исторический труд Аппиана «Римская история» состоял из двадцати четырех книг. Автор работал над ним в 160-е гг. и, по-видимому, оставил его незавершенным. «Римская история» построена нетрадиционно: Аппиан отказывается от анналистического принципа и создает серию тематических монографий, а уже внутри них излагает события по хронологии.

Книга I, подобно книге I Тита Ливия, посвящена царскому периоду Древнего Рима. Остальные описывали войны или целые военные кампании, которые на протяжении своей истории вело римское государство, и носили соответствующие заглавия: II книга — Италийская, III — Самнитская, IV — Галльская, V — Сицилийская, VI — Испанская, VII — Ганнибалова, VIII — Карфагенская, IX — Македонская и Иллирийская, X — Греческая и Ионийская, XI — Сирийская, XII — Митридатова, книги XIII—XVII — Гражданские войны, книги XVIII—XXI — Египетские, книга XXII посвящена столетию от Августа до Траяна, и книги XXIII (Дакийская) и XXIV (Аравийская) рассказывают о войнах, которые велись в царствование Траяна. До нашего времени сохранились книги VI—VII и XII—XVII, книги XVIII—XXIV утрачены полностью, остальные дошли до нас в отрывках.

«Гражданские войны» являются, таким образом, лишь частью обширного сочинения александрийского историка, и пять книг «Гражданских войн» — это соответственно книги XIII—XVII всей аппиановой «Истории». Эти пять книг — единственный известный нам литературно-исторический памятник, где дается последовательное и связное изложение событий с эпохи Гракхов (II в. до н. э.) до борьбы Октавиана, будущего императора Августа, с его соперником Марком Антонием в 30-е гг. I в. до н. э. В своей работе Аппиан основывался на каких-то хороших, но до нас не дошедших источниках, и труд его, несмотря на некоторую суховатость стиля,— увлекательнейшее чтение, которое дополнит и детализирует картину древности, созданную римскими историками.

Сориентироваться в этой картине не так-то просто, ибо если Геродот, Фукидид и Ксенофонт продолжают друг друга и, переходя от автора к автору, читатель одновременно переходит от эпохи к эпохе без нарушения временно́й последовательности, то у римских писателей «хронология авторов» не соответствует хронологии описанных ими событий. Попробуем же в самых общих чертах восстановить реальный ход этих событий.

О самой древней эпохе истории Рима рассказывает книга I «Истории» Тита Ливия. Это эпоха, когда Римом правили цари. Надо

сказать, что долгое время вся древнейшая история Рима и правление первых римских царей Ромула и Нумы Помпилия представлялись ученым сплошным вымыслом. Однако достижения археологии, лингвистики в XX в., ряд других научных данных заставили их с бóльшим доверием относиться к свидетельствам античных писателей. Результаты археологических раскопок, в общем, подтвердили дату основания Рима, иными словами, начала правления Ромула: римский ученый Варрон относил ее к 754—753 гг. до н. э. Научными данными подтверждается и реальность существования Нумы. После Нумы в Риме царствовало еще пять царей: Тулл Гостилий, Анк Марций, Тарквиний Древний, Сервий Туллий и Тарквиний Гордый, изгнанный в 510 г. до н. э. за тиранический образ правления. После этого в Риме был установлен республиканский строй и высшая власть перешла в руки двух консулов, избираемых ежегодно.

Республиканский Рим мало-помалу расширял свои владения, становясь одним из наиболее могущественных государств Средиземноморья. В III в. до н. э. это усиление Рима привело к конфронтации его с другим сильным государством Западного Средиземноморья — Карфагеном, расположенным на севере Африки. Карфаген, подобно Риму, вел завоевательную политику, и столкновение его с Римом в борьбе за сферы влияния было неизбежно. Римско-карфагенская борьба вылилась в три Пунические войны (пунийцами римляне называли карфагенян). Первая из них, истощившая силы обеих сторон и закончившаяся римской победой, велась в 264—241 гг. до н. э. О начале второй Пунической войны (218—201 гг. до н. э.) рассказано в книге XXI Тита Ливия. В этой войне карфагенянами командовал знаменитый Ганнибал. В дополнение к описанному Ливием надо сказать, что война закончилась капитуляцией Карфагена, чему римляне обязаны разумной тактике Фабия Максима Кунктатора («Медлителя») и удачным военным действиям Публия Корнелия Сципиона, а в результате 3-й Пунической войны Карфаген был стерт с лица земли (146 г. до н. э.).

Уничтожение Карфагена не принесло Риму ожидаемого спокойствия. Оно нарушалось и извне — восстаниями рабов, покоренных племен и т. д., и изнутри — борьбой оптиматов (партия знати) и популяров (народная партия). В результате деятельности Тиберия и Гая Гракхов (130—120-е гг. до н. э.) был проведен ряд реформ, направленных на оздоровление государственного строя, однако и они не принесли спокойствия. Внутренняя борьба накалялась, осложняясь внешними опасностями, и в конце концов вылилась в ожесточенное соперничество между двумя выдающимися полководцами — Гаем Марием и Луцием Корнелием Суллой, по сути дела, в настоящую гражданскую войну. Война закончилась поражением марианцев и установлением диктатуры Суллы, длившейся с 81 по 79 г. до н. э. Об этом периоде от Гракхов до Суллы повествует книга I «Гражданских войн» Аппиана.

После смерти Суллы сторонники популяров вновь поднимают голову, и борьба с оптиматами обостряется. Начинается, быть может, наиболее интересная и бурная эпоха римской истории, когда рес-

публиканский строй обнаруживает явные признаки разложения и благо республики служит чаще всего прикрытием для честолюбивых замыслов политических деятелей. Именно в это время начинает свой путь к единоличной власти Гай Юлий Цезарь, в борьбе против сенатской олигархии опиравшийся на популяров. В этой борьбе с сенатом союзниками его были два других крупнейших полководца того времени — Марк Красс и Гней Помпей. Союз между ними получил название первого триумвирата, то есть «союза трех мужей». После гибели Красса в военном походе вчерашние союзники Цезарь и Помпей начинают новую гражданскую войну. После победы над Помпеем и подавления всех остальных соперников Цезарь приобрел фактически неограниченную власть, хотя титула императора (принцепса) он еще не имел. Правление его вызывало недовольство знати, несмотря на стремление Цезаря примириться с оптиматами, и в марте 44 г. до н. э. заговорщики во главе с Марком Юнием Брутом и Гаем Кассием убивают диктатора.

Обо всем этом — пути Цезаря к власти, его соперничестве с Помпеем, правлении и гибели — читатель узнает из биографии Светония «Божественный Юлий». Сочинение же Саллюстия «О заговоре Катилины» посвящено одному из эпизодов той богатой событиями эпохи и наглядно показывает брожение в обществе, раскол в сенате, отчаянные попытки консервативной его части сохранить республиканский строй и назревающий кризис этого строя.

Гибель Цезаря вновь развязала гражданскую войну. Племянник и наследник убитого диктатора Октавий, после постановления сената о признании его сыном Цезаря именовавшийся Гаем Юлием Цезарем Октавианом, в союзе с друзьями покойного Марком Антонием и Эмилием Лепидом (второй триумвират) повел борьбу против республиканцев, которых возглавили в сенате Цицерон, а в армии Брут и Кассий, убийцы Цезаря. После разгрома республиканцев и гибели Брута и Кассия начинается борьба за власть между триумвирами. Лепида вывели из игры довольно быстро, войска его перешли на сторону Октавиана, а в 31 г. до н. э. сокрушительное поражение потерпел и Антоний. После его гибели в 30 г. Октавиан стал единственным правителем всех римских территорий, а в 27 г. до н. э. его власть получила юридическое оформление — он был объявлен принцепсом Октавианом Августом. Началась императорская эпоха римской истории. О войне Октавиана с соперниками, а также о принципате Октавиана рассказано в «Божественном Августе» Светония.

Императорскую эпоху запечатлел в своих произведениях Тацит, к ней же относятся и светониевы биографии. Тут хронология восстанавливается следующим образом. Преемником Августа был его пасынок Тиберий (14—37 гг.), о правлении которого можно узнать из включенных в настоящее издание книг «Анналов». После его смерти принцепсом был объявлен его внучатый племянник Гай Цезарь по прозвищу Калигула. Он был сыном Германика, в отравлении которого обвиняли Тиберия. После убийства Калигулы предпри-

нимается попытка провозгласить республику, но она оказалась неудачной, и императором был объявлен дядя Калигулы Клавдий как единственный родственник Августа. При пасынке Клавдия Нероне (54—68 гг. н. э.), объявленном императором после отравления Клавдия, все яснее проявляются признаки глубокого политического кризиса империи. Военные неудачи, восстания и волнения в ряде провинций, жестокость и алчность бездарного правителя, в результате которых происходит разрыв его с сенатом,— все это ведет к свержению Нерона, покончившего после этого с собой, и началу очередной гражданской войны.

О перипетиях этой войны, длившейся в течение 69 г., рассказывают первые книги тацитовой «Истории». Гибель Нерона означала падение династии Юлиев—Клавдиев и конец господства старо-римской рабовладельческой знати. В течение 69 г., в результате войны между различными провинциальными римскими армиями, каждая из которых провозглашала своего императора, их сменилось трое — Гальба, Отон и Вителлий. К концу года, одержав верх над Вителлием, к власти пришел Веспасиан Флавий, опытный военачальник, командовавший армией в Иудее, где было поднято восстание против римлян. На римском престоле на двадцать семь лет укрепилась династия Флавиев. О правлении последнего представителя этой династии, Домициана, сменившего на престоле своего отца Веспасиана и старшего брата Тита, повествует Светоний.

Итак, если следовать хронологии событий, собранные здесь произведения расположились бы в таком порядке: Тит Ливий (кн. I, XXI); Аппиан (кн. I); Саллюстий «О заговоре Катилины» и Светоний «Божественный Юлий»; Светоний «Божественный Август»; Тацит «Анналы» (кн. I, II) и «История» (кн. I, II) и, наконец, «Домициан» Светония.

* * *

Перед нами труды историков античности. И, быть может, в ком-то знакомство с ними пробудит желание узнать поближе те далекие времена, другой ограничится знакомством поверхностным. Один задумается о причинах или станет искать аналогий, иной будет наслаждаться мастерством рассказчиков, а кого-то взволнуют проблемы нравственные, но равнодушных, думается, не будет. Познавательное и художественное, развлекательное и поучительное слиты здесь в единое и гармоническое целое. В этом залог вечной молодости древних авторов.

М. ТОМАШЕВСКАЯ

ГЕРОДОТ

ИСТОРИЯ

КНИГА ПЕРВАЯ

КЛИО

ГЕРОДОТ из Галикарнасса собрал и записал эти сведения, чтобы прошедшие события с течением времени не пришли в забвение и великие и удивления достойные деяния как эллинов, так и варваров не остались в безвестности, в особенности же то, почему они вели войны друг с другом.

1. По словам сведущих среди персов людей, виновниками раздоров между эллинами и варварами были финикияне. Последние прибыли от так называемого Красного моря к Нашему морю и поселились в стране, где и теперь еще живут. Финикияне тотчас же пустились в дальние морские путешествия. Перевозя египетские и ассирийские товары во многие страны, они, между прочим, прибыли и в Аргос. Аргос же в те времена был самым значительным городом в стране, которая теперь называется Элладой. Когда финикияне прибыли как раз в упомянутый Аргос, то выставили свой товар на продажу. На пятый или шестой день по их прибытии, когда почти все товары уже были распроданы, на берег моря среди многих других женщин пришла и царская дочь. Ее имя было Ио, дочь Инаха; так же называют ее и эллины. Женщины стояли на корме корабля и покупали наиболее приглянувшиеся им товары. Тогда финикияне по данному знаку набросились на женщин. Бóльшая часть женщин, впрочем, спаслась бегством, Ио же с несколькими другими они успели захватить. Финикияне втащили женщин на корабль и затем поспешно отплыли в Египет.

2. Так-то, говорят персы, Ио попала в Египет. Эллины же передают это иначе. Событие это послужило первой причиной вражды. Затем, рассказывают они далее, какие-то эллины (имя они не могут назвать) прибыли в Тир Финикийский и похитили царскую дочь Европу. Должно быть, это были критяне. Этим они только отплатили финикиянам за их проступок. Потом эллины все-таки снова нанесли обиду варварам.

На военном корабле они прибыли в Эю в Колхиде и к устью реки Фасиса. Завершив там все дела, ради которых прибыли, эллины затем похитили царскую дочь Медею. Царь колхов отправил тогда в Элладу посланца с требованием пени за похищенную и возвращения дочери. Эллины, однако, дали такой ответ: так как они сами не получили пени за похищение аргивянки Ио, то и царю ничего не дадут.

3. Затем в следующем поколении, говорят они, Александр, сын Приама, который слышал об этом похищении, пожелал умыканием добыть для себя женщину из Эллады. Он был твердо уверен, что не понесет наказания, так как и эллины тогда ничем не поплатились. После того как Александр таким образом похитил Елену, эллины сначала решили отправить посланцев, чтобы возвратить Елену и потребовать пени за похищение. Троянцы же в ответ бросили им упрек в похищении Медеи. Тогда ведь, говорили они, сами эллины не дали никакой пени и не возвратили Медеи, а теперь вот требуют пени от других.

4. До сих пор происходили только временные похищения женщин. Что же до последующего времени, то несомненно тяжкая вина лежит на эллинах, так как они раньше времени пошли походом в Азию, чем варвары в Европу. Похищение женщин, правда, дело несправедливое, но стараться мстить за похищение, по мнению персов, безрассудно. Во всяком случае мудрым является тот, кто не заботится о похищенных женщинах. Ясно ведь, что женщин не похитили бы, если бы те сами того не хотели. По словам персов, жители Азии вовсе не обращают внимания на похищение женщин, эллины же, напротив, ради женщины из Лакедемона собрали огромное войско, а затем переправились в Азию и сокрушили державу Приама. С этого времени персы всегда признавали эллинов своими врагами. Ведь персы считают Азию и живущие там варварские племена своими, Европа же и Эллада для них — чужая страна.

5. Таков, говорят персы, был ход событий, и взятие Илиона, думают они, послужило причиной вражды к эллинам. О похищении же Ио финикияне рассказывают иначе, чем персы, вот что. Именно, по их словам, они вовсе не увозили Ио насильно в Египет, так как она уже в Аргосе вступила в любовную связь с хозяином корабля. Когда же почувствовала себя беременной, то от стыда перед родителями добровольно уеха-

ла с финикиянами, чтобы скрыть свой позор. Так рассказывают персы и финикияне. Что до меня, то я не берусь утверждать, случилось ли это именно так или как-нибудь иначе. Тем не менее я хочу назвать человека, который, как мне самому известно, положил начало враждебным действиям против эллинов. Затем в продолжение моего рассказа я опишу сходным образом как малые, так и великие людские города. Ведь много когда-то великих городов теперь стали малыми, а те, что в мое время были могущественными, прежде были ничтожными. А так как я знаю, что человеческое счастье изменчиво, то буду одинаково упоминать о судьбе тех и других.

6. Крез, родом лидиец, сын Алиатта, был владыкой народов по эту сторону реки Галиса (Галис течет с юга на север между землями сирийцев и пафлагонцев и впадает в море, называемое Евксинским Понтом). Этот Крез, насколько я знаю, первым из варваров покорив часть эллинов, заставил платить себе дань; с другими же он заключил союзные договоры. Покорил же он ионян, эолийцев и азиатских дорийцев, а с лакедемонянами вступил в союз. Однако до владычества Креза все эллины были свободными. Ведь нашествие киммерийцев, которые еще до времен Креза дошли до Ионии, не было длительным завоеванием, а скорее простым набегом для захвата добычи.

7. Власть, принадлежавшая ранее дому Гераклидов, перешла к роду Креза (этот род зовется Мермнадами). Произошло это таким образом: Кандавл, которого эллины называют Мирсилом, был тираном Сард. Он был потомком Алкея, сына Геракла. Первым царем Сард из дома Гераклидов стал Агрон, сын Нина, внук Бела, правнук Алкея. Кандавл же, сын Мирса, был их последним царем. Цари, управлявшие этой страной до Агрона, были потомками Лида, сына Атиса, того лидийца, от которого весь нынешний народ (прежде называемый меонами) получил имя лидийцев. От них, по предсказанию оракула, получили власть Гераклиды. Последние вели свой род от Геракла и рабыни Иардана и правили в течение 22 людских поколений, 505 лет, причем всегда сын у них наследовал власть от отца вплоть до Кандавла, сын Мирса.

8. Этот Кандавл был очень влюблен в свою жену и, как влюбленный, считал, что обладает самой красивой женщиной на свете. Был у него среди телохранителей некий Гигес, сын Даскила, которого он особенно це-

нил. Этому-то Гигесу Кандавл доверял самые важные дела и даже расхваливал красоту своей жены. Вскоре после этого (ведь Кандавлу предречен был плохой конец) он обратился к Гигесу с такими словами: «Гигес, ты, кажется, не веришь тому, что я говорил тебе о красоте моей жены (ведь ушам люди доверяют меньше, чем глазам), поэтому постарайся увидать ее обнаженной». Громко вскрикнув от изумления, Гигес отвечал: «Что за неразумные слова, господин, ты говоришь! Ты велишь мне смотреть на обнаженную госпожу? Ведь женщины вместе с одеждой совлекают с себя и стыд! Давно уже люди узнали правила благопристойности и их следует усваивать. Одно из них главное: всякий пусть смотрит только за своим. Я верю, что она красивее всех женщин, но все же прошу: не требуй от меня ничего, противного обычаям».

9. Так говорил Гигес, пытаясь отклонить предложение царя в страхе попасть из-за этого в беду. Кандавл же возразил ему такими словами: «Будь спокоен, Гигес, и не бойся: я сказал это не для того, чтобы испытать тебя, и моя жена тебе также не причинит никакого вреда. Я подстрою сначала все так, что она даже и не заметит, что ты ее увидел. Тебя я поставлю в нашем спальном покое за закрывающейся дверью. За мной войдет туда и жена, чтобы возлечь на ложе. Близко от входа стоит кресло, куда жена, раздеваясь, положит одну за другой свои одежды. И тогда ты сможешь спокойно ею любоваться. Если же она направится от кресла к ложу и повернется к тебе спиной, то постарайся выйти через дверь, чтобы она тебя не увидела».

10. Тогда Гигес уже не мог уклониться от такого предложения и выразил свою готовность. Когда Кандавл решил, что настала пора идти ко сну, то провел Гигеса в спальный покой, куда затем тотчас же пришла и жена. И Гигес любовался, как она вошла и сняла одежды. Как только женщина повернулась к нему спиной, Гигес постарался, незаметно ускользнув, выйти из покоя. Тем не менее женщина видела, как он выходил. Хотя она поняла, что все это подстроено ее мужем, но не закричала от стыда, а, напротив, показала вид, будто ничего не заметила, в душе же решила отомстить Кандавлу. Ведь у лидийцев и у всех прочих варваров считается великим позором, даже если и мужчину увидят нагим.

11. Как ни в чем не бывало женщина хранила пока что молчание. Но лишь только наступил день, она ве-

лела своим самым преданным слугам быть готовыми и позвать к ней Гигеса. Гигес же пришел на зов, уверенный, что ей ничего не известно о происшествии, так как и прежде он обычно приходил всякий раз, как царица его призывала к себе. Когда Гигес предстал перед ней, женщина обратилась к нему с такими словами: «Гигес, перед тобой теперь два пути; даю тебе выбор, каким ты пожелаешь идти. Или ты убьешь Кандавла и, взяв меня в жены, станешь царем лидийцев, или сейчас же умрешь, для того чтобы ты, как верный друг Кандавла, и в другое время не увидел, что тебе не подобает. Так вот, один из вас должен умереть: или он, соблазнивший тебя на этот поступок, или ты, который совершил непристойность, увидев мою наготу». Пораженный ее словами, Гигес сначала не знал, что ответить, а затем стал молить царицу не вынуждать его к такому страшному выбору. Гигесу не удалось все же убедить ее. Тогда, видя, что выбор неизбежен — или убить своего господина, или самому пасть от руки палачей,— он избрал себе жизнь и обратился к царице с таким вопросом: «Так как ты заставляешь меня против воли убить моего господина, то скажи же, как мы с ним покончим?» На это царица дала такой ответ: «Мы нападем на него на том самом месте, откуда он показал тебе меня обнаженной, и ты убьешь его во время сна».

12. Обдумав совместно этот коварный план, Гигес с наступлением ночи проник в спальный покой вслед за женщиной (ведь она не отпускала Гигеса; выход ему был отрезан, и предстояло или самому умереть, или умертвить Кандавла). Тогда царица дала ему кинжал и спрятала за той же дверью. Когда же Кандавл заснул, Гигес, крадучись, пробрался к нему и, заколов его, овладел таким образом его женой и царством. Об этом рассказывает также Архилох из Пароса, который жил в то время, в ямбическом триметре.

13. Так-то Гигес овладел царством, и дельфийский оракул подтвердил его право на престол изречением. Лидийцы же после убиения Кандавла в негодовании взялись за оружие, но приверженцы Гигеса договорились с остальными лидийцами о том, что Гигес останется их царем, если только оракул признает его. Оракул же изрек признание, и таким образом Гигес стал царем. Впрочем, Пифия добавила еще и такое изречение: Гераклиды получат возмездие в пятом потомке

Гигеса. Однако лидийцы и их царь вовсе не придали значения этому оракулу, пока он не исполнился.

14. Так Мермнады завладели царской властью, которую они отняли у Гераклидов. Гигес же, вступив на престол, отослал в Дельфы немалое число посвятительных даров (большинство серебряных вещей в Дельфы посвятил он). А кроме серебра, он посвятил еще несметное количество золота; среди прочих вещей, достойных упоминания, там 6 золотых кратеров весом в 30 талантов. Стоят они в сокровищнице коринфян. В действительности же это не сокровищница государства коринфян, а Кипсела, сына Эетиона. Этот Гигес был, насколько я знаю, первым из варваров (после Мидаса, сына Гордия, царя Фригии), который посвятил дары в Дельфы. Ведь Мидас также принес дары, именно свой царский трон, восседая на котором он творил суд. Этот достопримечательный трон стоит на том же месте, где и Гигесовы кратеры. А эти золотые и серебряные сосуды, посвященные Гигесом, дельфийцы называют Гигадами, по имени посвятителя. После воцарения Гигес выступил походом на Милет и Смирну и завоевал город Колофон. Впрочем, за свое 38-летнее царствование Гигес не совершил ничего великого, и так как мы уже много рассказали о нем, то можем теперь перейти к его потомкам.

15. Я упомяну Ардиса, сына Гигеса, который царствовал после него. Ардис завоевал Приену и пошел войной на Милет. В его правлении в Сардах киммерийцы, изгнанные из своих обычных мест обитания скифами-кочевниками, проникли в Азию и захватили Сарды (кроме акрополя).

16. После 49-летнего царствования Ардиса престол перешел по наследству к его сыну Садиатту, который царствовал 12 лет. Садиатту же наследовал Алиатт. Последний начал войну с Киаксаром (внуком Деиока) и с мидийцами. Затем он изгнал киммерийцев из Азии, завоевал Смирну, колонию Колофона, и пошел войной на Клазомены. От Клазомен ему пришлось вернуться не так, как он бы хотел, но с большим уроном.

17. Из других деяний его царствования вот наиболее достойные упоминания. Продолжая войну, начатую еще его отцом, он воевал с милетянами. Выступив в поход, он действовал при осаде Милета так. Он начинал поход с войском против Милета в пору созревания хлеба на полях. Шел он под звуки свирелей, пек-

тид и мужских и женских флейт. Прибыв в землю милетян, он не стал разрушать и сжигать дома на полях и взламывать двери, но оставлял в неприкосновенности. Только деревья он срубил и уничтожил хлеб на полях, а затем возвратился домой. Осаждать город было бесполезно, так как милетяне господствовали на море. Дома же лидийский царь не разрушал для того, чтобы милетяне могли, живя в них, оттуда снова засеять и вспахать свои поля и чтобы сам он, когда они вновь обработают землю, мог при следующем набеге опять опустошить их.

18. Так вел войну лидийский царь одиннадцать лет подряд. За эти годы милетяне дважды понесли большие поражения: на их собственной земле при Лимнее и в долине Меандра. Шесть из этих одиннадцати лет относятся еще к эпохе правления над лидийцами Садиатта, сына Ардиса, который в это время воевал с милетянами (ведь это Садиатт начал войну). Пять последних лет войну вел Алиатт, сын Садиатта, который, как я упомянул выше, приняв ее от отца, ревностно продолжал. Милетянам в этой войне не помогал ни один ионийский город, кроме одних хиосцев, которые в отплату пришли им на помощь. Прежде ведь милетяне вели войну вместе с хиосцами против эрифрейцев.

19. Когда же на двенадцатый год войны войско лидийцев вновь сожгло нивы, произошло вот что. Лишь только запылали нивы, огонь, подхваченный ветром, перекинулся на храм Афины по прозвищу Ассесии. Объятый пламенем, храм сгорел. Сначала лидийцы этому событию не придали никакого значения. По возвращении же войска в Сарды Алиатт занемог. Болезнь между тем затянулась, и царь отправил послов в Дельфы — посоветовал ли ему кто-нибудь или же сам он решил — вопросить оракула о болезни. По прибытии послов в Дельфы Пифия дала ответ, что бог не даст им прорицания, пока они не восстановят сожженный храм Афины, что у Ассеса в земле милетян.

20. Такой рассказ я сам слышал в Дельфах. Милетяне же добавляют к этому еще вот что. Периандр, сын Кипсела, близкий друг Фрасибула, тогдашнего тирана Милета, узнал о данном Алиатту оракуле. Он послал к Фрасибулу вестника с сообщением об оракуле, чтобы тот заранее принял свои меры. Так передают милетяне.

21. Алиатт же, говорят милетяне, получив ответ Пифии, тотчас послал глашатая в Милет заключить перемирие с Фрасибулом и милетянами на время, пока он не отстроит храма. Так вот, царский глашатай прибыл в Милет. Фрасибул же, заранее уведомленный обо всем и зная намерения Алиатта, придумал такую хитрость. Он приказал весь хлеб, что был в городе (и его собственный, и отдельных граждан), снести на рыночную площадь и велел милетянам по данному знаку начинать веселые пирушки с песнями.

22. А это Фрасибул сделал и отдал такое приказание для того, чтобы глашатай из Сард, увидев огромные кучи хлеба, наваленные на площади, и людей, живущих в свое удовольствие, сообщил об этом Алиатту. Так действительно и случилось. Вестник увидел все это и затем, передав поручение лидийского царя Фрасибулу, возвратился в Сарды. И, как я узнал, мир был заключен не по какой-либо иной причине, а только из-за его сообщения. Алиатт ведь рассчитывал на то, что в Милете сильный голод и что измученный народ дошел до предела несчастья. Теперь же он услышал по возвращении глашатая из Милета сообщение, прямо противоположное тому, что он ожидал. После этого был заключен мир, по которому они вступили в дружбу и союз друг с другом. Алиатт же воздвиг в Ассесе вместо одного храма Афине два и исцелился от своего недуга. Так обстояло у Алиатта с войной против милетян и Фрасибула.

23. Периандр, который сообщил Фрасибулу упомянутое изречение оракула, был сыном Кипсела. Периандр был тираном Коринфа. С ним-то, как говорят коринфяне (и этот рассказ подтверждают также лесбосцы), приключилось в жизни величайшее диво. Арион из Мефимны был вынесен на дельфине из моря у Тенара. Это был несравненный кифаред своего времени и, насколько я знаю, первым стал сочинять дифирамб, дал ему имя и обучил хор для постановки в Коринфе.

24. Этот-то Арион бóльшую часть времени своей жизни провел у Периандра и затем решил отплыть в Италию и Сикелию. Там он нажил великое богатство, потом пожелал возвратиться назад в Коринф. Он отправился в путь из Таранта и, так как никому не доверял больше коринфян, нанял корабль у коринфских мореходов. А корабельщики задумали [злое дело]: в открытом море выбросить Ариона в море и завладеть его сокровищами. Арион же, догадавшись об их умысле,

стал умолять сохранить ему жизнь, предлагая отдать все свои сокровища. Однако ему не удалось смягчить корабельщиков. Они велели Ариону либо самому лишить себя жизни, чтобы быть погребенным в земле, либо сейчас же броситься в море. В таком отчаянном положении Арион все же упросил корабельщиков (раз уж таково их решение) по крайней мере позволить ему спеть в полном наряде певца, став на скамью гребцов. Он обещал, что, пропев свою песнь, сам лишит себя жизни. Тогда корабельщики перешли с кормы на середину корабля, радуясь, что им предстоит услышать лучшего певца на свете. Арион же, облачась в полный наряд певца, взял кифару и, стоя на корме, исполнил торжественную песнь. Окончив песнь, он, как был во всем наряде, ринулся в море. Между тем корабельщики отплыли в Коринф, Ариона же, как рассказывают, подхватил на спину дельфин и вынес к Тенару. Арион вышел на берег и в своем наряде певца отправился в Коринф. По прибытии туда он рассказал все, что с ним случилось. Периандр же не поверил рассказу и велел заключить Ариона под стражу и никуда не выпускать, а за корабельщиками внимательно следить. Когда же те прибыли в Коринф, Периандр призвал их к себе и спросил, что́ им известно об Арионе. Корабельщики отвечали, что Арион живет и здравствует где-то в Италии и они-де оставили его в Таранте в полном благополучии. Тогда внезапно появился Арион в том самом одеянии, в каком он бросился в море. Пораженные корабельщики не могли уже отрицать своей вины, так как были уличены. Так рассказывают коринфяне и лесбосцы. А на Тенаре есть небольшая медная статуя — жертвенный дар Ариона, изображающая человека на дельфине.

25. По окончании войны с милетянами лидиец Алиатт скончался. Царствовал он 57 лет. Исцелившись от своего недуга, царь (вторым из этого царского дома) принес посвятительные дары в Дельфы: большую серебряную чашу для смешивания вина с водой на железной инкрустированной подставке — одно из самых замечательных приношений в Дельфах работы Главка хиосца (он первый из людей изобрел искусство инкрустировать железо).

26. После кончины Алиатта царство перешло к его сыну Крезу, которому было тогда 35 лет от роду. Первым эллинским городом, на который он напал, был Эфес. Когда Крез осадил Эфес, эфесцы посвятили свой го-

род Артемиде и протянули канат от храма богини к городской стене. Расстояние же между старым городом, который был тогда осажден, и храмом было 7 стадий. Так вот, Крез сначала выступил в поход на эфесцев, а затем по очереди на всех ионян и эолийцев. При этом царь выставлял каждый раз все новые поводы для нападения. Если можно было подыскать важную причину, то выдвигал и более серьезные обвинения, в других же случаях довольствовался даже ничтожными поводами.

27. Покорив азиатских эллинов, Крез заставил их платить дань. Затем он задумал построить флот и напасть на островитян. Когда все уже было готово для постройки кораблей, прибыл в Сарды Биант из Приены (другие же говорят, что Питтак из Митилены). Крез спросил пришельца: «Что нового в Элладе?». А тот ответил вот что (чем и отклонил Креза от постройки кораблей): «О царь! Островитяне закупают множество коней, собираясь в поход на Сарды против тебя». Крез думал, что Биант говорит правду, и сказал ему: «О если бы боги только внушили островитянам эту мысль идти на конях против сынов-лидийцев». Биант же, прервав его, сказал: «Царь! Ты, конечно, страстно желаешь, чтобы островитяне со своей конницей попали в твои руки на материке, и к этому у тебя есть все основания. Что же, ты думаешь, желают островитяне, узнав, что ты намерен построить флот против них? Ничего другого, как захватить лидийцев на море и отомстить за порабощение материковых эллинов». Эти слова очень обрадовали Креза. Он нашел заключение вполне правильным и велел прекратить постройку флота. Так-то Крез вступил в дружбу с ионийскими островитянами.

28. С течением времени Крезу удалось подчинить почти все народности по сю сторону реки Галиса, потому что все остальные, кроме киликийцев и ликийцев, были подвластны Крезу. Вот имена этих народностей: лидийцы, фригийцы, мисийцы, мариандины, халибы, пафлагонцы, фракийцы в Финии и Вифинии, карийцы, ионяне, дорийцы, эолийцы и памфилы.

29. После того как Крез покорил все эти народности и присоединил их к лидийскому царству, в богатые и могущественные Сарды стали стекаться все жившие тогда в Элладе мудрецы (каждый из них — по самым различным побуждениям). Прибыл, между прочим, и афинянин Солон, который дал афинянам по их же-

ланию законы и затем на десять лет уехал из страны. Отплыл Солон якобы с целью повидать свет, а на самом деле для того, чтобы его не вынудили изменить законы. Ведь сами афиняне, связанные торжественными клятвами десять лет хранить данные Солоном законы, не могли их изменить.

30. По этой-то причине, а быть может, и для того, чтобы повидать чужие страны, Солон уехал в Египет к Амасису, а затем — в Сарды к Крезу. В Сардах Крез оказал Солону радушный прием в своем дворце. А потом на третий или четвертый день слуги по приказанию Креза провели гостя по царским сокровищницам и показали ему все огромные царские богатства. После осмотра и любования всем, что заинтересовало гостя, Крез обратился к Солону с таким вопросом: «Гость из Афин! Мы много уже наслышаны о твоей мудрости и странствованиях, именно, что ты из любви к мудрости и чтобы повидать свет объездил много стран. Теперь я хочу спросить тебя: „Встретил ли ты уже счастливейшего человека на свете?"» Царь задал этот вопрос в надежде, что гость объявит его самого счастливейшим человеком. Солон же нисколько не желал льстить Крезу и сказал правду: «Да, царь, я видел самого счастливого человека. Это — афинянин Телл». Крез очень удивился такому ответу и с нетерпением спросил: «Почему это ты считаешь Телла самым счастливым?» Солон ответил: «Этот Телл жил в цветущее время родного города, у него были прекрасные и благородные сыновья, и ему довелось увидеть, как у всех них также родились и остались в живых дети. Это был, по нашим понятиям, зажиточный человек. К тому же ему была суждена славная кончина. Во время войны афинян с соседями он выступил в поход и при Элевсине обратил врагов в бегство, но и сам пал доблестной смертью. Афиняне же устроили ему погребение на государственный счет на месте гибели, оказав этим высокую честь».

31. Рассказ Солона о великом счастье Телла возбудил дальнейшее любопытство Креза, и царь спросил его: «Кто же самый счастливый после Телла?», совершенно уверенный, что уж по крайней мере на втором месте Солон укажет его. Но Солон сказал: «После Телла самые счастливые — Клеобис и Битон. Родом из Аргоса, они имели достаточно средств к жизни и к тому же отличались большой телесной силой. Помимо того, что оба они были победителями на атлетических состяза-

ниях, о них рассказывают еще вот что: у аргосцев есть празднество в честь Геры Аргосской. Их мать [жрицу богини] нужно было обязательно привезти на повозке в святилище богини. Однако быки их не успели вернуться с поля. Медлить было нельзя, и юноши сами впряглись в ярмо и потащили повозку, в которой ехала их мать. 45 стадий пробежали они и прибыли в святилище. После этого подвига, совершенного на глазах у всего собравшегося на праздник народа, им суждена была прекрасная кончина. И божество дало ясно этим понять, что смерть для людей лучше, чем жизнь. Аргосцы, обступив юношей, восхваляли их силу, а женщины — их мать за то, что она обрела таких сыновей. Мать же, возрадовавшись подвигу сыновей и народной молве о них, стала перед кумиром богини и молилась даровать ее сыновьям Клеобису и Битону, оказавшим ей столь великий почет, высшее благо, доступное людям. После этой молитвы и жертвоприношения и пиршества юноши заснули в самом святилище и уже больше не вставали, но нашли там свою кончину. Аргосцы же велели поставить юношам статуи и посвятить в Дельфы за то, что они проявили высшую доблесть».

32. Когда Солон объявил этих юношей на втором месте по счастью, Крез в гневе сказал ему: «Гость из Афин! А мое счастье ты так ни во что не ставишь, что даже не считаешь меня наравне с этими простыми людьми?» Солон отвечал: «Крез! Меня ли, который знает, что всякое божество завистливо и вызывает у людей тревоги, ты спрашиваешь о человеческой жизни? За долгую жизнь много можно увидеть и многое пережить. Пределом человеческой жизни я считаю 70 лет. Эти 70 лет составляют 25200 дней без вставного месяца. Но если к каждому второму году прибавлять еще по месяцу, чтобы времена года [в соответствии с календарными месяцами] наступали в свое надлежащее время, то за 70 лет вставных месяцев наберется 35, а дней получается из этих месяцев 1050. И из всех дней, приходящихся на 70 лет, т. е. из 26250 дней, нет ни одного совершенно похожего на другой: каждый день несет новые события. Итак, Крез, человек — лишь игралище случая. Я вижу, что ты владеешь великими богатствами и повелеваешь множеством людей, но на вопрос о твоем счастье я не умею ответить, пока не узнаю, что жизнь твоя окончилась благополучно. Ведь обладатель сокровищ не счастливее [человека], име-

ющего лишь дневное пропитание, если только счастье не сопутствует ему и он до конца жизни не сохранит своего богатства. Поэтому многие даже очень богатые люди, несмотря на их богатство, несчастливы, и, наоборот, много людей умеренного достатка счастливы. Богатый, но несчастливый человек имеет лишь два преимущества перед счастливцем умеренного достатка, а этот последний превосходит его во многом: один в состоянии легче удовлетворять свои страсти и скорее перенесет тяжкие удары судьбы, а другой хотя и не может одинаково с ним терпеть невзгоды, но все же превосходит его в следующем: именно, что счастье оберегает его, так как он человек, лишенный телесных недостатков, и недугов, беспорочный, счастливый в своих детях и благообразный. Если же, кроме того, ему еще предназначена судьбой блаженная кончина, то это и есть тот, о ком ты спрашиваешь,— человек, достойный именоваться блаженным. Но пока человек не умрет, воздержись называть его блаженным, но [называй его] лучше удачливым. Однако одному человеку получить все эти блага зараз невозможно: так же как и никакая земля не производит всего, что необходимо, но одна — только одно, а другая — другое; самая же лучшая земля — это та, что обладает наибольшими благами. Так и ни одно человеческое тело не производит все из себя, потому что одно [достоинство] у нас есть, а другого не хватает. Но тот, что постоянно обладает наибольшим количеством благ и затем счастливо окончит жизнь, тот, царь, в моих глазах, вправе называться счастливым. Впрочем, во всяком деле нужно иметь в виду его исход, чем оно кончится. Ведь уже многим божество [на миг] даровало блаженство, а затем окончательно их погубило».

33. Эти слова Солона были, как я думаю, не по душе Крезу, и царь отпустил афинского мудреца, не обратив на его слова ни малейшего внимания. Крез счел Солона совершенно глупым человеком, который, пренебрегая счастьем настоящего момента, всегда советует ждать исхода всякого дела.

34. Вскоре после отъезда Солона страшная кара божества постигла Креза, вероятно, за то, что тот считал себя самым счастливым из смертных. Крез заснул, и тотчас предстало ему сновидение, которое провозвестило беду его сыну. А было у Креза два сына: один из них был калека, глухонемой; другой же по имени Атис далеко превосходил своих сверстников [добле-

стью]. Сновидение предсказало Крезу, что Атис погибнет, пораженный насмерть железным копьем. Когда Крез, пробудившись, пришел в себя, то в ужасе от сновидения решил, женив сына, впредь никогда больше не отпускать в поход, хотя обычно на войне тот был во главе лидийцев. Царь приказал также вынести из мужского покоя дротики, копья и другое подобное оружие и сложить во внутренних женских покоях, чтобы никакое висящее [на стене] оружие не упало на сына.

35. Когда Крез был занят свадьбой сына, прибыл в Сарды некий фригиец царского рода. Его постигла страшная беда; а именно он запятнал себя кровопролитием. Пришелец явился во дворец Кре́за и просил очистить его [от скверны] по местному обычаю очистительным обрядом. И Крез очистил его. Этот очистительный обряд у лидийцев такой же, как у эллинов. После очищения Крез спросил чужестранца, кто он и откуда, сказав: «Чужестранец! Кто ты и из какого места Фригии пришел искать защиты к моему очагу? Кого убил ты, мужчину или женщину?» А тот отвечал: «Царь! Я — сын Гордия, сына Мидаса, а зовут меня Адрастом. Я нечаянно убил своего брата; мой отец изгнал меня, и вот теперь я прихожу к тебе лишенный всего». А Крез отвечал ему так: «Ты — потомок друзей и пришел к друзьям. Оставайся у нас, и у тебя не будет ни в чем нужды. И чем легче ты будешь переносить твое несчастье, тем будет лучше для тебя». Так-то чужеземец остался жить во дворце Креза.

36. В то время на Мисийском Олимпе обитал огромный вепрь. Он спустился с этой горы и опустошал нивы мисийцев. Мисийцы то и дело устраивали охоту на зверя, но не могли причинить ему вреда, и им самим даже приходилось еще терпеть от него. Наконец, к Крезу пришли вестники от мисийцев и сказали так: «Царь! В нашей земле появился огромный вепрь, который опустошает наши нивы. При всем старании мы не можем его поймать. Поэтому просим послать твоего сына к нам с отборным отрядом воинов и сворой собак и избавить нашу землю от этой напасти». Так они просили, а Крез, помня о вещем сне, ответил им: «О сыне моем вы и не помышляйте: я не могу отпустить его с вами, он ведь новобрачный и теперь у него медовый месяц. Но все же я отправлю с вами отборный отряд лидийцев со сворой охотничьих собак и велю им постараться избавить вашу землю от этого зверя».

37. Так отвечал им Крез, и мисийцы остались довольны. Тогда пришел сын Креза, услышав о просьбе мисийцев. Когда царь отказался отпустить сына, то юноша сказал отцу так: «Отец! Самым высшим и благородным удовольствием прежде было для меня и для тебя отличиться в походе или на охоте. А теперь ты запрещаешь мне и то и другое, хотя никогда ты не замечал во мне ни трусости, ни малодушия. Какими глазами будут глядеть на меня люди, когда я пойду в народное собрание и оттуда домой? Что подумают обо мне сограждане и что станет думать моя молодая жена о человеке, с которым ей предстоит жить? Поэтому или позволь мне идти на охоту, или по крайней мере приведи разумные доводы, что так поступить будет действительно лучше для меня». Крез же отвечал сыну так.

38. «Сын мой! Я поступаю так не оттого, что заметил за тобой трусость или какой-либо другой неблаговидный поступок. Явилось мне сновидение и предрекло, что ты будешь недолговечен и погибнешь от железного копья. Из-за этого-то сновидения я и поспешил с твоей свадьбой и теперь запрещаю тебе участвовать в подобных предприятиях, чтобы избавить тебя от таких опасностей, по крайней мере [хоть на время], пока я жив. Ведь ты у меня единственный сын (второго сына, глухонемого калеку, я не считаю)».

39. Юноша же отвечал: «Я не хочу, отец, винить тебя, что ты из-за этого видения оберегаешь меня. Но ты неверно понял сон, и я должен тебе объяснить его. Ты говоришь, что сновидение предсказало тебе мою кончину от железного копья. А разве у вепря есть руки или железное копье, которое тебя страшит? Ведь если бы было предсказано,— что я погибну от клыков вепря или от чего-либо подобного, тогда ты поступал бы правильно. Но сновидение говорит — от копья. И так как мы теперь идем не против людей, то отпусти меня!»

40. Крез отвечал: «Сын мой! Твои слова о сновидении меня как-то убедили, и я отпускаю тебя на охоту».

41. Затем царь велел призвать фригийца Адраста и сказал ему так: «Адраст! Я очистил тебя от тяжкой беды, в которую ты попал, за что я не упрекаю тебя, принял в свой дом и обеспечил всем необходимым. Поэтому твой долг отплатить мне добром за добро, которое я тебе сделал. Я прошу тебя ныне быть стражем моего сына, который отправляется на охоту, чтобы разбойники внезапно по дороге не напали на погибель

вам. Кроме того, тебе также следует отправиться в этот поход, чтобы добыть себе славу. Ведь у тебя жажда славы от предков, и к тому же ты полон юношеской силы».

42. Адраст отвечал: «Царь! При других обстоятельствах я не стал бы участвовать в таком трудном предприятии. Ведь мне, испытавшему столь ужасное несчастье, не подобает искать общения с счастливыми сверстниками. У меня нет даже стремления к этому, и я по разным соображениям удерживал себя от такого общения. А теперь, раз уж ты настаиваешь и мне приходится тебе угождать (ведь мой долг отплатить тебе за добро), я готов сделать это. Сын твой, которого ты доверяешь мне охранять, возвратится к тебе здравым и невредимым, поскольку это зависит от меня как защитника».

43. После этого они выступили на охоту с отборными воинами и сворами [охотничьих] псов. Прибыв к горе Олимпу, охотники принялись выслеживать зверя. Найдя затем вепря, они окружили его и стали метать свои дротики. Тут метнул копье в вепря и чужеземец Адраст, который только что был очищен от пролития крови, но промахнулся и попал в Крезова сына. Юноша был поражен копьем: так-то исполнилось пророчество вещего сна. Тотчас же был послан вестник в Сарды сообщить Крезу о случившемся, и по прибытии в Сарды он рассказал царю о борьбе с вепрем и об участи сына.

44. А Крез был глубоко опечален смертью сына. Особенно же горько было царю то, что сына убил именно тот человек, кого он сам очистил от пролития крови. Подавленный горем, царь стал призывать Зевса Катарсия в свидетели причиненного ему чужеземцем страдания. Он взывал также к Зевсу Эфестию и Зевсу Этерию (Крез призывал одного и того же бога, именуя его то Эфестием, потому что принял в свой дом чужеземца, не подозревая в нем убийцу своего сына, то Этерием, потому что тот, кого он поставил стражем сына, оказался злейшим врагом).

45. Затем прибыли лидийцы с телом покойного сына Креза. За ними последним шел убийца. Адраст остановился перед телом и отдал себя во власть Креза. Простирая вперед руки, он требовал заколоть его как жертву над телом покойного. По его словам, после первой своей беды теперь, когда он погубил еще и сына своего очистителя, жизнь ему стала больше невы-

носимой. Крез услышал это и почувствовал жалость к Адрасту, хотя его собственное горе было тяжело. Он сказал ему: «Чужеземец! Я получил от тебя полное удовлетворение: ведь ты сам осуждаешь себя на смерть. Не ты виноват в моем несчастьи, поскольку ты невольный убийца, а какой-то бог, который давно уже предвозвестил мне определенное роком». Затем Крез предал тело своего сына погребению по местным обычаям. Адраст же, сын Гордия, внук Мидаса, убийца собственного брата и затем убийца [сына] своего очистителя, когда [близкие покойного разошлись] и у могилы воцарилось спокойствие, заколол себя на могильном кургане: он чувствовал себя самым несчастным из всех людей, которых ему пришлось знать.

46. Два года Крез глубоко скорбел, опечаленный потерей сына. После этого Кир, сын Камбиса, сокрушил царство Астиага, сына Киаксара. Возвышение персидской державы положило конец печали Креза и внушило ему тревожные думы, нельзя ли как-нибудь сломить растущую мощь персов, пока они не стали слишком могущественны. Для этого Крез тотчас стал испытывать оракулы в Элладе и Ливии, рассылая послов по разным местам. Одних он отправил в Дельфы, других в Абы, что в Фокиде, третьих в Додону; иные были посланы также к Амфиараю и к Трофонию и, наконец, в Бранхиды в Милетской области. Это были эллинские прорицалища, куда Крез послал вопросить оракулов. Впрочем, он отправил послов также к оракулу Аммона в Ливии. Царь хотел сначала испытать проницательность оракулов. Затем если обнаружится их правдивость, то полагал снова отправить послов с вопросом: «Идти ли мне войной на персов?»

47. Итак, царь послал лидийцев для испытания оракулов с таким приказанием: со дня отправления из Сард они должны отсчитывать время и на сотый день вопросить оракулы: «Что теперь делает царь лидийцев Крез, сын Алиатта?» Ответы каждого оракула на этот вопрос послы должны записать и доставить ему. Об ответах прочих оракулов ничего не сообщается. По прибытии же лидийцев в Дельфы они вступили в священный покой, чтобы вопросить бога о том, что им было велено. А Пифия изрекла им такой ответ стихами, в шестистопном размере:

Числю морские песчинки и ведаю моря просторы,
Внятен глухого язык и слышны мне речи немого.
В грудь мою запах проник облаченной в доспех черепахи,

В медном варимой котле меж кусками бараньего мяса. Медь распростерта под ней и медною ризой покрыта.

48. Это изречение Пифии лидийцы записали и затем возвратились в Сарды. Когда же прибыли и остальные послы с изречениями оракулов, Крез развернул свитки и стал читать. Ни одно прорицание, однако, не удовлетворило царя, и только, услышав ответ дельфийского оракула, Крез отнесся к нему с благоговейным доверием. По словам царя, единственно правдивый оракул — это дельфийский, так как он угадал, чем он, Крез, был занят тогда один, без свидетелей. Отправив послов к оракулам, царь выждал назначенный день и замыслил вот что (его выдумку никак нельзя было открыть или о ней догадаться). Он разрубил черепаху и ягненка и сам сварил их вместе в медном котле, а котел накрыл медной крышкой.

49. Таково было дельфийское прорицание Крезу. Что до ответа оракула Амфиарая, то я не могу сказать, что́ именно изрек лидийцам этот оракул, когда те прибыли к его святилищу и по обычаю вопросили (об этом ведь ничего не сообщается). Мне известно только, что Крез признал правдивым прорицание и этого оракула.

50. После этого Крез стал умилостивлять дельфийского бога пышными жертвами. Так, он приказал принести в жертву 3000 голов отборного скота каждой породы и затем, воздвигнув огромный костер, сжечь на нем выложенные золотом и серебром ложа, серебряные чаши и пурпурные одежды. Этим царь надеялся добиться больше милостей у бога. [На этом костре] царь также повелел всем лидийцам приносить жертвы из своего имущества. Затем Крез приказал переплавить несметное количество золота и изготовить из него слитки [в виде] полукирпичей, 6 ладоней в длину, шириной в 3 ладони, высотой же в 1 ладонь. [Общее] число полукирпичей было 117; из них 4 — из чистого золота, весом $2^1/_2$ таланта каждый; другие полукирпичи — из сплава с серебром, весом 2 таланта. После этого царь велел отлить из чистого золота статую льва весом в 10 талантов. Впоследствии во время пожара святилища в Дельфах лев этот упал с [подставки из] полукирпичей, на которых он был установлен. И поныне еще стоит этот лев в сокровищнице коринфян, но вес его теперь только $6^1/_2$ талантов, так как $3^1/_2$ таланта расплавились при плавке.

51. После изготовления Крез отослал эти предметы в Дельфы и вместе еще несколько других, а именно: две огромные чаши для смешивания вина — золотую и серебряную. Золотая чаша стояла в святилище как войдешь направо, а серебряная — налево. После пожара чаши были также переставлены на другое место. Золотая чаша стоит теперь в сокровищнице клазоменян (вес ее $8^1/_2$ талантов и 12 мин), а серебряная в углу в притворе храма. Вмещает она 600 амфор. Чашу эту дельфийцы наполняют вином с водой на празднике Феофаний. Как утверждают в Дельфах, чаша эта — изделие Феодора из Самоса. И я тоже так думаю, так как она, видимо, на редкость чудесной работы. Потом царь отослал в Дельфы 4 серебряных сосуда, которые стоят [ныне] в сокровищнице коринфян, и 2 кропильницы — золотую и серебряную. На золотой кропильнице начертана надпись, гласящая: «Посвятительный дар лакедемонян». Это, однако, неверно: ведь эти кропильницы — посвятительный дар Креза. Надпись же на ней вырезал какой-то дельфиец, желая угодить лакедемонянам. Я знаю имя этого человека, но не хочу называть. Только [статуя] мальчика, через руку которого течет вода [в кропильницы] — приношение лакедемонян, но ни та, ни другая из кропильниц. Вместе с этими Крез послал много и других даров без надписей. Среди них круглые чаши для возлияний, а также золотая статуя женщины в 3 локтя высотой (по словам дельфийцев, она изображает женщину, выпекавшую царю хлеб). Крез пожертвовал также ожерелья и пояса своей супруги.

52. Эти-то дары Крез послал в Дельфы; Амфиараю же, о деяниях и судьбе которого ему пришлось слышать, царь посвятил в дар щит целиком из золота и копье, древко и наконечник которого были также из чистого золота. Эти оба предмета еще и поныне находятся в Фивах в святилище Аполлона Исмения.

53. Затем Крез повелел лидийцам, отвозившим дары в святилища, вопросить оракулы, следует ли ему идти войной против персов и искать для этого союзников. По прибытии же в святилище послы передали приношения и затем вопросили оракул в таких словах: «Крез, царь лидийцев и других народов, считая, что здесь он получил единственно правдивые на свете прорицания, послал вам эти дары как достойное вознаграждение за то, что вы разгадали его замысел. Теперь царь спрашивает вас: выступать ли ему в поход

на персов и искать ли для этого союзников». Так вопрошали послы, а оба оракула дали одинаковый ответ и объявили Крезу: если царь пойдет войной на персов, то сокрушит великое царство. Оракулы также советовали царю отыскать самый могущественный эллинский город и заключить с ним союз.

54. А Крез, получив прорицания оракулов и узнав их содержание, чрезвычайно обрадовался. Теперь царь твердо уповал, что сокрушит царство Кира. Затем Крез вновь отправил посольство в Пифо с дарами всему дельфийскому народу, узнав его численность: каждый дельфиец получил по 2 золотых статера. За это дельфийцы предоставили Крезу и лидийцам право первыми вопрошать оракул, свободу от пошлин и налогов и почетные места [на Пифийских играх] и, кроме того, каждый лидиец получил еще право гражданства в Дельфах на вечные времена.

55. Одарив дельфийцев, Крез в третий раз обратился к оракулу (ведь царь убедился теперь в правдивости оракула и стал даже слишком часто вопрошать его). На этот раз Крез спросил, долго ли будет существовать его держава. Пифия же изрекла ему вот какой ответ:

> Коль над мидянами мул царем когда-либо станет,
> Ты, нежноногий лидиец, к обильному галькою Герму
> Тут-то бежать торопись, не стыдясь малодушным казаться.

56. Когда эти слова сообщили Крезу, царь весьма обрадовался. Он полагал, что никогда, конечно, вместо человека мул не будет царствовать над мидянами и поэтому власть навсегда останется в его доме. Затем Крез принялся разыскивать самое могущественное эллинское племя, чтобы вступить с ним в союз. Из расспросов же царь узнал, что самые выдающиеся из эллинов — это лакедемоняне и афиняне. Первые — среди дорийского племени, а вторые — среди ионийского. Это были два наиболее значительных тогда эллинских племени. Так, ионяне первоначально были пеласгийского происхождения, а дорийцы — эллинского. Ионийское племя никогда не покидало своей земли, дорийское же — очень долго странствовало. Ибо во времена царя Девкалиона оно обитало в земле Фтиотида, а затем при Доре, сыне Эллина,— у подошвы Оссы и Олимпа, в области под названием Гистиеотида. После изгнания из Гистиеотиды кадмейцами дорийцы поселились у Пидна и назывались теперь македнами.

Отсюда это племя снова переселилось в Дриопиду, а оттуда прежде всего в Пелопоннес, где и приняло имя дорийцев.

57. На каком языке говорили пеласги, я точно сказать не могу. Если же судить по теперешним пеласгам, что живут севернее тирсенов в городе Крестоне (они некогда были соседями племени, которое ныне называется дорийцами, и обитали тогда в стране, теперь именуемой Фессалиотида), и затем — по тем пеласгам, что основали Плакию и Скиллак на Геллеспонте и оказались соседями афинян, а также и по тем другим городам, которые некогда были пеласгическими, а позднее изменили свои названия. Итак, если, скажу я, из этого можно вывести заключение, то пеласги говорили на варварском языке. Если, стало быть, и все пеласгическое племя так говорило, тогда и аттический народ, будучи пеласгическим по происхождению, также должен был изменить свой язык, когда стал частью эллинов. Ведь еще и поныне жители Крестона и Плаки говорят на другом языке, не похожем на язык соседей. Это доказывает, что они еще и теперь сохраняют своеобразные черты языка, который они принесли с собой после переселения в эти края.

58. Что до эллинского племени, то оно, по-моему, с самого начала всегда говорило на одном и том же языке. До своего объединения с пеласгами эллины были немногочисленны. Из такого довольно скромного начала они численно возросли и включили в себя множество племен, главным образом оттого, что к ним присоединились пеласги и много других чужеземных племен. Итак, по крайней мере до соединения с эллинами, как я думаю, племя пеласгов, пока оно было варварским, так никогда и не стало значительной народностью.

59. Из этих двух народов, как я узнал, аттический народ был расколот и подавлен междоусобными смутами. Писистрат, сын Гиппократа, в то время был тираном в Афинах. Этому-то Гиппократу, когда он как простой гражданин присутствовал на Олимпийских играх, было явлено великое знамение: при жертвоприношении стоявшие там котлы с мясом и водой закипели без огня и вода полилась через край. Лакедемонянин Хилон, как раз случившийся при этом и видевший знамение, дал совет Гиппократу прежде всего не брать себе в дом жену, рожающую детей. А если он уже женат, то отпустить жену; если даже у него есть

сын,— то отказаться от сына. Гиппократ же отверг совет Хилона. После этого у него родился сын — упомянутый выше Писистрат. У афинян же шли в то время распри между обитателями побережья (предводителем их был Мегакл, сын Алкмеона) и равнинными жителями (во главе с Ликургом, сыном Аристолаида). Писистрат, тогда уже помышлявший о тирании, создал третью партию. Он набрал приверженцев и, открыто став вождем партии гиперакриев, придумал вот какую хитрость. Он изранил себя и своих мулов и затем въехал на повозке на рыночную площадь, якобы спасаясь от врагов, которые хотели его избить, когда он ехал по полю. Писистрат просил народ дать ему охрану. Он уже ранее отличился как полководец в войне с мегарцами, завоевав Нисею и совершив другие замечательные подвиги. Народ же афинский позволил себя обмануть, предоставив ему телохранителей из числа горожан: они были у Писистрата не копьеносцами, а дубинщиками, сопровождая его с деревянными дубинами. Во главе с Писистратом они-то и восстали и захватили акрополь. Тогда Писистрат стал владыкой афинян. Он не нарушил, впрочем, порядка государственных должностей и не изменил законов, но управлял городом по существующим законоустановлениям, руководя государственными делами справедливо и дельно.

60. Вскоре, однако, после этого приверженцы Мегакла и Ликурга объединились и изгнали Писистрата. Таким-то образом Писистрат в первый раз овладел Афинами и так лишился своей тирании, которая еще не глубоко укоренилась. Между тем враги Писистрата, изгнавшие его, вновь начали распри между собой. Попав в затруднительное положение, Мегакл послал вестника в Писистрату. Он предложил ему свою дочь в жены и в приданое — тиранию. Писистрат принял предложение, согласившись на эти условия. Для возвращения Писистрата они придумали тогда уловку, по-моему, по крайней мере весьма глупую. С давних пор, еще после отделения от варваров, эллины отличались бóльшим по сравнению с варварами благоразумием и свободой от глупых суеверий, и все же тогда эти люди [Мегакл и Писистрат] не постеснялись разыграть с афинянами, которые считались самыми хитроумными из эллинов, вот какую штуку. В Пеонийском деме жила женщина по имени Фия ростом в 4 локтя без трех пальцев и вообще весьма пригожая.

Эту-то женщину в полном вооружении они поставили на повозку и, показав, какую она должна принять осанку, чтобы казаться благопристойной, повезли в город. Затем они отправили вперед глашатаев, которые, прибыв в город, обращались по их приказанию к горожанам с такими словами: «Афиняне! Примите благосклонно Писистрата, которого сама Афина почитает превыше всех людей и возвращает теперь из изгнания в свой акрополь!» Так глашатаи кричали, обходя улицы, и тотчас по всем демам прошел слух, что Афина возвращает Писистрата из изгнания. В городе все верили, что эта женщина действительно богиня, молились смертному существу и приняли Писистрата.

61. Придя таким образом снова к власти, Писистрат по уговору с Мегаклом взял себе в жены его дочь. Но так как у него были уже взрослые дети, а род Алкмеонидов, к которому принадлежал Мегакл, как считали, был поражен проклятием, то Писистрат не желал иметь детей от молодой жены и потому общался с ней неестественным способом. Сначала жена скрывала это обстоятельство, а потом рассказала своей матери (в ответ на ее вопросы или же по собственному почину), а та — своему мужу. Мегакл же пришел в страшное негодование за то, что Писистрат так его обесчестил. В гневе он снова примирился со своими [прежними] сторонниками. А Писистрат, узнав, что́ затевается против него, удалился из города и вообще из Аттики. Прибыв в Эретрию, он стал совещаться со своими сыновьями. Верх одержало мнение Гиппия о том, что следует попытаться вновь овладеть верховной властью. Тогда они [Писистрат и сыновья] стали собирать добровольные даяния от городов, которые были им чем-либо обязаны. Многие города предоставили Писистрату большие суммы денег, но фиванцы превзошли всех денежными дарами. Одним словом, через некоторое время после этого все было готово для их возвращения в Афины. И действительно, из Пелопоннеса прибыли аргосские наемники, из Наксоса также приехал добровольно ревностный приверженец [Писистрата] по имени Лигдамид с деньгами и людьми.

62. Так вот, Писистрат и его сторонники выступили из Эретрии и на одиннадцатом году своего изгнания снова прибыли в Аттику. Первое место, которое они захватили там, был Марафон. Во время их стоянки [в Марафоне] к ним присоединились не только сторонники из [самого] города Афин, но также стали сте-

каться и другие люди из демов, которым тирания была больше по душе, чем теперешняя свобода. Так [тиран и его сторонники] собирали свои силы. Афиняне же в городе вовсе не думали о Писистрате, пока тот только собирал средства, и даже после занятия Марафона. Услышав о выступлении Писистрата из Марафона на Афины, только теперь горожане двинулись против него. Все городское ополчение вышло против возвратившихся изгнанников. Когда Писистрат со своими людьми, выйдя из Марафона, напал на Афины, оба войска сошлись у святилища Афины Паллены и там расположились станом друг против друга. Тут-то предстал Писистрату прорицатель Амфилит из Акарнании и по божественному внушению изрек ему в шестистопном размере следующее пророчество:

> Брошен уж невод широкий, и сети раскинуты в море,
> Кинутся в сети тунцы среди блеска лунного ночи.

63. Такое предсказание изрек вдохновенный прорицатель. А Писистрат понял смысл изречения и, объявив, что принимает оракул, повел свое войско на врага. Афинские же горожане как раз в это время дня завтракали, а после завтрака одни занялись игрой в кости, а другие легли спать. Тогда Писистрат с войском напал на афинян и обратил их в бегство. Когда противники убежали, Писистрат придумал хитрый способ, чтобы воспрепятствовать бегущим вновь собраться и чтобы заставить войско рассеяться. Он велел своим сыновьям скакать на конях вперед. Настигая бегущих, сыновья Писистрата предлагали от имени отца ничего не бояться и разойтись всем по домам.

64. Афиняне так и сделали. Таким-то образом Писистрат в третий раз завладел Афинами. Он упрочил свое господство сильными отрядами наемников и денежными сборами как из самих Афин, так и из области на реке Стримоне. Он взял затем заложниками сыновей тех афинян, которые сопротивлялись и не сразу бежали, и переселил их на Наксос (Писистрат завоевал Наксос и отдал его во владение Лигдамиду). Кроме того, он «очистил» по повелению оракула остров Делос. А сделал Писистрат это вот как: он велел выкопать всех покойников, погребенных в пределах видимости, из храма и перенести отсюда в другую часть Делоса. И Писистрат стал тираном в Афинах; что же до афинян, то одни [его противники] пали

в борьбе, а другим вместе с Алкмеонидами пришлось уйти в изгнание из родной земли.

65. Таково было в то время положение дел в Афинах. Напротив, лакедемоняне, как узнал Крез, избежали великих бедствий и теперь уже одолели тегейцев. Ведь при спартанских царях Леонте и Гегесикле лакедемоняне побеждали во всех других войнах, но только в одной войне с тегейцами терпели поражение. Прежде у лакедемонян были даже почти что самые дурные законы из всех эллинов, так как они не общались ни друг с другом, ни с чужеземными государствами. Свое теперешнее прекрасное государственное устройство они получили вот каким образом. Ликург, знатный спартанец, прибыл в Дельфы вопросить оракул. Когда он вступил в святилище, Пифия тотчас же изрекла ему вот что:

Ты притек, о Ликург, к дарами обильному храму,
Зевсу любезны и всем на Олимпе обитель имущим,
Смертный иль бог ты? Кому изрекать прорицанье должна я?
Богом скорее, Ликург, почитать тебя нужно бессмертным.

По словам некоторых, Пифия, кроме этого предсказания, предрекла Ликургу даже все существующее ныне спартанское государственное устройство. Но, как утверждают сами лакедемоняне, Ликург принес эти нововведения [в государственный строй] Спарты из Крита. Он был опекуном своего племянника Леобота, царя Спарты. Как только Ликург стал опекуном царя, то изменил все законы и строго следил, чтобы их не преступали. Затем он издал указы о разделении войска на эномотии, установил триакады и сисситии. Кроме того, Ликург учредил должность эфоров и основал совет старейшин [геронтов].

66. Так-то лакедемоняне переменили свои дурные законы на хорошие, а после кончины Ликурга воздвигли ему храм и ныне благоговейно его почитают. Так как они жили в плодородной стране с многочисленным населением, то скоро достигли процветания и изобилия. И действительно, они уже больше не довольствовались миром: убедившись в превосходстве над аркадцами, лакедемоняне вопросили дельфийский оракул: могут ли они завоевать всю Аркадскую землю. Пифия же изрекла им в ответ вот что:

Просишь Аркадию всю? Не дам тебе: многого хочешь!
Желудоядцев-мужей обитает в Аркадии много,
Кои стоят на пути. Но похода все ж не возбраняю.

Дам лишь Тегею тебе, что ногами истоптана в пляске,
Чтобы плясать и поля ее тучные мерить веревкой.

Лакедемоняне, услышав такой ответ оракула, оставили все другие города Аркадии и пошли войной на тегейцев. С собой они взяли оковы в уповании хотя и на двусмысленный [ответ] оракула, так как твердо рассчитывали обратить в рабство тегейцев. В битве, однако, лакедемоняне потерпели поражение, и на тех, кто попал в плен к врагам, были наложены [те самые] оковы, которые они принесли с собой: пленники, как рабы, должны были, отмерив участок поля тегейцев мерной веревкой, обрабатывать его. Оковы же эти, наложенные на [лакедемонских] пленников, еще до сего дня сохранились в Тегее и висят на стенах храма Афины Алеи.

67. Так вот, в прежних войнах с тегейцами лакедемоняне постоянно терпели неудачи. Однако во времена Креза, когда царями Лакедемона были Анаксандрид и Аристон, спартанцы наконец одержали верх над ними, и вот как это произошло. Из-за своих постоянных поражений лакедемоняне отправили послов в Дельфы вопросить [оракул], какое божество им следует умилостивить для победы над тегейцами. Пифия дала ответ: они должны перенести в Спарту останки Ореста, сына Агамемнона, [и тогда] одолеют тегейцев. Однако спартанцы не могли отыскать могилы Ореста, и [им пришлось] вновь отправить послов в Дельфы вопросить бога: «Где погребен Орест?» На вопрос послов Пифия ответила вот что:

Есть в Аркадии град Тегея на низкой равнине.
Веют там ветры (их два), гонимые силой могучей.
[Слышен] удар, отраженный ударом, и беда возлежит над бедою...
Сын там Атрида сокрыт земли жизнетворной на лоне.
Прах его перенесешь и станешь владыкой Тегеи.

Однако и после этого ответа оракула лакедемоняне все-таки не могли найти могилы, несмотря на все усилия, пока не нашел ее Лих, один из так называемых агатоергов в Спарте. Эти-то агатоерги — старейшие граждане числом пять — ежегодно выходят из сословия всадников. В течение того года, когда они выходят из всаднического сословия, они должны быть наготове постоянно выполнять обязанности послов в разных местах для Спарты.

68. Среди этих-то людей был некто Лих. Он и отыскал
 в Тегее [могилу Ореста], отчасти случайно, отчасти хи-

тростью. В то время у лакедемонян с тегейцами было перемирие. Лих зашел в кузницу посмотреть, как куют железо, и дивился искусству [кузнеца]. Кузнец заметил его удивление и, прекратив работу, сказал: «Друг-лаконец! Ты дивишься, как искусно обрабатывают железо. Но вот если бы тебе довелось увидеть то же, что мне, то как бы ты сильно удивился! Я хотел выкопать у себя во дворе колодец и, копая, наткнулся на гроб 7 локтей длины. Не веря, однако, чтобы люди когда-нибудь были больше нынешних ростом, я открыл гроб и увидел, что покойник действительно был одинаковой величины с гробом. Измерив гроб, я снова засыпал его землей». Так передавал ему кузнец то, что видел, а Лих обдумал эти слова. Ему пришло на мысль, что это есть останки Ореста, о которых говорил оракул. Рассудил же Лих вот как: рассматривая два раздуваемых меха кузнеца, он решил, что это ветры, о которых говорил оракул; наковальня же и молот — это удар и ответный удар, а беда, возлежащая на беде,— выковываемое железо (это потому, думал он, что железо изобретено на беду человеку). Так рассуждая, Лих возвратился в Спарту и рассказал все, что случилось с ним. Лакедемоняне же обвинили его для вида в вымышленном преступлении и изгнали из города. Тогда Лих опять прибыл в Тегею и рассказал кузнецу о своей беде. Затем он просил отдать ему внаем двор, но кузнец сначала не соглашался. В конце концов Лиху удалось уговорить кузнеца. Он поселился потом на этом дворе, раскопал могилу и собранные кости привез в Спарту. С этого времени и всякий раз, когда дело доходило до столкновения, лакедемоняне неизменно оказывались гораздо сильнее [тегейцев]. И они покорили, таким образом, уже бóльшую часть Пелопоннеса.

69. Все это Крез узнал и отправил послов в Спарту с дарами и предложением союза. Царь указал послам, что́ должны говорить, а те по прибытии в Спарту сказали вот что: «Прислал нас Крез, царь лидийцев и других народов, и говорит вам так „Лакедемоняне! Бог возвестил мне через оракул, чтобы я заключил союз с эллинами. Вы же, как я слышу,— самые могущественные люди в Элладе. Поэтому-то я по повелению оракула и обращаюсь к вам и желаю быть вашим другом и союзником без коварства и обмана“». Это Крез приказал объявить через своих послов, а лакедемоняне, которые уже слышали о прорицании, данном

Крезу, обрадовались приезду лидийцев и заключили с ним освященный клятвой договор о дружбе и союзе, тем более что уже раньше Крез оказывал им некоторые услуги. Так, когда лакедемоняне послали в Сарды купить золото для статуи Аполлона, которая ныне стоит в Форнаке в Лаконии, Крез отдал им золото в дар.

70. Ради этого-то (а также и потому, что Крез предпочел их в качестве союзников всем прочим эллинам) лакедемоняне и заключили этот союз. Сами же они не только приняли предложение царя, но даже хотели сделать Крезу ответный подарок, если бы он того потребовал. Так лакедемоняне изготовили медную чашу для смешивания вина, украшенную снаружи по краям всевозможными узорами, огромных размеров, вместимостью на 300 амфор. Впрочем, эта чаша так и не попала в Сарды по причинам, о которых рассказывают двояко. Лакедемоняне передают, что на пути в Сарды чаша оказалась у острова Самоса. Самосцы же, узнав об этом, подплыли на военных кораблях и похитили ее. Сами же самосцы, напротив, утверждают: лакедемоняне, везшие чашу, прибыли слишком поздно и по пути узнали, что Сарды взяты [персами], а Крез пленен. Тогда они будто бы предложили продать эту чашу на Самосе, и несколько [самосских] граждан купили ее и посвятили в храм Геры. Возможно также, что люди, действительно продавшие чашу, по прибытии в Спарту объявили там, что их ограбили самосцы.

71. Так-то обстояло дело с чашей для смешивания вина. Крез же неправильно истолковал оракул и выступил в поход на Каппадокию, надеясь низвергнуть Кира и сокрушить персидскую державу. Во время приготовлений к походу на персов один лидиец дал царю такой совет (этот лидиец — имя его было Санданис — и прежде слыл благоразумным, а благодаря этому совету он и подавно прославился у лидийцев): «Царь! Ты собираешься в поход на людей, которые носят кожаные штаны и другую одежду из кожи; едят же они не столько, сколько пожелают, а сколько у них есть пищи, так как обитают в земле суровой. Кроме того, они не пьют вина, довольствуясь лишь водой. Нет у них ни смокв и никаких других полезных плодов. Если ты и одолеешь их, то что возьмешь у народа, лишенного всех благ? С другой стороны, подумай о том, чего ты можешь лишиться в случае поражения. Ведь, вкусив прелести нашей жизни, они так привяжутся к нам, что мы не сможем уже их изгнать [из нашей страны].

Я благодарю богов за то, что они не внушают персам мысль воевать с лидийцами!» Эти слова, впрочем, не убедили Креза. Я рассказываю это потому, что до покорения Лидии персы действительно вовсе не знали ни роскоши, ни богатства.

72. Каппадокийцев эллины называют сирийцами. А сирийцы эти до персидского владычества были подвластны лидийцам, а потом [подчинились] Киру. Границей же мидийского и лидийского царств была река Галис, текущая с Арменского горного [хребта] через Киликию; затем она протекает справа по области матиенов, а с левой стороны — по земле фригийцев. Минуя Фригию, река поворачивает на север и затем образует границу между сирийскими каппадокийцами на правом берегу и пафлагонцами — на левом. Таким образом, река Галис рассекает почти всю нижнюю часть Азии от моря, лежащего против Кипра, до Евксинского Понта. Это самое узкое место всей страны, и хороший пешеход пройдет этот путь за 5 дней.

73. А начал Крез войну с Каппадокией вот почему: во-первых, из страсти к земельным приобретениям (он стремился присоединить и эту область к своим владениям), а главным образом потому, что, доверяя изречению оракула, желал отомстить Киру за Астиага. Кир, сын Камбиса, победил Астиага, сына Киаксара, царя мидян и шурина Креза. Астиаг же стал шурином Креза вот как. Орда мятежных скифов-кочевников переселилась в Мидийскую землю. Царем же мидян в то время был Киаксар, сын Фраорта, внук Деиока. Царь сначала дружественно принял этих скифов, так как они пришли просить убежища, и даже отдал им своих сыновей в обучение искусству стрельбы из лука. Однако по прошествии некоторого времени вышло так, что скифы, которые постоянно занимались охотой и всегда добывали дичь, ничего не убили. Когда они вернулись с пустыми руками, Киаксар (человек, очевидно, вспыльчивый) обошелся с ними весьма сурово и оскорбительно. Получив такое незаслуженное оскорбление от Киаксара, скифы решили разрубить на куски одного из мальчиков, бывших у них в обучении. Затем, выпотрошив, как обычно потрошат дичь, подали на стол Киаксару как охотничью добычу. После этого скифы хотели немедленно бежать в Сарды к Алиатту, сыну Садиатта. Так это и произошло: Киаксар и его гости отведали этого мяса, а скифы отдались под защиту Алиатта.

74. Так как Алиатт, несмотря на требования Киаксара, не захотел выдать скифов, то у лидийцев с мидянами началась война. Пять лет длилась эта война, причем верх одерживали то мидяне, то побеждали лидийцы и однажды — даже в какой-то ночной битве. Так с переменным успехом продолжалась эта затяжная война, и на шестой год во время одной битвы внезапно день превратился в ночь. Это солнечное затмение предсказал ионянам Фалес Милетский и даже точно определил заранее год, в котором оно и наступило. Когда лидийцы и мидяне увидели, что день обратился в ночь, то прекратили битву и поспешно заключили мир. Посредниками [при этом] были киликиец Сиеннесий и вавилонянин Лабинет. Они-то и добились, чтобы лидийцы и мидяне принесли клятву примирения и скрепили ее заключением брака. Они убедили Алиатта выдать замуж свою дочь Ариенис за Астиага, сына Киаксара. Ведь без таких родственных уз мирные договоры обычно непрочны. Скрепленные же клятвой договоры эти народы заключают так же, как и эллины, и, кроме того, слегка надрезают кожу на руке и слизывают друг у друга [выступившую] кровь.

75. Этого-то Астиага, своего деда по матери, Кир низложил. Причины этого я расскажу в последующем рассказе. За это Крез упрекал Кира и послал вопросить оракул: идти ли ему войной на персов. И, даже получив двусмысленный ответ, Крез истолковал его в свою пользу и пошел войной на персидские владения. Подойдя к реке Галису, Крез, как я по крайней мере думаю, переправил свое войско по существующему теперь мосту. Эллины же обычно рассказывают, что переправил войско Креза через реку Фалес Милетский. [Как передают эллины], царь был в затруднении, как ему перевести войско через реку, потому что теперешнего моста в то время еще не существовало. Фалес же, который, как говорят, находился в стане Креза, сумел сделать так, что река потекла не только с левой стороны войска, но и с правой. Устроил же Фалес это так: он велел прокопать выше стока глубокий канал в виде полумесяца так, чтобы река обходила стан с тыла. Отклоняясь этим путем по каналу от старого русла, река затем снова проходила мимо стана и потом опять возвращалась в старое русло. Таким образом, после разделения реки на два рукава оба они стали проходимыми. Некоторые даже утверждали, что старое русло тогда совершенно пересохло, чему я,

впрочем, не верю. Как же тогда на обратном пути они снова могли перейти реку?

76. Так вот, Крез, перейдя с войсками Галис, прибыл в так называемую Птерию в Каппадокии (Птерия — весьма сильно укрепленное место в этой стране — лежит приблизительно около Синопы, города на Евксинском Понте). Там царь разбил свой стан и начал опустошать поля сирийцев. Город птерийцев он захватил, а жителей продал в рабство. Он взял также все окрестные города, а ни в чем не повинных жителей-сирийцев изгнал. А Кир собрал свое войско, присоединив к нему воинов всех народностей, через земли которых он проходил, и пошел в поход на Креза. Еще до своего выступления Кир послал вестников к ионянам побудить их к отпадению от Креза. Ионяне, однако, отказались. Когда Кир с войском прибыл, он разбил свой стан против [стана] Креза. Здесь, на Птерийской земле, персы и лидийцы померялись своими силами. Сеча была жестокой, и с обеих сторон пало много воинов. В конце концов ни той, ни другой стороне не удалось одержать победы, и с наступлением ночи противники разошлись.

77. Так сражались оба войска друг с другом. Крез же считал свое войско слишком малочисленным (и действительно, оно значительно уступало численностью войску Кира). На следующий день Кир не возобновил битвы, и Крез с войском отступил к Сардам. Он хотел призвать на помощь своих союзников-египтян (с Амасисом, царем Египта, Крез заключил союз еще раньше, чем с лакедемонянами). Крез собирался отправить послов и к вавилонянам, также бывшим с ним в союзе (царем Вавилона был тогда Лабинет). Наконец, Крез велел сообщить лакедемонянам, чтобы те явились на помощь в условленное время. Собрав все эти вспомогательные боевые силы и объединив их со своим войском, Крез по окончании зимы, в начале весны, намеревался выступить против персов. Таковы были его замыслы. По прибытии в Сарды царь послал вестников к союзникам, предлагая собраться на пятый месяц в Сарды. Войско же свое, состоявшее из наемников, которое сражалось с персами, он распустил по домам. Крез ведь вовсе не ожидал, что Кир после столь нерешительной битвы пойдет [прямо] на Сарды.

78. Пока Крез обдумывал эти свои замыслы, все окрестности города внезапно наполнились змеями. С появлением змей кони бросили пастбища и поедали

змей. Это явление Крез счел божественным знамением, как это и было в действительности. Тотчас царь отправил послов к тельмесским толкователям знамений. Послы прибыли к тельмессцам и узнали смысл этого чудесного знамения. Но им не пришлось уже передать ответ Крезу: ибо не успели они отплыть в Сарды, как Крез был уже взят в плен. Тельмессцы же истолковали знамения так: Крезу следует ожидать нападения чужеземного войска на свою страну. Войско это придет и истребит туземных жителей. Ведь змея, говорили они,— дитя родной земли, конь же — нечто враждебное и чуждое ей. Такой ответ дали тельмессцы [послам] Креза, вовсе ничего не ведая о Сардах и об участии самого Креза, бывшего тогда в плену.

79. А Кир, лишь только узнал после битвы при Птерии об отступлении Креза и о том, что тот намерен распустить свое войско, то решил как можно скорее идти на Сарды, пока лидийцы не успели снова собрать войска. Этот свой замысел Кир быстро привел в исполнение. Он совершил вторжение с войском в Лидию и сам явился вестником к Крезу. Крез оказался в весьма затруднительном положении, так как ход событий оказался совершенно иным, чем он предполагал. Тем не менее царь повел своих лидийцев в бой. В то время не было в Азии народа, сильнее и отважнее лидийцев. Они сражались верхом на конях, вооруженные копьями, и были прекрасными наездниками.

80. Так вот, оба войска сошлись на большой, лишенной растительности равнине перед городом Сардами. Через эту равнину протекало много рек, и среди них Гилл, впадающий в самую большую реку под названием Герм. Герм берет начало со священной горы Матери Диндимены и впадает в море у города Фокеи. Тут Кир, увидев, что лидийцы стоят в боевом порядке, готовые к бою, в страхе перед их конницей по совету мидянина Гарпага поступил вот так: всех вьючных и нагруженных продовольствием верблюдов, следовавших за войском, Кир велел согнать, разгрузить и посадить на них воинов в одежде всадников. Затем он поставил верблюдов впереди войска против конницы Креза, пехоте же приказал следовать за верблюдами, а позади пехотинцев расположил все остальное войско. После того как все заняли свои места, Кир отдал приказ умерщвлять без пощады всех попадавшихся лидийцев, только самого Креза не убивать, даже если тот бу-

дет защищаться при захвате в плен. Таково было приказание Кира, а верблюдов он велел поставить против неприятельской конницы потому, что кони боятся верблюдов и не выносят их вида и запаха. Эта хитрость была придумана для того, чтобы сделать бесполезной именно ту самую конницу, которой лидийский царь рассчитывал блеснуть. Битва началась, и лишь только кони почуяли верблюдов и увидели их, то повернули назад и надежды Креза рухнули. Но все же лидийцы и тут не потеряли мужества. Когда они заметили происшедшее, то соскочили с коней и стали сражаться с персами пешими. Наконец после огромных потерь с обеих сторон лидийцы обратились в бегство. Персы оттеснили их в акрополь и начали осаждать [Сарды].

81. Так-то лидийцы были осаждены, а Крез, рассчитывая на долгую осаду, отправил из города новых послов к своим союзникам. Прежние послы были посланы к союзникам с приказанием собраться в Сарды на пятый месяц, а на этот раз они просили немедленной помощи, так как Крез был в осаде.

82. Среди других союзников Крез отправил послов также и в Лакедемон. В это время у самих спартанцев была война с аргосцами за область под названием Фирея. Эта Фирея, собственно, была частью Арголиды, но лакедемоняне завладели ею. Аргосцам принадлежали также материковая область на запад вплоть до Малеев, затем остров Кифера и другие острова. Аргосцы прибыли на защиту своей земли, захваченной [спартанцами]. Здесь они вступили в переговоры со спартанцами и сошлись на том, что с каждой стороны вступят в бой по 300 воинов. Спорная же область останется за победителями. Остальные бойцы обеих сторон должны были возвратиться домой и не участвовать в битве, для того чтобы в случае поражения своих они не вмешались в схватку. Условившись так, оба войска удалились, а оставшиеся отборные бойцы вступили в схватку. Однако силы противников оказались настолько равными, что после боя из всех 600 воинов осталось в живых только трое: у аргосцев Алкенор и Хромий, а у лакедемонян — Офриад. Этих только и застала в живых наступившая ночь. Тогда двое аргосцев, считавшие себя победителями, поспешили в Аргос, а лакедемонянин Офриад снял с павших аргосцев доспехи и отнес их в стан спартанцев, а затем оставался на поле битвы, как бы удерживая свое место [в строю]. На следующий день оба войска прибы-

ли на поле боя узнать об исходе битвы. Сначала победу приписывали себе обе стороны: одни говорили, что у них осталось больше людей в живых, другие же объявляли противников беглецами, [утверждая], что их воин не покинул поля битвы и даже снял доспехи с павших противников. Наконец после долгих споров они вновь бросились в рукопашную схватку. Несмотря на огромные потери с обеих сторон, победителями все же остались лакедемоняне. С этого времени аргосцы стали коротко стричь себе волосы (прежде, по обычаю, они отращивали длинные волосы). Они даже ввели закон и изрекли проклятие, чтобы ни один аргосец не смел отращивать себе длинные волосы и ни одна женщина — носить золотых украшений, пока Фирея не будет отвоевана. Лакедемоняне же, напротив, установили законом отныне носить длинные волосы (до этого они коротко стригли их). Передают, что единственный, оставшийся в живых из 300 лакедемонян, Офриад, стыдясь возвратиться в Спарту, так как все его соратники пали, лишил себя жизни в Фирее.

83. Таковы в то время были дела у спартанцев, когда прибыл к ним посол из Сард с просьбой о помощи Крезу. Выслушав посла, лакедемоняне все же решили отправить помощь царю. Но когда все уже было готово и корабли снаряжены к отплытию, пришло другое известие о том, что город лидийцев взят и сам Крез захвачен в плен. Это великое несчастье заставило лакедемонян отложить поход.

84. Сарды же были взяты персами вот как. На четырнадцатый день осады Кир отправил всадников к своему войску и объявил, что щедро наградит первого взошедшего на стену города. После неудачного первого приступа, когда все остальные воины уже отступились, некий мард по имени Гиреад сделал попытку подняться на стену в том единственном месте акрополя, которое не охранялось. С этой стороны нельзя было когда-нибудь опасаться штурма, так как здесь скала акрополя круто спускалась вниз и была совершенно неприступной. Только в одном этом месте древний царь Сард Мелес не обнес льва, которого ему родила наложница (хотя тельмессцы предсказали ему, что Сарды будут неприступны, если льва обнесут вокруг стен). Мелес же приказал обнести льва вокруг остальной стены, где крепость была легко уязвимой для нападения. Это же место он оставил незащищенным, так как оно было неприступное и обрывистое [по приро-

де]. Эта часть города обращена к Тмолу. Этот-то мард Гиреад увидел накануне, как какой-то лидиец спустился здесь с акрополя за упавшим шлемом и поднял его наверх. Гиреад заметил это место и затем сам поднялся здесь на стену, а за ним и другие персы. После того как большой отряд воинов оказался на стене, Сарды были взяты и весь [нижний] город разрушен.

85. Самого Креза постигла вот какая участь: был у него еще сын, о котором я упоминал уже раньше, весьма одаренный юноша, но немой. Прежде, в счастливую пору своей жизни, Крез сделал все возможное для исцеления ребенка. Так, пытаясь помочь сыну, царь, между прочим, отправил послов в Дельфы вопросить оракул о сыне. Пифия дала ему вот какой ответ:

Многих народов властитель, о лидянин, Крез неразумный;
Не пожелай ты услышать вожделенного лепета сына
В доме твоем: лучше б навеки устам его быть неотверстым!
В оный ведь день, для тебя роковой, возгласит он впервые!

При взятии акрополя какой-то перс, не узнав Креза, бросился на царя и хотел уже умертвить его. Крез заметил нападающего, но тяжкое горе сделало его равнодушным к смерти. Когда же глухонемой сын увидел перса, устремившегося на отца, он вдруг обрел от страха и горя дар речи и произнес: «Человек, не убивай Креза!». Это были первые слова, сказанные юношей, и затем уже до конца жизни он мог говорить.

86. Так-то персы овладели Сардами и самого Креза взяли в плен живым. Царствовал же Крез 14 лет, и 14 дней продолжалась осада [столицы], и, как предсказал оракул, он разрушил свою великую державу. Пленного Креза персы отвели к Киру. А Кир повелел сложить огромный костер и на него возвести Креза в оковах, а с ним «дважды семь сынов лидийских». Быть может, Кир хотел принести их в жертву как победный дар некоему божеству или же исполнить данный обет. Быть может, наконец, так как Киру было известно благочестие Креза, Кир возвел лидийского царя на костер, желая узнать, не спасет ли его от сожжения заживо какое-нибудь божество. Так поступил Кир [по словам лидийцев]. А Крез, стоя на костре, все же в своем ужасном положении вспомнил вдохновенные божеством слова Солона о том, что никого при жизни нельзя считать счастливым. Когда Крезу пришла эта мысль, он глубоко вздохнул, застонал и затем после долгого молчания трижды произнес имя Солона. Кир

услышал это и приказал переводчикам узнать у Креза, кого это он призывает, и те, подойдя, спросили его. Крез некоторое время хранил молчание, но затем, когда его заставили [говорить], сказал: «Я отдал бы все мои сокровища, лишь бы все владыки могли побеседовать с тем, кого я призываю». Так как ответ Креза был непонятен, то переводчики опять стали настаивать [чтобы пленник объяснил свои слова]. Наконец, в ответ на настойчивые просьбы Крез рассказал о том, как однажды прибыл в его царство афинянин Солон. Он осмотрел все царские сокровища и презрел их. Крез передал затем Киру, как все сказанное Солоном сбылось. Солон ведь говорил это не столько о самом Крезе, сколько вообще о человеческой жизни, и именно о людях, которые сами себя почитают счастливыми. Так рассказывал Крез, а костер между тем загорелся и уже пылал. А Кир, услышав от переводчиков рассказ Креза, переменил свое решение. Царь подумал, что и сам он все-таки только человек, а хочет другого человека, который до сих пор не менее его был обласкан счастьем, живым предать огню. К тому же, опасаясь возмездия и рассудив, что все в человеческой жизни непостоянно, Кир повелел как можно скорее потушить огонь и свести с костра Креза и тех, кто был с ним. Однако попытки потушить костер оказались тщетными.

87. И вот (так передают лидийцы), когда Крез заметил раскаяние Кира и увидел напрасные старания всех затушить пламя костра, он громко возвал к Аполлону. Крез молил бога: если богу были угодны его [Креза] жертвоприношения, то пусть он придет на помощь и спасет от настоящей беды. Так Крез слезно молил, призывая Аполлона. И вот тотчас средь ясного неба и полного безветрия внезапно сгустились тучи и разразилась буря с сильным ливнем, которая и потушила костер. Тогда-то Кир понял, что Крез — человек, любезный богам и благочестивый. Он повелел Крезу сойти с костра и обратился к пленнику с такими словами: «Крез! Кто из людей убедил тебя идти войной на мою землю и стать мне врагом вместо друга?» А Крез отвечал: «Я поступил так, царь, тебе во благо и на горе себе. Виновник же этого эллинский бог, который побудил меня к войне. Ведь нет [на свете] столь неразумного человека, который предпочитает войну миру. В мирное время сыновья погребают отцов, а на войне отцы — сыновей. Впрочем, такова, должно быть, была воля богов».

88. Так говорил Крез, а Кир повелел снять с него оковы, усадил рядом с собой, оказывая [пленнику] величайшую честь. При этом и сам Кир, и вся его свита смотрели на Креза с удивлением. Крез же, погруженный в раздумье, молчал. Затем он оглянулся и, увидев, как персы разоряют город, сказал: «Царь! Надо ли ныне поведать тебе мои думы или я должен молчать?» Кир приказал пленнику смело говорить, что хочет. Тогда Крез спросил царя. «Что делает здесь эта орда [воинов] с такой яростью?». Кир отвечал: «Они грабят город и расхищают твои сокровища». Крез же возразил на это: «Нет! Не мой город и не мои сокровища они грабят. Нет у меня больше ничего: они расхищают твое достояние».

89. Слова Креза внушили Киру беспокойство. Царь приказал свите удалиться и обратился с вопросом к пленнику: «Какую опасность Крез видит для него, Кира, в происходящем?». Крез отвечал: «Боги сделали меня твоим рабом, и я считаю долгом сказать тебе нечто такое, что другие не замечают. Персы, будучи по натуре непокорными, бедны. Если ты позволишь им грабить и овладеть великими сокровищами, то вот что из этого выйдет: кто из них больше всего награбит, тот (ты можешь ожидать этого) поднимет против тебя восстание. Если тебе угодно послушаться меня, то поступи так: поставь у всех ворот стражу по нескольку твоих телохранителей; пусть они отнимают добычу у тех, кто ее выносит, говоря, что десятую часть следует посвятить Зевсу. Тогда они не только не возненавидят тебя за то, что ты силой отнимаешь у них добычу, но, признав справедливость твоих действий, даже добровольно отдадут ее».

90. Услышав это, Кир весьма обрадовался, так как совет показался ему превосходным. Осыпав Креза похвалами, царь приказал телохранителям исполнить совет и затем обратился к пленнику с такими словами: «Крез, ты умеешь говорить и действовать, как подобает царственному мужу. Проси у меня какой хочешь милости, и я тотчас же окажу тебе ее». Крез отвечал: «Владыка! Ты окажешь мне величайшее благодеяние, позволив послать эллинскому богу, которого я чтил превыше всех других богов, вот эти оковы и спросить его: неужели у него в обычае обманывать своих друзей?». Кир спросил, в чем же Крез упрекает бога, обращаясь к нему [Киру] с такой просьбой. Тогда Крез снова рассказал все свои замыслы [о войне с персами]

и ответ оракула, особенно упомянув о своих дарах богу. Затем поведал, как он по побуждению оракула пошел войной на персов. Рассказ свой Крез опять закончил просьбой позволить ему укорить божество. Кир же со смехом отвечал: «Я исполню, Крез, и эту твою просьбу, и все, о чем бы ты меня ни попросил». Услышав эти слова, Крез отправил лидийских послов в Дельфы с приказанием возложить его оковы на пороге святилища и спросить, не стыдно ли было богу побуждать Креза прорицаниями к войне с персами, чтобы сокрушить державу Кира, отчего и получились такие вот «победные дары», и показать при этом на оковы. Послы должны были вопросить [бога] об этом, а также и о том, в обычае ли у эллинских богов проявлять неблагодарность.

91. Прибыв в Дельфы, лидийцы выполнили поручение. А Пифия, как передают, дала им вот какой ответ: «Предопределенного Роком не может избежать даже бог. Крез ведь искупил преступление предка в пятом колене. Этот предок, будучи телохранителем Гераклидов, соблазненный женским коварством, умертвил своего господина и завладел его [царским] саном, вовсе ему не подобающим. Локсий же хотел, чтобы падение Сард случилось по крайней мере не при жизни самого Креза, а при его потомках. Но бог не мог отвратить Рока. Впрочем, все, что позволили богини Судьбы, Аполлон сделал и оказал услугу Крезу: бог ведь на три года отложил завоевание Сард; пусть Крез знает, что он попал в плен тремя годами позднее времени, предопределенного [Судьбой]. Во второй раз бог оказал Крезу помощь, когда тот горел [на костре]. Так же и на данное ему предсказание Крез жалуется несправедливо. Ведь Локсий предсказал: если Крез пойдет войной на персов, то разрушит великое царство. Поэтому, если бы Крез желал принять правильное решение, то должен был отправить послов вновь вопросить оракул: какое именно царство разумеет бог — его, Креза, или Кира. Но так как Крез не понял изречения оракула и вторично не вопросил его, то пусть винит самого себя. И смысл последнего изречения Локсия о муле Крез также не понял. Ведь этим мулом и был именно Кир, так как происходил от двух разных народов — от матери, более знатной, чем отец. Мать его была мидянкой, дочерью мидийского царя Астиага, а отец — перс, подвластный мидянам, будучи ниже ее во всех отношениях, взял супругой свою госпожу». Та-

ков был ответ Пифии лидийцам, а те отнесли его в Сарды и объявили Крезу. Тогда Крез, выслушав изречение оракула, понял, что это его собственная вина, а не [вина] бога.

92. Такова история владычества Креза и первого покорения Ионии. Есть в Элладе еще и много других (кроме упомянутых) посвятительных даров Креза. Так, в Фивах в Беолтии находится золотой треножник, посвященный Крезом Аполлону Исмению; в Эфесе — известные золотые коровы и большинство колонн [в храме] от него же; в храме Пронии, что в Дельфах,— большой золотой щит. Эти дары сохранились еще и по сей день, другие же пропали. Что до посвятительных даров Креза в Бранхидах в Милетской области, то они, как я слышал, одинакового веса и похожи на те, что в Дельфах. Дары Креза в Дельфы и в храм Амфиарая были его личным достоянием и составляли лучшую долю его отеческих сокровищ. Остальные принадлежали к имуществу его врага, против которого Крез боролся еще до вступления на престол, так как тот ревностно помогал Панталеонту захватить власть над лидийцами. Этот Панталеонт также был сыном Алиатта и братом Креза, но не единоутробным. Крез ведь был сыном Алиатта от жены кариянки, а Панталеонт — от ионянки. Когда Крез по воле отца стал царем, то приказал умертвить своего соперника, терзая его на «чесальном гребне». Имущество же его, которое Крез еще раньше обещал посвятить богам, Крез по воцарении принес в дар вышеуказанным образом в упомянутые храмы. О приношениях сказано достаточно.

93. Природными достопримечательностями, как другие страны, Лидия совсем не обладает, кроме, быть может, золотого песка, приносимого [течением] реки Тмола. Есть, правда, в Лидии одно сооружение, далеко превосходящее величиной все другие (помимо построек египтян и вавилонян). Это — могильный памятник Алиатта, отца Креза. Его основание состоит из огромных каменных плит, остальная же часть памятника — земляной курган. Рыночные торговцы, ремесленники и девушки, «занимающиеся своим ремеслом на дому», соорудили этот памятник. На верху памятника помещены каменные плиты числом пять, существующие и поныне, с высеченными на них надписями, [гласящими], какая часть работы выполнена каждым из этих разрядов людей. При измерении оказалось,

что бóльшая часть работы произведена девушками. Молодые девушки у лидийцев все занимаются развратом, зарабатывая себе приданое. Делают же они это, пока не выйдут замуж, причем сами же выбирают себе мужа. Объем кургана составляет 6 стадий и 2 плефра, диаметр же 13 плефров. К кургану примыкает большое озеро, которое, по словам лидийцев, никогда не высыхает. Называется оно Гигесовым. Таково это замечательное сооружение.

94. Нравы и обычаи лидийцев одинаковы с эллинскими, за исключением того, что лидийцы разрешают молодым девушкам заниматься развратом. Первыми из людей они, насколько мы знаем, стали чеканить и ввели в употребление золотую и серебряную монету и впервые занялись мелочной торговлей. Сами лидийцы утверждают, что и игры, которые ныне в ходу у них и у эллинов,— их изобретение. Лидийцы изобрели эти игры именно в то самое время, как говорят, когда выселились в Тирсению. О себе они рассказывают так: при царе Атисе, сыне Манеса, во всей Лидии наступил сильный голод [от недорода хлеба]. Сначала лидийцы терпеливо переносили нужду, а затем, когда голод начал все более и более усиливаться, они стали искать избавления, придумывая разные средства. Чтобы заглушить голод, они поступали так: один день все время занимались играми, чтобы не думать о пище, а на следующий день ели, прекращая игры. Так лидийцы жили 18 лет. Между тем бедствие не стихало, а еще даже усиливалось. Поэтому царь разделил весь народ на две части и повелел бросить жребий: кому оставаться и кому покинуть родину. Сам царь присоединился к оставшимся на родине, а во главе переселенцев поставил своего сына по имени Тирсен. Те же, кому выпал жребий уезжать из своей страны, отправились к морю в Смирну. Там они построили корабли, погрузили на них всю необходимую утварь и отплыли на поиски пропитания и [новой] родины. Миновав много стран, переселенцы прибыли в землю омбриков и построили там город, где и живут до сей поры. Они переименовались, назвав себя по имени сына своего царя [Тирсена], который вывел их за море, тирсенами. Лидийцы же на родине были порабощены персами.

95. Отныне речь у нас пойдет о Кире — кто был этот человек, разрушивший державу Креза,— и о том, как персы стали владыками Азии. Я буду описывать деяния Кира так, как передавали мне некоторые персы,

желавшие не слишком восхвалять его, но рассказывать только правду. Я, впрочем, знаю, что о Кире и его деяниях существуют также и другие рассказы, а именно три. Ассирийское владычество над Верхней Азией продолжалось 520 лет. Первыми от ассирийцев отпали мидяне. В освободительной борьбе они, мне думается, проявили доблесть и, свергнув рабство, обрели свободу. Примеру мидян последовали затем и прочие народности.

96. Едва, однако, все народности этого материка обрели независимость, как были снова порабощены. Произошло же это вот как. Жил в Мидии мудрый человек по имени Деиок, сын Фраорта. Этот-то Деиок страстно желал стать царем и сумел выполнить это свое желание вот как: мидяне жили тогда по деревням, и Деиок в своем [родном] селении уже и раньше пользовался уважением, а теперь старался еще усерднее соблюдать справедливость, отправляя правосудие. И так он поступал в то время, когда во всей Мидии царило великое беззаконие, хотя и знал, что кривда правде — всегда враг. Видя такие его качества, односельчане выбрали его судьей. И именно потому-то Деиок и был честным и праведным судьей, что стремился к царской власти. Этим он и заслужил у односельчан изрядную похвалу, и даже жители других селений (прежде ставшие жертвой несправедливости), прослышав, что Деиок — единственно праведный судья, с радостью приходили к нему для разбора своих тяжб, пока в конце концов не стали доверяться только ему одному.

97. Между тем [число] приходящих к Деиоку людей все увеличивалось, так как люди слышали, что он выносил справедливые приговоры. Тогда-то Деиок решил, что [теперь] все в его руках и отказался восседать [на судейском кресле], на котором он прежде судил народ. Он заявил, что вообще больше не будет творить суд, так как ему не выгодно, пренебрегая собственными делами, по целым дням разбирать чужие тяжбы. Между тем грабежи и беззакония в селениях пошли еще сильнее прежнего. Тогда мидяне собрались в одном месте для совещания о положении дел. При этом, как я думаю, приверженцы Деиока говорили примерно вот как: «Не можем мы больше жить так, как [живем] ныне! Давайте изберем себе царя. Тогда в земле нашей воцарятся закон и порядок, и сами мы сможем вернуться к обычным делам, и беззаконие

не заставит нас покинуть родину». Такими речами в общем они убедили друг друг и решили избрать царя.

98. Когда затем начали совещаться, кого же выбрать царем, то все стали настоятельно восхвалять и предлагать Деиока, пока наконец единодушно не избрали его на царство. Тогда Деиок повелел построить дворец, подобающий его царскому достоинству, и дать ему телохранителей. Мидяне же повиновались и воздвигли на указанном им самим месте большой и неприступный дворец [замок] и позволили набирать телохранителей по всей Мидии. По воцарении Деиок заставил мидян построить один [новый] город и защищать его; остальные же города покинуть на произвол судьбы. Мидяне исполнили и это его повеление, и Деиок воздвиг большой укрепленный город — нынешние Акбатаны, в котором одна стена кольцом охватывала другую. Крепостные стены были построены так, что одно кольцо [стен] выдавалось над другим только на высоту бастиона. Местоположение города на холме благоприятствовало такому устройству [стен], однако местность была еще немного изменена искусственно. Всех колец стен было семь; внутри последнего кольца находятся царский дворец и сокровищница. Длина наибольшего кольца стен почти такая же, что и у кольцевой стены Афин. Бастионы первого кольца стен белые, второго — черные, третьего — желто-красные, четвертого — темно-синие, пятого — сандаракового цвета. Таким образом, бастионы всех этих пяти колец пестро окрашены. Что же до двух последних колец, то бастионы одного были посеребренные, а другого — позолоченные.

99. Такие-то стены воздвиг Деиок вокруг своего дворца. Прочему же народу он повелел поселиться около стен. По окончании строительства [дворца] Деиок первым делом ввел вот какой порядок [дворцового церемониала]: никто не должен иметь непосредственного доступа к царю, но по всем делам сноситься с ним через слуг [вестников], лицезреть же самого царя [не дозволяется] никому. Кроме того, для всех без исключения считалось непристойным смеяться или плевать в присутствии царя. Таким величием Деиок окружил себя, чтобы оградиться от сверстников и друзей юности, происходивших из знатных семейств и не уступавших ему в доблести. Не видя его, они не будут завидовать или посягать на его жизнь, но, как он думал, будут считать его высшим существом.

100. Когда Деиок установил такие порядки и упрочил свою царскую власть, то строго соблюдал законность. Жалобы подавались царю в письменном виде. Он рассматривал их и отсылал обратно. Так поступал он с жалобами; в других же случаях царь завел вот какой порядок. Слыша о каком-нибудь преступлении, Деиок призывал к себе виновников и наказывал по заслугам. По всей стране были у него соглядатаи и наушники.

101. Так-то Деиок объединил мидийский народ и царствовал над всей Мидией. Племена мидян следующие: бусы, паретакены, струхаты, аризанты, будии и маги. Вот сколько мидийских племен.

102. У Деиока был сын Фраорт. После 53-летнего царствования Деиок скончался, и царство унаследовал Фраорт. Получив власть, Фраорт не удовольствовался владычеством над мидянами, но пошел войной на персов. Персы первыми подверглись его нападению и первыми подчинились мидянам. Властвуя над этими двумя и к тому же могущественными народами, Фраорт затем начал покорение Азии народ за народом. Наконец, он выступил в поход на ассирийцев (именно на тех, что владели Нином и прежде были владыками всей Азии, а теперь после отпадения своих союзников остались одни; у себя дома, впрочем, они были еще довольно могущественны). В этом-то походе пал и сам Фраорт после 22-летнего царствования, и погибла бóльшая часть его войска.

103. После кончины Фраорта царство перешло к его сыну, внуку Деиока, Киаксару. Этот Киаксар, по рассказам, был еще гораздо воинственнее своих предшественников и первым разделил азиатское войско на [боевые] отряды по родам оружия и каждому отряду — копьеносцам, лучникам и всадникам — приказал действовать самостоятельно. До этого все [войско] было перемешано в беспорядке. Это был тот самый Киаксар, который сражался с лидийцами, когда во время битвы день внезапно стал ночью. Всю Азию по ту сторону Галиса он присоединил к своей державе. Со всеми подвластными народами Киаксар выступил против Нина, чтобы отомстить за отца и разрушить город. Тут-то, когда он уже одолел ассирийцев и начал осаду Нина, в пределы его царства вторглись огромные полчища скифов во главе с царем Мадиесом, сыном Протофиея. Скифы вытеснили киммерийцев из Европы и преследовали их в Азии, а теперь вторглись в Мидийскую землю.

104. От озера Меотиды до реки Фасиса и страны колхов 30 дней пути для пешехода налегке. А от Колхиды до Мидии — не дальше, только между этими странами живет одна народность — саспиры. Минуя их, можно попасть в Мидию. Скифы во всяком случае вступили в Мидию не этим путем, но, свернув с прямой дороги, пошли верхним путем, гораздо более длинным, оставляя при этом Кавказские горы справа. Здесь-то и произошла битва мидян со скифами. Мидяне потерпели поражение, и их могущество было сломлено. Скифы же распространили свое владычество по всей Азии.

105. Затем скифы пошли на Египет. На пути туда в Сирии Палестинской скифов встретил Псамметих, египетский царь, с дарами и просьбами склонил завоевателей не идти дальше. Возвращаясь назад, скифы прибыли в сирийский город Аскалон. Бóльшая часть скифского войска прошла мимо, не причинив городу вреда, и только несколько отсталых воинов разграбили святилище Афродиты Урании. Как я узнал из расспросов, это святилище — самое древнее из всех храмов этой богини. Ведь святилище на Кипре основано выходцами оттуда, как утверждают сами киприоты, а храм в Кифере воздвигли финикияне, жители Сирии Палестинской. Грабителей святилища в Аскалоне и всех их потомков богиня наказала, поразив их навеки «женским» недугом. И не только сами скифы утверждают такое происхождение их болезни, но и все посещающие Скифию могут видеть страдания так называемых энареев.

106. 28 лет владычествовали скифы в Азии и своей наглостью и бесчинством привели все там в полное расстройство. Ведь, помимо того что они собирали с каждого народа установленную дань, скифы еще разъезжали по стране и грабили все, что попадалось. Тогда Киаксар и мидяне пригласили однажды множество скифов в гости, напоили их допьяна и перебили. Так мидяне восстановили прежнее величие своей державы и еще завоевали Нин (как они завладели городом, я расскажу в другой части моего труда) и покорили ассирийцев, за исключением Вавилонской области. После этого скончался Киаксар. Царствовал он 40 лет (считая и годы скифского владычества).

107. Наследовал ему сын Астиаг. У Астиага родилась дочь, которую звали Манданой. Астиагу приснился сон, что дочь его испустила столь огромное количество

мочи, что затопила его столицу и всю Азию. Царь вопросил снотолкователей-магов [о смысле] сновидения. Когда маги точно разъяснили ему [значение] сна, царь понял и устрашился. Затем, когда пришла пора Мандане выходить замуж, Астиаг не хотел отдавать ее в жены ни одному мидянину равного происхождения. В страхе от сновидения царь выдал дочь замуж за перса по имени Камбис, выбрав его из-за знатного происхождения и спокойного нрава, хотя и считал его [по знатности] гораздо ниже среднего мидянина.

108. Как раз в первый же год после женитьбы Камбиса на Мандане Астиаг опять увидел сон: ему приснилось на этот раз, что из чрева его дочери выросла виноградная лоза и эта лоза разрослась затем по всей Азии. Об этом видении царь опять сообщил снотолкователям и затем повелел послать в Персию за своей дочерью, вскоре ожидавшей ребенка. По прибытии дочери Астиаг приказал держать ее под стражей и хотел погубить новорожденного младенца. Снотолкователи-маги объяснили ему сон так: сын его дочери будет царем вместо него. Желая избежать этого, Астиаг призвал после рождения [младенца] Кира Гарпага, своего родственника, самого преданного человека среди мидян, управителя в его царстве, и обратился к нему с такими словами: «Гарпаг! Я даю тебе важное поручение. Выполни его тщательно. Но не обманывай меня, предпочитая интересы других моим, чтобы не погибнуть потом по своей вине. Возьми младенца, которого родила Мандана, принеси в свой дом и умертви. Потом похорони его как тебе угодно». Гарпаг же отвечал: «Царь! Никогда и прежде у тебя не было повода быть недовольным мною, и впредь я буду остерегаться в чем-нибудь провиниться перед тобой. Если такова твоя воля, то мой долг усердно ее выполнить».

109. Так ответил Гарпаг. Когда же ему передали младенца, уже обряженного в погребальную одежду, он с плачем вернулся домой. Там он передал жене все слова Астиага. Жена спросила: «Что же ты теперь будешь делать?». Гарпаг отвечал: «Я, конечно, не собираюсь выполнять приказания Астиага, и даже если царь будет еще более безрассуден и ослеплен безумием, чем теперь, то я все-таки не исполню его поручения и не буду соучастником столь ужасного убийства. По разным причинам я не хочу губить ребенка. Прежде всего потому, что младенец мне родственник, за-

тем — Астиаг уже старик и нет у него мужского потомства. Если после кончины царя престол перейдет к его дочери, сына которой он теперь приказывает мне умертвить, то разве нам не грозит смертельная опасность? Впрочем, безопасности ради надо умертвить этого младенца, но убить его должен кто-нибудь из людей Астиага, но не мои люди».

110. Так сказал Гарпаг и тотчас же послал вестника к одному пастуху-волопасу Астиага, который, как он знал, пас коров на горных пастбищах, где много диких зверей. Звали пастуха Митрадат. Жил он там с женой, которая также была рабыней Астиага. Имя ее на эллинском языке было Кино, а по-мидийски Спако («собака» по-мидийски спако). Пастбища же, где пас свои стада этот пастух, находились у подножья горы к северу от Акбатан по направлению к Евксинскому Понту. Только в одном месте, именно поблизости от земли саспиров, Мидийская земля покрыта высокими горами и густым лесом, вся же остальная Мидия — плоская равнина. Когда пастух поспешно прибыл на зов, Гарпаг сказал ему вот что: «Астиаг приказал тебе взять этого младенца и оставить в самом диком месте в горах, чтобы он там как можно скорее погиб. При этом царь велел сказать тебе еще вот что: „Если ты не умертвишь ребенка, а как-нибудь его спасешь, то тебя ожидает самая лютая казнь". Смотреть же за тем, что младенец действительно подкинут, поручено мне».

111. Выслушав приказ, пастух взял на руки ребенка и тем же путем вернулся в свою хижину. В это время жена его, со дня на день ожидавшая разрешения от бремени, по воле случая родила как раз тогда, когда муж ушел в город. Оба тревожились друг за друга: муж страшился [исхода] родов жены, а жена беспокоилась [о том], зачем это Гарпаг послал за ее мужем (чего никогда раньше не бывало). Когда же муж, возвратившись, подошел к ней, то первый вопрос жены, неожиданно увидевшей его, был: зачем так поспешно вызывал его к себе Гарпаг? А муж отвечал: «Жена! Придя в город, я увидел и услышал то, что мне не следовало бы видеть и чего не должно было никогда случиться у наших господ. Весь дом Гарпага оглашался рыданиями. В испуге я все же вошел в дом. А лишь только я вступил туда, как увидел младенца, трепещущего и кричащего. На ребенке были золотые украшения, и одет он был в расшитое разноцветными узорами одеяние. Завидев меня, Гарпаг велел тотчас же

взять с собой ребенка и оставить в горах, где полно диких зверей. Гарпаг добавил, что таково повеление Астиага, присовокупив страшные угрозы, если я не выполню царского приказа. Я взял ребенка на руки и понес, думая, что это дитя кого-нибудь из слуг. Ведь я никогда бы не догадался, чей это ребенок на самом деле. Я дивился только золотым украшениям и роскошной одежде младенца. Да и громкий плач и стенания в доме Гарпага поразили меня. Впрочем, по дороге я тотчас же узнал всю правду от слуги, который провожал меня из города и передал младенца. Слуга рассказал мне, что это дитя Манданы, дочери Астиага, и ее супруга Камбиса, сына Кира, и что Астиаг приказал убить младенца. Смотри, вот он!».

112. С этими словами пастух распеленал младенца и показал жене. А жена, лишь только увидела, какой это рослый и миловидный ребенок, в слезах бросилась к ногам мужа, заклиная его никоим образом не оставлять младенца. Муж, однако, ответил, что не может поступить иначе: ведь придут соглядатаи Гарпага проверить и за ослушание царского приказа его предадут мучительной смерти. Не убедив мужа, жена на худой конец решила снова обратиться к нему с такими словами: «Я не могу уговорить тебя не оставлять ребенка, но уж если людям обязательно нужно видеть, что ребенок брошен, то сделай вот так: я ведь также родила, но мертвого ребенка. Его-то ты возьми и выставь на съедение диким зверям, а младенца дочери Астиага давай воспитаем, как нашего родного сына. Таким образом, и тебя не уличат в ослушании, и нам от этого будет неплохо. Ведь наше умершее дитя будет погребено по-царски, а живое останется в живых».

113. Пастух решил, что жена в данном случае совершенно права и тотчас последовал ее совету. Осужденного на смерть младенца, которого принес с собою, он отдал жене, а своего собственного мертвого ребенка положил в корзину, в которой нес царского младенца. Затем, обрядив мертвого в одежды царского младенца, пастух отнес его в самое уединенное место в горах и там оставил. Спустя три дня пастух отправился в город, оставив на месте сторожить одного из своих подпасков. Придя в дом Гарпага, он сказал, что может показать труп ребенка. А Гарпаг послал туда осмотреть труп младенца своих самых верных телохранителей и затем велел похоронить дитя пастуха. Его-то и похоронили, а другого ребенка, впоследствии названного

Киром, взяла на воспитание жена пастуха и дала ему какое-то другое имя, а не Кир.

114. Когда мальчику исполнилось десять лет, то его истинное происхождение обнаружилось вот как. Ребенок играл как раз в том селении, где стояли в своих хлевах быки. Играл же он с другими сверстниками на дороге. И мальчики во время игры выбрали царем этого мнимого сына волопаса. А он назначил одних строить дома, других быть телохранителями. Одному мальчику велел быть «оком царя», другому приказал сообщать царю новости: каждому он поручил особую должность. Один из ребят — участников игры (сын знатного мидянина Артембара) не выполнил приказания. Тогда Кир велел другим схватить его. Дети повиновались, и Кир обошелся с виновным весьма сурово, наказав плетью. Лишь только виновного отпустили, он в сильном негодовании за недостойное, как ему казалось, с ним обращение прибежал в город к своему отцу с жалобой на побои, нанесенные Киром (конечно, не называя его Киром, так как ведь тогда он еще не носил этого имени, а «сыном Астиагова волопаса»). Раздраженный Артембар пришел к Астиагу жаловаться на неслыханное обращение с его сыном. «Царь,— сказал он,— вот как с ним жестоко поступил твой раб, сын волопаса!». И при этом он показал плечи своего сына [со следами побоев].

115. Астиаг, услышав это и увидев [следы побоев], приказал послать за волопасом и его сыном (из уважения к Артембару царь хотел дать удовлетворение его сыну). Когда оба они пришли, Астиаг, посмотрев на Кира, сказал: «Так это ты, сын столь ничтожного человека, осмелился так страшно оскорбить сына высокоуважаемого Артембара?». Мальчик же ответил так: «Господин! Я поступил с ним так по справедливости. Ведь ребята из нашей деревни (а среди них был и этот вот мальчик) во время игры поставили меня над ними царем; они решили, что я больше всех достоин такого звания. Прочие мальчики подчинялись мне, а этот был непослушным и не обращал внимания [на приказы], пока за это его не наказали. Если за это я заслуживаю наказания, то вот я в твоей власти!».

116. После этих слов Астиаг тотчас же узнал мальчика. Черты лица ребенка казались похожими на его собственные, и ответ был слишком гордым и откровенным для [сына] раба. Да и время, когда был выброшен [на съедение диким зверям] его внук, по-видимому,

совпадало с возрастом мальчика. От ужаса Астиаг некоторое время оставался безмолвным. Едва придя наконец в себя, царь объявил, что желает допросить пастуха с глазу на глаз, и для этого отослал Артембара. «Артембар,— сказал он,— я постараюсь дать тебе и твоему сыну полное удовлетворение». Так царь отпустил Артембара, а Кира по его приказанию слуги ввели во внутренние покои дворца. Оставшись наедине с пастухом, Астиаг спросил, откуда у него мальчик и кто его передал ему. Пастух сказал, что это его ребенок, мать которого еще и теперь живет при нем. Астиаг отвечал пастуху, что было бы неразумно ему подвергаться страшным пыткам, и тотчас же подал знак телохранителям схватить пастуха. Под пыткой пастуху пришлось сознаться во всем. Он сначала правдиво рассказал, как это произошло, и закончил мольбами о милости и прощении.

117. После признания пастуха Астиаг перестал обращать на него внимание, но, перенеся теперь свой яростный гнев на Гарпага, велел телохранителям призвать его. Когда Гарпаг предстал перед ним, царь сказал: «Гарпаг! Как ты тогда умертвил младенца — сына моей дочери, которого я тебе передал?». Гарпаг же заметил, что пастух находится во дворце, и [потому] не пошел на ложь [из страха] быть уличенным, но сказал вот что: «Царь! Когда я взял младенца, я начал обдумывать, как исполнить твою волю, оставаясь пред тобой невиновным, и не стать убийцей в глазах твоей дочери и перед тобой самим. Поэтому я поступил так: я призвал сюда этого пастуха и отдал ему ребенка, сказав, что ты велел его умертвить. И эти мои слова, конечно, были чистой правдой. Ведь таково было твое повеление. При этом я отдал младенца с приказанием оставить его на пустынной горе и сторожить там, пока дитя не умрет. Я грозил пастуху страшными карами за ослушание. Пастух повиновался; а когда ребенок умер, я послал самых преданных мне слуг-евнухов проверить [исполнение приказа] и затем похоронил его с их помощью. Таковы, царь, обстоятельства этого дела и такой смертью умер младенец».

118. Так-то Гарпаг пошел на откровенное признание. Астиаг же, затаив свой гнев, сообщил ему сначала все, что узнал от пастуха, и в заключение добавил, что ребенок остался жив и что сам-де он рад, что все обошлось благополучно. «Я очень страдал,— сказал, между прочим, царь,— из-за того, что́ причинил этому

мальчику, и мне было нелегко выносить ненависть [ко мне] собственной дочери. А теперь, так как все сложилось к лучшему, пришли твоего сына [поиграть] к нашему „новопришлому" внуку. Сам же ты приходи ко мне на пир, так как я хочу принести за спасение ребенка благодарственную жертву богам, которым подобает эта честь».

119. Услышав эти слова, Гарпаг пал к ногам царя. Он был на верху блаженства от того, что, несмотря на его провинность, все обошлось так благополучно и ради такого радостного события он даже приглашен на пир. Затем Гарпаг поспешил домой и тотчас же послал во дворец к Астиагу сына (его единственному сыну было что-то около 13 лет от роду) и велел ему исполнить все приказания царя. Сам же он с великой радостью рассказал жене обо всем происшедшем. Между тем, лишь только сын Гарпага пришел [во дворец] к Астиагу, тот велел умертвить мальчика и рассечь [труп] на куски. Часть мяса царь приказал поджарить, а часть сварить, и это хорошо приготовленное блюдо держать наготове. Когда же наступило время пира, среди других приглашенных явился и Гарпаг. Прочим гостям и самому Астиагу были поставлены столы с бараниной, Гарпагу же подали мясо его собственного сына (все остальные куски, кроме головы и конечностей — рук и ног. Эти части лежали отдельно в закрытой корзине). Когда Гарпаг, по-видимому, насытился, Астиаг спросил, понравилось ли ему это кушанье. Гарпаг отвечал, что получил от него большое удовольствие. Тогда слуги, на которых было возложено это поручение, принесли закрытую корзину с головой, руками и ногами мальчика и приказали Гарпагу открыть [ее] и взять оттуда все, что пожелает. Гарпаг повиновался и, открыв корзину, увидел останки своего сына. Такое зрелище, однако, не смутило Гарпага, и он не потерял самообладания. Тогда Астиаг спросил, знает ли он, какой дичи он отведал. Гарпаг отвечал, что знает и что все, что ни сделает царь, ему [должно быть] мило. С такими словами он собрал остальные куски мяса и отправился домой. Быть может, он хотел собрать останки сына и предать их земле.

120. Так-то Астиаг наказал Гарпага. Затем царь призвал на совет об участи Кира тех же самых магов, которые прежде истолковали ему сновидение. Маги явились, и Астиаг вновь спросил их о значении сна. Они же повторили сказанное ими в первый раз: если бы

мальчик преждевременно не умер, а остался в живых, то безусловно стал бы царем. Астиаг же возразил им: «Мальчик не умер, он жив. Когда он жил в деревне, то деревенские ребятишки выбрали его царем. При этом он вел себя совершенно так, как настоящие цари, окружив себя телохранителями, привратниками, вестниками и прочими слугами, как и подобает царю. Что же это предвещает, по вашему мнению?». Маги отвечали: «Если мальчик жив и даже стал царем вовсе без умысла [так что никто и не подозревал этого], то не страшись и не беспокойся: ведь во второй раз он уже не будет царем. Даже некоторые прорицания оракулов [иногда] сводятся к пустякам и всевозможные сны подчас вовсе не имеют значения». Астиаг же отвечал так: «Я, маги, такого же мнения: раз мальчик [однажды] уже (хотя и по имени только) был царем, то сновидение сбылось и мне уже больше нечего опасаться. Но все же прошу вас хорошо обдумать и посоветовать мне, что следует делать для безопасности моего дома и вашей». На это маги ответили так: «Царь! И для нас ведь весьма важно, чтобы престол остался за тобой. Если же он перейдет к этому персидскому мальчику, то попадет в чужие руки, и мы, мидяне, станем рабами, а персы будут нас презирать, как чужеземцев. Но пока царем остаешься ты, наш единоплеменник, и мы также участвуем в правлении и в великом почете у тебя. Поэтому-то у нас все основания стоять за тебя и за твою власть. И если бы мы предвидели грозящую тебе опасность, то все бы откровенно высказали. Но так как сновидение оказалось пустяковым, то мы теперь и сами ничего не страшимся и тебе советуем оставить страхи. Убери этого мальчика с глаз долой и отправь к родителям в Персию».

121. Услышав такой совет магов, обрадованный Астиаг призвал Кира и сказал ему вот что: «Дитя! Я обидел тебя из-за [лживого сновидения], которое не исполнилось, но велением Рока ты остался жив. Теперь здравым отправляйся в Персию, а я дам тебе провожатых. Там ты найдешь отца и мать — не таких, как волопас Митрадат и его жена».

122. С этими словами Астиаг отпустил Кира. А когда Кир возвратился в дом Камбиса, родители приняли его и, узнав [откуда и кто он], осыпали поцелуями (они ведь думали, что он тогда сразу же был умерщвлен). Затем они стали расспрашивать сына, каким образом он остался в живых. А он рассказал им, что пре-

жде ничего не знал [о своем происхождении] и даже имел о нем ложные представления. Только по дороге сюда он узнал всю свою горькую участь: сам же он считал себя сыном Астиагова пастуха, но в пути спутники рассказали ему все; воспитала его, по его словам, жена пастуха. Рассказывая свою историю, Кир непрестанно восхвалял ее: он только и говорил, что о Кино. Родители же подхватили это имя и, для того чтобы спасение сына казалось персам еще более чудесным, распространили слух, что подброшенного Кира вскормила собака. От этой-то Кино и пошло это сказание.

123. Между тем Кир возмужал и сделался самым доблестным среди своих сверстников. Все любили его. И Гарпаг, который горел желанием отомстить Астиагу, также старался войти в доверие к Киру. Он посылал Киру подарки за подарками, подстрекая к мщению. Гарпаг понимал, что один он, будучи простым гражданином, не может отомстить Астиагу. Поэтому, видя, что Кир уже подрастает, Гарпаг выбрал юношу в союзники, так как Кир ведь претерпел одинаковые с ним несчастья. Сперва Гарпаг поступил так: он завязал отношения со всеми знатными мидянами, побуждая их свергнуть царя (Астиаг ведь был суровым владыкой мидян) и поставить царем Кира. Когда Гарпагу удалось склонить [знать] на свою сторону и все было готово, он решил сообщить свой замысел Киру. Кир же находился в Персии, и так как все дороги охранялись, а иным путем нельзя было передать весть, то Гарпаг придумал вот какую хитрость. Он искусно приготовил зайца, а именно распорол ему живот, не повредив шкуры, и затем вложил туда грамоту, в которой объяснил свой замысел. Потом он снова зашил живот зайца и послал зверя в Персию с одним из самых преданных слуг, дав ему охотничью сеть, как охотнику. На словах же он велел передать, чтобы Кир вскрыл [живот] зайца собственноручно и без свидетелей.

124. Слуга выполнил это приказание Гарпага, и Кир, получив зайца, распорол ему живот. Там Кир нашел послание, взял его и стал читать. А в послании говорилось так: «Сын Камбиса! Боги хранят тебя. Иначе ведь они не уготовали бы тебе такой счастливой доли. Отомсти же Астиагу, твоему убийце! Ведь его-то умыслом ты был предан смерти и только по воле богов и благодаря мне остался жив. О своих собственных несчастьях ты, я думаю, конечно, уже давно узнал, и не только о том, что Астиаг причинил тебе, но также

и мне [за то, что] я не умертвил тебя, а отдал пастуху. Теперь же, если ты только меня послушаешь, вся Астиагова держава будет твоей. Убеди персов восстать и выступай в поход на мидян. И если Астиаг в войне против тебя поставит меня военачальником или другого кого-нибудь из знатных мидян, то ты достигнешь желанной цели. Ведь они первыми перейдут на твою сторону и будут стараться низложить Астиага. Итак, здесь все готово, и поэтому послушайся моего совета и действуй поспешно».

125. Прочтя вслух это послание, Кир стал обдумывать способ, как бы похитрее склонить персов к измене Астиагу. Обдумывая же, он решил, что лучше всего сделать так: записав то, что он задумал, в послании, он созвал народное собрание персов. Затем он раскрыл послание, прочитал его, объявив персам, что Астиаг назначил его военачальником. В своей речи Кир, между прочим, сказал: «Теперь, персы, я приказываю всем вам явиться, вооружившись серпом». Так приказывал Кир. Племен персидских много. Кир собрал часть из них и убедил отложиться от мидян. Вот эти племена, от которых зависят все остальные: персы, пасаргады, марафии, маспии. Из них самые благородные — пасаргады, к которым принадлежит также род Ахеменидов (откуда произошли персидские цари). Другие персидские племена — это панфиалеи, дерусиеи, германии. Все упомянутые племена занимаются земледелием, прочие же — даи, марды, дропики — кочевники.

126. Когда все они явились с упомянутым серпом, то Кир приказал за день расчистить определенный участок земли (известная часть Персидской земли площадью приблизительно 18 или 20 стадий была покрыта колючим кустарником). По окончании этой тяжелой работы Кир приказал на следующий день явиться снова, предварительно вымывшись. Между тем Кир велел собрать в одно место всех коз, овец и коров своего отца, заколоть их и приготовить угощение для персидского войска. Кроме того, он заготовил большое количество вина и хлеба. На следующий день, когда персы явились, Кир предложил им, расположившись на лугу, угощаться. После пиршества Кир спросил персов: какой день им больше понравился — вчерашний или сегодняшний. «Между этими днями есть, конечно, большое различие,— отвечали они,— ведь вчерашний день принес нам только невзгоды, а сегодня — все прекрасно». Подхватив эти слова, Кир от-

крыл персам все свои замыслы и сказал: «Персидские воины! Дело обстоит вот как: если вы пожелаете следовать за мною, то у вас будут и эти блага, и еще в тысячу раз больше. Если же не захотите, то вас ожидает бесконечный подобный вчерашнему тяжкий труд. Поэтому следуйте за мною и обретете свободу. Я рожден, как я верю, по воле богов взять на себя дело вашей свободы. Я думаю, что вы ничуть не уступаете мидянам во всем прочем и в особенности как воины. Поэтому вам следует как можно скорее отложиться от Астиага».

127. Отныне персы обрели вождя и были рады избавлению от мидийского ига. Уже давно ведь мидийское владычество было им ненавистно. Астиаг же, когда узнал о таких приготовлениях Кира, отправил к нему вестника с приказанием явиться к себе. А Кир велел вестнику объяснить царю, что прибудет к нему раньше, чем тому будет угодно. Услышав такой ответ, Астиаг призвал весь мидийский народ к оружию и назначил военачальником Гарпага (бог ведь помрачил ум царя, и он предал забвению все, что сам причинил Гарпагу). Когда мидяне выступили в поход и начали битву с персами, то сражалась лишь одна часть войска, не причастная к заговору, другая добровольно перешла на сторону персов, большинство же воинов, изменив своему долгу, трусливо обратилось в бегство.

128. Так-то мидийское войско позорно рассеялось. Астиаг же, узнав о поражении, грозно воскликнул: «Все равно! Не сдобровать же Киру!». Затем царь велел сначала посадить на кол снотолкователей-магов, которые убедили его пощадить Кира, а потом велел, чтобы все оставшиеся в городе мидяне — стар и млад — взялись за оружие. С этим войском Астиаг сам выступил против персов, но в битве потерпел поражение. Сам царь был при этом взят в плен, а мидийское войско уничтожено.

129. Тогда Гарпаг подошел к пленному Астиагу и стал злорадно издеваться над несчастным. Обращаясь к пленнику с язвительными словами, между прочим, спросил его: что такое для него потеря владычества по сравнению с тем пиром, когда он, Астиаг, предложил на угощение ему, Гарпагу, мясо его же сына. За это-то злодеяние он, Астиаг, и стал теперь из царя рабом. Астиаг же посмотрел на Гарпага и в свою очередь заметил: не приписывает ли Гарпаг себе деяние Кира.

А Гарпаг возразил, что он сам написал Киру об этом,

[побуждая его к восстанию], и потому по справедливости — это его заслуга. Тогда Астиаг стал приводить доводы в доказательство того, что Гарпаг глупейший и самый негодный человек на свете. Самый глупый — потому что возложил царский венец на другого, хотя мог бы сам стать царем (если, действительно, как он уверяет, переворот — дело его рук). Самый же негодный оттого, что «из-за своего пиршества» он сделал мидян рабами. Если уж непременно нужно было кого-нибудь другого облечь царской властью вместо него, Астиага, то справедливее было бы по крайней мере предоставить эту честь мидянину, а не персу. Отныне же ни в чем не повинные мидяне стали из господ рабами, а персы — прежние рабы — теперь владыки.

130. Итак, Астиаг после 35-летнего царствования лишился власти. Из-за его жестокости мидянам пришлось подчиниться персам. Владычество же мидян над Азией по ту сторону Галиса продолжалось 128 лет, исключая время господства скифов. Впоследствии мидяне раскаялись в том, что покорились персам и подняли восстание против Дария. Однако они потерпели поражение в битве и вынуждены были вновь подчиниться. Персы же, отложившись при Астиаге от мидян, под предводительством Кира с тех пор владычествовали над Азией. Кир между тем не причинил Астиагу никакого зла, но держал при себе до самой его кончины. Такова история рождения, детства и восшествия Кира на престол. Затем Кир победил также и Креза, который, как я уже сказал, первым напал на него. Так-то после победы над Крезом Кир стал владыкой Азии.

131. Что до обычаев персов, то я могу сообщить о них вот что. Воздвигать статуи, храмы и алтари [богам] у персов не принято. Тех же, кто это делает, они считают глупцами, потому, мне думается, что вовсе не считают богов человекоподобными существами, как это делают эллины. Так, Зевсу они обычно приносят жертвы на вершинах гор и весь небесный свод называют Зевсом. Совершают они жертвоприношения также солнцу, луне, огню, воде и ветрам. Первоначально они приносили жертвы только этим одним божествам, затем от ассирийцев и арабов персы научились почитать Уранию (ассирийцы называют Афродиту Милиттой, арабы — Алилат, а персы — Митра).

132. Этим-то богам персы совершают жертвоприношения вот как. Персы не воздвигают алтарей и не возжи-

гают огня. Нет у них ни возлияний, ни игры на флейте, как нет и венков, и жертвенного ячменя. Если кто-нибудь пожелает принести жертву указанным богам, то приводит жертвенное животное в «неосквернённое» место и призывает бога, причем чаще всего украшает свою тиару миртовыми ветвями. Приносящему жертву не дозволяется просить о даровании благ только себе одному: он молится за всех персов и за царя, так как и сам принадлежит к персам. Затем он разрезает жертву на части и варит мясо, а потом подстилает самую свежую траву (чаще всего — трилистник) и кладет на нее мясо. Тогда подходит маг с песнопением «теогонии», как они называют это заклинание. Ведь без мага совершать жертвоприношение у них не положено. Через некоторое время приносящий жертву уносит мясо домой и поступает с ним, как ему вздумается.

133. Самым большим праздником у персов признается день рождения каждого человека. В этот день они считают нужным устраивать более обильное, чем в другие дни, угощение. Люди богатые тогда подают на стол целиком зажаренного в печи быка, коня, верблюда или даже осла, а бедные выставляют лишь голову мелкого рогатого скота. Обеденных яств у них немного, зато в изобилии подаются десертные блюда одно за другим. Поэтому персы утверждают, что эллины встают из-за стола голодными, так как у них после обеда не подают ни одного стоящего блюда. Если бы у эллинов подавался десерт, то они бы ели не переставая. Персы — большие любители вина. В присутствии других людей у них не принято извергать пищу и мочиться. Эти обычаи персы строго соблюдают. За вином они обычно обсуждают самые важные дела. Решение, принятое на таком совещании, на следующий день хозяин дома, где они находятся, еще раз предлагает [на утверждение] гостям уже в трезвом виде. Если они и трезвыми одобряют это решение, то выполняют. И наоборот: решение, принятое трезвыми, они еще раз обсуждают во хмелю.

134. При встрече двух персов на улице по их приветствию легко можно распознать, одинакового ли они общественного положения: ведь в таком случае вместо приветствия они целуют друг друга в уста. Если один лишь немного ниже другого по положению, то целуются в щеки. Если же один гораздо ниже другого, то низший кланяется высшему, падая перед ним ниц.

Наибольшим почетом у персов пользуются (разумеется, после самих себя) ближайшие соседи, затем — более отдаленные, а потом уважением пользуются в зависимости от отдаленности. Менее же всего в почете у персов народы, наиболее от них отдаленные. Сами они, по их собственному мнению, во всех отношениях далеко превосходят всех людей на свете, остальные же люди, как они считают, обладают доблестью в зависимости от отдаленности: людей, живущих далее всего от них, они считают самыми негодными. Во время владычества мидян один народ также господствовал над другим, а мидяне — над всеми, а также и над своими ближайшими соседями; эти же последние — опять над своими соседями и т. д. Так же и персы [ныне] оценивают народы. Ведь этот народ постепенно распространял свое влияние сначала непосредственно, а затем с помощью других народов.

135. Персы больше всех склонны к заимствованию чужеземных обычаев. Они носят ведь даже мидийскую одежду, считая ее красивее своей, а на войну надевают египетские доспехи. Персы предаются всевозможным наслаждениям и удовольствиям по мере знакомства с ними. Так, они заимствовали от эллинов любовное общение с мальчиками. У каждого перса много законных жен, а кроме того, еще больше наложниц.

136. Главная доблесть персов — мужество. После военной доблести большой заслугой считается иметь как можно больше сыновей. Тому, у кого больше всех сыновей, царь каждый год посылает подарки. Ведь главное значение они придают численности. Детей с 5- до 20-летнего возраста они обучают только трем вещам: верховой езде, стрельбе из лука и правдивости. До 5-летнего возраста ребенка не показывают отцу: он среди женщин. Это делается для того, чтобы в случае смерти ребенка в младенческом возрасте не доставлять отцу огорчения.

137. Я одобряю этот обычай, хвалю также и тот, что у них даже и сам царь не имеет права казнить человека за один определенный проступок, да и вообще никто из персов не может казнить своих слуг за единичное преступление. Только если по зрелому размышлению он найдет, что слуга совершил больше важных преступлений, чем оказал услуг, тогда господин может излить свой гнев на него. По утверждению персов, у них не было случаев убиения родного отца или ма-

тери. В каждом подобном случае, по их словам, при ближайшем рассмотрении оказывается, что это дело или незаконнорожденных детей или подкидышей: ведь совершенно противоестественно, чтобы настоящего отца, говорят они, убил собственный сын.

138. О том, что им запрещено делать, персы даже и не говорят. Нет для них ничего более позорного, как лгать, а затем делать долги. Последнее — по многим другим причинам, а особенно потому, что должник, по их мнению, неизбежно должен лгать. Кто из горожан страдает проказой или белыми лишаями, тот не входит в город и не вступает в сношения с другими персами. Эти недуги персы приписывают какому-нибудь греху человека по отношению к Солнцу. Всякого чужеземца, страдающего этими недугами, они изгоняют из своей страны. По этой же причине многие убивают также белых голубей. В реку персы не мочатся и не плюют; рук они и сами не моют в реке и никому другому не позволяют этого делать. К рекам вообще персы относятся с глубоким благоговением.

139. Вот еще с какой своеобразной особенностью приходится встречаться у персов, которой сами они не замечают, а для нас она, разумеется, ясна. Собственные имена их, по значению соответствующие их телесной силе и величию, все оканчиваются на одну и ту же букву, которую дорийцы называют сан, а ионяне — сигма. На эту-то букву оканчиваются не только некоторые их имена, а решительно все, как это можно обнаружить при ближайшем рассмотрении.

140. Эти известия о персах я могу сообщить как безусловно достоверные. Напротив, сведения о погребальных обрядах и обычаях персы передают как тайну. Лишь глухо сообщается, что труп перса предают погребению только после того, как его растерзают хищные птицы или собаки. Впрочем, я достоверно знаю, что маги соблюдают этот обычай. Они ведь делают это совершенно открыто. Во всяком случае, персы предают земле тело покойника, покрытое воском. Маги в значительной степени отличаются [одним своим обычаем] как от остальных людей, так особенно от египетских жрецов. Последние полагают свою обрядовую чистоту в том, что не убивают ни одного живого существа, кроме жертвенных животных. Маги же собственноручно убивают всех животных, кроме собаки и человека. Они даже считают великой заслугой, что уничтожают муравьев, змей и [вредных] пресмыкающихся и лета-

ющих животных. Впрочем, пусть этот обычай существует, как он был искони, я же возвращусь к своему прежнему рассказу.

141. Тотчас после завоевания Лидии персами ионяне и эолийцы отправили вестников в Сарды к Киру. Они велели объявить ему, что желают подчиниться персам на тех же условиях, как ранее Крезу. Выслушав их предложение, Кир рассказал им басню: «Какой-то флейтист увидел в море рыбу и принялся играть на флейте, надеясь, что рыба выскочит на сушу. Обманувшись же в своих ожиданиях, он закинул невод, поймал много рыбы и вытащил ее на берег. И вот, увидев бьющуюся в неводе рыбу, он сказал: „Прекратите теперь у меня пляску! Вы ведь даже не захотели выйти поплясать под мою флейту!"» Эту басню Кир рассказал ионянам и эолийцам потому, конечно, что те прежде отклонили предложение Кира отложиться от Креза, а теперь, когда все было уже кончено, изъявили готовность подчиниться Киру. Таков был ответ разгневанного Кира. Когда весть об этом пришла в ионийские города, то ионяне обнесли каждый город стеной и все, кроме милетян, собрались в Панионий (ведь только с одними милетянами Кир заключил союз на тех же условиях, что и лидийский царь). Остальные ионяне единодушно решили послать вестников в Спарту с просьбой о помощи.

142. Эти-то ионяне, которым также принадлежит Панионий, основали свои города, насколько я знаю, в стране под чудесным небом и с самым благодатным климатом на свете. Ни области внутри материка, ни на побережье (на востоке или на западе) не могут сравниться с Ионией. Первые страдают от холода и влажности, а вторые — от жары и засухи. Ионяне говорят не на одном языке, а на четырех различных наречиях. Дальше всего к югу лежит Милет, затем идут Миунт и Приена. Эти города находятся в Карии, и жители их говорят на одном наречии. Напротив, следующие города расположены в Лидии: Эфес, Колофон, Лебед, Теос, Клазомены, Фокея. [В этих городах] также говорят на общем наречии, отличном от наречия вышеназванных городов. Кроме того, есть еще три ионийских города: два из них — на островах, именно Самос и Хиос, а один — Эрифры — на материке. Хиосцы и эрифрейцы говорят на одном наречии, самосцы же — на своем особом. Это и есть четыре ионийских наречия.

143. Итак, из этих ионян милетянам нечего было страшиться, так как они заключили союз с Киром. Впрочем, и островитянам не грозила [непосредственная] опасность: ведь персы еще не покорили финикиян, а сами они не были мореходами. От остальных ионян эти [азиатские] ионяне отделились потому лишь, что ионийское племя было самым слабым и незначительным среди вообще слабого еще тогда эллинского народа. Кроме Афин, вообще не существовало ни одного значительного ионийского города. Поэтому как остальные ионяне, так и афиняне избегали имени «ионяне», не желая называться ионянами. И поныне даже, как я думаю, многие из них стыдятся этого имени. А те двенадцать [азиатских] городов, напротив, гордились своим именем. Они воздвигли общее святилище, назвав его Панионий, и постановили не допускать туда других ионян (о чем, конечно, кроме смирнейцев, никто и не просил).

144. Точно так же и дорийцы из нынешней области пятиградья (которая прежде называлась шестиградьем) не только запретили соседним дорийцам доступ в Триопийское святилище, но даже не допускали и своих сограждан участвовать [в религиозных обрядах] за непочтительность к храму. При состязаниях в честь Аполлона Триопийского они издревле, по обычаю, давали победителям в награду медные треножники. Победители, однако, не должны были брать с собой эти треножники из святилища, но посвящать их богу. Как-то раз победу одержал один галикарнассец по имени Агасикл, который пренебрег этим обычаем, унес треножник домой и повесил там на гвозде на стену. В наказание за это пять городов — Линд, Иалис, Камир, Кос и Книд — отстранили шестой город — Галикарнасс от участия [в религиозных обрядах]. Так наказали они этот город.

145. Так вот, ионяне, как я думаю, основали двенадцать городов и не пожелали больше никого допускать в свой союз вот по какой причине. Когда они жили еще в Пелопоннесе, у них, как и у ахейцев, которые их изгнали, было двенадцать городов. Ахейцы же еще и поныне занимают двенадцать областей [в Пелопоннесе]. Это, во-первых, Пеллена, лежащая близ Сикиона, затем Эгира и Эги (где течет неиссякающая река Крафис, по имени которой названа и река в Италии); потом Бура и Гелика (куда бежали ионяне после неудачной битвы с ахейцами), далее Эгий, Рипы, Патры, Фары и Олен (где течет большая река Пир); нако-

нец, Дима и Тритеи — единственные из этих городов, расположенные внутри страны. Эти двенадцать областей теперь принадлежат ахейцам, а прежде были ионийскими.

146. По этой же причине ионяне и основали двенадцать городов. И было даже очень глупо утверждать, что эти азиатские ионяне чистокровнее и благороднее остальных ионян. Добрую часть их составляют абанты с Евбеи, которые ничего общего не имеют даже в имени с ионянами. Кроме того, ионяне смешались с орхоменскими минийцами, с кадмейцами, дриопами, фокейцами, отделившимися [от своего народа], молоссами, пеласгическими аркадцами, дорийцами из Эпидавра и многими другими племенами. Те же ионяне, которые выступали прямо из афинского пританея и считали себя самыми благородными, не привели с собой на новую родину женщин, но женились на кариянках, родителей которых они умертвили. Из-за этой-то резни [родителей] карийские женщины под клятвой ввели у себя обычай и передали своим дочерям: никогда не вкушать пищи вместе со своими мужьями и не называть мужей по имени за то, что те умертвили их отцов, мужей и детей, а затем взяли их в жены. Все это произошло в Милете.

147. Царями же одни из этих ионийских городов выбрали себе ликийцев, отпрысков Главка, сына Гипполоха, другие — кавконов из Пилоса, потомков Кодра, сына Меланфа; иные, наконец,— потомков и того и другого. Конечно, они несколько более держались за свое имя [ионян], чем остальные ионяне, и их, пожалуй, все же можно назвать чистокровными ионянами. Впрочем, все они ионяне, поскольку происходят из Афин и справляют праздник Апатурий. Это празднество устраивают все ионяне, кроме эфесцев и колофонян. Это — единственные ионийские города, где не празднуют Апатурий, будто бы из-за какого-то убийства.

148. Паниоций — это священное место на Микале, посвященное ионийским союзом Посейдону Геликонию (расположено оно на северной стороне горной цепи). Микале же — это мыс на западе [малоазийского] материка, напротив Самоса. Туда собирались ионийские города на праздник, названный ими Паниония. <Так обстоит дело не только с ионийскими празднествами, но и вообще все названия эллинских праздников, так же как и имена персов, оканчиваются на эту букву.>

149. Это — ионийские города. Эолийские же города вот какие: Кима, называемая также Фриконидой, Ларисы, Неон, Тихос, Темнос, Килла, Нотий, Эгироесса, Питана, Эгеи, Мирина, Гриния. Это — одиннадцать древних эолийских городов. Один из них — Смирну — ионяне отняли у эолийцев. Первоначально ведь на [азиатском] материке было [так же как и ионийских], двенадцать эолийских городов. Эти эолийцы заняли область плодороднее ионийской, но не обладающую столь благодатным климатом.

150. Смирну же эолийцы потеряли вот каким образом. Жители Смирны дали убежище беглецам из Колофона, побежденным при восстании и изгнанным из своей родины. Впоследствии эти колофонские изгнанники воспользовались случаем, когда горожане справляли за городскими стенами праздник в честь Диониса, закрыли ворота и овладели городом. Остальные эолийцы поспешили на помощь городу, но заключили [с колофонскими изгнанниками] соглашение, по которому эолийцы оставили город, после того как ионяне отдали им домашнее имущество. Затем одиннадцать ионийских городов поделили между собой смирнейцев и даровали им гражданские права.

151. Это — эолийские города на [азиатском] материке, кроме поселений на Иде, которые составляют особую группу. Из островных городов пять находятся на Лесбосе (шестой город на Лесбосе — Арисбу — покорили мефимнейцы, хотя жители ее были их кровными родственниками). На Тенедосе есть также один город, а другой — на так называемых «Ста островках». Итак, лесбосцам и тенедосцам (так же как и островным ионянам) нечего было пока опасаться [персов]. Остальные эолийские города решили сообща во всем следовать ионянам.

152. По прибытии же в Спарту ионийских и эолийских послов (а они очень спешили) они выбрали своим представителем фокейского посла по имени Пиферм. Пиферм надел на себя пурпурное одеяние, чтобы спартанцев, если они услышат об этом, собралось бы как можно больше. Затем он выступил [в собрании лакедемонян] с длинной речью, прося помощи. Лакедемоняне даже не стали и слушать его, но решили отказать ионянам в помощи. Послы возвратились домой, а лакедемоняне, несмотря на отказ ионянам, все же послали 50-весельный корабль, как я думаю, чтобы наблюдать за ходом борьбы Кира с ионянами. По прибы-

тии лакедемонского корабля в Фокею спартанцы отправили в Сарды самого уважаемого человека из своей среды по имени Лакрин объявить Киру от имени лакедемонян, что они не позволят ему разорить ни одного эллинского города.

153. После этих слов глашатая, как говорят, Кир спросил эллинов из своей свиты, что это за люди лакедемоняне и сколь они многочисленны, что осмеливаются говорить такие речи. Получив ответ, Кир сказал спартанскому глашатаю: «Я не страшусь людей, у которых посреди города есть определенное место, куда собирается народ, обманывая друг друга и давая ложные клятвы. Если я останусь жив, то им придется толковать не о делах ионян, а о своих собственных». Эти презрительные слова Кир бросил в лицо всем эллинам за то, что у них покупают и продают на рынках (ведь у самих персов вовсе нет базарной торговли и даже не существует рынков). Затем Кир отдал город Сарды [в управление] персу Табалу, а золото Креза и прочих лидийцев поручил хранить лидийцу Пактию. Сам же он вместе с Крезом возвратился в Акбатаны, пока что не обращая никакого внимания на ионян. Ведь помехой Киру были Вавилон, бактрийский народ, саки и египтяне. Против этих-то народностей Кир и намеревался лично выступить в поход, а против ионян послать другого полководца.

154. После отъезда Кира из Сард Пактий поднял восстание против Табала и Кира и затем двинулся к морю, захватив с собой все золото из Сард. Ему удалось навербовать наемников и убедить жителей приморских [городов] присоединиться к походу. Потом Пактий направился в Сарды и осадил Табала, который заперся в акрополе.

155. Получив в пути весть об этих событиях, Кир сказал Крезу вот что: «Крез! Чем кончится все это? Лидийцы, видимо, не перестанут доставлять хлопот и беспокойства себе и другим. Я думаю, не лучше ли всего будет продать их в рабство? Я поступил, кажется, столь же глупо, как тот человек, который убил отца и затем оставил жизнь его детям. Так вот и я: веду в плен тебя, который был лидийцам даже больше, чем отец, а столицу оставил самим лидийцам, и после этого еще удивляюсь, что они восстали против меня!». Так Кир высказал, что у него было на душе, а Крез в страхе, что персидский царь разрушит Сарды, отвечал ему такими словами: «Царь! Ты совершенно прав, но

все-таки не следует гневаться по всякому поводу и разрушать древний город, который совершенно неповинен ни в прежних, ни в теперешних событиях. Ведь за прошлое вина моя, и я поплачусь за это головой. Виновник же теперешнего восстания — Пактий, которому ты отдал Сарды. Его-то ты и покарай! А лидийцам окажи снисхождение. Для того же, чтобы они вновь не подняли мятежа и тебе не нужно было их опасаться, сделай так: пошли вестника и запрети им иметь боевое оружие и прикажи носить под плащами хитоны и высокие сапоги на ногах. Затем повели им обучать своих детей игре на кифаре и лире и заниматься мелочной торговлей. И ты увидишь, царь, как скоро они из мужей обратятся в женщин, так что тебе никогда уже не надо будет страшиться восстания».

156. Крез дал Киру этот совет, полагая, что такая участь предпочтительнее лидийцам, чем продажа в рабство. Крез был убежден, что без веской причины нельзя заставить Кира изменить свое намерение. Он опасался также, как бы лидийцы, даже избежав на этот раз грозной опасности, вновь не восстали против персов и затем не были бы обречены на гибель. Кир, однако, очень обрадовался словам Креза, умерил свой гнев и сказал, что последует его совету. Затем царь велел призвать мидянина Мазареса и приказал передать лидийцам совет Креза. Кроме того, Кир повелел обратить в рабство всех, кто вместе с лидийцами пошел на Сарды, а самого Пактия непременно схватить и привести к нему живым.

157. Отдав эти приказания прямо с дороги, Кир затем двинулся далее в персидские пределы. Пактий же при вести о приближении высланного против него персидского войска в страхе бежал в Киму. Между тем мидянин Мазарес во главе части персидского войска направился в Сарды, но не нашел там уже сообщников Пактия. Прежде всего он заставил лидийцев подчиниться повелениям Кира, в силу чего лидийцам пришлось изменить весь уклад своей жизни. Затем Мазарес отправил вестника в Киму с требованием выдать Пактия. Кимейцы, однако, решили обратиться за советом к богу [в святилище] в Бранхидах. Там издревле было прорицалище, которое обычно вопрошали все ионяне и эолийцы. Местность же эта лежит в Милетской области выше гавани Панорма.

158. Итак, кимейцы отправили послов к бранхидам во-
 просить бога: как им поступить с Пактием, чтобы уми-

лостивить богов. Послы вопросили бога и получили ответ: выдать Пактия персам. Услышав такое изречение оракула, кимейцы постановили выдать Пактия. Однако, когда народ уже собирался это сделать, Аристодик, сын Гераклида, один из уважаемых граждан, сумел удержать их от этого. Он усомнился в правильности изречения оракула, полагая, что послы говорят ложь. В конце концов кимейцы отправили других послов к оракулу вопросить о Пактии (среди них был также и Аристодик).

159. Когда [новые] послы прибыли в Бранхиды, то Аристодик от имени всех обратился к богу с таким вопросом: «Владыка! Пришел к нам, умоляя о защите, лидиец Пактий, чтобы избежать лютой смерти от персов. Персы же требуют у кимейцев его выдачи. А мы, хотя и страшимся персидской мощи, не смеем выдать просящего защиты, пока ты ясно не укажешь, что нам делать». Так вопрошал Аристодик, а бог изрек им опять тот же самый ответ, повелевая выдать Пактия персам. Тогда Аристодик, обдумав заранее свои действия, поступил так: он стал обходить вокруг святилища и разорять гнезда воробьев и разных других птиц, которые нашли себе приют при храме. В это время, как говорят, из святилища послышался голос, взывавший к Аристодику так: «О нечестивейший из смертных! Зачем дерзаешь ты на такое деяние? Зачем изгоняешь ищущих защиты из моего храма?» Аристодик же не смутился, но возразил богу так: «Владыка! Сам ты помогаешь прибегающим к твоей защите, а кимейцам приказываешь выдать молящего о защите!» А бог опять возразил ему такими словами: «Да, так я повелеваю, чтобы вы скорее погибли из-за вашего нечестия и впредь не приходили вопрошать оракул о выдаче молящих о защите».

160. После такого ответа оракула кимейцы не захотели выдать Пактия из страха погибнуть или, оставив у себя, подвергнуться осаде. Поэтому они отослали его в Митилену. Митиленцы же, когда Мазарес послал вестника к ним с приказанием выдать Пактия, выразили готовность сделать это за некоторую мзду (точно не знаю какую, так как сделка не состоялась, потому что кимейцы, проведав намерение митиленцев, отправили корабль на Лесбос и доставили Пактия оттуда на Хиос). Там хиосцы силой вытащили Пактия из святилища Афины Полиухос и выдали персам. Выдали же его хиосцы в обмен на Атарней (местность, где распо-

ложен этот Атарней, находится в Мисии, напротив Лесбоса). Получив в свои руки Пактия, персы содержали его в темнице, чтобы потом привести к Киру. Однако еще долго после этого ни один хиосец не посылал богам в жертву ячменя и не выпекал жертвенных лепешек из урожая плодов в Атарнее. Вообще ничего из того, что рождала эта земля, не употреблялось для жертвоприношений.

161. Так хиосцы выдали Пактия. Мазарес же после этого выступил в поход против всех городов, которые участвовали в осаде Табала. Сначала он подчинил приенцев, потом прошел всю долину Меандра, отдав ее на разграбление своему войску, так же как и город Магнесию. Вслед за тем Мазарес занемог и скончался.

162. После кончины Мазареса преемником его в должности военачальника стал Гарпаг, как и он, родом мидянин. Это был тот самый Гарпаг, которому мидийский царь Астиаг устроил нечестивое пиршество и который помог Киру вступить на престол. Этот-то человек, назначенный Киром в военачальники, прибыл в Ионию и стал захватывать города, окружая их валом. Он запирал жителей в стенах города, возводил у стен насыпи и затем брал город приступом. Первым ионийским городом, подвергшимся его нападению, была Фокея.

163. Жители этой Фокеи первыми среди эллинов пустились в далекие морские путешествия. Они открыли Адриатическое море, Тирсению, Иберию и Тартесс. Они плавали не на «круглых» торговых кораблях, а на 50-весельных судах. В Тартессе они вступили в дружбу с царем той страны по имени Арганфоний. Он царствовал в Тартессе 80 лет, а всего жил 120. Этот человек был так расположен к фокейцам, что сначала даже предложил им покинуть Ионию и поселиться в его стране, где им будет угодно. А затем, когда фокейцы не согласились на это, царь, услышав об усилении могущества лидийского царя, дал им денег на возведение стен в их городе. Дал же он денег, не скупясь, так как окружность стен [Фокеи] составляет немало стадий, а вся стена состоит целиком из огромных тщательно прилаженных камней.

164. Таким-то образом фокейцы воздвигли стену своего города. А Гарпаг, когда привел свое войско и начал осаду города, то велел сказать фокейцам, что удовольствуется, если горожане разрушат один только бастион на стене и «посвятят» [в знак покорности царю]

один дом. Фокейцы же, которые ненавидели рабство, объявили, что просят один день на совещание и затем дадут ответ, а на время совещания пусть Гарпаг отведет свое войско от города. Гарпаг же велел им ответить, что прекрасно понимает их замысел, но тем не менее дает им время на размышление. Однако, когда Гарпаг отвел войско от города, фокейцы спустили на воду свои 50-весельные корабли, погрузили на них жен и детей и все пожитки, а также изображения богов и прочие посвятительные дары из храмов, кроме мраморных и медных статуй и картин. Погрузив затем и все остальное имущество, они взошли сами на борт и отплыли по направлению на Хиос. Фокею же, оставленную жителями, заняли персы.

165. Хиосцы, однако, не захотели продать фокейцам так называемые Энусские острова, опасаясь, что эти острова станут торговым центром, а их собственный остров из-за этого лишится торговых выгод. Поэтому фокейцы отправились на Кирн. Ведь на Кирне за двадцать лет до этих событий они по велению божества основали город по имени Алалия (Арганфоний тогда уже скончался). Отправляясь на Кирн, фокейцы сначала возвратились в Фокею и перебили там персидскую стражу, оставленную Гарпагом в городе. После этого они изрекли страшные проклятия тем, кто отстанет от похода. Затем погрузили в море кусок железа и поклялись, что не вернутся в Фокею прежде, чем это железо не всплывет [на поверхность]. Во время приготовлений к отплытию на Кирн больше половины граждан охватила мучительная тоска по родному городу и насиженным местам. И вот, нарушив данную клятву, они отплыли назад в Фокею. Те же, кто остался верен клятве, покинули Энуссы и отплыли [на Кирн].

166. По прибытии на Кирн фокейцы пять лет жили там вместе с прежними поселенцами и воздвигли святилища богам. Так как они стали [потом] разорять окрестности и грабить жителей, то тирсены и карфагеняне, заключив союз, пошли на них войной (те и другие на 60 кораблях). Фокейцы также посадили своих людей на корабли числом 60 и поплыли навстречу врагам в так называемое Сардонское море. В морской битве фокейцы одержали нечто вроде Кадмейской победы: 40 кораблей у них погибло, а остальные 20 потеряли боеспособность, так как у них были сбиты носы. После этого фокейцы возвратились в Алалию. Там они посадили жен и детей на корабль и, погрузив за-

тем сколько могло на него поместиться имущества, покинули Кирн и отплыли в Регий.

167. Что до людей с погибших кораблей, то по крайней мере бóльшую часть их захватили в плен карфагеняне и тирсены и, высадившись на сушу, побили камнями [...] С тех пор у агиллейцев все живые существа — будь то овцы, рабочий скот или люди, проходившие мимо места, где лежали трупы побитых камнями фокейцев,— становились увечными, калеками или паралитиками. Тогда агиллейцы отправили послов в Дельфы, желая искупить свое преступление. Пифия повелела им делать то, что агиллейцы совершают еще и поныне: они приносят богатые жертвы фокейцам, как героям, и устраивают в их честь гимнастические состязания и конские ристания. Вот какая участь постигла этих фокейцев. Другие же, которые нашли убежище в Регии, двинулись оттуда и захватили в земле Энотрии город, ныне носящий имя Гиела. А заселили они этот город потому, что какой-то человек из Посейдонии объяснил им, что Пифия в своем изречении подразумевала героя Кирна, а не заселение острова Кирна.

168. Такова была судьба Фокеи в Ионии. Почти так же, как фокейцы, поступили и жители Теоса. После того как Гарпаг, возведя насыпь, захватил стены [их города], все теосцы сели на корабли и отплыли во Фракию. Там они поселились в городе Абдерах. Город этот основал ранее Тимесий из Клазомен; основав же город, он, однако, не сумел воспользоваться плодами своих трудов, потому что был изгнан фокейцами. Теперь зато теосцы, поселившись в Абдерах, воздают ему героические почести.

169. Эти два ионийских города были единственными, которые предпочли покинуть свою родину, чем терпеть рабство. Остальные ионяне, кроме милетян, так же как и те, что покинули родину, вступили в борьбу с Гарпагом и доблестно сражались каждый за свой родной город. Однако они потерпели поражение и были покорены. Все они остались на месте и платили наложенную на них дань. Милетяне же, как я сказал выше, заключили союз с самим Киром и сохранили мир [и спокойствие]. Так-то Иония вторично потеряла свободу. После покорения Гарпагом материковых ионян островные ионяне, устрашившись подобной же участи, добровольно подчинились Киру.

170. Несмотря на понесенное поражение, ионяне все
100 же собрались в Панионий. Там, как я слышал, Биант

из Приены подал им весьма полезный совет. Последуй ионяне этому совету, они стали бы, пожалуй, самыми счастливыми и богатыми среди эллинов. Биант предложил им всем вместе отплыть на Сардон и там основать один общий для всех ионян город. Так они избежали бы порабощения, достигли бы процветания, живя на самом большом из всех островов на свете, и даже подчинили бы себе другие племена. Оставаясь же в Ионии, они, по его словам, потеряют надежду получить когда-нибудь свободу. Этот совет дал ионянам Биант из Приены уже после их подчинения персам. Но еще раньше, когда Иония была свободной, Фалес из Милета (по происхождению финикиянин) подал им вот такой полезный совет. Он предложил ионянам построить один общий дом для совещаний, именно на Теосе, так как Теос лежит в середине Ионии. Отдельные города тем не менее должны были сохранить самостоятельность, но только как местные общины. Такие советы подали эти два человека ионянам.

171. Покорив Ионию, Гарпаг пошел войной на карийцев, кавниев и ликийцев, взяв с собой ионян и эолийцев. Карийцы пришли на материк с островов. В глубокой древности они были подвластны Миносу, назывались лелегами и жили на островах. Впрочем, лелеги, по преданию, насколько можно проникнуть в глубь веков, не платили Миносу никакой дани. Они обязаны были только поставлять по требованию гребцов для его кораблей. Так как Минос покорил много земель и вел победоносные войны, то и народ карийцев вместе с Миносом в те времена был самым могущественным народом на свете. Карийцы изобрели три вещи, которые впоследствии переняли у них эллины. Так, они научили эллинов прикреплять к своим шлемам султаны, изображать на щитах эмблемы и первыми стали приделывать ручки на щитах (до тех пор все народы носили щиты без ручек и пользовались ими с помощью кожаных перевязей, надевая их на шею и на левое плечо). Затем, много времени спустя, карийцев изгнали с их островов дорийцы и ионяне, и таким-то образом они переселились на материк. Так-то рассказывают о карийцах критяне. Сами же карийцы, впрочем, не согласны с ними: они считают себя исконными жителями материка, утверждая, что всегда носили то же имя, что и теперь. [В доказательство этого] они показывают в Миласах древнее святилище Зевса Карийского, принадлежащее мисийцам и лидийцам, так как

это родственные карийцам племена. Ведь, по их преданию, Лид и Мис были братьями Кара. Им-то [лидийцам и мисийцам], конечно, и принадлежало святилище, а не племенам другого происхождения, даже если те и говорили на одном языке с карийцами.

172. Что до кавниев, то они, мне думается,— исконные жители [материка]; сами же они тем не менее считают себя пришельцами с Крита. Похож ли их язык на карийский или, наоборот, карийский схож с кавнийским, я не могу это точно решить. По обычаям же они сильно отличаются не только от карийцев, но и от всех прочих народов. Так, для кавниев самое высокое удовольствие — это собираться на многолюдные пирушки сверстникам и друзьям, именно мужчинам, женщинам и детям. Они воздвигли у себя храм чужеземным богам, а затем раскаялись в этом и решили почитать только отеческих богов. Тогда все кавнии, способные носить оружие, вооружились: ударяя копьями по воздуху, они шли до калиндийских пределов и восклицали при этом, что изгоняют чужеземных богов.

173. Таковы [странные] обычаи кавниев. Ликийцы же первоначально пришли из Крита (весь Крит в древности целиком занимали варвары). Когда на Крите сыновья Европы Сарпедон и Минос поссорились из-за верховной власти, то в борьбе верх одержал Минос и изгнал Сарпедона с его приверженцами. Изгнанники прибыли в землю Милиаду в Азии. Страна, где ныне обитают ликийцы, в древности называлась Милиадой, а жители ее именовались солимами. Ведь, пока царем изгнанников был Сарпедон, они сохраняли свое имя — термилов, принесенное с Крита, как еще и поныне соседи называют ликийцев. Когда же к Сарпедону в страну термилов прибыл из Афин Лик, сын Пандиона, также изгнанный своим братом Эгеем, то они с течением времени стали называться по его имени ликийцами. Обычаи их частью критские, частью карийские. Есть, впрочем, у них один особенный обычай, какого не найдешь больше нигде: они называют себя по матери, а не по отцу. Если кто-нибудь спросит ликийца о его происхождении, тот назовет имя своей матери и перечислит ее предков по материнской линии. И если женщина-гражданка сойдется с рабом, то дети ее признаются свободнорожденными. Напротив, если гражданин — будь он даже самый влиятельный среди них — возьмет в жены чужестранку или наложницу, то дети не имеют прав гражданства.

174. Итак, карийцы покорились Гарпагу, не покрыв себя славой: ни сами карийцы, ни эллины, живущие в их стране, при этом не совершили никаких подвигов. Среди других эллинов живут там и книдяне — поселенцы из Лакедемона. Область книдян простирается до моря и носит название Триопий. Книдия начинается от части Херсонеса у города Бибасса и вся окружена морем, кроме незначительной местности. Так, на севере она граничит с заливом Керамик, на юге — с морем у острова Симы и Родоса. Когда Гарпаг завоевывал Ионию, книдяне стали прокапывать упомянутую выше узкую полосу земли (шириной почти 5 стадий), чтобы превратить свою землю в остров. Ведь вся область книдян лежит по эту сторону полуострова. Как раз там, где конец книдской земли, и находится перешеек, который они начали прокапывать. И вот, когда множество книдян взялось за работу, оказалось, что рабочие стали получать ранения на теле, и особенно [повреждения] глаз [от осколков камней], когда приходилось пробивать скалу. [Ранения эти] указывали на более прямое, явно сверхъестественное воздействие божества. Тогда книдяне отправили послов в Дельфы вопросить бога о том, что препятствует им [в работе]. Пифия же, по их словам, изрекла такой ответ стихами в трехстопном размере:

> Не ройте Истма! Стен не воздвигайте!
> Зевс создал остров тут, коль только б захотел.

Получив такое прорицание, книдяне прекратили работы, и, когда Гарпаг с войском подошел [к городу], они сдались без боя.

175. По ту сторону Галикарнасса в глубине страны жили педасийцы. Всякий раз, когда им самим или их соседям угрожало какое-нибудь несчастье, у жрицы Афины вырастала длинная борода. И так бывало уже у них трижды. Эти-то педасийцы — единственные карийцы, которые некоторое время оказывали сопротивление Гарпагу, доставив ему немало хлопот. Они укрепили место на горе под названием Лида.

176. Со временем, однако, педасийцы все же были покорены. Ликийцы же, когда Гарпаг вступил с войском в долину Ксанфа, вышли ему навстречу и доблестно сражались небольшими отрядами против огромного войска. Потерпев поражение, они были оттеснены в город [Ксанф]. Тогда ликийцы собрали на акрополе

жен, детей, имущество и рабов и подожгли акрополь, отдав его в жертву пламени. После этого ксанфии страшными заклятиями обрекли себя на смерть: они бросились на врага и все до единого пали в бою. Ведь среди нынешних жителей Ксанфа, которые выдают себя за ликийцев, большинство — пришельцы, за исключением 80 семей. Эти 80 семей в то время случайно находились в чужом краю и потому избежали этой страшной участи. Так-то Гарпаг овладел Ксанфом. Подобным же образом он захватил и город Кавн, так как большинство кавниев последовало примеру ликийцев.

177. В то время как Гарпаг разорял [города] приморской области Передней Азии, сам Кир покорял народ за народом внутри страны, не минуя ни одного. О большей части этих походов я умолчу и расскажу только о тех, которые доставили ему больше всего хлопот и особенно достойны упоминания.

178. После завоевания всего [азиатского] материка Кир обратился против ассирийцев. В Ассирии есть много и других больших городов, но самым знаменитым и наиболее могущественным городом, где у ассирийцев после разрушения Нина находился царский дворец, был Вавилон. Построен Вавилон вот как. Лежит он на обширной равнине, образуя четырехугольник, каждая сторона которого 120 стадий длины. Окружность всех четырех сторон города составляет 480 стадий. Вавилон был не только очень большим городом, но и самым красивым из всех городов, которые я знаю. Прежде всего город окружен глубоким, широким и полным водой рвом, затем идет стена шириной в 50 царских локтей, а высотой в 200. Царский же локоть на 3 пальца больше обыкновенного.

179. Здесь я должен рассказать, куда употребили землю, вынутую из рва, и как была возведена стена. Лишь только выкопали ров, то взятую оттуда землю стали употреблять для выделки кирпича. Изготовив достаточное количество сырых кирпичей, обжигали их в печах. Вместо цемента строители пользовались горячим асфальтом и через каждые тридцать рядов кирпича закладывали между камнями камышовые плетенки. Сначала таким образом укрепили края рва, а затем и саму стену. На верху стены по краям возвели по две одноэтажные башни, стоявшие друг против друга. Между башнями оставалось пространство, достаточное для проезда четверки лошадей. Кругом на стене

находилось 100 ворот целиком из меди (в том числе их косяки и притолоки). Есть и другой город в восьми днях пути от Вавилона по имени Ис. Там протекает небольшая река также под названием Ис. Впадает она в реку Евфрат. Эта-то река Ис выносит своим течением комочки асфальта. Отсюда и был доставлен асфальт для постройки вавилонской стены.

180. Таким-то образом были возведены стены Вавилона. Город же состоит из двух частей. Через него протекает река по имени Евфрат, берущая начало в Армении. Эта большая, глубокая и быстрая река впадает в Красное море. По обеим сторонам реки стена, изгибаясь, доходит до самой реки, а отсюда по обоим берегам идет стена из обожженных кирпичей. Город же сам состоит сплошь из трех- и четырехэтажных домов и пересечен прямыми улицами, идущими частью вдоль, а частью поперек реки. На каждой поперечной улице в стене вдоль реки было столько же маленьких ворот, сколько и самих улиц. Ворота эти были также медные и вели к самой реке.

181. Эта [внешняя] стена является как бы панцирем города. Вторая же стена идет внутри первой, правда, ненамного ниже, но уже нее. В середине каждой части города воздвигнуто здание. В одной части — царский дворец, окруженный огромной и крепкой стеной; в другой — святилище Зевса Бела с медными вратами, сохранившимися еще до наших дней. Храмовой священный участок — четырехугольный, каждая сторона его длиной в 2 стадии. В середине этого храмового священного участка воздвигнута громадная башня, длиной и шириной в 1 стадию. На этой башне стоит вторая, а на ней — еще башня, в общем восемь башен — одна на другой. Наружная лестница ведет наверх вокруг всех этих башен. На середине лестницы находятся скамьи, должно быть, для отдыха. На последней башне воздвигнут большой храм. В этом храме стоит большое, роскошно убранное ложе и рядом с ним золотой стол. Никакого изображения божества там, однако, нет. Да и ни один человек не проводит здесь ночь, за исключением одной женщины, которую, по словам халдеев, жрецов этого бога, бог выбирает себе из всех местных женщин.

182. Эти жрецы утверждают (я, впрочем, этому не верю), что сам бог иногда посещает храм и проводит ночь на этом ложе. То же самое, по рассказам египтян, будто бы происходит и в египетских Фивах. И там

в храме Зевса Фиванского также спит какая-то женщина. Обе эти женщины, как говорят, не вступают в общение со смертными мужчинами. Точно так же, впрочем, и прорицательница — жрица бога в Патарах Ликийских [спит в храме], когда является бог и изрекает оракул (что бывает не всегда, а лишь по временам). Но при явлении бога жрицу запирают с ним по ночам в храме.

183. Есть в священном храмовом участке в Вавилоне внизу еще и другое святилище, где находится огромная золотая статуя сидящего Зевса. Рядом же стоят большой золотой стол, скамейка для ног и трон — также золотые. По словам халдеев, на изготовление [всех этих вещей] пошло 800 талантов золота. Перед этим храмом воздвигнут золотой алтарь. Есть там и еще один огромный алтарь; на нем приносят в жертву взрослых животных; на золотом же алтаре можно приносить в жертву только сосунков. На большом алтаре халдеи ежегодно сжигают 1000 талантов ладана на празднике в честь этого бога. Была еще в священном участке в то время, о котором идет речь, золотая статуя бога, целиком из золота, 12 локтей высоты. Мне самому не довелось ее видеть, но я передаю лишь то, что рассказывали халдеи. Эту-то статую страстно желал Дарий, сын Гистаспа, но не дерзнул захватить ее. Однако Ксеркс, сын его, похитил статую, повелев умертвить жреца, который не позволял [прикасаться к статуе] и двигать ее с места. Так роскошно украшен этот [храм] и священный участок, где также есть много посвятительных даров от частных лиц.

184. Много и других царей правило в Вавилоне, о которых я расскажу в моей истории Ассирии. Они еще более укрепили стены [города] и украсили святилища. Среди этих-то царей были и две женщины. Старшая по имени Семирамида, которая царствовала за пять поколений до младшей, велела построить в долине достопримечательную плотину. Прежде ведь река обычно при разливах затопляла всю долину.

185. Вторая царица, которую звали Нитокрис, была еще более мудрой, чем ее предшественница, и оставила памятники, о которых я расскажу. Кроме того, эта царица видела, как велико могущество мидян, сколь это беспокоит народ и как много городов они уже завоевали (среди них даже Нин). Поэтому-то она и решила принять заранее всевозможные меры предосторожности. Прежде всего она изменила течение реки

Евфрата, который протекал раньше прямо через середину города. Для этого Нитокрис велела прокопать канал выше города, и таким образом река стала настолько извилистой, что, например, мимо одного селения в Ассирии она протекала трижды (название этого селения, куда Евфрат подходит три раза, Ардерикка). Еще и поныне, совершая путешествие из Нашего моря в Вавилон вниз по Евфрату, приходится трижды проезжать мимо этого селения в течение трех дней. Это было одно деяние Нитокрис. Затем по ее повелению по обеим сторонам реки насыпали плотину поразительной величины и высоты. Потом на значительном расстоянии выше Вавилона она приказала выкопать водоем для озера неподалеку от реки такой глубины, чтобы повсюду выступили подпочвенные воды. Ширина же этого водоема достигла в окружности 420 стадий. Вырытую из ямы землю царица велела употреблять для речной плотины. Когда бассейн был готов, она приказала привезти камень и облицевать им края водоема. Произвела же царица обе эти работы — именно сделала реку излучистой и обратила всю прокопанную местность в болото — не только для того, чтобы множеством излучин замедлять течение реки, но и затем, чтобы сделать речной путь в Вавилон более извилистым и, наконец, чтобы после плавания путешественникам нужно было делать еще большой объезд озера по суше. Эти работы производились в той части страны, где были проходы и самый короткий путь из Мидии. Целью этих мероприятий было затруднить мидянам проникновение в страну при торговых сношениях и не позволить им точно разузнать положение дел в стране.

186. Эти сооружения царица воздвигла [против мидян] из земли, добытой при рытье водоема. Кроме того, она воспользовалась этими работами еще и для другой, побочной цели. Город состоял из двух частей, разделенных рекой. При прежних царях, чтобы попасть из одной половины города в другую, нужно было переправляться на лодке, что, мне думается, было неудобно. Нитокрис позаботилась и об этом. Когда был вырыт водоем для озера, она оставила в память об этих работах вот еще что. Она повелела вырубить огромные камни. Когда эти камни были изготовлены и водоем выкопан, Нитокрис отвела весь речной поток в этот водоем, и по мере наполнения водоема старое русло высыхало. Затем Нитокрис приказала укрепить

берега реки вдоль города и спуски, ведущие от стенных ворот к реке, облицевать обожженным кирпичом таким же способом, как и городские стены. Потом приблизительно в середине города она велела построить мост из вырубленных камней (камни были скреплены железом и свинцом). Днем на мост настилали поперек четырехугольные доски, по которым вавилоняне переходили через реку. На ночь же этот настил убирали, для того чтобы люди не бродили туда и сюда и не грабили друг друга. После сооружения моста, когда выкопанное озеро наполнилось водой, царица велела отвести реку Евфрат из озера в старое русло. Таким образом, озеро превратилось в болото, для чего и было предназначено, а горожанам, кроме того, был построен мост.

187. Эта же царица обманула потомство вот какой хитростью. Она повелела воздвигнуть себе гробницу над воротами в самом оживленном месте города (гробница находилась непосредственно над самими воротами) и вырезать на ней надпись, гласящую вот что: «Если кто-нибудь из вавилонских царей после меня будет иметь нужду в деньгах, то пусть откроет эту гробницу и возьмет сколько пожелает денег. Однако без нужды пусть напрасно не открывает ее. Но лучше бы вовсе [не открывать гробницы]». Так эта гробница оставалась нетронутой, пока вавилонское царство не перешло к Дарию. Дарию казалось даже странным, почему он не воспользовался [этой гробницей над] воротами, хотя там лежат сокровища, которые к тому же [как бы] сами приглашают завладеть ими. Царь, однако, не захотел пройти через эти ворота, потому что над головой [у него] оказался бы мертвец. Открыв же гробницу, он не нашел там никаких сокровищ, а только покойника и вот такую надпись: «Если бы ты не был столь жадным, то не разорял бы гробниц покойников». Вот что рассказывают об этой царице.

188. Против сына этой-то женщины (его звали, как и отца, Лабинетом, и он был царем Ассирии) Кир и пошел войной. Всякий раз, когда великий царь выступает в поход, то, сделав дома хороший запас хлеба и мелкого скота, он берет с собой, кроме того, еще воду из протекающей у Сус реки Хоаспа (единственной реки, откуда он пьет воду). Множество четырехколесных повозок, запряженных мулами, с этой-то кипяченой водой из Хоаспа в серебряных сосудах всегда следует за царем, куда бы он ни отправлялся в поход

189. Двигаясь на Вавилон, Кир достиг реки Гинда. Истоки этой реки находятся в Матиенских горах, течет же она через землю дарданов, а впадает в другую реку — Тигр. Тигр же протекает мимо города Опиды и впадает в Красное море. Когда Кир хотел перейти эту судоходную реку Гинд, один из его священных белых коней от резвости прыгнул в воду, чтобы переплыть реку. Однако река поглотила коня и унесла его своим течением. Тогда Кир страшно разгневался на реку за такую дерзость и повелел сделать ее столь мелкой, чтобы впредь даже женщины могли легко переходить, не замочив колена. После такой угрозы Кир отложил пока что поход на Вавилон. Разделив затем свое войско на две части, царь расположил воинов по берегам реки и велел на каждом берегу наметить по всем направлениям 180 прямых, как стрела, каналов, ведущих к реке. Потом он расставил воинов и приказал копать. При большом числе рабочих рук работа была быстро завершена, но все же на нее пришлось затратить целое лето.

190. Так-то покарал Кир реку Гинд, разделив ее на 360 каналов. А когда вновь наступила весна, царь выступил в поход на Вавилон. Вавилоняне вышли из города с войском и ожидали Кира. Когда царь подошел к городу, вавилоняне бросились в бой, но, потерпев поражение, были оттеснены в город. Вавилонянам было уже заранее известно, что Кир теперь не будет бездействовать: они видели ведь, как персидский царь нападал на один народ за другим. Поэтому, запасшись продовольствием на очень много лет, они не обращали никакого внимания на осаду. Между тем Кир оказался в затруднительном положении, так как прошло уже много времени, а дело [осады] нисколько не подвигалось вперед.

191. Наконец — другой ли кто подал совет в затруднении или же сам Кир сообразил, как ему поступать,— но сделал он вот что. Он поставил часть своего войска в том месте, где река входит в город, а другую часть — ниже по течению, у ее выхода из города. Затем он приказал воинам, как только увидят, что русло стало проходимым вброд, вступать по этому руслу в город. После этого сам царь с нестроевой частью войск отступил. По прибытии к упомянутому выше озеру Кир сделал с рекой приблизительно то же самое, что некогда совершила и вавилонская царица. Персидский царь отвел реку с помощью канала в озе-

ро, которое, собственно, было болотом, а таким образом старое русло сделалось проходимым. После того как вода в реке спала настолько, что доходила людям приблизительно до колена, персы по старому руслу вошли в Вавилон. Если бы вавилоняне заранее узнали замысел Кира или вовремя заметили его действия, то, конечно, не только не позволили бы персам проникнуть в город, но даже совершенно уничтожили бы врага. Ведь они могли просто запереть все ведущие к реке ворота и, взойдя на стены по обоим берегам реки, поймать персов, как в ловушку. Однако теперь персы внезапно напали на вавилонян. Город же Вавилон столь огромный, что, по рассказам тамошних людей, горожане, жившие в центре, не знали, что враги уже заняли окраины. В это время они по случаю праздника плясали и веселились до тех пор, пока слишком хорошо не узнали [свое ужасное положение]. Так-то Вавилон был взят тогда в первый раз.

192. Сколь велико богатство Вавилона, я могу ясно показать на многих других примерах, но ограничусь следующим. Вся страна, подвластная великому царю, обязана, кроме обычной подати, еще содержать царя и его войско. Итак, вавилонская земля из двенадцати месяцев четыре месяца в году поставляет царю продовольствие, а восемь месяцев — вся остальная Азия. Таким образом, одна эта Ассирия по богатству занимает третье место во всей Азии. И наместничество в этой стране, которое персы называют сатрапией, безусловно самое доходное из всех наместничеств. Тритантехм, сын Артабаза, которому царь пожаловал эту область в управление, каждый день собирал с нее полную артабу серебра (артаба — персидская мера, вмещающая 1 аттический медимн и 3 аттических хеника). У самого Тритантехма, кроме боевых коней, было еще 800 жеребцов, покрывающих кобылиц, а кобылиц было 16 000 (каждый жеребец покрывал по 20 кобылиц). Он держал также так много собак индийской породы, что четыре больших селения на равнине должны были доставлять пищу для них и за это были освобождены от прочих повинностей. Так богат был правитель Вавилона.

193. Дождей в Ассирийской земле выпадает мало, но и этих незначительных дождей достаточно для первоначального питания и роста корней злаков. При этом посевы орошаются из реки, зреют и злак растет. Сама
 река, однако, здесь не заливает поля, как в Египте, но

орошение производится вручную водочерпательными приспособлениями [журавлями]. Вся Вавилония, подобно Египту, всюду перерезана каналами. Самый большой из этих каналов — судоходен; в юго-восточном направлении он течет из Евфрата в другую реку — Тигр, на которой лежал город Нин. Из всех стран на свете, насколько я знаю, эта земля производит безусловно самые лучшие плоды Деметры. Напротив, плодовые деревья там даже вообще не произрастают: ни смоковница, ни виноградная лоза, ни маслина. Что же до плодов Деметры, то земля приносит их в таком изобилии, что урожай здесь вообще сам-двести, а [в хорошие годы] даже сам-триста. Листья пшеницы и ячменя достигают там целых четырех пальцев в ширину. Что просо и сесам бывают там высотой с дерево, мне хорошо известно, но я не стану рассказывать об этом. Я знаю ведь, сколь большое недоверие встретит мой рассказ о плодородии разных хлебных злаков у тех, кто сам не побывал в Вавилонии. Оливкового масла вавилоняне совсем не употребляют, но только из сесама. Повсюду на равнине растут там финиковые пальмы, в большинстве плодоносные. Из плодов пальм приготовляют хлеб, вино и мед. Выращивают вавилоняне финиковые пальмы тем же способом, как и смоковницы. Они привязывают плоды так называемых у эллинов «мужских» пальм к плодоносным деревьям, чтобы орехотворка, проникнув в финик, помогла ему созреть и он преждевременно не опал. Ведь орехотворки сидят в плодах «мужских» пальм, так же как и в зимних смоквах.

194. Теперь я перейду к рассказу о самом удивительном из всего, что есть в этой стране (кроме самого города Вавилона). Суда, на которых плавают вниз по реке в Вавилон, совершенно круглые и целиком сделаны из кожи. В Армении, которая лежит выше Ассирии, вавилоняне нарезают ивовые прутья для остова корабля. Снаружи [остов] обтягивают плотными шкурами наподобие [круглого] днища корабля. Они не расширяют кормовой части судна и не заостряют носа, но делают судно круглым, как щит. Затем набивают все судно соломой [для обертки груза] и, нагрузив, пускают плыть вниз по течению. Перевозят они вниз по реке главным образом глиняные сосуды с финикийским вином. Управляют судном с помощью двух рулевых весел, которыми стоя загребают двое людей. Один из них при этом тянет судно веслом к себе, а другой от-

талкивается. Такие суда строят очень большого размера и поменьше. Самые большие вмещают до 5000 талантов груза. На каждом судне находится живой осел, и на больших — несколько. По прибытии в Вавилон купцы распродают свой товар, а затем с публичных торгов сбывают и [плетеный] остов судна, и всю солому. А шкуры потом навьючивают на ослов и возвращаются в Армению. Вверх по реке ведь из-за быстрого течения плыть совершенно невозможно. Поэтому и суда строят не из дерева, а из шкур. Когда же купцы на своих ослах прибывают в Армению, то строят новые суда таким же способом. Таковы у них [речные] суда.

195. Одеяние же у вавилонян вот какое. [На теле] вавилонянин носит льняной хитон, доходящий до ног, а поверх — другой, шерстяной. Затем поверх накидывает еще тонкую белую хламиду. Обувь у них — общепринятая [в этой стране], похожая на беотийские сапоги. Отпуская длинные волосы, вавилоняне повязывают на голове тюрбаны и все тело умащают миррой. У всякого вавилонянина есть перстень с печатью и посох искусной работы. На каждом посохе вырезаны яблоко, роза, лилия, орел или что-либо подобное. Носить посох без такого изображения у них не принято. Таково внешнее обличье вавилонян, а о нравах и обычаях их я расскажу вот что.

196. Самый благоразумный обычай, который, как я знаю, бытует также и у иллирийских энетов, по моему мнению, у них вот какой. Раз в году в каждом селении обычно делали так: созывали всех девушек, достигших брачного возраста, и собирали в одном месте. Их обступали толпы юношей, а глашатай заставлял каждую девушку поодиночке вставать, и начиналась продажа невест. Сначала выставляли на продажу самую красивую девушку из всех. Затем, когда ее продавали за большие деньги, глашатай вызывал другую, следующую после нее по красоте (девушки же продавались в замужество). Очень богатые вавилонские женихи наперебой старались набавлять цену и покупали наиболее красивых девушек. Женихи же из простонародья, которые вовсе не ценили красоту, брали и некрасивых девиц и в придачу деньги. После распродажи самых красивых девушек глашатай велел встать самой безобразной девушке или калеке и предлагал взять ее в жены за наименьшую сумму денег, пока ее кто-нибудь не брал с наименьшим приданым. Деньги же выручались от продажи красивых девушек, и та-

ким образом красавицы выдавали замуж дурнушек и калек. Выдать же замуж свою дочь за кого хочешь не позволялось, а также нельзя было купленную девушку уводить домой без поручителя. И только, если поручитель установит, что купивший девушку действительно желает жить с нею, ее можно было уводить домой. Если же кто не сходился со своей девушкой, то по закону требовалось возвращать деньги. Впрочем, женихам можно было являться и из других селений и покупать себе девушек. Этот прекраснейший обычай теперь у них уже не существует. Зато недавно они нашли другое средство оградить девиц от обиды и не допустить увода их на чужбину [...] После завоевания страны и разорения ее персами жители лишились своего имущества, и все простые люди из народа были вынуждены по бедности заставлять своих дочерей заниматься развратом.

197. Есть у вавилонян еще и другой весьма разумный обычай. Страдающих каким-нибудь недугом они выносят на рынок (у них ведь нет врачей). Прохожие дают больному советы [о его болезни] (если кто-нибудь из них или сам страдал подобным недугом, или видел его у другого). Затем прохожие советуют больному и объясняют, как сами они исцелились от подобного недуга или видели исцеление других. Молча проходить мимо больного человека у них запрещено: каждый должен спрашивать, в чем его недуг.

198. Покойников вавилоняне погребают в меду, и похоронные обряды у них одинаковы с египетскими. Всякий раз как вавилонянин сходится со своей женой, он садится перед жертвенным сосудом, воскуряя фимиам; так же поступает и жена. На следующее утро оба они совершают омовение. Перед этим омовением они не должны прикасаться ни к какому сосуду. Такой же обычай существует и у арабов.

199. Самый же позорный обычай у вавилонян вот какой. Каждая вавилонянка однажды в жизни должна садиться в святилище Афродиты и отдаваться [за деньги] чужестранцу. Многие женщины, гордясь своим богатством, считают недостойным смешиваться с [толпой] остальных женщин. Они приезжают в закрытых повозках в сопровождении множества слуг и останавливаются около святилища. Большинство же женщин поступает вот как: в священном участке Афродиты сидит множество женщин с повязками из веревочных жгутов на голове. Одни из них приходят, дру-

гие уходят. Прямые проходы разделяют по всем направлениям толпу ожидающих женщин. По этим-то проходам ходят чужеземцы и выбирают себе женщин. Сидящая здесь женщина не может возвратиться домой, пока какой-нибудь чужестранец не бросит ей в подол деньги и не соединится с ней за пределами священного участка. Бросив женщине деньги, он должен только сказать: «Призываю тебя на служение богине Милитте!» Милиттой же ассирийцы называют Афродиту. Плата может быть сколь угодно малой. Отказываться брать деньги женщине не дозволено, так как деньги эти священные. Девушка должна идти без отказа за первым человеком, кто бросил ей деньги. После соития, исполнив священный долг богине, она уходит домой и затем уже ни за какие деньги не овладеешь ею вторично. Красавицы и статные девушки скоро уходят домой, а безобразным приходится долго ждать, пока они смогут выполнить обычай. И действительно, иные должны оставаться в святилище даже по три-четыре года. Подобный этому обычай существует также в некоторых местах на Кипре.

200. Таковы обычаи вавилонян. Есть среди них три племени, которые питаются только рыбой. Пойманную рыбу они вялят на солнце и затем поступают так: бросают рыбу в ступку и раздробляют пестиком, а затем пропускают через кисейное сито. Потом из этой массы по желанию замешивают сырое тесто или пекут хлеб.

201. После покорения этого народа Кир задумал подчинить массагетов. Эти массагеты, как говорят, многочисленное и храброе племя. Живут они на востоке по направлению к восходу солнца за рекой Араксом напротив исседонов. Иные считают их также скифским племенем.

202. По рассказам некоторых, Аракс больше Истра; другие же, напротив, считают эту реку меньше. На Араксе, как передают, много островов величиной с Лесбос. На этих-то островах живут люди, летом питающиеся разными кореньями, выкапываемыми из земли. В летнюю же пору они собирают спелые плоды с деревьев и затем сохраняют их про запас. Там есть будто бы также и другие деревья, приносящие особого рода плоды. Собравшись толпой в одно место, массагеты зажигают костер и затем усаживаются вокруг и бросают эти плоды в огонь. От запаха сжигаемого плода они приходят в состояние опьянения, подобно

тому как эллины пьянеют от вина. Чем больше плодов они бросают в огонь, тем сильнее их охватывает опьянение; пока наконец они не вскакивают, пускаются в пляс и начинают петь песни. Так рассказывают об образе жизни этого племени. Река же Аракс берет начало в Матиенских горах, откуда течет и Гинд, который Кир разделил на 360 упомянутых выше каналов. Аракс извивается, [образуя] 40 рукавов, из которых все, кроме одного, теряются в болотах и топях. В этих-то болотах, по рассказам, обитают люди, питающиеся сырой рыбой и обычно носящие одежду из тюленьих шкур. Одно-единственное устье Аракса течет по открытой местности, [впадая] в Каспийское море. Каспийское же море — это замкнутый водоем, не связанный ни с каким другим морем. Ведь море, по которому плавают эллины, именно то, что за Геракловыми Столпами, так называемое Атлантическое и Красное море,— все это только одно море.

203. Напротив, Каспийское море — это море совершенно особого рода. Длина его — пятнадцать дней плавания на гребном судне, а ширина в самом широком месте — восемь дней. На западе оно граничит с Кавказским хребтом — самой обширной и высокой из всех горных цепей. Много разных племен обитает на Кавказе, большинство которых питается дикими древесными плодами. В этой стране есть, как говорят, деревья с удивительными листьями. Из этих-то листьев изготовляют краску, растирая их и смешав с водой, и затем наносят ею узоры на свою одежду. Узоры эти не смываются, а истираются только вместе с шерстяной [материей, на которую их наносят], как будто бы они были вотканы в материю с самого начала. Совокупление у этих людей происходит совершенно открыто, как у скота.

204. Так вот, с запада Кавказ граничит с так называемым Каспийским морем, а на востоке по направлению к восходу солнца к морю примыкает безграничная необозримая равнина. Значительную часть этой огромной равнины занимают упомянутые массагеты, на которых Кир задумал идти войной. Много было у Кира весьма важных побудительных причин для этого похода. Прежде всего — способ его рождения, так как он мнил себя сверхчеловеком, а затем — счастье, которое сопутствовало ему во всех войнах. Ведь ни один народ, на который ополчался Кир, не мог избежать своей участи.

205. Царицей массагетов была супруга покойного царя. Звали ее Томирис. К ней-то Кир отправил послов под предлогом сватовства, желая будто бы сделать ее своей женой. Однако Томирис поняла, что Кир сватается не к ней, а домогается царства массагетов, и отказала ему. Тогда Кир, так как ему не удалось хитростью добиться цели, открыто пошел войной на массагетов. Для переправы войска царь приказал построить понтонные мосты через реку [Аракс], а на судах, из которых состояли мосты, воздвигнуть башни.

206. Пока войско Кира было занято этими работами, Томирис велела через глашатая сказать Киру вот что: «Царь мидян! Отступись от своего намерения. Ведь ты не можешь знать заранее, пойдет ли тебе на благо или нет сооружение этих мостов. Оставь это, царствуй над своей державой и не завидуй тому, что мы властвуем над нашей. Но ты, конечно, не захочешь последовать этому совету, а предпочтешь действовать как угодно, но не сохранять мир. Если же ты страстно желаешь напасть на массагетов, то прекрати работы по строительству моста через реку. Переходи спокойно в нашу страну, так как мы отойдем от реки на расстояние трехдневного пути. А если ты предпочитаешь допустить нас в свою землю, то поступи так же». После этого Кир призвал к себе персидских вельмож на совещание, изложил им дело и спросил совета, как ему поступить. Все единогласно сошлись на том, что следует ожидать Томирис с ее войсками здесь на этой земле.

207. Присутствующий на совещании лидиец Крез не одобрил, однако, это решение. Он высказал свое возражение в таких словах: «Царь! Я уже раньше (после того как Зевс предал меня в твои руки) обещал тебе сколь возможно отвращать всякую беду, грозящую твоему дому. Мои столь тяжкие страдания послужили мне наукой. Если ты мнишь себя бессмертным и во главе бессмертного войска, то мое мнение, пожалуй, тебе бесполезно. Если же ты признаешь, что ты только человек и царствуешь над такими же смертными людьми, то пойми прежде всего вот что: существует круговорот человеческих дел, который не допускает, чтобы одни и те же люди всегда были счастливы. Так вот, в настоящем деле я держусь другого мнения, противоположного мнению твоих вельмож. Ведь если ты допустишь врагов в нашу собственную землю, то вот какая грозит нам опасность: потерпев поражение, ты погубишь всю свою державу. Ведь совершенно ясно, что, одолев тебя, массагеты не побегут в свою сторону,

но вторгнутся в твои владения. В случае же победы над врагом твой успех, думаю, будет вовсе не так велик, как если бы ты победил массагетов в их стране и стал преследовать бегущих. Я хочу сравнить твои преимущества и их: ведь, разбив неприятеля, ты сможешь прямым путем вторгнуться во владения Томирис. Да и, кроме того, Киру, сыну Камбиса, было бы постыдно и нестерпимо подчиниться женщине и позволить ей вторгнуться в твою страну. Так вот, по-моему, нам следует перейти реку и затем проникнуть в глубь страны, насколько враги отступят, а затем попытаться одолеть их, поступив вот как. Как я узнал, массагетам совершенно незнакома роскошь персидского образа жизни и недоступны ее великие наслаждения. Поэтому-то нужно, думается мне, устроить в нашем стане обильное угощение для этих людей, зарезав множество баранов, и сверх того выставить огромное количество сосудов цельного вина и всевозможных яств. Приготовив все это, с остальным войском, кроме самой ничтожной части, снова отступить к реке. Ведь если я не обманываюсь [в своем суждении], то враги при виде такого обилия яств набросятся на них и нам представится возможность совершить великие подвиги».

208. Так мнения советников разошлись. Кир же отверг первое мнение и принял совет Креза. Царь велел объявить Томирис, чтобы она отступила, так как он намерен переправиться в ее владения. И царица отступила [с войском], верная своему прежнему обещанию. Тогда Кир вверил Креза своему сыну Камбису, которого он назначил своим наследником. При этом царь настоятельно внушал сыну почитать Креза и покровительствовать ему (в случае неудачи переправы и похода в страну массагетов). С таким поручением Кир отпустил Камбиса и Креза и отправил их в Персию, а сам с войском начал переправу через реку.

209. После переправы через Аракс уже на земле массагетов ночью Кир увидел вот какой сон. Царю представилось, что он видит старшего из сыновей Гистаспа с крыльями на плечах, осеняющим одним крылом Азию, а другим Европу. Самым старшим из сыновей Гистаспа, сына Арсама, из рода Ахеменидов был Дарий, в то время еще юноша около двадцати лет (юноша оставался в Персии как негодный еще по молодости лет к военной службе). Пробудившись, Кир стал размышлять о смысле сновидения. Царь решил, что

сон имеет важное значение. Он велел затем позвать Гистаспа и без свидетелей сказал ему: «Гистасп! Сын твой уличен в кознях против меня и моей державы. Мне это точно известно, и я скажу тебе откуда. Боги пекутся обо мне и заранее открывают мне грозящую беду. И вот теперь прошлой ночью я видел во сне старшего из твоих сыновей с крыльями на плечах, причем одним крылом он осенял Азию, а другим Европу. Во всяком случае, из моего сновидения совершенно ясно, что твой сын посягает на мою жизнь. Поэтому возвращайся как можно скорее в Персию и позаботься представить твоего сына к ответу, после того как я покорю эту страну и возвращусь домой».

210. Кир говорил так, полагая, что Дарий имеет против него злой умысел. Однако божество этим сновидением желало лишь открыть, что царь примет смерть здесь, в стране массагетов, а его царство перейдет к Дарию. Гистасп же отвечал царю такими словами: «Царь! Лучше бы не родиться тому персу, который посягнет на твою жизнь! А если есть такой, то да погибнет он и как можно скорее! Ведь это ты из рабов сделал персов свободными и из данников другим народам — владыками всех. А если сновидение возвестило тебе, что сын мой замышляет мятеж, то я отдаю его в твои руки: поступай с ним как тебе угодно!». Такой ответ дал царю Гистасп. Затем он, переправившись через Аракс, возвратился в Персию, чтобы [в угоду Киру] схватить и держать сына под стражей.

211. А Кир между тем проник с войском за Аракс на один дневной переход и затем поступил по совету Креза. Оставив на месте только слабосильных воинов, сам царь с лучшей частью войска снова отступил к Араксу. Тогда третья часть войска массагетов напала на оставленных Киром воинов и, несмотря на храброе сопротивление, перебила их. [После победы], увидев выставленные в стане персов яства, массагеты уселись пировать. Затем они наелись досыта, напились вина и улеглись спать. Тогда пришли персы, перебили бóльшую часть врагов, а еще больше захватили в плен. В числе пленников был и сын царицы Томирис, предводитель массагетов, по имени Спаргапис.

212. А царица Томирис, узнав об участи своего войска и сына, велела отправить вестника к Киру с такими словами: «Кровожадный Кир! Не кичись этим своим подвигом. Плодом виноградной лозы, которая и вас также лишает рассудка, когда вино бросается в голову

и когда вы, персы, [напившись], начинаете извергать потоки недостойных речей,— вот этим-то зельем ты коварно и одолел моего сына, а не силой оружия в честном бою. Так вот, послушайся теперь моего доброго совета: выдай моего сына и уходи подобру-поздорову из моей земли, после того как тебе нагло удалось погубить третью часть войска массагетов. Если же ты этого не сделаешь, то клянусь тебе богом солнца, владыкой массагетов, я действительно напою тебя кровью, как бы ты ни был ненасытен».

213. Кир, однако, не обратил никакого внимания на слова глашатая. А сын царицы Томирис Спаргапис, когда хмель вышел у него из головы и он понял свое бедственное положение, попросил Кира освободить его от оков. Лишь только царевич был освобожден и мог владеть своими руками, он умертвил себя. Так он скончался.

214. Томирис же, узнав, что Кир не внял ее совету, со всем своим войском напала на персов. Эта битва, как я считаю, была самой жестокой из всех битв между варварами. О ходе ее я узнал, между прочим, вот что. Сначала, как передают, противники, стоя друг против друга, издали стреляли из луков. Затем исчерпав запас стрел, они бросились врукопашную с кинжалами и копьями. Долго бились противники, и никто не желал отступать. Наконец массагеты одолели. Почти все персидское войско пало на поле битвы, погиб и сам Кир. Царствовал же он полных 29 лет. А Томирис наполнила винный мех человеческой кровью и затем велела отыскать среди павших персов тело Кира. Когда труп Кира нашли, царица велела всунуть его голову в мех. Затем, издеваясь над покойником, она стала приговаривать так: «Ты все же погубил меня, хотя я осталась в живых и одолела тебя в битве, так как хитростью захватил моего сына. Поэтому-то вот теперь я, как и грозила тебе, напою тебя кровью». Из многих рассказов о кончине Кира этот мне кажется наиболее достоверным.

215. Массагеты носят одежду, подобную скифской, и ведут похожий образ жизни. Сражаются они на конях и в пешем строю (и так и этак). Есть у них обычно также луки, копья и боевые секиры. Из золота и меди у них все вещи. Но все металлические части копий, стрел и боевых секир они изготовляют из меди, а головные уборы, пояса и перевязи украшают золотом. Так же и коням они надевают медные панцири, как

нагрудники. Уздечки же, удила и нащечники инкрустируют золотом. Железа и серебра у них совсем нет в обиходе, так как этих металлов вовсе не встретишь в этой стране. Зато золота и меди там в изобилии.

216. Об обычаях массагетов нужно сказать вот что. Каждый из них берет в жены одну женщину, но живут они с этими женщинами сообща. Ведь рассказы эллинов о [подобном] обычае скифов относятся скорее к массагетам. Так, когда массагет почувствует влечение к какой-нибудь женщине, то вешает свой колчан на ее кибитке и затем спокойно сообщается с этой женщиной. [Никакого] предела для жизни человека они не устанавливают. Но если кто у них доживет до глубокой старости, то все родственники собираются и закалывают старика в жертву, а мясо варят вместе с мясом других жертвенных животных и поедают. Так умереть — для них величайшее блаженство. Скончавшегося же от какого-нибудь недуга они не поедают, но предают земле. При этом считается несчастьем, что покойника по его возрасту нельзя принести в жертву. Хлеба массагеты не сеют, но живут скотоводством и рыбной ловлей (в реке Аракс чрезвычайное обилие рыбы), а также пьют молоко. Единственный бог, которого они почитают, это — солнце. Солнцу они приносят в жертву коней, полагая смысл этого жертвоприношения в том, что самому быстрому богу нужно приносить в жертву самое быстрое существо на свете.

КНИГА СЕДЬМАЯ

ПОЛИГИМНИЯ

1. КОГДА весть о Марафонской битве пришла к царю Дарию, сыну Гистаспа, то царь еще сильнее распалился гневом на афинян, хотя и раньше питал против них страшную злобу за нападение на Сарды. Он повелел ускорить приготовления к походу на Элладу. Тотчас же царь стал рассылать гонцов по городам с приказанием снаряжать войско. На этот раз каждый город должен был выставить еще больше войска, военных кораблей, коней, продовольствия и грузовых судов, чем раньше. После того как вышло это повеление, вся Азия пришла на три года в движение, причем собирали и снаряжали всех самых доблестных мужей в поход на Элладу. Между тем на четвертый год подняли восстание против персов покоренные Камбисом египтяне. Тогда Дарий стал еще более усиленно готовиться в поход против тех и других.

2. Во время этих сборов Дария в поход на Египет и Афины среди его сыновей началась великая распря из-за царского сана, так как, по персидскому обычаю, перед походом Дарий должен был назначить другого царя. У Дария еще до вступления на престол было трое сыновей от первой супруги, дочери Гобрия, а после воцарения — еще четверо от Атоссы, дочери Кира. Из прежних сыновей старшим был Артобазан, а из родившихся после — Ксеркс. Как сыновья разных матерей, те и другие притязали на власть. Так, Артобазан [утверждал], что он — старший в роде и что у всех народов власть, по обычаю, принадлежит старшему. Ксеркс же основывал свои притязания на том, что он — сын Атоссы, дочери Кира, а Кир — освободитель персов.

3. Дарий еще не успел разрешить этот спор, когда в Сусы как раз прибыл Демарат, сын Аристона. Лишенный царской власти в Спарте, он добровольно удалился в изгнание из Лакедемона. Этот-то человек, услышав о ссоре сыновей Дария, пришел, как гласит

молва, к Ксерксу с советом: [в споре в Артобазаном], кроме приведенных доводов, Ксеркс должен опираться на то, что родился после воцарения Дария, когда тот был уже владыкой персов. Артобазан же — когда Дарий еще не был царем. Поэтому нелепо и несправедливо, чтобы кто-либо другой, кроме Ксеркса, обладал царским саном. В Спарте по крайней мере, говорил Демарат, также в обычае, если при сыновьях, родившихся до воцарения отца, у царя по вступлении на престол рождается еще сын, то этот позже рожденный становится наследником престола. Ксеркс принял совет Демарата, и Дарий, признав совет правильным, отдал престол Ксерксу. Я думаю, впрочем, что Ксеркс, пожалуй, воцарился бы и без этого совета, потому что Атосса была всемогуща.

4. Итак, поставив царем Ксеркса, Дарий стал собираться в поход. Но вот случилось так, что спустя год после восстания в Египте Дарий во время сборов к походу скончался (он всего царствовал 36 лет) и ему так и не удалось покарать афинян и восставших египтян.

5. Так-то вот после кончины Дария наследником стал его сын Ксеркс. Однако Ксеркс вначале вовсе не желал идти в поход на Элладу; он снаряжал только войско против Египта. Был при дворе Ксеркса человек, весьма уважаемый среди персов,— Мардоний, сын Гобрия (он приходился двоюродным братом Ксерксу и был сыном сестры Дария). Этот-то Мардоний обратился к царю с таким предложением: «Владыка! Несправедливо оставлять афинян без наказания за много зол, которые они причинили персам. Ныне же ты можешь выполнить свой замысел. Подавив мятеж высокомерного Египта, иди в поход на Афины. Тогда ты стяжаешь себе добрую славу среди людей, и в будущем любой враг остережется нападать на твою землю». Эти слова Мардония взывали к отмщению. Потом он добавил к этому еще вот что: «Европа,— сказал он,— страна замечательно красивая, изобилует всякого рода плодовыми деревьями, и исключительно плодородная, и из смертных один только царь достоин обладать ею».

6. Все это Мардоний говорил потому, что, будучи человеком беспокойным, сам желал стать сатрапом Эллады. Впоследствии Мардоний добился своей цели и склонил Ксеркса действовать именно так. Помогли ему убедить Ксеркса еще и другие обстоятельства. Сначала из Фессалии прибыли от Алевадов послы.

Они приглашали царя идти на Элладу, заверяя в своей полной преданности (эти Алевады были владыками Фессалии). Затем прибыли в Сусы некоторые Писистратиды и не только повторили предложение Алевадов, но и обещали сверх того еще больше. Они-то и привезли с собой афинянина Ономакрита — толкователя оракулов, который собрал [и обнародовал] изречения Мусея. Перед этим Писистратиды примирились с Ономакритом. Ведь Гиппарх, сын Писистрата, изгнал Ономакрита из Афин, когда Лас из Гермионы уличил его в подделке оракула [из сборника] Мусея. [Этот оракул гласил], что острова, лежащие у Лемноса, исчезнут в морской пучине. Поэтому-то Гиппарх и изгнал Ономакрита, хотя прежде был связан с ним тесной дружбой. Теперь же Ономакрит отправился вместе с ними [в Сусы] и всякий раз, являясь пред царские очи, читал свои прорицания. При этом он пропускал те изречения, которые намекали на поражение варваров, и выбирал лишь наиболее благоприятные. Он объявил, что некогда одному персу суждено соединить мостом Геллеспонт, и предсказал поход Ксеркса. Так Ономакрит побуждал царя своими прорицаниями, а Писистратиды и Алевады советами.

7. [Уступив таким доводам], Ксеркс решил идти в поход на Элладу и на второй год после кончины Дария выступил сначала против египетских мятежников. Восстание было подавлено, и на весь Египет наложено еще более тяжкое, чем при Дарии, ярмо рабства. Правителем Египта Ксеркс поставил своего брата Ахемена, сына Дария. Впоследствии Ахемена, когда он правил Египтом, убил Инар, сын Псамметиха, ливиец.

8. А Ксеркс после покорения Египта решил идти в поход на Афины. Царь собрал чрезвычайное совещание персидских вельмож, чтобы выслушать их мнение и объявить всем свою волю. Когда все собрались, Ксеркс сказал так: «Персы! Я вовсе не собираюсь вводить ничего нового, но буду следовать лишь старому обычаю. Ведь, как я слышал от старых людей, мы, персы, никогда еще не жили в мире с тех пор, как владычество перешло к нам от мидян и Кир одолел Астиага. Однако это также — воля божества, и все наши великие начинания и замыслы складываются ко благу О деяниях Кира, Камбиса и отца моего Дария и о том, какие они сделали завоевания, вы сами прекрасно знаете и рассказывать вам не нужно. Я же по вступле-

нии на престол всегда размышлял, как бы мне не умалить царского сана моих предков и совершить не меньшие, чем они, деяния на благо персидской державы. И вот, думая об этом, я нахожу, что мы можем не только стяжать славу и завоевать страну, не меньше и даже прекраснее и плодороднее нашей нынешней державы, но и покарать врагов. Ныне я собрал вас, чтобы открыть мой замысел. Я намерен, соединив мостом Геллеспонт, вести войско через Европу на Элладу и покарать афинян за все зло, причиненное ими персам и моему родителю. Вы видели, что и отец мой Дарий также снаряжался на войну с этим народом. Но его нет в живых, и ему не дано уже покарать виновных. Поэтому в отмщение за него и за остальных персов я не сложу оружия до тех пор, пока не возьму и не предам огню Афины, которые начали творить зло мне и отцу моему. Сначала они вместе с Аристагором из Милета, нашим рабом, пришли в Сарды и предали пламени священную рощу и храмы. Потом всем вам, вероятно, известно, что́ они сотворили нам, когда мы высадились на их земле под предводительством Датиса и Артафрена. Поэтому-то ныне я и готов к походу на них, причем этот поход, я думаю, принесет нам дальнейшие выгоды. Если мы покорим афинян и их соседей, обитающих на земле фригийца Пелопса, то сделаем персидскую державу сопредельной эфирному царству Зевса. И не воссияет солнце над какой-либо другой страной, сопредельной с нашей, но все эти страны я обращу с вашей помощью в единую державу и пройду через всю Европу. Ведь, как я слышал, дело обстоит так: не остается больше ни одного города и народа на свете, который осмелился бы восстать против нас, когда мы разделаемся с теми, о которых я сказал. Так мы наложим и на виновных перед нами и на невиновных ярмо рабства. Вы же угодите мне, если поступите вот так: каждый из вас должен в назначенное мною время быть на месте. А кто приведет лучше всего снаряженное войско, потом получит от меня дары, как полагают, самые почетные в нашей стране. Так вот, так и поступайте. Но чтобы вы не думали, что я поступаю по своему личному усмотрению, я предлагаю этот вопрос на общее обсуждение и повелеваю каждому желающему высказать свое мнение». Такими словами он кончил свою речь.

9. После царя взял слово Мардоний: «Владыка,— сказал он,— ты — самый доблестный из всех прежде быв-

ших и из будущих персов. Слова твои прекрасны и совершенно истинны. Особенно же [прекрасно] то, что ты не позволишь издеваться над нами презренным ионянам, живущим в Европе. Действительно, весьма странно, если мы не покараем эллинов, напавших на нас первыми, в то время как саков, индийцев, эфиопов, ассирийцев и множество других народов, которые не причинили нам, персам, никаких обид, мы покорили и поработили только из желания преумножить и расширить нашу державу. Что же нас страшит? Неужели громадное скопище людей или огромные денежные средства? Ведь мы знаем, как они воюют, знаем слабость их боевой мощи. Их потомков мы уже покорили, именно эллинов в нашей части света, называемых ионянами, эолийцами и дорийцами. Мне довелось самому узнать этих людей, когда я повелением твоего родителя выступил против них. При этом я, дойдя до Македонии, не встретил никакого сопротивления и прошел почти до самих Афин. Хотя эллины привыкли вести войну, но, как я слышал, по невежеству и глупости воюют самым безрассудным образом. Так, объявив друг другу войну, они ищут прекрасное и гладкое поле битвы и там сражаются. Поэтому даже победители возвращаются с большим уроном. О побежденных я даже вообще не хочу и говорить, потому что они окончательно уничтожены. Так как они говорят на одном языке, то им следовало бы улаживать споры через глашатаев и послов и лучше любыми другими способами, чем войнами. А если уж война вообще неизбежна, то каждый должен искать наименее уязвимое для себя положение и потом уже начинать войну. Однако, несмотря на вечные войны, которые эллины бестолково ведут друг с другом, они даже и не подумали мне оказать сопротивление, хотя я дошел до Македонии. Кто же в самом деле дерзнет, о царь, восстать против тебя, если ты ведешь с собою всю мощь Азии и все корабли? Я убежден, что эллины никогда не решатся на такую дерзость. Если же против ожидания я буду обманут и они по своему безрассудству все же ринутся в бой с нами, то узнают, что на войне мы, персы, доблестнее всех. Но все же испытаем все средства, так как само собой ничего не дается и обычно только смелым дерзанием люди достигают цели».

10. Расхвалив в таких словах замыслы Ксеркса, Мардоний умолк. Остальные персы между тем хранили молчание, не осмеливаясь возражать против высказан-

ного мнения. Только Артабан, сын Гистаспа, полагаясь на свое родство с царем, так как он был дядей Ксеркса, сказал вот что: «О царь! Не будь здесь различных суждений, не пришлось бы и выбирать наилучшее из них, а лишь принимать одно-единственное. Если же есть много мнений, то и выбор возможен. Ведь даже само по себе чистое золото нельзя распознать, и только путем трения на пробирном камне вместе с другим золотом мы определяем лучшее. Я не советовал твоему родителю, моему брату, Дарию идти походом на скифов, людей, у которых вовсе нет городов. А он меня не послушал в надежде покорить скифов, которые все-таки были кочевниками, и выступил в поход. Однако ему пришлось возвратиться назад, потеряв много храбрых воинов из своего войска. Ты же, о царь, желаешь ныне идти против людей, гораздо доблестнее скифов, которые, как говорят, одинаково храбро сражаются и на море, и на суше. Я должен сказать тебе о том, что меня страшит в этом походе. По твоим словам, ты намерен построить мост на Геллеспонте и вести войско через Европу в Элладу. Но может случиться, что ты потерпишь неудачу на суше, или на море, или в обоих случаях. Ведь противники, говорят,— храбрый народ. Это видно из того, что одни афиняне уничтожили вторгшееся в Аттику столь великое войско во главе с Датисом и Артафреном. Впрочем, врагам, конечно, не удастся одержать верх на суше и на море. Но если они нападут и одержат победу в морской битве, а затем поплывут к Геллеспонту и разрушат мост, тогда, о царь, твое положение будет опасно. Я заключаю об этом не своим умом, но могу представить себе, какое несчастье нас едва не постигло, когда родитель твой построил мост на Боспоре Фракийском и на реке Истре и переправился в Скифскую землю. Тогда скифы всячески старались убедить ионян, которым была поручена охрана моста на Истре, разрушить переправу. И если бы тогда Гистией, тиран Милета, согласился с мнением прочих тиранов и не воспротивился, то войско персов погибло бы. Впрочем, даже и подумать страшно, что тогда вся держава царя была в руках одного человека. Итак, не подвергай себя такой опасности без крайней нужды, но последуй моему совету. А теперь распусти это собрание и затем, обдумав еще раз наедине, сообщи нам твое решение, которое ты признаешь наилучшим. Ведь правильное решение, как я считаю,— дело самое

важное. Если даже потом возникнет какое-либо препятствие, то решение все же не менее хорошо: его только одолел рок. Напротив, тому, кто принял плохое решение, может, если судьба к нему благосклонна, выпасть даже неожиданное счастье, но, несмотря на это, решение остается не менее плохим. Ты видишь, как перуны божества поражают стремящиеся ввысь живые существа, не позволяя им возвышаться в своем высокомерии над другими. Малые же создания вовсе не возбуждают зависти божества. Ты видишь, как бог мечет свои перуны в самые высокие дома и деревья. Ведь божество все великое обыкновенно повергает во прах. Так же и малое войско может сокрушить великое и вот каким образом: завистливое божество может устрашить воинов или поразить перуном так, что войско позорно погибнет. Ведь не терпит божество, чтобы кто-либо другой, кроме него самого, высоко мнил о себе. Итак, поспешность всегда ведет к неудачам, отчего происходит великий вред для нас. Напротив, промедление ко благу, которое хотя и не сразу проявляется, но со временем убеждаешься в этом. Таков мой совет, о царь. Ты же, Мардоний, сын Гобрия, перестань говорить пренебрежительно об эллинах, которые, конечно, не заслуживают этого. Ведь такими клеветническими речами ты подстрекаешь царя к войне с эллинами. Ради этого-то ты, думается, прилагаешь все старания. Но да не будет этого! Нет ничего страшнее клеветы: ведь клевета двоих делает преступниками, а третьего — жертвой. Клеветник виновен в том, что возводит обвинения за глаза. А тот, кто ему верит, виновен, потому что судит, не разобрав точно дела. Отсутствующий же страдает от того, что один клевещет на него, а другой считает дурным человеком. Но ведь если уж непременно нужно идти войной на этот народ, то пусть царь останется в Персидской земле. А мы оба оставим наших детей в залог. Затем ты, Мардоний, один выступай в поход, набери людей по собственному выбору и войско, сколь угодно большое. Если поход царя окончится так, как ты говоришь, то пусть мои дети будут умерщвлены, а вместе с ними и сам я. Но если выйдет, как я предвещаю, то пусть та же участь постигнет твоих детей и тебя самого, если ты вообще вернешься домой. Если же ты не согласен с этим, но все-таки поведешь войско на Элладу, то я предрекаю тебе: когда-нибудь иные люди здесь, на Персидской земле, еще услышат, что Мардоний, ввергнувший пер-

сов в бездну несчастий, погиб, растерзанный псами и птицами где-нибудь в Афинской или Македонской земле, если только еще не раньше по дороге туда. И тогда-то он поймет: на какой народ побуждал царя идти войной».

11. Так говорил Артабан, а Ксеркс гневно возразил ему такими словами: «Артабан, ты — брат моего родителя! Это спасет тебя от заслуженной кары за твои вздорные речи. Но все-таки я хочу заклеймить тебя позором, так как ты — малодушный трус: ты не пойдешь со мной в поход на Элладу, но останешься здесь с женщинами. А я и без тебя могу совершить все, что сказал. Пусть же я не буду сыном Дария, сына Гистаспа, потомка Арсама, Ариарамна, Теиспа, Кира, Камбиса, Теиспа, Ахемена, если не покараю афинян! Я ведь прекрасно знаю, что если мы сохраним мир, то они-то уже наверное не захотят мира, а сами пойдут войной на нас. Это можно понять по их деяниям. Они ведь уже предали огню Сарды, совершив вторжение в Азию. В самом деле, уже нельзя никому отступать. Сейчас речь идет о том, нападать ли нам или самим стать жертвой нападения: тогда или вся наша часть света покорится эллинам, или их часть попадет под власть персов. Ведь при такой вражде примирения быть не может. Итак, по справедливости нам следует отплатить эллинам за зло, причиненное нам раньше. Тогда-то, выступив в поход, я узнаю „то страшное", что может причинить мне этот народ. Ведь некогда фригиец Пелопс, раб моих отцов, так прочно покорил его, что даже по сей день и сами обитатели, и страна их называются именем победителя».

12. Так долго продолжалось совещание. А с наступлением ночи Ксеркс стал мучиться словами Артабана. Размышляя всю ночь, царь пришел к выводу, что вовсе неразумно ему идти войной на Элладу. Приняв новое решение, Ксеркс заснул. И вот ночью, как рассказывают персы, увидел он такое сновидение. Ксерксу показалось, что перед ним предстал высокого роста благообразный человек и сказал: «Так ты, перс, изменил свое решение и не желаешь идти войной на Элладу, после того как приказал персам собирать войско? Нехорошо ты поступаешь, меняя свои взгляды, и я не могу простить тебе этого. Каким путем решил ты идти днем, того и держись!».

13. После этих слов призрак, как показалось Ксерксу, улетел. На следующий день Ксеркс не придал ника-

кого значения сну и, вновь созвав совет тех же персидских вельмож, сказал так: «Персы! Простите меня за внезапную перемену решения! Еще нет у меня зрелой мудрости, и люди, побуждающие начать войну, никогда не оставляют меня одного. Так, когда я услышал мнение Артабана, тотчас вскипела моя юношеская кровь и я нечаянно высказал старшему недостойные слова. Ныне же я должен признаться, что был не прав, и решил последовать его совету. Итак, я раздумал идти войной на Элладу, и вы можете спокойно оставаться дома».

14. С радостью услышав такие слова, персидские вельможи пали к ногам царя. Ночью, однако, Ксерксу во сне опять предстал тот же самый призрак и сказал: «Сын Дария! Так ты, кажется, действительно отказался от похода, не обратив внимания на мои слова, как будто ты услышал их не от власть имущего? Знай же: если ты тотчас же не выступишь в поход, то выйдет вот что. Сколь быстро ты достиг величия и могущества, столь же скоро ты вновь будешь унижен».

15. В ужасе от видения Ксеркс вскочил с ложа и послал вестника к Артабану. Когда Артабан явился, царь сказал ему так: «Артабан! Я сразу поступил неблагоразумно, когда наговорил тебе много вздора за твой добрый совет. Потом спустя немного я все же пожалел об этом и понял, что нужно выполнить твой совет. Однако я не могу этого сделать, как бы мне ни хотелось. Ибо, когда я, опомнившись, изменил свое решение, мне не раз во сне являлся призрак и настойчиво запрещал следовать твоему совету. А теперь призрак удалился даже с угрозами. Если бог послал мне это видение и непременно желает, чтобы мы пошли войной на Элладу, то этот же призрак явится, конечно, и к тебе с таким же повелением. Я думаю, что это так и будет, если ты облачишься в мое царское одеяние, воссядешь так на престол и затем возляжешь на моем ложе».

16. Так говорил Ксеркс. Артабан же сначала отказался повиноваться, так как считал недостойным восседать на царском троне. Наконец, когда царь продолжал настаивать, он все же согласился исполнить приказание и сказал: «По-моему, о царь, одинаково важно, как самому зрело обдумать дело, так и следовать чужому доброму совету. Тебе же выпало на долю и то и другое: тебя сбивает с толку общение с дурными людьми. Так, говорят, порывы ветров обрушиваются на море,

самую полезную людям стихию, и не позволяют использовать его природные свойства, так что оно не может показать свою истинную сущность. Я был не столько огорчен твоим резким отзывом обо мне, но гораздо более тем, что из двух мнений, предложенных на совете, ты выбрал гибельное тебе и персам. Одно мнение питало высокомерие, а другое старалось предотвратить его и утверждало, что нехорошо воспитывать человеческие души в ненасытном стремлении к все большему могуществу. Ныне же, когда ты склонился к более здравому мнению и отложил поход на Элладу, как ты говоришь, явился тебе во сне посланец какого-то божества и запретил отменить поход. Но эти сновидения, сын мой, исходят не от богов. Ведь я гораздо старше тебя и могу разъяснить тебе сновидения, каковы они. Обычно ведь люди видят во сне то, о чем они думают днем. Мы же в последние дни только и были заняты этим походом. Если же дело обстоит не так, как я думаю, но этот сон ниспослан богом, то ты всецело прав. Пусть тогда призрак явится и мне с тем же предсказанием, как и тебе. Ведь ему должно быть безразлично предстать мне, буду ли я в твоем одеянии или в моем собственном и на твоем ли ложе буду я отдыхать или на своем, если только призрак вообще пожелает явиться мне. Действительно, это призрачное существо, представшее тебе во сне (каково бы оно ни было), не может быть все-таки столь простодушным, чтобы, глядя на меня, принять меня за тебя, оттого что я в твоем одеянии. Впрочем, надо испытать, быть может, призрак не обратит на меня внимания и не удостоит явиться мне, все равно в твоем ли одеянии я буду или в своем. Так, если призрак явится как тебе, так и мне, тогда я и сам призна́ю, что он ниспослан богом. Однако, если такова твоя воля и иначе быть не может и мне придется отойти ко сну на твоем ложе, то да будет так; и, когда я выполню это твое повеление, пусть призрак явится мне. Но пока я все же останусь при своем мнении».

17. Так говорил Артабан и в надежде доказать, что Ксеркс говорит пустяки, исполнил повеление царя. Он облачился в царские одежды, воссел на трон, и, когда после этого отошел ко сну, явился ему во сне тот же самый призрак, как и Ксерксу. Призрак предстал в изголовье Артабана и сказал так: «Это ты стараешься всячески отговорить Ксеркса от похода на Элладу, якобы желая ему блага? Ты не останешься безнака-

занным ни в будущем, ни теперь за то, что тщишься отвратить веление рока. А что ждет Ксеркса за неповиновение — это объявлено ему самому».

18. Такими словами угрожал призрак Артабану и, казалось, хотел выжечь ему глаза раскаленным железом. Громко вскрикнув, Артабан подскочил и сел рядом с Ксерксом. Затем, рассказав царю сон, продолжал так: «Мне, о царь, пришлось неоднократно наблюдать ниспровержение великих держав малыми. Поэтому я хотел удержать тебя от увлечений юности, зная, сколь гибельна страсть к великому могуществу. Я помню, чем кончился поход Кира на массагетов, помню и поход Камбиса на эфиопов. А сам я участвовал в войне Дария со скифами. Зная все это, я думал, что все народы будут тебя прославлять как счастливейшего [из смертных], если ты сохранишь мир. Но так как мы [начинаем поход], так сказать, по божественному внушению и эллины, видимо, обречены божеством на погибель, то и я сам теперь меняю свое мнение и стою за поход. Ты же объяви персам о ниспосланном тебе откровении божества и повели им выполнить твое первое приказание — готовиться к походу. Итак, действуй, раз божество этого хочет, но так, чтобы с твоей стороны не было задержки». Так сказал Артабан. Оба они ободрились видением, а как только наступил день, Ксеркс сообщил все персидским вельможам. Артабан же, который один открыто всячески раньше отговаривал царя от похода, теперь даже явно торопил [с приготовлениями].

19. Во время сборов к походу Ксеркс имел еще одно видение. Царь вопросил магов, и те истолковали видение так: оно указывает на то, что вся земля и все народы подчинятся власти персов. Сновидение же было вот какое: Ксерксу приснилось, что он увенчан оливковой ветвью, а оливковые ветви простерлись по всей земле. Затем, однако, венец, возложенный на голову царя, исчез. После того как маги так объяснили сновидение, все собравшиеся на совет персидские вельможи тотчас же разъехались по своим провинциям. При этом каждый, желая получить обещанные награды, ревностно выполнял царское повеление. Так Ксеркс производил набор войска, тщательно обыскивая каждый уголок на [азиатском] материке.

20. После покорения Египта полных четыре года потребовалось Ксерксу на снаряжение и набор войска. На исходе же пятого года царь выступил в поход

с огромными полчищами. Это было безусловно самое большое войско из известных нам. С этим войском не могло сравниться ни войско Дария [в походе] на скифов, ни скифское войско, когда скифы, преследуя по пятам киммерийцев, вторглись в Мидийскую землю и, покорив почти всю Переднюю Азию, там поселились (из-за чего впоследствии Дарий и выступил в поход отомстить скифам). Точно так же, по сказанию, [было гораздо меньше] и войско Атридов в походе на Илион, и мисийцев, и тевкров (они еще до Троянской войны переправились в Европу по Боспору, покорили всех фракийцев, дошли до Ионийского моря и на юге — до реки Пенея).

21. Эти и другие походы нельзя сравнить с одним этим походом. Действительно, какой только народ не привел Ксеркс из Азии в Элладу? Разве не оказалось питьевой воды слишком мало для Ксерксова войска всюду, кроме больших рек? Ведь одни народы должны были снаряжать корабли, другим было приказано выставить пеших воинов, третьим — конницу, четвертым, кроме войска,— грузовые суда для перевозки лошадей, пятые должны были доставлять длинные суда для мостов и, наконец, шестые — продовольствие и грузовые суда.

22. Так как в первый раз флот персов понес тяжелые потери, огибая Афон, то уже заранее почти три года подряд велись работы с целью прорыть Афонский перешеек. В Элеунте, что на Херсонесе, стояли на якоре триеры. Отправляясь оттуда, все разноплеменные войска под ударами бичей должны были прокапывать [перешеек], причем одни воины приходили на смену другим. Персы заставляли копать также и жителей Афона. Персы Бубар, сын Мегабаза, и Артахей, сын Артея, руководили работами. Афон — высокая и замечательная гора, спускающаяся к морю, на ней обитают люди. Там, где гора переходит в материк, она образует перешеек в виде полуострова около 12 стадий в ширину. Перешеек этот гладкий, только с незначительными холмами, которые тянутся от Аканфского моря до моря, что напротив Тороны. На этом перешейке, в который переходит гора Афон, находится эллинский город Сана. За Саной на самом Афоне лежат города, которые персидский царь тогда хотел превратить из материковых в островные. Города эти вот какие: Дион, Олофикс, Акрофоон, Фисс и Клеоны. Это города на Афоне.

23. Копали варвары канал таким вот образом: разделив отдельные участки между разными народностями, они протянули затем прямую линию по каналу. Когда прокопанный ров стал глубоким, то одни рабочие, стоявшие ниже, продолжали копать, другие же передавали выкапываемую землю стоявшим выше на ступенях; последние принимали и передавали далее следующим, пока земля не попадала к стоящим наверху. Эти же выносили и выбрасывали землю. Всем остальным народностям, кроме финикиян, осыпающиеся крутые стенки канала доставляли двойную работу. Это происходило неизбежно, так как и верхнюю и нижнюю часть прокопа они делали одинакового размера. Финикияне же, напротив, и здесь показали себя сметливыми, как, впрочем, и в других работах. Получив доставшийся им по жребию участок работы, они стали копать верхний край канала вдвое шире нижнего. По мере продвижения работы ров все сужался; а когда достигли дна, то ширина рва оказалась такой же, как и у остальных рабочих. Есть там луг, где они устроили площадь для собраний и рынок. Много муки прибывало сюда к ним из Азии.

24. Если мое предположение правильно, то Ксеркс велел копать канал просто из пустого тщеславия. Он желал показать свое могущество и воздвигнуть себе памятник. Хотя корабли легко можно было протащить волоком через перешеек, царь все же повелел построить канал такой ширины, что по нему одновременно могли плыть две триеры на веслах. Тем же самым людям, работавшим на канале, было приказано построить мост на реке Стримоне.

25. Так-то царь воздвиг эти сооружения. Кроме того, он повелел изготовить канаты для мостов из волокна папируса и «белого льна». Эта обязанность, а также обязанность устраивать склады продовольствия для войска, чтобы войско и вьючные животные не испытывали голода в походе на Элладу, была возложена на финикиян и египтян. Разыскав предварительно наиболее удобные места для продовольственных складов, Ксеркс приказал доставлять запасы муки из различных частей Азии в разные пункты на грузовых судах и паромах. Большинство продовольствия они привозили в так называемую Левке Акте во Фракии, другие — в Тиродизу у Перинфа, третьи — в Дориск, четвертые — в Эион на Стримоне, пятые, наконец,— в Македонию.

26. Пока эти люди выполняли урочную работу, все сухопутное войско во главе с Ксерксом собралось и двинулось на Сарды из Криталлов в Каппадокии. Ведь Криталлы были назначены местом сбора всего войска, которое под предводительством Ксеркса должно было идти по суше. Какой сатрап привел тогда наилучше снаряженное войско и получил за это назначенные царем дары — этого я сказать не могу. Я даже не знаю, была ли у них вообще речь о таком соревновании. Когда персы направились через реку Галис, то вступили во Фригию и затем прибыли в Келены. Там находятся истоки реки Меандра и другой не менее значительной реки, чем Меандр, по имени Катарракт, которая берет начало посреди самой рыночной площади Келен и впадет в Меандр. В этом городе висит кожа Силена Марсия, содранная с него, по фригийскому сказанию, Аполлоном и повешенная здесь.

27. В Келенах Ксеркса уже ожидал Пифий, сын Атиса, лидиец, который устроил самому царю и всему его войску роскошный прием. Пифий объявил, что готов предоставить царю деньги для войны. Когда Пифий сделал Ксерксу это предложение, царь спросил персов из своей свиты, кто этот Пифий и неужели он так богат, что может делать такие предложения. Персы отвечали: «О царь! Это тот человек, который поднес в дар родителю твоему Дарию знаменитый платан и виноградную лозу из чистого золота. Он и теперь еще самый богатый человек после тебя, о котором мы знаем».

28. Удивленный последними словами, Ксеркс затем сам спросил Пифия, сколько же денег есть у него. А Пифий отвечал: «О царь! Я не хочу скрывать и отговариваться незнанием своего имущества. Но так как я его точно знаю, то „правдиво поведаю тебе". Как только узнал я, что ты отправляешься к Эллинскому морю, то решил сосчитать свое состояние — денежное имущество, желая дать тебе денег на войну. После подсчета я нашел, что у меня 2000 талантов серебра, а золота 4 000 000 дариевых статеров без 7000. Эти деньги я приношу тебе в дар. Самому же мне достаточно средств на жизнь от моих рабов и поместий».

29. Так сказал Пифий. А Ксеркс обрадовался его словам и сказал: «Мой друг-лидиец! С тех пор как я покинул Персию, я еще до сих пор не встретил ни одного человека, кто бы пожелал оказать гостеприимство моему войску. И никто, представ пред мои очи, не объ-

 явил о добровольном пожертвовании денег на войну,

кроме тебя. Ты же оказал моему войску роскошный прием и обещаешь большие суммы денег. За это я желаю отдарить тебя вот такими дарами. Я нарекаю тебя моим гостеприимцем и восполню из моего собственного достояния те 7000 статеров, которых не хватает у тебя в 4 000 000, чтобы сумма была полной и число было круглым. Владей же сам богатством, которое ты сам приобрел. Будь всегда таким, как сейчас, и тебе не придется никогда раскаиваться ни теперь, ни в будущем».

30. Так сказал царь и сдержал свое слово. Затем он пошел с войском дальше. Пройдя фригийский город Анаву и озеро, из которого добывают соль, Ксеркс прибыл в Колоссы, большой город Фригии. В этом городе река Лик низвергается в расселину и исчезает под землей. Затем приблизительно через 5 стадий эта река снова выходит на поверхность и впадает в Меандр. Выступив из Колосс, войско двинулось к границам Фригии и Лидии и прибыло в город Кидрары, где находится врытый в землю столп, воздвигнутый Крезом, с надписью, обозначающей эти границы.

31. Из Фригии Ксеркс вступил в Лидию, где дорога разделяется. Налево ведет путь в Карию, а направо — в Сарды. На этом последнем пути неизбежно приходится переходить реку Меандр и идти мимо города Каллатеба. В этом городе ремесленники изготовляют мед из тамариска и пшеницы. На этой дороге Ксеркс встретил платан. Царь одарил дерево за красоту золотым украшением и поручил охрану его одному из «бессмертных». На следующий день он прибыл в столицу Лидии.

32. По вступлении же в Сарды Ксеркс прежде всего отправил послов в Элладу потребовать земли и воды с приказанием позаботиться о дружественном приеме царя. Он отправил послов требовать земли во все другие города, кроме Афин и Лакедемона. Вновь же отправил он послов с требованием земли и воды вот по какой причине: он твердо надеялся, что те города, которые раньше отказались подчиниться Дарию, теперь из страха согласятся. И вот, желая точно убедиться в этом, Ксеркс и отправил послов.

33. Затем Ксеркс начал готовиться к походу на Абидос. Между тем мост через Геллеспонт из Азии в Европу, соединявший оба материка, был построен [финикиянами и египтянами]. На Херсонесе (что на Геллеспонте) между городами Сестом и Мадитом находится скалистый выступ против Абидоса. Это то самое

место, где незадолго до этого афиняне под начальством стратега Ксантиппа, сына Арифрона, захватили перса Артаикта, сатрапа Сеста, и живым распяли на кресте, того самого перса, который велел согнать женщин в святилище Протесилая в Элеунте и там поступил с ними нечестиво.

34. Итак, к этому скалистому выступу из Абидоса людьми, которым это было поручено, были построены два моста. Один мост возвели финикияне с помощью канатов из «белого льна», а другой — из папирусных канатов — египтяне. Расстояние между Абидосом и противоположным берегом — 7 стадий. Когда же наконец пролив был соединен мостом, то разразившаяся сильная буря снесла и уничтожила всю эту постройку.

35. Узнав об этом, Ксеркс распалился страшным гневом и повелел бичевать Геллеспонт, наказав 300 ударами бича, и затем погрузить в открытое море пару оков. Передают еще, что царь послал также палачей заклеймить Геллеспонт клеймом. Впрочем, верно лишь то, что царь велел палачам сечь море, приговаривая при этом варварские и нечестивые слова: «О ты, горькая влага Геллеспонта! Так тебя карает наш владыка за оскорбление, которое ты нанесла ему, хотя он тебя ничем не оскорбил. И царь Ксеркс все-таки перейдет тебя, желаешь ты этого или нет. По заслугам тебе, конечно, ни один человек не станет приносить жертв, как мутной и соленой реке». Так велел Ксеркс наказать это море, а надзирателям за сооружением моста через Геллеспонт — отрубить головы.

36. И палачи, на которых была возложена эта неприятная обязанность, исполнили царское повеление. Мосты же вновь соорудили другие зодчие. Построили же они таким вот образом: поставили рядом пентеконтеры и триеры; для одного моста в сторону Понта взяли 360 кораблей, для другого — в сторону Геллеспонта 314 кораблей; первые поставили поперек течения Понта, а последние — по течению Геллеспонта, чтобы держать канаты натянутыми. Затем бросили огромные якоря на одном [верхнем] мосту на стороне Понта против ветров, дующих с Понта, а на другом мосту на стороне Эгейского моря — против западных и южных ветров. Между укрепленными на якорях пентеконтерами и триерами они оставили промежуток для прохода любых мелких судов из Понта и в Понт. После этого канаты туго натянули с земли при помощи накручивания их на деревянные во́роты. Однако уже больше не

ограничивались канатами только одного рода, но на каждый мост связывали вместе по два каната из «белого льна» и по четыре — из волокна папируса. Толщина и прекрасная работа канатов [обоих сортов] была одинакова, но «льняные канаты» были относительно тяжелее и весили (каждый локоть) более таланта. Когда пролив был соединен мостом, бревна распилили, выравняв длину досок по ширине понтонного моста. Затем доски уложили в порядке поверх натянутых канатов и там снова крепко привязали их к поперечным балкам. После этого принесли фашинник, разложили в порядке и засыпали землей. Потом утрамбовали землю и по обеим сторонам моста выстроили перила, чтобы вьючные животные и кони не пугались, глядя сверху на море.

37. Когда строительство мостов и работы на Афоне были завершены (именно, насыпи у устьев канала, возведенные для того, чтобы вода во время прибоя не переливалась через устья прокопа), пришла весть, что сам канал совершенно готов. Тогда снаряженное к походу войско после зимовки с наступлением весны двинулось из Сард к Абидосу. Между тем как раз во время сборов царя в поход солнце, покинув свою обитель на небе, стало невидимым, хотя небо было безоблачное и совершенно ясное, и день обратился в ночь. При виде этого небесного явления Ксерксом овладела тревога, и он вопросил магов, что может означать это знамение. Маги же отвечали, что божество этим предвещает эллинам гибель их городов, так как у эллинов солнце — провозвестник грядущего, а у персов — луна. Ксеркс же, услышав такое толкование, с великой радостью продолжал путь.

38. В пути подошел к Ксерксу лидиец Пифий и сказал так (он был в страхе от небесного знамения, и царские дары придали ему смелости): «Владыка! Я желал бы попросить тебя о том, что тебе легко исполнить, и для меня будет очень важно твое согласие». Ксеркс же, ожидая от него любой другой просьбы, кроме того, что Пифий действительно попросил, обещал исполнить и повелел говорить, что́ ему нужно. Услышав ответ царя, Пифий ободрился и сказал так: «Владыка! У меня пять сыновей. Им всем выпало на долю идти с тобой в поход на Элладу. Сжалься, о царь, над моими преклонными летами и освободи одного моего старшего сына от похода, чтобы он заботился обо мне и распоряжался моим достоянием. Че-

тырех же остальных возьми с собой, и я желаю тебе счастливого возвращения и исполнения твоих замыслов».

39. А Ксеркс в страшном гневе отвечал ему такими словами: «Негодяй! Ты еще решился напомнить мне о своем сыне, когда я сам веду на Элладу своих собственных сыновей, братьев, родственников и друзей? Разве ты не раб мой, который обязан со всем своим домом и с женой сопровождать меня? Знай же теперь, что дух людей обитает в их ушах: если дух слышит что-либо благостное, то он наполняет тело радостью; услышав же противоположное, дух распаляется гневом. Ты сделал мне, правда, доброе дело и изъявил готовность сделать подобное же, но не тебе хвалиться, что превзошел царя благодеяниями. А ныне, когда ты выказал себя наглецом, ты все-таки не понесешь заслуженной кары, но меньше заслуженной. Тебя и четверых твоих сыновей спасает твое гостеприимство. Но один, к которому ты больше всего привязан, будет казнен». Дав такой ответ, царь тотчас же повелел палачам отыскать старшего сына Пифия и разрубить пополам, а затем одну половину тела положить по правую сторону пути, а другую по левую, где должно было проходить войско.

40. Палачи выполнили царское повеление, и войско прошло между половинами тела. Впереди персидского войска шел обоз и вьючные животные. Затем следовали вперемежку отряды разных народностей, но беспорядочными массами. Когда половина этих полчищ успела пройти, то образовался промежуток и дорога оставалась некоторое время пустой. Царю предшествовала 1000 отборных персидских всадников, за ними двигалась 1000 копьеносцев (также отборных) с копьями, обращенными вниз к земле. Потом шло 10 священных так называемых нисейских коней в роскошной сбруе. Нисейскими же называются эти кони вот почему. Есть в Мидии обширная равнина под названием Нисей. На этой-то равнине и разводят таких больших коней. За этими 10 конями двигалась священная колесница Зевса, которую везло 8 белых коней. Позади самих коней следовал пешком возница, держа в руках узду, так как никто из людей не мог подниматься на седалище этой колесницы. За этой колесницей ехал сам Ксеркс на колеснице, запряженной нисейскими конями. Рядом с царем стоял возница по имени Патирамф, сын перса Отана.

41. На этой колеснице Ксеркс выступил из Сард. Впрочем, царь переходил как ему заблагорассудится с колесницы в крытую дорожную повозку. Позади царя следовала 1000 копьеносцев, самые доблестные и знатные персы, по обычаю держа копье кверху. Затем шла другая 1000 отборных персидских всадников, а после всадников 10 000 пеших воинов, отобранных из остального войска персов. Из них у 1000 человек на нижнем конце копий были золотые гранатовые яблоки. Эти воины окружали остальных кольцом. У 9000 воинов, шедших в середине, были серебряные гранатовые яблоки [на нижних концах копий]. Были также золотые гранатовые яблоки и у копьеносцев с копьями, обращенными вниз к земле. Ближайшая свита Ксеркса имела золотые яблоки [вместо гранатов]. За этими 10 000 следовало 10 000 персидской конницы. За конницей образовывался опять промежуток в 2 стадии и наконец шли все остальные нестройные полчища.

42. Из Лидии персидское войско совершало путь к реке Каику и в Мисийскую землю. А от Каика оно через местность Атарней, имея на правой стороне гору Кану, достигло города Карены. От этого города войско шло через фиванскую равнину к городу Атрамиттию и мимо пеласгийского Антандра. Оставив влево гору Иду, войско вступило затем в Илионскую область. Когда войско остановилось на ночлег у подошвы Иды, то сначала разразилась гроза с ураганом, причем от ударов молнии погибло очень много людей.

43. Когда затем Ксеркс прибыл к реке Скамандру (это была первая река с тех пор, как выступили из Сард, которая иссякла и в ней не хватило воды, чтобы напоить войско и скот). И вот, когда царь прибыл к этой реке, он, желая осмотреть кремль Приама, поднялся на его вершину. Осмотрев кремль и выслушав все рассказы о том, что там произошло, царь принес в жертву Афине Илионской 1000 быков. Маги же совершили [местным] героям жертвенное возлияние. После этого ночью на войско напал страх. А с наступлением дня царь продолжал поход, оставив на левой стороне города Ретий, Офриней и Дардан (город, пограничный с Абидосом), а справа — тевкрские Гергифы.

44. Дойдя до Абидоса, Ксеркс пожелал произвести смотр своему войску. Для этого уже раньше нарочно был воздвигнут здесь на холме трон из белого мрамора (его соорудили абидосцы по заранее отданному повелению). Там царь восседал, сверху вниз глядя на бе-

рег, обозревая войско и корабли. После смотра он пожелал видеть морскую битву. Затем было устроено морское сражение. Победу одержали финикияне из Сидона, и Ксеркс радовался сражению и своему войску.

45. Увидев, что весь Геллеспонт целиком покрыт кораблями и все побережье и абидосская равнина кишат людьми, Ксеркс возрадовался своему счастью, а затем пролил слезы.

46. Когда это заметил дядя его Артабан, который вначале свободно высказал свое мнение, отговорив Ксеркса идти в поход на Элладу, этот-то Артабан при виде слез Ксеркса обратился к нему так: «О царь! Почему ты поступаешь столь различно теперь и немного раньше? Сначала ведь ты обрадовался своему счастью, а затем пролил о себе слезы». Ксеркс ответил: «Конечно, мною овладевает сострадание, когда я думаю, сколь скоротечна жизнь человеческая, так как из всех этих людей никого уже через сто лет не будет в живых». Артабан же в ответ сказал так: «В жизни мы испытываем еще нечто, внушающее больше сожаления, чем это. Ведь, несмотря на такую мимолетность жизни, все же никто не может в силу своей человеческой натуры быть счастлив. И не только среди этих людей, но и среди всех на свете нет никого, кому бы часто или хоть однажды не приходила в голову мысль, что лучше быть мертвым, чем жить. Невзгоды и телесные немощи ведь поражают и мучают нас так, что наша, пусть даже краткая, жизнь кажется нам слишком долгой. Поэтому смерть для человека — самое желанное избавление от жизненных невзгод. А божество, позволив человеку вкусить сладости жизни, оказывается при этом завистливым».

47. Ксеркс, отвечая ему, сказал: «Артабан! Не будем рассуждать о человеческой жизни, хотя она в действительности такова, как ты ее изобразил. Не станем вспоминать о невзгодах, так как теперь счастье у нас в руках. Но скажи-ка мне вот что. Если бы сновидение так живо телесно-осязательно не предстало тебе, остался бы ты при своем прежнем мнении и отсоветовал бы мне идти войной на Элладу или ты изменил его? Скажи мне это по правде». Артабан отвечал: «О царь! Пусть то, что обещает видение, явившееся во сне, сбудется так, как мы оба этого желаем. Что до меня, то я все время полон страха и не могу прийти в себя: очень многое у меня на уме, тем более что вижу — у тебя есть два страшных врага».

48. На это Ксеркс возразил такими словами: «Странный человек! Как это ты говоришь, что у меня два страшных врага? Разве ты считаешь мое войско недостаточно многочисленным, а эллинское кажется тебе гораздо сильнее? Или наш флот уступает их кораблям? Или то и другое? Если же наша военная сила в этом отношении окажется недостаточна, то следует как можно скорее набирать другое войско».

49. Артабан отвечал: «О царь! Ни войско твое, ни число кораблей ни один благоразумный человек не считает недостаточным. Если ты наберешь еще больше людей, то оба врага, о которых я тебе говорю, станут только еще страшнее. А эти два врага — это земля и море. Ведь нет нигде на земле, как я думаю, столь большой гавани, которая во время бури могла бы принять этот твой флот и уберечь от непогоды. Однако флот должен иметь не только одну гавань, но тебе нужны гавани на всем побережье, у которого ты плаваешь. А так как нет у тебя достаточно обширных гаваней, то ты должен понять, что случайности господствуют над людьми, а не люди над ними. И вот, назвав тебе одного врага, я хочу теперь сказать и о другом. Земля — твой враг вот почему. Если у тебя даже не будет на пути никакого врага, то земля станет тебе все более враждебной по мере твоего продвижения, заманивая тебя все далее вперед. Нет ведь у людей вовсе полного счастья. Итак, я полагаю, если ты даже не встретишь сопротивления, то земли [за нами] будет тем больше, чем дальше [мы будем продвигаться], и, наконец, мы начнем страдать от голода. Итак, пожалуй, тот самый доблестный человек, кто в совете показывает себя боязливым, так как он старается предусмотреть любое возможное несчастье, а на деле проявляет мужество».

50. Ксеркс отвечал на это: «Артабан! Все, что ты говоришь, совершенно правильно. Тем не менее не следует всюду страшиться невзгод и всему придавать значение в равной степени. Если бы ты вздумал при всякой непредвиденной случайности взвешивать все возможные тяжелые последствия, то никогда ничего бы не совершил. Лучше отважиться на все и испытать половину опасностей, чем заранее бояться, как бы впоследствии как-нибудь не пострадать. Затем, если заранее станешь оспаривать всякое предложение и если не укажешь правильного пути, то наверняка при этом

ошибешься, как и твой противник. Итак, одно не лучше другого. А может ли человек вообще знать правильный путь? Думается, что нет. Кто решился действовать, тому обычно сопутствует удача. А кто только и делает, что рассуждает обо всем и медлит, вряд ли окажется победителем. Ты видишь, сколь могущественна теперь персидская держава. Если бы цари — мои предшественники — были с тобой одинакового мнения или, не придерживаясь сами таких взглядов, слушали бы советов таких людей [как ты], то ты никогда бы не увидел такого могущества. А ныне, презирая опасности, они так возвеличили свою державу. Ибо великие дела обычно сопряжены с великими опасностями. Следуя примеру наших предшественников, мы выбрали для похода самое прекрасное время года. Покорив всю Европу, мы затем возвратимся назад, не испытав ни голода, ни какой-либо другой беды. Ведь мы, во-первых, сами отправляемся в поход с большими запасами [продовольствия], а затем, в какую бы страну и народность мы ни пришли, мы возьмем у них весь хлеб [который там есть]. Мы идем войной на земледельцев, а не на кочевников».

51. После этого Артабан сказал: «Царь! Так как ты не желаешь слышать об опасениях, то прими по крайней мере мой совет: ведь о многих делах необходимо и говорить многословно. Кир, сын Камбиса, всю Ионию, кроме Афин, заставил платить дань персам. Этих-то ионян я тебе никоим образом не советую вести против их предков. В самом деле, и без них мы достаточно сильны, чтобы сокрушить врага. Если же они пойдут с нами, то им придется либо совершить страшную несправедливость, обращая в рабство свою родину, или, как честные люди, вместе с ними сражаться за свободу. Если они пойдут на несправедливость, то нам от этого вовсе не будет большой пользы. А стань они на честный путь, то могут принести великий вред твоему войску. Вспомни также древнее правильное изречение: вначале не видно всего, что будет потом».

52. На это Ксеркс возразил: «Из всех высказанных тобой мнений ты заблуждаешься наиболее глубоко в том, что страшишься восстания ионян. У нас есть весьма важное доказательство верности ионян, свидетелем которого являешься и ты сам, и другие участники похода Дария на скифов. Действительно, от них зависела гибель или спасение всего персидского войска. Ионяне же показали себя тогда честными и верными

и не причинили нам никакого зла. Кроме того, они оставили в нашей стране детей, жен и имущество, так что нельзя думать, что они поднимут восстание. Поэтому не страшись восстания, но, исполнившись мужества, храни мой дом и мою власть. Тебе одному из всех я поручаю мой скипетр».

53. После этого Ксеркс отослал Артабана назад в Сусы и затем снова приказал персидским вельможам собраться. Когда они явились, царь сказал им так: «Персы! Я собрал вас, желая внушить доблесть, дабы вы не посрамили великие и многоценные подвиги наших предков. Будем же каждый в отдельности и все вместе ревностно сражаться! Ведь подвиги и слава наших предков есть общее благо, к чему все вы и должны стремиться. Поэтому я требую от вас напрячь все силы в этой войне, ведь, как я слышу, наши противники — доблестные люди. Если мы одолеем этот народ, то уже не найдется на свете силы, способной противостоять нам. А теперь, вознеся молитвы богам — хранителям персов, начнем переправу».

54. Этот день персы провели в приготовлениях к переправе. На следующий же день в ожидании восхода солнца, так как желали увидеть восход, они возжигали на мостах различные жертвенные благовония и устилали путь миртовыми ветками. После восхода солнца Ксеркс совершил возлияние в море из золотой чаши, вознося молитвы солнцу, дабы не случилось несчастья, которое помешает ему покорить Европу, пока не достигнет ее пределов. После молитвы царь бросил чашу в Геллеспонт, а также золотой кубок и персидский меч, называемый «акинака». Я не могу точно сказать, погрузил ли Ксеркс все эти вещи в море как жертву солнцу или же, раскаявшись, что приказал бичевать Геллеспонт, принес за это [искупительные] дары морю.

55. После этого войско приступило к переправе. Пешее войско и вся конница шли по одному мосту в сторону Понта, а по другому — в сторону Эгейского моря переправлялись вьючные животные и обоз. Во главе выступало 10 000 персидских воинов; все они были увенчаны венками. За ними вперемежку следовали разноплеменные полчища. Шли они весь этот первый день. А на следующий сначала переправлялись всадники и копьеносцы с копьями, обращенными вниз. Эти воины были также увенчаны венками. За ними двигались священные кони и священная колесница, за-

тем — сам Ксеркс с копьеносцами и 1000 всадников и, наконец, остальное войско. Одновременно и корабли поплыли к другому берегу. Впрочем, я слышал также, что Ксеркс переправился самым последним.

56. Переправившись в Европу, Ксеркс стал наблюдать переправу своего войска, [двигавшегося] по мосту под ударами бичей. Продолжался переход царского войска семь дней и семь ночей без отдыха. При этом, как передают, когда Ксеркс уже находился на другой стороне Геллеспонта, какой-то геллеспонтиец сказал ему: «Зевс! Почему ты в облике перса, приняв имя Ксеркса, желаешь опустошить Элладу и ведешь с собой полчища всего мира? Ведь это ты мог бы совершить и без них!».

57. Когда наконец все переправились и персы собирались уже следовать дальше, явилось им великое и чудесное знамение. Ксеркс не обратил на него, конечно, никакого внимания, хотя объяснить знамение было нетрудно: кобыла родила зайца. В данном случае истолковать его было легко: Ксеркс поведет свои полчища на Элладу со всей пышностью и великолепием, а возвратится в свою землю, спасаясь бегством, [как заяц]. Было Ксерксу еще и другое знамение: лошачиха родила мула с двойными половыми частями — мужским и женским (сверху были мужские части). Царь пренебрег и этим знамением и двигался с войском дальше.

58. Корабли отплыли за пределы Геллеспонта и шли вдоль побережья в направлении, противоположном войску, именно, они плыли на запад, держа курс на Сарпедонский мыс, где им было приказано ожидать сухопутное войско. Войско же направлялось на восток через Херсонес. Оставив на правой стороне могильный памятник Геллы, дочери Афаманта, а налево — город Кардию, войско прошло посредине города под названием Агора. Затем оно обогнуло залив по имени Мелас и реку Мелас. Воды в реке было недостаточно для войска, и река иссякла. Перейдя эту реку, от которой и название залива, войско повернуло на запад. Затем мимо эолийского города Эноса и Стенторийского озера оно прибыло в Дориск.

59. Дориск же — это обширная равнина на фракийском побережье. По этой равнине течет большая река Гебр. Там уже раньше было воздвигнуто царское укрепление под названием Дориск. В нем Дарий во время похода на скифов оставил персидскую стражу.

 Местность эта показалась Ксерксу подходящей для

смотра и подсчета боевых сил, что царь и сделал. А все корабли, пришедшие в Дориск, Ксеркс велел навархам причалить к соседнему с Дориском побережью, где лежат самофракийские города Сала и Зона, а на самом конце его находится знаменитый мыс Серрий. Область эта еще издревле принадлежала киконам. К этому-то побережью навархи и причалили свои корабли и затем вытащили на берег для просушки Тем временем Ксеркс в Дориске производил подсчет боевых сил.

60. Сколь велика была численность полчищ каждого народа, я точно сказать не могу, потому что об этом никто не сообщает. Общее же количество сухопутного войска составляло 1 700 000 человек. А подсчет производился следующим образом: согнали в одно место 10 000 человек и, поставив как можно плотнее друг к другу, обвели вокруг чертой. Обведя чертой, отпустили эти 10 000 воинов и по кругу построили ограду высотой человеку до пупа. После этого стали загонять в огороженное место другие десятки тысяч людей, пока таким образом не подсчитали всех. Затем воинов распределяли по племенам.

61. Принимали же участие в походе следующие народности: прежде всего персы, которые были одеты и вооружены вот как. На головах у них были так называемые тиары (мягкие [войлочные] шапки), а на теле — пестрые хитоны с рукавами из железных чешуек наподобие рыбьей чешуи. На ногах персы носили штаны. Вместо [эллинских] щитов у них были плетеные щиты, под которыми висели колчаны. Еще у них были короткие копья, большие луки с камышовыми стрелами, а, кроме того, на правом бедре с пояса свисал кинжал. Предводителем их был Отан, отец супруги Ксеркса Аместриды. В древнее время эллины называли персов кефенами. Сами же они называли себя артеями (так их звали и соседи). Когда же Персей, сын Данаи и Зевса, прибыл к Кефею, сыну Бела, и взял себе в жены его дочь Андромеду, то родившегося сына назвал Персом. Сына своего Персей оставил в стране, так как у Кефея не было мужского потомства. От него-то персы и получили свое имя.

62. Мидяне же носят в походе такое же вооружение, как и персы (вооружение это, собственно, мидийское, а не персидское). Предводителем мидян был Тигран из [рода] Ахеменидов. В древности все называли их ариями. После прибытия к этим ариям колхидянки

Медеи из Афин и они также изменили свое имя. Так гласит о них мидийское предание. Киссии выступили в поход также в персидском вооружении, только вместо [войлочных] шапок они носили митру. Во главе киссиев стоял Анаф, сын Отана. Также и гирканы были вооружены по-персидски. Начальником их был Мегапан, впоследствии правитель Вавилона.

63. Ассирийцы в походе носили на голове медные шлемы, своеобразно сплетенные каким-то трудно объяснимым способом. У них были щиты, копья и кинжалы, подобные египетским, а, кроме того, еще деревянные палицы с железными шишками и льняные панцири. Эллины называют их сирийцами, а варвары — ассирийцами. Предводителем их был Отасп, сын Артахея.

64. Бактрийцы носили на головах шапки, очень схожие с мидийскими, тростниковые бактрийские луки и короткие копья. Саки же (скифское племя) носили на головах высокие островерхие тюрбаны, плотные, так что стояли прямо. Они носили штаны, а вооружены были сакскими луками и кинжалами. Кроме того, у них были еще сигарисы — [обоюдоострые] боевые секиры. Это-то племя (оно было, собственно, скифским) называли амиргийскими саками. Персы ведь всех скифов зовут саками. Бактрийцами и саками предводительствовал Гистасп, сын Дария и Атоссы, дочери Кира.

65. Индийцы выступили в поход в хлопковых одеждах и с камышовыми луками и стрелами с железными наконечниками. Таково было вооружение индийцев. Начальником их был Фарназафр, сын Артабата.

66. Арии же были вооружены мидийскими луками, а остальное вооружение у них было бактрийское. Во главе ариев стоял Сисамн, сын Гидарна. Парфяне, хорасмии, согдийцы, гандарии и дадики шли в поход в таком же вооружении, как и бактрийцы. Начальниками их были: у парфян и хорасмиев — Артабаз, сын Фарнака; у согдийцев — Азан, сын Артея; у гандариев и дадиков — Артифий, сын Артабана.

67. Каспии были одеты в козьи шкуры и вооружены [своими] местными луками из камыша и персидскими мечами. Таково было их вооружение, а начальником их был Ариомард, брат Артифия. Саранги же щеголяли пестро раскрашенными одеждами и сапогами до колен. Луки и копья у них были мидийские. Предво-
 дителем их был Ферендат, сын Мегабаза. Пактии но-

сили козьи шкуры, вооружены были местными луками и кинжалами. Во главе пактиев стоял Артаинт, сын Ифамитры.

68. Утии, мики и парикании вооружены были подобно пактиям. Начальниками их были: у утиев — Арсамен, сын Дария; у париканиев же — Сиромитра, сын Эобаза.

69. Арабы были одеты в длинные, высоко подобранные бурнусы и носили на правой стороне очень длинные вогнутые назад [гибкие] луки. Эфиопы же носили барсовые и львиные шкуры. Луки их из пальмовых стеблей имели в длину не менее 4 локтей. Стрелы у них маленькие, камышовые, на конце вместо железного наконечника — острый камень, которым они режут камни на перстнях для печатей. Кроме того, у них были копья с остриями из рога антилопы, заостренными в виде наконечника. Были у них и палицы, обитые железными шишками. Идя в бой, они окрашивали половину тела мелом, а другую — суриком. Во главе арабов и эфиопов, живущих южнее Египта, стоял Арсам, сын Дария и Артистоны, дочери Кира (ее Дарий любил больше всех своих жен и велел сделать для себя ее изображение из чеканного золота). Итак, предводителем эфиопов, живущих южнее Египта, и арабов был Арсам.

70. Восточные же эфиопы (в походе участвовали два племени эфиопов) были присоединены к индийцам. По внешности они ничем не отличались, а только языком и волосами. Так, у восточных эфиопов волосы прямые, а у ливийских — самые курчавые волосы на свете. Вооружены были эти азиатские эфиопы в основном по-индийски, только на голове они носили лошадиную шкуру, содранную вместе с ушами и гривой. Грива служила вместо султана, причем лошадиные уши торчали прямо. Вместо щитов они держали перед собой как прикрытие журавлиные кожи.

71. Ливийцы выступали в кожаных одеяниях с дротиками, острия которых были обожжены на огне. Предводителем их был Массагес, сын Оариза.

72. Пафлагонцы шли в поход в плетеных шлемах, с маленькими щитами и небольшими копьями; кроме того, у них были еще дротики и кинжалы. Ноги у них были обуты в местные сапоги, доходившие до середины ноги. Лигии, матиены, мариандины и сирийцы шли в поход в одинаковом с пафлагонцами вооружении. Сирийцев же этих персы зовут каппадокийскими. Во

главе пафлагонцев и матиенов стоял Дот, сын Мегасидра; начальником же мариандинов, лигиев и сирийцев был Гобрий, сын Дария и Артистоны.

73. Вооружение фригийцев было весьма похоже на пафлагонское, с небольшим лишь различием. По словам македонян, пока фригийцы жили вместе с ними в Европе, они назывались бригами. А после переселения в Азию они вместе с переменой местопребывания изменили и свое имя на фригийцев. Армении же, будучи переселенцами из Фригийской земли, имели фригийское вооружение. Начальником тех и других был Артохм, женатый на дочери Дария.

74. Вооружение лидийцев было почти такое же, как у эллинов. Лидийцы в древности назывались меонами, а [свое теперешнее имя] получили от Лида, сына Атиса. Мисийцы же носили на голове местные шлемы; вооружение их состояло из маленьких щитов и дротиков с обожженным на огне острием. Мисийцы — переселенцы из Лидии, а по имени горы Олимпа они зовутся олимпиенами. Предводителем лидийцев и мисийцев был Артафрен, сын Артафрена, который вместе с Датисом напал на Марафон.

75. У фракийцев в походе на головах были лисьи шапки. На теле они носили хитоны, а поверх — пестрые бурнусы. На ногах и коленях у них были обмотки из оленьей шкуры. Вооружены они были дротиками, пращами и маленькими кинжалами. После переселения в Азию это племя получило имя вифинцев, а прежде, по их собственным словам, они назывались стримониями, так как жили на Стримоне. Как говорят, тевкры и мисийцы изгнали их с мест обитания. Начальником азиатских фракийцев был Бассак, сын Артабана.

76. [...Писидийцы] носят маленькие щиты из невыделанных бычьих шкур. Каждый вооружен охотничьим копьем ликийской работы, а на голове у них медные шлемы; на шлемах приделаны медные бычачьи уши и рога, а сверху — султаны. Ноги у них были обмотаны красными тряпками. У этого народа есть прорицалище Ареса.

77. Кабалии — меонийское племя, которых зовут также ласониями, вооружены по-киликийски (об этом я расскажу, когда перейду к киликийским отрядам). У милиев же были короткие копья и плащи, застегивающиеся [на плече] пряжкой. Некоторые из них носили ликийские луки, а на голове — кожаные шлемы. Всеми этими народностями предводительствовал Бадр, сын Гистана.

78. У мосхов на голове были деревянные шлемы; они носили маленькие щиты и копья с длинными наконечниками. Тибарены, макроны и моссиники шли в поход вооруженными, как мосхи. Начальниками их были: у мосхов и тибаренов Ариомард, сын Дария и Парминсы, дочери Смердиса, внучки Кира; у макронов же и моссинников Артаикт, сын Херасмия, который был сатрапом на Геллеспонте.

79. Мары носили на головах плетеные туземные шлемы. Вооружение их — маленькие кожаные щиты и дротики. У колхов же на головах были деревянные шлемы; они носили маленькие щиты из сырой кожи, короткие копья и, кроме того, еще кинжалы. Во главе маров и колхов стоял Фарандат, сын Теаспия. Алародии же и саспиры выступали в поход вооруженными, как колхи. Предводителем их был Масистий, сын Сиромитры.

80. Племена с островов Красного моря (именно, с тех островов, где царь поселил так называемых изгнанников) были одеты и вооружены совершенно по-мидийски. Предводителем этих островитян был Мардонт, сын Багея, который через два года после этого погиб во главе [персидского флота] в битве при Микале.

81. Эти народности сражались на суше и составляли пешее войско. Предводителями их были названные мною люди. Они выстроили свои отряды в боевом порядке и подсчитали число воинов. Затем они назначили начальников тысяч и десятков тысяч, а начальники десятков тысяч в свою очередь поставили сотников и десятников. Кроме того, у отдельных отрядов и народностей были еще и другие предводители.

82. Итак, военачальниками были эти названные мною люди. Во главе же их и всего сухопутного войска стояли Мардоний, сын Гобрия; Тритантехм, сын Артабана, который подал совет против похода на Элладу; Смердомен, сын Отана (оба они — сыновья братьев Дария, двоюродные братья Ксеркса); Масист, сын Дария и Атоссы; Гергис, сын Ариаза, и Мегабиз, сын Зопира.

83. Это были начальники всего сухопутного войска, кроме 10 000 персов. Во главе этого отряда 10 000 отборных персидских воинов стоял Гидарн, сын Гидарна. Этот отряд персов называли «бессмертными», и вот почему. Если кого-нибудь постигала смерть или недуг и он выбывал из этого числа, то [на его место] выбирали другого и [потому в отряде] всегда бывало ровно

10 000 воинов — не больше и не меньше. Из всех народностей лучше всего держали боевой порядок персы, и они были самыми доблестными. Снаряжение их было такое, как я уже сказал, а кроме того, они блистали множеством роскошных золотых украшений. Их сопровождали повозки с наложницами и множеством прислуги в богатых одеждах. Продовольствие для них везли (отдельно от прочих воинов) на верблюдах и вьючных животных.

84. В коннице [Ксеркса], впрочем, служили не все народности, а только следующие: прежде всего персы. Они носили то же вооружение, как и пешие, но только у некоторых на голове были медные, чеканной работы и железные шлемы.

85. Среди них есть некое кочевое племя по имени сагартии. По происхождению и языку — это персидская народность, но одежда их наполовину персидская, наполовину пактийская. Они выставляли 8000 всадников; бронзового или железного оружия у них, по обычаю, нет, кроме кинжалов. Вместо этого у них только плетенные из ремней арканы. С этими-то арканами они и идут в бой. Сражаются они так: сойдясь с врагом, они забрасывают арканы с петлей и затем тащат к себе, кого они поймают — коня или человека. Люди, пойманные в аркан, погибают. В битве сагартии стояли возле персов.

86. Мидийские всадники были снаряжены подобно своим пехотинцам, так же и киссии. Индийские же всадники носили одинаковое снаряжение с пешими воинами, но ехали не только верхом на конях, но и на колесницах, запряженных конями и дикими ослами. Вооружение бактрийских всадников было то же, что и у пеших воинов, точно так же и у каспиев. И ливийцы имели одинаковое вооружение с пешими воинами. Все эти народности также ехали на колесницах. Каспии и парикании были вооружены так же, как и пешие воины. У арабов тоже было одинаковое вооружение с пешими воинами, но все они ехали на верблюдах, по быстроте не уступающих коням.

87. Только одни эти народности служили в коннице. Численность же конницы составляла 80 000 всадников, не считая верблюдов и колесниц. Всадники [других народностей] были построены эскадронами, арабские же [всадники] стояли последними. Ведь кони не могли выносить верблюдов, и, чтобы кони не пугались, их по-

 ставили позади.

88. Начальниками конницы были Гармамифрас и Тифей, сыновья Датиса. Третий же начальник — Фарнух занемог и остался в Сардах. При выступлении из Сард с ним приключилось неприятное происшествие. Когда Фарнух ехал верхом, под ногами коня пробежала собака, и конь, не заметив ее, в испуге стал на дыбы и сбросил всадника. После падения Фарнух стал харкать кровью и недуг перешел в чахотку. С конем же слуги тотчас поступили по его приказу: отведя коня на то место, где он сбросил своего хозяина, они отсекли ему ноги по колени. Так Фарнух вынужден был расстаться с должностью начальника.

89. Число триер [во флоте Ксеркса] было 1207. Выставили же эти [корабли] следующие народности: финикияне вместе с сирийцами, что в Палестине,— 300 триер. Вооружены они были так: на головах воинов были шлемы почти такие же, как у эллинов. Затем они носили льняные панцири, щиты без [металлических] ободьев и дротики. Эти финикияне, по их же словам, в древности обитали на Красном море, а впоследствии переселились оттуда и ныне живут на сирийском побережье. Эта часть Сирии и вся область вплоть до Египта называется Палестиной. Египтяне же выставили 200 кораблей. Они носили плетеные шлемы, выпуклые щиты с широкими [металлическими] ободьями, морские [абордажные] копья и большие секиры. У большинства были панцири и длинные ножи. Так они были вооружены.

90. Жители острова Кипра доставили 150 кораблей. Снаряжение у них было вот такое: цари их носили головные повязки, а все прочие — хитоны; в остальном они были одеты по-эллински. Они происходят из следующих земель: из Саламина, Афин, Аркадии, Кифна, Финикии и Эфиопии, как говорят сами киприоты.

91. Киликийцы же снарядили 100 кораблей. Они носили на голове шлемы опять-таки особого местного вида, круглые щиты из бычьей кожи вместо больших щитов и шерстяные хитоны. У каждого было по два дротика и меч, весьма схожий с египетскими ножами. В древности киликийцы назывались гипахеями, а свое теперешнее имя получили от Килика сына Агенора, финикиянина. Памфилы доставили 30 кораблей и были вооружены по-эллински. Эти памфилы ведут свое происхождение от [эллинов] из отрядов Амфилоха и Калханта, рассеявшихся из-под Трои.

92. Ликийцы доставили 50 кораблей. Они носили панцири и поножи, кизиловые луки, неоперенные камы-

шовые стрелы и дротики. На плечах у них были накинуты козьи шкуры, а на головах — шапки, увенчанные перьями. Кроме того, у них были еще кинжалы и серпы. Ликийцы родом критяне и назывались [прежде] термилами; свое же теперешнее имя они получили от Лика, сына Пандиона, афинянина.

93. Азиатские дорийцы доставили 30 кораблей. Они вооружены по-эллински и родом из Пелопоннеса. Карийцы же выставили 70 кораблей. Вооружение у них было также эллинское, но, кроме того, еще серпы и кинжалы. Как они назывались раньше, я уже рассказал в первой книге моего труда.

94. Ионяне снарядили 100 кораблей и были вооружены по-эллински. Пока ионяне жили в Пелопоннесе в теперешней Ахее, т. е. до прихода Даная и Ксуфа в Пелопоннес, они назывались, по-эллинскому преданию, пеласгами и эгиалеями. Затем от Иона, сына Ксуфа, они получили имя ионян.

95. Жители островов выставили 17 кораблей; вооружены они были по-эллински. Они также принадлежали к пеласгическому племени и впоследствии были названы ионянами по той же причине, как и переселенцы из Афин — жители двенадцати ионийских городов. Эолийцы доставили 16 кораблей; вооружены они были так же, как эллины, и назывались в древности, по эллинскому преданию, пеласгами. Геллеспонтийцы — все другие жители Понта, кроме абидосцев (абидосцам было приказано царем оставаться на месте и охранять мосты),— снарядили 100 кораблей и были вооружены, как эллины. Эти города — частью ионийские, частью дорийские колонии.

96. На всех кораблях, кроме местных воинов, находились еще персидские, мидийские и сакские воины. Из этих кораблей лучше всех на плаву были финикийские, а из финикийских — сидонские. У всех этих народностей (и у тех, которые составляли пешее войско) были еще и свои собственные военачальники. Их имена я, однако, не привожу, так как это вовсе не нужно для моего повествования. Ведь не о каждом предводителе народности стоит упоминать. Сколько было городов у каждого племени, столько было у них и предводителей, и все они являлись не военачальниками, а простыми воинами. Подлинных же военачальников, поскольку в отрядах каждого отдельного племени полновластными начальниками были персы, я уже назвал.

97. Предводителями же флота были: Ариабигн, сын Дария; Прексасп, сын Аспафина; Мегабаз, сын Мегабата, и Ахемен, сын Дария. А именно, во главе ионийского и карийского флота стоял Ариабигн, сын Дария и дочери Гобрия; египетским флотом начальствовал Ахемен, родной брат Ксеркса; предводителями остальных кораблей были два других начальника [из этих четырех]. Число 30-весельных, 50-весельных кораблей, легких судов и длинных грузовых судов для перевозки лошадей доходило до 3000.

98. Наиболее выдающимися после военачальников во флоте были сидонянин Тетрамнест, сын Аниса; тириец Маттен, сын Сирома; Мербал, сын Агбала из Арада; киликиец Сиеннесий, сын Оромедонта; ликиец Киберниск, сын Сика; Горг из Кипра, сын Херсия, и Тимонакт, сын Тимагора; карийцы Гистией, сын Тимна, Пигрет, сын Гисселдома, и Дамасифим, сын Кандавла.

99. Говорить об остальных начальниках нет необходимости. Упомяну лишь об Артемисии — женщине, которой я весьма удивляюсь за то, что она выступила в поход на Элладу. После кончины своего супруга она взяла верховную власть в свои руки и с мужественной отвагой собралась в поход, хотя при малолетнем сыне ее к этому не принуждали. Имя ее было Артемисия. По отцу она происходила из Галикарнасса (она была дочерью Лигдамида), а по матери — из Крита. Она предводительствовала кораблями из Галикарнасса, Коса, Нисира и Калидны и снарядила 5 кораблей. Эти корабли после сидонских были самыми лучшими во всем флоте, и советы, которые Артемисия давала царю, из всех советов участников похода были наиболее полезными. Я хочу еще упомянуть, что население перечисленных мною городов, подвластных Артемисии, было чисто дорийским: галикарнассцы ведь вышли из Трезена, а прочие — из Эпидавра. Столько сведений я сообщил о кораблях.

100. После подсчета своих сил Ксеркс велел построить войско в боевой порядок и пожелал сам сделать ему смотр, проехав [между рядами]. Затем царь стал объезжать на колеснице один за другим отряды отдельных племен и спрашивал имя [каждой народности], а писцы записывали, пока он не осмотрел все пешее войско и конницу из конца в конец. Потом, после спуска кораблей на воду, Ксеркс перешел с колесницы на сидонский корабль, сел на нем под золотой сенью и по-

ылыл мимо кораблей, обращенных к нему носами. Здесь так же, как во время смотра на суше, царь расспрашивал имена племен и велел записывать. Навархи же, выведя корабли в море на 4 плефра от берега, повернули их носами к суше. Затем выстроили корабли в одну линию, а воинов морской пехоты привели в полную боевую готовность. Ксеркс плыл между носами кораблей и берегом и производил смотр.

101. Проплыв между кораблями, Ксеркс сошел с корабля на берег и затем велел послать за Демаратом, сыном Аристона (он участвовал в походе на Элладу). Призвав Демарата, царь сказал ему так: «Демарат! Мне угодно теперь задать тебе вопрос. Ты эллин и, как я узнал от тебя и от прочих эллинов, с которыми мне пришлось говорить, не из самого ничтожного и слабого города. Скажи же мне теперь: дерзнут ли эллины поднять на меня руку? Ведь, мне думается, даже если бы собрались все эллины и другие народы запада, то и тогда не могли бы выдержать моего нападения, так как они не действуют заодно. Но все же мне желательно узнать твое мнение. Что ты скажешь о них?» Так спрашивал царь, а Демарат отвечал: «Царь! Говорить ли мне правду или тебе в угоду?» Ксеркс приказал ему говорить правду, прибавив, что, как и раньше, не оставит его своими милостями.

102. Услышав ответ царя, Демарат сказал так: «Царь! Так как ты велишь мне непременно говорить правду так, чтобы потом за это меня нельзя было уличить во лжи, то скажу тебе. Бедность в Элладе существовала с незапамятных времен, тогда как доблесть приобретена врожденной мудростью и суровыми законами. И этой-то доблестью Эллада спасается от бедности и тирании. Я воздаю, конечно, хвалу всем эллинам, живущим в дорийских областях. Однако то, что я хочу теперь тебе поведать, относится не ко всем им, но только к лакедемонянам. Прежде всего они никогда не примут твоих условий, которые несут Элладе рабство. Затем они будут сражаться с тобой, даже если все прочие эллины перейдут на твою сторону. Что же до их численности, то не спрашивай, сколько у них боеспособных воинов. Ведь если их выйдет в поход только тысяча или около того, то все равно они будут сражаться!».

103. Выслушав такую речь, Ксеркс заметил со смехом: «Демарат! Какие слова слетели с твоих уст! Тысяча воинов будет биться со столь великим войском! Ведь ты говорил, что сам был царем этого народа, так смо-

жешь ли сейчас один устоять против десяти? Если весь ваш народ действительно таков, как ты его описываешь, то тебе-то, их царю, следовало бы, по вашим законам, выйти против двойного числа врагов. Ведь если каждый спартанец сто́ит десяти моих воинов, то можно ожидать, что ты равноценен по крайней мере двадцати моим воинам. И тогда я поверю, что ты говоришь правду. Если же они силой и статностью такие же люди, как и ты и другие эллины, с которыми мне довелось общаться, то вы только похваляетесь. Смотри, как бы такие речи не оказались пустым хвастовством. Рассуди же по всему вероятию и разумно. Возможно ли, чтобы 1000, 10 000 или даже 50 000 воинов, к тому же одинаково свободных и без единого начальника, могли устоять против столь великого войска? Ведь если у них 5000 воинов, то у нас на каждого спартанца придется свыше 1000. Конечно, будь они под начальством одного человека (по нашему персидскому обычаю), то из страха перед ним они могли бы выказать сверхчеловеческую храбрость и под ударами бичей напали бы даже на численно превосходящего врага. Напротив, предоставленные самим себе, они, конечно, не в состоянии совершить ничего подобного. А мне думается, что эллины, даже численно равные, с трудом устоят против одних персов. Только у нас, однако, действительно есть то, о чем ты говоришь; правда, встречается это довольно редко: среди моих копьеносцев есть такие, что могут легко справиться сразу с тремя эллинами. Ты ничего этого не знаешь и поэтому болтаешь много вздора!».

104. На это Демарат ответил так: «Царь! Я уже заранее знал, что мои правдивые слова придутся тебе не по душе. Но так как ты велел мне быть совершенно искренним, то я и говорил тебе так о спартанцах. Тебе самому, впрочем, прекрасно известно, как я именно теперь люблю спартанцев, которые отняли у меня царские почести и наследственные права, сделав лишенным родины изгнанником. Родитель же твой принял меня и дал средства для жизни и кров. Ведь не дело разумному человеку отвергать столь великие благодеяния, но, напротив, следует высоко ценить и проявлять благодарность. Я не стану утверждать, что могу сражаться ни с десятью, ни с двумя противниками, а добровольно я не вступил бы даже в единоборство. В случае же необходимости или если бы меня ожидала великая награда за победу, я с превеликим удовольстви-

ем сразился бы с одним из тех воинов, которые, по твоим словам, могут сражаться сразу с тремя эллинами. Так дело обстоит и с лакедемонянами: в единоборстве они сражаются столь же храбро, как и другие народы, а все вместе в бою они доблестней всех на свете. Правда, они свободны, но не во всех отношениях. Есть у них владыка — это закон, которого они страшатся гораздо больше, чем твой народ тебя. Веление закона всегда одно и то же: закон запрещает в битве бежать пред любой военной силой врага, но велит, оставаясь в строю, одолеть или самим погибнуть. Если эти мои слова кажутся тебе пустой болтовней, то впредь об остальном я ничего тебе не скажу. Впрочем, да будет все, царь, по твоей воле!».

105. Так отвечал Демарат, а Ксеркс, обратив весь разговор в шутку, вовсе не разгневался, но милостиво отпустил его. После этого Ксеркс назначил Маскама, сына Мегадоста, наместником Дориска, сместив [прежнего наместника], поставленного Дарием. Затем царь повел войско дальше через Фракию на Элладу.

106. Маскам же, которого Ксеркс оставил наместником, проявил себя прежде таким превосходным правителем, что царь только ему одному посылал дары, как самому лучшему сатрапу из всех поставленных им самим или Дарием. Посылал же он дары ежегодно. Впоследствии такие же дары посылал потомкам Маскама и Артоксеркс, сын Ксеркса. Ведь еще ранее, до этого похода, были поставлены наместники по всей Фракии и Геллеспонту. Все эти фракийские и геллеспонтские наместники после этой войны были изгнаны эллинами. Маскама же в Дориске им не удалось изгнать и поныне, несмотря на неоднократные попытки. Поэтому-то правящий персами царь всегда посылает ему упомянутые дары.

107. Из других наместников, изгнанных эллинами, царь Ксеркс никого не признавал доблестным, кроме одного лишь Бога из Эиона. Его царь непрестанно восхвалял, а сыновей его, живших в Персии, осыпал почестями. И действительно, в высшей степени Бог заслужил такие отличия. Осажденный афинянами во главе с Кимоном, сыном Мильтиада, он получил по договору позволение выйти [из крепости] и возвратиться в Азию. Однако Бог не пожелал воспользоваться этим (дабы царь не подумал, что он, как трус, спасает свою жизнь), но держался до последнего. Когда в крепости не осталось больше продовольствия, Бог велел сло-

жить огромный костер; затем, заколов своих детей, жену, наложниц и слуг, бросил их тела в огонь. Потом все золото и серебро из города он высыпал со стены в Стримон и, наконец, бросился сам в огонь. За этот подвиг, как это и подобает, персы восхваляют его еще и до сего дня.

108. Из Дориска Ксеркс продолжал поход на Элладу и все племена на своем пути заставлял присоединяться к персидскому войску. Ведь, как я упоминал уже раньше, вся страна вплоть до Фессалии была подчинена царю и платила ему дань. Покорил же ее Мегабаз, а позднее Мардоний. По пути из Дориска Ксеркс миновал сначала самофракийские укрепления, из которых дальше всего на запад расположен город по имени Месамбрия. С ним граничит город фасосцев Стрима. Между этими городами протекает река Лис; в ней не хватило тогда воды для Ксерксова войска, и река иссякла. Область эта в древности называлась Галлаикой, теперь же Бриантикой, но принадлежит, собственно, еще киконам.

109. Перейдя высохшее русло реки Лиса, Ксеркс миновал эллинские города: Маронею, Дикею и Абдеры. Затем он прошел мимо некоторых известных озер поблизости от этих городов, а именно мимо Исмариды, что между Маронеей и Стримой, и мимо Бистониды, лежащей у Дикеи, куда впадают две реки — Травос и Компсатос. У Абдер Ксеркс не встретил никакого известного озера, но зато пересек реку Нест, текущую в море. Отсюда царь прошел мимо городов, лежащих внутри страны, один из которых находится на озере около 30 стадий в окружности (озеро это богато рыбой и очень соленое). Озеро иссякло, когда только вьючные животные выпили из него воду. Город этот называется Пистир.

110. Ксеркс оставил с левой стороны все эти эллинские города у моря. Фракийские же народности, через земли которых проходил царь, были вот какие: петы, киконы, бистоны, сапеи, дерсеи, эдоняне и сатры. Из них те, что обитали на побережье, следовали за войском на кораблях. Все же остальные упомянутые племена, живущие внутри страны, кроме сатров, должны были служить в сухопутном войске.

111. Что до сатров, то они, насколько нам известно, никогда не были никем покорены. Только они одни из фракийцев сохранили свободу до наших времен. Они живут высоко в горах, покрытых разнообразным лесом и снегом, и отличаются воинственностью. В их владе-

нии знаменитое прорицалище Диониса. Прорицалище же это находится высоко в горах, и бессы (один из родов сатров) толкуют прорицания при храме. Оракулы, как в Дельфах, изрекает главная жрица, и [вообще] все происходит, как и в других прорицалищах.

112. Пройдя упомянутую область, Ксеркс миновал затем города пиерийцев, из которых один называется Фагрет, а другой Пергам. Здесь он шел мимо самих городов, оставляя вправо Пангей, большую и высокую гору с золотыми и серебряными рудниками. Обитают в этой стране пиерийцы, одоманты, и прежде всего сатры.

113. Затем Ксеркс двинулся на запад мимо области пеонов, доберов и пеоплов, живущих на севере от Пангея, пока не достиг реки Стримона и города Эиона, где правителем был (тогда еще бывший в живых) только что упомянутый Бог. А область эта у горы Пангея называется Филлидой. На запад она простирается до реки Ангиты, притока Стримона, а на юг — до самого Стримона. Этой реке маги принесли жертву закланием белых коней.

114. Совершив эти и еще много других магических обрядов в честь этой реки, персы переправились по мостам через реку у Эннеагодой в Эдонийской области (на Стримоне они нашли уже построенный мост). Узнав, что это место называется Эннеагодой, они принесли в жертву там столько же мальчиков и девочек из числа местных жителей, закопав их живыми в землю. Закапывать жертвы живыми — это персидский обычай. Как я узнал из рассказов, супруга Ксеркса Аместрида, достигнув преклонного возраста, велела закопать живыми 14 сыновей знатных персов в благодарность богу, живущему, как говорят, под землей.

115. Продолжая путь от Стримона далее на запад, войско миновало приморский эллинский город Аргил. Область эта и лежащая под нею часть страны называется Бисалтией. Отсюда, оставив влево залив у Посидея, войско прошло по так называемой равнине Силея мимо эллинского города Стагира и прибыло в Аканф. Царь вел с собой как эти, так и племена, обитающие у горы Пангея, а также и все вышеупомянутые народности, причем приморские жители должны были служить на кораблях, а народности, жившие вдали от моря,— в сухопутном войске. Дорогу же эту, по которой царь Ксеркс вел свое войско, фракийцы не разрушают и не засевают, но до сих пор весьма почитают как священную.

116. По прибытии в Аканф Ксеркс объявил жителей города своими гостеприимцами и пожаловал им мидийскую одежду. Царь хвалил их, так как видел их усердие на войне и получил донесение о том, что они прилежно рыли канал.

117. Во время стоянки Ксеркса в Аканфе скончался от недуга Артахей, начальник [строительства] канала. Он пользовался уважением Ксеркса и происходил из рода Ахеменидов. Ростом Артахей превосходил всех персов (без четырех пальцев пять царских локтей) и отличался самым зычным голосом. Смерть его была поэтому для Ксеркса великим несчастьем, и царь повелел устроить ему пышные похороны. Все войско насыпало курган над его могилой. Этому-то Артахею по велению оракула жители Аканфа приносят жертвы, как герою, призывая его [в молитвах] по имени.

118. Итак, царь Ксеркс был опечален гибелью Артахея. Эллинские же города, которые принимали у себя персидское войско и должны были угощать Ксеркса, впали в великую нужду, так что граждане их даже лишились своих жилищ и имущества. Так, фасосцам (им пришлось принимать и угощать войско Ксеркса за их города на материке), например, угощение стоило 400 талантов серебром, как указал выбранный [ими для этого] Антипатр, сын Оргея, один из самых уважаемых граждан.

119. Столь же велики примерно были и расходы прочих городов, как показали отчеты начальников, [ведавших продовольствием войска]. Угощение происходило так: о прибытии войска сообщалось задолго, и каждый делал все, что мог. Лишь только объявляли приказ [заготовлять продовольствие], хлебные запасы распределялись между всеми гражданами, которые мололи пшеничное и ячменное зерно в течение многих месяцев. Затем откармливали наиболее ценное поголовье скота, какое только могли найти, разводили птицу в клетках и прудах, живущую на суше и водоплавающую, на продовольствие войску. Приготовляли также золотые и серебряные кубки, сосуды для смешения вина и всю прочую столовую утварь. Эти вещи были предназначены, конечно, только для самого царя и его сотрапезников; остальному же войску полагалось лишь пропитание. Куда бы войско ни приходило, всюду разбивался шатер, в котором располагался Ксеркс, а все войско отдыхало под открытым небом. Когда наступала обеденная пора, у хозяев, принимавших войско, было много хлопот. Персы же, насытившись, оста-

вались там на ночлег. А на следующий день они снимали шатер, брали с собой всю [золотую и серебряную] утварь и уходили дальше, ничего не оставляя.

120. Тогда-то некто Мегакреон из Абдер высказал здравое замечание. Он дал совет абдеритам всенародно (мужчинам и женщинам) отправиться в свои святилища и молить богов о защите, прося их об избавлении впредь от половины грядущих бед. За прошлые же страдания следует принести богам великую благодарность, именно за то, что Ксеркс не привык обедать дважды в день: если бы кроме обеда им приказали готовить еще и столь же обильный завтрак, то пришлось бы на выбор: либо вовсе не ожидать прихода Ксеркса, либо оставаться на страшную погибель.

121. Все же эллинским городам под давлением необходимости приходилось выполнять царское повеление. Ксеркс же отдал приказ военачальникам флота отплыть из Аканфа и ожидать его в Ферме. А Ферма лежит именно в Фермейском заливе (от нее и залив этот получил свое название). Ведь, как царь узнал, через Ферму проходил самый короткий путь для войска. От Дориска до Аканфа войско двигалось в таком порядке: все сухопутное войско Ксеркс разделил на три части. Одной части он приказал идти вместе с флотом вдоль побережья. Во главе этого отряда стояли Мардоний и Масист. Вторая часть войска под предводительством Тритантехма и Гергиса шла дорогой, ведущей в глубь страны. Третья же часть, с которой следовал сам Ксеркс, под начальством Смердомена и Мегабиза двигалась посредине между двумя первыми.

122. Итак, флот был отослан Ксерксом и прошел Афонским каналом в залив, где лежат города Асса, Пилор, Синг и Сарта. Взяв из этих городов также [пополнение] для команды, корабли поплыли дальше в Фермейский залив. Затем, обогнув мыс Ампел у Тороны, флот миновал следующие эллинские города: Торону, Галепс, Сермилу, Мекиберну и Олинф. Из всех этих городов были взяты корабли и команды. Область эта называется Сифонией.

123. От мыса Ампел флот Ксеркса поплыл прямо к Канастрейскому мысу, а этот мыс на всей Палле не далее всего выдается в море. Здесь опять взяли корабли с командой из Потидеи, Афития, Неаполя, Эги, Ферамбо, Скионы, Менды и Саны. Это — города на Палле не, которая прежде называлась Флегрой. Миновав и эту область, флот поплыл к месту назначения, принимая по пути команды из пограничных с Палленой

городов, что лежат по соседству с Фермейским заливом. Названия этих городов такие: Липакс, Комбрия, Лисы, Гигон, Кампса, Смила, Энея. Область же, где они расположены, еще и поныне называется Кроссеей. От Энеи же (последнего из названных городов) флот направился теперь в самый Фермейский залив и к Мигдонской области. Так флот прибыл в условленное место — Ферму и к городам Синду и Халестре на реке Аксии, которая образует границу между Мигдонией и Боттиеидой. На узкой прибрежной полосе в Боттиеиде лежат города Ихны и Пелла.

124. Итак, флот Ксеркса бросил якорь в ожидании [подхода] царя [у побережья] от устья реки Аксия до города Фермы и лежащих между ними городов. Ксеркс же во главе сухопутного войска выступил из Аканфа, избрав прямой путь через внутренние области страны на Ферму. Путь лежал через Пеонию и Крестонию к реке Эхидору. Река эта берет начало в Крестонии, протекает через Мигдонию и впадает в болото на реке Аксии.

125. Когда войско шло по этой местности, то на вьючных верблюдов с продовольствием напали львы. Ночью львы спускались из логовищ. Они не трогали, однако, ни вьючных животных, ни людей, а нападали только на верблюдов. Удивляюсь, что за причина заставляла львов оставлять в покое всех прочих животных и набрасываться лишь на верблюдов: львы ведь не видали прежде этих животных и не пробовали [их мяса].

126. В этой местности водится много львов и диких быков, огромные рога которых [торговцы] ввозят в Элладу. Границей обитания львов служат реки Нест, текущая через область Адбер, и Ахелой, пересекающая Акарнанию. Ведь к востоку от Неста во всей передней части Европы не увидишь льва, точно так же как и к западу от Ахелоя на остальном материке. Львы встречаются только между этими [двумя] упомянутыми реками.

127. По прибытии в Ферму Ксеркс расположился там станом со своим войском. Стан же войска занял все побережье от города Фермы в Мигдонии вплоть до рек Лидия и Галиакмона, которые отделяют область Боттиеиду от земли македонян, сливая свои воды в одно русло. В этих-то местах варвары и разбили свой стан. Из всех перечисленных рек в одном только Эхидоре, вытекающем из земли крестонов, не хватило воды для питья войску. Вода в реке иссякла.

128. Из Фермы Ксеркс обозревал огромные фессалийские горы — Олимп и Оссу — высотой до облаков; между ними, как ему рассказывали, лежит узкая долина, по которой течет Пеней. Царь слышал также, что там проходит дорога в Фессалию, и жаждал осмотреть с корабля устье Пенея, так как войско должно было идти верхним путем через землю македонян на севере в область перребов, минуя город Гонн. Здесь ведь путь, как он узнал, был самым надежным. А, возгоревшись желанием, царь выполнил свой замысел. Взойдя на борт сидонского корабля, на который он обычно садился в подобных случаях, Ксеркс дал знак остальным кораблям выходить в море, войску же приказал оставаться в Ферме. Прибыв туда и обозрев устье Пенея, царь пришел в великое изумление. Затем он призвал проводников и спросил, нельзя ли отвести реку и заставить ее изливаться [в море] в другом месте.

129. Фессалия в древности, как гласит предание, была озером. И действительно, эта страна со всех сторон окружена высочайшими горами. На востоке она ограничена горами Пелионом и Оссой, предгорья которых сходятся друг с другом, на севере — Олимпом, на западе — Пиндом, а на юге — Офрисом. В середине между этими горами находится фессалийская котловина. В эту-то котловину стекает множество рек. Наиболее значительных рек пять: Пеней, Апидан, Онохон, Энипей и Памис. Они стекают как самостоятельные реки в фессалийскую равнину с гор, кольцом окружающих Фессалию. Затем, слившись в единую реку, они впадают в море через одно и притом узкое ущелье. Сразу же после слияния только Пеней сохраняет свое имя, а все остальные реки становятся безымянными. По рассказам, упомянутой котловины и этого речного протока в древности еще не существовало; реки же эти и кроме них еще и Бебеидское озеро уже стекали в равнину, хотя и не носили теперешних названий, превращая всю Фессалию в море. Сами же фессалийцы утверждают, что ущелье, по которому течет Пеней, проломал Посейдон. И они, вероятно, правы. Ведь если верить, что Посейдон производит землетрясение, и приписывать этому богу возникшие от землетрясений расселины, то, конечно, посмотрев и на эту расселину, можно счесть и ее делом Посейдона. Расселина эта между горами, по-видимому, возникла под действием землетрясения.

130. А проводники на вопрос Ксеркса, есть ли у Пенея второе устье для выхода в море, зная точно местность, ответили так: «У этой реки, царь, нет другого выхода в море, кроме этого. Ведь горы, как венцом, окружают всю Фессалию». В ответ на это Ксеркс, говорят, сказал: «Хитрые люди — фессалийцы. Вот почему они, давно уже опасаясь моего могущества, одумались, так как поняли, как легко и быстро можно овладеть их страной. Стоит ведь лишь направить реку в их землю, отведя плотиной воды Пенея, преградить ему путь через ущелье, где он течет ныне, так что вся Фессалия, кроме гор, окажется под водой». Эти слова Ксеркса относились к Алевадам, так как они, будучи фессалийцами, первыми из эллинов изъявили покорность царю, как думал Ксеркс, от имени всего народа Фессалии. После этого, обозрев устье, царь отплыл назад в Ферму.

131. Много дней Ксеркс оставался в Пиерийской области. Отряд, [составлявший] третью часть персидского войска, прорубал просеку в лесу на македонских горах, чтобы [по проложенной] здесь дороге все войско могло пройти в землю перребов. Тем временем возвратились глашатаи, отправленные царем в Элладу с требованием покорности: одни — с пустыми руками, а другие — неся землю и воду.

132. В числе же племен, которые дали землю и воду, были следующие: фессалийцы, долопы, эниены, перребы, локры, магнеты, малийцы, фтиотийские ахейцы, фиванцы и остальные беотийцы, кроме феспийцев и платейцев. Против них-то прочие эллины, которые объявили войну варварам, заключили освященный жертвоприношением и клятвой союзный договор. А договор этот гласил так: всякий эллинский город, предавшийся персидскому царю, не вынужденный [к этому] необходимостью, в случае победы союзников обязан уплатить десятину дельфийскому богу. Таков был союзный договор эллинов.

133. В Афины же и в Спарту Ксеркс не отправил глашатая с требованием земли [и воды], и вот по какой причине. Когда Дарий прежде отправил туда послов, требуя покорности, то афиняне сбросили их в пропасть, а спартанцы — в колодец и велели им оттуда принести [царю] землю и воду. Поэтому-то Ксеркс теперь и не послал к ним глашатаев с требованием покорности. Какое несчастье постигло афинян за их поступок, я не могу сказать, кроме того, что их земля

и сам город были разорены. Впрочем, мне думается, опустошение [Аттики] произошло не из-за этого.

134. Что до лакедемонян, то их поразил гнев Тальфибия, глашатая Агамемнона. Ведь в Спарте есть святилище героя Тальфибия и существуют также его потомки, так называемые Тальфибиады, которым предоставлено преимущественное право выполнять должность глашатаев. После умерщвления глашатаев у спартанцев все [предзнаменования] при жертвоприношениях выпадали неблагоприятными. И это продолжалось долгое время. Лакедемоняне были глубоко встревожены, предаваясь печали из-за этого несчастья. Много раз они созывали народное собрание и через глашатаев объявляли: не желает ли кто-нибудь из лакедемонян пожертвовать жизнью за Спарту. Тогда выступили Сперхий, сын Анериста, и Булис, сын Николая, знатного рода и богатые спартанцы. Они добровольно вызвались понести наказание от Ксеркса за умерщвление в Спарте глашатаев Дария. Так спартанцы отослали этих людей в Мидийскую землю на смерть.

135. Дерзновенная отвага этих мужей достойна удивления, и, кроме того, [не менее поразительны] вот такие их слова. На пути в Сусы прибыли они к Гидарну (родом персу), который был начальником персидского войска на асийском побережье. Гидарн дружески принял спартанцев и за угощением спросил их: «Лакедемоняне! Почему вы избегаете царской дружбы? Вы можете видеть на моем примере, какое я занимаю положение — как царь умеет воздавать честь доблестным мужам. Так и вы, если предадитесь царю (царь ведь считает вас доблестными мужами), то он поставит каждого из вас, спартанцев, властителем области в Элладе». На эти слова они отвечали так: «Гидарн! Твой совет, кажется, не со всех сторон одинаково хорошо обдуман. Ведь ты даешь его нам, имея опыт лишь в одном; в другом же у тебя его нет. Тебе прекрасно известно, что значит быть рабом, а о том, что такое свобода — сладка ли она или горька, ты ничего не знаешь. Если бы тебе пришлось отведать свободы, то, пожалуй, ты дал бы нам совет сражаться за нее не только копьем, но и секирой». Так они отвечали Гидарну.

136. Оттуда спартанцы прибыли в Сусы и предстали пред царские очи. Телохранители прежде всего приказали им пасть ниц и поклониться царю до земли и хотели принудить их к этому силой. Однако они наотрез отказались, даже если их поставят на голову. Ведь, по

их словам, не в обычае у них падать ниц и поклоняться человеку и пришли сюда они не ради этого, а по другой причине. После решительного отказа выполнить это требование они вновь взяли слово и сказали приблизительно так: «Царь мидян! Послали нас лакедемоняне вместо умерщвленных в Спарте глашатаев, чтобы искупить смерть их». В ответ на эти слова Ксеркс сказал, что по своему великодушию он не поступит подобно лакедемонянам, которые, презрев обычай, священный для всех людей, предали смерти глашатаев. Сам же он не желает подражать им в том, что достойно порицания, а потому не умертвит послов, но снимет с лакедемонян вину за убийство.

137. Таким образом, после этого тотчас же утих гнев Тальфибия, хотя Сперхий и Булис возвратились в Спарту. Однако спустя много времени после этого, именно во время войны пелопоннесцев с афинянами, гнев Тальфибия, по словам лакедемонян, вспыхнул с новой силой. И это мне кажется самым чудесным. Но то, что гнев затем постиг сыновей этих двух мужей, которые отправились к царю из-за гнева этого же героя, именно Николая, сына Булиса, и Анериста, сына Сперхия (того Анериста, который на грузовом судне вместе с командой воинов захватил населенный тиринфянами город Галиеи),— в этом совершенно ясен перст разгневанного божества. Оба они отправились из Лакедемона в Азию, но в пути были выданы афинянам Ситалком, сыном Терея, царем фракийцев, и Нимфодором, сыном Пифея, абдеритом. Их схватили в Бисанфе на Геллеспонте и отвезли в Аттику, где их казнили афиняне. Вместе с ними был казнен и Аристей, сын Адиманта, коринфянин. Это событие, впрочем, произошло много лет спустя после похода Ксеркса. Теперь же я возвращаюсь к моему рассказу.

138. О походе царя говорили, будто он направлен только против Афин, на самом же деле персы шли против всей Эллады. Эллины уже давно знали об этом по слухам, но не могли объединиться для совместных действий. Некоторые из них уже дали персидскому царю [в знак покорности] землю и воду и поэтому полагали, что варвары не причинят им вреда. Те же, которые этого не сделали, жили в великом страхе, так как во всей Элладе недоставало боевых кораблей, чтобы дать отпор врагу. Большинство эллинских городов вообще не желало воевать, но открыто сочувствовало персам.

139. Поэтому я вынужден откровенно высказать мое мнение, которое, конечно, большинству придется не по душе. Однако я не хочу скрывать то, что признаю истиной. Если бы афиняне в страхе перед грозной опасностью покинули свой город или, даже не покидая его, сдались Ксерксу, то никто [из эллинов] не посмел бы оказать сопротивления персам на море. Далее, не найди Ксеркс противника на море, то на суше дела сложились бы вот как: если бы даже и много «хитонов стен» пелопоннесцам удалось воздвигнуть на Истме, то все же флот варваров стал бы захватывать город за городом и лакедемоняне, покинутые на произвол судьбы союзниками (правда, не по доброй воле, но в силу необходимости), остались бы одни. И вот покинутые всеми, лакедемоняне после героического сопротивления все-таки пали бы доблестной смертью. Следовательно, их ожидала бы такая участь или, быть может, видя переход всех прочих эллинов на сторону персов, им пришлось бы еще раньше сдаться на милость Ксеркса. Таким образом, и в том и в другом случае Эллада оказалась бы под игом персов. Действительно, мне совершенно непонятно, какую пользу могли принести стены на Истме, если царь [персов] господствовал на море. Потому-то не погрешишь против истины, назвав афинян спасителями Эллады. Ибо ход событий зависел исключительно от того, на чью сторону склонятся афиняне. Но так как афиняне выбрали свободу Эллады, то они вселили мужество к сопротивлению всем остальным эллинам, поскольку те еще не перешли на сторону мидян, и с помощью богов обратили царя в бегство. Не могли устрашить афинян даже грозные изречения дельфийского оракула и побудить их покинуть Элладу на произвол судьбы. Они спокойно стояли и мужественно ждали нападения врага на их землю.

140. Афиняне ведь отправили послов в Дельфы вопросить оракул. После обычных обрядов в священном участке послы вступили в святилище и там воссели. Пифия по имени Аристоника изрекла им следующий оракул:

Что ж вы сидите, глупцы? Бегите к земному пределу,
Домы покинув и главы высокие круглого града.
Не устоит ни глава, ни тело пред гибелью страшной,
И ни стопа, и ни длань, и ничто иное средь града
Не уцелеет. Но все истребится, и град сей погубит
Огнь и жестокий Арей, что стремит колесницу сириян.

Много и прочих твердынь — не только твою он погубит...
Ныне кумиры бессмертных стоят, уже пот источая.
В страхе трепещут они, а кровли их храмов
Черною кровью струят — в предвестие бед неизбывных...
Но выходите из храма и скорбию душу излейте.

141. Такой ответ оракула глубоко опечалил афинских послов. И вот, когда они уже впали в отчаяние от возвещенных им бедствий, некто Тимон, сын Андробула, один из самых уважаемых людей в Дельфах, посоветовал им вернуться в святилище с оливковыми ветвями и еще раз вопросить оракул уже в качестве «умоляющих бога о защите». Афиняне так и поступили и обратились к богу с такими словами: «Владыка! Ради этих вот оливковых ветвей, которые мы принесли, изреки нам более милостивое прорицание о нашем родном городе, иначе мы не уйдем из святилища, но пребудем здесь до конца наших дней». На это прорицательница изрекла им вторично вот что:

Гнев Олимпийца смягчить не в силах Афина Паллада,
Как ни склоняй она Зевса — мольбами иль хитрым советом.
Все ж изреку тебе вновь адамантовой крепости слово:
Если даже поля меж скалою Кекропа высокой
И Киферона долиной святой добычею вражеской станут,
Лишь деревянные стены дает Зевес Тритогенее
Несокрушимо стоять во спасенье тебе и потомкам.
Конных спокойно не жди ты полков или рати пехотной,
Мощно от суши грядущей, но, тыл обращая,
Все ж отступай: ведь время придет и померишься силой!
Остров божественный, о Саламин, сыновей своих жен ты погубишь
В пору ль посева Деметры даров, порою ли знойною жатвы.

142. Это изречение оракула послы записали, так как оно казалось им (да и действительно было) более милостивым, чем первое, и затем возвратились в Афины. По прибытии они объявили ответ оракула народному собранию. Афиняне старались разгадать смысл изречения, и по этому поводу, между прочим, высказывались главным образом два таких противоположных мнения: некоторые старики утверждали, что акрополь останется невредим, так как в древние времена афинский кремль был огражден плетеной изгородью из терновника. Они считали поэтому, что выражение «деревянная стена» относится к этой ограде. Другие же говорили, что бог подразумевает корабли, и предлагали поэтому привести флот в боевую готовность, бросив все остальное на произвол судьбы. Однако тех, кто понимал под «деревянной стеной» корабли, смущали два последних стиха Пифии:

Остров божественный, о Саламин, сыновей своих жен ты погубишь
В пору ль посева Деметры даров, порою ли знойною жатвы.

Эти стихи опровергали мнение тех, кто считал, что «деревянные стены» — это корабли, так как толкователи оракулов объясняли их в том смысле, что афиняне будут разбиты, приняв морской бой при Саламине.

143. Был тогда в Афинах один человек, лишь недавно выдвинувшийся на первое место среди наиболее влиятельных граждан. Его звали Фемистоклом, и был он сыном Неокла. Он считал, что толкователи оракулов не все изречение объясняли правильно, и говорил так: «Если бы упомянутый стих действительно относился к афинянам, то бог, как мне кажется, не выбрал бы столь миролюбивых выражений, но сказал бы: „несчастный Саламин" вместо „божественный Саламин", если только жителям его суждено погибнуть в борьбе за остров. Напротив, если изречение понять правильно, то его следует относить к врагам, а не к афинянам». Поэтому Фемистокл советовал афинянам готовиться к морской битве, так как «деревянные стены» и есть корабли. Толкование Фемистокла понравилось афинянам гораздо больше, чем объяснение толкователей оракулов, которые были против приготовлений к битве на море и вообще советовали даже не поднимать руки на врага, но покинуть Аттику и поселиться где-нибудь в другой стране.

144. Еще раньше этого совета Фемистокла афиняне приняли другое его удачное предложение. В государственной казне афинян тогда было много денег, поступавших от доходов с Лаврийских рудников. Эти деньги полагалось разделить между гражданами, так что каждому приходилось по 10 драхм. Фемистокл убедил афинян отказаться от дележа и на эти деньги построить 200 боевых кораблей, именно для войны с Эгиной. Эта-то вспыхнувшая тогда война с Эгиной и спасла Элладу, заставив Афины превратиться в морскую державу. Хотя корабли эти не нашли применения против эгинцев (для чего были построены), но теперь они пригодились Элладе. Итак, у афинян были уже эти, построенные раньше корабли, и теперь нужно было построить еще другие. И вот афиняне, обсудив ответ оракула, решили по совету бога встретить всей своей военной мощью на море нападение варваров на Элладу вместе с эллинскими городами, которые пожелали к ним присоединиться. Вот мой рассказ

об изречениях оракула, которые получили афиняне.

145. Теперь все эллины, избравшие «лучшую долю» в общеэллинском деле, собрались в одном месте. Там они держали совет и заключили союз под клятвой, прежде всего решив прекратить вражду и междоусобные войны. Между прочим, и другие города воевали тогда друг с другом, но самую ожесточенную войну вели афиняне с эгинцами. Затем эллины решили послать соглядатаев в Азию разузнать о военной силе персидского царя, который, по их сведениям, находился с войском в Сардах. В Аргос они отправили послов заключить союз против персидского царя. Также отрядили они двух послов в Сикелию к Гелону, сыну Диномена, и еще других — на Керкиру и на Крит с просьбой помочь Элладе. Они хотели сделать попытку объединить, если возможно, всех эллинов и побудить их действовать заодно пред лицом всеобщей опасности. Держава же Гелона, как считали тогда, была весьма могущественной и, пожалуй, даже самой могущественной среди эллинских городов.

146. После этого эллины покончили с взаимными распрями и прежде всего послали на разведку в Азию трех человек. По прибытии в Сарды эти люди собрали сведения о царском войске, но были схвачены. Военачальники велели после допроса под пыткой отвести эллинов на казнь. Их ожидала уже верная смерть. Однако Ксеркс, узнав об этом, не одобрил решения военачальников и велел послать своих телохранителей привести осужденных к себе, если застанут еще их в живых. Телохранители застали соглядатаев еще в живых и привели их пред царские очи. Ксеркс спросил, зачем они пришли, и повелел телохранителям водить эллинов повсюду и показать им все персидское войско, как пехоту, так и конницу, и затем, когда они вдоволь насмотрятся, отпустить невредимыми куда захотят идти.

147. Царь объяснил этот свой приказ вот как: если бы соглядатаи погибли, то эллины не узнали бы заранее, сколь велики его силы, а казнь трех человек не принесет большого вреда врагу. Напротив, если они возвратятся в Элладу, то эллины, по его мнению, услышав рассказы о его могуществе, еще до войны откажутся от своей «странной» свободы и поэтому тяжелый поход против них будет вовсе не нужен. Подобное же мнение Ксеркс высказал и в другом случае. В Абидосе царь увидел, как проходили через Геллеспонт кораб-

ли с грузом зерна из Понта на Эгину и в Пелопоннес. Приближенные царя, заметив, что это вражеские корабли, хотели их захватить и смотрели на царя, ожидая его повеления. На вопрос Ксеркса, куда плывут эти корабли, приближенные отвечали: «К твоим врагам, владыка, с грузом хлеба». Тогда Ксеркс сказал им: «Разве и мы не плывем туда же, куда и они, и не везем с собой хлеб и остальное продовольствие? Какой же вред от того, что эти люди доставляют нам хлеб?»

148. Итак, разведчики, все осмотрев, были отпущены и возвратились в Европу. Эллины же, заключив союз против Персии, после отправки соглядатаев вновь послали вестников в Аргос. А дела в Аргосе, по словам самих аргосцев, тогда сложились так: уже давно известно было в Аргосе о предстоящем походе варваров на Элладу. Когда же аргосцы узнали, что эллины собираются вовлечь их в войну с персами, то отправили послов в Дельфы вопросить бога, как им лучше всего поступить. Ведь незадолго до этого 6000 аргосцев пало в борьбе против лакедемонян во главе с их царем Клеоменом, сыном Анаксандрида. Поэтому-то аргосцы отправили послов к богу. Пифия же на их вопрос изрекла следующее:

> Недруг соседям своим, богам же бессмертным любезный!
> Сулицу крепко держи и дома сиди осторожно.
> Голову коль сбережешь, глава сохранит твое тело.

Таков был тогда ответ Пифии. Между тем вестники прибыли в Аргос и, явившись в совет, изложили свое поручение. Аргосцы отвечали, что готовы участвовать в войне, однако лишь по заключении 30-летнего мира с лакедемонянами и притом еще, если наравне со Спартой они будут стоять во главе союза. Хотя по праву руководство союзом всецело принадлежит им одним, но они удовлетворятся и половинным участием в нем.

149. Так отвечал вестникам, по словам аргосцев, совет аргосцев, несмотря на запрещение оракула вступать в союз с эллинами. Хлопотали же они о 30-летнем мире (хотя и боялись оракула), чтобы их сыновья успели вырасти за эти годы. Аргосцы опасались, что без такого мира, если вдобавок к постигшей их беде они еще потерпят поражение от персов, то попадут под власть лакедемонян. Вестники же из Спарты возразили на это постановление совета так: о мире они сообщат [ла-

кедемонскому] народному собранию. Что же до руководства [союзом], то им поручено объявить: у лакедемонян два царя, а у аргосцев — только один. Недопустимо поэтому лишать одного из них руководства [союзом]. Однако ничто не мешает аргосскому царю иметь одинаковое право голоса с двумя их царями. Поэтому-то, по словам аргосцев, они не могли вынести высокомерия спартанцев и предпочли скорее подчиниться варварам, чем уступить лакедемонянам. А [спартанским] вестникам аргосцы приказали до захода солнца покинуть Аргосскую землю, а то с ними поступят, как с врагами.

150. Так об этом рассказывают сами аргосцы. Но есть еще и другой рассказ, распространенный в Элладе. Еще до сборов в Элладу Ксеркс, как говорят, послал глашатая в Аргос. По прибытии туда глашатай сказал: «Аргосцы! Царь Ксеркс говорит вам так: „Мы, персы, считаем себя отпрысками Персея, сына Данаи, и Андромеды, дочери Кефея. Мы все-таки, быть может, ваши потомки. Поэтому не подобает и нам воевать против своих предков, и вам в союзе с другими враждовать с нами. Оставайтесь дома и храните спокойствие. Если мой замысел удастся, то никого я не буду уважать больше, чем вас“». Это предложение царя аргосцы, как говорят, сочли весьма важным и сначала не давали эллинам никаких обещаний и не выставляли требований. Только после того как эллины стали приглашать их вступить в союз, тогда-то аргосцы и потребовали участия в руководстве союзом, зная, что лакедемоняне не уступят. Это требование было простым предлогом, чтобы не воевать.

151. С этим рассказом, как думают некоторые эллины, связан еще и другой случай, происшедший много лет спустя. Тогда в Мемноновом граде Сусах по другому делу находилось афинское посольство, именно Каллий, сын Гиппоника, с товарищами. В это же время и аргосцы также отправили послов в Сусы, чтобы спросить Артоксеркса, сына Ксеркса: может ли продолжаться дружба и союз, заключенный с Ксерксом, как они этого хотят, или же царь считает их врагами. Царь Артоксеркс ответил-де на это аргосцам, что дружба безусловно сохраняется и что нет для него города любезнее Аргоса.

152. Действительно ли Ксеркс посылал в Аргос глашатая и спрашивало ли позднее аргосское посольство в Сусах Артоксеркса о дружбе — этого я достоверно

утверждать не могу. Я не хочу даже оспаривать правильность утверждений об этом самих аргосцев. Одно только я знаю: если бы все люди однажды вынесли на рынок все свои грешки и пороки, то каждый, разглядев пороки соседа, с радостью, пожалуй, унес бы свои домой. Поэтому-то и поступок аргосцев еще не самый постыдный. Что до меня, то мой долг передавать все, что рассказывают, но, конечно, верить всему я не обязан. И этому правилу я буду следовать во всем моем историческом труде. Так, утверждают даже, что аргосцы просто призвали персов в Элладу, так как они терпели поражения в войне с лакедемонянами и поэтому они предпочли любой ценой избавиться от своей настоящей беды. Это мой рассказ об аргосцах.

153. А в Сикелию прибыло другое посольство союзников для переговоров с Гелоном (среди послов от лакедемонян был также Сиагр). Предок этого Гелона, который переселился в Гелу, происходил с острова Телоса, что лежит против [мыса] Триопия. Он участвовал также в основании Гелы линдянами с Родоса и Антифемом. Потомки его впоследствии стали [наследственными] иерофантами подземных богинь. Они занимали эту должность постоянно, с тех пор как один из их предков — Телин приобрел ее вот каким образом. В Макторий, город, лежащий к северу от Гелы, бежали потерпевшие поражение повстанцы из Гелы. Этих-то изгнанников Телину удалось вернуть из изгнания в Гелу без помощи военной силы, взяв с собой лишь святыни подземных богинь. Как он раздобыл эти святыни и сам ли впервые ввел почитание этих богинь — этого я не могу сказать. Во всяком случае под покровительством этих святынь Телин возвратил изгнанников с условием, что его потомки будут иерофантами богинь. Впрочем, имея в виду то, что известно о характере Телина, мне кажется странным, как именно такой человек мог совершить столь великое дело. Ведь такие подвиги, я думаю, не всякому дано совершить, так как они требуют отваги и решительности. Телин же, по сицилийскому преданию, напротив, был женоподобный и весьма изнеженный человек. Тем не менее он получил эту жреческую должность.

154. После кончины сына Пантарея Клеандра (он был тираном Гелы семь лет и погиб от руки Сабилла из Гелы) царем стал брат Клеандра Гиппократ. В правление Гиппократа Гелон, потомок иерофанта Телина, вместе с многими другими (и, между прочим, с Энеси-

демом, сыном Патека) был телохранителем Гиппократа. Немного спустя из-за своей доблести он был сделан начальником конницы. При осаде Гиппократом Каллиполиса, Наксоса, Занклы, Леонтин и еще кроме того многих варварских городов во всех этих войнах Гелон блестяще отличился как воин. Из всех названных городов только Сиракусы избежали Гиппократовой неволи. После поражения в битве при реке Элоре сиракусян все же спасли от этой участи коринфяне и керкиряне. А спаслись сиракусяне, заключив мир при условии выдачи Гиппократу Камарины (город Камарина издавна принадлежал Сиракусам).

155. Между тем Гиппократа (он был тираном столько же лет, как и его брат Клеандр) настигла смерть у города Гиблы во время похода на сикелийцев. Тогда упомянутый Гелон выступил под предлогом помощи сыновьям Гиппократа, так как жители Гелы не желали им подчиниться. В действительности же после победы над жителями Гелы он сам захватил власть, устранив сыновей Гиппократа. После этой удачи Гелон возвратил в Сиракусы изгнанников из города Кассмены, так называемых гаморов, изгнанных народом и своими рабами-киллириями, и овладел также и Сиракусами. Ибо народ сиракусский, как только Гелон явился под Сиракусы, отдался вместе с городом под власть тирана.

156. Сделавшись владыкой Сиракус, Гелон стал уже меньше придавать значения своему господству над Гелой. Он передал управление городом своему брату Гиерону, а сам укрепил Сиракусы, и город стал опорой его могущества. Под его управлением Сиракусы быстро достигли процветания и могущества. Сначала Гелон переселил в Сиракусы всех жителей Камарины и дал им права гражданства. [Нижний] же город Камарину он велел разрушить; затем с большей частью всех граждан Гелы он поступил так же, как и с камаринцами. Потом после долгой осады он заставил сдаться Мегары Сикелийские и богачей-мегарцев переселил в Сиракусы, предоставив гражданские права, хотя они-то как раз и начали войну с ним и теперь ожидали казни. Напротив, народ мегарский, вовсе не причастный к войне и не ждавший себе никакой беды, он также велел отвести в Сиракусы и отдать [работорговцам] на продажу за пределы Сикелии. Так же поступил он и с населением Евбеи Сикелийской. Так он действовал в обоих случаях, считая [неимущую] часть населения самой неприятной.

157. Так-то Гелон стал могущественным властелином. Когда же эллинские послы прибыли в Сиракусы и были приняты тираном, они обратились к нему так: «Послали нас лакедемоняне, афиняне и их союзники пригласить тебя на помощь против варваров. Ты, вероятно, уже слышал, что царь собирается навести мост через Геллеспонт и во главе всего войска с Востока идти войной на Элладу. Под предлогом похода на Афины царь замышляет покорить всю Элладу. Ты достиг великого могущества, и как владыке Сикелии тебе досталось господство над частью Эллады, не самой малой. Поэтому приди на помощь освободителям Эллады и вместе с ними вступи в борьбу за ее свободу. Ведь, объединившись, вся Эллада выставит огромное войско, и тогда мы сможем принять бой с врагом. Если же одни из нас окажутся изменниками, а другие не пожелают помогать и „здравая" часть Эллады будет слишком мала, тогда нужно опасаться гибели всей Эллады. Не думай, что персидский царь после победы над нами не придет к тебе, но своевременно огради себя от этого. Ведь, оказывая помощь нам, ты поможешь и самому себе: правильное решение обычно ожидает успех».

158. Так говорили послы, а Гелон запальчиво набросился на них с такими словами: «Люди из Эллады! Вы дерзнули явиться сюда и в наглой речи приглашаете меня в союзники против варвара. Когда-то и я просил вас также сообща напасть на варварское войско, когда у меня разгорелась война с карфагенянами и я настоятельно просил вас отомстить за умерщвление эгестейцами Дориея, сына Анаксандрида, и даже обещал помочь вам освободить ваши столь выгодные и доходные торговые порты. Вы же не пожелали ни помочь мне, ни отомстить за умерщвление Дориея. И если бы это зависело только от вас, то вся Сикелия была бы теперь в руках варваров. Однако наши дела хороши и складываются все лучше. А вот теперь, когда эта война дошла до вас и стоит у вашего порога, тут-то вам пришлось вспомнить и о Гелоне! Впрочем, невзирая на нанесенное мне оскорбление, я не стану подражать вам, но готов прийти на помощь: я выставлю вам 200 триер, 20 000 гоплитов, 2000 всадников, 2000 лучников, 2000 пращников и 2000 легковооруженных всадников. Кроме того, обещаю снабжать продовольствием все
 эллинское войско до конца войны. Однако я даю та-

кое обещание, конечно, лишь при условии, что сам буду предводителем и вождем эллинов в войне против варвара. На иных условиях и сам я не приду вам на помощь и других не пошлю».

159. Услышав эти слова, Сиагр не выдержал и отвечал так: «Воистину горько восплакал бы Пелопид Агамемнон, узнай он, что Гелон и сиракусяне лишили спартанцев верховного начальства. Но ни слова больше о том, чтобы мы отдали тебе верховное начальство! Если же ты желаешь помочь Элладе, то знай, что тебе придется быть под началом у лакедемонян. Если же не заблагорассудишь подчиниться, то не помогай нам!»

160. В ответ на эту враждебную речь Сиагра Гелон сделал послам еще вот такое последнее предложение: «Пришелец из Спарты! Когда человека осыпают оскорблениями, он обычно распаляется гневом. Тем не менее своей наглой речью ты не заставишь меня отвечать в столь же грубых выражениях. Уж если вы так дорожите верховным начальством, то мне следовало бы еще больше настаивать на этом, так как войско и флот у меня под началом гораздо многочисленнее вашего. Но если мое предложение вам так неприемлемо, то я готов кое в чем уступить. Если вы желаете стоять во главе сухопутного войска, то я буду начальствовать над морскими силами. Угодно вам командовать флотом, то дайте мне предводительствовать сухопутными силами. Поэтому вам придется либо пойти на это предложение, либо вернуться домой, не заключив столь важного союза со мной».

161. Такое предложение сделал Гелон. А посол афинян, опередив лакедемонского посла, ответил ему такими словами: «Царь сиракусян! Эллада послала нас к тебе просить не предводителя, но войско. А ты отказываешься даже послать нам войско, если сам не будешь главой всей Эллады, и лишь жадно цепляешься за верховное начальство. Пока ты домогался предводительства над всем эллинским войском, мы, афиняне, конечно, были спокойны: мы ведь знали, что лаконец справится с тобой и выступит за нас обоих. А теперь, когда твои притязания на верховное командование отклонены и ты добиваешься начальства над флотом, то слушай вот что: даже если лаконец и отдаст тебе предводительство флотом, то мы не допустим этого. Ведь командование флотом принадлежит нам, если лакедемоняне от него отказываются. Пожелай [лаке-

демоняне] оставить командование флотом за собой, то мы не против, но никого другого не допустим начальствовать на море. Ведь, пожалуй, напрасно стали мы самой могущественной морской державой среди эллинов, если мы, афиняне, древнейший народ, единственные из эллинов, которые не являются пришельцами, уступим сиракусянам морское командование. Уже поэт Гомер говорит, что под Илион прибыл из Афин доблестный муж, чтобы „строить на битвы мужей" и предводительствовать ратью. Поэтому нам вовсе не позорно утверждать, [что именно нам, а не вам подобает предводительствовать на море]».

162. Гелон же отвечал на это такими словами: «Чужестранец из Афин! У вас, видимо, нет недостатка в предводителях, а вот желающих подчиняться не хватает. Так как вы ни в чем не уступаете, а желаете иметь все, то возвращайтесь как можно скорее домой и сообщите Элладе, что год ее лишился весны». Этим Гелон хотел сказать, что как весна, очевидно,— самое прекрасное время года, так и его войско — лучшая часть войска эллинов. Поэтому-то Элладу, отвергшую союз с ним, он сравнивал как бы с годом, лишенным весны.

163. После этих безуспешных переговоров с Гелоном эллинские послы отплыли домой. Гелон же опасался, что эллины, отказавшись от союза с ним, не смогут одни одолеть персидского царя. А с другой стороны, ему как владыке Сикелии [требование послов] прибыть в Пелопоннес и стать под начальство лакедемонян казалось невыносимой наглостью. Поэтому он отказался от прежнего образа действий и избрал новый путь. Лишь только Гелон узнал о переходе персидского царя через Геллеспонт, как тотчас отправил в Дельфы Кадма, сына Скифа, с острова Коса на трех 50-весельных кораблях, нагруженных великими сокровищами, с дружественными предложениями [персидскому царю]. Кадм должен был выждать исхода войны: в случае победы варвара отдать ему сокровища, а также землю и воду [от городов], подвластных Гелону. Если же победят эллины, Кадм должен был привезти сокровища назад.

164. А этот Кадм еще до этих событий унаследовал от отца прочное владычество над Косом. Хотя ему не грозило никакой опасности, он добровольно, только лишь из чувства справедливости, отдал верховную власть косскому народу и отправился в Сикелию. Тут

он захватил у самосцев город Занклу (город этот теперь уже не называется Занклой, а Мессеной) и поселился там. Этого-то Кадма, прибывшего так в Сикелию, Гелон и отправил послом в Дельфы из-за его честности (в чем тиран, кроме того, мог и сам убедиться). И среди его честных поступков этот вот занимает не последнее место. Действительно, располагая огромными сокровищами, которые ему вверил Гелон, Кадм не пожелал их присвоить себе, хотя имел полную возможность это сделать, но после победы эллинов в морской битве и отступления Ксеркса он возвратился в Сикелию со всеми сокровищами.

165. В Сикелии есть еще другое предание, именно, будто Гелон все же согласился бы помочь эллинам (даже под начальством лакедемонян), если бы как раз в то самое время против него не выступил Терилл, сын Криниппа, тиран Гимеры, изгнанный из Гимеры властителем акрагантинцев Фероном, сыном Энесидема. Войско Терилла насчитывало 300 000 финикиян, ливийцев, иберов, лигиев, элисиков, сардонов и жителей Кирна. Предводительствовал войском Амилка, сын Аннона, царь карфагенян. Терилл был гостеприимцем Амилки и поэтому склонил его к походу. Главным зачинщиком похода был, однако, Анаксилай, тиран Регия. Он-то отдал в заложники Амилке своих детей и привел в Сикелию карфагенян на помощь своему тестю (дочь Терилла по имени Кидиппа была супругой Анаксилая). Оттого-то Гелон и не мог помочь эллинам и отослал свои сокровища в Дельфы.

166. Кроме того, в Сикелии рассказывают еще вот что: Гелон и Ферон победили в Сикелии карфагенского царя Амилку в тот же самый день, когда эллины разбили персов при Саламине. Амилка же (по отцу он был карфагенянином, а по матери — сиракусцем и за свою доблесть стал царем карфагенян) во время сражения, которое он проиграл, как я слышал, исчез. И действительно, его нигде не могли найти ни живым, ни мертвым, хотя Гелон велел повсюду производить тщательные поиски.

167. Сами карфагеняне, впрочем, утверждают (и это правдоподобно), что сражались варвары с эллинами в Сикелии от зари до позднего вечера (столь долго, говорят, продолжалась битва). Амилка же в это время оставался в стане и приносил жертвы за благоприятный исход битвы (он возлагал при этом на костер для сожжения целые туши животных). Увидев, однако,

бегство своих воинов (он как раз тогда окроплял жертвы), Амилка ринулся в огонь. Так-то он, предав себя пламени, погиб. Амилке же — погиб ли он так, как рассказывают финикияне, или иначе — они не только приносят жертвы, но и воздвигли памятники во всех городах своих поселений, и наибольший — в самом Карфагене. Столько сказано о делах в Сикелии.

168. Керкиряне же дали послам один ответ, а поступили вот как. Ведь те же самые послы, ранее приезжавшие в Сикелию, старались и их привлечь к союзу, повторяя те же речи, что говорили и Гелону. Керкиряне тотчас же обещали им прислать помощь и объяснили, что не допустят гибели Эллады. Ведь если Эллада будет разгромлена, то их также ждет рабство в первый же день. Их долг поэтому всеми силами помочь Элладе. Таков был внешне благопристойный ответ керкирян. Когда же пришло время выступить на помощь, они изменили свое намерение. Правда, они снарядили 60 кораблей и, едва выйдя в море, подошли к Пелопоннесу и бросили якорь у Пилоса и Тенара в Лакедемонской области в ожидании, как и Гелон, исхода войны. Керкиряне не рассчитывали на победу эллинов, а, напротив, были убеждены, что персидский царь решительно одержит верх и станет владыкой всей Эллады. Поступили они так преднамеренно, чтобы потом сказать персидскому царю: «Царь! Хотя эллины и пытались склонить нас к этой войне (наша военная сила и флот весьма велики, и мы можем выставить больше всего кораблей, по крайней мере после афинян), однако мы не пожелали сражаться против тебя и не проявили к тебе враждебности». Такой речью керкиряне надеялись выиграть больше других, что, как я думаю, пожалуй, им и удалось. Для эллинов же они сумели найти оправдание, которым и воспользовались. И действительно, в ответ на упреки эллинов, что они не оказали помощи, керкиряне отвечали: они снарядили-де 60 триер, но из-за этесийских ветров не смогли обогнуть Малею. Поэтому-то они и не прибыли к Саламину и вовсе не из трусости не участвовали в этой битве. Так керкиряне старались обмануть эллинов.

169. Критяне же, когда их стали приглашать в союз посланные для переговоров эллины, поступили так: они сообща отправили послов в Дельфы вопросить бога, лучше ли будет для них помочь Элладе или нет. Пифия отвечала им: «Глупцы! Разве вы не сетуете на
178 то, что разгневанный вашей помощью Менелаю Ми-

нос причинил вам столько слез? Ведь эллины не помогли вам отомстить за его смерть в Камике, хотя вы и пришли им на помощь в отмщенье за похищенную варваром женщину из Спарты». Услышав такой ответ оракула, критяне отказались помогать эллинам.

170. По преданию, ведь Минос в поисках Дедала прибыл в Сиканию (теперешнюю Сикелию). Через некоторое время по внушению божества все критяне, кроме полихнитов и пресиев, выступили великим походом в Сикелию и в течение пяти лет осаждали город Камик, где в мое время жили акрагантинцы. Однако они не могли ни взять города, ни оставаться дольше в стране, страдая от голода, и в конце концов отплыли домой. В пути у берегов Иапигии их застигла страшная буря и выбросила корабли на берег. Корабли их были разбиты, и поэтому, не имея уже никакой возможности возвратиться на Крит, они основали там город Гирию и остались жить в этой стране. Вместо критян они стали, переменив свое имя, иапигскими мессапиями, а из островитян превратились в жителей материка. Из города Гирии они основали другие поселения, которые много лет спустя пытались разрушить тарантинцы, понеся при этом огромные потери. Это была самая кровавая резня [между эллинами] из всех мне известных, причем тяжко пострадали как сами тарантинцы, так и регинцы. Одних только граждан Регия, которых Микиф, сын Хойра, заставил прийти на помощь тарантинцам, пало на поле битвы 3000. Потери же самих тарантинцев неизвестны. А Микиф этот состоял на службе у Анаксилая и был оставлен правителем Регия. Впоследствии после изгнания из Регия он поселился в Тегее в Аркадии и посвятил в Олимпии много статуй.

171. Однако эти рассказы о регинцах и тарантинцах являются только вставкой в мое повествование. А на опустевший Крит, как рассказывают пресии, переселились другие народности, главным образом эллины. Через три поколения после смерти Миноса разразилась Троянская война, когда критяне оказались верными союзниками и мстителями Менелая. А после возвращения из-под Трои на острове начались голод и мор людей и скота, пока Крит вторично не опустел; теперь же на острове живет уже третье критское население вместе с остатками прежних жителей. Об этом-то Пифия и напомнила критянам и удержала их от помощи эллинам, хотя они и желали помочь.

172. Фессалийцы же первыми, и то лишь поневоле, перешли на сторону персов, как это они и дали понять, потому что им вовсе были не по душе происки Алевадов. Лишь только они узнали о намерении персидского царя переправиться в Европу, то отправили послов на Истм. На Истме же собрались посланцы Эллады, избранные от городов, верных эллинскому делу. По прибытии послы выступили на этом собрании и сказали так: «Эллины! Нужно удерживать олимпийский проход, чтобы спасти Фессалию и всю Элладу от [ужасов] войны. Мы готовы ныне вместе с вами защищать этот проход, но и вы также должны послать большое войско. Если вы этого не сделаете, то знайте: мы сдадимся персидскому царю. Поэтому вы не должны требовать, чтобы мы, стоящие на страже так далеко от остальной Эллады, одни погибли за вас. Не желая помочь нам, вы никак не сможете заставить нас присоединиться к вашему союзу. Ибо нет силы сильнее немощи. А нам придется тогда самим подумать о своем спасении». Так говорили фессалийцы.

173. А эллины в ответ на это решили послать морем войско в Фессалию для защиты прохода. Войско собралось и затем отплыло через [пролив] Еврипа. По прибытии в Алос войско высадилось на сушу и, оставив там корабли, направилось в Фессалию. Затем оно пришло в Темпейскую долину к проходу, идущему вдоль реки Пенея между горами Олимпом и Оссой из Нижней Македонии в Фессалию. Там собрались станом эллины в числе около 10 000 гоплитов; к ним присоединилась здесь и фессалийская конница. Во главе лакедемонян стоял Евенет, сын Карена, один из полемархов, однако не царского рода; военачальником же афинян был Фемистокл, сын Неокла. Впрочем, эллины оставались там всего несколько дней: прибывшие от Александра, сына Аминты, македонского царя, вестники советовали не оставаться в проходе, чтобы не дать себя раздавить наступающему врагу. При этом вестники указывали на огромную численность вражеского войска и кораблей. Эллины послушались этого совета, так как нашли его благоразумным и сам македонский царь казался дружественно расположенным к ним. По моему же мнению, побудительной причиной их поступка был страх: эллины узнали, что существует еще другой проход в Фессалию в Верхней Македо-
 нии, через страну перребов у города Гонна, через ко-

торый действительно и прошло Ксерксово войско. Эллины же снова сели на корабли и отплыли назад к Истму.

174. Как раз во время этого похода в Фессалию [персидский] царь был уже в Абидосе, собираясь переправиться из Азии в Европу. А покинутые эллинами фессалийцы откровенно и без колебания перешли на сторону персов и оказали царю на войне весьма ценные услуги.

175. Когда эллины снова прибыли на Истм, то стали держать совет, где и как им вести войну после сообщения Александра. Верх одержало мнение, что следует занять Фермопильский проход. Этот проход был, конечно, уже прохода, ведущего в Фессалию, и ближе к их земле. О тропинке же, из-за которой погибли павшие в Фермопильском ущелье эллины, они тогда еще ничего не знали. Узнали же о ней только в Фермопилах от трахинцев. Этот-то проход эллины и решили занять, чтобы преградить путь персидскому царю в Элладу. Флот же должен был плыть к Артемисию в области Гистиеотиды. И то и другое место находится неподалеку друг от друга, так что из одного быстро можно узнать, что происходит в другом. Расположены же они вот так.

176. Во-первых, Артемисий. Здесь из широкого Фракийского моря образуется узкий пролив, отделяющий остров Скиаф от Магнесии на материке. А за Евбейским проливом идет Артемисий, т. е. побережье [Артемисия], где стоит святилище Артемиды. Во-вторых, проход в Элладу через местность Трахин, шириной в самом узком месте в полплефра. Однако наиболее узкое место находится не у города Трахина, а перед Фермопилами и за ними. Так, у селения Альпены за Фермопилами есть проезжая дорога только для одной повозки, и перед ними у реки Феникс близ города Анфелы можно опять ехать только на одной повозке. На западе от Фермопил поднимается недоступная, обрывистая и высокая гора, простирающаяся до Эты. На востоке же проход подходит непосредственно к морю и болотам. В этом проходе находятся горячие источники (местные жители зовут их хитрами), а поблизости от них воздвигнут алтарь Геракла. В ущелье этом построена стена, а в ней некогда были ворота. Воздвигли эту стену фокийцы из страха перед фессалийцами, когда те пришли из Феспротии и поселились в Эолиде,

где они живут еще и поныне. Фессалийцы пытались покорить их; фокийцы же построили для защиты эту стену, а также спустили в ущелье горячие потоки воды, чтобы сделать местность непроходимой из-за рытвин и оврагов, [образовавшихся от этих потоков]. Фокийцы пустили в ход все эти средства, лишь бы только помешать вторжению фессалийцев в свою страну. Древняя стена была построена в стародавние времена и от времени большей частью уже разрушилась. Эллины решили теперь восстановить стену и таким образом преградить варвару путь в Элладу. Есть там одно селение совсем близко у дороги под названием Альпены. Отсюда-то эллины рассчитывали добывать себе съестные припасы.

177. Эти-то оба места эллины и выбрали благодаря их удачному расположению. Обсудив все заранее и, кроме того, учтя, что варвары не смогут тут пустить в дело массу своей пехоты и конницу, эллины и решили в этом месте ожидать нападения врага. Когда затем стало известно, что персидский царь уже в Пиерии, эллины распустили собрание на Истме и выступили в поход: одни — сухим путем к Фермопилам, а другие — морем к Артемисию.

178. Итак, эллины двинулись поспешно на помощь, каждый в указанное место. Между тем дельфийцы, страшась за свою судьбу и участь всей Эллады, вопросили бога. Бог ответил им: нужно молиться ветрам, так как [боги] ветров будут могучими союзниками Эллады. Дельфийцы же с верою приняли прорицание и прежде всего сообщили ответ оракула всем свободолюбивым эллинам, которые трепетали перед варваром. И дельфийцы, это прорицание «им возвестив, благодарность навеки стяжали». Затем они воздвигли ветрам алтарь в Фие, где лежит [священный участок] и святилище Фии, дочери Кефиса (от нее и пошло название этого места), и почтили их жертвоприношениями. И поныне еще в силу этого прорицания дельфийцы умилостивляют ветры жертвоприношениями.

179. Между тем флот Ксеркса вышел из города Фермы, и десять самых быстроходных кораблей поплыли вперед прямо к Скиафу. Здесь стояли три дозорных эллинских корабля: трезенский, эгинский и аттический. Завидев издали варварские корабли, эллины обратились в бегство.

180. Варвары пустились в погоню за трезенским кораб-
182 лем под начальством Праксина и тотчас же захватили

его. Затем они привели на нос корабля самого красивого воина и закололи его (они считали счастливым предзнаменованием, что первым захваченным ими эллином был такой красавец). Имя заколотого воина было Леонт (быть может, несчастный из-за своего имени и поплатился смертью).

181. Что до эгинского корабля под начальством Асонида, то он причинил персам много хлопот: один из воинов на корабле — Пифей, сын Исхеноя, выказал в этот день чудеса храбрости. Он продолжал сопротивляться, когда корабль был уже взят, пока его не изрубили в куски. Когда он, уже поверженный, но все еще живой, лежал на земле, персидские воины, бывшие на корабле, стремились всеми средствами спасти жизнь храбреца из-за его доблести: они прикладывали мирру к его ранам и бинтовали их повязками из тончайшего льняного полотна. Когда эти персидские воины возвратились к своим кораблям, то с восхищением показывали пленника всему войску и прекрасно обращались с ним. Остальных же моряков, захваченных в плен на корабле, они обратили в рабство.

182. Таким-то образом два эти корабля попали в руки персов. Третий же корабль под начальством афинянина Форма во время бегства был отнесен к устью Пенея, и варварам удалось захватить только корабль, но не людей. Ибо лишь только афиняне пристали к берегу, как выскочили с корабля и через Фессалию возвратились в Афины.

183. Об этом эллины, стоявшие с кораблями у Артемисия, узнали с помощью сигнальных огней из Скиафа. А как только узнали, то в страхе отплыли из Артемисия назад к Халкиде для прикрытия Еврипа. На высотах Евбеи они оставили «дневные стражи». Из десяти же варварских кораблей три прибыли к подводному утесу, что между Скиафом и Магнесией, под названием Мирмек. Там варвары воздвигли каменный столп, привезенный ими с собой на утес. Затем, после того как путь был очищен, весь флот также покинул Ферму через одиннадцать дней после ухода оттуда царя. На то, что подводная скала находится почти в самом проливе [на пути кораблей], указал персам Паммон из Скироса. За целый день плавания варварский флот достиг Сепиады в Магнесийской области и побережья между городом Касфанея и мысом Сепиада.

184. До этого места и до Фермопил персидское войско и флот еще не понесли никаких потерь. Общая численность персидских боевых сил, по моим вычислениям, была тогда вот какая: на 1207 азиатских кораблях первоначально было воинов из разных народностей 241 000, считая по 200 человек на корабль. На этих кораблях, кроме воинов из местных жителей, было еще по 30 человек персов, мидян и саков, что составляет еще 36 210 человек. К этому и к тому первому числу я прибавляю еще команды 50-весельных кораблей, принимая в среднем по 80 человек на корабль. Следовательно, на этих 50-весельных кораблях (а их было, как я уже сказал раньше, 3000) должно было находиться 240 000 человек. Таким образом, численность команды всего азиатского флота составляла 517 610 человек. Пехота же персов насчитывала 1 700 000, а конница 80 000 человек. К этому следует добавить арабов на их верблюдах и ливийцев на боевых колесницах; в общем 20 000 человек. Если сосчитать вместе общее количество воинов на кораблях и в сухопутном войске, то в итоге получим 2 317 610 человек. Здесь перечислены боевые силы персов, приведенные из самой Азии, не считая следовавшего за ними обоза, грузовых судов с продовольствием и их команд.

185. К этому общему числу следует прибавить еще численность войска, которое царь привел с собой. О его численности я могу судить, конечно, лишь приблизительно. Так, эллины из Фракии и с островов у фракийского побережья выставили 120 кораблей. Это значит, что на этих кораблях было 24 000 воинов. Что до сухопутного войска, то его выставили фракийцы, пеоны, эорды, боттиеи, народности на Халкидике, бриги, пиерийцы, македоняне, перребы, эниены, долопы, магнеты, ахейцы и все жители фракийского побережья. Численность отрядов всех этих народностей, по моему мнению, составляла 300 000 человек. Итак, если прибавить эти мириады к мириадам, [приведенным] из Азии, то получим боеспособную военную силу в 2 641 610 человек.

186. Столь велика была боевая мощь Ксеркса! Обоз же, следовавший за войском, команды легких судов с продовольствием и прочих вспомогательных кораблей были, мне думается, не менее многочисленны, но даже еще многочисленнее самих боевых сил. Однако
184 я принимаю численность обоза равной численности

боевой силы и вовсе не больше и не меньше. Если это так, то численность обоза составляет столько же мириад, как и боевой силы. Таким образом, Ксеркс, сын Дария, привел к Сепиаде и Фермопилам 5 283 220 человек. Такова была общая численность полчищ Ксеркса.

187. Число же поварих-женщин, наложниц и евнухов точно определить невозможно. Так же и количество упряжных и других вьючных животных и индийских псов в войсках нельзя установить из-за огромного их числа. Поэтому вовсе не удивительно, что воды некоторых рек иссякли; зато гораздо более поразительно, что нашлось достаточно пищи для стольких мириад людей. Ведь, по моим расчетам, выходит: если ежедневный паек на человека только 1 хеник пшеницы и ничего больше, то каждый день выходило 110 340 медимнов. При этом я не считаю количества продовольствия для женщин, евнухов, вьючного скота и псов. Однако из стольких мириад людей не было ни одного по красоте и статному телосложению более достойного обладать таким могуществом, чем сам Ксеркс.

188. Между тем персидский флот отдал якоря и, выйдя в море, достиг берегов Магнесии между городом Касфанея и мысом Сепиада. Первые ряды кораблей бросили якорь непосредственно у самого берега, а другие за ними — в море. Берег был неширок, и поэтому корабли стояли в шахматном порядке по восьми в ряд носами к морю. Так они стояли на якоре эту ночь. А ранним утром при ясном небе и затишье море вдруг заволновалось и разразилась страшная буря с ужасным северо-восточным ветром, который местные жители зовут Геллеспонтием. Все, кто заметил крепнущий ветер и кому место стоянки дозволяло это, успели еще до начала бури вытащить свои корабли на берег и таким образом спаслись вместе с кораблями. Те же корабли, которых буря застигла в открытом море, [силой ветра] частью отнесло к так называемым Ипнам на Пелионе, частью же выбросило на берег. Иные корабли потерпели крушение у самого мыса Сепиада, другие были выброшены на берег у города Мелибеи или Касфанеи. Это была буря неодолимой силы.

189. Существует сказание о том, что афиняне призвали себе на помощь Борея по велению божества. Именно, они получили другое изречение оракула: призвать на помощь своего зятя. По эллинскому преданию, су-

пругой Борея была аттическая женщина Орифия. В силу этого родства через брак афиняне (так гласит молва) считали Борея своим зятем. Когда [афиняне] стояли на якоре у Халкиды на Евбее и заметили, что поднимается буря (или уже ранее этого), то стали приносить жертвы и призывать Борея и Орифию помочь им и сокрушить варварские корабли, как прежде у Афона. Впрочем, из-за этого ли действительно Борей обрушился на варварские корабли, стоявшие на якоре,— этого я не могу сказать. Во всяком случае, по словам афинян, Борей уже и раньше помогал им и на этот раз также вызвал бурю. [После войны], возвратившись домой, афиняне воздвигли Борею храм на реке Илиссе.

190. Во время этой бури погибло, по самому скромному счету, не менее 400 кораблей, несчетное число людей и огромные богатства. Одному магнету Аминоклу, сыну Кретина, владельцу земельного участка у мыса Сепиады, это кораблекрушение принесло большую выгоду. Он подобрал множество золотых и серебряных кубков, впоследствии выброшенных на берег; нашел также денежные ящики [с корабельной казной] персов и, кроме того, присвоил себе еще множество других ценных вещей. Благодаря этому Аминокл сделался великим богачом, хотя это богатство не принесло ему счастья. Ведь его тревожило некое тяжкое горе, как убийцу собственного сына.

191. Число погибших от бури персидских грузовых кораблей с продовольствием и прочих судов неизвестно. Предводители флота после такого страшного несчастья из боязни нападения фессалийцев приказали возвести вокруг стана ограду из обломков кораблей, ибо буря бушевала три дня. Наконец, маги принесли кровавые жертвы [ветрам] и умилостивили ветер волшебными заклинаниями. Кроме того, они совершили жертвоприношение Фетиде и нереидам, и на четвертый день буря утихла. Впрочем, быть может, буря успокоилась сама собой. Фетиде же персы приносили жертвы, потому что слышали от ионян сказание о том, что из этих мест Пелей похитил Фетиду и [поэтому] все побережье Сепиады посвящено ей и другим нереидам.

192. Итак, на четвертый день буря стихла. Между тем к эллинам уже на второй день после того, как поднялась буря, прибежали с евбейских вершин «дневные стражи» и сообщили все обстоятельства кораблекру-

шения. Услышав об этом, эллины сотворили молитвы и возлияния Посейдону-спасителю и поспешно отплыли назад к Артемисию: они ожидали найти нам лишь немного вражеских кораблей. Итак, эллины вторично прибыли в Артемисию и бросили там якорь. С тех пор и до сего дня Посейдон у них называется спасителем.

193. Варвары же, лишь только стих ветер и улеглось волнение, спустили на воду свои корабли и поплыли вдоль побережья материка. Затем, обогнув мыс Магнесии, они направились прямо в залив, ведущий к Пагасам. В этом заливе Магнесии есть одно место, где, по преданию, Иасон и его спутники с корабля «Арго» покинули Геракла, отправив героя за водой (во время плавания в колхидскую Эю за руном). Ведь отсюда они, запасшись водой, хотели выйти в открытое море. Поэтому-то это место и называется Афеты. Здесь-то флот Ксеркса и бросил якорь.

194. Вышло так, что пятнадцать персидских кораблей отплыли значительно позже прочих. И вот они заметили случайно у Артемисия эллинские корабли. Варвары приняли их за свои и, продолжая плыть, оказались среди врагов. Начальником этих варварских кораблей был Сандок, сын Фамасия, правитель Кимы в Эолиде. Это был тот самый Сандок, которого прежде царь Дарий велел распять на кресте вот по какой причине. Он был одним из царских судей и за деньги вынес несправедливый приговор. Когда Сандок уже висел на кресте, Дарий одумался, решив, что заслуги [несчастного] перед царским домом превышают его вину. Придя к такому заключению, царь решил, что поступил слишком поспешно и потому неблагоразумно, и велел отпустить несчастного. Так-то Сандок избежал гибели при царе Дарии, а вторично, когда он подплыл к эллинам, это ему уже не удалось. Ибо лишь только эллины увидели плывущие к ним корабли, как поняли ошибку врагов и, напав на них, легко захватили.

195. На одном из этих кораблей был захвачен Аридолис, тиран Алабанд и Карии, на другом — Пенфил, сын Демоноя, полководец пафосцев. Он был начальником двенадцати кораблей с Пафоса. Одиннадцать из них он потерял во время бури у мыса Сепиады и, приплыв с одним уцелевшим кораблем к Артемисию, был взят в плен эллинами. Выведав у этих людей все, что хотели узнать о войске Ксеркса, эллины отослали их в оковах в Коринф на Истме.

196. Итак, флот варваров, кроме упомянутых пятнадцати кораблей под начальством Сандока, пришел к Афетам. Ксеркс же во главе сухопутного войска, следуя через Фессалию и Ахею, прибыл на третий день в область малийцев. В Фессалии царь устроил конские состязания своих и фессалийских коней (он слышал, что фессалийская конница — лучшая в Элладе). Тут эллинские кони, конечно, остались далеко позади. Из фессалийских рек только в одной реке Онохон не хватило воды, чтобы напоить войско. А из рек, протекающих в Ахее, напротив, даже в самой большой реке Апидан едва хватило воды.

197. По прибытии Ксеркса в Алос в Ахее проводники, желая все рассказать царю, передали ему местное сказание о святилище Зевса Лафистия, как Афамант, сын Эола, вместе с Ино замыслил погубить Фрикса и как потом ахейцы по велению божества наложили на его потомков вот такие наказания: старшему в этом роде было воспрещено вступать в пританей (причем сами ахейцы сторожили вход). Пританей же у ахейцев называется леитом. Если же его схватят [в пританее], то он уже не выйдет оттуда, пока не будет принесен в жертву богу. Затем проводники рассказали, что много осужденных в жертву богу в страхе убегали на чужбину. Если они через некоторое время возвращались и были пойманы, то их вводили в пританей как бы в торжественной процессии и, покрыв с ног до головы венками, приносили в жертву. Такая участь постигла потомков Китиссора, сына Фрикса, вот почему: этот Китиссор прибыл в Ахею из Эи в Колхиде как раз в то время, когда ахейцы по велению оракула совершали очищение своей страны и собирались заколоть Афаманта, сына Эола, как искупительную жертву. Китиссор спас Афаманта и навлек этим гнев бога на своих потомков. Когда Ксеркс прибыл к упомянутой священной роще, то, услышав это сказание, и сам не вступил в нее и запретил вход туда своему войску. Так же и дому потомков Афаманта и святилищу царь оказал благоговейный почет.

198. Это — события в Фессалии и Ахее. Отсюда Ксеркс двигался в Малиду вдоль морского залива, где целый день бывают приливы и отливы. Вокруг этого залива простирается [болотистая] равнина, местами широкая, а местами очень узкая. Местность эта окружена высо-
 кими и недоступными горами под названием Трахин-

ские скалы, которые замыкают всю Малийскую область. Если направляться из Ахеи, то первым городом в заливе будет Антикира, где впадает в море река Сперхей, текущая из области эниенов. В 20 стадиях от Сперхея протекает другая река по имени Дирас, по сказанию, явившаяся из земли на помощь охваченному пламенем Гераклу. А еще в 20 стадиях от этой реки течет третья река — Мелас.

199. Город же Трахин от реки Меласа в 5 стадиях. В этом месте — самое большое во всей этой области расстояние от гор до моря, где лежит Трахин. Ведь здесь равнина шириной в 22 000 плефров. В горе же, замыкающей Трахинскую область, к югу от города Трахина находится скалистое ущелье, по которому вдоль подножья горы протекает река Асоп.

200. К югу от Асопа есть еще небольшая речка Феникс. Она стекает с этих гор и впадает в Асоп. Там, у реки Феникса,— самое узкое ущелье. И действительно, дорога здесь проложена лишь для одной повозки. От реки Феникса до Фермопил 15 стадий. Между рекой Фениксом и Фермопилами лежит селение под названием Анфела, мимо которого протекает Асоп и затем впадает в море. Около этого селения есть обширное место, где воздвигнуто святилище Деметры Амфиктионийской со скамьями для амфиктионов и храм самого Амфиктиона.

201. Итак, царь Ксеркс разбил свой стан у Трахина в Малийской земле, эллины же — в проходе. Место это большинство эллинов зовет Фермопилами, а местные жители и соседи называют его Пилами. Так, оба войска стояли друг против друга в этих местах. В руках Ксеркса была вся область к северу вплоть до Трахина, а эллины занимали местности к югу от прохода со стороны эллинского материка.

202. Эллинские же силы, ожидавшие в этой местности персидского царя, состояли из 300 спартанских гоплитов, 1000 тегейцев и мантинейцев (по 500 тех и других); далее, 120 человек из Орхомена в Аркадии и 1000 — из остальной Аркадии. Столько было аркадцев. Затем из Коринфа 400, из Флиунта 200 и 80 — из Микен. Эти люди прибыли из Пелопоннеса. Из Беотии было 700 феспийцев и 400 фиванцев.

203. Кроме того, эллины вызвали на помощь опунтских локров со всем их ополчением и 1000 фокийцев. Эллины ведь сами пригласили их и велели передать

через вестников: «Это — только головной отряд, и со дня на день ожидается прибытие всех остальных союзников. О положении на море не следует беспокоиться, так как охрану моря взяли на себя афиняне, эгинцы и прочие, кто назначен во флот. Ведь на Элладу идет войной вовсе не [какой-нибудь] бог, а [просто] человек, и нет и не будет ни одного смертного, которого от рождения не постигло бы в жизни несчастье. И именно самых великих из людей и поражают самые страшные бедствия». На этот призыв локры и фокийцы поспешили в Трахин на помощь.

204. У каждого города были свои особые военачальники. Но среди них особенно достоин восхищения главный начальник всего войска лакедемонянин Леонид, сын Анаксандрида, потомок Леонта, Еврикратида, Анаксандра, Еврикрата, Полидора, Алкамена, Телекла, Архелая, Гегесилая, Дорисса, Леобота, Эхестрата, Эгия, Еврисфена, Аристодема, Аристомаха, Клеодея, Гилла и Геракла. Леонид же получил спартанский престол неожиданно.

205. У Леонида было два старших брата — Клеомен и Дорией, и поэтому он отбросил мысль стать царем. Однако Клеомен скончался, не оставив наследников мужского пола, а Дориея также не было уже в живых (он погиб в Сикелии). Так-то Леонид вступил на престол, потому что был старше Клеомброта (тот был младшим сыном Анаксандрида) и, кроме того, потому что был женат на дочери Клеомена. Этот Леонид пришел в Фермопилы, отобрав себе, по обычаю, отряд в 300 человек и притом таких, у кого уже были дети. По пути туда он присоединил к своему отряду также и перечисленных мною выше фиванцев под начальством Леонтиада, сына Евримаха. Леонид так поспешно присоединил к себе только одних фиванцев из всех эллинов именно потому, что над ними тяготело тяжкое подозрение в сочувствии мидянам. Итак, царь призвал их на войну, желая удостовериться, пошлют ли они войско на помощь или же открыто откажутся от союза с эллинами. Фиванцы все же послали ему людей, хотя и думали об измене.

206. Отряд же этот во главе с Леонидом спартанцы выслали вперед для того, чтобы остальные союзники видели это и также выступили в поход и не перешли на сторону мидян, заметив, что сами спартанцы медлят. Дело было в канун праздника Карнеи. По окончании

празднества спартанцы собирались, оставив в Спарте только стражу, быстро выступить на помощь со всем своим войском. Так же думали поступить и прочие союзники, так как с этими событиями как раз совпадали и Олимпийские игры. И действительно, никто не предполагал, что борьба за Фермопилы так быстро окончится, и поэтому послали туда передовой отряд. Так решили поступить союзники.

207. Между тем, лишь только персидский царь подошел к проходу, на эллинов напал страх и они стали держать совет об отступлении. Все пелопоннесские города предложили возвратиться в Пелопоннес и охранять Истм. Фокийцы и локры пришли в негодование от такого предложения, и потому Леонид принял решение оставаться там и послать вестников в города с просьбой о помощи, так как у них слишком мало войска, чтобы отразить нападение мидийских полчищ.

208. Во время этого совещания Ксеркс послал всадника-лазутчика выведать численность и намерение врагов. Ведь еще в Фессалии царь получил сведения, что в Фермопилах собрался маленький отряд под начальством лакедемонян и Леонида из рода Гераклидов. Когда этот всадник подъехал к стану, он не мог, правда, разглядеть весь стан (ведь тех, кто находился за восстановленной стеной, нельзя было видеть). Лазутчик заметил лишь воинов, стоявших на страже перед стеной. А в это время стражу перед стеной как раз несли лакедемоняне. И он увидел, как одни из них занимались телесными упражнениями, а другие расчесывали волосы. Он смотрел на это с удивлением и старался заметить число врагов. Когда же он все точно узнал, то спокойно уехал назад, так как на него не обратили никакого внимания. По возвращении всадник передал Ксерксу все, что видел.

209. Услышав рассказ лазутчика, Ксеркс не мог понять, что спартанцы таким образом действительно готовятся, как подобает мужчинам, к борьбе не на жизнь, а на смерть. Поведение спартанцев казалось царю смешным, и он велел послать за Демаратом, сыном Аристона, который находился в стане персов. Когда Демарат явился, Ксеркс стал подробно расспрашивать его, желая понять действия лакедемонян. Демарат же отвечал: «Ведь я уже раньше, царь, когда ты еще собирался в поход на Элладу, рассказывал тебе об этих людях. Но ты поднял меня на смех, когда я те-

бя предупреждал, каков, по-моему, будет исход этого предприятия. Ведь для меня, царь, говорить правду наперекор тебе — самая трудная задача. Но все же выслушай меня теперь. Эти люди пришли сюда сражаться с нами за этот проход, и они готовятся к битве. Таков у них обычай: всякий раз, как они идут на смертный бой, они украшают себе головы. Знай же, царь, если ты одолеешь этих людей и тех, кто остался в Спарте, то уже ни один народ на свете не дерзнет поднять на тебя руку. Ныне ты идешь войной на самый прославленный царский род и на самых доблестных мужей в Элладе». Ксеркс же слушал эти слова с большим недоверием и спросил затем: «Как же они при такой малочисленности будут сражаться с моими полчищами?» Демарат отвечал: «Царь! Поступи со мной, как с лжецом, если не выйдет так, как я тебе говорю!»

210. Эти слова Демарата, однако, не убедили Ксеркса. Четыре дня царь велел выждать, все еще надеясь, что спартанцы обратятся в бегство. Наконец на пятый день, так как эллины все еще не думали двигаться с места, но, как он думал, продолжали стоять из наглого безрассудства, царь в ярости послал против них мидян и киссиев с приказанием взять их живыми и привести пред его очи. Мидяне стремительно бросились на эллинов; [при каждом натиске] много мидян падало, на место павших становились другие, но не отступали, несмотря на тяжелый урон. Тогда, можно сказать, всем стало ясно, и в особенности самому царю, что людей у персов много, а мужей [среди них] мало. Схватка же эта длилась целый день.

211. Получив суровый отпор, мидяне вынуждены были отступить. На смену им прибыли персы во главе с Гидарном (царь называл их «бессмертными»). Они думали легко покончить с врагами. Но когда дело дошло до рукопашной, то персы не добились большего успеха, чем мидяне, но дело шло одинаково плохо: персам приходилось сражаться в теснине с более короткими копьями, чем у эллинов. При этом персам не помогал их численный перевес. Лакедемоняне же доблестно бились с врагом и показали свою опытность в военном деле перед неумелым врагом, между прочим, вот в чем. Всякий раз, когда они время от времени делали поворот, то все разом для вида обращались в бегство. При виде этого варвары с боевым кличем и шумом на-

чинали их теснить. Спартанцы же, настигаемые врагом, поворачивались лицом к противнику и поражали несметное число персов. При этом, впрочем, погибало и немного спартанцев. Так как персы никак не могли овладеть проходом, хотя и пытались штурмовать отдельными отрядами и всей массой, то им также пришлось отступить.

212. Во время этих схваток царь, как рассказывают, наблюдал за ходом сражения и в страхе за свое войско трижды вскакивал со своего трона. Так они бились в тот день, но и следующий день не принес варварам удачи. Варвары нападали в расчете на то, что при малочисленности врагов они все будут изранены и не смогут уже сопротивляться. Эллины же стояли в боевом строю по племенам и родам оружия, и все сражались, сменяя друг друга, кроме фокийцев. Фокийцы же были отосланы на гору охранять горную тропу. А персы, увидев, что дело идет не лучше вчерашнего, вновь отступили.

213. Между тем царь не знал, что делать дальше. Тогда явился к нему некий Эпиальт, сын Евридема, малиец. Надеясь на великую царскую награду, он указал персам тропу, ведущую через гору в Фермопилы, и тем погубил бывших там эллинов. Впоследствии предатель из страха перед лакедемонянами бежал в Фессалию, и пилагоры (собравшиеся в Пилее амфиктионы) объявили за голову беглеца денежную награду. Через некоторое время Эпиальт возвратился на родину в Антикиру и был там убит Афинадом из Трахина. Афинад же этот умертвил Эпиальта по другой причине (о чем я расскажу позднее), но все же получил награду от лакедемонян. Так впоследствии погиб Эпиальт.

214. Есть, однако, и другое распространенное предание, будто с таким же предложением к царю обратились Онет из Кариста, сын Фанагора, и Коридалл из Антикиры и провели персов через гору. Впрочем, я вовсе этому не верю. Прежде всего это предание следует отвергнуть потому, что пилагоры эллинов объявили денежную награду не за голову Онета и Коридалла, а за Эпиальта из Трахина (а они-то уже должны были прекрасно знать истину). Затем мы знаем, что Эпиальт бежал именно по этой причине. Онет же мог знать эту тропу, даже и не будучи малийцем, если ему подолгу приходилось жить в этой стране. Но Эпи-

альт действительно был проводником персов по этой тропе вокруг горы, и поэтому я и считаю его виновником.

215. Ксеркс же принял предложение Эпиальта и тотчас, чрезвычайно обрадовавшись, послал Гидарна с его отрядом. Персы вышли из стана около того времени, когда зажигают светильники. Тропу же эту некогда отыскали местные малийцы и указали путь по ней фессалийцам против фокийцев (фокийцы же, оградив стеной проход, считали себя в безопасности от нападения). Впрочем, уже с тех пор, как тропа была открыта, малийцы ею совершенно не пользовались.

216. Тропа эта идет так: начинается она от реки Асопа, текущей по горному ущелью (гора там носит одинаковое с тропой название — Анопея). Проходит же эта Анопея вдоль горного хребта и оканчивается у города Альпена (первого города локров со стороны Малиды), у так называемой скалы Мелампиг и у «Обителей Керкопов», в самом узком месте прохода.

217. По этой-то тропе после переправы через Асоп персы шли целую ночь. Справа возвышались Этейские горы, а слева — Трахинские. И вот уже засияла утренняя заря, когда они достигли вершины горы. В этом месте горы (как я уже раньше сказал) стояла на страже 1000 фокийских гоплитов для защиты своей земли и охраны тропы. Проход внизу сторожили вышеперечисленные отряды. Охранять же тропу, ведущую через гору, добровольно предложили Леониду фокийцы.

218. А фокийцы заметили, что персы уже стоят на вершине, вот каким образом. Поднимались ведь персы на гору незаметно, так как она вся густо поросла дубовым лесом. Стояла полная тишина, и, когда внезапно раздался сильный треск (от листвы, естественно шуршавшей под ногами воинов), фокийцы вскочили и бросились к оружию. В этот-то момент и показались варвары. С изумлением увидели варвары перед собою людей, надевавших на себя доспехи. Ибо они, не ожидая встретить никакого сопротивления, наткнулись на отряд воинов. Тогда Гидарн, опасаясь, что это — не фокийцы, а лакедемоняне, спросил Эпиальта, откуда эти воины. Получив точные сведения, он построил воинов в боевой порядок. А фокийцы под градом стрел тотчас же бежали на вершину горы и, думая, что персы нападают именно на них, уже приготовились к смерти. Так

думали фокийцы, а персы во главе с Эпиальтом и Гидарном даже не обратили на них внимания, но поспешно начали спуск.

219. Эллинам же в Фермопилах первым предсказал на заре грядущую гибель прорицатель Мегистий, рассмотрев внутренности жертвенного животного. Затем прибыли перебежчики с сообщением об обходном движении персов. Это случилось еще ночью. Наконец, уже на рассвете, спустившись бегом с вершины, явились «дневные стражи» [с такой же вестью]. Тогда эллины стали держать совет, и их мнения разделились. Одни были за то, чтобы не отступать со своего поста, другие же возражали. После этого войско разделилось: часть его ушла и рассеялась, причем каждый вернулся в свой город; другие же и с ними Леонид решили оставаться.

220. Рассказывают также, будто сам Леонид отослал союзников, чтобы спасти их от гибели. Ему же самому и его спартанцам не подобает, считал он, покидать место, на защиту которого их как раз и послали. И к этому мнению я решительно склоняюсь. И даже более того, я именно утверждаю, что Леонид заметил, как недовольны союзники и сколь неохотно подвергаются опасности вместе с ним, и поэтому велел им уходить. А сам он считал постыдным отступать. Если, думал Леонид, он там останется, то его ожидает бессмертная слава и счастье Спарты не будет омрачено. Ибо когда спартанцы вопросили бога об этой войне (еще в самом начале ее), то Пифия изрекла им ответ: или Лакедемон будет разрушен варварами, или их царь погибнет. Этот оракул Пифия дала им в следующих шестимерных стихах:

Ныне же вам изреку, о жители Спарты обширной:
Либо великий и славный ваш град чрез мужей-персеидов
Будет повергнут во прах, а не то — из Гераклова рода
Слезы о смерти царя пролиет Лакедемона область.
Не одолеет врага ни бычачья, ни львиная сила,
Ибо во брани Зевсова мощь у него и брань он не прежде
Кончит, чем град целиком иль царя на куски растерзает.

Так, вероятно, рассуждал Леонид. А так как он желал стяжать славу только одним спартанцам, то, по-моему, вероятнее, что царь сам отпустил союзников, а не они покинули его из-за разногласий, нарушив военную дисциплину.

221. Доводом, и притом немаловажным, в пользу этого мнения, по-моему, является еще вот что: достоверно

известно, что Леонид отослал упомянутого прорицателя акарнанца Мегистия (этот Мегистий находился при войске; по преданию, он был отдаленным потомком Мелампода и предсказал Леониду грядущую судьбу по внутренностям жертвенных животных), чтобы тот не погиб вместе с ним. Однако Мегистий сам не покинул спартанцев, несмотря на приказ, но только отпустил своего единственного сына, который вместе с отцом участвовал в походе.

222. Итак, отпущенные союзники ушли по приказу Леонида. Только одни феспийцы и фиванцы остались с лакедемонянами. Фиванцы остались с неохотой, против своей воли, так как Леонид удерживал их как заложников; феспийцы же, напротив,— с великой радостью: они отказались покинуть Леонида и его спартанцев. Они остались и пали вместе со спартанцами. Предводителем их был Демофил, сын Диадрома.

223. Между тем Ксеркс совершил жертвенное возлияние восходящему солнцу. Затем, выждав некоторое время, выступил около того часа, когда рынок наполняется народом. Такой совет дал царю Эпиальт. Ибо спуск с горы скорее и расстояние гораздо короче, чем дорога в обход или подъем. Наконец, полчища Ксеркса стали подходить. Эллины же во главе с Леонидом, идя на смертный бой, продвигались теперь гораздо дальше в то место, где проход расширяется. Ибо в прошлые дни часть спартанцев защищала стену, между тем как другие бились с врагом в самой теснине, куда они всегда отступали. Теперь же эллины бросились врукопашную уже вне прохода, и в этой схватке варвары погибали тысячами. За рядами персов стояли начальники отрядов с бичами в руках и ударами бичей подгоняли воинов все вперед и вперед. Много врагов падало в море и там погибало, но гораздо больше было раздавлено своими же. На погибающих никто не обращал внимания. Эллины знали ведь о грозящей им верной смерти от руки врага, обошедшего гору. Поэтому-то они и проявили величайшую боевую доблесть и бились с варварами отчаянно и с безумной отвагой.

224. Большинство спартанцев уже сломало свои копья и затем принялось поражать персов мечами. В этой схватке пал также и Леонид после доблестного сопротивления и вместе с ним много других знатных спартанцев. Имена их, так как они заслуживают хвалы,

я узнал. Узнал я также и имена всех трехсот спартанцев. Много пало там и знатных персов; в их числе двое сыновей Дария — Аброком и Гиперанф, рожденных ему дочерью Артана Фратагуной. Артан же был братом царя Дария, сына Гистаспа, сына Арсама. Он дал Дарию в приданое за дочерью все свое имущество, так как у него она была единственной.

225. Итак, два брата Ксеркса пали в этой битве. За Тело Леонида началась жаркая рукопашная схватка между персами и спартанцами, пока наконец отважные эллины не вырвали его из рук врагов (при этом они четыре раза обращали в бегство врага). Битва же продолжалась до тех пор, пока не подошли персы с Эпиальтом. Заметив приближение персов, эллины изменили способ борьбы. Они стали отступать в теснину и, миновав стену, заняли позицию на холме — все вместе, кроме фиванцев. Холм этот находился у входа в проход (там, где ныне стоит каменный лев в честь Леонида). Здесь спартанцы защищались мечами, у кого они еще были, а затем руками и зубами, пока варвары не засыпали их градом стрел, причем одни, преследуя эллинов спереди, обрушили на них стену, а другие окружили со всех сторон.

226. Из всех этих доблестных лакедемонян и феспийцев самым доблестным все же, говорят, был спартанец Диенек. По рассказам, еще до начала битвы с мидянами он услышал от одного человека из Трахина: если варвары выпустят свои стрелы, то от тучи стрел произойдет затмение солнца. Столь великое множество стрел было у персов! Диенек же, говорят, вовсе не устрашился численности варваров и беззаботно ответил: «Наш приятель из Трахина принес прекрасную весть: если мидяне затемнят солнце, то можно будет сражаться в тени».

227. Такие и подобные достопамятные слова, по рассказам, говорил лакедемонянин Диенек. А после него самыми доблестными, говорят, были два брата — Алфей и Марон, сыновья Орсифанта. Среди феспийцев же особенно отличился один, по имени Дифирамб, сын Гарматида.

228. Погребены же они на том месте, где они пали. Им и павшим еще до того, как Леонид отпустил союзников, поставлен там камень с надписью, гласящей:

Против трехсот мириад здесь некогда бились
Пелопоннесских мужей сорок лишь сотен всего.

Эта надпись начертана в честь всех павших воинов, а лакедемонянам особая:

Путник, пойди возвести нашим гражданам в Лакедемоне,
Что, их заветы блюдя, здесь мы костьми полегли.

Эта надпись в честь лакедемонян, а прорицателю вот какая:

Славного это могила Мегистия, коего миды
Некогда тут умертвили, бурный Сперхей перейдя.
Ведал преславный гадатель грядущую верную гибель,
Но все же не захотел Спарты покинуть царя.

Этими надписями и памятными столпами, кроме надписи в честь прорицателя, почтили павших амфиктионы. Надпись же в честь прорицателя Мегистия посвятил ему Симонид, сын Леопрепея, в память о дружбе.

229. Рассказывают, что двое из трехсот [спартанцев] — Еврит и Аристодем — оба могли бы остаться в живых, если бы были единодушны, и возвратиться в Спарту (они были отпущены Леонидом из стана и лежали в Альпенах, страдая тяжелым глазным недугом). Или же, не желая вернуться на родину, они могли бы по крайней мере умереть вместе с остальными. Хотя им открывались обе эти возможности, но они не достигли взаимного согласия, разойдясь во мнениях. Еврит, узнав о том, что персы обошли гору, потребовал свои доспехи. Затем, облачившись в доспехи, он приказал илоту вести его к бойцам. Илот провел Еврита в Фермопилы, но потом бежал, а Еврит попал в самую гущу схватки и погиб. Аристодем же не имел мужества [умереть] и остался жив. Если бы вернулся только один Аристодем больным в Спарту или оба они вместе, то, думается, спартанцы не стали бы гневаться на него. Теперь же, когда один из них пал, а другой (выставив ту же причину в свое оправдание) не захотел умереть, спартанцы неизбежно должны были сильно озлобиться на него.

230. Таким-то образом и с такой оговоркой, гласит одно предание, Аристодем прибыл в Спарту невредимым. Другие же рассказывают, что его послали вестником из стана и он мог успеть к началу битвы, но не пожелал этого, а, умышленно задержавшись в пути, сохранил себе жизнь. Между тем другой гонец (его товарищ) подоспел к сражению и погиб.

231. По возвращении в Лакедемон Аристодема ожидало бесчестие и позор. Бесчестие состояло в том, что никто не зажигал ему огня и не разговаривал с ним, а позор — в том, что ему дали прозвание Аристодем-Трус. Впрочем, в битве при Платеях Аристодему удалось совершенно загладить тяготевшее над ним позорное обвинение.

232. Рассказывают, впрочем, что в живых остался еще один из этих трехсот, по имени Пантит, отправленный гонцом в Фессалию. По возвращении в Спарту его также ожидало бесчестие, и он повесился.

233. Между тем фиванцам во главе с Леонтиадом пришлось в силу необходимости некоторое время сражаться заодно с эллинами против царского войска. Увидев, что персы берут верх и теснят отряд Леонида к холму, фиванцы отделились от лакедемонян и, простирая руки, пошли навстречу врагу. Фиванцы заявляли — и это была сущая правда,— что они всецело на стороне персов и с самого начала дали царю землю и воду, а в Фермопилы они пришли только по принуждению и невиновны в уроне, нанесенном царю. Такими уверениями фиванцы спасли свою жизнь, и [истинность] их слов засвидетельствовали фессалийцы. Правда, им посчастливилось не во всем: когда фиванцы подошли, варвары схватили некоторых из них и умертвили. Большинство же их, и прежде всего начальника Леонтиада, по приказанию Ксеркса заклеймили царским клеймом (сына Леонтиада Евримаха впоследствии умертвили платейцы, когда он во главе 400 фиванцев захватил их город).

234. Так сражались эллины при Фермопилах. А Ксеркс велел призвать к себе Демарата для расспросов и начал вот как: «Демарат! Ты — человек, преданный мне. Я сужу об этом по твоей правдивости. Ведь все и вышло так, как ты говорил. А теперь скажи-ка мне, сколько еще осталось лакедемонян и много ли у них еще таких доблестных бойцов или они все — храбрецы?». Демарат отвечал: «Царь! Число лакедемонян велико, и городов у них много. А то, что ты желаешь узнать, узнаешь. Есть в Лаконии город Спарта, и в нем около 8000 мужей. Все они так же доблестны, как и те, что здесь сражались. Остальные лакедемоняне, правда, не такие, как эти, но все же — храбрые мужи». Затем Ксеркс сказал: «Демарат! Как же нам

легче всего победить этот народ? Скажи-ка мне! Ведь тебе известны все ходы и лазейки в их замыслы, так как ты был их царем».

235. А тот отвечал: «Царь! Если ты и вправду серьезно спрашиваешь моего совета, то я обязан дать тебе самый лучший совет. Тебе следовало бы послать 300 кораблей из твоего флота к лаконским берегам. У берегов Лаконии лежит остров по имени Кифера. Об этом острове Хилон — один из наших мудрецов — сказал, что спартанцам гораздо лучше было бы, если бы он погрузился в море, а не возвышался над водой. Хилон всегда ожидал с этого острова какого-нибудь нападения, вроде того как я тебе теперь предлагаю. Не оттого, что он предвидел твой поход, но потому, что опасался любого вражеского нападения оттуда. С этого-то острова пусть твои корабли и войско держат в страхе лакедемонян. Если же лакедемоняне будут заняты войной в своей стране, непосредственно их затрагивающей, то тебе не надо будет опасаться, что они придут на помощь, когда твое сухопутное войско станет захватывать остальную Элладу. Когда же ты покоришь остальную Элладу, то у тебя останется единственный противник — слабое лаконское войско. А если ты не примешь моего совета, то ожидай вот чего. Есть в Пелопоннесе узкий перешеек. Там жди еще более жестоких битв, чем здесь при Фермопилах, и притом против всех объединенных сил пелопоннесцев. Если же ты поступишь иначе, то этот перешеек падет без боя и сдадутся города».

236. После этого взял слово Ахемен, брат Ксеркса, предводитель морских сил (он также присутствовал на этом совете). Опасаясь, что Ксеркс примет предложение Демарата, он сказал вот что: «Царь! Я вижу, что ты склонен прислушиваться к речам человека, который завидует твоим успехам или даже предает тебя. И действительно, таков излюбленный образ действий эллинов: они завидуют счастливым и ненавидят могущественных. Если ты при нынешнем положении, когда мы уже потеряли от бури 300 кораблей, пошлешь из твоего флота еще 300 кораблей, то противник сможет помериться силами с тобой. Напротив, флот твой, сосредоточенный в одном месте, враги не одолеют и тогда вообще даже не смогут оказать сопротивления. Продвигаясь и действуя совместно, флот и сухопутное войско будут взаимно помогать друг другу. Ес-

ли же они будут разъединены, то ни сам ты не сможешь прийти на помощь морским силам, ни они — тебе. Старайся лишь, чтобы в твоем собственном войске дела шли хорошо, и не думай о войске противника — где оно начнет войну, что́ предпримет и сколь многочисленно. Враги ведь достаточно сообразительны, чтобы самим о себе заботиться, а мы будем точно так же [заботиться] о себе. Если же лакедемоняне действительно пойдут на персов, то не избегнут гибели».

237. На это Ксеркс отвечал так: «Ахемен! Твои слова хороши, и я поступлю так, как ты сказал. Хотя Демарат и дал мне совет с самыми благими намерениями, но ты все-таки превзошел его проницательностью. Я не могу, конечно, поверить, что Демарат не желает успеха моему походу. Я сужу об этом потому, что он говорил раньше, и из самого дела. Правда, один гражданин, завидуя счастью другого, может своим молчанием проявлять враждебность и не дать полезного совета, когда другой к нему обратится за этим, если только он не достиг вершин доблести. А такие люди — редкость. Однако гостеприимец более всех радуется благополучию друга, и когда друг обращается за советом, то дает ему наилучший. Поэтому я повелеваю всем впредь не оскорблять Демарата, так как это — мой друг».

238. После этого Ксеркс пошел между мертвыми телами [осматривать поле битвы]. [Увидев тело Леонида], он повелел отрубить голову и посадить на кол (царь узнал, что Леонид был царем и полководцем лакедемонян). По многим другим признакам, и в особенности же после такого приказа, мне стало ясно, что никого из своих врагов при жизни царь Ксеркс не ненавидел столь яростно, как Леонида. Иначе никогда бы он не учинил такого надругательства над телом павшего. Ведь из всех известных мне народов именно у персов более всего в почете доблестные воины. А слуги, получившие приказание царя, исполнили его.

239. Я же возвращусь теперь к тому месту, где я прервал свое повествование. Лакедемоняне первыми получили весть о сборах царя в поход на Элладу. Поэтому-то они и отправили посольство к дельфийскому оракулу, и им было дано в ответ изречение, приведенное мною немного раньше. А пришло к ним это известие о предстоящем походе удивительным способом.

Демарат, сын Аристона, который бежал к мидянам, как мне думается (и это, вероятно, так и есть), не был расположен к лакедемонянам. Можно предположить поэтому, что действовал он так не по доброй воле, а из злорадства. Когда Ксеркс задумал поход на Элладу, Демарат как раз находился в Сусах. Узнав о походе, Демарат захотел послать весть лакедемонянам. Так как иным способом он не мог известить лакедемонян (из страха, что будет обнаружен), то придумал вот какую хитрость. Взяв двухстороннюю дощечку [для письма], он соскоблил с нее воск. Затем на дереве дощечки написал замысел царя и снова залил воском написанное, чтобы чистая дощечка не могла возбудить подозрения у дорожных стражей. Когда же дощечку доставили в Лакедемон, то лакедемоняне не могли понять, [что́ это значит]. Наконец, как мне рассказывали, дочь Клеомена, супруга Леонида, Горго разгадала смысл [посылки]. Она сказала, что нужно соскоблить воск и тогда на дереве обнаружатся буквы. Лакедемоняне так и сделали, нашли надпись и, прочитав ее, отослали остальным эллинам. Так, по рассказам, распространилась весть [о походе].

ФУКИДИД

ИСТОРИЯ

КНИГА ПЕРВАЯ

1. ФУКИДИД афинянин описал войну пелопоннесцев с афинянами, как они воевали между собой. Приступил же он к своему труду тотчас после начала военных действий, предвидя, что война эта будет важной и наиболее достопримечательной из всех бывших дотоле. А рассудил он так, потому что обе стороны взялись за оружие, будучи в расцвете сил и в полной боевой готовности; и кроме того, он видел, что и остальные эллинские города либо уже примкнули к одной из сторон сразу после начала войны, либо намеревались сделать это при первой возможности. (2) И в самом деле война эта стала величайшим потрясением для эллинов и части варваров, и, можно сказать, для большей части человечества. (3) И хотя то, что предшествовало войне, а тем более, что происходило еще раньше, установить точно не было возможности в силу отдаленности от нашего времени, но все же на основании проверенных и оказавшихся убедительными свидетельств я пришел к выводу, что все эти исторические события далекого прошлого не представляли ничего значительного как в военном отношении, так и в остальном.

2. Очевидно, что страна, называемая ныне Элладой, лишь с недавнего времени приобрела оседлое население; в древности же там происходили передвижения племен, и каждое племя покидало свою землю всякий раз под давлением более многочисленных пришельцев. (2) Действительно, существующей теперь торговли тогда еще не было, да и всякого межплеменного общения на море и на суше. И земли свои возделывали настолько лишь, чтобы прокормиться. Они не имели лишних достатков и не делали древесных насаждений (ведь нельзя было предвидеть, не нападет ли враг и не отнимет ли все добро, тем более что поселения не были укреплены). Полагая, что они смогут добыть себе пропитание повсюду, люди с легкостью покидали

насиженные места. Поэтому-то у них не было больших городов и значительного благосостояния. (3) Чаще всего такие передвижения населения происходили в наиболее плодородных частях страны, именно в так называемой ныне Фессалии и Беотии, а также в большей части Пелопоннеса (кроме Аркадии) и в остальных плодородных областях. (4) Ведь как раз там, где плодородие почвы приводило к некоторому благосостоянию, начинались гражданские раздоры, отчего эти поселения теряли способность обороняться и вместе с тем чаще привлекали к себе алчность чужеземцев. (5) В Аттике же при скудости ее почвы очень долго не было гражданских междоусобиц, и в этой стране всегда жило одно и то же население. (6) И вот одно из важнейших проявлений того, что в других областях Эллады из-за переселений число жителей возрастало неодинаково по сравнению с Аттикой: самые могущественные изгнанники из всей Эллады стекались в Афины, где они чувствовали себя в безопасности. Получая права гражданства, эти пришельцы настолько увеличили уже с древних времен население города, что афиняне впоследствии высылали поселения даже в Ионию, поскольку сама Аттика была недостаточно обширна, чтобы вместить такое множество народа.

3. На скудость материальных средств в древности особенно ясно указывает еще и следующее. Действительно, до Троянской войны Эллада, по-видимому, не совершила сообща ничего значительного. (2) Как я полагаю, вся страна тогда еще и не носила этого имени, а до Эллина, сына Девкалиона, его и вовсе даже не существовало, но отдельные народности (как пеласги, так и другие) давали ей свое имя. После же того, как Эллин с сыновьями захватил власть во Фтиотиде, а другие города начали призывать их на помощь, отдельные племена одно за другим уже в силу близкого общения друг с другом мало-помалу стали называться эллинами, но во всеобщее употребление это название вошло лишь недавно. (3) Наилучшее доказательство этому дает Гомер. Ведь Гомер, хотя он жил гораздо позже Троянской войны, нигде не обозначает все племена одним общим именем эллинов и никого так не называет, кроме воинов дружины Ахиллеса из Фтиотиды — они-то и были первыми эллинами. Остальных же Гомер в своих поэмах именует данайцами, аргивянами или ахейцами; не употребляет он и слова «варвары»,— очевидно, оттого, что эллины тогда еще не отде-

лились от них и не объединились под одним именем. (4) Как бы то ни было, отдельные племена, принявшие имя эллинов и говорившие на общепонятном для всех языке, до Троянской войны вследствие слабости и отсутствия взаимных связей ничего не совершили сообща. Да и в этом походе они смогли выступить совместно лишь после того, как приобрели больше опыта в мореходном деле.

4. Как нам известно из предания, Минос первым из властителей построил флот и приобрел господство над большей частью нынешнего Эллинского моря. Он стал владыкой Кикладских островов и первым основателем колоний на большинстве из них и, изгнав карийцев, поставил там правителями своих сыновей. Он же начал и истреблять морских разбойников, чтобы увеличить свои доходы, насколько это было в его силах.

5. Ведь уже с древнего времени, когда морская торговля стала более оживленной, и эллины, и варвары на побережье и на островах обратились к морскому разбою. Возглавляли такие предприятия не лишенные средств люди, искавшие и собственной выгоды, и пропитания неимущих. Они нападали на не защищенные стенами селения и грабили их, добывая этим бóльшую часть средств к жизни, причем такое занятие вовсе не считалось тогда постыдным, но напротив, даже славным делом. (2) На это указывают обычаи некоторых материковых жителей (у них еще и поныне ловкость в таком занятии слывет почетной), а также древние поэты, у которых приезжим мореходам повсюду задают один и тот же вопрос — не разбойники ли они,— так как и те, кого спрашивают, не должны считать позорным это занятие, и у тех, кто спрашивает, оно не вызывает порицания. (3) Они грабили друг друга также и на суше. И поныне во многих областях Эллады живут люди, у которых существует еще этот старинный образ жизни, как, например, у озольских локров, в Этолии, Акарнании и других областях материка. Обычай носить оружие сохранился в домашнем обиходе этих материковых жителей со времен древнего занятия разбоем.

6. В те времена вся Эллада носила оружие, ибо селения были неукреплены, да и пути сообщения небезопасны, и поэтому жители даже и дома не расставались с оружием подобно варварам. (2) Те области Эллады, где такой быт еще сохранился, служат явным

доказательством тому, что подобный жизненный уклад некогда существовал и во всей Элладе. (3) Афиняне прежде всех перестали носить оружие в мирное время и в условиях спокойствия перешли к более пышному образу жизни. Только недавно пожилые люди из состоятельной среды оставили такое проявление изнеженности, как ношение льняных хитонов и сложной прически, закалываемой золотыми булавками в форме цикад. Поэтому и у ионян, связанных с афинянами племенным родством, эта манера одеваться также еще долго сохранялась. (4) Лакедемоняне первыми стали носить простую одежду нынешнего времени, и у них люди более состоятельные вели большей частью образ жизни одинаковый с простым народом. (5) Они впервые также ввели в обычай открыто обнажаться и натирать тело маслом, делая телесные упражнения. В древности даже на Олимпийских состязаниях борцы выступали в набедренных повязках, и этот обычай носить пояса был оставлен лишь несколько лет назад. У некоторых варваров, особенно у азиатских, и теперь еще на состязаниях в кулачном бое и борьбе участники также выступают в поясах. (6) Можно указать много и других обычаев древней Эллады, схожих с обычаями современных варваров.

7. Города, основанные в последнее время, когда мореплавание сделалось более безопасным, а денежные средства возросли, строились на самом побережье, укреплялись стенами и занимали предпочтительно перешейки (ради торговых удобств и для защиты от враждебных соседей). Древние же города как на островах, так и на материке, напротив, строились в некотором отдалении от моря для защиты от постоянных грабежей (ведь грабили не только друг друга, но и все прочее прибрежное население), поэтому они еще до сих пор находятся в глубине страны.

8. Но разбойниками были островитяне — карийцы и финикияне, поселения которых находились на большинстве островов. Вот доказательство этого. Когда афиняне в эту войну произвели очищение Делоса и все гробницы были увезены с острова, то свыше половины покойников оказалось карийцами: их опознали по оружию, погребенному вместе с ними, и по способу захоронения, существующему у них и поныне. (2) После установления морского господства Миноса мореходство стало более оживленным, ибо Минос, изгнав разбойников, заселил бóльшую часть находив-

шихся под их властью островов. (3) И некоторые приморские жители, которые теперь стали зажиточнее и сидели более прочно на земле (как это и естественно у людей, которые стали жить богаче), окружили свои города стенами. Стремление к экономической выгоде побуждало более слабые города терпеть политическую зависимость от более сильных, а могущественные, пользуясь своим богатством, подчиняли себе малые. (4) Хотя эллинские города уже давно пребывали в таком состоянии, но в поход под Трою они выступили лишь спустя много времени.

9. Агамемнон, полагаю я, вовсе не потому стал во главе похода, что женихи Елены, которых он вел с собой, были связаны клятвой, данной Тиндарею, а оттого, что он был могущественнее всех своих современников. (2) По рассказам людей, получивших от предков самые достоверные предания об исторических событиях в Пелопоннесе, Пелопс первым добыл себе власть ценою больших сокровищ, с которыми он прибыл из Азии к людям бедным. Он добился того (хотя и был пришельцем), что страну назвали его именем, и потомки его впоследствии достигли еще большего могущества. Еврисфей был убит в Аттике Гераклидами, после того как доверил Микены и царскую власть Атрею, брату своей матери (бежавшему раньше от своего отца вследствие убийства Хрисиппа). Когда Еврисфей не вернулся из похода, Атрей получил царскую власть над микенцами, которые из страха перед Гераклидами добровольно согласились на это, ибо Атрей, будучи человеком могущественным, расположил к себе и микенский народ, и всех других подвластных Еврисфею. Так-то Пелопиды стали могущественнее потомков Персея. (3) Все это могущество Агамемнон, очевидно, унаследовал и, кроме того, превосходил остальных своим флотом, и потому, выступая в поход, он повел за собой войско не столько из-за приязни к нему других вождей, а скорее оттого, что внушал им страх. Он и сам прибыл со множеством кораблей, да еще, по словам Гомера (если только его можно считать достоверным свидетелем), предоставил корабли и аркадцам. (4) И в рассказе о вручении по наследству скипетра Гомер говорит, что Агамемнон властвовал

над тьмой островов и над Аргосом, царством пространным.

Конечно, живя на материке, Агамемнон не мог бы владеть островами, кроме близлежащих (а их не могло

быть много), если бы он не обладал значительным флотом. Итак, Троянский поход позволяет судить о том, каково было общее состояние Эллады к тому времени.

10. Впрочем, будь Микены даже совсем небольшими (равно как любой, существовавший тогда город, теперь, на наш взгляд, является незначительным), это еще не представляет убедительный довод для того, чтобы считать Троянский поход не столь уж великим, каким его изображают поэты и как гласит молва. (2) Если предположить, что город лакедемонян был бы разрушен и в нем уцелели бы лишь святилища и фундаменты общественных зданий, то, как я думаю, через много лет у потомков могло бы возникнуть сильное сомнение, соответствовало ли могущество лакедемонян их славе. А между тем ныне лакедемоняне — владыки двух пятых частей Пелопоннеса и стоят во главе всего полуострова да еще и множества союзников в остальной Элладе. Но так как Спарта не объединена в единое целое путем синойкизма и не имеет роскошных храмов и общественных зданий, а состоит, подобно древним городам Эллады, из отдельных деревень, то ее мощь показалась бы менее значительной, чем на самом деле. Напротив, если бы афинян постигла та же участь, то по внешнему виду могущество их города сочли бы, пожалуй, вдвое бóльшим в сравнении с действительностью. (3) Поэтому и в данном случае не следует относиться к преданию с недоверием и обращать внимание более на внешний вид городов, чем на их действительное значение. Троянский же поход следует признать самым важным из всех происходивших ранее, но уступающим теперешним походам, если опять-таки верить поэмам Гомера, хотя Гомер как поэт, вероятно, приукрасил и преувеличил это событие, но все же поход представляется довольно незначительным. (4) Действительно, поэт называет 1200 кораблей; на кораблях беотийцев, он говорит, было по 120 человек матросов, а на кораблях Филоктета — по 50. Поэт, видимо, выбирает самые большие и самые маленькие корабли. О величине других, во всяком случае в «Списке кораблей», Гомер не упоминает. На то, что все люди на кораблях были и воинами и гребцами, поэт ясно указывает при описании кораблей Филоктета. Действительно, всех гребцов он называет лучниками. Невероятно также, чтобы на кораблях были, кроме
 гребцов, какие-либо лишние люди, исключая царей и

знатнейших вождей, тем более что воинам приходилось переплывать море с военным снаряжением. К тому же у кораблей не было верхней палубы, и строились они по стародавнему обычаю скорее на манер разбойничьих судов. (5) Во всяком случае (если взять среднее число людей на самых больших и самых малых кораблях), очевидно, в поход отправилось не так уж много ахейцев, особенно если иметь в виду, что они были посланы совместно всей Элладой.

11. Причиной этого был не столько недостаток в людях, сколько скудость денежных средств. Ведь из-за трудности снабжения ахейцы выступили в поход с меньшими силами, именно с такими, какие они надеялись прокормить войной из местных средств. Когда же по прибытии ахейцы одержали победу в сражении (это ясно: ведь иначе они не смогли бы построить стену около стана), то даже и тогда они, очевидно, не использовали для войны все свое войско, но трудности добывать пищу заставили их заняться обработкой земли на Херсонесе и грабежом. По этой именно причине, вследствие раздробленности боевых сил ахейцев, троянцы легко оказывали им сопротивление в открытом поле в течение десяти лет и всегда были в состоянии помериться силами с остающимся на месте врагом. (2) Напротив, если бы ахейцы прибыли с большим запасом продовольствия и вместо обработки земли и грабежа вели бы войну упорно и всеми силами, то легко взяли бы Трою; даже действуя не все вместе, а каждый раз лишь частью сил, имеющихся в наличии, они успешно сопротивлялись; начав осаду, они взяли бы Трою гораздо скорее и без больших усилий. (3) Так что не только прежние походы были по скудости средств незначительными, но и этот, знаменитейший из всех них,— Троянский, на деле представляется не столь замечательным, как это теперь утверждает предание, сохраненное поэтами.

12. Даже и после Троянской войны в Элладе еще происходили передвижения племен и основывались новые поселения, так что страна не могла развиваться спокойно. (2) Ведь запоздалое возвращение эллинов из-под Илиона вызвало в городах много перемен и междоусобных распрей, вследствие чего изгнанники основывали новые города. Так, предки теперешних беотийцев, на шестидесятом году после взятия Илиона вытесненные фессалийцами из Арны, поселились в современной Беотии, прежде называвшейся Кадмей-

ской землей (часть их, конечно, уже раньше жила в этой стране, и к ним принадлежали беотийцы, отправившиеся под Илион), а на восьмидесятом году после падения Трои дорийцы вместе с Гераклидами захватили Пелопоннес. (3) Лишь постепенно на протяжении долгого времени установилось прочное спокойствие, так как насильственные переселения прекратились и эллины стали высылать колонии в заморские страны. Так, афиняне заселили Ионию и множество островов, Италию же и Сицилию — большей частью пелопоннесцы, так же как и некоторые области в остальной Элладе. Все эти поселения были основаны уже после Троянской войны.

13. Между тем Эллада становилась могущественнее и все более богатела; большинство городов, доходы которых также росли, подпало под власть тиранов, тогда как прежде у них была наследственная царская власть с определенными почетными правами и преимуществами. Эллины начали строить корабли и обратились к мореходству. (2) По преданию, коринфяне первыми приступили к строительству кораблей способом, уже весьма похожим на современный, и в Коринфе были построены первые в Элладе триеры. (3) Коринфский кораблестроитель Аминокл, который прибыл к самосцам приблизительно лет за триста до окончания этой войны, построил и им четыре корабля. (4) Древнейшая морская битва, как нам известно, произошла у коринфян с керкирянами (а от этой битвы до того же времени прошло около двухсот шестидесяти лет). (5) Коринфяне ведь уже с давних пор жили в городе на Истме и владели там торговым портом. Так как в древности у эллинов (живших как в самом Пелопоннесе, так и за его пределами) торговля шла через город коринфян больше по суше, чем по морю, то Коринф весьма разбогател, как об этом сообщают древние поэты: это они прозвали Коринф богатым. С оживлением судоходства и торговли коринфяне на своих кораблях взялись за уничтожение морского разбоя. После того как был устроен торговый порт, город коринфян стал еще богаче от притока доходов с суши и с моря. (6) У ионян же флот появился гораздо позднее, уже при Кире, первом персидском царе, и его сыне Камбисе. С этим флотом ионяне во время войны с Киром некоторое время удерживали господство на море, у своих берегов. И Поликрат, тиран Самоса, при
 Камбисе также владел сильным флотом. Он подчинил

себе, кроме других островов, также и Рению, которую посвятил Аполлону Делоскому. Наконец, и фокейцы, основавшие Массалию, побеждали карфагенян в морских битвах.

14. Таковы были наиболее могущественные морские державы. По-видимому, у них (хотя тогда уже сменилось много поколений после Троянской войны) было мало триер, но они снаряжали еще пентеконтеры и длинные военные корабли, подобные кораблям троянских времен. (2) Лишь незадолго до мидийских войн и кончины Дария (который стал царем персов после Камбиса) у сицилийских тиранов и у керкирян появилось уже много триер. Ведь это были самые значительные морские державы эллинов в последнее время перед походом Ксеркса. (3) Действительно, у эгинцев и афинян (и, возможно, у некоторых других городов) тогда были лишь небольшие корабли, в большинстве — пентеконторы. Только позднее, во время войны с эгинцами, когда уже ожидали нападения Варвара, Фемистокл убедил афинян построить знаменитый флот, с которым они и дали бой варварам. Впрочем, и эти корабли еще не имели сплошной палубы.

15. Столь незначительны были морские силы эллинов как в древнее время, так и впоследствии. Все же те города, которые ревностно занялись мореходством, достигли большого могущества, добывая себе богатства и распространяя свое господство на другие города. Так, на своих кораблях они нападали на острова и подчиняли их себе, особенно те, у кого своей земли было недостаточно. (2) Но на суше никогда не доходило до такой войны, которая привела бы к возникновению крупной военной силы. Ведь все войны, какие случались, велись только между соседями, и дальних завоевательных походов за пределы своей земли эллины не совершали. У могущественных городов тогда еще не было зависимых союзников, а более слабые города не желали добровольно участвовать в общих походах, и каждый воевал с соседями на свой страх и риск. (3) Только однажды, уже в древнее время, в войне халкидян с эретрийцами остальные эллинские государства примкнули к той или другой из воюющих сторон.

16. Между тем у разных городов возникли различные препятствия для их дальнейшего роста. С усилением могущества ионян на них во главе персидской державы пошел войной Кир. Сокрушив царство Креза, он

завоевал все земли по сю сторону реки Галиса до моря и лишил свободы города на материке. Впоследствии Дарий с помощью финикийского флота покорил также и острова.

17. Все тираны, сколько их ни было в эллинских городах, управляли только в своих личных интересах: их политика сводилась, в сущности, к заботам о собственной особе, своем доме и к укреплению его положения, они не совершили ничего значительного, и каждый только воевал со своими соседями. Только в Сицилии тираны достигли большого могущества. (2) Так-то развитию Эллады долгое время мешали различные препятствия. Поэтому она не могла сообща совершить ничего великого, а отдельные города были слишком мало предприимчивы.

18. Афинские тираны, да и большинство их в остальной Элладе (которая уже ранее долго находилась под властью тиранов), были в конце концов, за исключением сицилийских тиранов, изгнаны лакедемонянами. Лакедемон после его заселения дорийцами, и поныне там живущими, больше всех городов, насколько нам известно, страдал от междоусобных распрей. Однако уже издревле город управлялся хорошими законами и никогда не был под властью тиранов. Около 400 лет или несколько больше минуло до конца этой войны, с тех пор как у лакедемонян установилось одно и то же государственное устройство. Достигнув по этой причине могущества, они и в других городах устанавливали такой же порядок. Через несколько лет после изгнания тиранов из Эллады произошла битва мидян с афинянами при Марафоне. (2) А на десятый год после нее Варвар снова пошел великим походом, чтобы поработить Элладу. Ввиду грозной опасности, нависшей над Элладой, лакедемоняне, как самые могущественные, стали во главе союзного войска эллинов, а афиняне при вторжении мидян решили покинуть свой город. Со всем своим добром они сели на корабли и стали мореходами. После изгнания общими силами Варвара, немного спустя все отпавшие от царя эллины и их союзники присоединились частью к афинянам, частью же к лакедемонянам. Действительно, оба эти города были тогда самыми могущественными, один на суше, другой — на море. (3) Этот военный союз, правда, сохранялся недолго. Лакедемоняне и афиняне, разделенные враждой, стали вместе с союзниками воевать

 друг с другом и всякий раз, когда где-нибудь возника-

ла вражда между остальными эллинскими городами, они присоединялись либо к Афинам, либо к Лакедемону. Поэтому со времен мидийских войн вплоть до этой войны они то заключали мирные договоры, то воевали друг с другом или с союзниками (если те отпадали от них), и совершенствовали военное дело, и приобретали все больше опыта, изощряясь в опасностях.

19. Стоя во главе союзников, лакедемоняне не заставляли их платить подати, но заботились лишь о том, чтобы у тех была всегда выгодная для лакедемонян олигархическая форма правления. Афиняне же со временем заставили союзников (кроме хиосцев и лесбосцев) выдать корабли и наложили на всех денежную подать. Поэтому-то их боевая мощь перед этой войной возросла даже больше, нежели в ту пору, когда союз еще находился в расцвете.

20. Итак, вот к чему я пришел, исследуя древнее состояние Эллады, хотя и трудно было доверять полностью любому свидетельству. Ведь люди склонны принимать на веру от живших раньше без проверки сказания о прошлом, даже если они касаются их родины. (2) Так, большинство афинян, например, считают, что Гармодий и Аристогитон убили Гиппарха (который был тираном), и не знают, что правил Гиппий, так как он был старшим из сыновей Писистрата, Гиппарх же и Фессал были его братьями. Но Гармодий и Аристогитон именно в тот день непосредственно перед деянием заподозрили, что соучастники их донесли о замысле Гиппию, и отказались от убийства, предполагая, что Гиппий был заранее предупрежден. Но так как они хотели, прежде чем их схватят, сперва совершить нечто достопамятное, то убили Гиппарха, встретив его у так называемого Леокория, где он распоряжался панафинейским шествием. (3) Да и прочие эллины о многих других установлениях и обычаях, существующих еще и поныне, память о которых не изглажена временем, также имеют неправильные представления. Так, например, думают, что лакедемонские цари при голосовании имеют не один, а два голоса каждый и что у лакедемонян был питанатский отряд, которого вообще никогда не существовало. Ибо большинство людей не затрудняет себя разысканием истины и склонно усваивать готовые взгляды.

21. Как ни затруднительны исторические изыскания, но все же недалек от истины будет тот, кто признáет

ход событий древности приблизительно таким, как я его изобразил, и предпочтет не верить поэтам, которые преувеличивают и приукрашивают воспеваемые ими события, или историям, которые сочиняют логографы (более изящно, чем правдиво), историям, в большинстве ставшим баснословными и за давностью не поддающимся проверке. На основании приведенных выше очевидных доказательств он сможет убедиться, что результаты исследования столь древних событий достаточно надежны. (2) Нынешняя же война (хотя люди обычно, только пока воюют, придают текущей войне самое важное значение, а по ее окончании склонны удивляться больше войнам прежнего времени) докажет людям, которые судят по самим фактам, что она была событием более важным, чем прежние войны.

22. Что до речей (как произнесенных перед войной, так и во время ее), то в точности запомнить и воспроизвести их смысл было невозможно — ни тех, которые мне пришлось самому слышать, ни тех, о которых мне передавали другие. Но то, что, по-моему, каждый оратор мог бы сказать самого подходящего по данному вопросу (причем я, насколько возможно ближе, придерживаюсь общего смысла действительно произнесенных речей), это я и заставил их говорить в моей истории. (2) Что же касается событий этой войны, то я поставил себе задачу описывать их, получая сведения не путем расспросов первого встречного и не по личному усмотрению, но изображать, с одной стороны, лишь те события, при которых мне самому довелось присутствовать, а с другой — разбирать сообщения других со всей возможной точностью. (3) Основательная проверка сведений была делом нелегким, потому что свидетели отдельных событий давали разное освещение одним и тем же фактам в зависимости от их расположения к одной из воюющих сторон или силы памяти. (4) Мое исследование при отсутствии в нем всего баснословного, быть может, покажется малопривлекательным. Но если кто захочет исследовать достоверность прошлых и возможность будущих событий (могущих когда-нибудь повториться по свойству человеческой природы в том же или сходном виде), то для меня будет достаточно, если он сочтет мои изыскания полезными. Мой труд создан как достояние навеки, а не для минутного успеха у слушателей.

23. Из прежних событий, до Пелопоннесской войны, самым важным была мидийская война, однако и она

быстро решилась двумя битвами на море и двумя на суше. Напротив, нынешняя война длилась очень долго, и в ходе ее сама Эллада испытала такие бедствия, каких никогда не знала ранее за такое же время. (2) Никогда не было захвачено и разрушено столько городов — будь то варварами или воюющими сторонами (иным после завоевания пришлось даже испытать еще и смену населения); никогда еще не было столько изгнаний и кровопролития (как в ходе военных действий, так и вследствие внутренних распрей). (3) То, что раньше было известно только по преданию, а в действительности не всегда подтверждалось, теперь оказывалось обычным делом: страшные землетрясения одновременно распространились на бóльшую часть страны, затмения солнца стали происходить чаще, затем возникла засуха (в некоторых областях даже голод), и, наконец, разразилась ужасная моровая болезнь, погубившая значительную часть населения Афин. И все эти бедствия обрушились на Элладу вместе с нынешней войной. (4) Начали же войну афиняне и пелопоннесцы, нарушив 30-летний мир, который заключили после завоевания Евбеи. (5) Прежде всего скажу о причинах разрыва мирного договора и взаимных жалоб сторон, чтобы никому не пришлось доискиваться, отчего разразилась в Элладе столь великая война. (6) Истинным поводом к войне (хотя и самым скрытым), по моему убеждению, был страх лакедемонян перед растущим могуществом Афин, что и вынудило их воевать. Причины же, на которые обе стороны открыто ссылались (из-за чего они, по их словам, нарушили мир, открыв военные действия), были следующие.

24. Есть по правую руку при входе в Ионический залив город Эпидамн. В соседней области живут тавлантии — варвары иллирийского племени. (2) Город основали керкиряне, основателем же колонии был Фалий, сын Эратоклида, из рода Гераклидов, коринфянин, которого по старинному обычаю призвали из метрополии. В основании колонии приняли участие также некоторые коринфяне и другие дорийцы. (3) С течением времени Эпидамн стал большим городом с многочисленным населением. (4) Однако после многих лет междоусобных распрей город, гласит предание, понес тяжкий урон в какой-то войне с соседями-варварами и поэтому в значительной степени потерял свое былое могущество. (5) Незадолго до этой войны народ из-

гнал из города главарей знатных родов, а те в союзе с варварами принялись грабить жителей города на суше и на море. (6) Будучи в таком бедственном положении, горожане отправляют посольство в Керкиру, как в свою метрополию, с просьбой не покидать их на произвол судьбы, но примирить с изгнанниками и прекратить войну с варварами. (7) Об этом послы и просили, воссев как молящие о защите в святилище Геры в Керкире. Керкиряне же не вняли просьбе послов, и те были вынуждены уехать, ничего не добившись.

25. Поняв, что им нечего ждать помощи от Керкиры, и не находя выхода из настоящего затруднения, эпидамняне отправили послов в Дельфы вопросить бога, не следует ли им отдать свой город под покровительство Коринфа, как их второй метрополии, и постараться получить оттуда помощь. Бог в ответ повелел отдать город под покровительство коринфян и признать их верховенство. (2) Тогда эпидамняне прибыли в Коринф и по велению оракула отдали свою колонию под покровительство коринфян, ссылаясь на то, что основатель их города происходил из Коринфа. Затем они сообщили изречение оракула и просили не оставить их в беде и оказать помощь. (3) Коринфяне по всей справедливости предоставили свою помощь эпидамнянам. Они полагали, что Эпидамн одинаково можно считать как их колонией, так и колонией керкирян; вместе с тем они обещали помощь и из ненависти к керкирянам, потому что те, будучи их колонистами, пренебрегали ими. (4) И действительно, керкиряне на всенародных празднествах не предоставляли коринфянам установленных обычаем почестей и не давали ни одному коринфянину (как это было принято в прочих колониях) права первенства при жертвоприношениях. И вообще выказывали коринфянам свое пренебрежение, так как в то время Керкира по богатству стояла наравне с богатейшими эллинскими городами, да и к войне была подготовлена лучше других. Керкиряне гордились своим весьма сильным флотом и тем, что когда-то прежде на Керкире обитали славные мореходы феаки (по этой-то причине керкиряне придавали особое значение флоту и действительно были достаточно могущественны: в начале войны у них было 120 триер).

26. Итак, имея все основания упрекать керкирян, ко-
 ринфяне охотно направили в Эпидамн просимую по-

мощь: они предоставили право всем желающим отправиться туда колонистами и послали гарнизон из амбракиотов, левкадян и собственных граждан. (2) Выступили они по суше в Аполлонию (одну из колоний коринфян) из опасения, как бы керкиряне не помешали им переправиться морем. (3) Весть о прибытии в Эпидамн поселенцев и гарнизона, а также о том, что колония отдалась под покровительство коринфян, вызвала на Керкире сильное раздражение. Керкиряне тотчас же отправили в Эпидамн 25 кораблей и вскоре затем вторую эскадру и, угрожая, потребовали вернуть изгнанников и отослать назад коринфский гарнизон и поселенцев (на Керкиру между тем прибыли изгнанники-аристократы из Эпидамна: ссылаясь на могилы предков и на родственные связи, они молили керкирян вернуть их на родину). (4) Однако эпидамняне все-таки не подчинились; тогда керкиряне в союзе с иллирийцами выступили на 40 кораблях в поход на Эпидамн, везя с собой изгнанников, чтобы вернуть их силой. (5) Расположившись станом перед городом, керкиряне объявили через глашатая: «Всякий эпидамнянин или чужеземец может по желанию беспрепятственно покинуть город; в противном случае с ними поступят как с врагами». После того как эпидамняне не подчинились приказу, керкиряне начали осаду города, расположенного на перешейке.

27. Лишь только коринфяне от прибывших к ним вестников из Эпидамна узнали об осаде, они стали готовиться к походу, вместе с тем они пригласили всех желающих на основе справедливости и равноправия участвовать в основании колонии в Эпидамне. Если же кто из желающих отправиться еще не готов к отъезду, то может остаться, внеся в казну 50 коринфских драхм. Нашлось много как пожелавших ехать, так и внесших деньги. (2) Затем коринфяне обратились к мегарцам с просьбой послать корабли для сопровождения на случай возможных помех со стороны керкирян. Мегарцы снарядили 8 кораблей, чтобы плыть вместе с коринфянами, жители Палы из Кефаллении — 4. (3) Эпидавр, к которому они также обратились с просьбой, прислал 5 кораблей, гермионяне — 1, Трезен — 2, Левкада — 10, Амбракия — 9; у Фив же и Флиунта коринфяне просили денег, а у Элеи — кораблей без экипажей и денег. Сам Коринф снарядил 30 кораблей с тремя тысячами гоплитов.

28. Когда керкиряне узнали об этих приготовлениях, то прибыли в Коринф вместе с послами лакедемонян

и сикионян (которых они взяли с собой) и потребовали от коринфян отозвать гарнизон и колонистов из Эпидамна, ибо у них нет права на Эпидамн. (2) Если же коринфяне выставляют какие-либо притязания на этот город, то они, керкиряне, желали бы передать спор на суд тех городов в Пелопоннесе, с которыми обе стороны договорятся, и какой из сторон колония будет присуждена, та и должна владеть ею. Они согласны также предоставить решение дела дельфийскому оракулу. (3) Войну они не хотят начинать. Если же коринфяне прибегнут к силе, заявили керкиряне, то они также будут вынуждены искать себе иных друзей, хотя бы и нежелательных, вместо тех, что у них есть теперь. (4) Коринфяне же отвечали им: если керкиряне не уведут свои корабли и варваров от Эпидамна, тогда они и будут обсуждать этот спор с ними. Но пока Эпидамн в осаде, им, коринфянам, не пристало здесь заводить тяжбы с керкирянами. (5) Керкиряне возражали на это: если коринфяне уведут свои военные силы из Эпидамна, то они готовы сделать то же. Они согласны также на то, чтобы, оставаясь на прежних местах, заключить перемирие до решения дела в третейском суде.

29. Однако коринфяне не желали и слышать о подобных предложениях. Лишь только команда была посажена на корабли и союзники прибыли, они выслали вперед глашатая объявить войну керкирянам. Затем, подняв якоря, они на 75 кораблях с 2000 гоплитов отплыли к Эпидамну, чтобы оружием решить спор с керкирянами. (2) Командовали коринфской эскадрой Аристей, сын Пеллиха, Калликрат, сын Каллия, и Тиманор, сын Тиманфа, а во главе сухопутных войск стояли Архетим, сын Евритима, и Исархид, сын Исарха. (3) Когда коринфская эскадра подошла к Актию в Анакторийской области, у входа в Ампракийский залив, где находится известное святилище Аполлона, керкиряне выслали навстречу глашатая в лодке с приказанием остановиться. Одновременно керкиряне начали сажать команду на свои корабли, отремонтировали старые суда, сделав их годными для плавания, и оснастили остальные. (4) Когда глашатай передал, что их мирные предложения отвергнуты, керкиряне посадили команду на свои корабли (числом 80, потому что 40 кораблей осаждали Эпидамн) и в боевом порядке повернули на врага и вступили в сражение. Они одержали решительную победу, уничтожив 15 ко-

ринфских кораблей. (5) В тот же самый день, по совпадению, керкирянам, осаждавшим Эпидамн, удалось принудить город к сдаче под условием, что чужеземцы будут проданы в рабство, а коринфяне в оковах будут ждать окончательного решения своей участи.

30. После этой морской битвы керкиряне воздвигли трофей на мысе Левкимме (что на Керкире), а потом казнили всех остальных пленников, попавших им в руки, кроме коринфян; коринфян же заключили в оковы. (2) Позднее, после того как коринфяне и их союзники на кораблях возвратились на родину, керкиряне захватили господство над всеми водами в окрестных областях. Затем они отплыли к коринфской колонии Левкаде, разорили ее и предали огню Киллену, торговую гавань элейцев, за то, что те предоставили коринфянам корабли и денежные средства. (3) Таким образом, еще очень долго после морской битвы керкиряне господствовали на море и наносили морскими набегами урон союзникам коринфян. Ввиду тяжелого положения своих союзников коринфяне в начале следующего лета отправили эскадру и войско для охраны Левкады и прочих дружественных им городов и расположились лагерем у Актия и возле Химерия в Феспротии. (4) Керкиряне также устроили стоянку своих кораблей и сухопутных войск напротив у Левкиммы. Однако ни одна из сторон не решалась напасть, и обе эскадры простояли оставшуюся часть лета друг против друга, а с наступлением зимы возвратились домой.

31. Целый год, равно как и следующий после морской битвы, коринфяне, раздраженные неудачей, усердно готовились к войне с керкирянами. Они строили корабли и набирали за плату матросов из самого Пелопоннеса и из остальной Эллады, всеми силами стремясь подготовиться к морскому походу. (2) Узнав об этих приготовлениях, керкиряне пришли в смятение; ведь они не состояли в союзе ни с одним из эллинских городов и не заключили союзного договора ни с афинянами, ни с лакедемонянами. Поэтому они решили отправиться к афинянам, чтобы вступить с ними в союз и попытаться получить от них помощь. (3) Когда это решение стало известно коринфянам, они также отправили посольство в Афины, опасаясь, что объединение морских сил афинян и керкирян не позволит закончить войну на желательных для коринфян условиях. (4) На созванном по этому поводу чрезвычайном

народном собрании в Афинах обе стороны выступили с речами. Керкиряне сказали следующее.

32. «Справедливо, афиняне, чтобы тот, кто просит помощи у другого, как мы теперь у вас (если он не вправе рассчитывать на вознаграждение за прошлые великие благодеяния или на союзные взаимоотношения), доказал, что удовлетворение его просьбы соответствует интересам тех, к кому он обращается, или, по крайней мере, не противоречит им и что эта помощь будет встречена с неизменной благодарностью. Если же проситель не сумеет в этом убедить, то не должен гневаться, если уйдет ни с чем. (2) Ныне керкиряне послали нас просить о союзе, полагая, что смогут при нашем посредстве представить вам надежные гарантии того, что мы не останемся в долгу перед вами. (3) К сожалению, наша прежняя политика нейтралитета по отношению к вам оказалась одинаково неблагоприятной для вашей готовности помочь нам и опасной для нас при настоящем положении вещей. (4) Прежде мы добровольно никогда еще ни с кем не вступали в союз, а теперь сами пришли просить вас об этом, не имея союзников в предстоящей войне с коринфянами. И таким образом, то, что прежде мы считали благоразумной сдержанностью — именно не вступать в войну по воле других, состоя в союзе с чужим государством,— теперь обернулось безрассудством и стало источником нашей слабости. (5) Правда, в последней морской битве мы одни своими силами разбили коринфян. Однако теперь, когда они собираются напасть на нас с гораздо более мощными силами, получив помощь из Пелопоннеса и из остальной Эллады, мы видим, что уже не можем одолеть врага один на один, а вместе с тем в случае поражения нам грозит опасность оказаться под их господством. Поэтому-то мы вынуждены обратиться за помощью к вам и к любому другому городу. Мы заслуживаем снисхождения, так как не из недоброжелательства, а скорее по ошибочному расчету придерживались ранее нейтралитета, а теперь решились отступить от прежней бездеятельности.

33. Если вы благосклонно примете нашу просьбу, то и для вас этот случай будет выгоден во многих отношениях. Прежде всего потому, что вы предоставите желанную помощь несправедливо обиженным, а не тем, кто причиняет вред другим. Затем потому, что, поддержав нас в тот момент, когда решается наша
 судьба, вы окажете нам благодеяние, память о кото-

ром никогда не изгладится. И, наконец, потому, что мы обладаем сильнейшим после вашего флотом. (2) Учтите, какая это редкая удача для вас и какой тяжелый удар для ваших врагов, когда держава, которую вы охотно привлекли бы на свою сторону даже за большие деньги и суля великую признательность, теперь сама по собственному почину обращается к вам. При этом она отдает себя в ваше распоряжение, не подвергая вас никакому риску и не вовлекая в расходы, приносит вам славу великодушия и, кроме того, благодарность ваших подзащитных и, наконец, усиливает вашу боевую мощь. Лишь немногим сразу когда-либо выпадала на долю такая удача, как вам, и лишь немногие, прося сейчас о помощи, смогут предоставить в случае нужды такую же защиту и почет, каких в настоящее время ожидают от вас. (3) Что же касается войны (когда наши услуги, пожалуй, вам пригодятся), то жестоко ошибаются те, кто думает, что дело до войны не дойдет. Они не видят, что лакедемоняне стремятся к войне из страха перед вами и что коринфяне — ваши враги, столь влиятельные у них — только и думают сначала справиться с нами, чтобы потом напасть на вас. Коринфяне опасаются только, как бы мы из общей ненависти не встали вместе с вами плечом к плечу против них и как бы им не упустить хотя бы одной из двух возможностей: уничтожить нас или усилиться самим. (4) Итак, наша общая задача — первыми напасть на них; мы предлагаем вам союз, а вы примите его: лучше сейчас предупредить их замыслы, чем противодействовать им потом.

34. Если же коринфяне скажут, что мы — их колонисты, и поэтому вы не вправе принимать нас, то да будет им известно, что всякая колония почитает свою метрополию лишь пока та хорошо обращается с нею, если же встречает несправедливость, то отрекается от метрополии. Ведь колонисты выезжают не для того, чтобы быть рабами оставшихся на родине, а чтобы быть равноправными с ними. (2) Несправедливость же поведения коринфян очевидна: ведь мы предложили спор об Эпидамне перенести в третейский суд. Но они вместо законного судебного разбирательства предпочли силой оружия добиваться своих притязаний. (3) И пусть вам послужит уроком такое обращение с нами, их сородичами, чтобы вы не дали им провести себя хитростью и отказали в том, что они напрямик попросят. Ведь чем кто меньше раскаивается в своих одолжениях врагам, тем безопаснее он проживет.

35. Но вы даже не нарушите договора с лакедемонянами, если примете нас под защиту, так как мы не состоим ни в одном союзе. (2) Ведь договор этот гласит: каждому эллинскому городу, который является нейтральным, разрешается примкнуть к тому или другому союзу. (3) Недопустимо, чтобы коринфянам было позволено набирать корабельную команду не только из числа своих союзников, но и в остальной Элладе и даже в ваших собственных владениях, тогда как нам возбраняется вступать в открытый для всех союз и искать помощи где-либо в другом месте, а вам будет вменено в правонарушение, если вы согласитесь на нашу просьбу. (4) Гораздо больше будет оснований у нас сетовать, если мы не убедим вас. Ведь нас, находящихся в опасности, и вовсе не врагов ваших, вы оттолкнете, тогда как коринфянам (хотя они недруги и нападают на вас) вы не только не станете чинить препятствий, но даже спокойно позволите усилить их боевую мощь в ущерб вашей державе. Это будет несправедливо. Вам следовало бы или запретить набор наемников в пределах вашей державы, или послать и нам помощь (на условиях, какие вам будут угодны); лучше же всего открыто принять нас в союз и помочь своим флотом. (5) Это даст вам, как мы уже говорили, различные выгоды. Прежде всего, у нас с вами общие враги, а это самый надежный залог прочности союза; притом враги отнюдь не слабые, которые могут причинить своим противникам немало вреда. А так как предлагаемый нами союз — морской, а не сухопутный, то отказ от него для вас особенно нецелесообразен. Ведь вам следует по возможности не допускать, чтобы кто-либо другой, кроме вас, держал флот; если же вы не в состоянии этому помешать, то должны по крайней мере иметь на своей стороне того, у кого флот наиболее сильный.

36. Иной из вас сочтет эти наши предложения и в самом деле выгодными, но все же, хотя и убежденный нашими доводами, побоится нарушить договор. Но он должен понять, что такая боязнь, подкрепленная с нашей стороны силой, скорее устрашит врагов, уверенность же, опирающаяся только на верность договору (если нас не примут в союз), будет проявлением слабости, менее всего страшной могущественным врагам. Теперь дело идет уже не о Керкире, а о самих Афинах: плохую услугу оказывает Афинам тот, кто, тща-

тельно обдумывая настоящее положение, все же не решается, ввиду предстоящей и почти что неизбежной войны, вступить в союз с нашим городом (а ведь дружба или вражда с ним имеет для вас величайшее значение). (2) Действительно, местоположение Керкиры особенно благоприятно для плавания вдоль берегов Италии и Сицилии: оно позволяет закрыть доступ флоту, идущему оттуда на помощь пелопоннесцам, а наши морские силы — отправить в Италию и Сицилию, во многих других отношениях оно представляется также весьма выгодным. (3) Короче говоря, вы должны понять и решить, что вам не следует покидать нас на произвол судьбы. Теперь ведь у эллинов есть только три значительных флота: ваш, наш и коринфский. Если вы допустите объединение двух последних флотов, и если коринфяне нас покорят, то вам придется потом одновременно сражаться на море с керкирянами и пелопоннесцами. Если же вы примете нас в союз, то сможете, усилив свой флот нашими кораблями, успешно вести войну с ними». Так говорили керкиряне, а после них коринфяне сказали следующее.

37. «Так как керкиряне говорили здесь не только о приеме их в ваш союз, но объявили, будто мы обходимся с ними несправедливо и противозаконно ведем войну, то необходимо и нам, прежде чем обратимся к делу, сначала высказаться по этим двум пунктам. Вы узнаете тогда, будучи более надежно подготовлены, в чем наше требование, и поймете, что у вас есть убедительное основание отвергнуть их просьбу. (2) По их утверждению, они никогда ни с кем не заключали союза из мудрой осторожности. Однако не из честных побуждений они поступали так, а по злому умыслу, так как не желали никого иметь союзником в своих неправых поступках или свидетелем, которого им пришлось бы стыдиться. (3) Вместе с тем выгодное островное положение их города позволяет керкирянам в значительно большей степени быть судьями своих собственных злодеяний, так как они не связаны никакими союзными договорами. Сами они очень редко посещают гавани соседей, зато чужеземным кораблям приходится по необходимости весьма часто из-за непогоды заходить на Керкиру. (4) И при таких обстоятельствах они еще выставляют на вид свой нейтралитет, направленный не к тому, чтобы не быть соучастниками чужих преступлений, а чтобы бесчинствовать самим. Там, где возможно, они открыто прибегают к насилию,

а там, где представится удобный случай, они бесстыдно захватывают чужое. (5) Если бы они были действительно столь добропорядочными людьми, как они это утверждают, то чем менее они уязвимы для своих соседей, тем больше могли бы выказать свои достоинства, руководствуясь справедливостью при устранении взаимных претензий.

38. В действительности же они вовсе не относятся добропорядочно ни к другим, ни к нам. Хотя они и наши колонисты, но с давних пор совершенно отделились и теперь даже воюют с нами, да еще утверждают в свое оправдание, что не для того выселились, чтобы терпеть от нас несправедливость и обиды. (2) Мы же говорим: не для того и мы вывели колонию, чтобы керкиряне и их послы нагло оскорбляли нас, а чтобы стоять во главе их и пользоваться подобающим уважением согласно обычаю. (3) По крайней мере все остальные наши колонии оказывают нам этот почет, и колонисты нас очень уважают. (4) Ясно, что если большинству мы пришлись по душе, то это доказывает, что и у керкирян нет оснований для недовольства. И мы не пошли бы войной против нашей собственной колонии, не встретив с ее стороны столь вызывающего пренебрежения. (5) Но пусть даже мы в самом деле виноваты: керкирянам сделало бы честь считаться с нашим недовольством, а нам было бы стыдно применить силу, видя их скромность. (6) В своем высокомерии, кичась богатством, керкиряне решили, что могут наносить нам всяческие обиды, и ныне силой захватили наш Эпидамн, о котором, пока он был в беде, они вовсе не заботились, а теперь держат в своей власти.

39. Далее, керкиряне утверждают, что были готовы заранее подчиниться решению третейского суда. Однако такое предложение имеет больший вес, если исходит не от того, кто сам находится в выгодном положении, а от того, кто, прежде чем взяться за оружие, ставит себя в равное положение с противником и на словах и на деле. (2) Керкиряне же выступили со своим прекрасным предложением третейского суда только после начала осады Эпидамна, когда убедились, что мы не будем глядеть на это сквозь пальцы. Мало им преступлений, совершенных ими одними, так вот теперь они являются сюда, чтобы сделать вас не столько союзниками, как соучастниками своих преступлений и заступниками в споре с нами. (3) Им следовало бы прийти к вам проситься в союз тогда, когда им еще не-

чего было бояться, а не теперь, когда после ссоры с нами им грозит опасность. Тогда вы ничего не получили от них, а теперь, когда они в беде, вы должны еще помогать им. Хотя вы и не причастны к их преступлениям, но все же перед нами вы будете виновны наравне с керкирянами. Но только в том случае, если бы в свое время они объединились с вами, вам было бы справедливо отвечать сообща за последствия этого шага.

40. Итак, ясно, что мы имеем полное основание жаловаться на керкирян и что они насильники и корыстные люди. Теперь надлежит еще доказать, что вы не имеете права принимать их в союз. (2) Ведь если договор гласит, что каждый город, не включенный в список союзников, может по желанию присоединиться к любому союзу, то этот пункт договора не имеет в виду тех, кто вступает в союз во вред другому, а лишь тех, кто ищет защиты, не уклоняясь от своих обязательств; государству, у которого просят защиты, если оно поступает благоразумно, не должно опасаться, что нарушит этим мир и будет вовлечено в войну. А это именно вас и ждет, если вы не послушаете нас. (3) Ведь вы станете тогда не только их защитниками, но, разорвав договор с нами, сделаетесь нашими врагами. Если вы пойдете с ними, то нам, разумеется, предстоит неизбежно сражаться и с вами и с ними. (4) Впрочем, если вы желаете поступить справедливо, тогда вам скорее всего следует остаться нейтральными или же, наоборот, идти с нами против них. С Коринфом по крайней мере у вас заключен мир, а с Керкирой никогда не было даже на короткое время подобного соглашения. Не вводите в обычай брать под защиту отпавшие чужие города! (5) Ведь мы не голосовали против вас после отпадения Самоса, когда мнения прочих пелопоннесцев разделились — следует ли помогать им или нет,— а напротив, открыто высказались за то, чтобы каждый город мог наказывать своих союзников. (6) Если же вы примете в союз и возьмете под защиту провинившихся перед нами, то, очевидно, немало и ваших союзников перейдет к нам. Подобное новшество повредит скорее вам самим, нежели нам.

41. Вот наши справедливые притязания к вам, согласные с эллинскими обычаями. Но вместе с тем мы считаем уместным напомнить вам о лежащем на вас долге благодарности; ведь мы — не враги ваши, чтобы причинять вред, но и не столь близкие друзья, чтобы пользоваться услугами безвозмездно. (2) Был случай,

когда перед мидийской войной у вас не хватало военных кораблей для войны с Эгиной и вы получили 20 кораблей от коринфян. Эта наша услуга и другая, оказанная позднее, при отпадении Самоса (ведь по нашему побуждению пелопоннесцы тогда не помогли самосцам) позволили вам одолеть Эгину и наказать самосцев. (3) И это произошло при таких обстоятельствах, когда люди в борьбе с врагом обычно безразличны ко всему, кроме стремления к победе над ним. Действительно, всякого помогающего им люди считают другом (будь он раньше даже недругом), и всякого, кто стоит на пути,— врагом (хотя бы он раньше и был другом), так как поглощенные интересами момента, готовы пренебречь соображениями родства.

42. Обдумайте это, а кто из вас помоложе, пусть узнает от старших и считает своим долгом отплатить нам равной услугой; и не думайте, что хотя наши доводы и справедливы, но в случае войны другие пути будут выгодны. (2) Ведь неправый путь не всегда приводит к выгоде. Дойдет ли дело до войны, которой вас так страшат керкиряне, желая соблазнить на неправое дело, еще неизвестно. Поэтому остерегайтесь из страха перед войной навлечь этим нашу явную вражду уже в настоящее время, а не когда-то в будущем. Наконец, гораздо благоразумнее было бы рассеять старое недоверие из-за Мегар. (3) Оказанная под конец, но своевременно, услуга, будь она даже не столь значительной, может загладить и важную вину. (4) Не рассчитывайте на якобы могущественный флот, который керкиряне предлагают для союза с вами. Не чинить зла равным себе соседям — куда более надежный источник силы, чем стяжание чреватых опасностями преходящих выгод для усиления своего могущества.

43. Мы теперь находимся в таком положении, о котором ранее решительно высказывались в Лакедемоне, считая, что каждый город вправе налагать взыскания на своих союзников. Мы ожидаем ныне, что и вы не будете в этом нам помехой, и подобно тому, как мы тогда поддержали вас нашим голосованием, так и вы теперь не нанесете нам вреда своим решением. (2) Отплатите нам за равную услугу равной и помните, что настал такой момент, когда всякий, кто за нас,— наш лучший друг, а кто против — тот жестокий враг. (3) Не принимайте же в союз керкирян наперекор нам и не защищайте их бесчинств. (4) Такое решение будет справедливо и наиболее выгодно для вас самих».

44. Такова была речь коринфян. Афиняне же выслушали обе стороны и даже созывали народное собрание дважды. На первом собрании афиняне склонились скорее на доводы коринфян. На следующий же день, на вторичном собрании они передумали и приняли решение вступить в союз с Керкирой, правда, не такой, чтобы иметь общих друзей и врагов (ведь требование керкирян напасть вместе с ними на Коринф с моря означало бы для афинян нарушение договора с пелопоннесцами). Был заключен оборонительный союз на условиях взаимопомощи в случае нападения на Керкиру и Афины или на одного из их союзников. (2) Ведь афиняне были убеждены, что воевать с пелопоннесцами придется во всех случаях,и потому не желали отдавать Керкиру с ее сильным флотом в руки коринфян. Прежде всего, однако, они желали по возможности перессорить их между собой для того, чтобы в войне с Коринфом или с другой морской державой во всяком случае иметь дело с уже ослабленным противником. (3) Вместе с тем было очевидно особое благоприятное географическое положение острова Керкиры на пути в Италию и Сицилию.

45. Таким образом оценивали афиняне обстановку, заключив союз с керкирянами. После отъезда коринфских послов они послали на помощь Керкире 10 кораблей под командой Лакедемония, сына Кимона, Диотима, сына Стромбиха, и Протея, сына Эпикла. (2) Военачальникам было приказано не вступать в сражение с коринфянами, если только те не нападут на Керкиру и не вздумают высадиться там или где-либо во владениях керкирян. Этому военачальники были обязаны по возможности воспрепятствовать. Эти указания были даны, чтобы не нарушать мирного договора. (3) Итак, эти корабли прибыли на Керкиру.

46. Коринфяне же, завершив военные приготовления, на 150 кораблях отплыли против Керкиры. 10 из этих кораблей были элейские, 12 — из Мегар, 10 — с Левкады, 27 — из Ампракии и один — из Анактория; из самого же Коринфа — 90. (2) Корабли отдельных городов были под командой своих собственных начальников, коринфскими же командовал Ксеноклид, сын Евфикла, с четырьмя другими начальниками. (3) Отплыв от Левкады и подойдя к материку против Керкиры, эскадра бросила якорь у Химерия в земле феспротов. (4) Это — гавань, над которой немного далее в глубь страны лежит город Эфира в феспротийской Элеатиде.

Вблизи Эфиры изливается в море Ахеронтское озеро, куда впадает протекающая через Феспротию река Ахеронт (которая дала озеру его название). Неподалеку течет также река Фиамида, образующая границу между Феспротией и Кестриной. Между обеими реками выдается в море мыс Химерий. (5) Именно в этом месте коринфяне бросили якоря и разбили лагерь.

47. Узнав о приближении коринфской эскадры, керкиряне посадили на свои 110 кораблей экипаж под начальством Микиада, Эсимеда и Еврибата и устроили стоянку на одном из островов, называемых Сиботами. С ними были также и 10 аттических кораблей. А на мысе Левкимме стояло сухопутное войско керкирян, усиленное 1000 гоплитов из Закинфа. (2) У коринфян на материке было также большое вспомогательное варварское войско, так как жители этой части материка были их исконными друзьями.

48. Окончив все приготовления, коринфяне с трехдневным запасом продовольствия на борту вышли ночью из Химерия в открытое море, чтобы начать сражение. (2) На заре они увидели на горизонте плывущие к ним корабли керкирян. (3) Заметив друг друга, противники начали боевое построение. На правом крыле керкирян были аттические корабли, а остальную боевую линию занимали их собственные корабли, разделенные на три эскадры (во главе каждой стоял один из трех военачальников). Так выстроились керкиряне. (4) У коринфян же на правом крыле находились мегарские корабли и корабли из Ампракии, в центре — остальные союзники, отдельно друг от друга, и на левом крыле (против афинян и правого крыла керкирян) — сами коринфяне с лучшими кораблями.

49. Наконец, были даны сигналы к нападению, обе эскадры сблизились, и битва началась. На корабельных палубах с обеих сторон было много гоплитов, много лучников и метателей дротиков, так как корабли были снаряжены по старому, несовершенному способу. (2) Сражение было ожесточенным, но не в силу тактического искусства противников, и скорее напоминало сухопутную схватку. (3) Всякий раз сталкиваясь друг с другом в тесноте и суматохе, корабли не без труда снова расходились. Противники больше рассчитывали на победу гоплитов на палубе, которые сражались плечом к плечу друг с другом, причем корабли стояли спокойно на месте. Прорвать строй вражеских кораблей не пытались. Грубая сила и боевой пыл за-

меняли противникам нехватку военного искусства. (4) Всюду царил шум и беспорядочная суматоха битвы. Афинские корабли пока ограничивались тем, что появлялись рядом с керкирскими всякий раз, когда те подвергались натиску, и устрашали врагов своим присутствием; военачальники не вступали в сражение из боязни нарушить приказ афинян. (5) Больше всего страдало правое крыло коринфян. Там керкиряне с 20 кораблями обратили в бегство и затем преследовали бежавшего врага до самого материка. Затем они доплыли на кораблях до вражеского лагеря и, высадившись там, предали огню пустые палатки и разграбили имущество. (6) Здесь, таким образом, коринфяне и союзники потерпели поражение, а керкиряне остались победителями. На левом же крыле, где стояли сами коринфяне, они имели решительный успех, так как у керкирян (у которых и без того было мало кораблей) не принимали участия в бою 20 кораблей, преследовавших врага. (7) Афиняне же, заметив, что неприятель теснит керкирян, начали помогать им уже более открыто. Сначала они еще избегали вступать в сражение. Когда же стало ясно, что керкиряне бегут и коринфяне теснят их, все уже без разбора ринулись в бой и в пылу сражения афиняне сошлись с коринфянами врукопашную.

50. После бегства врагов коринфяне не стали буксировать поврежденные вражеские корабли, но принялись, проплывая мимо, убивать людей, не беря их в плен. Но так как они еще не знали о своем поражении на правом крыле, то по ошибке перебили даже собственных друзей. (2) При множестве кораблей у обоих противников, которые покрывали море на широком пространстве, в суматохе нелегко было отличить победителей от побежденных. Ведь это была самая большая по численности кораблей морская битва между эллинами из всех бывших до нее. (3) Прогнав керкирян до суши, коринфяне затем повернули назад, чтобы осмотреть обломки своих кораблей и тела погибших, которых им большей частью удалось подобрать и доставить к Сиботам, где стояло большое вспомогательное варварское войско. Сиботы — это пустынная гавань в Феспротии. (4) После этого коринфяне, собрав свои корабли, вновь обратились против керкирян. Керкиряне также поплыли им навстречу на своих кораблях, еще способных держаться на плаву, и на остальных, прибывших вместе с аттическими кораблями после

битвы; они опасались попытки коринфян высадиться на их земле. (5) Было уже поздно, и они запели пэан (как сигнал к нападению), как вдруг коринфяне, увидев 20 афинских кораблей, плывущих на них, дали задний ход. Эти корабли афиняне послали на помощь вслед за прежними 10 кораблями, опасаясь поражения керкирян (что и случилось) и полагая, что 10 кораблей слишком мало для спасения керкирян.

51. Итак, лишь только коринфяне заметили вдали корабли, и, заподозрив, что это афинские и их, может быть, даже больше, они постепенно начали отступление. (2) Керкирянам же этих кораблей не было видно, так как те подплывали незаметно, и они не могли понять, почему это коринфяне гребут назад, пока, наконец, кто-то, заметив корабли, не закричал, что виден парус. Тогда керкиряне также начали отходить (ведь уже стало темнеть), а коринфяне повернули назад и рассеялись. (3) Так противники разошлись, и ночь положила конец сражению. (4) Упомянутые же 20 афинских кораблей под начальством Главкона, сына Леагра, и Андокида, сына Леогора, продолжали свой путь среди трупов и корабельных обломков до Левкиммы (где был лагерь керкиян), куда и прибыли вскоре после того, как их заметили керкиряне. (5) Керкиряне сначала испугались (дело было ночью), думая, не враги ли это, но вскоре поняли свою ошибку, после чего афиняне бросили якорь.

52. На следующий день 30 аттических кораблей и корабли керкирян, которые еще держались на плаву, подняли якоря и отплыли к гавани у Сибот, где стояли коринфяне, чтобы убедиться, начнут ли те морское сражение. (2) И коринфяне также вышли в открытое море и выстроились в боевом порядке. Однако они стояли спокойно, не собираясь сами начинать сражение ввиду прибывших из Афин свежих подкреплений и своего весьма затруднительного положения: им нужно было стеречь пленников на кораблях и, кроме того, ремонт кораблей в этой отдельной стране был невозможен. (3) Коринфянам важнее всего было как можно скорее возвратиться домой. Они опасались, что после битвы афиняне считают договор уже нарушенным и теперь преградят им обратный путь.

53. Итак, коринфяне решили отправить к афинянам несколько человек в лодке без жезла глашатая, чтобы разведать положение дела. Посланцам они велели
 сказать вот что: «Несправедливо, афиняне, вы поступа-

ете, начиная воевать и нарушая мирный договор. Мы хотим наказать наших врагов, а вы преграждаете нам путь силой оружия. Если вы действительно решили нарушить мир и помешать нам плыть на Керкиру или куда-либо в другое место, то нападайте сейчас и считайте нас врагами». (2) Так сказали коринфяне. А керкиряне на кораблях, услышав эти слова, общим криком потребовали схватить и умертвить посланцев. Афиняне же отвечали так: «Пелопоннесцы, мы вовсе не собираемся воевать и нарушать договор, а пришли лишь на помощь керкирянам, нашим союзникам. Мы не препятствуем вам плыть куда-нибудь в другое место. Но если вы нападете на Керкиру или на ее владения, мы постараемся по возможности не допустить этого».

54. После такого ответа афинян коринфяне начали приготовления к отплытию домой и воздвигли трофей на материке у Сибот. Керкиряне же подобрали обломки своих кораблей и тела погибших, вынесенные течением и поднявшимся ночью ветром, который повсюду выбросил их на берег, и также поставили трофей на Сиботах как победители. (2) Обе стороны приписывали себе победу по следующим основаниям: коринфяне остались победителями в морском сражении до наступления ночи, им удалось убрать свои поврежденные корабли и трупы погибших; они также взяли в плен свыше 1000 человек и привели в негодность около 70 кораблей противника. Потому-то они и воздвигли трофей. (3) Керкиряне же поставили свой трофей, потому что уничтожили до 30 кораблей и по прибытии афинян подобрали на своей земле тела погибших и обломки кораблей, а коринфяне, увидев накануне аттические корабли, стали грести назад, начав отступление, и по прибытии афинян уже более не осмелились напасть на них из Сибот. Так каждая из сторон приписывала себе победу.

55. Между тем на обратном пути коринфяне хитростью захватили Анакторий, город, основанный совместно Коринфом и Керкирой при выходе из Амбракийского залива. Оставив там своих колонистов, они возвратились затем домой. Из числа керкирских пленников коринфяне продали 800 человек (которые были рабами), а 250 оставили в плену и обращались с ними хорошо, чтобы по возвращении на Керкиру те могли оказать им содействие (к тому же, как оказалось, большинство пленников принадлежало к числу знатней-

ших граждан города). (2) Так-то керкиряне счастливо избавились от войны с Коринфом, и поэтому афинские корабли возвратились домой. Это стало, однако, первым поводом к войне коринфян с афинянами, поскольку афиняне начали во время перемирия с ними войну на стороне керкирян.

56. Непосредственно после этого еще и другие события явились дальнейшим поводом к войне афинян с пелопоннесцами. (2) Коринфяне искали возможности отомстить афинянам, и их враждебные намерения не остались тайной для афинян. Поэтому афиняне приказали Потидее, колонии коринфян на перешейке Паллены (одному из союзных городов-данников), снести городские стены на южной стороне, обращенной к Палласне, выдать заложников, выслать эпидемиургов (уполномоченных, ежегодно посылаемых туда из Коринфа) и впредь больше их не принимать. Афиняне опасались, как бы жители Потидеи, подстрекаемые Пердиккой и коринфянами, не восстали против них и не склонили к отпадению все остальные фракийские города.

57. На эти меры против Потидеи афиняне решились тотчас же после морской битвы у Керкиры. (2) Ведь коринфяне уже тогда были явными врагами афинян, а их прежний друг и союзник Пердикка, сын Александра, царь Македонии, еще раньше поссорился с ними (3) за то, что они заключили союз с его врагами — братом Филиппом и Дердой. (4) Встревоженный этим Пердикка повсюду начал вести переговоры: он отправил послов в Лакедемон подстрекать пелопоннесцев к войне с афинянами; старался привлечь на свою сторону коринфян, чтобы подготовить отпадение Потидеи. (5) Пердикка побуждал также халкидян и боттиеев на фракийском побережье восстать против афинян в надежде, что вместе с этими своими соседями ему будет легче вести войну с афинянами. (6) Узнав об этих происках Пердикки, афиняне, чтобы предотвратить отпадение городов, послали в Македонию 30 кораблей и 1000 гоплитов под начальством Архестрата, сына Ликомеда, и десяти других военачальников, которым был дан приказ взять в Потидее заложников, заставить срыть городскую стену и зорко следить за соседними городами, чтобы те не восстали.

58. Потидейцы же отправили послов к афинянам, пытаясь побудить их отказаться от задуманных враждеб-
 ных мер. Вместе с коринфянами они обратились так-

же и в Лакедемон, с тем чтобы на всякий случай заручиться помощью оттуда. В Афинах после долгих переговоров им не удалось добиться успеха, и корабли афинян, отплывавшие в Македонию, получили направление и против Потидеи. В Лакедемоне же власти заверили потидейцев, что в случае нападения афинян на Потидею лакедемоняне вторгнутся в Аттику. Тогда-то потидейцы решили, что настала пора при таких благоприятных обстоятельствах вместе с халкидянами и боттиеями (которые ради этого связали себя с ними клятвенным союзом) отпасть от Афин. (2) Пердикка же убедил халкидян покинуть и разрушить свои приморские города и переселиться дальше внутрь страны — в Олинф — и превратить этот город в неприступную крепость. Царь отдал даже в пользование этим переселенцам (на время войны с афинянами) участок своей земли в Мигдонии на озере Больба. Халкидяне разрушили свои города и, переселившись в глубь страны, стали готовиться к войне.

59. Между тем 30 афинских кораблей, прибыв на фракийское побережье, обнаружили, что Потидея и другие города уже отпали от Афин. Военачальники, однако, не сочли возможным с наличными силами одновременно вести войну с Пердиккой и с восставшими городами. Поэтому они обратились против Македонии (для чего их первоначально и послали). Высадившись там, они открыли военные действия вместе с Филиппом и братьями Дерды, которые со своими отрядами вторглись в Македонию из глубины страны.

60. Теперь, после отпадения Потидеи, в тот момент, когда аттическая эскадра появилась в македонских водах, коринфяне испугались за участь города. Видя в этом опасность и для самих себя, они послали на помощь отряд своих собственных добровольцев и наемников из других пелопоннесских городов, всего 1600 гоплитов и 400 легко вооруженных воинов. (2) Во главе их поставили Аристея, сына Адиманта (он был старинным другом потидейцев, и из дружбы к нему собралось добровольцами большинство коринфских воинов). (3) Спустя 40 дней после отпадения Потидеи они прибыли к берегам Фракии.

61. Вскоре пришло и к афинянам известие об отпадении городов. И когда афиняне узнали, что войско Аристея уже близко, то послали против восставших 2000 гоплитов из афинских граждан и 40 кораблей под начальством Каллия, сына Каллиада, и четырех других

военачальников. (2) По прибытии в Македонию афиняне застали там свой первый отряд в 1000 человек, который только что захватил Ферму и теперь осаждал Пидну. (3) Тогда вновь прибывшие присоединились к осаждающим Пидну, но вскоре им пришлось заключить соглашение и даже вынужденный союз с Пердиккой: их вынудило к этому положение в Потидее и прибытие Аристея. (4) Поэтому афиняне ушли из Македонии, достигли затем Береи и далее Стрепсы. Отсюда, после неудачной попытки овладеть городом, отряд по суше двинулся на Потидею. Войско афинян состояло из 3000 афинских гоплитов, множества союзников и 600 македонских всадников во главе с Филиппом и Павсанием; в то же время эскадра из 70 кораблей плыла вдоль побережья. (5) Короткими маршами на третий день афиняне прибыли в Гигон, где и разбили лагерь.

62. Между тем потидейцы и пелопоннесский отряд Аристея в ожидании афинян расположились лагерем перед городом на перешейке со стороны Олинфа и устроили там рынок. (2) Начальником всей пехоты союзники выбрали Аристея, а конницы — Пердикку, который снова изменил афинянам и теперь помогал потидейцам, передав управление царством Иолаю. (3) Замысел Аристея состоял в том, чтобы ожидать со своим отрядом афинян на перешейке; халкидяне же с остальными союзниками за перешейком и 2000 всадников Пердикки должны были оставаться в Олинфе и, в случае нападения афинян на Аристея, напасть на них с тыла и таким образом зажать врага в клещи. (4) Каллий же, афинский военачальник, вместе со своими командирами, выслал против Олинфа македонских всадников и небольшой отряд союзников для прикрытия от возможного нападения, а сам, выступив из лагеря, пошел на Потидею. (5) Когда афиняне достигли перешейка и увидели врагов в боевой готовности, то они в свою очередь построились в боевой порядок, и вскоре началось сражение. Крыло пелопоннесцев под командой Аристея (где стояли коринфяне и другие отборные отряды) обратило врагов в бегство и долго преследовало их. Остальное же войско потидейцев и пелопоннесцев было разбито афинянами и бежало под защиту городских стен Потидеи.

63. Возвратившись после преследования врагов, Аристей увидел, что его остальное войско разбито. Сначала он колебался, решая, куда ему идти, чтобы избе-

жать опасности,— в Олинф или в Потидею. Затем Аристей все же принял решение, сомкнув как можно теснее свой отряд, быстрым маршем пробиться в Потидею. Ему действительно удалось добраться до города вдоль мола через море под обстрелом противника и с трудом, но все же без больших потерь спасти основную часть отряда. (2) Отряд олинфян, шедший на помощь в Потидею (Потидея отстоит от Олинфа стадий на 60 и видна оттуда), успел пройти лишь небольшое расстояние, когда битва уже началась и сигнальные значки были подняты. Македонские же всадники выстроились в боевом порядке, чтобы помешать продвижению олинфян. Но когда победа стала быстро клониться на сторону афинян и сигнальные значки опустились, олинфяне возвратились в город, а македоняне — назад к афинянам, (3) так что конница обеих сторон не участвовала в битве. После битвы афиняне воздвигли трофей и, устроив перемирие, разрешили потидейцам похоронить павших воинов. У потидейцев и их союзников пало не меньше 300 человек, потери же афинян составляли 150 граждан, среди которых был и стратег Каллий.

64. После битвы афиняне тотчас же построили вторую стену против городской стены с северной стороны, обращенной к перешейку, и поставили охрану. Сторона же, обращенная к Паллене, осталась неукрепленной. Афиняне считали, что у них недостаточно сил для того, чтобы охранять перешеек и одновременно, переправившись к Паллене, строить стену и там: при таком разделении сил они опасались неожиданной атаки потидейцев и их союзников. (2) Когда в Афинах узнали, что сторона, обращенная к Паллене, не обнесена стеной, то отправили 1600 гоплитов во главе с Формионом, сыном Асопия. Прибыв в Паллену, Формион повел свой отряд со стороны Афития на Потидею; медленно продвигаясь, он опустошал местность. (3) Не встретив сопротивления, он построил стену на стороне Паллены против городской стены Потидеи. Таким образом, афиняне теперь всеми силами обложили город с обеих сторон на суше, а с моря одновременно его блокировала афинская эскадра.

65. Таким образом, город был теперь совершенно отрезан, и у Аристея уже не оставалось надежды на спасение, если только из Пелопоннеса или откуда-либо еще не придет неожиданная помощь. Поэтому Аристей предложил всем (кроме 500 человек) покинуть го-

род на кораблях при первом попутном ветре, чтобы оставшимся в городе на больший срок хватило запасов продовольствия. Сам же он вызвался остаться в городе. Однако это предложение не встретило согласия потидейцев. Тогда Аристей (желая обеспечить все необходимое в таком положении и подготовить наилучшим образом внешнюю помощь) сам отплыл, не замеченный афинской стражей. (2) За время своего пребывания на Халкидике Аристей принял участие вместе с халкидянами в походах и, между прочим, нанес поражение жителям Сермилы, устроив засаду близ их города, и многих из них перебил. В Пелопоннесе он вел тайные переговоры, всячески стараясь получить помощь. (3) Между тем Формион, установив блокаду Потидеи, со своими 1600 гоплитами принялся опустошать Халкидику и Боттику и даже захватил несколько городов.

66. Это стало вторым мотивом вражды между афинянами и пелопоннесцами. Коринфяне не могли простить афинянам осаду Потидеи, их колонии, и находившихся там коринфян и пелопоннесцев. Афиняне же были в обиде на то, что пелопоннесцы склонили к восстанию их союзный город-данник и даже открыто сражались против них, помогая потидейцам. Однако настоящая война еще не разразилась, и перемирие пока еще продолжалось, ибо коринфяне до сих пор действовали на свой страх и риск.

67. Теперь, однако, блокада Потидеи не давала покоя коринфянам, и не только потому, что в городе находились их люди, но и оттого, что они опасались за участь самого города. Итак, тотчас же после начала осады коринфяне стали приглашать союзников на собрание в Лакедемон и, прибыв туда, обрушились на афинян как на нарушителей договора, не считающихся с правами Пелопоннеса. (2) Эгинцы из страха перед афинянами не решились открыто отправить послов на собрание, но втайне вместе с коринфянами еще яростнее подстрекали к войне, жалуясь на потерю своей независимости вопреки договору. (3) Лакедемоняне также пригласили своих союзников и всех, кто жаловался на притеснение афинян. Созвав обычное народное собрание, они предложили всем желающим высказывать свои жалобы. Тогда союзники начали один за другим выступать с обвинениями, в особенности мегарцы. Наряду со многими другими претензиями основная жалоба мегарцев состояла в том, что, вопреки договору,

их лишают доступа в гавани афинской державы и на рынок Аттики. (4) Последними выступили коринфяне. Предоставив сначала другим возбудить воинственность лакедемонян, они добавили следующее.

68. «Дух доверия, царящий у вас в общественной и частной жизни, лакедемоняне, заставляет вас несколько недоверчиво относиться к людям, если они, подобно нам, жалуются на других. И именно из-за этого при всем вашем благоразумии вам иногда не хватает прозорливости во внешних делах. (2) Как часто мы предупреждали вас, что афиняне злоумышляют против всех нас; однако вы не делали из этого надлежащих выводов; напротив, вы подозревали, что мы заводим речь об этом из своих частных побуждений. Вот почему вы и на этот раз созвали ваших союзников не заблаговременно, а лишь теперь, когда события уже развернулись. Нам подобает держать речь перед союзниками именно потому, что у нас есть важнейшие причины жаловаться на наглость афинян и на ваше постоянное пренебрежение к нам. (3) Если бы афиняне творили свои преступные деяния в Элладе в тайне, тогда, конечно, вы могли бы об этом не знать и вас следовало бы уведомить об этом. А теперь нужны ли долгие речи, когда вы видите, что одних эллинов афиняне уже поработили, а другим — и как раз нашим союзникам — они теперь строят козни и давно уже сделали все приготовления на случай войны. (4) Иначе ведь они не захватили бы Керкиру силой оружия и не владели бы ею поныне вопреки нашей воле и не осаждали бы Потидею. А ведь Потидея — наиболее выгодно в военном отношении расположенный пункт, господствующий над фракийским побережьем, Керкира же могла бы предоставить пелопоннесцам значительные морские силы.

69. И виноваты в этом вы, так как это вы после мидийской войны сначала позволили афинянам укрепить свой город, а потом и построить Длинные стены. И до сих пор вы не только продолжаете лишать свободы порабощенных ими подданных, а теперь даже начали отнимать ее и у ваших собственных союзников. Ведь истинный поработитель народа — не сам поработивший, а тот, кто, будучи в состоянии положить конец рабству, не делает этого, хотя и добивается признания своей доблести как освободитель Эллады. (2) С трудом, правда, мы, наконец, собрались сюда, но и теперь еще неясно — с какой целью. Ведь нас должно интере-

совать не то, подвергаемся ли мы насилию, а то, как нам обороняться против него. Неприятель действует по заранее намеченному плану и нападает на нас без колебания, в то время как мы все еще пребываем в нерешительности. (3) И мы знаем методы афинян: как они шаг за шагом наступают на соседей. Правда, думая, что их не замечают (из-за вашего равнодушия), они ведут себя пока менее дерзко. Однако заметь они только, что вы, разгадав их игру, смотрите на них сквозь пальцы, они сразу же налягут со всей силой. (4) Только вы, лакедемоняне, одни из эллинов бездействуете, обороняясь не силой, а медлительностью; только вы одни стараетесь подавить вражескую мощь не в ее зачатке, а когда она вдвое возрастет. (5) Конечно, всегда говорили, что ваше положение надежно; но действительность оказалась убедительнее. Мы ведь знаем, что Мидиец от края света дошел до Пелопоннеса скорее, чем вы собрались его встретить с достаточными боевыми силами. А теперь вы не обращаете внимания на афинян, хотя они живут не столь далеко, как он, а весьма близко от вас. И вместо того, чтобы самим напасть на них, вы лишь обороняетесь, предпочитая в борьбе с сильнейшим врагом положиться на волю случая. Хотя, как вы знаете, не только Варвар был сам больше всего виноват в своем поражении, но и мы в борьбе с афинянами нередко одерживаем верх скорее в силу их собственных ошибок, нежели благодаря вашей помощи. Для кое-кого из тех, кто, уповая на вашу помощь, не подготовился к войне, эти надежды уже были губительны. (6) Не подумайте только, что мы говорим вам это из неприязни. Наша жалоба вполне обоснована. Ведь жалуются на друзей, допустивших ошибку, а врагов обвиняют в причиненной обиде.

70. Во всяком случае мы считаем себя вправе, как и всякий другой, откровенно указать людям на их недостатки, тем более пребывая в таком критическом положении, когда под удар поставлены важнейшие наши интересы (о чем вы, видимо, даже и не догадываетесь). Вероятно, вам еще никогда не приходилось задумываться о том, что́ за люди афиняне, с которыми вам предстоит борьба, и до какой степени они во всем несхожи с вами. (2) Ведь они сторонники новшеств, скоры на выдумки и умеют быстро осуществить свои планы. Вы же, напротив, держитесь за старое, не признаете перемен, и даже необходимых. (3) Они отважны свыше сил, способны рисковать свыше меры благо-

разумия, не теряют надежды в опасностях. А вы всегда отстаете от ваших возможностей, не доверяете надежным доводам рассудка и, попав в трудное положение, не усматриваете выхода. (4) Они подвижны, вы — медлительны. Они странники, вы — домоседы. Они рассчитывают в отъезде что-то приобрести, вы же опасаетесь потерять и то, что у вас есть. (5) Победив врага, они идут далеко вперед, а в случае поражения не падают духом. (6) Жизни своей для родного города афиняне не щадят, а свои духовные силы отдают всецело на его защиту. Всякий неудавшийся замысел они рассматривают как потерю собственного достояния, а каждое удачное предприятие для них — лишь первый шаг к новым, еще большим успехам. (7) Если их постигнет какая-либо неудача, то они изменят свои планы и наверстают потерю. Только для них одних надеяться достичь чего-нибудь значит уже обладать этим, потому что исполнение у них следует непосредственно за желанием. (8) Вот почему они, проводя всю жизнь в трудах и опасностях, очень мало наслаждаются своим достоянием, так как желают еще большего. Они не знают другого удовольствия, кроме исполнения долга, и праздное бездействие столь же неприятно им, как самая утомительная работа. Одним словом, можно сказать, сама природа предназначила афинян к тому, чтобы и самим не иметь покоя, и другим людям не давать его.

71. И вот перед лицом такого города вы, лакедемоняне, еще продолжаете бездействовать! По-вашему, мир сохраняют не те, которые даже своими военными приготовлениями не нарушают права, но, однако, решительно показывают, что не потерпят обиды, если им причиняют ее. Для вас справедливость заключается в том, чтобы и не нападать на других, и самим, защищаясь, не причинять обиды. (2) Такая политика промедления едва ли принесет вам успех, даже если бы ваши соседи думали так же, как и вы. А в данном случае, как мы только что показали, ваш образ действий сравнительно с афинским совершенно устарел. (3) И как в искусствах, так и в политике новое всегда неизбежно должно возобладать над старым. В спокойные времена лучше всего не изменять существующих порядков и обычаев. Но когда при изменившихся обстоятельствах неизбежно возникает и много новых задач, тогда требуются и многие преобразования. Поэтому-то в силу более богатого опыта политика афинян

изменилась гораздо больше вашей. (4) Итак, покончите, наконец, с вашей медлительностью и теперь придите на помощь, как вы обещали, и Потидее, и другим. Немедленно совершите вторжение в Аттику, чтобы не отдать ваших друзей и соплеменников в руки злейших врагов и не заставить нас остальных в отчаянии подумать о другом союзе. (5) Мы не совершим этим преступления ни пред лицом богов — хранителей клятв, ни в глазах людей благоразумных. Ведь нарушителем договора является не тот, кто, покинутый в нужде одними союзниками, обращается к другим, а тот, кто не помогает в нужде союзникам. Если же вы проявите благожелательность, то мы останемся с вами. (6) Мы поступили бы нечестиво, изменив вам, да и не нашли бы более близких друзей, чем вы. (7) Поэтому вынесите правильное решение и постарайтесь, чтобы ваша держава в Пелопоннесе, унаследованная от предков, не уменьшалась из-за отпадения отдельных союзных городов».

72. Так сказали коринфяне. Случайно в Лакедемон уже перед тем прибыло также и посольство из Афин. Услышав об этих речах обвинителей афинян, послы решили, что им придется выступить перед лакедемонянами не с тем, чтобы оправдаться от обвинений городов, но чтобы рекомендовать вообще не спешить с решением, а обдумать дело более обстоятельно. Вместе с тем они желали дать лакедемонянам представление о мощи своего города, старикам напомнить о прошлом, а молодым рассказать о том, чего те еще не знали. Послы рассчитывали своей речью побудить лакедемонян скорее к миру, чем к войне. (2) Итак, они обратились к лакедемонским властям, объявив о желании выступить в народном собрании, если нет к тому препятствий. (3) Получив разрешение говорить, афинские послы выступили и сказали следующее.

73. «Наше посольство прибыло сюда не для споров с вашими союзниками, а с особым поручением от нашего города. Тем не менее, слыша немало тяжких обвинений против нас, мы выступаем здесь вовсе не с защитой против обвинений городов (ведь вы — не судьи, перед которыми мы или они должны держать речь), а чтобы не позволить вам в этом серьезном вопросе, слепо доверившись доводам союзников, склониться к безрассудному решению. Вместе с тем мы желаем по поводу всего, что здесь о нас говорилось, сказать, что мы честно приобрели наши владения и что город

наш достоин уважения. (2) К чему упоминать о стародавних событиях, о чем известно больше из преданий, чем от очевидцев. Но необходимо сказать о мидийских войнах и других событиях, которые вам самим пришлось пережить вместе с нами (хотя частое упоминание об этом в конце концов может надоесть). Действительно, тогда мы рисковали своей жизнью ради общего спасения, и этот наш подвиг послужил и вам. Поэтому вовсе лишить нас упоминания об этом нельзя. (3) Но этим мы не оправдываемся, а хотим лишь дать представление о том, с каким городом вам предстоит борьба, если вы примете необдуманное решение. (4) Мы утверждаем, что раньше всех при Марафоне один на один дали отпор Варвару. А когда потом он снова пришел в Элладу, то мы, будучи не в силах бороться на суше, сели на корабли с женами и детьми, а затем вместе с прочими эллинами сразились с ним на море при Саламине. Эта битва только и помешала ему напасть на Пелопоннес и опустошить там города один за другим, так как при огромной мощи неприятельского флота пелопоннесцы не могли бы помочь друг другу. (5) Наилучшее этому доказательство дал сам царь: после морского поражения он ведь уже не считал свою мощь равной нашей и с большей частью войска быстро покинул Элладу.

74. Итак, счастливый исход этой битвы ясно показал, что участь Эллады решена флотом. И мы создали три основных условия победы: выставили большинство кораблей и умнейшего из военачальников, и свою неутомимую энергию (ведь почти две трети из четырехсот кораблей принадлежали нам). Фемистоклу, нашему полководцу, мы и обязаны главным образом тем, что битва произошла в Саламинском проливе (что, совершенно очевидно, и принесло нам успех). И за эти-то заслуги вы сами оказали ему исключительные почести, как никому из других чужеземных гостей. (2) Наконец, мы выказали также великое самопожертвование. Никто ведь на суше нам не помог, так как остальные города на пути врага до наших пределов уже покорились ему. И тогда мы сочли долгом покинуть наш город и бросить свое добро. Уцелевших союзников мы не желали оставить и так как в рассеянии мы не могли принести им пользы, то решили отплыть на кораблях, не гневаясь на вас за то, что вы раньше не помогли нам. (3) Поэтому можно утверждать, что мы сделали для вас не меньше, чем вы нам. В страхе ско-

рее за себя, чем за нас, вы пришли на помощь из городов, еще не разоренных, с тем, чтобы впоследствии владеть ими, а пока наш город был цел, вы не являлись. Напротив, когда мы отправлялись в путь, нашего города уже не существовало, и, вступая в борьбу, мы едва ли могли надеяться на его возрождение. И все же, несмотря на это, мы в меру наших сил спасли не только вас, но и самих себя. (4) Перейди мы, как некоторые другие, из страха за нашу землю на сторону Мидянина или не решись потом (считая, что все потеряно) сесть на корабли, вам не пришлось бы с вашими малочисленными кораблями сражаться на море с персами; и тогда дела персов пошли бы так гладко, как они желали.

75. Неужели, лакедемоняне, тогдашней нашей энергией и благоразумием мы заслужили столь великую ненависть эллинов только лишь из-за державы, которой мы теперь владеем? (2) Притом нашу державу мы приобрели ведь не силой, но оттого лишь, что вы сами не пожелали покончить с остатками военной силы Варвара в Элладе. Поэтому-то союзники добровольно обратились к нам с просьбой взять на себя верховное командование. (3) Прежде всего дальнейшее развитие нашего могущества определили сами обстоятельства. Первое — это главным образом наша собственная безопасность; затем — соображения почета и, наконец, выгода. (4) Наша собственная безопасность требовала укрепления нашей власти, раз уж дошло до того, что большинство союзников нас возненавидело, а некоторые восставшие были даже нами усмирены. Вместе с тем ваша дружба не была уже прежней; она омрачилась подозрительностью и даже прямой враждой; отпавшие от нас союзники перешли бы к вам, что было весьма опасно для нас. (5) Ведь никому нельзя ставить в вину, если в минуту крайней опасности он ищет средства спасения.

76. Вы, лакедемоняне, например, управляете пелопоннесскими городами, установив там порядки себе на благо. Возбудив долгим господством столько ненависти к себе со стороны союзников, как мы, вы были бы вынуждены (мы уверены в этом) или властвовать над ними силою, или подвергать себя опасности. (2) Таким образом, нет ничего странного или даже противоестественного в том, что мы приняли предложенную нам власть и затем ее удержали. Мы были вынуж-

 дены к этому тремя важнейшими мотивами: честью,

страхом и выгодой. Не мы первыми, однако, обратились к такому способу упрочения власти, но искони уже так повелось на свете, что более слабый должен подчиняться сильнейшему. Вместе с тем, по нашему мнению, мы достойны нашей власти, да и вы сами в недавнее время думали так же. Теперь вы, думая о своей выгоде, ссылаетесь на справедливость. (3) Но соображения справедливости никого еще не заставили упустить представившийся случай расширить свое могущество с помощью силы. И следует похвалить тех, кто, несмотря на врожденное людям стремление властвовать над другими, все-таки управляют справедливее, чем это им необходимо при существующей мощи их державы. (4) Другие, будучи на нашем месте (так нам, по крайней мере, кажется), скорее всего показали бы, сколь умеренно наше господство. Нам же за нашу умеренность выпало на долю вместо похвалы незаслуженное бесславие.

77. Хотя в деловых тяжбах с союзниками мы в менее выгодном положении и даже в наших собственных судах признаем за ними полное равенство, несмотря на это, они жалуются, что мы сутяжничаем и придираемся. (2) И никто из них не обращает внимания на то, что не встречают упреков другие, также имеющие владения где-нибудь на чужбине, хотя и управляют подвластными им более жестко, чем мы. Ведь тому, кто склонен применять грубую силу, нет нужды в судах. (3) А наши союзники, привыкшие обращаться с нами как с равными, если только против ожидания им хоть чем-нибудь придется поступиться (будь то по приговору суда или по принуждению нашей власти), отнюдь не благодарят за то, что их не лишают гораздо более важного, а с еще большим возмущением подчиняются господствующей власти, чем если бы мы, уже с самого начала отбросив законность, открыто притеснили их. В таком случае сами они, конечно, ведь не стали бы оспаривать, что слабый должен уступать сильнейшему. (4) Однако людей, видимо, больше раздражает несправедливость, якобы им причиненная, нежели самое жестокое насилие: в этом они усматривают пренебрежение со стороны равных себе, в другом — необходимость подчиняться насилию более могущественного. (5) Под властью Мидянина, по крайней мере, союзники и не то еще терпеливо выносили, а наше господство им в тягость. (6) И неудивительно: ведь всегда подвластные недовольны своими правителями. Если

бы вы, одолев нас, достигли владычества над Элладой, вы скоро утратили бы расположение союзников (которого добились только из-за страха союзников перед нами), по крайней мере если бы ваши взгляды остались теми же, какими были вскоре после того, как вы приняли командование в войне против Мидянина. Ведь обычаи у вас совершенно иные, чем где-либо в Элладе, да, кроме того, как только кто-нибудь из вас окажется за рубежом, он действует, не сообразуясь ни с этими обычаями, ни с порядками остальной Эллады.

78. Итак, не принимайте поспешно решение в столь важном деле и не возложите на себя тяжкого бремени забот, поддавшись чужим мнениям и жалобам. Прежде чем взяться за оружие, подумайте о том, сколь непредвиденный оборот может принять война. (2) Ведь затяжная война обычно приносит всякого рода случайности обеим сторонам, и как сложится дело в конце концов — неясно. (3) Начиная войну, люди сразу же приступают к действиям, с которыми следовало бы повременить, и уж после неудач обращаются к рассуждениям. (4) Так как ни мы сами, ни вы еще не совершили подобной ошибки, то настоятельно советуем вам (пока еще есть время) принять благоразумное решение, не нарушая договора и клятв, а спорные вопросы между нами улаживать третейским судом. Если же вы с этим не согласны и все же начнете войну, то мы, призывая в свидетели богов — хранителей святости клятв, последуем вашему примеру и попытаемся дать отпор с оружием в руках».

79. Так говорили афиняне. Лакедемоняне же, выслушав жалобы союзников и речи афинян, предложили всем удалиться и стали держать совет, что им теперь предпринять. (2) Большинство в народном собрании высказалось за то, что афиняне виновны в нарушении договора и поэтому следует немедленно объявить им войну. Тогда выступил царь лакедемонян Архидам, слывший благоразумным и рассудительным человеком, и сказал следующее.

80. «Я сам, лакедемоняне, участвовал во многих войнах и вижу среди вас моих сверстников, из которых, конечно, нет ни одного, кто бы по неопытности желал войны: только тот, кто не имеет такого опыта, может считать войну благом или даже легким делом. (2) Здраво рассудив, вы сами убедитесь, что война, которую вы сейчас обсуждаете, будет немаловажной. (3) Ведь с нашими соседями пелопоннесцами по бо-

евым силам мы приблизительно равны и, если нужно, можем быстро напасть в любом месте на их землю. Но когда приходится иметь дело с людьми в отдаленной стране (которые к тому же опытнейшие мореходы и прекрасно обеспечены всем необходимым для войны), у которых и народ богат, и казна полна, и кораблей, конницы, оружия и людей больше, чем где-либо в Элладе, не говоря уже о множестве союзников — их данников, то можно ли начинать без подготовки войну с такой державой, да еще столь поспешно? На что нам рассчитывать? Уж не на флот ли? (4) Но здесь мы уступаем афинянам, а если начнем строить корабли и готовить экипажи для них, на это уйдет время. Или, быть может, на денежные средства? Но денег ведь нам и так не хватает, и казна у нас пуста, а собрать частные средства будет нелегко.

81. Можно было бы предположить, что наше превосходство в числе гоплитов позволит постоянными набегами опустошать аттическую землю. (2) Но ведь у афинян много другой земли, и к тому же они морем будут доставлять себе все необходимое. (3) Если мы попытаемся затем поднять восстание афинских союзников, то нам также придется помогать им кораблями, поскольку большинство союзников — островитяне. (4) Что же это будет за война? Пока мы не добьемся победы на море и не отрежем афинян от средств и путей снабжения их флота, мы постоянно будем терпеть неудачи. (5) И примирение в таком случае не будет для нас почетным, тем более, если окажется, что мы больше виноваты в войне, нежели афиняне. (6) Не будем обольщаться надеждой на скорый конец войны, если мы опустошим их землю. Напротив, я опасаюсь, как бы эта война не осталась в наследство нашим детям. Афиняне, надо полагать, слишком горды, чтобы испытывать рабскую привязанность к своей земле, и не отступят перед войной, как будто она была им внове.

82. Впрочем, я вовсе не предлагаю закрывать глаза на ущерб нашим союзникам от афинян и отказаться от изобличения злых замыслов наших противников. Я советую только пока не браться за оружие, а сначала отправить послов с жалобами, не угрожая открыто войной, но и не проявляя готовности пойти на уступки. А тем временем самим нам следует готовиться к войне, привлекая союзниками как эллинов, так и варваров, чтобы получить откуда-нибудь помощь кораблями

или деньгами. Ведь людям в нашем положении, стоящим перед такой угрозой со стороны афинян, нельзя поставить в упрек, что они принимают помощь не только от эллинов, но и от варваров. А тем временем и мы успеем закончить наши военные приготовления. (2) И вот, если афиняне хоть в чем-нибудь уступят нашим послам — тем лучше. Если же нет, то года через два-три мы будем лучше подготовлены, чтобы в случае необходимости самим напасть на них. (3) Поэтому, когда они убедятся, что мы уже начали приготовления и наши слова не расходятся с делом, тогда они, пожалуй, скорее пойдут на уступки и примут правильное решение, пока их земля еще не опустошена и добро не погибло. (4) Считайте их землю только залогом, тем более ценным, чем лучше она обработана. Землю их нам нужно как можно дольше щадить, чтобы не вынудить афинян сопротивляться с мужеством отчаяния. (5) Действительно, если мы, не подготовившись к войне, только вняв жалобам союзников, опустошим Аттику, то смотрите, как бы нам не причинить этим Пелопоннесу еще больше позора и невзгод. (6) Ведь жалобы отдельных городов и частных лиц можно уладить, но если ради частных интересов вспыхнет всеобщая война, исход которой нельзя предвидеть, то ее нелегко будет завершить с почетом.

83. Итак, пусть не сочтут трусостью, если такое множество городов не пожелает тотчас напасть на один-единственный город. (2) В самом деле, и у афинян не меньше нашего союзников, притом таких, которые платят им подать. Вообще говоря, ведь успех в войне зависит не от оружия, а от денежных средств, при которых оружие только и приносит пользу, тем более — в войне материковых жителей с островитянами. (3) Итак, давайте позаботимся сперва о деньгах и не дадим опрометчиво вовлечь себя в войну речами союзников. На нас ведь в значительной степени падает ответственность за тот или иной исход войны, и поэтому следует все это заранее и спокойно обсудить.

84. И пусть вас не смущают упреки в медлительности и нерешительности. Ведь взявшись поспешно за оружие, вам из-за плохой подготовки к войне придется воевать дольше. Наш город к тому же всегда был свободным и высокочтимым городом, и эта наша медлительность и осторожность в сущности есть только сознательная благоразумная политика. (2) Именно по-

 этому мы одни только и не кичимся успехами, а в беде

не так легко как другие унываем. Мы не поддадимся на льстивые соблазны и не позволим против убеждения вовлечь себя в опасные авантюры. И если за это нас станут донимать упреками, то и досада не побудит нас к уступчивости. (3) Привычка к строгой дисциплине делает нас храбрыми воинами и мудрыми в совете. Храбрыми — потому что чувство чести у нас теснее всего связано с дисциплиной, а с чувством чести сочетается мужество. Мудрые же в совете мы оттого, что не так воспитаны, чтобы в своей умственной изощренности презирать законы, и слишком приучены к суровой дисциплине, чтобы не повиноваться им. Мы воспитаны так, что не очень-то разбираемся в предметах бесполезных, например, не умеем в красивых речах критиковать военные приготовления и планы врагов, вместо того чтобы опровергнуть их делом, когда это понадобится. Напротив, мы считаем, что вражеские планы так же разумны, как и наши, и что не речами надо отвечать на превратности судьбы. (4) При наших военных приготовлениях и планах всегда нужно исходить из того, что перед нами враг, хорошо понимающий дело. И никогда не следует строить расчеты на ожидаемых ошибках противника, но полагаться только на свою собственную готовность к войне. Не думайте только, что люди так уж резко отличаются друг от друга, но сильнейший всегда тот, кто воспитан в самых суровых правилах.

85. Этим заветам наших отцов мы следовали с давних пор себе на пользу. Не будем опрометчиво и поспешно выносить решение, от которого зависит участь столь многих людей, городов, казны и имущества и, наконец, даже нашего доброго имени. Давайте же все обсудим спокойно. При нашей военной мощи мы можем себе это позволить более, чем кто-либо. (2) Итак, прежде всего, отправьте послов в Афины для переговоров о Потидее, поручите им также уладить и остальные жалобы союзников, тем более что афиняне готовы принять решение третейского суда. А тому, кто согласен предстать перед судом, объявлять войну как нарушителю договора незаконно, до тех пор пока его не выслушают. А тем временем готовьтесь к войне. Это решение — наиболее полезное для вас и будет самым страшным для врагов». (3) Так сказал Архидам. Последним выступил Сфенелаид, один из тогдашних эфоров, с такой речью.

86. «Долгие речи афинян мне непонятны: в самом деле, сначала они выступили с пространным самовосхвалением, а потом — ни слова в оправдание зла, причиненного нашим пелопоннесским союзникам. Если тогда в борьбе против мидян они показали свою доблесть, а теперь ведут себя с нами как враги, то вдвойне заслуживают кары за то, что из доблестных людей стали злыми. (2) А мы и поныне остались теми же, что и тогда. Мы не оставим союзников и не будем медлить с помощью, так как и они ведь не могут отложить свои невзгоды. (3) Пусть у других много денег, кораблей и коней, зато у нас — доблестные союзники, и их не следует выдавать афинянам. Третейскими судами и речами нечего решать дело, так как враг грозит нам не речами, а оружием, и нужно как можно скорее и всей нашей военной силой помочь союзникам. (4) И пусть никто не уверяет вас, что, несмотря на причиненные обиды, нам подобает еще долго совещаться и обсуждать дело. Нет! Подумать хорошенько следовало бы скорее тем, кто собирается нарушить договор. (5) Поэтому, лакедемоняне, выносите решение о войне, как это и подобает Спарте. Не позволяйте афинянам слишком усилиться и не выдавайте им наших союзников. Итак, с помощью богов пойдем на обидчиков!»

87. После этих слов Сфенелаид как эфор предложил собранию решить вопрос голосованием. (2) Затем, однако, он объявил, что не может разобрать, чей крик громче (ведь спартанцы выносят решение, голосуя криком, а не камешками). А потом, желая открытым голосованием вернее склонить спартанцев к войне, добавил: «Кому из вас угодно, лакедемоняне, считать договор нарушенным и афинян виновниками этого нарушения, пусть встанет на ту сторону» (указав место, где им встать). «А кто считает, что нет,— в другую сторону». (3) Тогда все лакедемоняне встали и разошлись по обеим сторонам, причем значительное большинство признало нарушение договора. (4) Затем лакедемоняне снова пригласили союзных послов и объявили, что по их решению афиняне нарушили договор. Тем не менее, они желают собрать всех союзников и сообща решить вопрос о войне голосованием, чтобы вести войну с общего согласия. (5) Договорившись об этом, союзники уехали по домам, а затем покинули Спарту также и афинские послы, выполнив свои поручения. (6) Это постановление народного собрания Спарты по-
250 следовало на четырнадцатом году тридцатилетнего

мирного договора, заключенного после евбейской войны.

88. Впрочем, нарушить мир и начать войну лакедемоняне решили вовсе не в угоду союзникам и не под влиянием их убеждений, а скорее из страха перед растущим могуществом афинян, которые уже тогда, как видели лакедемоняне, подчинили себе бóльшую часть Эллады.

89. Афиняне же достигли подобного могущества вот каким образом. (2) После ухода мидян из Европы, разбитых эллинами на море и на суше (бежавшие на кораблях в Микалу остатки их войска были уничтожены), Леотихид, царь лакедемонян (предводитель эллинов при Микале), возвратился со своими пелопоннесскими союзниками на родину. Афиняне же вместе с отпавшими от царя союзниками из Ионии и Геллеспонта остались для осады Сеста (где мидяне еще держались). Проведя там зиму, союзники после ухода варваров захватили город, а затем все они отплыли из Геллеспонта на родину в свои города. (3) Сразу же после отступления варваров из Аттики афинские власти велели перевезти в город женщин и детей с остатками домашнего имущества из тех мест, куда их отправили ради безопасности, и начали отстраивать город и восстанавливать стены. Ведь от окружной стены сохранились лишь незначительные остатки; бóльшая часть жилищ также лежала в развалинах (осталось лишь немного домов, которые были заняты знатными персами).

90. Прослышав об этом намерении афинян, лакедемоняне отправили послов в Афины, чтобы помешать возведению стен. Они и сами предпочли бы видеть Афины и другие города неукрепленными, и к тому же побуждали их союзники, которые опасались новоявленного морского могущества афинян и отваги, проявленной ими в мидийской войне. (2) Поэтому-то лакедемоняне и требовали от афинян отказаться от укрепления их города и даже предложили помочь им разрушить существующие стены в других городах вне Пелопоннеса. Своих собственных замыслов и подозрений против афинян они, впрочем, не открывали, а ссылались на то, что если Варвар когда-нибудь вздумает вновь напасть на Элладу, то не найдет себе уже никакого опорного пункта (каким в теперешней войне для персов служили Фивы), а всем эллинам достаточным убежищем и опорным пунктом для их военных опера-

ций будет Пелопоннес. (3) Афиняне же по совету Фемистокла дали ответ, что сами отправят к ним посольство по этому делу, и отпустили лакедемонских послов. Тогда Фемистокл предложил немедленно отправить его самого послом в Лакедемон, остальных же послов не отпускать вместе с ним, но задержать в Афинах до тех пор, пока воздвигаемая стена не достигнет высоты, достаточной для обороны. Весь город поголовно — мужчины, женщины и дети — должен был строить стены, не щадя при этом ни частных, ни общественных зданий, а просто снося их, если это могло ускорить работы. (4) После этих распоряжений Фемистокл добавил, что о дальнейшем он позаботится сам в Лакедемоне, и уехал. (5) Прибыв в Лакедемон, он не явился сразу же к властям, но под разными предлогами постоянно откладывал посещение. И всякий раз, когда власти спрашивали, почему он не обращается к ним, Фемистокл отвечал, что ожидает товарищей послов, которые случайно задержались и скоро прибудут.

91. Лакедемоняне, выслушивая Фемистокла, из дружелюбия верили ему. Но когда стали прибывать из Афин очевидцы со сведениями о том, что там идет строительство стен, которые достигли уже порядочной высоты, не могли и к этому отнестись с недоверием. (2) Фемистокл, узнав об этом, просил не верить росказням, а послать в Афины несколько надежных людей разузнать об этом и доставить верные сведения. (3) Лакедемоняне так и поступили. Фемистокл же, опасаясь, что узнав правду, лакедемоняне не отпустят их всех на родину, тайно сообщил об этом посольстве афинянам, советуя им, не предавая дело огласке, задержать послов и не отпускать до тех пор, пока афинские послы не вернутся из Лакедемона. Итак, по его совету афиняне задержали послов. Между тем и остальные послы — Аброних, сын Лисикла, и Аристид, сын Лисимаха,— успели прибыть к нему в Лакедемон с известием, что возведены уже достаточно высокие стены. (4) Тогда, наконец, Фемистокл откровенно заявил лакедемонянам, что стены уже готовы и Афины достаточно укреплены, чтобы защищать своих жителей. Если же лакедемоняне или союзники, добавил Фемистокл, когда-нибудь вновь отправят послов в Афины по какому-либо делу, то найдут там людей, которых не придется учить тому, что полезнее для них
252 и что — для всей Эллады. (5) Ведь ранее афиняне без

чужой помощи на свой страх и риск решили, что разумнее будет покинуть свой город и сесть на корабли, и на общих совещаниях с лакедемонянами снова показали, что они не глупее других. (6) Так и теперь афиняне решили, что для них самое лучшее укрепить свой город стеной, что, по их мнению, будет полезно всем союзникам не менее, чем самим афинянам. (7) Ведь без единой системы безопасности союзники не в состоянии принимать одинаково важные и ценные решения на общее благо. Итак, сказал в заключение Фемистокл, либо всем союзникам следует запретить укрепление своих городов, либо и в данном случае действия афинян следует признать правильными.

92. Выслушав эти слова, лакедемоняне открыто не показали афинянам своего недовольства (ведь они, по их словам, отправляли посольство, вовсе не ставя себе целью возражать против возведения стен, а желая к общему благу повлиять на решение афинян; к тому же лакедемоняне относились тогда к афинянам особенно дружественно из-за их усердия и мужества во время войны с Мидянином). Впрочем, втайне лакедемоняне очень досадовали, что им не удалось достичь своей цели. Послам же обе стороны разрешили возвратиться домой без всяких претензий.

93. Таким образом, за короткое время афиняне успели восстановить городские стены. (2) И теперь еще заметны следы поспешности при строительстве стен. Действительно, нижние слои сложены из разных и кое-где даже необтесанных камней, то есть их укладывали в том виде, как они были доставлены. Много также было вложено в стену могильных плит и камней, приготовленных ранее для других целей. Так как окружная стена всюду была расширена (по сравнению с прежней), то весь пригодный для строительства материал в спешке приходилось брать откуда попало. (3) По настоянию Фемистокла были возобновлены работы в оставшейся еще не укрепленной части Пирея (где работы были начаты уже прежде, в течение года его архонтства). По его мнению, именно это место с тремя естественными гаванями могло дать афинянам (когда они станут морской державой) огромные преимущества для дальнейшего роста их мощи. (4) Фемистокл впервые высказал великую мысль о том, что будущее афинян на море, и положил таким образом начало строительству и укреплению Пирея, взяв это дело в свои руки тотчас же после постановле-

ния. (5) По его совету стены, возведенные вокруг Пирея, были такой толщины (как это можно видеть еще и теперь), что две встречные повозки с камнем могли там разъехаться. Внутри стен для скрепления плит не было заложено ни щебня, ни глины, но огромные прямоугольные на обтесанной стороне каменные плиты были плотно подогнаны друг к другу и с внешней стороны скреплены железными и свинцовыми скобами. Правда, по кончании постройки высота стен оказалась равной только половине высоты, задуманной Фемистоклом. (6) Ведь Фемистокл хотел возвести стены настолько высокие и толстые, чтобы враг не смел даже и помыслить о нападении на них, и для охраны их было достаточно горстки людей и даже инвалидов; всех же остальных граждан можно было посадить на корабли. (7) Действительно, Фемистокл особенно заботился о флоте, как мне кажется, оттого, что персидскому войску, по его мнению, легче напасть на Элладу с моря, нежели с суши. Поэтому и Пирей в его глазах был важнее верхнего города, и он непрестанно советовал афинянам в случае неудачи на суше спуститься в Пирей и оттуда на кораблях сражаться против любого врага. (8) Таким образом, афиняне тотчас после ухода мидян стали укреплять свой город стенами и занялись прочими военными приготовлениями.

94. Павсаний, сын Клеомброта из Лакедемона, был послан главным военачальником эллинов с 20 пелопоннесскими кораблями. В его походе участвовали также афиняне на 30 кораблях и много других союзников. Сначала союзники отплыли на Кипр и покорили бóльшую часть острова, а затем направились к Византию (который тогда находился в руках мидян) и, осадив его, овладели городом.

95. Уже давно, однако, властные повадки Павсания стали раздражать прочих эллинов (особенно ионян и всех, кто только что освободился от персидского ига). Поэтому союзники обратились к афинянам как к своим единоплеменникам с просьбой принять на себя главное командование и не допускать больше самоуправства Павсания. (2) Афиняне отнеслись к этому сочувственно и решили, приняв это предложение, распоряжаться в дальнейшем по-своему. (3) Между тем лакедемоняне отозвали Павсания, чтобы расследовать ходившие о нем слухи. Действительно, приезжавшие в Спарту эллины не раз жаловались на его злоупотребление властью, подобавшее скорее тирану, нежели

полководцу. (4) Отозвание же Павсания совпало как раз с тем временем, когда союзники (кроме пелопоннесцев), озлобленные им, перешли к афинянам. (5) Прибыв в Лакедемон, Павсаний предстал перед судом и был осужден, но только за злоупотребления против частных лиц. А от главных обвинений в государственных преступлениях ему удалось оправдаться. Обвиняли же его в основном в приверженности к персам (и это обвинение, по общему мнению, было достаточно обоснованным). (6) Поэтому Павсания уже больше не назначили главнокомандующим, а вместо него отправили Доркиса с другими полководцами и небольшим войском. Союзники, однако, не признали за ними гегемонии. (7) При таком положении этим военачальникам пришлось возвратиться в Лакедемон. После этого лакедемоняне никого больше уже не посылали из опасения, что посланные за рубеж полководцы могут быть подкуплены (как это они уже испытали на примере Павсания). Да и вообще лакедемоняне с этих пор уже не желали принимать участия в мидийской войне, считая, что афиняне (с которыми они пока еще были в дружбе) вполне способны предводительствовать союзниками.

96. Став, таким образом, предводителями по предложению союзников (из-за их ненависти к Павсанию), афиняне определили, какие города должны вносить деньги на борьбу с Варваром, а какие — выставлять корабли с экипажами (предлогом было желание отомстить Варвару за причиненные им бедствия опустошением персидской земли). Тогда впервые афиняне учредили должность эллинотамиев (казначеев союзной эллинской казны), которые принимали «форос» (так называлась уплата денежных взносов). Первый форос был установлен в сумме 460 талантов. Казнохранилищем был Делос, и в тамошнем храме происходили собрания делегатов союзников.

97. Теперь я расскажу о том, чего достигли афиняне в военных и политических делах в эпоху между войнами мидийскими и этой войной, когда они стояли во главе сперва еще независимых союзников (с правом голоса на общесоюзных собраниях) и воевали как с варварами, так и с собственными отпавшими союзниками и с теми пелопоннесцами, которые при каждом удобном случае вмешивались в дела афинян. (2) Я описал эти события, потому что никто из моих предшественников не касался этого периода, описывая ли-

бо события, предшествовавшие мидийским войнам, либо сами мидийские войны. Даже Гелланик, который, правда, коснулся этого периода в своей «Истории Аттики» (но и то лишь вкратце), допустил при этом неточность в хронологии. Вместе с тем, в этой части моего труда я дал очерк возникновения мощи Афинской державы.

98. Сначала афиняне во главе с Кимоном, сыном Мильтиада, осадив, захватили Эйон на Стримоне, который тогда еще был в руках мидян, и продали его жителей в рабство. (2) Затем они завоевали Скирос (остров в Эгейском море, населенный долопами), продали его жителей в рабство и заселили своими колонистами. (3) Потом у них началась война с каристянами на Евбее (без участия, однако, остальных евбейцев); в конце концов афиняне заставили и каристян сдаться на определенных условиях. (4) Затем вспыхнула война с восставшими наксосцами, которые после осады были вынуждены подчиниться. Это был первый случай лишения независимости союзного города вопреки существующему союзному договору. Впоследствии та же участь, по очереди, постигла и другие города.

99. Поводами к восстаниям союзников служили (наряду с другими) главным образом недоимки при уплате дани и при поставке кораблей, а также встречавшееся иногда уклонение от военной службы. Действительно, афиняне строго взыскивали недоимки, не останавливаясь перед принудительными мерами. (2) Поэтому-то власть афинян стала в тягость людям, не привыкшим к притеснениям и не склонным их переносить. И вообще господство афинян не было уже теперь так популярно, как прежде. В совместных походах афиняне обращались с союзниками не так, как с равными, и если кто-нибудь из них восставал, то восставших без труда вновь приводили к покорности. (3) Впрочем, виноваты в этом были сами союзники. Действительно, из малодушного страха перед военной службой (только чтобы не находиться вдали от дома) большинство из них позволили обложить себя налогом и вместо поставки кораблей они предпочитали вносить надлежащие денежные суммы. И таким образом афиняне получили возможность на средства союзников увеличивать свой флот, а союзники, начиная восстание, всякий раз оказывались не подготовленными к войне и беззащитными.

100. Затем при реке Евримедонте в Памфилии у афинян с союзниками произошла битва с мидянами на суше и на море, где афиняне под предводительством Кимона, сына Мильтиада, одержали в один и тот же день двойную победу. Они захватили в плен и уничтожили в общем до 200 триер финикийской эскадры. (2) Вскоре после этого против афинян восстали фасосцы, поссорившись с ними из-за расположенных напротив острова во Фракии торгово-перевалочных пунктов и золотых копей. Афиняне выслали против Фасоса эскадру и, одержав победу в морской битве, высадились на острове. (3) Приблизительно в то же время они отправили на Стримон во Фракии 10 000 колонистов частью из самих Афин и из других союзных городов с целью основать на побережье поселение, тогда называвшееся «Девять Путей», а теперь — Амфиполь. Колонистам удалось, правда, захватить «Девять Путей» (которыми владели эдоняне), но, проникнув в глубь Фракии, они потерпели решительное поражение у Драбеска в земле эдонян от объединенных сил фракийцев, которые враждебно отнеслись к основанию колонии.

101. Между тем фасосцы, потерпев несколько поражений и осажденные афинянами, обратились за помощью в Лакедемон с призывом защитить их путем вторжения в Аттику. (2) Лакедемоняне (правда, втайне от афинян) обещали помощь и уже готовились совершить вторжение, но ему помешало разразившееся в Спарте землетрясение. В то же время в Фурии и Эфее подняли восстание илоты и периэки и захватили Ифому (большинство илотов были потомками порабощенных некогда спартанцами древних мессенян, и поэтому все илоты назывались мессенянами). (3) Так у лакедемонян началась война с мессенянами в Ифоме. Фасосцам же на третий год осады пришлось сдаться афинянам: они были вынуждены срыть стены своего города, выдать корабли, немедленно уплатить денежную контрибуцию, уплачивать отныне дань, а также отказаться от рудников и всех своих владений на материке.

102. Так как война с мессенянами в Ифоме затянулась, лакедемоняне призвали на помощь союзников, в том числе афинян. Афиняне прибыли со значительным отрядом под предводительством Кимона. (2) Призвали же их лакедемоняне главным образом потому, что афиняне считались особенно искусными в

осадном деле. Но так как осада затянулась надолго, то явно обнаружилось неумение афинян овладеть крепостью: иначе ведь они взяли бы город приступом. (3) Лишь после этого похода впервые обнаружились разногласия между лакедемонянами и афинянами. Так как силой взять город оказалось невозможно, то лакедемоняне из опасения, что афиняне при их своевольной и неустойчивой политике могут, будучи к тому же иноплеменниками, при затянувшемся пребывании выступить против них вместе с мятежниками в Ифоме, отослали афинян обратно (причем только их одних из всех союзников). Правда, лакедемоняне открыто не высказывали своих подозрений, но просто заявили, что помощь афинян им больше не нужна. (4) Афиняне, однако, поняли, что их официально отсылают под столь благовидным предлогом, а в действительности им просто не доверяют. Они были возмущены и решили не терпеть более подобного обращения со стороны лакедемонян. По возвращении афиняне тотчас же разорвали союз, заключенный с ними для борьбы против Мидянина, и вступили в союз с врагами лакедемонян — аргосцами (а затем к этим двум городам присоединились, заключив клятвенный союз, также фессалийцы).

103. Между тем мессеняне в Ифоме не могли уж больше держаться и на десятый год осады заключили с лакедемонянами соглашение, получив право свободно покинуть Пелопоннес, с условием, однако, никогда туда не возвращаться, ибо каждого из них, застигнутого там, всякий имел право задержать и обратить в рабство. (2) Еще перед этим пифийский оракул изрек лакедемонянам повеление отпустить всякого молящего о защите у алтаря Ифомского Зевса. (3) Таким образом, мессеняне с женами и детьми покинули Пелопоннес, и афиняне из ненависти к лакедемонянам приняли их и переселили в Навпакт, только что захваченный ими у озольских локров. (4) Мегарцы также присоединились к афинскому союзу, отложившись от лакедемонян, потому что коринфяне пошли на них войной из-за пограничной области. Афиняне тогда заняли Мегары и Пеги, отстроили мегарцам длинные стены от города к Нисее и поставили там свои гарнизоны. Именно с этого времени коринфяне и стали ожесточенными ненавистниками афинян.

104. В это время ливиец Инар, сын Псамметиха (царь ливийцев, граничивших с Египтом), из своего опорно-

го пункта Мареи, египетского города над Фаросом, поднял восстание против царя Артаксеркса, охватившее бóльшую часть страны. Приняв на себя начальствование, Инар обратился за помощью к афинянам. (2) Афиняне, которые как раз в это время выступили с союзниками на 200 кораблях в поход на Кипр, покинули Кипр и прибыли в Египет. Поднявшись затем вверх по Нилу, они овладели рекой и двумя третями Мемфиса, а потом напали на последнюю треть (так называемую «Белую Стену»), где нашли убежище бежавшие персы и мидяне и верные царю египтяне.

105. При высадке афинян в области Галиев произошла битва с коринфянами и эпидаврийцами, и победу одержали коринфяне. Позднее афиняне сразились в морской битве с пелопоннесской эскадрой при Кекрифалии и победили противника. (2) Когда затем разразилась война афинян с эгинцами, то в большом сражении при Эгине (с участием союзников с обеих сторон) победителями вышли афиняне; они захватили 70 кораблей эгинцев. Затем, высадившись на острове под предводительством Леократа, сына Стреба, афиняне осадили город. (3) После этого на помощь эгинцам пелопоннесцы переправили 300 гоплитов (которые раньше были на службе у коринфян и эпидаврийцев). Они захватили также горную цепь Герании, откуда коринфяне с союзниками вторглись в Мегариду. Афиняне теперь, как думали коринфяне, уже не смогут помочь мегарцам (ведь бóльшая часть их войска находилась на Эгине и в Египте). Если же афиняне все же захотели бы выручить мегарцев, то им пришлось бы покинуть Эгину. (4) Тем не менее афиняне не отозвали своего войска с Эгины, а набрали новый отряд (из оставшихся в городе по возрасту) и отправили его под начальством Миронида в Мегары. (5) После безрезультатного сражения с коринфянами противники разошлись, причем ни та, ни другая сторона не признала себя побежденной. (6) После ухода коринфян афиняне (которые действительно имели некоторый перевес) воздвигли трофей. Коринфяне, между тем, возвратившись домой, были встречены там упреками и издевками стариков и поэтому спустя дней двенадцать снова вооружились, вернулись на поле битвы и там воздвигли свой трофей, как победители. Тогда афиняне совершили внезапное нападение на коринфян из Мегар, перебили людей, поставивших трофей, а остальных одолели в схвáтке.

106. Разбитые коринфяне начали отступление. При этом довольно значительный отряд их, преследуемый неприятелем, сбился с пути и попал в усадьбу частного человека — земельный участок, обведенный широким рвом без выхода на другой стороне. (2) Заметив это, афиняне поставили перед входом гоплитов, а вокруг — легковооруженных воинов и перебили всех бывших там камнями. Для коринфян это поражение было большим бедствием. Впрочем, бóльшая часть отряда коринфян благополучно вернулась домой.

107. Приблизительно в это время афиняне начали строительство Длинных Стен до моря как к Фалерской гавани, так и к Пирею. (2) И фокидяне совершили вторжение в Дориду, древнюю родину лакедемонян с городами Бэем, Китинием и Эринеем, и даже овладели одним из этих городов. Тогда лакедемоняне во главе с Никомедом, сыном Клеомброта (который правил вместо несовершеннолетнего царя Плистоанакта, сына Павсания), явились на помощь дорийцам с 1500 своих гоплитов и 10 000 союзников. Заставив фокидян пойти на соглашение и отдать город, лакедемоняне собрались в обратный путь. (3) При попытке переправиться морем через Крисейский залив лакедемоняне могли бы ожидать помехи со стороны крейсировавшей там афинской эскадры. Путь же через Геранию считался небезопасным, так как афиняне стояли в Мегарах и Пегах. Действительно, труднопроходимые дороги в Геранию находились под постоянным наблюдением афинян, которые намеревались (как только что узнали лакедемоняне) и здесь их не пропустить. (4) Тогда лакедемоняне решили пока что остаться в Беотии и обдумать, как безопаснее всего им возвратиться домой. Между прочим, их тайно побуждали к этой остановке в Беотии некоторые афиняне, рассчитывавшие с их помощью свергнуть демократию и помешать строительству Длинных Стен. (5) Между тем афиняне все поголовно выступили против лакедемонян вместе с 1000 аргосцев и подошедшими отрядами прочих союзников (а всего в совокупности 14 000 человек). (6) Афиняне предприняли этот поход, решив, что лакедемоняне никак не смогут пройти на родину, а отчасти и оттого, что заподозрили попытку лакедемонян свергнуть демократию. (7) На помощь афинянам, согласно союзному договору, явилась также и фессалийская конница, которая, однако, во время битвы перешла на сторону лакедемонян.

108. В битве, которая произошла при Танагре в Беотии, победу одержали лакедемоняне с союзниками (причем обе стороны понесли тяжелые потери). (2) Потом лакедемоняне вступили в Мегариду и, опустошив поля и вырубив плодовые деревья, возвратились домой через Геранию и Истм. Спустя 62 дня после битвы афиняне во главе с Миронидом вторглись в Беотию, разбили беотян в битве при Энофитах и подчинили всю Беотию и Фокиду. (3) Они велели затем срыть стены Танагры, приказали опунтским локрам выдать 100 заложников из богатейших граждан. К тому же времени они завершили постройку своих Длинных Стен. (4) Вскоре за тем эгинцы также сдались афинянам; им тоже пришлось разрушить стены, выдать свои корабли и платить отныне подать. Афинская эскадра под начальством Толмида, сына Толмея, обогнула также Пелопоннес. Афиняне сожгли корабельную верфь лакедемонян, захватили коринфский город Халкиду и, высадившись в Сикионской области, одержали победу над сикионцами.

109. Между тем афиняне с союзниками все еще продолжали оставаться в Египте, сражаясь там с переменным успехом. (2) Действительно, сначала афинянам удалось овладеть всем Египтом. Затем персидский царь отправил в Лакедемон перса Мегабаза с большой суммой денег, рассчитывая склонить пелопоннесцев к вторжению в Аттику и вынудить этим афинян покинуть Египет. (3) Однако его посольство постигла неудача, деньги были растрачены напрасно, и Мегабазу с остатком денег пришлось возвратиться в Азию. Тогда царь послал в Египет Мегабиза, сына Зопира, во главе большого войска. (4) Мегабиз прибыл в Египет по суше, разбил в сражении египтян и их союзников, изгнал затем эллинов из Мемфиса и, наконец, запер их на острове Просопитиде. Полтора года вел Мегабиз осаду острова, пока, наконец, ему не удалось осушить канал, отведя воду в другое место, и посадить эллинские корабли на сушу, превратив большую часть острова в материк. После этого он перешел с войском на остров по суше и захватил его.

110. Таков был гибельный конец эллинского похода после шестилетней войны. Из всего войска лишь немногим удалось спастись через Ливию в Кирену, бóльшая часть воинов погибла. (2) Теперь весь Египет вплоть до области царя Амиртея в болотистых низинах дельты Нила вновь оказался под властью персид-

ского царя. Однако царя Амиртея в его обширных болотах нельзя было одолеть (к тому же жители этих болотистых низин — самые храбрые воины среди египтян). (3) Инар же, ливийский царь, зачинщик всего восстания, вследствие измены попал в руки персов и был распят ими на кресте. Между тем пятьдесят триер, посланных на смену в Египет из Афин и из других областей союза, вошли в Мендесийский рукав Нила, ничего не подозревая еще о происшедших событиях. Здесь афинские корабли подверглись одновременно нападению персидской пехоты с суши и финикийской эскадры с моря. Бóльшая часть афинских кораблей погибла, и лишь немногие спаслись. Так окончился великий египетский поход афинян и их союзников.

111. Изгнанный из Фессалии Орест, сын фессалийского царя Эхекратида, убедил афинян вернуть его на родину. Афиняне вместе с беотийцами и фокидянами (бывшими тогда их союзниками) выступили в поход на Фарсал в Фессалии. Они захватили небольшую часть вражеской земли, именно столько, чтобы при этом не слишком удаляться от своего лагеря (ибо фессалийская конница их постоянно тревожила). Взять же город афиняне не смогли. Вообще поход постигла неудача, и, ничего не добившись, афинянам пришлось возвратиться назад вместе с Орестом. (2) Немного спустя после этого афинская эскадра с 1000 афинян на борту вышла в море из Пег (которыми афиняне тогда владели) и под начальством Перикла, сына Ксантиппа, проплыла вдоль побережья к Сикиону. Там афиняне высадились и в схватке с сикионцами одержали победу. (3) Сразу же после этого, получив подкрепление от ахейцев, афиняне переправились в Акарнанию к Эниадам, двинулись на город и осадили его. Взять Эниады, однако, не удалось, и афинянам пришлось возвратится ни с чем.

112. Спустя три года пелопоннесцы заключили с афинянами перемирие на пять лет. (2) Поэтому афиняне прекратили войну в Элладе и под предводительством Кимона пошли в поход на Кипр с 200 собственных и союзнических кораблей. (3) Однако 60 из этих кораблей были посланы в Египет по просьбе Амиртея, царя болотистой низменности Нильской дельты. Остальные корабли начали осаду Кития. (4) После смерти Кимона, когда у афинян кончились запасы продовольствия, им пришлось, однако, отступить. Отплыв затем от Саламина на Кипр, афиняне одновре-

менно вступили в сражение на море и на суше с финикийцами, киликийцами и кипрянами. Тут и там афиняне одержали победу и возвратились домой вместе с кораблями, вернувшимися из Египта. (5) После этого лакедемоняне начали так называемую священную войну. Они овладели дельфийским святилищем и передали его дельфийцам. После ухода лакедемонян афиняне пришли с войском и, захватив святилище, возвратили его фокидянам.

113. Через некоторое время афиняне с 1000 своих гоплитов и отдельными отрядами союзников под начальством Толмида, сына Толмея, выступили в поход против беотийских изгнанников, захвативших Орхомен, Херонею и некоторые другие места Беотии. Овладев Херонеей и продав в рабство жителей города, афиняне оставили там гарнизон и ушли. (2) Однако на обратном пути у Коронеи на них напали беотийские изгнанники из Орхомена вместе с локрами и евбейскими изгнанниками и другими их единомышленниками. В битве афиняне потерпели поражение, причем бóльшая часть их была перебита или взята в плен. (3) Из-за этой неудачи афинянам пришлось оставить всю Беотию. По условиям перемирия они выговорили себе лишь возвращение пленников. (4) Беотийские же изгнанники, равно как и все остальные, возвратились на родину и вновь получили независимость.

114. Немного спустя после этого отпала от афинян Евбея. Афинское войско во главе с Периклом уже переправилось на Евбею, когда пришли известия о восстании в Мегарах, о предполагаемом вторжении пелопоннесцев в Аттику и об избиении мегарцами всего афинского гарнизона, из которого лишь немногим удалось спастись в Нисею: мегарцы отпали от афинян, призвав на помощь коринфян, сикионцев и эпидаврян. Тогда Перикл поспешно вывел свое войско с Евбеи. (2) После этого пелопоннесцы под предводительством лакедемонского царя Плистоанакта, сына Павсания, вторглись в Аттику, дойдя до Элевсина и Фрии, и опустошили страну; однако дальше не пошли и возвратились домой. (3) Тогда афиняне под начальством Перикла вновь переправились на Евбею и покорили весь остров. По договору с жителями они установили во всех городах угодное им государственное устройство. Только гестиейцев они изгнали из их области и сами завладели ею.

115. Вскоре после ухода с Евбеи афиняне заключили с лакедемонянами[1] и их союзниками тридцатилетний мир, причем отдали свои пелопоннесские владения: Нисею, Пеги, Трезен и Ахаию. (2) Шесть лет спустя вспыхнула война Самоса с Милетом из-за Приены. Когда милетяне стали терпеть поражения, то обратились к афинянам с жалобами на самосцев. Однако и на Самосе нашлись люди, желавшие политических перемен. (3) Поэтому афиняне отплыли на Самос с 40 кораблями, установили там демократию и потребовали выдачи в качестве заложников 50 мальчиков и столько же взрослых мужчин и затем отправили их на Лемнос. Оставив на Самосе гарнизон, афиняне отплыли назад. (4) Между тем некоторые самосцы, не ожидая высадки афинян, бежали на материк в Сарды и там договорились с влиятельными лицами из местной аристократии и с Писсуфном, сыном Гистаспа, который был тогда сатрапом Сард, совершить внезапное нападение на Самос. С отрядом человек в 700 заговорщики ночью переправились на остров. (5) Прежде всего они напали на главарей демократического правительства, большинство которых им удалось захватить. Затем похитили своих заложников с Лемноса, открыто объявили независимость и выдали захваченный ими афинский гарнизон и начальников, поставленных Периклом, Писсуфну. После этого заговорщики тотчас же стали готовиться к походу на Милет. Одновременно с ними восстали также и византийцы.

116. Узнав о событиях на Самосе, афиняне отплыли туда на 60 кораблях. Шестнадцать из этих кораблей, впрочем, афиняне не могли использовать, так как часть их пришлось послать в Карию для разведки и наблюдения за финикийской эскадрой, а другую на Хиос и Лесбос, чтобы призвать на помощь союзников. С остальными 44 кораблями под командой Перикла и девяти других военачальников афиняне у острова Трагии вступили в бой с 70 самосскими кораблями, 20 из которых были транспортными (вся самосская эскадра шла как раз из Милета). Победу одержали афиняне. (2) Затем, пополнив свои силы 40 кораблями из Афин и 25 — с Хиоса и Лесбоса, афиняне высадились на Самосе, одержали победу на суше и осадили город, заперев его тремя стенами с суши и одновременно блокировав с моря. (3) В это время Перикл получил известие о приближении финикийской эскадры и немедленно вышел в море с 60 кораблями из числа стоявших на якоре у Самоса, держа курс на Кавн и Ка-

рию. Действительно, и от Самоса навстречу финикийской эскадре незаметно вышли 5 кораблей под командой Стесагора и других военачальников.

117. Между тем самосцы внезапно напали на своих кораблях на незащищенную стоянку афинской эскадры, потопили сторожевые суда и одержали победу над вышедшими навстречу афинскими кораблями. Таким образом, самосцы вновь обрели на 14 дней господство в своих внутренних водах и могли теперь привозить и вывозить все, что хотели. (2) По возвращении Перикла они снова были блокированы афинской эскадрой. Позднее афиняне получили из Афин дополнительные подкрепления — 40 кораблей под командой Фукидида, Гагнона и Формиона и 20 — под командой Тлеполема и Антикла и, кроме того, еще 30 хиосских и лесбосских судов. (3) Самосцы еще раз завязали незначительное морское сражение, но уже не смогли долго держаться и на девятом месяце осады сдались афинянам. По соглашению о сдаче им пришлось срыть свои стены, выдать заложников и корабли, а также принять на себя военные расходы с выплатой в определенные сроки. Сдались также и византийцы, обязавшиеся, как и раньше, оставаться подданными афинян.

118. Через несколько лет произошли упомянутые выше раздоры на Керкире и в Потидее, а также и остальные события, послужившие непосредственным поводом к этой войне. (2) Все эти военные действия эллинов друг против друга и против Варвара падают приблизительно на пятидесятилетие, прошедшее со времени ухода Ксеркса из Эллады до начала этой войны. За эти годы афиняне не только укрепили внешнее положение своей державы, но и сам город достиг великой мощи. Лакедемоняне же хотя и замечали рост афинского могущества, но почти никогда не чинили афинянам помех; бóльшую часть этого периода они сохраняли спокойствие, во-первых, потому что без особой необходимости вообще не начинали войн, а кроме того, и потому, что были отвлечены своей внутренней войной. Когда же, наконец, Афины достигли явного преобладания и стали даже нападать на союзников лакедемонян, те сочли подобное положение недопустимым. Они решили теперь со всем усердием взяться за дело и по возможности сокрушить могущественного врага силой оружия. (3) Сами лакедемоняне уже признали, что мир нарушен по вине афинян,

но все же отправили посольство в Дельфы вопросить бога: разумно ли им начинать войну или нет. А бог, как говорят, изрек в ответ: если они будут вести войну всеми силами, то победят, а сам он — званый ли незваный — будет на их стороне.

119. Тогда лакедемоняне созвали союзников, чтобы голосованием решить, следует ли объявлять войну. По прибытии союзных послов собралось совещание, причем каждый город высказывал свое мнение. Большинство жаловалось на афинян, требуя объявления войны. Коринфяне же и раньше, боясь, как бы не потерять Потидею, старались уговорить отдельные города голосовать за войну и на собрании, выступив последними, произнесли такую речь.

120. «Теперь, союзники, мы уже не можем обвинять лакедемонян, поскольку они и сами решились воевать и нас собрали сюда для голосования относительно войны. Ведь вождям союза подобает заниматься не только собственными делами, но предусматривать равным образом и общие интересы, раз им и в других областях предоставлены почетные преимущества перед всеми союзниками. (2) И те из нас, кто уже имел дело с афинянами, не нуждаются в наставлениях, что с ними нужно быть настороже. Но те, кто живет в глубине страны, далеко от моря, должны знать, что вывоз их собственных продуктов, а также ввоз товаров морем на материк будет значительно затруднен, если они теперь же не защитят приморские города. Поэтому они не должны выносить неправильное решение по обсуждаемому вопросу, воображая, будто он вовсе их не касается. Если они покинут приморские города на произвол судьбы, то, без сомнения, опасность дойдет когда-нибудь и до них, так что и теперь речь идет также и об их интересах. (3) Поэтому пусть они, не колеблясь, выбирают войну, а не мир. Люди рассудительные, пока их не тревожат, сохраняют мир. Но доблестные люди, когда их права нарушены, меняют мир на войну и, только достигнув удовлетворения, возвращаются к миру. Они не возносятся военными успехами, но и не дадут себя в обиду ради любви к миру и покою. (4) Ведь и тот, кто избегает войну ради утех мира, скорее всего лишится радости покоя, и тот, кто слишком возгордился военными успехами, не сознает, как легко можно просчитаться, поддавшись безрассудной отваге. (5) Иногда, правда, и необдуманные планы удаются, так как враги оказываются еще более без-

рассудными, но чаще даже и хорошо рассчитанные начинания все же кончаются печально. Никто ведь не бывает равно предусмотрительным, задумывая план и приводя его в исполнение. В рассуждениях мы тверды, а в действиях уступаем страху.

121. Сейчас мы поднимаемся на войну, так как терпим обиды и у нас есть причины жаловаться. И когда мы разочтемся с афинянами, настанет пора отложить оружие. (2) Многое делает вероятной нашу победу. Прежде всего, на нашей стороне превосходство в численности и в военном опыте, и мы все как один готовы выступить под единым началом. (3) Флот же (в чем у них преимущество) мы построим частью на средства отдельных союзных городов, а частью на храмовые средства Дельфов и Олимпии. Получив займы, мы сможем переманить к себе наемных матросов противника, подкупив их более высокой платой. Ведь у афинян в войске служит больше наемников, чем своих граждан. Наше же войско не подвержено этому, его сила не в деньгах, а в людях. (4) По всей вероятности, после первой же нашей победы на море афиняне сразу сдадутся. Если же все-таки они будут стойко сопротивляться, то мы со временем, все больше совершенствуясь в морском деле, сравняемся с ними в этом искусстве и, конечно, благодаря нашему мужеству превзойдем их. Ведь наша доблесть — врожденная, и они ей не научатся, а их высокое военное искусство мы сможем усвоить упражнением. (5) Средства, необходимые для этой войны, мы соберем. Можно ли допустить, что афинские союзники не откажутся платить подати, служащие только к их окончательному порабощению, а мы не захотим понести затраты, чтобы покарать врагов и спасти нашу жизнь, и позволим афинянам отнять наши деньги на нашу погибель.

122. Есть у нас и другие пути и средства вести войну. Мы можем склонить к восстанию афинских союзников и этим лишить афинян прежде всего доходов — главного источника могущества — или возвести укрепления на их земле. Найдется и еще много других средств и способов, которые в частностях заранее нельзя предвидеть. Ведь очень редко войну ведут по заранее определенному плану, но чаще всего сама война выбирает пути и средства в зависимости от обстоятельств. Поэтому тот, кто спокойно оценивает обстановку, вернее добьется успеха на войне, тот же, кто утрачивает хладнокровие, несомненно столкнется

с поражениями. (2) Допустим, что дело у нас шло бы только о пограничной войне какого-нибудь союзного города с равным противником — это еще можно было бы стерпеть. Но афиняне не уступают в силе всему нашему союзу и, тем более, превосходят каждый наш город в отдельности. Поэтому если весь наш союз, каждая народность и каждый отдельный город единодушно не окажут им противодействия, то они без особого труда одолеют нас порознь. Знайте же: поражение (как ни горестно такое предположение) привело бы нас к подлинному рабству. (3) А об этом Пелопоннесу стыдно даже помыслить; стольким городам потерпеть такое унижение от одного города. Если мы допустим это, о нас подумают, что мы либо наказаны справедливо, либо терпим рабство из трусости. Мы окажемся недостойными своих отцов — освободителей Эллады, если не обеспечим свободу самим себе и позволим одному городу стать единодержавным властелином Эллады, между тем как в отдельных городах требуем низвержения тиранов. (4) Не видим возможности рассматривать подобное поведение иначе, как проявление трех величайших пороков, свойственных человеку,— глупости, слабости и нерадения. Надеемся, что вы, избегнув этих пороков, не впали и в порок самолюбования, которое погубило уже столь многих, что заслуживало бы быть переименованным в самоубивание.

123. К чему, однако, распространяться о прошлом долее, чем это полезно для настоящего? Не оставляя текущих дел, вы должны трудиться еще и для будущего (ведь добывать доблесть «тягостным потом» вам завещали отцы). Такого правила вам следует держаться и дальше, даже если теперь вы стали немного богаче и могущественнее и можете позволить себе больше, чем ваши отцы. Было бы несправедливо приобретенное в бедности потерять теперь, когда вы в достатке. Смело начинайте войну, на что вас побуждает многое. Бог изрек вам оракул и обещал свое заступничество. Вся остальная Эллада либо из страха, либо из выгоды будет на вашей стороне. (2) Вы даже не нарушите первыми мирного договора (ведь и бог также считает его уже нарушенным, повелевая вам воевать). Напротив, вы выступите за мир, после того как другая сторона его нарушила. Ведь не тот нарушитель мира, кто защищается, а тот, кто нападает первым.

124. Итак, у вас во всех отношениях наилучшие воз-
 можности для войны, и так как мы все единодушно

требуем вынести решение о войне (поскольку оно совершенно очевидно в интересах как городов, так и частных граждан), то не медлите больше, помогите потидейцам и добейтесь свободы для остальных городов. Потидейцы — доряне, и теперь они осаждены ионянами (тогда как прежде всегда бывало наоборот). Недопустимо дольше терпеть, когда одни города уже сегодня подвергаются насилию, а других (как только станет известно, что мы, собравшись здесь, не нашли мужества взяться за оружие для защиты) не замедлит постигнуть та же участь. (2) Поэтому поймите, союзники, что вы дошли до крайности и при таком положении мы даем вам наилучший совет: голосуйте за войну, не давайте запугать себя предстоящими трудностями, но стремитесь к более длительному миру после войны. (3) Ведь прежде всего, объявив войну, вы скорее добьетесь прочного мира, а из любви к миру отказываться от войны небезопасно. Нет сомнения, что этот город, ставший тираном Эллады, одинаково угрожает всем: одни города уже в его власти, а над другими он замышляет установить свое господство. Поэтому давайте немедленно выступим против него и поставим его на место, чтобы впредь не только самим жить в безопасности, но и освободить порабощенных ныне эллинов». Так говорили коринфяне.

125. Выслушав мнение всех союзников, лакедемоняне провели голосование среди всех присутствующих по порядку, не делая различия между большими и малыми городами. И большинство городов подало голос за войну. (2) Сразу же выполнять это решение было невозможно ввиду недостаточной подготовленности к войне пелопоннесских союзников. Поэтому постановили, чтобы каждый город сделал необходимые приготовления, и притом немедленно. Тем не менее подготовка к войне заняла много времени (хотя и не целый год), прежде чем дело дошло до вторжения в Аттику и открытого начала военных действий.

126. Тем временем лакедемоняне вновь отправили посольство в Афины с жалобами, чтобы иметь более веский повод к войне, если не получат от них удовлетворительного ответа. (2) Прежде всего лакедемоняне потребовали через послов очистить город от осквернения, причиненного храму Богини. Это осквернение состояло в следующем. (3) Жил в старину в Афинах некто Килон, олимпийский победитель, человек влиятельный и знатного рода. Он взял себе в жены дочь

мегарца Феагена, в то время тирана Мегар. (4) Этому-то Килону, вопросившему оракул в Дельфах, бог изрек прорицание: на величайшем празднике Зевса Килон должен овладеть афинским акрополем. (5) Во время игр в пелопоннесской Олимпии Килон с отрядом вооруженных людей, присланных Феагеном, и своими приверженцами захватил акрополь, намереваясь стать тираном. Он полагал, что это и есть тот «величайший праздник Зевса», о котором изрек ему оракул, и что он как победитель в Олимпии имеет особое основание толковать оракул именно так. (6) Подразумевалось ли в вещании «величайшее празднество» в Аттике или где-либо в другом месте, об этом Килон не подумал, а оракул не разъяснил. (Ведь в Аттике также есть празднество — Диасии, которые называются «величайшим праздником» Зевса Милостивого и справляются за городом). На празднестве совершаются всенародные жертвоприношения; многие приносят жертвы, но не животные, а бескровные. Килон, считая, что правильно понял оракул, и приступил к задуманному делу. (7) Едва об этом событии узнали в городе, как жители толпами сбежались с полей и, расположившись перед акрополем, осадили Килона с его приверженцами. (8) Однако через некоторое время, утомленные осадой, они разошлись по домам. Охранять же акрополь поручили девяти архонтам с правом распоряжаться по своему усмотрению (в те времена большая часть государственных дел была в ведении девяти архонтов). (9) Между тем осажденные Килон и его сторонники страдали от голода и жажды. (10) Килону и его брату удалось бежать. Остальные же, находясь уже при смерти, сели у алтаря богини, как умоляющие о защите. (11) Когда афинские стражи акрополя увидели, что осажденные вот-вот умрут в святилище, они вывели их оттуда, пообещав не причинять вреда, а затем умертвили. Убили также несколько человек, искавших спасения в святилище Милостивых богинь. С тех пор всех, участвовавших в этом святотатстве, и их потомков стали называть нечестивцами и осквернителями богини. (12) Афиняне изгнали этих нечестивцев, а впоследствии лакедемонянин Клеомен с помощью восставших афинян вторично изгнал живущих, а кости умерших велел вырыть из могил и выбросить из страны. Однако позже изгнанники возвратились, и их потомки еще и поныне живут в городе.

127. Эту-то скверну лакедемоняне и потребовали изгнать, прежде всего для того, чтобы умилостивить богов, но также и потому, что, как им было известно, Перикл, сын Ксантиппа, был причастен к этой скверне со стороны матери. Лакедемоняне считали, что после изгнания Перикла они легче справятся с афинянами. (2) И хотя прямо на изгнание Перикла нельзя было рассчитывать, но все же лакедемоняне надеялись этим подорвать его положение в государстве, так как его несчастное родство могло быть сочтено частично причиной войны. (3) Действительно, Перикл был в то время самым влиятельным человеком и пока стоял во главе государства, всегда был врагом лакедемонян. Он не только не допускал уступчивость, но, напротив, побуждал афинян к войне.

128. В свою очередь афиняне также потребовали от лакедемонян очиститься от скверны, изгнав виновников преступления на Тенаре: некогда лакедемоняне убедили илотов, нашедших убежище в святилище Посейдона на Тенаре, выйти оттуда и вероломно умертвили их. Это святотатство и было, по мнению самих лакедемонян, причиной великого землетрясения в Спарте. (2) Кроме того, афиняне выставили лакедемонянам требование очиститься от святотатства, которым они запятнали себя против Афины Меднодомной. Состояло оно вот в чем. (3) После первого отрешения Павсания от должности главнокомандующего на Геллеспонте лакедемоняне привлекли его к суду, но оправдали. Однако главнокомандующим от имени государства на Геллеспонте его уже не послали. Тем не менее Павсаний по своему почину снарядил гермионскую триеру и прибыл на Геллеспонт якобы для того, чтобы сражаться за дело эллинов, а в действительности для тайных переговоров с персидским царем (что он, впрочем, сделал уже и раньше, стремясь к владычеству над всей Элладой). (4) Первым шагом к тому, чтобы завязать сношения с персами, была услуга, оказанная царю Павсанием по следующему поводу. (5) После отъезда с Кипра во время первого пребывания Павсания на Геллеспонте в его руки при взятии Византия попало среди пленников мидийского гарнизона несколько близких родственников царя. Без ведома остальных союзников Павсаний отослал их царю (по его утверждению, пленникам будто бы удалось бежать). (6) А устроил этот побег Павсаний с помощью эретрийца Гонгила, которому поручил ведать городом

и отдал пленников. Этого Гонгила он отправил к царю с посланием, в котором, как выяснилось впоследствии, писал вот что: «Павсаний, спартанский предводитель, желая оказать тебе услугу, отсылает тебе этих взятых им пленников. Я готов, если тебе угодно, взять твою дочь в жены и подчинить Спарту и всю остальную Элладу твоему владычеству. В союзе с тобой, полагаю, я в состоянии это совершить. Если тебе по душе эти мои предложения, то пошли к морю верного человека для продолжения этих переговоров».

129. Таково было содержание послания. Получив его, Ксеркс обрадовался и отправил к морю Артабаза, сына Фарнака, с повелением управлять Даскилийской сатрапией, отрешив Мегабата, который прежде правил ею. Царь приказал также Артабазу немедленно передать Павсанию в Византий ответное послание с предъявлением царской печати и все поручения Павсания по царским делам выполнять точно и неукоснительно. (2) Прибыв в назначенное место, Артабаз выполнил все царские поручения и передал ответное послание. А в ответе царь писал вот что: «Так говорит царь Ксеркс Павсанию. Добрая услуга, которую ты оказал мне спасением моих пленных людей, которых ты прислал ко мне из-за моря из Византия, записана и хранится на вечные времена в памяти нашего дома. Твои предложения мне по душе. Ни днем, ни ночью не прекращай трудов, выполняя свой замысел. Знай, что для выполнения твоего замысла будет у тебя всегда сколько угодно золота, серебра и достаточное войско, где бы оно ни потребовалось. Я послал к тебе Артабаза, доблестного мужа. Ему ты можешь довериться и обсудить с ним наше общее дело, имея в виду наибольшую выгоду для нас обоих».

130. Получив это царское послание, Павсаний (который и раньше был в великом почете у эллинов как главнокомандующий при Платеях) теперь еще более возгордился. Не довольствуясь прежним простым образом жизни, он стал носить мидийское платье и после отъезда из Византия ехал через Фракию в сопровождении мидийских и египетских телохранителей; он завел роскошный персидский стол и, не будучи в состоянии скрыть свои настроения, уже в мелочах обнаруживал, чего можно ожидать от него в будущем. (2) Нелегко было получить к нему доступ, и его высо-

комерные повадки делали невозможным всякое обще-

ние с ним. Именно по этой причине союзники главным образом и перешли к афинянам.

131. А лакедемоняне, узнав о таком поведении Павсания, именно тогда в первый раз отозвали его, а затем он, отплыв без приказания в Геллеспонт на упомянутом гермионском корабле, видимо, продолжал вести себя по-прежнему. Когда афиняне силой заставили его покинуть Византий, Павсаний не возвратился в Спарту, а поселился в Колонах Троадских и, по слухам, тайно вступил в сношения с варварами, так что его дальнейшее пребывание там не сулило ничего хорошего. Тогда лакедемоняне вторично отозвали его: эфоры отправили к нему глашатаев с приказом, навернутым на скиталу, следовать за глашатаем и в случае неповиновения объявляли ему войну. (2) Павсаний, чтобы не возбуждать дальнейших подозрений, в уверенности, что уладит дело подкупом, вторично возвратился в Спарту. Здесь эфоры сначала заключили его в темницу (эфоры ведь имеют власть заключать под стражу даже самого царя). Затем, однако, Павсанию удалось добиться освобождения: он объявил, что готов добровольно отвечать перед судом всем, кто пожелает выставить против него обвинения.

132. Впрочем, достоверных доказательств вины Павсания как у властей, так и у его личных врагов среди спартиатов не было, чтобы на этом основании с твердой уверенностью покарать человека царского происхождения, да к тому же еще и теперь облеченного высоким саном (ведь как племянник царя Леонида он был опекуном его малолетнего сына Плейстарха). Тем не менее его образ жизни, несхожий с установленными обычаями, и стремление подражать варварам давали множество поводов подозревать, что он не желает как равный подчиняться спартанским обычаям. (2) Поэтому лакедемоняне вообще стали выискивать, не было ли у Павсания и в прошлом каких-либо отклонений от установленных обычаев. Между прочим, вспомнили, что Павсаний осмелился самовольно начертать на треножнике, посвященном эллинами в Дельфы как приношение из мидийской добычи, следующее элегическое двустишие:

> Эллинов вождь и начальник Павсаний в честь Феба владыки
> Памятник этот воздвиг, полчища мидян сломив.

(3) Это двустишие лакедемоняне велели тотчас же выскоблить с треножника и взамен вырезать имена всех

городов, воздвигнувших этот жертвенный дар после общей победы над Варваром. Если своим поступком Павсаний уже в то время внушал подозрение, то по его теперешнему поведению можно было со всей вероятностью заключить, что у него уже тогда были подобные преступные замыслы. (4) Вели розыск о каких-то его переговорах с илотами. А дело обстояло вот как. Павсаний сулил илотам свободу и гражданские права, если те поднимут восстание в поддержку его замыслов. (5) Но даже несмотря на это, эфоры все же не поверили доносам каких-то илотов и не решились выступить против Павсания, согласно правилу никогда не спешить и без явных доказательств не предпринимать против спартиата чего-либо непоправимого, пока, как говорят, не предал его эфорам вестник, который должен был вручить Артабазу его последнее послание. Этот вестник, уроженец Аргила, был прежде любовником Павсания и, по его мнению, самым верным человеком. Когда он сообразил, что никто из прежних вестников не возвращался назад, то вскрыл послание, предварительно подделав печать, чтобы не выдать себя в случае ложного подозрения или, если Павсаний возьмет послание назад, чтобы внести какие-либо изменения. В послании, как он и подозревал, действительно нашел приписку, в которой значилось, что вестника следует умертвить.

133. Итак, лишь теперь, после того как аргилец предъявил им послание, эфоры были уже более склонны поверить вине Павсания, но все же сначала пожелали услышать какие-либо показания из его собственных уст. По уговору с эфорами доносчик отправился на Тенар как умоляющий о защите и построил там себе хижину, разделенную перегородкой на две части. В заднем помещении он скрыл нескольких эфоров. Когда Павсаний пришел в хижину и спросил аргильца о причине его моления о защите, эфоры могли ясно слышать всю их беседу: как этот человек, упрекая Павсания в том, что было написано о нем в послании, изложил во всех подробностях обстоятельства дела, а именно, что он никогда раньше не подвергал опасности Павсания, оказывая услуги при сношениях с царем, и что теперь в воздаяние за все это его наравне со многими другими вестниками приносят в жертву и хотят умертвить. Затем и Павсаний признал справедливость упреков и просил аргильца больше не гневаться, заверив его, что он безопасно может покинуть святи-

лище, и, наконец, потребовал как можно скорее отправиться в путь, чтобы не затягивать переговоры.

134. Выслушав весь этот разговор, эфоры возвратились уже совершенно убежденные в виновности Павсания и приказали задержать его. Когда Павсания пытались схватить на улице, он, как передают, узнал по выражению лица одного из эфоров, с какой целью тот подошел (и по едва заметному кивку другого эфора, дружески предупреждавшего его). Тогда Павсаний побежал к находившемуся поблизости святилищу Меднодомной богини, где и нашел убежище. Войдя затем в небольшую храмовую пристройку, чтобы не подвергаться непогоде под открытым небом, он стал спокойно ждать своей участи. (2) Не успев задержать его, эфоры приказали снять крышу и двери помещения и, улучив момент, когда Павсаний находился внутри, замуровали выход. Затем они приставили стражу к дому, чтобы голодом вынудить пленника сдаться. (3) Заметив, что он уже готов испустить дух, эфоры велели вытащить его из помещения, после чего он тут же скончался. (4) Тело Павсания хотели сначала сбросить в Кеадскую пропасть, куда обычно бросали преступников, но потом решили зарыть где-то поблизости. Впоследствии, однако, дельфийский бог изрек лакедемонянам повеление перенести погребение на место смерти (где прах его находится и поныне, именно на площадь перед святилищем, как гласит надпись на стелах), а во искупление святотатства посвятить Афине Меднодомной два тела взамен одного. Впоследствии лакедемоняне велели изваять и принести в дар богине две медных статуи за Павсания.

135. Афиняне со своей стороны потребовали от лакедемонян изгнать скверну, так как ведь и бог признал происшествие нарушением святыни. (2) После смерти Павсания лакедемоняне отправили посольство в Афины, чтобы также и Фемистокла обвинить в сношениях с мидянами, установленных расследованием по делу Павсания, и потребовали такого же наказания также и для него. (3) Афиняне согласились (Фемистокл тогда уже был изгнан остракизмом и жил в Аргосе, но посещал и другие земли Пелопоннеса) и вместе с лакедемонянами, которые изъявили готовность участвовать в этом, послали людей с приказанием схватить Фемистокла, где бы они его ни нашли.

136. Фемистокл проведал об этом и бежал на Керкиру, так как был благодетелем керкирян. Керкиряне же объявили, что не могут оставить его у себя из боязни

навлечь на себя вражду лакедемонян и афинян, и переправили его на близлежащий материк. (2) Преследуемый посланными, которые узнавали по расспросам, куда он направлялся, Фемистокл по неблагоприятному для него стечению обстоятельств был вынужден искать убежища у своего недруга Адмета, царя молоссов. (3) Сам Адмет в это время отсутствовал. А супруга царя, когда Фемистокл обратился к ней с просьбой о защите, научила его сесть у очага, взяв на руки их маленького сына. (4) Когда Адмет вскоре возвратился домой, Фемистокл открыл свое имя и просил не мстить изгнаннику, хотя он, Фемистокл, действительно (когда царь обращался в Афины за помощью) выступал против него. Ведь он, Фемистокл, теперь в такой крайности, что может пострадать от гораздо более слабого противника, а благородно мстить лишь равному себе и в равном положении. Кроме того, он выступил против просьбы Адмета, когда дело шло о пустяках, а не о жизни и смерти. Если же его теперь выдадут, то ему придется оставить надежду на спасение. Затем Фемистокл рассказал царю, кто и за что преследует его.

137. Тогда Адмет велел Фемистоклу встать вместе с его сыном (Фемистокл сидел у очага с маленьким сыном царя на руках, и это было самым действенным средством мольбы о защите). И когда немного спустя прибыли лакедемоняне и афиняне, настоятельно требуя выдачи Фемистокла, царь все-таки отказал, а Фемистокла велел проводить через свою землю к другому берегу в Пидну, столицу царя Александра (так как изгнанник хотел отправиться к персидскому царю). (2) Здесь ему удалось сесть на грузовой корабль, плывший как раз в Ионию. Бурей, однако, корабль отнесло к стоянке афинской эскадры, которая осаждала Наксос. До сих пор на корабле никто не знал его имени. Только теперь, в тревоге за свою жизнь, Фемистокл открылся капитану корабля, кто он и почему его преследуют. Если капитан не спасет его, сказал Фемистокл, то он объявит, что тот принял его на борт, будучи подкуплен. Единственная гарантия его безопасности в том, чтобы никто не сходил на берег, пока корабль не двинется дальше при попутном ветре. Если же капитан согласится на это, то в благодарность получит достойную награду. Капитан исполнил просьбу Фемистокла: пробыв сутки в открытом море вне пределов досягаемости афинской эскадры, он прибыл затем

в Эфес. (3) В благодарность за спасение Фемистокл одарил капитана крупной денежной суммой (он получил потом от друзей из Афин и Аргоса отданные им на хранение деньги). Вместе с одним персом, жителем приморской области, Фемистокл отправился затем в путешествие в глубь Азии и по пути отправил послание недавно вступившему на престол сыну Ксеркса царю Артаксерксу. (4) Послание гласило так: «Я, Фемистокл, прихожу ныне к тебе. Я причинил вашему дому больше всего вреда из всех эллинов, пока мне приходилось обороняться от нападения твоего отца, но я сделал ему еще гораздо больше добра, когда мне уже нечего было бояться, а он попал в опасное положение на обратном пути. И этим я приобрел право на благодарность». (Здесь Фемистокл сослался на то, что предупредил об отступлении от Саламина и воспрепятствовал разрушению моста — заслуга, которую он приписал себе неосновательно.) «Даже и теперь я в состоянии оказать большие услуги и пришел к тебе, потому что эллины преследуют меня как твоего друга. Через год ты услышишь от меня самого, что привело меня к тебе».

138. Царь, как передают, очень обрадовался и предоставил Фемистоклу действовать, как он желал. Фемистокл же воспользовался временем, чтобы как можно лучше изучить персидский язык и познакомиться с местными обычаями. (2) Через год Фемистокл прибыл к царю и тотчас же занял у него положение, какого еще никогда не занимал ни один эллин, отчасти из-за своей прежней славы, отчасти же оттого, что подал царю надежду на покорение Эллады, но прежде всего потому, что выказал себя необыкновенно умным человеком. (3) Действительно, Фемистокл был чрезвычайно одарен от природы и заслуживает в этом отношении, как никто другой, величайшего удивления. Даже полученное им образование ничего существенного не прибавило к его природным дарованиям. Отличаясь выдающейся остротой ума, он был величайшим мастером быстро разбираться и принимать решения в непредвиденных обстоятельствах текущего момента и, кроме того, обладал исключительной способностью предвидеть события даже отдаленного будущего. За что бы он ни брался, всегда у него находились подходящие слова и выражения, чтобы объяснить другим свои действия, и даже в той области, с которой он непосредственно не соприкасался, умел тотчас найти

здравое суждение. По ничтожным признакам Фемистокл прозревал, предвещают ли они что-либо хорошее или плохое. Короче говоря, это был человек, которому его гений и быстрота соображения сразу же подсказывали наилучший образ действий. (4) Жизнь свою он окончил от недуга. Иные, впрочем, рассказывают, будто он умертвил себя ядом, убедившись, что не может выполнить своих обещаний царю. (5) Надгробный памятник его стоит на рыночной площади в азиатской Магнесии; он ведь был правителем этой области, так как царь пожаловал ему Магнесию (приносившую 50 талантов дохода ежегодно) «на хлеб», Лампсак (знаменитый, как тогда считалось, своими виноградниками) «на вино», а Миунт — «на приправу». (6) Останки Фемистокла, как говорят, были его близкими тайно преданы земле в Аттике: открыто его нельзя было похоронить в родной земле, так как он был изгнан за измену. Таков был конец самых знаменитых людей своего времени в Элладе — лакедемонянина Павсания и афинянина Фемистокла.

139. Вот какие требования выставили лакедемоняне при первом посольстве относительно изгнания осквернителей, и что афиняне в свою очередь потребовали от них. Затем лакедемоняне еще много раз отправляли посольство в Афины, настоятельно предлагая снять осаду Потидеи и признать независимость Эгины. Но прежде всего и совершенно определенно лакедемоняне заявляли, что войны не будет, если афиняне отменят постановление о мегарцах, которое гласило: мегарцам запрещается пользование гаванями в пределах афинской державы и аттическим рынком. (2) Афиняне, однако, отвергли все эти требования и, в частности, не отменили мегарского постановления. Со своей стороны, они обвиняли мегарцев в том, что те запахали священный участок и спорную землю и укрывают у себя беглых рабов. (3) Наконец, из Лакедемона прибыли еще послы — Рамфий, Мелесипп и Агесандр. Не касаясь поднятых прежде вопросов, послы ограничились только следующим заявлением: «Лакедемоняне желают мира, и мир будет, если вы признаете независимость эллинов». Тогда афиняне созвали по этому вопросу народное собрание, и было решено, обсудив все обстоятельства, дать лакедемонянам окончательный ответ. (4) Мнения многочисленных ораторов, выступавших на собрании, разделились: одни были за войну, между тем как другие считали,

что мегарское постановление не должно быть помехой миру и его следует отменить. Тогда выступил Перикл, сын Ксантиппа, в то время — первый человек в Афинах, одинаково выдающийся как оратор и как государственный деятель, и обратился к собранию с такой речью.

140. «Я всегда держусь, афиняне, такого мнения, что не следует уступать пелопоннесцам, хотя и знаю, что люди с бóльшим воодушевлением принимают решение воевать, чем на деле ведут войну, и меняют свое настроение с переменой военного счастья. (2) Но я и теперь вижу, что должен вам посоветовать то же, или почти то же, что и ранее, и считаю справедливым, чтобы те из вас, кто согласился с общим решением, поддержат его, даже если нас постигнет неудача, а в случае успеха не припишут его своей проницательности. Ведь исход событий так же нельзя предвидеть, как проникнуть в человеческие мысли. Поэтому мы и непредвиденные бедствия обычно приписываем случайности. (3) Лакедемоняне уже давно открыто замышляют против нас недоброе, а теперь — особенно. Хотя они и согласились улаживать взаимные притязания третейским судом и признали, что обе стороны должны сохранять свои владения, но сами никогда не обращались к третейскому суду и не принимали наших предложений передать спор в суд. Они предпочитали решать споры силой оружия, нежели путем переговоров. И вот ныне они выступают уже не с жалобами, как прежде, а с повелениями. (4) Действительно, они приказывают нам снять осаду Потидеи, признать независимость Эгины и отменить мегарское постановление. И, наконец, недавно прибывшие и присутствующие здесь послы даже объявляют, что мы сверх того должны еще признать и независимость эллинов. (5) Не думайте, что война начнется из-за мелочей, если мы не отменим мегарского постановления. Именно это они чаще всего и выставляют доводом и постоянно твердят: отмените мегарское постановление, и войны не будет. Пусть вас не тревожит мысль, что вы начали войну из-за пустяков. (6) Ведь эти пустяки предоставляют вам удобный случай проявить и испытать вашу силу и решимость. Если вы уступите лакедемонянам в этом пункте, то они тотчас же потребуют новых, еще больших уступок, полагая, что вы и на этот раз также уступите из страха. Если же вы решительно отвергнете их требования, то ясно докажете, что с вами следует обращаться как с равными.

141. Поэтому обдумайте, желаете ли вы идти на уступки лакедемонянам, пока вы еще не пострадали от войны, или мы будем вести войну (что мне, по крайней мере, думается, лучше), не уступая ни при каких обстоятельствах и без страха отстаивая наше достояние. Ведь любое требование — малое или большое,— выставляемое против равных себе до решения суда, притязает на порабощение. (2) Что касается нашей и их боевой силы и наличия средств, то знайте, что мы не слабее пелопоннесцев. Выслушайте об этом подробнее. Пелопоннесцы — земледельцы и живут от трудов рук своих. (3) И ни в частных руках, ни в казне денег у них нет. На долгие войны, да еще и в заморских странах, они не решаются, но по бедности ведут войны только между собой — и то лишь кратковременно. (4) Такие люди не могут снаряжать корабли и редко выступают в походы на суше, так как им приходится оставлять свои занятия (а жить они должны на свои средства), к тому же они отрезаны нами от моря. (5) Полная казна скорее дает средства для войн, чем принудительные налоги. Земледельцы, живущие своим трудом, готовы на войне скорее рисковать жизнью, чем своим добром, зная, что жизнь свою могут и сохранить, тогда как деньгам угрожает опасность иссякнуть, особенно если война, вопреки расчетам (как это вполне вероятно), затянется надолго. (6) Ведь в одном сражении пелопоннесцы с союзниками могут устоять против всех эллинов. Вести же войну с противником, совершенно иначе вооруженным, чем они, они не в состоянии, пока у них нет единой постоянной союзной власти. Поэтому-то они и не способны тотчас же быстро и решительно действовать. Действительно, при всеобщем равноправии это — разноплеменный союз, и каждый союзный город стремится соблюдать лишь свои частные интересы; отчего у них обычно не выходит ничего дельного. (7) Ведь если одни желают причинить кому-либо как можно больший урон, то другие стремятся потратить как можно меньше средств для войны. На коротких совещаниях у них редко обсуждаются общесоюзные дела, а большей частью — только частные дела отдельных городов. Каждый считает, что его собственное нерадение не принесет вреда и что об общем благе позаботится вместо него кто-нибудь другой. И именно потому, что каждый занят своими частными делами, они не замечают, что страдают их об-
 щие интересы.

142. Однако важнейшим затруднением для них будет постоянный недостаток денежных средств, которые они так медленно и с трудом добывают. А военные обстоятельства ведь не ждут. (2) Более того, даже их укреплений и флота нам не стоит опасаться. (3) Что касается укреплений, то трудно даже в мирных условиях построить город, который мог бы сравняться с Афинами, тем более — во вражеской стране, после того как мы также построим не менее сильные пограничные укрепления против них. (4) Если же они создадут какой-нибудь укрепленный пункт, то, конечно, смогут опустошать оттуда набегами отдельные части нашей страны и переманивать наших рабов на свою сторону. Однако это, разумеется, не сможет нам помешать на кораблях напасть на их землю. Построив там укрепления, мы будем затем нападать на них на море нашим флотом (на чем и зиждется наша мощь). (5) Ведь от морской войны мы приобрели больше опыта для войны на суше, чем они в своих сухопутных войнах для мореходства. (6) А стать опытными мореходами им будет нелегко. (7) Ведь и вы, хотя и обратились к мореходству уже со времени мидийских войн, все же еще не овладели им в совершенстве. Как же эти земледельцы, чуждые морю, обреченные к тому же на бездействие под постоянной угрозой блокады их гаваней вашим многочисленным флотом, могут совершить что-либо достойное упоминания? (8) Вступить в борьбу с несколькими блокирующими кораблями они, пожалуй, еще осмелятся, успокаивая себя тем, будто их неопытность можно возместить численным превосходством. Однако против большой эскадры блокирующих кораблей они не рискнут выйти в море. Оттого-то при отсутствии упражнения они всегда останутся менее искусными мореходами и именно поэтому — более нерешительными. (9) Морское дело — это искусство, как и всякое другое, и ему нельзя предаваться от случая к случаю, и даже — более того — наряду с ним не должно заниматься ничем другим, а посвящать ему все силы.

143. Предположим, далее, что пелопоннесцы действительно завладеют храмовыми сокровищами в Олимпии и в Дельфах и попытаются переманить к себе более высоким жалованьем наших иноземных моряков. Это было бы, конечно, опасно, если бы мы не могли сравняться с ними, набрав необходимый экипаж среди наших граждан и метеков. Но такая возможность у нас есть, и — что самое важное — кормчие

у нас — граждане, а остальных моряков больше и они искуснее в своем ремесле, чем во всей остальной Элладе. (2) Когда же дело дойдет до войны, тогда ни один из наших наемников, пожалуй, не оставит своей родины, чтобы со слабой надеждой на военный успех сражаться за пелопоннесцев только ради более высокого жалованья в течение нескольких дней. (3) Так, по моему мнению, или приблизительно так обстоят дела и таковы возможности у пелопоннесцев. У нас же не только не существует подобных трудностей, но и вообще мы в несравненно более благоприятном положении. (4) Если они нападут на нашу землю по суше, то мы нападем на них на море, и тогда опустошение даже части Пелопоннеса будет для них важнее опустошения целой Аттики. Ведь у них не останется уже никакой другой земли, которую можно было бы захватить без боя, тогда как у нас много земли на островах и на материке. Так важно преобладание на море! (5) Подумайте: если бы мы жили на острове, кто тогда мог бы одолеть нас? Поэтому нам уже теперь следует как можно яснее мысленно представить себе такое положение, при котором нам придется покинуть нашу землю и жилища, ограничиться обороной города и войной на море и не вступать в порыве гнева в бой с далеко превосходящими сухопутными силами пелопоннесцев. Действительно, если мы даже и победим, то нам опять придется иметь дело с не меньшим числом врагов. А потерпи мы неудачу, то погибнет, кроме того, и наш союз — основа нашего могущества. (6) Ведь союзники не останутся спокойными и восстанут, как только мы окажемся не в состоянии сдерживать их силой оружия. Поэтому следует не скорбеть о наших жилищах и полях, а подумать о нас самих. Ведь вещи существуют для людей, а не люди для них. Если бы я мог надеяться убедить вас в этом, то предложил бы добровольно покинуть нашу землю и самим опустошить ее, чтобы доказать пелопоннесцам, что из-за разорения земли вы не покоритесь им.

144. Много я вижу и других оснований надеяться, что мы одержим верх, если только не будем стремиться к новым завоеваниям и без нужды подвергаться опасностям. Я опасаюсь гораздо больше наших собственных ошибок, чем вражеских замыслов. (2) Но об этом — в другой раз, когда дело действительно дойдет до войны. А теперь, сначала отпустим послов, дав им следующий ответ: мы открываем мегарцам наш рынок
 и гавани, если лакедемоняне также перестанут изго-

нять чужестранцев — нас, афинян и наших союзников (ведь и то, и другое соответствует мирному договору); мы признаем и независимость союзников (поскольку они были уже независимыми при заключении договора), если лакедемоняне также предоставят своим городам управляться по их собственному усмотрению, а не только по произволу лакедемонян. Мы также готовы, согласно договору, подчиниться решению третейского суда. Войны мы не начнем, но в случае нападения будем защищаться. Это — справедливый и достойный нашего города ответ. (3) Однако следует иметь в виду, что война неизбежна. И чем охотнее мы примем вызов, тем менее яростным будет нападение врагов. Помните, что там, где величайшие опасности, там и величайшие почести для города и для каждого отдельного гражданина. (4) Наши отцы выдержали натиск мидян (хотя и начали войну, не обладая столь великими средствами нашей державы, как мы, и им даже пришлось бросить свое имущество), и изгнанием Варвара, и тем, что возвысили нашу державу до ее теперешнего величия, они обязаны более своей мудрости, чем слепому счастью, и более своей моральной стойкости, чем материальной силе. (5) Мы должны быть достойны наших предков и всеми силами противостоять врагам, с тем чтобы передать потомству нашу державу не менее великой и могущественной».

145. Такова была речь Перикла. Афиняне же, убедившись, что его совет — наилучший, приняли соответствующее постановление. Они дали ответ лакедемонянам согласно предложению Перикла как по каждому отдельному пункту, так и в целом, заявив, что отказываются что-либо делать по приказу, но готовы, согласно договору, улаживать споры третейским судом под условием полного равенства. С этим ответом послы возвратились домой, и лакедемоняне других посольств больше не посылали.

146. Вот каковы были причины взаимных жалоб и споров перед войной, которые возникли сразу же после событий в Эпидамне и на Керкире. Во время этих споров обе стороны сообщались между собой и ездили друг к другу без глашатаев, хотя у них больше не существовало взаимного доверия. Ведь все происшедшее подрывало договор и создавало непосредственный повод к войне.

КНИГА ВТОРАЯ

1. С ЭТОГО времени начинается уже настоящая война афинян, пелопоннесцев и союзников обеих сторон, когда они уже более не сообщались между собой без глашатая и беспрерывно противостояли друг другу с оружием в руках. Отдельные события войны я описал в той последовательности, в какой они происходили по зимним и летним периодам.

2. В течение 14 лет продолжал существовать тридцатилетний мир, заключенный после завоевания Евбеи. На пятнадцатый же год, сорок восьмой год жречества Хрисиды в Аргосе, когда Энесий был эфором в Спарте, а Пифодору оставалось 4 месяца архонтства в Афинах, на шестнадцатый месяц после битвы при Потидее, в начале весны отряд вооруженных фиванцев числом немногим более 300 человек под предводительством беотархов Пифангела, сына Филида, и Диемпора, сына Онеторида, в начале ночного сна вторгся в беотийский город Платею, союзный с Афинами. (2) Призвали же фиванцев и открыли им городские ворота граждане Платеи Навклид и его сторонники, желая истребить своих политических противников среди граждан, чтобы захватить город и отдать его под власть фиванцев. (3) Они действовали через посредство Евримаха, сына Леонтиада, человека весьма влиятельного в Фивах. Понимая, что дело идет к войне, фиванцы решили уже в мирное время, до явного начала войны захватить Платею, своего старинного врага. (4) Им легко удалось проникнуть в город, воспользовавшись отсутствием охраны. Заняв рыночную площадь, фиванцы, вместо того чтобы ворваться в жилища врагов (как этого хотели те люди, которые призвали их в город), они решили обратиться с мирными предложениями, рассчитывая склонить граждан Платеи к полюбовному соглашению. Глашатай объявил: всякий, кто пожелает стать союзником беотийцев по
 заветам отцов, пусть объединит с ними свое оружие.

Так фиванцы надеялись легко привлечь граждан на свою сторону.

3. Заметив, что фиванцы уже в городе и неожиданно овладели им, платейцы в страхе решили, что врагов гораздо больше, чем их было на самом деле (ведь ночью трудно было что-либо различить), и согласились на переговоры. Они приняли предложение глашатая и хранили спокойствие, тем более что фиванцы не причиняли никому зла. (2) Однако, убедившись во время переговоров, что фиванцы не столь многочисленны, платейцы рассудили, что легко смогут одолеть их смелым нападением. Ведь большинство платейцев не желало отложиться от афинян. (3) Поэтому они решили напасть на фиванцев. Они стали объединяться, делая проломы в стенах домов, чтобы не ходить открыто по улицам. Затем принялись загораживать улицы нагромождениями незапряженных повозок и принимали прочие необходимые в таких обстоятельствах меры. (4) По возможности все тщательно подготовив, платейцы еще ночью вышли из своих домов и набросились на фиванцев, выбрав время перед самым рассветом, так как при дневном свете те стали бы отважнее и могли оказаться в равном с ними положении; ночью же, полагали платейцы, фиванцы, не зная города, будут действовать менее уверенно, оказавшись в невыгодном положении. (5) Стремительно напав на врагов, платейцы схватились с ними врукопашную.

4. Когда фиванцы поняли, что их перехитрили, то, сомкнув ряды, стали отражать нападение врага со всех сторон. (2) Два или три раза им удалось отбить вражеский натиск. Когда же в поднявшемся смятении не только вооруженные платейцы продолжали теснить их, но даже женщины и рабы стали с криком и воплем бросать им на головы с крыш камни и черепицу, да к тому же всю ночь непрестанно лил сильный дождь, фиванцы в страхе бросились врассыпную бежать по городу. Большинство их, однако, не сумело в темноте отыскать в грязных закоулках выход из города (ибо дело было в конце месяца в новолуние) и не смогло ускользнуть от своих преследователей, которые хорошо знали каждую улицу. (3) К тому же единственные открытые ворота, через которые фиванцы вошли в город, запер какой-то платеец, всунув в засов вместо болта наконечник копья, так что даже и этого пути для отступления не было. (4) Преследуемые по всему городу, некоторые из фиванцев забра-

лись на городскую стену и бросались с нее, причем большинство разбилось. Другим, правда, удалось незаметно бежать сквозь неохраняемые ворота, разрубив засов топором, который дала им какая-то женщина, но лишь немногим — так как их вскоре заметили. Иные, рассеявшись в разных частях города, нашли там свою гибель. (5) Основная же масса фиванцев, которая еще как-то держалась вместе, попала в обширное здание, тесно примыкавшее к городской стене. Двери здания как раз были открыты, и фиванцы приняли их за городские ворота, полагая, что там выход прямо за город. (6) Видя, что враги попались в ловушку, платейцы колебались, поджечь ли дом и уничтожить врагов немедленно или же поступить с ними как-либо иначе. (7) Наконец, находившиеся в здании и прочие фиванцы, из тех, что блуждали по городу, согласились сдаться на милость победителей и сложить оружие. (8) Вот что произошло с фиванцами в Платее.

5. Прочие фиванцы, которые должны были еще тою же ночью прибыть с главными силами для поддержки в случае какой-либо неудачи, получив в дороге известие о случившемся, поспешили на помощь. (2) Платея отстоит от Фив на 70 стадий, но из-за сильного дождя, шедшего ночью, их прибытие задержалось. Вода в реке Асоп высоко поднялась, и перейти ее было нелегко. (3) Так как фиванцам пришлось идти под дождем и переправа через реку заняла много времени, то они прибыли слишком поздно: часть их земляков была уже перебита, а часть захвачена в плен. (4) Узнав об этом, фиванцы стали захватывать платейцев, находившихся вне города (ведь нападение было совершено внезапно и в мирное время, так что люди со своей утварью спокойно находились на полях). Захваченные платейцы должны были послужить фиванцам заложниками взамен их еще живых земляков, находившихся в городе. (5) Таков был план фиванцев. Они еще только замышляли это, когда платейцы, подозревая подобные намерения врагов, в страхе за своих граждан, работавших на полях, послали к фиванцам глашатая. Глашатай объявил, что фиванцы совершили нечестие, попытавшись в мирное время захватить их город. Платейцы требуют, чтобы фиванцы не причиняли вреда их согражданам, находящимся вне города. В противном случае они, платейцы, умертвят заложников, которым до сих пор они сохранили
 жизнь. Они выдадут пленников, если фиванцы поки-

нут их землю. (6) Так по крайней мере рассказывают об этом фиванцы и даже уверяют, что платейцы клятвенно подтвердили свои слова. Платейцы же утверждают, что, напротив, не обещали возвратить пленников немедленно, а лишь изъявили готовность выполнить это после переговоров, которые приведут к какому-либо соглашению; клятвой же они вообще себя не связывали. (7) Как бы то ни было, фиванцы тотчас же покинули их землю, не причинив никакого вреда. Тогда платейцы поспешно перевезли в город свое имущество и людей и немедленно перебили пленников. А пленников было 180 человек (и среди них Еврилох, с которым изменники вели переговоры).

6. После этого платейцы послали вестника в Афины, отдали, согласно договору, фиванцам тела их воинов и упорядочили дела в городе сообразно с обстоятельствами. (2) Между тем афиняне при известии о событиях в Платее тотчас же велели схватить всех находившихся в Аттике беотийцев и затем отправили в Платею глашатая с предложением не причинять зла попавшимся в плен фиванцам, пока в Афинах не примут решения о них. (3) Афиняне ведь еще не успели получить сообщения о том, что с фиванцами уже покончено. Действительно, первый вестник прибыл сразу же, как только фиванцы стали проникать в город, а второй — уже непосредственно после их поражения и взятия в плен. Однако о последующих событиях афиняне еще ничего не знали. Таким образом, афиняне отправили вестника в неведении о происшедшем. Глашатай же, прибыв в Платею, нашел фиванцев уже перебитыми. (4) После этого афиняне послали отряд войска в Платею, доставили съестные припасы, поставили там гарнизон и удалили из города неспособных носить оружие вместе с женщинами и детьми.

7. Платейское дело было, конечно, явным нарушением мирного договора, и афиняне стали готовиться к войне. Лакедемоняне с союзниками также начали приготовления к войне, причем обе стороны намеревались отправить посольства к персидскому царю и тем варварским племенам, от которых можно было ждать помощи. Кроме того, и те и другие искали союзников среди независимых городов, находившихся вне сферы их влияния. (2) Лакедемоняне приказали дружественным им городам Италии и Сицилии выставить вдобавок к уже имевшимся в Пелопоннесе кораблям двести кораблей, в соответствии с величиной каждого города.

Лакедемоняне собирались довести общее количество кораблей пелопоннесского флота до 500. Города были обязаны иметь наготове определенную сумму денег и ничего не предпринимать до окончания всех приготовлений, но также допускать в свои гавани отдельные афинские суда. (3) Афиняне же производили смотр наличных сил своих союзников и отправляли послов больше всего в области за Пелопоннесом: в Керкиру, Кефаллению, Акарнанию и Закинф. Афиняне понимали, что, обеспечив за собой дружбу этих городов, они смогут одолеть пелопоннесцев, окружив их со всех сторон.

8. И те и другие сосредоточили все помыслы на войне, не задумываясь о мелочах. И это естественно: ведь все люди, начиная новое дело, принимаются за него с наибольшим рвением. К тому же как в Пелопоннесе, так и в Афинах тогда было много молодежи, которая по неопытности, еще не зная, что такое война, рвалась в бой. А вся остальная Эллада напряженно ожидала предстоящей схватки двух самых могущественных городов. (2) Много предсказаний передавалось из уст в уста, много вещаний исходило от прорицателей и не только в городах, готовившихся к войне, но и по всей Элладе. (3) К тому же еще незадолго перед этим произошло землетрясение на Делосе, чего никогда еще на памяти эллинов там не бывало. Это явление также истолковывали как знамение грядущих событий; и повсюду искали, не произошло ли еще что-либо необычного в том же роде. (4) Общественное мнение в подавляющем большинстве городов склонялось на сторону лакедемонян (между прочим, потому, что они объявили себя освободителями Эллады). Все — будь то отдельные люди или города — по возможности словом или делом старались им помочь. И каждый при этом полагал, что его отсутствие может повредить делу. (5) Таким образом, большинство эллинов было настроено против афинян: одни желали избавиться от их господства, другие же страшились его.

9. С такими приготовлениями и в таком настроении оба города вступали в войну. В начале войны у обеих держав были следующие союзники. (2) Сторону лакедемонян держали все пелопоннесцы по сю сторону Истма, кроме аргосцев и ахейцев (которые жили в дружбе с обеими сторонами. Только одни ахейцы из Пеллены с самого начала стали на сторону лакедемонян, а впоследствии к ним примкнули и остальные

ахейцы). За пределами Пелопоннеса в союзе с лакедемонянами находились мегарцы, беотийцы, фокийцы, локры, амиракийцы, левкадяне, анакторийцы. (3) Из них коринфяне, мегарцы, сикионцы, пеллены, элейцы, ампракийцы, левкадяне снаряжали корабли. Конница была выставлена беотийцами, фокийцами и локрами: остальными городами — пехота. (4) Таковы были союзники лакедемонян. Союзниками же афинян были: хиосцы, лесбосцы, платейцы, мессенцы (что в Навпакте), большинство акарнанцев, керкиряне, закинфяне и другие города-данники, находившиеся в областях, принадлежавших следующим народностям: приморская часть Карии, соседние с Карией дорийцы, Иония, Геллеспонт, фракийское побережье, острова к востоку между Пелопоннесом и Критом и все остальные Киклады, кроме Мелоса и Феры. (5) Из их числа корабли выставляли хиосцы, лесбосцы и керкиряне, остальные — пехоту и деньги. Таковы были союзники и боевые силы обеих сторон.

10. Сразу же после платейских событий лакедемоняне решили совершить вторжение в Аттику и приказали пелопоннеским городам и своим иноземным союзникам снарядить войско, снабдив его всем необходимым для дальнего похода. (2) По мере окончания приготовлений в городах две трети наличных боевых сил каждого города собрались на Истме. Когда же все войска были в сборе, царь лакедемонян Архидам, предводитель этого похода, созвал полководцев всех городов, высших должностных лиц и наиболее уважаемых граждан и обратился к ним с такой речью.

11. «Пелопоннесцы и союзники! Нашим отцам нередко приходилось воевать и в самом Пелопоннесе, и за его пределами, да и старшие из нас не новички в походах. Тем не менее никогда еще нам не случалось выступать в поход с более значительными силами, чем на этот раз. Ведь теперь мы идем войной против самого могущественного города, и у нас самих столь многочисленное и доблестное войско. (2) Поэтому мы обязаны показать себя не хуже наших отцов, достойными нашей древней славы. Ведь вся Эллада с напряженным вниманием взирает на наш поход, питая к нам дружеские чувства и, ненавидя афинян, желает нам успеха. (3) Но нам отнюдь не следует пренебрегать в походе необходимыми мерами предосторожности, даже если кто-нибудь и подумает, что при нашем превосходстве в силах враг не посмеет вступить с нами

в открытый бой. Напротив, не только военачальники, но и рядовой воин каждого города должен быть готов к грозной опасности. (4) Ведь ход войны нельзя предвидеть заранее, и нападение почти всегда происходит внезапно, под влиянием возбуждения. И зачастую более слабое, но более осмотрительное войско с успехом отражает превосходящие силы врага, потому что тот, высокомерно презирая противника, недостаточно подготовился к сражению. (5) Находясь на вражеской земле, всегда необходимо сочетать смелость в душе со страхом в действиях. Тогда боевая отвага не будет в ущерб надежности воинских замыслов. (6) Мы идем не против слабого врага, неспособного защищаться, а на город, во всех отношениях отлично подготовленный, и нам не следует сомневаться, что афиняне готовы принять бой, если не теперь, пока мы не на их земле, то после того как они увидят, что мы опустошаем их страну и уничтожаем достояние. (7) Ведь всех повергает в гнев, когда они видят своими собственными глазами причиняемый им ущерб. И чем меньше человек внимает голосу рассудка, тем сильнее побуждает его гнев дать отпор. (8) От афинян, вероятно, скорее, чем от других, можно ожидать такого рода поступков, так как они желают властвовать над другими эллинами и предпочитают нападать на соседей и опустошать чужие земли, нежели видеть разорение своей. (9) Итак, выступая походом против столь могущественного города, вы, в зависимости от исхода войны, принесете и себе, и вашим предкам величайшую славу или же тягчайший позор, следуйте же за вашими предводителями, куда бы они вас ни повели, соблюдая превыше всего дисциплину и бдительность, и всегда точно выполняйте приказы военачальников. Нет ничего прекраснее и надежнее для большого войска, чем подчиниться единой воле и единому порядку».

12. После этой краткой речи Архидам распустил собрание и прежде всего отправил в Афины спартиата Мелесиппа, сына Диакрита, в надежде, что афиняне теперь скорее пойдут на какие-либо уступки, видя, что вражеское войско уже в пути. (2) Афиняне, однако, не допустили гонца ни в народное собрание, ни даже в город. Ведь уже ранее Перикл провел предложение не принимать ни глашатая, ни послов лакедемонян, поскольку они выступили в поход. Итак, афиняне отослали посла назад, даже не выслушав его, с приказа-
 нием в тот же день покинуть пределы Аттики и пере-

дать лакедемонянам: если они впредь пожелают выдвинуть какие-либо предложения, то пусть сначала отправляются домой, а затем посылают посольства. И чтобы Мелесипп ни с кем не сообщался, афиняне послали с ним провожатых. (3) Прибыв на афинскую границу, при расставании со своими провожатыми Мелесипп сказал только: «Сегодняшний день станет началом великих бедствий для эллинов». (4) Когда посол возвратился в лагерь и Архидам понял, что афиняне ни в коем случае не пойдут на уступки, то царь тотчас же поднял войско из лагеря и повел его в аттическую землю. Беотийцы выставили в помощь пелопоннесцам свою часть пехоты и конницу; остальные их силы, подойдя к Платсе, начали опустошать ее поля.

13. В то время когда пелопоннесцы еще собирались на Истме, перед выступлением против Аттики, Перикл, сын Ксантиппа, один из десяти афинских стратегов, предвидя вторжение и думая, что Архидам, как его гостеприимец, либо сам из приязни к нему не станет разорять его загородные имения, либо даже поступит так по приказанию лакедемонян, возможно (чтобы дать афинянам повод для подозрений против него, Перикла, подобно тому как они уже раньше, имея его в виду, официально потребовали изгнания запятнанных скверной), заявил афинянам в народном собрании: то обстоятельство, что Архидам — его гостеприимец, не должно послужить в ущерб интересам города. Поэтому в случае, если враг не разорит его домов и земли, как земли остальных граждан, то он, Перикл, передаст их в собственность государства, чтобы у граждан не возникло из-за этого против него никаких подозрений. (2) Перикл повторил затем свой прежний совет готовиться к войне, вывозить все имущество с полей в город и не вступать в открытый бой с противником, ограничиваясь обороной; далее — снаряжать флот как основу афинской военной мощи и крепко держать в руках союзников, потому что доходы и дань от союзников — денежная опора города: ведь рассудительность и полная казна важнее всего для военного успеха. (3) Перикл призывал к бодрости, так как помимо прочих доходов в город поступало ежегодно 600 талантов союзнической дани. К тому же на акрополе хранилось 6000 талантов серебра чеканной монетой. Общая же сумма денег в афинской казне достигала 9700 талантов; однако часть этих средств была уже из-

расходована на строительство Пропилей, акрополя и других сооружений, а также на осаду Потидеи. (4) Кроме того, в казне хранилось нечеканного золота и серебра из частных и государственных посвятительных даров и всякой священной утвари (для процессий и состязаний), драгоценных предметов из мидийской добычи и тому подобных вещей не менее чем на 500 талантов. (5) Кроме денежных сумм и сокровищ в храмах на акрополе на случай крайней необходимости, в распоряжении афинян были еще значительные сокровища других святилищ, а также золотые ризы самой богини (на статуе которой, по словам Перикла, было сорок талантов чистого золота — облачение богини, которое все было съемным; употребив это золото во спасение города, впоследствии, добавил Перикл, конечно, придется вернуть его богине в не меньшем количестве). Так Перикл старался перечислением денежных средств афинской казны успокоить и ободрить афинян. (6) Что касается боевых сил, то Перикл насчитал 13 000 гоплитов (кроме воинов в гарнизонах крепостей и 16 000 человек, охранявших городские стены). Такое количество воинов у афинян из числа более старых и более молодых граждан и метэков, которые служили гоплитами, охраняло стены в начале войны, когда враг стал производить свои набеги на Аттику. Длина Фалерской стены до обводной стены города составляла 35 стадий, а самой обводной стены (охраняемой ее части) — 43 стадии (одна из ее частей — между Длинной и Фалерской стенами — не охранялась); Длинные же стены до Пирея (из которых охранялись только внешние — северные) тянулись на 40 стадий. Стена вокруг Пирея (включая Мунихий) в общем простиралась на 60 стадий, но охранялась лишь половина ее. (7) Афинская конница, как указал Перикл, насчитывала 1200 всадников (вместе с конными лучниками); пеших лучников было 1800. Из числа боевых кораблей на плаву было 300 триер. (8) Таковы были, по меньшей мере, боевые силы афинян, состоявшие из разных родов оружия в начале войны перед первым вторжением пелопоннесцев. Кроме того, Перикл привел также и другие доводы в доказательство военного преимущества афинян.

14. Выслушав речь Перикла, афиняне последовали его предложению и принялись вывозить с полей жен, детей и домашнюю утварь и даже уничтожали деревянные части домов. Овец и вьючных животных они

переправили на Евбею и на соседние острова. (2) Тяжко было афинянам покидать насиженные места, так как большинство их привыкло жить на своих полях.

15. Такой образ жизни, более характерный для них, чем для других эллинов, афиняне вели с давних пор. Действительно, еще при Кекропе и первых царях до Фесея народ в Аттике всегда жил отдельными общинами со своими особыми пританеями и архонтами. На общие совещания к царю люди собирались лишь в исключительных случаях. Обычно же каждая община самостоятельно обсуждала и вершила свои дела. Иные общины даже вели между собой войны, как например элевсинцы во главе с Евмолпом — против Эрехфея. (2) Как мудрый и могущественный владыка Фесей, воцарившись, установил порядок в стране — уничтожил пританов и архонтов в отдельных общинах и объединил всех жителей Аттики в один поныне существующий город с одним общим советом и пританеем. Люди, впрочем, продолжали жить на своих полях, как и раньше, но город Фесей оставил им только один, ставший крупным центром, так как все жители Аттики отныне принадлежали к нему, и таким он и перешел от Фесея к потомству. Поэтому-то афиняне еще и поныне справляют Синойкии — всенародный праздник в честь богини Афины. (3) До реформы Фесея в черту города входил лишь акрополь и примыкающая к нему (главным образом с юга) часть нынешнего города. (4) Вот доказательство этого: ведь святилища других богов также воздвигнуты на самом акрополе, а если и вне его, то поблизости, и преимущественно в этой части города. Так, например, святилище Олимпийского Зевса, храм Пифийского Аполлона, святилища Геи и Диониса, что на Болотах (в честь которого празднуются в двенадцатый день месяца Анфестериона старинные Дионисии; в этот день еще и поныне справляют праздник и происходящие от афинян ионяне). (5) В этой части города воздвигнуты также и другие древние храмы; неподалеку находится источник, ныне (после его переустройства тиранами) называемый Эннеакрунос (Девятиструйный). В древности же, когда его струи изливались открыто, а не текли по трубам, он назывался Каллироей. Источник этот был весьма почитаем афинянами в древности, и еще и теперь с тех времен сохранился обычай черпать из него воду при свадебных обрядах и в других торжественных случаях. И именно потому, что здесь и на-

ходилось древнейшее поселение, афиняне еще и до сих пор называют акрополь «городом».

16. Итак, афиняне долго жили на всей своей земле самостоятельными общинами. И даже после политического объединения большинство населения Аттики (как в древности, так и в последующее время, вплоть до этой войны) по старинному обычаю все-таки жило со всеми семьями в деревнях. Поэтому-то теперь афинянам было нелегко переселиться в город и бросать свое добро, тем более что они лишь недавно, после мидийских войн, восстановили свои деревянные жилища и обзавелись хозяйством. С грустью покидали они домашние очаги и святыни, которые всегда привыкли почитать еще со времен древних порядков как наследие предков. И для всех них — деревенских жителей — предстоящая перемена в образе жизни была равносильна расставанию с родным городом.

17. Переселившись в Афины, лишь немногие беженцы нашли себе жилища или приют у друзей или родных. Большинство же вынуждено было занять городские пустыри или поселиться во всех святилищах богов и героев, кроме храмов на акрополе, Элевсиния и некоторых других накрепко запертых зданий. При таком затруднительном положении пришлось целиком заселить даже Пеларгик у подошвы акрополя, где запрещалось селиться под страхом проклятия. Это запрещение подтверждалось заключительным стихом пифийского оракула:

Пеларгику лучше быть пусту.

(2) По-моему, предсказание оракула исполнилось в смысле, противоположном тому, как его понимали. Действительно, несчастья постигли город вовсе не из-за противозаконного заселения этого места, но, напротив, война вынудила афинян к этому. О войне оракул, правда, не упоминает, но ему, видимо, было заранее известно, что когда-нибудь в недобрые дни афинянам придется поселиться в этом месте. (3) Множество беженцев расположились даже в башнях обводной стены и в других местах, где кто мог. Ведь город не вмещал такого скопления беженцев, так что впоследствии пришлось приспособить под жилье, разделив между собой, даже Длинные Стены и большую часть обводных стен Пирея. (4) Тем временем военные приготовления в Афинах продолжались: афиняне собирали боевые силы союзников и снаряжали эскадру

из 100 кораблей для нападения на Пелопоннес. Таковы были приготовления афинян.

18. Между тем пелопоннесское войско на пути в Аттику прибыло сперва в Эною, откуда должно было начаться вторжение. Здесь пелопоннесцы разбили лагерь и стали готовиться к штурму городских стен военными машинами и производить осадные работы. (2) Ибо Эноя — укрепленный город на границе Аттики с Беотией — служила афинянам крепостью, и на случай войны они держали там гарнизон. Пелопоннесцы начали приготовления к штурму, потратив на это немало времени. (3) Такие действия Архидама вызвали сильные нарекания. Полагали, что как во время приготовления к войне, так и после ее начала он проявил мало энергии и даже показал себя другом афинян, советуя лакедемонянам избегать решительных действий. И после того как отряды пелопоннесцев уже были в сборе, Архидама стали обвинять в умышленной задержке на Истме, затем в нарочито замедленном передвижении и особенно — в безрезультатной остановке у Эноп. (4) Действительно, за это время афиняне успели свезти с полей все свое имущество в безопасное место. Пелопоннесцы полагали, что, если бы не медлительность Архидама, они быстрым нападением на афинян успели бы еще захватить все их добро на полях. (5) По этим причинам войско негодовало на Архидама. Архидам же, как полагают, медлил в расчете на то, что афиняне пойдут на некоторые уступки, пока земля их еще вконец не разорена, и не захотят спокойно смотреть, как ее опустошают.

19. Наконец, после безуспешных попыток взять Эною осадой (и так как афиняне не присылали глашатаев для переговоров) пелопоннесцы выступили из лагеря под Эноей, приблизительно на восьмидесятый день после нападения фиванцев на Платею. Они совершили вторжение в Аттику во главе с царем лакедемонян Архидамом, сыном Зевксидама, в разгар лета в пору созревания хлебов. (2) Разбив лагерь, пелопоннесцы прежде всего стали опустошать Элевсин и Фриасийскую равнину и обратили там в бегство отряд афинской конницы у так называемых Рейтов. Затем они двинулись дальше, имея с правой стороны гору Эгалей, и через Кропию достигли Ахарнского округа, самого большого из так называемых демов Аттики. Здесь они остановились, разбили лагерь и долгое время отсюда опустошали страну.

20. Архидам же оставался при первом вторжении в Ахарнском округе в боевой готовности и не спустился на равнину, как говорят, по следующим соображениям. (2) Он ожидал, что афиняне, у которых было много молодых воинов в расцвете сил и к тому же лучше, чем когда-либо, подготовленных к войне, скорее всего, не допустят разорения своей земли и вступят в бой. (3) Когда же афиняне ни в Элевсинской области, ни на Фриасийской равнине не выступили против него, Архидам расположился лагерем у Ахарн и сделал еще одну попытку вынудить афинян к сражению. (4) С одной стороны, эта местность, по его мнению, была удобна для лагеря, а с другой стороны, он рассчитал, что ахарняне (составлявшие значительную часть граждан Аттики — 3000 из них служили гоплитами) вряд ли допустят разорение своей земли и, скорее, станут побуждать и всех остальных пойти на врага. Если же афиняне не выступят и во время этого вторжения, тогда, думал он, впредь можно будет более смело опустошать равнину и подойти под стены самого города. Ведь ахарняне, лишившись своего добра, уже не столь охотно станут рисковать жизнью ради чужой земли, и дух раздора проникнет в души врагов. (5) Таковы были соображения Архидама, заставившие его стоять у Ахарн.

21. Пока вражеское войско стояло у Элевсина и на Фриасийской равнине, у афинян еще была какая-то надежда на то, что враг не пойдет дальше. Афиняне вспоминали, как за 14 лет до этой войны царь лакедемонян Плистоанакт, сын Павсания, проник в Аттику до Элевсина и Фриасий, но не пошел дальше и возвратился назад. Правда, царя потом изгнали из Спарты по подозрению, что он ушел из Аттики, будучи подкуплен. (2) Когда же афиняне увидели теперь вражеское войско у Ахарн (всего в 60 стадиях от города), то это для них сделалось уже нестерпимым. Разорение родной земли на глазах граждан (чего молодежь никогда еще не видела, а старики помнили только со времен вторжения мидян), естественно, производило страшное впечатление, и поэтому весь народ и особенно молодежь считали необходимым идти на врага и не терпеть более опустошения родной страны. (3) На улицах города собирались сходки, и граждане ожесточенно спорили друг с другом; одни требовали немедленного выступления на врага, а другие им возражали. Прорицатели провозглашали всевозможные веща-

ния оракулов, которые всякий старался понять по-своему. Ахарняне же, которые считали себя весьма значительной частью афинских граждан, при виде разорения своей земли особенно горели желанием дать бой врагу. Всеобщее возбуждение царило в городе. Народ был сильно раздражен против Перикла: люди совсем не вспоминали его прежних советов, но поносили его теперь за то, что он, будучи стратегом, не ведет их на врага, и винили во всех своих бедствиях.

22. Перикл же хотя и видел, что афиняне раздражены создавшимся положением и мрачно настроены, но все же решение свое не выступать против врага считал правильным. Поэтому он не созывал народного собрания или какого-нибудь другого совещания, опасаясь, что афиняне, не взвесив разумно положения дел, в раздражении могут наделать ошибок. Он приказал тщательно охранять город и старался по возможности успокоить возбуждение народа. (2) От времени до времени он высылал всадников, чтобы помешать вражеским летучим отрядам опустошать поля вблизи города. При этом как-то раз подле Фригии дело дошло до незначительной стычки отряда афинской и фессалийской конницы с беотийскими всадниками, где афиняне и фессалийцы не уступали противнику, пока им не пришлось отступить, так как к беотийцам явились на помощь гоплиты. Потери фессалийцев и афинян были ничтожны, тела павших убрали еще в тот же день, не заключая перемирия. Пелопоннесцы же на следующий день поставили трофей. (3) Эти вспомогательные отряды фессалийцев, прибывшие к афинянам в силу старинного союзного договора, состояли из ларисейцев, фарсальцев, краннониев, парасиев, гиртониев и ферейцев. Предводителями их были Полимед и Аристонус из Ларисы (один от каждой из двух главных партий города) и из Фарсала — Менон; у прочих фессалийцев были также свои военачальники.

23. Так как афиняне все еще уклонялись от сражения, то пелопоннесцы выступили из Ахарн и начали опустошать другие демы, находившиеся между горами Парнефом и Брилессом. (2) Между тем афиняне, когда неприятель еще оставался на аттической земле, послали эскадру из 100 кораблей, которую снаряжали уже давно, с тысячей гоплитов и четырьмястами лучников в поход вокруг Пелопоннеса. Командовали эскадрой Каркин, сын Ксенотима, Протей, сын Эпикла, и Сократ, сын Антигена. (3) Выйдя в море с таки-

ми силами, афиняне поплыли вдоль берегов Пелопоннеса. (4) Пелопоннесцы же оставались в Аттике, пока у них хватало продовольствия; затем они отступали, однако не тем путем, каким пришли, а через Беотию. Попутно они разорили так называемую Грайскую землю у Оропа, населенную зависимыми от афинян оропцами. По прибытии в Пелопоннес войско разошлось по своим городам.

24. После ухода пелопоннесцев из Аттики афиняне установили на суше и на море дозорные посты — предосторожность, которую они отныне намеревались соблюдать все время войны. Они решили также отложить неприкосновенный фонд в 1000 талантов из сумм, хранившихся на акрополе, а военные расходы покрывать только из остальных средств. Тому же, кто предложит или как должностное лицо поставит на голосование вопрос об употреблении этих денег на какие-либо иные нужды, помимо необходимости использовать их для защиты города от нападения вражеского флота, грозила смертная казнь. (2) Вместе с тем было постановлено ежегодно снаряжать особую эскадру из ста самых лучших триер с триерархами, но посылать в поход эти корабли лишь в случае той же крайней необходимости.

25. Между тем 100 кораблей афинской эскадры, усиленные пятьюдесятью кораблями керкирян и некоторых других союзников, крейсируя у берегов Пелопоннеса, опустошали прибрежные области. Так, высадившись у Мефоны в Лаконии, афиняне попытались взять штурмом слабо укрепленный и плохо охраняемый город. (2) Случайно, однако, в этих местах оказался спартиат Брасид, сын Теллида, начальник сторожевого поста. Узнав о нападении афинян, Брасид поспешил на помощь с сотней гоплитов. Ему удалось пробиться в Мефону с незначительными потерями сквозь афинский отряд, рассеявшийся по местности и отвлеченный возведением укрепления, и спасти Мефону. За свой подвиг он первым в эту войну получил в Спарте похвалу от имени города. (3) Афиняне же продолжали плавание вдоль побережья. Высадившись в элейском городе Фие, они два дня опустошали местность и одержали победу над отрядом из трехсот отборных воинов, прибывших на помощь из внутренней Элиды и окрестных мест. (4) Между тем поднялся сильный ветер, и большинство афинян, страдая от непогоды в стране, лишенной гаваней, снова село на ко-

рабли и поплыло вокруг мыса под названием Ихтис, направляясь в гавань города Фии. Мессенцы же и остальные, у кого не было возможности сесть на корабли, двинулись по суше и захватили Фию. (5) Афинские корабли, шедшие вдоль восточных берегов, прибыли в Фию, взяли воинов на борт и снова вышли в открытое море, так как главные силы элейцев уже подошли на помощь. Афиняне же между тем продолжали плавание вдоль пелопоннесских берегов, разоряя прибрежные местности.

26. Приблизительно в это же время афиняне выслали 30 кораблей под начальством Клеопомпа, сына Клиния, в Локрийские воды, чтобы одновременно прикрывать Евбею. (2) Клеопомп, неоднократно высаживаясь, опустошал прибрежные местности и захватил Фроний, откуда взял заложников. В битве при Алопе он также разбил пришедших на помощь локров.

27. В то же лето афиняне изгнали эгинцев с женами и детьми с их острова, предъявив обвинение в том, что они были главными виновниками войны. Остров Эгина лежит вблизи Пелопоннеса, и потому афиняне сочли для себя более безопасным заселить его своими поселенцами, которых они вскоре затем туда и выслали. (2) Лакедемоняне же поселили изгнанников в городе Фирее с примыкающей областью из вражды к афинянам и в благодарность за помощь, оказанную эгинцами во время землетрясения и восстания илотов. Фирейская область лежит на границе Арголиды с Лаконией и простирается до моря. Часть эгинцев там и поселилась, остальные же рассеялись по всей Элладе.

28. Тем же летом в новолуние (когда это, видимо, только и возможно) после полудня произошло солнечное затмение, а затем солнечный диск снова стал полным. Некоторое время солнце имело вид полумесяца, и на небе появилось даже несколько звезд.

29. В то же лето афиняне сделали своим проксеном Нимфодора, сына Пифея из Абдер. Сестра его была замужем за Ситалком, у которого Нимфодор пользовался большим влиянием. Прежде афиняне считали Нимфодора своим врагом, а теперь даже пригласили в Афины, чтобы с его помощью заключить союз с царем фракийцев Ситалком, сыном Тереса. (2) А этот Терес, отец Ситалка, был первым основателем великого Одрисийского царства, включавшего большую часть Фракии (хотя многие фракийские племена оставались независимыми). (3) Впрочем, этот Терес не имеет ника-

кого отношения к Терею, супругой которого была Прокна, дочь Пандиона из Афин. Оба они и родом были из разных частей Фракии. Терей жил в Давлии, тогда населенной фракийцами (местность эта ныне называется Фокидой). Именно на этой земле женщины и совершили свое злодеяние над Итисом (ведь многие поэты, упоминающие о соловье, называют эту птицу давлийской). Естественно, что Пандион ради взаимной помощи отдал свою дочь в жены человеку, живущему поблизости, а не в далекой стране одрисов. Терес же (который и имя носил другое) был первым могущественным царем одрисов. (4) Вот с его-то сыном, Ситалком, афиняне и желали заключить союз, надеясь с помощью царя захватить фракийское побережье и одолеть Пердикку. (5) И действительно, Нимфодор, прибыв в Афины, устроил союз с Ситалком. Сыну Ситалка Садоку он исхлопотал афинское гражданство, а сам обязался закончить войну во Фракии и уговорить Ситалка послать на помощь афинянам отряды всадников и пелтастов. (6) Затем Нимфодор примирил Пердикку с афинянами, убедив их возвратить царю Ферму. После этого Пердикка тотчас же присоединился к афинянам в походе Формиона против халкидян. (7) Таким образом, царь фракийцев Ситалк, сын Тереса, и царь македонский Пердикка, сын Александра, стали союзниками афинян.

30. Афинская же эскадра в составе ста кораблей продолжала крейсировать вокруг Пелопоннеса. Афиняне захватили коринфский городок Соллий и отдали его вместе с землей на поселение одним лишь палереям из акарнанян. Они взяли приступом также и Астак, где тираном был Еварх, изгнали тирана и заставили город присоединиться к афинскому союзу. (2) Затем афиняне отплыли к острову Кефаллении, который сдался им без боя. Кефалления лежит против Акарнании и Левкады; на ней четыре городские общины, где живут палейцы, крании, самеи и проннейцы. Спустя некоторое время эскадра возвратилась в Афины.

31. В конце этого же лета афиняне под начальством Перикла, сына Ксантиппа, со всеми своими боевыми силами, граждане и метэки, вторглись в Мегариду. Между тем афинская эскадра в составе уже упоминавшихся ста кораблей на обратном пути их похода вокруг Пелопоннеса прибыла как раз на Эгину. Когда командиры эскадры узнали, что войско афинских граждан находится в Мегарах, то немедленно взяли курс

на Мегары и присоединились к своим. (2) Это было самое большое афинское войско, которое когда-либо собиралось в одном месте и когда город находился на вершине могущества (еще до начала чумы). Сами афиняне насчитывали не менее 10 000 гоплитов (кроме 3000 осаждавших Потидею); силы метэков составляли не менее 3000 гоплитов, и, кроме того, было еще много легковооруженных воинов. Разорив большую часть мегарской области, афиняне отступили и вернулись домой. (3) Афиняне продолжали подобные же вторжения в Мегариду каждый год в течение войны (иногда вместе с конницей, а иной раз и со всем войском граждан), пока не взяли Нисею.

32. В конце того же лета афиняне захватили также прежде необитаемый остров Аталанту у берегов опунтских локров и построили там укрепление, чтобы помешать пиратским набегам на Евбею из Опунта и остальной Локриды. Таковы были события того лета, когда пелопоннесцы ушли из Аттики.

33. Следующей зимой акарнанец Еварх, желая вновь захватить власть в Астаке, убедил коринфян послать туда 40 кораблей с 1500 гоплитов, чтобы вернуть его в город, для чего он и сам навербовал некоторое число наемников. Во главе экспедиции стояли Евфамид, сын Аристонима, Тимоксен, сын Тимократа, и Евмах, сын Хрисида. (2) Коринфяне отплыли к Астаку и действительно возвратили Еварху власть. Они рассчитывали также завладеть и некоторыми другими городами на побережье Акарнании. Однако эти попытки захватить города потерпели неудачу, и коринфяне были вынуждены вернуться домой. (3) На обратном пути, плывя мимо Кефаллении, коринфяне высадились в области краниев. Там они, поддавшись обману краниев, заключили с ними некое соглашение, а затем при внезапном нападении краниев потеряли часть своего отряда. Под сильным натиском врагов коринфянам пришлось снова выйти в море и возвратиться домой.

34. Той же зимой афиняне совершили по обычаю предков от имени государства торжественную церемонию погребения воинов, павших в первый год войны. (2) Останки павших за три дня до погребения по обычаю выставляются в разбитом для этого шатре, и всякий приносит своему близкому дар, какой пожелает. (3) При погребении останки везут на повозках в кипарисовых гробах — на каждую филу по одному гробу с останками погибших из этой филы. Несут еще одно

покрытое ковром пустое ложе для пропавших без вести, тела которых после битвы нельзя было найти и предать погребению. (4) Любой из граждан и иностранцев имеет право присоединиться к похоронной процессии. Участвуют в погребальной церемонии также и женщины, оплакивая на могиле своих близких. (5) Павших погребают в государственной гробнице, находящейся в красивейшем предместье города. Здесь афиняне всегда хоронят погибших в бою, за единственным исключением павших при Марафоне, которым был воздвигнут могильный курган на самом поле битвы как дань их величайшей доблести. (6) Когда останки преданы земле, человек, занимающий в городе, по всеобщему признанию, первенствующее положение за свой высокий ум и выдающиеся заслуги, произносит в честь павших подобающее похвальное слово. Затем все расходятся. (7) Так происходит у афинян торжественная церемония погребения. И во все время войны афиняне при каждом погребении неизменно следовали этому обычаю. (8) Когда наступило время для произнесения речи в честь павших первыми на этой войне, оратором был выбран Перикл, сын Ксантиппа. Он выступил перед гробницей на высоко поднятом помосте, для того чтобы слова его были слышны как можно дальше в толпе, и держал следующую речь.

35. «Большинство выступавших здесь до меня ораторов воздавали уже хвалу законодателю, который к установленным погребальным обрядам в честь павших прибавил еще обычай держать надгробную речь, ибо прекрасен обычай чествовать героев, павших на поле брани. Я предпочел бы гражданам, проявившим героическую доблесть на деле, только делом и воздавать почести, именно так, как вы видите ныне при этой, совершаемой городом, погребальной церемонии: по-моему, несправедливо оценку доблести столь многих героев ставить в зависимость от дарования одного человека и от того, будет ли хороша его речь или плоха. (2) Действительно, трудно оратору найти надлежащую меру заслуг там, где вряд ли возможно утвердить в душе слушателей хотя бы доверие к истинности сказанного. Ведь афинянин, хорошо осведомленный о событиях как их сочувствующий участник, найдет речь оратора слишком слабой сравнительно с тем, что он ожидал бы услышать и что ему самому известно. С другой стороны, человек, непричастный к событиям,

услышав о деяниях, превосходящих его собственные силы, пожалуй, из зависти подумает, что иные подвиги слишком преувеличены. Ведь люди верят в истинность похвал, воздаваемых другим, лишь до такой степени, в какой они считают себя способными совершить подобные подвиги. А все, что свыше их возможностей, тотчас же вызывает зависть и недоверие. (3) Но так как наши предки признали этот обычай похвальным, то и я, повинуясь закону, насколько это в моих силах, буду стараться удовлетворить желаниям и убеждениям каждого.

36. Начну прежде всего с предков. Ведь и справедливость, и пристойность велят нам в этих обстоятельствах воздать дань их памяти. Наши предки всегда неизменно обитали в этой стране и, передавая ее от поколения к поколению, своей доблестью сохранили ее свободу до нашего времени. И если они достойны хвалы, то еще более достойны ее отцы наши, (2) которые, умножив наследие предков своими трудами, создали столь великую державу, какой мы владеем, и оставили ее нам, ныне живущему поколению. (3) И еще больше укрепили ее могущество мы сами, достигшие ныне зрелого возраста. Мы сделали наш город совершенно самостоятельным, снабдив его всем необходимым как на случай войны, так и в мирное время. (4) Военные подвиги, которые и мы и отцы совершили, завоевывая различные земли или стойко обороняясь в войнах с варварами или эллинами, общеизвестны, и я не стану о них распространяться. Но прежде, чем начать хвалу павшим, которых мы здесь погребаем, хочу сказать о строе нашего города, о тех наших установлениях в образе жизни, которые и привели его к нынешнему величию. Полагаю, что и сегодня уместно вспомнить это, и всем собравшимся здесь гражданам и чужеземцам будет полезно об этом услышать.

37. Для нашего государственного устройства мы не взяли за образец никаких чужеземных установлений. Напротив, мы скорее сами являем пример другим, нежели в чем-нибудь подражаем кому-либо. И так как у нас городом управляет не горсть людей, а большинство народа, то наш государственный строй называется народоправством. В частных делах все пользуются одинаковыми правами по законам. Что же до дел государственных, то на почетные государственные должности выдвигают каждого по достоинству, поскольку он чем-нибудь отличился не в силу принадлежности

к определенному сословию, но из-за личной доблести. Бедность и темное происхождение или низкое общественное положение не мешают человеку занять почетную должность, если он способен оказать услуги государству. (2) В нашем государстве мы живем свободно и в повседневной жизни избегаем взаимных подозрений: мы не питаем неприязни к соседу, если он в своем поведении следует личным склонностям, и не выказываем ему хотя и безвредной, но тягостно воспринимаемой досады. (3) Терпимые в своих частных взаимоотношениях, в общественной жизни не нарушаем законов, главным образом из уважения к ним, и повинуемся властям и законам, в особенности установленным в защиту обижаемых, а также законам неписаным, нарушение которых все считают постыдным.

38. Мы ввели много разнообразных развлечений для отдохновения души от трудов и забот, из года в год у нас повторяются игры и празднества. Благопристойность домашней обстановки доставляет наслаждение и помогает рассеять заботы повседневной жизни. (2) И со всего света в наш город, благодаря его величию и значению, стекается на рынок все необходимое, и мы пользуемся иноземными благами не менее свободно, чем произведениями нашей страны.

39. В военных попечениях мы руководствуемся иными правилами, нежели наши противники. Так, например, мы всем разрешаем посещать наш город и никогда не препятствуем знакомиться и осматривать его и не высылаем чужестранцев из страха, что противник может проникнуть в наши тайны и извлечь для себя пользу. Ведь мы полагаемся главным образом не столько на военные приготовления и хитрости, как на наше личное мужество. Между тем как наши противники при их способе воспитания стремятся с раннего детства жестокой дисциплиной закалить отвагу юношей, мы живем свободно, без такой суровости, и тем не менее ведем отважную борьбу с равным нам противником. (2) И вот доказательство этому: лакедемоняне вторгаются в нашу страну не одни, а со своими союзниками, тогда как мы только сами нападаем на соседние земли и обычно без большого труда одолеваем их, хотя их воины сражаются за свое достояние. (3) Со всей нашей военной мощью враг никогда еще не имел дела, так как нам всегда одновременно приходилось заботиться и об экипаже для кораблей и на суше рассылать в разные концы наших воинов. Случись врагам в стычке

с нашим отрядом где-нибудь одержать победу, они уже похваляются, что обратили в бегство целое афинское войско; так и при неудаче они всегда уверяют, что уступили лишь всей нашей военной мощи. (4) Если мы готовы встречать опасности скорее по свойственной нам живости, нежели в силу привычки к тягостным упражнениям, и полагаемся при этом не на предписание закона, а на врожденную отвагу,— то в этом наше преимущество. Нас не тревожит заранее мысль о грядущих опасностях, а испытывая их, мы проявляем не меньше мужества, чем те, кто постоянно подвергается изнурительным трудам. Этим, как и многим другим, наш город и вызывает удивление.

40. Мы развиваем нашу склонность к прекрасному без расточительности и предаемся наукам не в ущерб силе духа. Богатство мы ценим лишь потому, что употребляем его с пользой, а не ради пустой похвальбы. Признание в бедности у нас ни для кого не является позором, но больший позор мы видим в том, что человек сам не стремится избавиться от нее трудом. (2) Одни и те же люди у нас одновременно бывают заняты делами и частными, и общественными. Однако и остальные граждане, несмотря на то, что каждый занят своим ремеслом, также хорошо разбираются в политике. Ведь только мы одни признаем человека, не занимающегося общественной деятельностью, не благонамеренным гражданином, а бесполезным обывателем. Мы не думаем, что открытое обсуждение может повредить ходу государственных дел. Напротив, мы считаем неправильным принимать нужное решение без предварительной подготовки при помощи выступлений с речами за и против. (3) В отличие от других, мы, обладая отвагой, предпочитаем вместе с тем сначала основательно обдумывать наши планы, а потом уже рисковать, тогда как у других невежественная ограниченность порождает дерзкую отвагу, а трезвый расчет — нерешительность. Истинно доблестными с полным правом следует признать лишь тех, кто имеет полное представление как о горестном, так и о радостном и именно в силу этого-то и не избегает опасностей. (4) Добросердечность мы понимаем иначе, чем большинство других людей: друзей мы приобретаем не тем, что получаем от них, а тем, что оказываем им проявления дружбы. Ведь оказавший услугу другому — более надежный друг, так как старается заслуженную благодарность поддержать и дальнейшими

услугами. Напротив, человек облагодетельствованный менее ревностен: ведь он понимает, что совершает добрый поступок не из приязни, а по обязанности. (5) Мы — единственные, кто не по расчету на собственную выгоду, а доверяясь свободному влечению, оказывает помощь другим.

41. Одним словом, я утверждаю, что город наш — школа всей Эллады, и полагаю, что каждый из нас сам по себе может с легкостью и изяществом проявить свою личность в самых различных жизненных условиях. (2) И то, что мое утверждение — не пустая похвальба в сегодняшней обстановке, а подлинная правда, доказывается самим могуществом нашего города, достигнутым благодаря нашему жизненному укладу. (3) Из всех современных городов лишь наш город еще более могуществен, чем идет о нем слава, и только он один не заставит врага негодовать, что он терпит бедствие от такого противника, как мы, а подвластных нам — жаловаться на ничтожество правителей. (4) Столь великими деяниями мы засвидетельствовали могущество нашего города на удивление современникам и потомкам. Чтобы прославить нас, не нужно ни Гомера, ни какого-либо другого певца, который доставит своей поэзией преходящее наслаждение, но не найдет подтверждения в самой истине. Все моря и земли открыла перед нами наша отвага и повсюду воздвигла вечные памятники наших бедствий и побед. И вот за подобный город отдали доблестно свою жизнь эти воины, считая для себя невозможным лишиться родины, и среди оставшихся в живых каждый, несомненно, с радостью пострадает за него.

42. Поэтому-то я так распространился о славе нашего города. Я желал и показать, что в нашей борьбе мы защищаем нечто большее, чем люди, лишенные подобного достояния; и, воздавая в этой речи хвалу деяниям павших, привести наглядные подтверждения их героизма. (2) Итак, самое главное в моей хвалебной речи уже сказано. Ведь всем тем, что я прославил здесь, наш город обязан доблестным подвигам этих людей и героев, подобных им. Во всей Элладе, пожалуй, немного найдется людей, слава которых в такой же мере соответствовала бы их деяниям. Полагаю, что постигшая этих воинов участь является первым признаком и последним утверждением доблести человека, как славное завершение его жизни. (3) Ведь даже тем людям, кто ранее не выполнял своего долга, по спра-

ведливости можно найти оправдание в их доблестной борьбе за родину. Действительно, загладив зло добром, они принесли этим больше пользы городу, чем причинили вреда ранее своим образом жизни. (4) А эти герои не утратили мужества, презрели наслаждение богатством или надежду разбогатеть когда-либо и не отступили и перед опасностью. Отмщение врагу они поставили выше всего, считая величайшим благом положить жизнь за родину. (5) Перед лицом величайшей опасности они пожелали дать отпор врагам, пренебрегая всем остальным, и в чаянии победы положиться на свои собственные силы. Признав более благородным вступить в борьбу на смерть, чем уступить, спасая жизнь, они избежали упреков в трусости, и решающий момент расставания с жизнью был для них и концом страха и началом посмертной славы.

43. Эти воины честно исполнили свой долг перед родным городом, положив за него жизнь. А всем оставшимся в живых надлежит молить богов о более счастливой участи, а в отношении врагов вести себя не менее доблестно, чем усопшие. Пусть все граждане не только со слов оратора оценят, сколь прекрасно для города отражать врага, о чем можно было бы долго распространяться (хотя вы и сами это не хуже знаете). Напротив, пусть вашим взорам повседневно предстает мощь и краса нашего города и его достижения и успехи, и вы станете его восторженными почитателями. И, радуясь величию нашего города, не забывайте, что его создали доблестные, вдохновленные чувством чести люди, которые знали, что такое долг, и выполняли его. При неудаче в каком-либо испытании они все же не могли допустить, чтобы город из-за этого лишился их доблести, и добровольно принесли в жертву родине прекраснейший дар — собственную жизнь. (2) Действительно, отдавая жизнь за родину, они обрели себе непреходящую славу и самую почетную гробницу не только здесь, мне думается, где они погребены, но и повсюду, где есть повод вечно прославлять их хвалебным словом или славными подвигами. (3) «Ведь гробница доблестных — вся земля», и не только в родной земле надписями на надгробных стелах запечатлена память об их славе, но и на чужбине также сохраняются в живой памяти людей если не сами подвиги, то их мужество. (4) Подобных людей примите ныне за образец, считайте за счастье свободу, а за свободу — мужество и смотрите в лицо военным опасностям.

(5) Ведь людям несчастным, влачащим жалкое существование, без надежды на лучшее будущее, нет основания рисковать жизнью, но тем подобает жертвовать жизнью за родину, кому в жизни грозит перемена к худшему, для кого неудачная война может стать роковой. (6) Благородному же человеку страдания от унижения мучительнее смерти, которая для него становится безболезненной, если только он погибает в сознании своей силы и с надеждой на общее благо.

44. Вот почему я не буду скорбеть ныне вместе с вами, присутствующими здесь родителями этих героев, а обращусь к вам с утешением. Ведь, как вы знаете сами, пережив все это, из личного опыта, человеческая судьба исполнена превратностей. Счастлив тот, кому, подобно этим воинам, уготован столь прекрасный конец или выпадет на долю столь благородная печаль, как вам, и тот, кому в меру счастливой жизни была суждена и счастливая кончина. (2) Я понимаю, конечно, как трудно мне утешать вас в утрате детей, о чем вы снова и снова будете вспоминать при виде счастья других, которым и вы некогда наслаждались. Счастье неизведанное не приносит скорби, но горе потерять счастье, к которому привыкнешь. (3) Те из вас, кому возраст еще позволяет иметь других детей, пусть утешатся этой надеждой. Новые дети станут родителям утешением, а город наш получит от этого двойную пользу: не оскудеет число граждан, и сохранится безопасность. Ведь кто не заботится о будущности детей, тот не может принимать справедливые и правильные решения на пользу своих сограждан. Вы же, престарелые, радуйтесь, что бóльшую часть своей жизни вы были счастливы и скоро ваши дни окончатся: да послужит вам утешением впредь слава ваших сынов. Лишь жажда славы не иссякает, даже в возрасте, когда люди уже бесполезны обществу, и их радует не стяжание, как утверждают иные, а почет.

45. Вам же, присутствующим здесь сыновьям и братьям героев, будет, конечно, трудно состязаться с ними в доблести (ведь усопших принято обычно восхвалять), и даже при наивысшем проявлении доблестей вы с трудом добьетесь не равного с ними, но хотя бы близкого к этому признания. Действительно, при жизни доблестные люди возбуждают зависть, мертвым же (они ведь не являются уже соперниками) воздают почет без зависти. (2) И, наконец, если мне надо вспомнить о доблести женщин, которые теперь станут вдовами, то

я подведу итог, ограничившись кратким советом. Наивысшей похвалой для вас будет, если вы не потеряете присущей вам женственной природы как супруги и гражданки, и та женщина заслуживает величайшего уважения, о которой меньше всего говорят среди мужчин, в порицание или в похвалу.

46. Итак, подобно своим предшественникам, я по обычаю высказал в своей речи то, что считал необходимым сказать в честь погибших героев. Отчасти мы уже воздали павшим почести погребения, а наш город возьмет на себя содержание их детей до поры возмужалости — это высокая награда, подобная венку, пожалованному осиротевшим детям героев за столь великие подвиги. Ведь в городе, где за военную доблесть положена величайшая награда, там и граждане самые доблестные. (2) А теперь, оплакав должным образом своих близких, расходитесь».

47. Таково было торжественное погребение павших в ту зиму, по истечении которой окончился первый год этой войны. (2) Тотчас же в начале лета две трети боевых сил пелопоннесцев и союзников, как и в первый раз, совершили вторжение в Аттику во главе с царем лакедемонян Архидамом, сыном Зевксиппа. Разбив лагерь, они начали разорять страну. (3) Враги находились всего лишь несколько дней в Аттике, когда в Афинах появились первые признаки заразной болезни, которая, как говорят, уже раньше вспыхивала во многих местах, особенно на Лемносе и в других местах. Но никогда еще чума не поражала так молниеносно и с такой силой и на памяти людей нигде не уносила столь много человеческих жизней. (4) Действительно, и врачи, впервые лечившие болезнь, не зная ее природы, не могли помочь больным и сами становились первыми жертвами заразы, так как им чаще всего приходилось соприкасаться с больными. Впрочем, против болезни были бессильны также и все другие человеческие средства. Все мольбы в храмах, обращения к оракулам и прорицателям были напрасны. Наконец, люди, сломленные бедствием, совершенно оставили надежды на спасение.

48. Впервые, как передают, болезнь началась в Эфиопии, что над Египтом. Оттуда она распространилась на Египет, Ливию и на большую часть владений персидского царя. (2) Совершенно внезапно болезнь вспыхнула также и в Афинах; первые случаи заболевания появились среди населения Пирея (жители Пи-

рея даже пустили слух, что пелопоннесцы отравляли цистерны; ведь тогда в Пирее еще не было колодцев). Позднее болезнь проникла также и в верхний город, и тогда стало умирать гораздо больше людей. (3) Я предоставляю каждому (будь то врач или человек, не сведущий в медицине) судить об этой напасти, то есть о вероятных причинах ее возникновения, и о том, почему следствием ее были столь удивительные перемены в состоянии здоровья. Скажу только, каким образом эта болезнь возникла, и опишу ее проявления, чтобы, исходя из этого, в случае если она снова возникнет, ее можно было бы распознать. Я ведь сам страдал от этой болезни и наблюдал ее течение у других.

49. В этот год до вспышки повальной болезни (по всеобщему признанию) в городе почти не было других заболеваний. Если же кто-нибудь ранее страдал каким-либо недугом, то теперь все переходило в одну эту болезнь. (2) У других же, до той поры совершенно здоровых, без всякой внешней причины вдруг появлялся сильный жар в голове, покраснение и воспаление глаз. Внутри же глотка и язык тотчас становились кроваво-красными, а дыхание — прерывистым и зловонным. (3) Сразу же после этих явлений больной начинал чихать и хрипеть, и через некоторое время болезнь переходила на грудь с сильным кашлем. Когда же болезнь проникала в брюшную полость и желудок, то начинались тошнота и выделение желчи всех разновидностей, известных врачам, с рвотой, сопровождаемой сильной болью. (4) Большинство больных страдало от мучительного позыва на икоту, вызывавшего сильные судороги. Причем у одних это наблюдалось после ослабления рвоты, у других же продолжалось и позднее. (5) Тело больного было не слишком горячим на ощупь и не бледным, но с каким-то красновато-сизым оттенком и покрывалось как сыпью маленькими гнойными волдырями и нарывами. Внутри же жар был настолько велик, что больные не могли вынести даже тончайших покрывал, кисейных накидок или чего-либо подобного, и им оставалось только лежать нагими, а приятнее всего было погрузиться в холодную воду. Мучимые неутолимой жаждой, больные, остававшиеся без присмотра, кидались в колодцы; сколько бы они ни пили, это не приносило облегчения. (6) К тому же больной все время страдал от беспокойства и бессонницы. На протяжении острого периода болезни организм не слабел, но сверх ожидания со-

противлялся болезни, так что наступала смерть либо в большинстве случаев от внутреннего жара на девятый или седьмой день, когда больной был еще не совсем обессилен, либо если организм преодолевал кризис, то болезнь переходила в брюшную полость, вызывая изъязвление кишечника и жестокий понос; чаще всего люди и погибали от слабости, вызванной этим поносом. (7) Так недуг, очаг которого первоначально находился в голове, распространялся затем сверху донизу по всему телу. И если кто-либо выживал, то последствием перенесенной болезни было поражение конечностей: (8) болезнь поражала даже половые органы и пальцы на руках и ногах, так что многие оставались в живых, лишившись этих частей, а иные даже слепли. Некоторые, выздоровев, совершенно теряли память и не узнавали ни самих себя, ни своих родных.

50. Необычность этой болезни, превышающая любые средства выражения, проявлялась не только в том, что болезнь поражала людей с такой силой, которую не могла вынести человеческая природа, но и в том, что в отличие от всего, наблюдавшегося ранее, птицы и четвероногие животные, питающиеся человеческими трупами, вовсе не касались трупов (хотя много покойников оставалось непогребенными) или, прикоснувшись к ним, погибали. (2) Это видно из того, что подобные птицы совершенно исчезли: их вообще нигде не было видно, а не только возле непогребенных трупов. На собаках же еще яснее обнаруживалось действие болезни, так как они живут вместе с людьми.

51. Таковы были в общем основные признаки этой болезни, если не говорить о некоторых отклонениях в отдельных случаях. Никаких других обычных заболеваний в то время не было. Лишь только появлялась какая-нибудь другая болезнь, в конце концов она переходила в эту. (2) Люди умирали одинаково как при отсутствии ухода, так и в том случае, когда их хорошо лечили. Против этой болезни не помогали никакие средства: то, что одним приносило пользу, другим вредило. (3) Недуг поражал всех, как сильных, так и слабых, без различия в образе жизни. (4) Однако самым страшным во всем этом бедствии был упадок духа: как только кто-нибудь чувствовал недомогание, то большей частью впадал в полное уныние и, уже более не сопротивляясь, становился жертвой болезни; поэтому люди умирали как овцы, заражаясь друг от друга. (5) И эта чрезвычайная заразность болезни и была как

раз главной причиной повальной смертности. Когда люди из боязни заразы избегали посещать больных, то те умирали в полном одиночестве (и действительно, люди вымирали целыми домами, так как никто не ухаживал за ними). А если кто навещал больных, то сам заболевал: находились все же люди, которые, не щадя себя из чувства чести, посещали больных, когда даже родственники, истомленные непрерывным оплакиванием умирающих, под конец совершенно отчаивались и отступали перед ужасным несчастьем. (6) Больше всего проявляли участие к больным и умирающим люди, сами уже перенесшие болезнь, так как им было известно ее течение, и они считали себя в безопасности от вторичного заражения. Действительно, вторично болезнь никого не поражала. Поэтому выздоровевших превозносили, как счастливцев, и у них самих радость выздоровления порождала надежду, что теперь никакая другая болезнь не будет для них смертельной.

52. Это постигшее афинян бедствие отягчалось еще наплывом беженцев из всей страны, и особенно страдали от болезни вновь прибывшие. (2) Жилищ не хватало: летом приходилось жить в душных временных лачугах, отчего люди умирали при полном беспорядке. Умирающие лежали друг на друге, где их заставала гибель, или валялись на улицах и у колодцев, полумертвые от жажды. (3) Сами святилища вместе с храмовыми участками, где беженцы искали приют, были полны трупов, так как люди умирали и там. Ведь сломленные несчастьем, люди, не зная, что им делать, теряли уважение к божеским и человеческим законам. (4) Все прежние погребальные обычаи теперь совершенно не соблюдались: каждый хоронил своего покойника как мог. Иные при этом даже доходили до бесстыдства, за неимением средств (так как им уже раньше приходилось хоронить многих родственников). Иные складывали своих покойников на чужие костры и поджигали их, прежде чем люди, поставившие костры, успевали подойти; другие же наваливали принесенные с собой тела поверх уже горевших костров, а сами уходили.

53. И вообще с появлением чумы в Афинах все больше начало распространяться беззаконие. Поступки, которые раньше совершались лишь тайком, теперь творились с бесстыдной откровенностью. Действительно, на глазах внезапно менялась судьба людей: можно

было видеть, как умирали богатые и как люди, прежде ничего не имевшие, сразу же завладевали всем их добром. (2) Поэтому все ринулись к чувственным наслаждениям, полагая, что и жизнь и богатство одинаково преходящи. (3) Жертвовать собою ради прекрасной цели никто уже не желал, так как не знал, не умрет ли, прежде чем успеет достичь ее. Наслаждение и все, что как-то могло служить ему, считалось само по себе уже полезным и прекрасным. (4) Ни страх перед богами, ни закон человеческий не могли больше удержать людей от преступлений, так как они видели, что все погибают одинаково и поэтому безразлично, почитать ли богов или нет. С другой стороны, никто не был уверен, что доживет до той поры, когда за преступления понесет наказание по закону. Ведь гораздо более тяжкий приговор судьбы уже висел над головой, и пока он еще не свершился, человек, естественно, желал по крайней мере как-то насладиться жизнью.

54. Таково было бедствие, угнетавшее афинян: в стенах города народ погибал от болезни, а землю разоряли неприятели. (2) Неудивительно, что в такой беде старики вспомнили о стихе, который, по их словам, в древности возвестил оракул:

Грянет дорийская брань, и мор воспоследствует с нею.

(3) Тогда среди афинян начались споры о том, не стояло ли в древнем предсказании вместо loimós (мор, чума) слово limos (голод). В тогдашних обстоятельствах, как и следовало ожидать, верх одержало мнение, что в стихе значилось loimós (мор, чума). Ведь люди старались приспособить воспоминания к переживаемым бедствиям. Мне думается, что если после этой войны случится какая-нибудь другая дорийская война и при этом наступит голод, то люди, вероятно, будут толковать этот стих именно в таком смысле. (4) Другие же вспоминали также ответ оракула лакедемонянам на вопрос, следует ли им воевать: «Если они будут вести войну всеми силами, то одержат победу, и бог сам им поможет». (5) И вот тогда пришли к выводу, что предсказание оракула оправдалось в ходе событий. Ведь чума появилась как раз после вторжения пелопоннесцев, но не проникла в Пелопоннес (по крайней мере там вспышка ее была очень слабой). Главным же образом болезнь распространилась в Афинах, а затем и в других густонаселенных местах. Вот что пришлось сказать о чуме.

55. Между тем пелопоннесцы, опустошив равнину, проникли в так называемую Паралийскую область до горы Лавриона, где находились серебряные рудники афинян. Сначала неприятель разорил часть побережья против Пелопоннеса, а затем сторону, лежащую напротив Евбеи и Андроса. (2) Перикл же (который и в этом году еще был стратегом) оставался при том мнении, что афинянам (как и при первом вторжении) не следует вступать в бой с врагом.

56. Вражеское войско еще находилось на равнине и не успело проникнуть в Паралийскую область, когда Перикл велел снарядить 100 кораблей в плавание к Пелопоннесу и после окончания приготовлений вышел в море. (2) На борту кораблей было 4000 афинских гоплитов и, кроме того, 300 всадников на транспортных судах (впервые тогда переделанных из старых кораблей для перевозки лошадей). В походе приняли участие также хиосцы и лесбосцы на 50 кораблях. (3) Когда эта афинская эскадра отплыла, она оставила Паралийскую область на разорение пелопоннесцам. (4) Прибыв в Эпидавр в Пелопоннесе, афиняне опустошили бóльшую часть страны и напали на город, надеясь захватить его; однако им это не удалось. (5) От Эпидавра они поплыли дальше и опустошили на побережье Пелопоннеса Трезенскую область, Галиаду и Гермониду. (6) Отплыв оттуда, афиняне прибыли в лаконский приморский город Прасии, разорили часть страны, захватили и разрушили сам город. После этого афиняне возвратились домой, но не застали в Аттике пелопоннесцев, которые уже покинули страну.

57. Все время, пока пелопоннесцы оставались на аттической земле и пока корабли афинян были в походе, чума свирепствовала как в афинском войске, так и в городе. Говорили даже, что пелопоннесцы скорее покинули Аттику в страхе перед чумой (о появлении которой в Афинах они слышали от перебежчиков и могли узнать по дыму погребальных костров). (2) Впрочем, при этом вторжении неприятель дольше всего — около 40 дней — оставался в Аттике и опустошил всю страну.

58. В это же лето Гагнон, сын Никия, и Клеопомп, сын Клиния, бывшие стратегами вместе с Периклом, приняли командование над его войском и эскадрой и тотчас отплыли к фракийскому побережью против халкидян и Потидеи, которая все еще была в осаде. По

прибытии они подвели осадные машины к стенам Потидеи и всячески пытались овладеть городом. (2) Однако афинянам не удалось ни овладеть городом, ни вообще добиться успеха, сколько-нибудь соответствующего их приготовлениям и усилиям. Ведь вспыхнувшая здесь болезнь довела афинян до крайней опасности: она косила ряды афинского войска, так что заболели и воины, посланные прежде осаждать Потидею, до той поры здоровые, заразившись от воинов Гагнона. (3) Формиона с его 1600 гоплитов тогда уже не было в Халкидике. Так Гагнону пришлось на своих кораблях возвратиться в Афины, потеряв от болезни за 40 дней из 4000 гоплитов 1500 человек. Прежнее же войско осталось в стране и продолжало осаду Потидеи.

59. После второго вторжения пелопоннесцев, когда аттическая земля подверглась новому разорению да к тому же вспыхнула чума, настроение афинян резко изменилось. (2) Они обвиняли Перикла в том, что тот посоветовал им воевать и что из-за него они и терпят бедствия. Напротив, с лакедемонянами афиняне были теперь готовы заключить мир и даже отправили к ним для этого послов, которые, однако, вернулись, ничего не добившись. При таких безвыходных обстоятельствах афиняне и стали нападать на Перикла. (3) Видя, что они раздражены происходящими несчастьями и действуют совершенно так, как он и ожидал, Перикл, который был тогда еще стратегом, созвал народное собрание, чтобы ободрить сограждан, смягчить их гнев и возбуждение и вообще успокоить, внушив больше уверенности в своих силах. Выступив в собрании, Перикл держал такую речь.

60. «Я ожидал вашего негодования против меня, понимая его причины, и созвал народное собрание, чтобы упрекнуть вас, разъяснив, в чем вы несправедливы, гневаясь на меня и уступая бедствиям. (2) По моему мнению, процветание города в целом принесет больше пользы отдельным гражданам, чем благополучие немногих лиц при общем упадке. (3) Действительно, как бы хороши ни были дела частного лица, с гибелью родины он все равно погибнет, неудачник же в счастливом городе гораздо скорее поправится. (4) Итак, если город может перенести бедствия отдельных граждан, а каждый отдельный гражданин, напротив, не в состоянии перенести несчастье города, то будем же все защищать родину и не будем поступать так, как

вы теперь поступаете: подавленные вашими домашними невзгодами, вы пренебрегаете спасением города и обвиняете и меня, убедившего вас воевать, и самих себя, последовавших моему совету. (5) Вы раздражены против меня, человека, который, я думаю, не хуже, чем кто-либо другой, понимает, как следует правильно решать государственные дела, и умеет разъяснить это другим, который любит родину и стоит выше личной корысти. (6) Ведь тот, кто хорошо разбирается в деле, но не может растолковать это другому, не лучше того, кто сам ничего не соображает; кто может и то, и другое, обладая талантом и красноречием, но к городу относится недоброжелательно, не станет подавать добрые советы как любящий родину; наконец, если человек любит родину, но не может устоять перед подкупом, то он может все продать за деньги. (7) Поэтому, если вы позволили мне убедить вас начать войну, так как считали, что я обладаю хоть в какой-то мере больше других этими качествами государственного человека, то теперь у вас нет оснований обвинять меня, будто я поступил неправильно.

61. Действительно, тем, кто находится в благоприятном положении и может свободно выбирать войну или мир, глупо было бы начинать войну. Но если кто был поставлен в необходимость либо тотчас же уступить и подчиниться врагу, либо идти на риск и отстаивать свою независимость — то скорее достоин порицания избегающий опасности, чем тот, кто оказывает решительное сопротивление. (2) Я остался тем же и не отказываюсь от своего мнения, вы же переменились. Когда вас еще не постигло бедствие, вы последовали моему совету, но вот пришла беда, вы раскаялись, и мой совет при вашей недальновидности теперь представляется вам неверным. Ведь горестные последствия моей политики теперь уже дают себя знать каждому, тогда как ее выгоды еще не всеми признаны, и после страшных и притом внезапных ударов судьбы у вас уже не хватает духу стойко держаться своих прежних решений. (3) Конечно, внезапные и непредвиденные повороты и удары судьбы подрывают у людей уверенность в своих силах. Именно это и произошло с вами, главным образом из-за чумы, помимо других бедствий. (4) Тем не менее вам, гражданам великого города, воспитанным в нравах, соответствующих его славе, следует стойко выдерживать величайшие невзгоды и не те-

рять достоинства. Ведь люди с одинаковым правом

презирают того, кто ведет себя недостойно своей доброй славы, и ненавидят наглеца, присваивающего себе неподобающую честь. Поэтому и вам нужно забыть ваши личные невзгоды и посвятить себя общему делу.

62. Что же до невзгод войны и ваших опасений, что война затянется надолго и нам не одолеть врага, то достаточно и тех доводов, которые я уже раньше часто приводил вам о неосновательности вашего беспокойства. Все же мне хочется указать еще на одно преимущество, которое, как кажется, ни сами вы никогда не имели в виду, ни я не упоминал в своих прежних речах, а именно: мощь нашей державы. И теперь я, пожалуй, также не стал бы говорить о нашем могуществе, так как это было бы до некоторой степени хвастовством, если бы не видел, что вы без достаточных оснований столь сильно подавлены. (2) Ведь вы полагаете, что властвуете лишь над вашими союзниками; я же утверждаю, что из обеих частей земной поверхности, доступных людям,— суши и моря,— над одной вы господствуете всецело, и не только там, где теперь плавают ваши корабли; вы можете, если только пожелаете, владычествовать где угодно. И никто, ни один царь, ни один народ не могут ныне воспрепятствовать вам выйти в море с вашим мощным флотом. (3) Потому-то наше морское могущество представляется мне несравненно более ценным, чем те частные дома и земли, утрата которых для вас столь тягостна. Вы не должны огорчаться этими потерями больше, чем утратой какого-нибудь садика или предмета роскоши ради сохранения нашего владычества на море. И вы можете быть уверены, что если общими усилиями мы отстоим нашу свободу, то она легко возместит нам эти потери, в то время как при чужеземном господстве утратим и то, что у нас осталось. Нам не подобает в чем-либо отстать от наших предков, которые трудом рук своих приобрели эту державу, а не получили в наследство от других, и сохранили ее, чтобы передать нам. Ведь не быть в состоянии удержать свое могущество гораздо позорнее, чем потерпеть неудачу в попытке достичь его. На врагов же мы должны идти не только с воодушевлением, но и с гордым презрением. (4) Наглая кичливость свойственна даже трусу, если ему при его невежестве иногда помогает счастье, презрение же выказывает тот, кто уверен в своем моральном превосходстве над врагом, а эта уверенность у нас есть. (5) От гордого сознания такого превосходства мужество еще

более укрепляется, даже при равных шансах на удачу; оно порождает не только надежду, сила которой проявляется и в безвыходном положении, а расчет на имеющиеся средства, делающий предвидение будущего более достоверным.

63. Ради почетного положения, которым все вы гордитесь и которым наш город обязан своему могуществу, вы, естественно, должны отдать все свои силы, не боясь никаких тягот, если вы дорожите этим почетом. Не думайте, что нам угрожает только порабощение вместо свободы. Нет! Дело идет о потере вами господства и об опасности со стороны тех, кому оно ненавистно. (2) Отказаться от этого владычества вы уже не можете, даже если кто-нибудь в теперешних обстоятельствах из страха изобразит этот отказ как проявление благородного миролюбия. Ведь ваше владычество подобно тирании, добиваться которой несправедливо, отказаться же от нее — весьма опасно. (3) Такие люди, убедив других, скорее всего погубили бы город своими советами, как погубили бы собственное государство, основав его где-нибудь. Ведь миролюбивая политика, не связанная с решительными действиями, пагубна: она не приносит пользы великой державе, но годится лишь подвластному городу, чтобы жить в безопасном рабстве.

64. Не поддавайтесь уговорам таких обывателей и не гневайтесь на меня за совместно принятое нами решение воевать, если враги теперь вторглись в нашу страну и совершили именно то, что и следовало ожидать, так как вы не пожелали им подчиниться. Затем, правда, неожиданно вспыхнула еще эта эпидемия чумы, и это единственное и самое страшное из всех бедствий постигло нас вопреки всяким расчетам. Я знаю, эта-то болезнь вас особенно восстановила против меня. Но это несправедливо: ведь не стали бы вы вменять мне в заслугу, если бы имели в чем-либо неожиданную удачу. (2) Испытания, ниспосланные богами, следует переносить покорно, как неизбежное, а тяготы войны — мужественно. Так и прежде всегда было в Афинах, и ныне этот обычай не следует изменять. (3) Проникнитесь сознанием, что город наш стяжал себе всесветную славу за то, что никогда не склонялся перед невзгодами, а на войне не щадил ни человеческих жизней, ни трудов, и потому до сей поры он на вершине могущества. Память об этой славе сохранится в по-
 томстве навеки, если даже ныне мы несколько отсту-

пим, ведь таков всеобщий ход вещей. Останется память и о том, что мы — эллины — стали владыками большинства эллинских городов, устояли в жестоких войнах и против всех и против каждого отдельного города, а город, в котором мы живем, сделали самым могущественным и богатым. (4) Конечно, люди слабые могут нас порицать, но тот, кто сам жаждет деятельности, будет соревноваться с нами, если же ему это не удастся, он нам позавидует. (5) А если нас теперь ненавидят, то это — общая участь всех, стремящихся господствовать над другими. Но тот, кто вызывает к себе неприязнь ради высшей цели, поступает правильно. Ведь неприязнь длится недолго, а блеск в настоящем и слава в будущем оставляют по себе вечную память. (6) Вы же, помня и о том, что принесет славу в будущем и что не опозорит ныне, ревностно добивайтесь и той и другой цели. С лакедемонянами же не вступайте ни в какие переговоры и не подавайте вида, что вас слишком тяготят теперешние невзгоды. Ведь те, кто меньше всего уязвимы душой в бедствиях и наиболее твердо противостоят им на деле,— самые доблестные как среди городов, так и среди отдельных граждан».

65. Такой речью Перикл пытался успокоить недовольство афинян против него и отвлечь от мыслей об их тяжелом положении в настоящем. (2) В политике афиняне следовали его советам; они больше уже не отправляли послов к лакедемонянам и начали энергичнее вести войну. В частной жизни они, однако, тяжело переносили бедствия: простой народ — потому, что лишился и того скудного достатка, что имел раньше; богатые же люди были удручены потерей своих прекрасных имений в Аттике со всеми домами и роскошной обстановкой, но более всего тем, что вместо наслаждения мирной жизнью они должны были воевать. (3) И всеобщее раздражение афинян против Перикла не утихло до тех пор, пока они не покарали его денежным штрафом. (4) Немного спустя, впрочем, афиняне (как обычно и поступает толпа) вновь избрали Перикла стратегом и поставили во главе государства. Отдельные граждане мало-помалу примирились с потерей своих домов и имущества, а для государственной деятельности Перикла считали наиболее достойным. (5) Пока Перикл в мирное время стоял во главе города, он всегда управлял мудро и справедливо, прочно укреплял его безопасность, и при нем город достиг

вершины могущества. Когда же началась война, то оказалось, что он также правильно оценил ее важность и значение. (6) После начала войны Перикл прожил еще 2½ года. А после его кончины афиняне убедились в том, насколько правильны были его расчеты и предвидения относительно хода войны. (7) Действительно, он предсказывал афинянам победу, если они не вступят в бой с врагом в открытом поле, а вместо этого будут укреплять свое морское могущество и во время войны не станут расширять своих владений, подвергая опасности самое существование родного города. Афиняне же после его кончины во всем этом поступили наоборот; но и в делах, которые, казалось, не имели отношения к войне, они вели политику, определявшуюся честолюбием и алчностью отдельных граждан во вред городу и союзникам. Успех в этих предприятиях мог быть полезен только немногим лицам, но их неуспех оказался пагубным для нашего города и дальнейшего хода войны. (8) Причина была в том, что Перикл, как человек, пользовавшийся величайшим уважением сограждан за свой проницательный ум и несомненную неподкупность, управлял гражданами, не ограничивая их свободы, и не столько поддавался настроениям народной массы, сколько сам руководил народом. Не стремясь к власти неподобающими средствами, он не потворствовал гражданам, а мог, опираясь на свой авторитет, и резко возразить им. (9) Когда он видел, что афиняне несвоевременно затевают слишком дерзкие планы, то умел своими речами внушить осторожность, а если они неразумно впадали в уныние, поднять их бодрость. По названию это было правление народа, а на деле власть первого гражданина. (10) Из преемников Перикла ни один не выдавался как государственный деятель среди других, но каждый стремился к первенству и поэтому был готов, потакая народу, пожертвовать даже государственными интересами. (11) Отсюда проистекали многие ошибки (что и естественно в столь большом и могущественном городе), и самая значительная из них — морской поход в Сицилию. Этот поход окончился неудачей не столько из-за недооценки сил противника, а скорее по вине предпринявших его правителей. Они не заботились об успехе экспедиции, а занимались мелкими дрязгами в борьбе за руководство народом и первенство в городе, и не только вяло вели войну, но привели в расстройство своими распрями го-

сударственные дела. (12) Однако и после сицилийской катастрофы, когда афиняне потеряли свое войско со всем снаряжением и бóльшую часть кораблей, несмотря на раздиравшие город распри, они все же сражались еще три года и притом не только против своих прежних врагов, но и против подкреплений, прибывших из Сицилии, и большинства своих отпавших союзников и даже, наконец, против Кира, сына персидского царя, который присоединился к пелопоннесцам и давал им деньги для постройки кораблей. И сдались афиняне лишь тогда, когда силы их были подорваны в результате внутренних распрей. (13) Так действительность подтвердила предвидение Перикла, который полагал, что в борьбе с одними пелопоннесцами Афины легко одержат победу.

66. В это же лето лакедемоняне со своими союзниками предприняли поход с эскадрой в 100 кораблей на Закинф — остров, лежавший против Элиды (жители Закинфа — колонисты ахейцев из Пелопоннеса — были тогда союзниками афинян). Отплыли лакедемоняне с 1000 гоплитов на борту под начальством спартиата Кнема. Высадившись там, лакедемоняне опустошили большую часть страны. И так как жители Закинфа не сдавались, то лакедемоняне отплыли домой.

67. В конце того же лета коринфянин Аристей, послы лакедемонян Аперист, Николай и Протодам, тегеец Тимагор и аргосец Поллис (который к ним присоединился как частное лицо) отправились в Азию к царю, чтобы побудить его оказать пелопоннесцам помощь деньгами и участием в войне. По пути они сначала прибыли во Фракию к Ситалку, сыну Терея, с целью, если возможно, убедить его отказаться от союза с афинянами и освободить Потидею, где еще стояло афинское войско. От Ситалка послы намеревались отправиться через Геллеспонт к Фарнаку, сыну Фарнабаза, который должен был проводить их дальше в глубь страны к царю. (2) Случайно тогда у Ситалка находились и афинские послы Леарх, сын Каллимаха, и Аминиад, сын Филимона. Они убедили Садока, сына Ситалка, который получил афинское гражданство, выдать им лакедемонян и этим помешать им отправиться дальше к царю во вред Афинам, которые теперь являлись его второй родиной. (3) Садок согласился на просьбу афинян и велел схватить лакедемонян при их проезде через Фракию, прежде чем они успеют сесть на корабль для переправы через Геллеспонт, и выдать

их афинянам. Исполнить свое приказание Садок поручил людям, которых он послал сопровождать Леарха и Аминиада. Афинские послы взяли схваченных лакедемонян и привезли в Афины. (4) Из опасения, как бы Аристей, оставшись в живых, не причинил им еще больше вреда (Аристей, как полагали афиняне, уже раньше доставил им своими происками много хлопот в Потидее и на Фракийском побережье), афиняне распорядились по прибытии в Афины казнить пленников в тот же день без суда, даже не выслушав их, и тела бросить в пропасть. Афиняне считали себя вправе отплатить таким образом лакедемонянам, которые положили начало подобному обращению с пленниками. Так лакедемоняне поступили с купцами из Афин и союзных городов: захватывая купеческие корабли в пелопоннесских водах, они убивали экипаж и тела бросали в пропасть. И действительно, лакедемоняне всех попадавших им в руки на море в начале войны считали врагами и убивали, все равно, были ли это союзники афинян или нейтральные лица.

68. Около этого же времени в конце лета ампракийцы вместе с большим собранным ими варварским войском выступили в поход на амфилохский Аргос и на остальную Амфилохскую область. (2) Их вражда против аргосцев началась вот отчего. (3) Амфилохский Аргос, как и вообще Амфилохию в Ампракийском заливе, после Троянской войны на обратном пути домой основал недовольный положением дел в Аргосе Амфилох, сын Амфиарая (назвав колонию по имени своей старой родины). (4) Аргос был самым большим городом в Амфилохии, а жители его — самыми богатыми. (5) Однако спустя много поколений жители Аргоса под влиянием бедствий пригласили ампракийцев, соседей Амфилохии, переселиться к ним, и свой нынешний эллинский язык они усвоили впервые тогда от ампракийцев, живших с ними. Остальные же амфилохийцы — варвары. (6) С течением времени ампракийцы изгнали аргосцев и сами завладели городом. (7) После этого амфилохийцы стали искать защиты у акарнанов и затем вместе с ними обратились за помощью к афинянам, которые и прислали им 30 кораблей под начальством Формиона. По прибытии Формиона амфилохийцы взяли Аргос штурмом и поработили ампракийцев; и с того времени амфилохийцы живут в городе вместе с акарнанами. (8) После этого впервые был заключен союз афинян с акарнанами.

(9) Причиной же вражды ампракийцев к аргосцам явилось прежде всего обращение в рабство их сограждан, а позднее, во время этой войны, ампракийцы пошли на аргосцев походом вместе с хаонами и некоторыми другими соседними варварскими племенами. Ампракийцы подошли к Аргосу и захватили местность около города, а затем напали на город, но не смогли его взять. Тогда они возвратились на родину и каждое племя рассеялось по своим областям. Таковы были события этого лета.

69. Следующей зимой афиняне послали 20 кораблей во главе с Формионом в пелопоннесские воды. Из Навпакта, как из опорного пункта, Формион наблюдал, чтобы ни один корабль не смог выйти из Коринфа и из Крисейского залива или войти туда. 6 других кораблей под начальством Мелесандра афиняне выслали в Карию и Ликию для сбора дани в этих областях и для того, чтобы воспрепятствовать пелопоннесским пиратам нападать оттуда на торговые корабли на пути от Фаселиды и Финикии и соседних стран. (2) Однако при вторжении Мелесандра в Ликию с отрядом, состоявшим из экипажа афинских кораблей и союзников, часть его войска была уничтожена в неудачном сражении и сам он погиб.

70. В ту же зиму потидейцы оказались не в состоянии дольше выдерживать осаду (так как афиняне, несмотря на вторжение пелопоннесцев в Аттику, все же продолжали осаждать город), ибо продовольствие у них иссякало и некоторые, помимо многого другого, что они из нужды употребляли в пищу, дошли даже до людоедства. Поэтому потидейцы объявили о готовности капитулировать военачальникам стоявшего под городом афинского войска Ксенофонту, сыну Еврипида, Гестиодору, сыну Аристоклида, и Фаномаху, сыну Каллимаха. (2) Афинские военачальники приняли предложение, так как понимали, какие лишения придется терпеть осажденному войску зимой в суровой местности, зная к тому же, что афиняне уже истратили на осаду 2000 талантов. (3) Итак, было заключено соглашение на следующих условиях: жителям города и их союзникам разрешался свободный выход из города с женами и детьми; каждый мог взять с собой один плащ (а женщины по два плаща) и определенную сумму денег на дорогу. (4) В силу договора о капитуляции жители удалились из города в Халкидику и в другие места, где кто мог найти себе пристанище.

В Афинах, однако, обвинили военачальников за то, что те заключили договор с потидейцами, не имея на то полномочий (так как считали, что городом можно было овладеть на любых условиях). Впоследствии афиняне сами отправили в Потидею поселенцев. (5) Таковы были события этой зимы. Так окончился второй год войны, которую описал Фукидид.

71. На следующее лето пелопоннесцы и союзники не совершили нового вторжения в Аттику, а выступили в поход на Платею. Военачальником их был царь лакедемонян Архидам, сын Зевксидама. Он велел разбить лагерь перед городом и собрался было уже опустошать платейскую область, когда платейцы отправили к нему послов со следующим предложением: (2) «Архидам и лакедемоняне! Не по справедливости и недостойно ваших отцов вы поступаете, нападая на землю платейцев. Ведь лакедемонянин Павсаний, сын Клеомброта, освободив Элладу от мидян в союзе с эллинами, которые приняли участие в битве с мидянами под стенами нашего города, принес жертву на платейской площади Зевсу Освободителю и в присутствии всех союзников отдал платейцам их область и город, чтобы они жили и владели ими свободно и независимо, и установил, чтобы впредь никто не нападал на них без справедливого повода или с целью отнять свободу. В противном случае, указал он, каждый присутствующий при этом союзник обязан по возможности прийти на помощь платейцам. (3) Эти преимущества даровали нам ваши отцы за нашу доблесть и самоотверженность в опасностях той войны. Вы же вместо того, чтобы помочь нам, поступаете наоборот: ведь вы вместе с нашими смертельными врагами фиванцами пришли лишить нас свободы. (4) Итак, мы призываем в свидетели богов — хранителей клятвы, богов ваших отцов и богов нашей земли и просим не причинять вреда платейской земле и не нарушать ваших клятв, но позволить нам жить независимо, как это признал справедливым Павсаний».

72. В ответ на такую речь платейцев Архидам сказал следующее: «Вы говорите справедливо, платейцы, если только и сами вы поступаете согласно вашим словам. Будьте независимы, как вам обещал Павсаний, но помогите и нам освободить других союзников, которые сражались тогда вместе с вами и дали совместную клятву, а ныне находятся под игом афинян. Ведь ради освобождения всех остальных эллинов и началась эта

война и приведены в готовность столь великие средства. Лучше всего было бы для вас, если бы вы присоединились к нам и остались сами верными клятвам. Если же вы не желаете этого, то продолжайте спокойно заниматься вашими делами, оставаясь нейтральными и сохраняя дружбу с обеими сторонами, как это мы уже раньше предлагали вам. Этого нам достаточно». (2) Так сказал Архидам. А платейские послы, выслушав эту речь Архидама, возвратились в свой город, сообщили платейцам предложения и затем принесли ему ответ: платейцы, сказали они, не могут принять его условия без согласия афинян, так как их жены и дети находятся у афинян. Кроме того, они опасаются за самое существование своего города: ведь после ухода лакедемонян могут прийти афиняне и не позволят выполнить соглашение, или фиванцы вновь попытаются захватить их город (под тем предлогом, что они включены в клятвенный договор). (3) Архидам же, чтобы успокоить платейцев, ответил на это: «Отдайте ваш город и землю под защиту нам, лакедемонянам. Покажите нам пределы вашей земли, сделайте перечень всех ваших плодовых деревьев и остальных предметов, которые можно перечислить. Сами же переселяйтесь на время войны куда пожелаете. А после окончания ее мы вернем вам все, что взяли у вас. До этих же пор мы будем держать ваше имущество как залог, обрабатывать ваши поля и предоставим вам достаточную для существования часть урожая».

73. С таким ответом платейцы опять возвратились в город. После совещания с народом послы заявили Архидаму, что желают прежде всего сообщить его условия афинянам, и если убедят афинян, то выполнят эти условия. А до тех пор пусть царь заключит перемирие и не разоряет их полей. (2) Тогда Архидам заключил с платейцами перемирие на столько дней, сколько им было необходимо, чтобы возвратиться назад из Афин, и не разорял их земли. Между тем платейские послы, прибыв в Афины, обсудили дело с афинянами и по возвращении объявили горожанам следующее: (3) «Платейцы, говорят афиняне, с тех пор, как вы вступили с нами в союз, мы ни при каких обстоятельствах не оставляли вас в беде и теперь не допустим этого, но окажем помощь по возможности. Поэтому афиняне настоятельно просят вас во имя клятвенных обещаний ваших отцов не отказываться от союза с нами».

74. После этого сообщения послов платейцы решили не оставлять союза с афинянами и в случае необходимости стойко переносить даже разорение своей земли и все возможные в дальнейшем бедствия, и отныне никого больше не высылать для переговоров, но отвечать лакедемонянам только с городских стен, что они не могут принять их предложений. (2) После такого ответа платейцев выступил царь Архидам. Призвав в свидетели богов и героев платейской земли, он сказал так: «Боги и герои — хранители платейской земли! Будьте свидетелями, что мы с самого начала с полным правом вступили на эту землю, так как платейцы уже раньше нарушили клятвенный договор. Здесь, на этой земле, наши отцы призвали вас и с вашей помощью одолели мидян, и землю эту вы благословенно сделали полем победы для эллинов, и потому враждебные поступки, которые мы ныне совершаем, не будут несправедливостью. Ведь все наши справедливые предложения были отвергнуты. Итак, помогите покарать за несправедливость тех, кто впервые допустил ее, а нам, как справедливым мстителям,— получить удовлетворение».

75. Признав таким образом богов, Архидам приказал воинам открыть военные действия. Прежде всего, он велел оградить город частоколом из срубленных деревьев, для того чтобы никто не мог выйти из города. Затем воины насыпали возле города вал. А так как работы производило столь многочисленное войско, то была надежда в скором времени овладеть городом. (2) По обеим сторонам вала воины соорудили нечто вроде тына из крестообразно скрепленных жердей, нарубленных на Кифероне, чтобы земля не осыпалась. Сверху на насыпь навалили хворост, камни, землю и все, что попадалось подходящего. (3) Семьдесят дней и ночей подряд лакедемоняне возводили насыпь, посменно работая и отдыхая, так что, пока одни воины работали, другие спали или обедали. Лакедемонские начальники, стоявшие вместе с командирами отрядов отдельных союзных городов, заставляли воинов работать. (4) Когда же платейцы увидели, что насыпь поднимается все выше, они сколотили деревянный помост, установили его на стене в том месте, против которого возвышалась насыпь, и выложили кирпичом из разрушенных соседних домов. (5) Стены помоста были связаны деревянными балками, чтобы придать прочность сооружению, когда оно поднимется доверху.

Для защиты от зажигательных стрел это деревянное сооружение с людьми, в нем находившимися, было покрыто полотнищами из звериных шкур и кож. (6) Башня поднималась на значительную высоту, и столь же быстро росла насыпь напротив. Тогда платейцы выдумали следующую хитрость: они проделали отверстие в том месте стены, где к ней примыкала насыпь, и стали через это отверстие выносить землю с насыпи в город.

76. Заметив это, пелопоннесцы стали набивать глину в камышовые плетенки и сбрасывать в выемы насыпи, для того чтобы сбитую в плетенку глину нельзя было выносить как землю. (2) Встретив здесь преграду, платейцы прекратили работы: но зато прорыли подземный ход из города. Удостоверившись затем, что находятся под насыпью, тотчас стали выкапывать землю и выносить в город. Враги, находившиеся наверху, долгое время ничего не замечали. Несмотря на то что пелопоннесцы старательно насыпали землю, работа не подвигалась: по мере того как осажденные подкапывали насыпь, холм постоянно оседал в образовавшуюся от выемки земли яму. (3) Платейцы, однако, опасались, что при их немногочисленности они не смогут долго состязаться со множеством врагов, и придумали поэтому еще одну хитрость. На большой башне против насыпи они прекратили работы. С обеих сторон башни (где кончалась одна стена и начиналась другая) они стали пристраивать к более низкой стене с внутренней стороны вторую стену в виде полумесяца, чтобы в случае захвата врагами большой стены можно было укрыться за этой стеной (тогда неприятелю пришлось бы возводить напротив нее новую насыпь и при дальнейшем продвижении внутрь полукруга новой стены проделать двойную работу; кроме того, неприятель вообще оказался бы теперь в более неблагоприятном положении из-за обстрела со всех сторон, чем при захвате первой стены). (4) Между тем, возведя насыпь, пелопоннесцы одновременно придвинули к городу осадные машины. Один из таранов, поставленный против большой башни вдоль насыпи, так сильно потряс большую часть башни, что платейцев охватил страх. Вместе с тем были приставлены тараны и к другим частям стены. Платейцы, однако, накидывая на тараны петли из канатов, ухитрялись подтянуть их кверху и таким образом обезвредить. Кроме того, они привесили громадные бревна (которые были при-

креплены за оба конца на длинных железных цепях к двум балкам на стене), выступающие над стеной, и тянули их вверх. Всякий раз в ожидании удара тарана в каком-нибудь месте стены платейцы, ослабляя цепь, опускали бревно. Бревно, стремительно падая вниз, отламывало выступ тарана.

77. После того как тараны оказались бесполезными, а против насыпи осажденные стали возводить контрукрепление, пелопоннесцы поняли, что им не взять Платею наличными средствами, и стали подготовлять возведение стены вокруг города. (2) Однако сначала они решили попробовать, нельзя ли при благоприятном ветре поджечь город, который был невелик. И вообще враги выискивали всяческие способы как-нибудь захватить город без больших затрат и правильной осады. (3) Для этого они приносили хворост и сбрасывали с насыпи сначала в промежуток между стеной и валом, а затем, быстро наполнив его (так как работало много людей), и в самый город, насколько далеко можно было сбросить с высоты. Затем, смешав хворост с серой и смолой, подожгли. (4) Поднялось такое пламя, какого никогда еще до той поры не создавали человеческие руки. Только в горах иногда вследствие самовозгорания сухостоя от ветра и взаимного трения возникают такие лесные пожары. (5) Этот страшный пожар чуть было не погубил платейцев, счастливо избегнувших всех прочих опасностей. Действительно, в большей части города из-за сильного ветра было невозможно приблизиться к огню, и если бы ветер подул в сторону города (на что и рассчитывали неприятели), то платейцам не было бы спасения. (6) Но тут, по рассказам, к счастью, произошло вот что: сильный ливень с грозой потушил пожар, и таким образом опасность миновала.

78. После неудачи и этой попытки взять город пелопоннесцы распустили большую часть своего войска, оставив под Платеей лишь небольшой отряд, и начали возведение стены вокруг города, распределив отдельные участки между союзными государствами. По обеим сторонам вала вырыли ров, откуда добывали глину для кирпичей. (2) Когда вся стена была готова, пелопоннесцы возвратились около восхода Арктура домой и разошлись по городам, оставив охрану на одной половине стены (другую половину охраняли беотийцы). (3) Платейцы уже раньше отправили в Афины жен, детей, стариков и инвалидов. Оставалось же в городе

во время осады всего 480 платейцев, 300 афинян и 110 женщин, приготовлявших пищу. (4) Столько всего было людей в городе в начале осады, а кроме этого, там не было ни рабов, ни свободных. Таково было положение осажденной Платеи.

79. В это же лето одновременно с платейским походом пелопоннесцев афиняне с 2000 гоплитов и 200 всадников выступили в пору созревания хлебов в поход на халкидян фракийского побережья и на боттиеев. Во главе афинян стоял Ксенофонт, сын Еврипида, с двумя другими военачальниками. (2) Подойдя к стенам Спартола в земле боттиеев, афиняне стали уничтожать хлеб на полях. Афиняне рассчитывали, что при содействии некоторых горожан им удастся взять город. Однако другая партия горожан не согласилась на сдачу и отправила послов за помощью в Олинф, откуда и прибыли гоплиты и другие войска для защиты города. При вылазке этого войска из Спартола афиняне выстроились у самого города в боевой готовности. (3) Халкидские гоплиты и некоторое число союзников потерпели поражение от афинян и отступили в Спартол. Однако конница халкидян и легковооруженные одолели афинскую конницу и легковооруженных. (4) У афинян было лишь немного пелтастов из так называемой крусийской области. А из Олинфа тотчас же после битвы подошли на помощь другие пелтасты. (5) Когда легковооруженные воины из Спартола заметили подмогу, то, воодушевленные этим и своей недавней победой, вместе с халкидской конницей и прибывшими свежими силами снова напали на афинян. Афинянам пришлось отступить к своим двум отрядам, оставленным при обозе. (6) Всякий раз, когда нападали афиняне, неприятель отступал, но если афиняне отходили, враг наседал, осыпая их дротиками. Халкидская же конница при всяком удобном случае беспокоила афинян и стала для них особенно опасной: она даже обратила афинян в бегство и долго затем преследовала. (7) Афиняне бежали в Потидею, добились заключения перемирия для погребения павших и затем с уцелевшим отрядом возвратились в Афины. Афиняне потеряли 430 воинов (в том числе всех военачальников). Халкидяне же и боттиеи воздвигли трофей, похоронили своих убитых и затем разошлись по своим городам.

80. Немного спустя после этих событий в то же лето ампракийцы и хаоны, стремясь подчинить себе всю

Акарнанию и побудить ее к отпадению от афинян, убедили лакедемонян снарядить эскадру из союзных сил и послать в Акарнанию 1000 гоплитов. По их словам, если лакедемоняне вместе с ними нападут на суше и на море, то акарнаны на побережье не смогут помочь населению в глубине страны, и тогда они легко завоюют Акарнанию, а затем овладеют также Закинфом и Кефаллением. Тогда афинским кораблям будет затруднено плавание вокруг Пелопоннеса. Кроме того, можно надеяться захватить и Навпакт. (2) Лакедемоняне согласились и тотчас же отправили в поход Кнема (который оставался навархом) на нескольких кораблях с 1000 гоплитов. Остальной же союзной эскадре они приказали подготовиться, чтобы как можно скорее отплыть, держа курс на Левкаду. (3) Коринфяне горячо поддержали эти предложения ампракийцев как своих колонистов. В то время как коринфская эскадра и корабли из Сикиона и других тамошних областей еще снаряжались, эскадра с Левкады, из Анактория и из Ампракии была уже на месте и ожидала подхода главных сил у Левкада. (4) Кнем со своей тысячей гоплитов, не замеченный Формионом (который с 20 аттическими кораблями подстерегал его у Навпакта), прошел мимо и тотчас стал готовиться к сухопутному походу. (5) Из эллинов под начальством Кнема были ампракийцы, левкадяне и анактории и 1000 его пелопоннесцев; из варваров же — 1000 хаонов (царя у них не было, а предводителями — Фотий и Никандр, оба из правящего рода, избираемые на год). Вместе с хаонами выступили в поход и феспроты (которые также не имели царя). (6) Во главе молоссов и атинтанов стоял Сабилинф, опекун малолетнего царя Фарипа, а во главе паравеев — царь их Оред. 1000 орестов (царем их был Антиох) выступили вместе с паравеями и, с согласия царя Антиоха, находились также под начальством Ореда. (7) Также и Пердикка втайне от афинян послал 1000 македонян, которые, однако, опоздали. (8) С этим войском Кнем выступил, не дождавшись коринфской эскадры. По пути через Аргосскую область он разрушил неукрепленное селение Лимнею. Затем он прибыл к Страту, самому большому городу Акарнании, полагая, что если сначала удастся захватить его, то все остальные города сдадутся.

81. Лишь только акарнаны услышали о вторжении на
330 их землю огромного войска и о скором прибытии не-

приятельской эскадры, они приняли решение не идти на врага общими силами, а защищаться каждому городу самостоятельно. К Формиону они послали просьбу о помощи. Однако Формион велел передать им, что в настоящее время, когда коринфская эскадра собирается выйти в море, он не может оставить Навпакт без защиты. (2) Между тем пелопоннесцы и союзники тремя отрядами выступили против города Страта. Разбив поблизости лагерь, они намеревались штурмовать стены, если не убедят горожан сдаться добровольно. (3) В центре шли хаоны с остальными варварами, на правом крыле их — левкадяне и анактории и союзные отряды. На левом же фланге — сам Кнем с пелопоннесцами и ампракийцами. Отдельные отряды следовали на столь большом расстоянии, что по временам не видели друг друга. (4) Эллины шли в походном строю, строго соблюдая осторожность, пока не нашли удобного места для лагеря. Хаоны же, напротив, исполненные самоуверенности (так как среди жителей этой части страны они считались лучшими воинами), даже и не стали разбивать лагерь, а вместе с прочими варварами стремительно продвигались вперед в надежде первыми взять город с налета, чтобы ни с кем не делить славы этого подвига. (5) Стратии же вовремя заметили наступление хаонов и решили, что если они покончат с варварами до подхода эллинов, то эллины уже не нападут на них. Они устроили засады в различных местах возле города. Затем, дав противнику приблизиться, стратии произвели вылазку из города и одновременно напали из засад. (6) Хаонов охватил ужас, и большая часть их была перебита. Остальные варвары, увидев бегство хаонов, не ожидая нападения стратиев, также обратились в беспорядочное бегство. (7) Между тем в обоих эллинских отрядах ничего не слышали об этой битве, так как варвары ушли далеко вперед и эллины думали, что те спешат занять место для разбивки лагеря. (8) Когда варвары бежали под натиском неприятеля, эллины приняли их и затем, объединив оба своих отряда, оставались на месте целый день. Стратии же не нападали на них, потому что остальные акарнаны еще не успели подойти на помощь; они довольствовались тем, что издали метали камни из пращей и этим беспокоили эллинов. Ведь без тяжелого вооружения эллины не могли двинуться дальше. Акарнаны же считались особенно искусными пращниками.

82. С наступлением ночи Кнем с войском быстро отступил к реке Анапу в 80 стадиях от Страта. На следующий день, заключив перемирие, он велел подобрать для погребения тела павших. И так как к нему присоединились дружественные эниады, то Кнем отправился в их страну до прибытия к неприятелю помощи от других акарнанов. Оттуда все его войско возвратилось на родину, а затем воины разошлись по своим городам. Стратии же воздвигли трофей в знак победы над варварами.

83. Между тем эскадра коринфян и остальных союзных городов в Крисейском заливе (которая должна была присоединиться к Кнему, чтобы помешать прибрежным акарнанам прийти на помощь соплеменникам в глубине страны) не пришла, так как была вынуждена вступить в бой как раз в дни битвы у Страта с 20 афинскими сторожевыми кораблями, стоявшими в Навпакте под начальством Формиона. (2) Формион подстерегал неприятельские корабли при выходе из Коринфского залива вдоль побережья, чтобы напасть на них в открытом море. (3) Коринфяне же с союзниками отплыли не для морской битвы, а для подготовки похода по суше в Акарнанию. Они не предполагали, что афиняне посмеют вступить в бой со своими 20 кораблями против их 47 кораблей. Однако, плывя вдоль южного берега залива, они заметили афинскую эскадру на параллельном курсе вдоль северного побережья, а когда пытались пересечь пролив из Патр в Ахее к противоположному берегу, в Акарнанию, то увидели афинские корабли, идущие на них от Халкиды и устья реки Эвена. Не будучи в состоянии незаметно уйти под покровом ночи, коринфяне вынуждены были принять бой как раз в середине пролива. (4) Корабли отдельных пелопоннесских городов находились под командой своих особых начальников, а во главе самих коринфян стояли Махаон, Исократ и Агафархид. (5) Корабли пелопоннесцев образовали насколько возможно большой круг носами наружу, а кормами внутрь, чтобы неприятель не мог прорвать их боевой линии. Свои малые суда, а также пять самых быстроходных кораблей они поместили в центре круга, чтобы как можно скорее подать помощь в том пункте, где нападет неприятель.

84. Афиняне же выстроили свои корабли кильватерной колонной. Они постоянно описывали круги около неприятельских кораблей и теснили их в узком про-

странстве, проходя так близко, словно собирались немедленно напасть. Однако Формион отдал приказ не нападать до тех пор, пока он сам не подаст сигнала. (2) Он надеялся, что противник не сможет сохранить боевого строя (подобно сухопутному войску), и корабли его столкнутся друг с другом, а малые суда довершат беспорядок в центре. Если же на рассвете, как обычно, подует ветер с залива, то неприятель и вовсе ни на минуту не будет иметь покоя. Формион полагал также, что при большей быстроходности его кораблей от него зависит выбор момента, когда ударить на врага, и это будет, как он полагал, самое благоприятное время. (3) Когда, действительно, подул ветер, корабли противника (и без того уже сбившиеся в кучу в узком пространстве), гонимые ветром и под его напором сталкивавшиеся друг с другом, так что нужно было их разводить баграми, начали терять боевой порядок. Между тем за взаимными предостерегающими возгласами, криками и бранью не было слышно ни командиров, ни келевстов; и так как неопытные гребцы при сильном волнении не справлялись с веслами, то корабли больше не повиновались кормчим. Именно в этот момент Формион дал сигнал к атаке, и афиняне напали на врага. Прежде всего они потопили один из флагманских кораблей и принялись выводить из строя один за другим все корабли, которые попадались, так что неприятель в наступившей суматохе прекратил всякое сопротивление и бежал в Патры и Диму в Ахее. (4) Во время преследования афиняне захватили еще 12 неприятельских кораблей, экипажи которых они большей частью приняли к себе на борт и затем взяли курс на Моликрей. Поставив там трофей на мысе Рионе и посвятив корабль Посейдону, афиняне возвратились в Навпакт. (5) Пелопоннесцы же с остатками своей эскадры тотчас отплыли вдоль побережья из Димы и Патр в элейскую гавань Киллену, куда с Левкады после битвы при Страте прибыл на присоединение и Кнем с тамошними кораблями.

85. Лакедемоняне послали на корабли к Кнему советниками Тимократа, Брасида и Ликофрона с приказанием в следующий раз лучше подготовиться к морской битве и не допускать, чтобы несколько кораблей могли отрезать ему выход в море. (2) Эта неудача действительно принесла лакедемонянам большое разочарование, особенно потому, что они впервые за время войны пытались дать морскую битву и не могли се-

бе представить, что их корабли настолько уступают противнику: они подозревали в нерешительности своих воинов и командиров, упуская из виду, что афиняне — старые, опытные мореходы, а сами — лишь новички в морском деле. Потому-то, раздраженные неудачей, лакедемоняне и послали Кнему этих советников. (3) По прибытии советники вместе с Кнемом потребовали, чтобы все союзные города снарядили новые корабли, а старые привели в боевую готовность. (4) Но и Формион также отправил в Афины сообщение о новых приготовлениях неприятелей и о морской победе, прося немедленно прислать на помощь как можно больше кораблей, так как со дня на день можно ожидать новой морской битвы. (5) Афиняне выслали на подмогу эскадру в 20 кораблей, приказав, однако, ее командиру зайти сначала на Крит: критянин Никий из Гортины, афинский проксен, убедил афинян зайти в Кидонию, обещая привлечь на их сторону этот (тогда враждебный афинянам) город. В действительности же он склонял к этому афинян лишь в угоду полихнитам, соседям кидонян. (6) Афинский военачальник прибыл на Крит со своей эскадрой и начал вместе с полихнитами разорять землю кидонян. Ему пришлось задержаться там на долгое время сначала по причине неблагоприятных ветров, а затем из-за штиля.

86. Пока афинская эскадра мешкала, теряя время у берегов Крита, пелопоннесцы приготовились к морской битве и отплыли вдоль побережья к ахейскому Панорму, где собралось пелопоннесское сухопутное войско. (2) Формион также отплыл вдоль побережья к моликрийскому Риону и бросил якорь со своими 20 кораблями (которые сражались в последней морской битве) в заливе за мысом. (3) Этот моликрийский Рион был дружествен афинянам, а другой Рион находится, напротив, на стороне пелопоннесцев. Пролив между этими Рионами шириной около 7 стадий образует устье Крисейского залива. (4) Итак, пелопоннесцы с 77 кораблями, увидев афинскую эскадру, стоявшую на якоре, также бросили якорь у ахейского Риона близ Панорма, где находилось их сухопутное войско. (5) Шесть или семь дней обе эскадры стояли друг против друга и готовились к морской битве, производя маневры. Пелопоннесцы не хотели выходить в открытое море за мыс Рион, боясь потерпеть неудачу, как в прошлый раз, афиняне же предпочитали не входить в узкий пролив, где позиция, по их мнению, была вы-

годной противнику. (6) Кнем, Брасид и другие пелопоннесские военачальники желали дать бой афинянам до прибытия подкреплений из Афин. Поэтому они сначала созвали своих воинов на сходку и, видя, что большинство их угнетено недавним поражением, обратились к ним с такими словами ободрения.

87. «Пелопоннесцы! Если вы из-за прошлой неудачи опасаетесь предстоящего сражения, то в действительности для таких опасений нет никакого основания. (2) Ведь тогда, как вы знаете, мы были недостаточно подготовлены, да и отплыли мы не ради морской битвы, а скорее для того, чтобы сражаться на суше. Случайно и другие обстоятельства также сложились неблагоприятно. Кроме того, это была наша первая морская битва, и погубила нас неопытность. (3) Именно поэтому-то, а не из-за недостатка мужества, мы потерпели поражение. Было бы ошибкой падать духом из-за неудачи, которая в самой себе содержит основание для того, чтобы восстановить наше доверие к собственным силам. Люди часто терпят неудачи по воле случая, но отважные при всех обстоятельствах сохраняют мужество, и неопытность никогда не может быть оправданием трусости. (4) Но вы и не настолько уступаете врагам в опыте, насколько превосходите их отвагой. И лучшая выучка ваших врагов, которой вы так опасаетесь, может им пригодиться в опасную минуту лишь в том случае, если она сочетается с мужеством, позволяющим не забыть того, чему выучились. При отсутствии же мужества в минуту опасности не поможет никакая выучка. Ведь страх отнимает память, а уменье без отваги в бою бесполезно. (5) Итак, большей опытности врагов противопоставьте бóльшую отвагу, а страху из-за вашей прошлой неудачи — понимание вашей неподготовленности в то время. (6) Кроме того, наша эскадра сильнее противника, да к тому же вы будете сражаться у берегов родной земли под защитой тяжело вооруженных воинов. Превосходство большей частью остается за более многочисленными и лучше снаряженными. (7) Поэтому мы не находим никаких оснований опасаться неудачи. И именно все наши прежние ошибки теперь послужат нам уроком. (8) Итак, пусть каждый из вас, кормчие и гребцы, смело выполняет свой долг, не покидая указанного ему места. (9) Мы же подготовим атаку, выполним наш долг лучше ваших прежних начальников и не дадим никому повода проявить малодушие. Если же кто-ли-

бо проявит трусость, то получит подобающее воздаяние, а отважный — заслуженную награду за доблесть».

88. Так пелопоннесские военачальники старались ободрить своих воинов. Но и Формион также был обеспокоен настроением своих воинов. Он видел, как они собираются группами и со страхом толкуют о многочисленности вражеских кораблей. Поэтому он решил, собрав воинов, внушить им бодрость и разъяснить военную обстановку. (2) Он уже раньше постоянно говорил им, что они могут оказать сопротивление любому, даже самому многочисленному вражескому флоту. И поэтому его воины уже давно прониклись убеждением, что им, афинянам, не подобает отступать перед пелопоннесской эскадрой, сколь велика бы она ни была. Но теперь, замечая, что воины при виде множества неприятельских кораблей теряют отвагу, Формион хотел вновь пробудить в них уверенность в своих силах. И вот он велел им собраться и сказал так.

89. «Я собрал вас, воины, так как вижу, что вы испуганы численным превосходством врагов, и считаю недопустимым страшиться того, что вовсе не страшно. (2) Ведь враги, прежде всего, потому и собрали свой большой флот, что уже раз потерпели поражение и сами признают невозможным сражаться против нас с равными силами. Далее. Их самоуверенность при нападении главным образом основана на том, что мужество будто бы заложено в их натуре, а это представление коренится исключительно в том, что их опытность в сухопутной войне обычно приносит успех. Потому-то они и считают, что искусство сухопутного боя доставит им победу также и на море. (3) Но по справедливости тут перевес на нашей стороне, если даже неприятель действительно имеет преимущество на суше. Мужеством враги нисколько не превосходят нас, но поскольку каждая из сторон в чем-нибудь обладает бóльшим опытом, то именно в этой области она и может проявить бóльшую смелость. (4) Кроме того, лакедемоняне, стоя во главе союзников, ведут большинство в бой против их воли, имея в виду только свою собственную славу. После такой неудачи союзники сами никогда бы снова не решились на морскую битву. Итак, не думайте опасаться их отваги. (5) Напротив, они гораздо больше страшатся вас, так как мы уже нанесли им поражение и они уверены, что мы вступаем в бой с твердой решимостью совершить нечто достойное такого блестящего успеха. (6) Ведь большинство людей

идет в бой, будучи подобно этим нашим противникам равными по силе своим врагам и полагаясь более на свою силу, нежели на отвагу. Тот же, кто сам и без принуждения нападет, и притом с меньшими силами, тот проявляет куда больше мужества и решительности. В этом убеждены и наши противники и как раз потому, что мы, вопреки ожиданиям, даем им отпор, они больше страшатся нас, чем если бы мы пошли на них с соответствующим числом кораблей. (7) Многие войска терпели поражение от слабейшего противника как по неопытности, так и по малодушию. У нас же есть и опыт, и мужество. (8) Насколько это зависит от меня, я не дам сражения в заливе и не выйду в залив. Я понимаю, что битва на тесном пространстве невыгодна для небольшой эскадры искусных и быстроходных кораблей в действиях против многочисленного, но неопытного флота. В этих условиях нельзя ни выбрать и держать правильный курс для удара носами кораблей, ни своевременно отступить, чтобы избежать тесноты. Затруднен прорыв боевой линии и последующие маневры для уничтожения вражеских судов, в чем, собственно, и состоит задача быстроходных кораблей. Морская битва неизбежно станет сухопутной, и тогда получит перевес численность кораблей. (9) Все это я, по возможности, предусмотрю. Вы же сохраняйте на кораблях дисциплину и точно выполняйте приказы, тем более что неприятель находится так близко. Соблюдайте порядок и молчание в бою, как это вообще надлежит на войне, особенно же в морской битве. Сражайтесь так же доблестно, как и в прошлый раз. (10) Борьба предстоит тяжелая: или вы покончите с притязаниями пелопоннесцев на морское могущество, или афиняне должны приготовиться к тому, что пришел конец их господству на море. (11) Еще раз напоминаю, что ваши противники — в большей своей части те люди, которых вы уже однажды победили. Ведь, проигравшие сражение, уже не идут в бой с той же уверенностью, что и в первый раз».

90. Такой речью ободрял своих воинов и Формион. Между тем пелопоннесцы, видя, что афиняне избегают войти в залив и теснины, решили принудить их к этому. На рассвете они подняли якоря и, построив свои корабли в четыре линии, поплыли вдоль своего берега, в залив правым крылом вперед, как они и стояли на якоре. (2) На этом крыле они поставили 20 самых быстроходных кораблей, чтобы не дать афинянам

уйти, но окружить их в том случае, если Формион, решив, что неприятель идет в Навпакт, сам выйдет туда вдоль побережья на помощь. (3) Как пелопоннесцы и ожидали, Формион, заметив выход неприятеля в море, опасаясь за незащищенную местность, вопреки своим намерениям, поспешно посадил команду на корабли и поплыл вдоль побережья в залив; в том же направлении выступил по суше вспомогательный мессенский отряд. (4) Когда пелопоннесцы увидели, что афинские корабли идут один за другим вдоль берега и находятся уже в заливе, то по данному сигналу они внезапно все повернули налево, образуя растянутый фронт, и полным ходом поплыли на афинян в надежде перехватить их. (5) Одиннадцать передних афинских кораблей, однако, избежав охвата правым крылом пелопоннесцев, успели достичь свободного пространства у Навпакта. Остальные корабли пелопоннесцы настигли, оттеснили к берегу и привели в негодность, а экипаж перебили, кроме тех, кому удалось спастись вплавь. (6) Несколько кораблей пелопоннесцы буксировали пустыми, а один корабль они уже раньше захватили вместе с экипажем. Тут, однако, на помощь афинянам пришли мессенцы: в полном вооружении они бросились в море, взобрались затем на афинские корабли и, после схватки на палубах, отняли их у неприятеля, когда тот уже буксировал их.

91. Итак, здесь пелопоннесцы одержали победу, повредив аттические корабли. Двадцать кораблей их правого крыла бросились преследовать одиннадцать афинских, которые, уйдя от неприятельского маневра, спаслись в свободное пространство у Навпакта. Эти корабли, кроме одного, успели прийти в Навпакт раньше пелопоннесских. Здесь они остановились у святилища Аполлона и выстроились носами против врага, готовые к бою, если враг дойдет до берега. (2) Спустя некоторое время прибыли и пелопоннесцы. Плывя, они пели победную песнь, как будто уже одержали победу; и один левкадский корабль, заплыв далеко вперед, преследовал отставший корабль афинян. (3) Случайно на рейде вне гавани стояло на якоре какое-то грузовое судно, и аттический корабль, проходя мимо, обогнуло это судно, а затем ударом в середину преследовавшего его левкадского корабля потопил его. (4) Это неожиданное событие устрашило пелопоннесцев. А так как они во время преследования (после победы) уже больше не соблюдали боевого порядка,

то некоторые корабли одновременно опустили весла и остановились, чтобы дождаться остальных (что было ошибкой, ввиду грозящего удара врага с близкого расстояния). Между тем другие корабли, не зная фарватера, даже потерпели крушение, сев на мель.

92. Увидев это, афиняне воспрянули духом и по данному сигналу с криком устремились на неприятеля. Пелопоннесцы же в результате допущенных ошибок и из-за царившего среди них беспорядка сопротивлялись лишь короткое время, а затем бежали в Панорм (откуда они и вышли в открытое море). (2) Во время преследования афиняне захватили шесть ближайших кораблей и отняли у врага также свои корабли (которые неприятель вначале повредил у берега и вел на буксире). Экипаж кораблей они частью перебили, а частью взяли в плен. (3) На борту левкадского корабля (затонувшего около грузового корабля) находился лакедемонянин Тимократ, который после гибели корабля закололся. Тело его впоследствии было выброшено волной в заливе Навпакта. (4) По возвращении афиняне воздвигли трофей на том месте, откуда начали свой победный поход, подобрали тела павших и корабельные обломки, прибитые волнами к их земле, и, заключив перемирие, выдали неприятелям убитых воинов. (5) Пелопоннесцы также поставили трофей как победители, так как обратили в бегство неприятельские корабли (которые они затем повредили около берега). Захваченный ими корабль они поставили как посвятительный дар рядом с трофеем в ахейском Рионе. (6) Вскоре после этого все они, кроме левкадян, опасаясь встречи со второй афинской эскадрой, отплыли ночью в Крисейский залив и в Коринф. (7) Пелопоннесцы еще не успели уйти далеко, как в Навпакт с Крита пришла афинская эскадра в составе 20 кораблей, которые должны были прибыть на помощь Формиону еще до морской битвы. Этим кончилось лето.

93. Прежде чем распустить по домам экипажи кораблей, возвратившихся в Коринф и Крисейский залив, Кнем, Брасид и прочие пелопоннесские военачальники по совету мегарцев задумали в начале зимы совершить внезапное нападение на афинскую гавань Пирей: гавань не охранялась и не была закрыта, что было естественным при полном господстве афинян на море. (2) В соответствии с замыслом врагов каждый матрос со своим веслом, подушкой для сиденья и ве-

сельным ремнем должен был пешком пройти из Коринфа до моря у Афин и затем быстро отправиться в Мегары, где был назначен спуск на воду находившихся на верфи в Нисее 40 кораблей, с тем, чтобы оттуда плыть прямо в Пирей. (3) Военных кораблей для охраны гавани у афинян там не было, и никто не думал о возможности такого внезапного налета (полагали, что неприятель не решился бы на неожиданное и открытое нападение, и даже если бы задумал осуществить его, то афиняне узнали бы об этом заранее). (4) Составив план атаки, лакедемоняне тотчас же выступили. Ночью они прибыли в Нисею и спустили на воду корабли, но, устрашившись опасности, не отплыли в Пирей, как задумали (их, говорят, задержал противный ветер), а направились к мысу Саламина, что напротив Мегар. Здесь находился сторожевой пост, где стояли упомянутые три военных корабля с целью препятствовать плаванию в Мегары и из Мегар. Лакедемоняне напали на сторожевой пост, взяли военные корабли без экипажей на буксир и принялись опустошать остальную часть Саламина, где никто не ожидал нападения.

94. Между тем известие о нападении врагов было передано в Афины с помощью сигнальных огней, и в городе началось такое смятение, какого не бывало за все время войны. В Афинах думали, что вражеский флот уже в Пирее, а жители Пирея — что враги уже захватили Саламин и вот-вот войдут в гавань. И если бы пелопоннесцы в самом деле стали действовать решительно, то легко могли бы захватить гавань, и противный ветер вряд ли бы задержал их. (2) На рассвете общенародное афинское ополчение поспешило в Пирей на помощь. Афиняне спустили на воду корабли, в смятении разместились на них и отплыли на Саламин, тогда как сухопутное войско заняло Пирей. (3) Лишь только пелопоннесцы узнали, что афиняне идут на помощь, то, разорив большую часть Саламина и забрав людей и добычу и упомянутые три корабля из сторожевого поста у Будора, поспешно отплыли к Нисее (они опасались за свои корабли, так как те в первый раз за долгое время были спущены на воду и давали течь). (4) Прибыв в Мегары, пелопоннесцы возвратились оттуда в Коринф по суше. Афиняне же, не застав врагов у Саламина, также вернулись назад.

 С тех пор, однако, они стали более тщательно охра-

нять Пирей и среди прочих мер предосторожности запирали вход в гавань.

95. В то же самое время, в начале этой зимы одрис Ситалк, сын Тереса, царь фракийцев, выступил в поход против царя Македонии Пердикки, сына Александра, и против халкидян на фракийском побережье, желая добиться исполнения обещанного ему и самому выполнить свое обещание: (2) Пердикка не исполнил обещаний, которые дал Ситалку, взявшемуся примирить его с афинянами (в начале войны Пердикка испытывал большие трудности) и не помогать его брату и противнику Филиппу получить престол в Македонии. С другой стороны, сам Ситалк обещал афинянам, заключая с ними союз, положить конец халкидской войне во Фракии. (3) Итак, по этим двум причинам Ситалк теперь и выступил в поход в сопровождении Аминты, сына Филиппа, которого он хотел посадить на македонский престол, и афинских послов, именно по этой причине находившихся у него вместе с военачальником Гагноном. Ведь и афиняне также должны были помогать ему в походе на халкидян своими кораблями и возможно большим войском.

96. Итак, Ситалк, выступив из страны одрисов, прежде всего начал набирать воинов среди всех подвластных ему фракийцев, обитающих между горами Гемом и Родопой до берегов Евксинского понта и Геллеспонта. Далее, за Гемом он призвал под оружие гетов и остальные племена, живущие по сю сторону реки Истра ближе к Евксинскому понту. (2) Геты и другие тамошние племена граничат со скифами и вооружены подобно им: все они конные лучники. Кроме того, Ситалк призвал многих независимых горных фракийцев, вооруженных саблями. Они называются диями и живут преимущественно на Родопе. Одни племена Ситалк привлек за плату, а другие пошли за ним добровольно. (3) Призвал он также агрианов и лееев и все остальные подвластные ему пэонийские племена. Последние были самыми крайними в границах его державы; их области простирались до леейских пэонов и реки Стримона, которая берет начало с горы Скомбра и протекает через земли агрианов и лееев. Здесь кончаются владения Ситалка и начинается область уже независимых от него пэонов. (4) По направлению к трибаллам (которые также независимы) границы его владений образуют области треров и тилатеев. Обитают же эти последние к северу от горы Скомбра, и зем-

ля их простирается на запад до реки Оский, которая берет начало с той же горы, откуда текут Нест и Гебр; гора эта дикая и огромная, примыкает к Родопе.

97. Что до величины державы одрисов, то она простиралась вдоль морского побережья от города Абдер до Евксинского понта, именно до реки Истра. Этот край можно кратчайшим путем объехать на купеческом корабле за четверо суток, если непрерывно дует попутный ветер. (2) По суше же путнику налегке надо идти из Абдер до Истра кратчайшим путем 11 дней. Таково было протяжение державы одрисов по морскому побережью. Внутри же страны, где она больше всего удалена от моря, хороший пешеход может пройти путь от Византия до земли лееев и реки Стримона за 13 дней. (3) Подати со всей варварской земли и с эллинских городов при Севфе, наследнике Ситалка (когда они были самыми большими), составляли в деньгах сумму около 400 талантов серебра и вносились серебром и золотом. Подносились также и дары золотом и серебром, по стоимости равноценные податям (помимо искусно и пестро расшитых и простых тканей и всякой утвари), и не только самому царю, но также его соправителям и знатным одрисам. (4) В противоположность обычаям персидского царства, у них (как и вообще во Фракии) считалось благопристойным лучше брать, чем давать, и более постыдным отказать другому в просьбе, чем самому получить отказ. Однако одрисы благодаря своему могуществу пользовались этим обычаем гораздо чаще других фракийцев: без подарков от них нельзя было ничего добиться. Таким образом царство одрисов достигло великого могущества. (5) Действительно, среди всех государств в Европе между Ионийским морем и Евксинским понтом ни одно не могло сравниться с ним по количеству денежных доходов и прочему богатству, тогда как по военной мощи и численности войска оно далеко уступало скифскому царству. Ведь в этом отношении со скифами вообще не может сравниться ни один народ. И не только в Европе, но даже и в Азии нет народа, который сам по себе мог бы устоять против скифов, если бы они были едины. Впрочем, в отношении благоразумия и понимания жизненных потребностей скифы не поднимаются до уровня прочих народов.

98. Итак, Ситалк, царь столь могущественной страны, готовился к войне, набирая войско. Когда все было го-
 тово, он выступил в поход на Македонию. Сначала

царь шел через свои владения, затем через безлюдную горную цепь Керкину, на границе между областью синтов и пэонов, следуя той самой дорогой, которую он велел проложить уже ранее при походе на пэонов, вырубив просеку в лесу. (2) Пройдя эту горную цепь из земли одрисов, войско двигалось, имея по правую сторону область пэонов, а по левую — земли синтов и мэдов. Перевалив через гору, царь прибыл к Доберу в Пэонии. (3) В походе войско не имело потерь (кроме умерших от болезней), напротив, численность его еще возросла. Действительно, многие из независимых фракийских племен добровольно присоединились к царю в надежде на грабеж, так что общее число воинов составляло, как говорят, не меньше 150 000 человек. (4) Из них около двух третей составляли пехотинцы, остальные — всадники. Бóльшую часть конницы выставили сами одрисы и затем геты. Среди пехотинцев самыми главными бойцами были вооруженные саблями независимые фракийцы, спустившиеся с Родопы. Остальное войско состояло из разноплеменных полчищ и главным образом было страшно своей многочисленностью.

99. Итак, царское войско собиралось у Добера, готовое вторгнуться с горных высот в подвластную Пердикке нижнюю Македонию. (2) Ведь к Македонии относятся также линкесты, элимиоты и другие племена в верхней области, союзные и подвластные македонянам, но управляемые своими царями. Приморскую область (которую мы называем Македонией) впервые завоевали Александр, отец Пердикки, и его предки Тимениды, в древности прибывшие из Аргоса, и воцарились там. (3) Они силой оружия изгнали из Пиерии пиеров, которые впоследствии поселились за Стримоном у подошвы Пангея в Фагрете и других местах (еще и поныне обращенная к морю область у подошвы Пангея называется Пиерийским приморьем). Из области же под названием Боттиея они изгнали также ее жителей боттиеев, живущих ныне по соседству с халкидянами. (4) В Пэонии македоняне овладели узкой полосой земли вниз по течению реки Аксия до Пеллы и моря. За Аксием до Стримона они владеют страной под названием Мигдония, откуда они вытеснили эдонов. (5) Затем они изгнали также эордов из земли, еще и теперь называемой Эордией. При этом большинство эордов погибло, а оставшаяся небольшая часть поселилась около Фиски. Из Алмопии же были вытеснены

алмопы. (6) Македоняне подчинили себе и владеют доныне разными местностями, принадлежавшими прежде другим племенам, таким, как Анфемунт, Грестония, Бисалтия и большая часть собственно македонской земли. Все эти области в совокупности называются Македонией, и во время вторжения Ситалка ее царем был Пердикка, сын Александра.

100. Македоняне не могли сопротивляться нападению столь огромного войска. Поэтому им пришлось укрыться в укреплениях, которых тогда было мало. (2) Ведь существующие теперь укрепления построены Архелаем, сыном Пердикки, который по вступлении на престол велел проложить прямые дороги и провел различные преобразования для улучшения военного дела. При этом для подготовки войска и воинского снаряжения этот царь сделал больше, чем все предшествовавшие ему восемь царей. (3) Из Добера фракийское войско вступило сначала в прежние владения Филиппа и взяло штурмом Идомену. Гортиния же, Аталанта и некоторые другие поселения добровольно открыли свои ворота из расположения к сыну Филиппа Аминте, который участвовал в походе. Фракийцы осадили также Европ, но взять его не могли. (4) Затем они проникли и в остальные части Македонии влево от Пеллы и Кирра. Однако дальше на запад — в Боттиею и Пиерию — фракийцы не пошли, но занялись опустошением Мигдонии, Грестонии и Анфемунта. (5) Македоняне же не решались действовать против неприятеля силами пехоты, но, вызвав на помощь конницу союзников из верхней Македонии, при каждой возможности незначительными отрядами нападали на большие соединения фракийцев. (6) Никто не мог выдержать атаки македонян, так как это были искусные всадники, защищенные броней. Окружаемые во много раз превосходящими силами неприятелей, они сами бросались навстречу опасности. Но, наконец, чувствуя себя не в силах выдержать бой со столь превосходящим их по численности неприятелем, они отступали.

101. Между тем Ситалк вступил в переговоры с Пердиккой о спорных вопросах, приведших к войне. Афинская эскадра не прибыла на помощь, так как афиняне не верили, что Ситалк выступит в поход, и ограничились отправкой к нему послов с подарками. После тщетного ожидания афинян Ситалк послал часть своего войска против халкидян и боттиеев, и, принудив их запереться в крепостях, начал разорять

поля. (2) Пока Ситалк со своим войском стоял лагерем в этих местах, фессалийцы и магнеты, живущие далее к югу, и другие подвластные фессалийцам племена, и все эллины вплоть до Фермопил из боязни, что войско Ситалка пойдет на них, приняли меры предосторожности. (3) Были устрашены также и все независимые фракийские племена, живущие на равнине к северу за Стримоном — панэи, одоманты, дрои и дерсеи. (4) Даже среди враждебных афинянам эллинов действия Ситалка вызвали тревожные толки и опасения, как бы царь, подстрекаемый афинянами в силу союзного договора, не пошел со своим войском против них. (5) Ситалк, однако, оставался в Халкидике, Боттике и Македонии и опустошал эти земли. Между тем царю не удавалось достичь своей цели (ради чего он и совершил вторжение), а его войско начало страдать от недостатка продовольствия и зимних холодов. Тогда, следуя убеждению своего племянника Севфа, сына Спарадока (человека наиболее влиятельного после него самого), Ситалк решился немедленно отступить. А Севфа Пердикка тайно привлек на свою сторону обещанием отдать ему в жены свою сестру и дать за ней приданое. (6) Итак, Ситалк позволил себя уговорить и, пробыв в стране в общем 30 дней (из которых 8 дней провел у халкидян), поспешно возвратился домой. Пердикка же впоследствии выполнил свое обещание и отдал свою сестру Стратонику в жены Севфу. Так окончился поход Ситалка.

102. В ту же зиму, после того как пелопоннесский флот был распущен, афиняне в Навпакте во главе с Формионом выступили в морской поход. Плывя вдоль побережья, они высадились в Астаке и оттуда направились в глубь Акарнании с 400 своих гоплитов, снятых с кораблей, и 400 гоплитов мессенских. Из Страта, Коронт и других мест афиняне изгнали тех лиц, которых считали ненадежными. Затем они возвратили в Коронты Кинета, сына Феолита, и снова вернулись на свои корабли. (2) Ведь поход на Эниады — единственный город в Акарнании искони враждебный афинянам — представлялся невозможным в зимнее время. Действительно, река Ахелой, берущая начало с горы Пинда, течет затем через страну долопов, агреев и амфилохов и по акарнанской равнине и впадает в море близ Эниад, образуя озера в окрестностях города. Разлив реки зимой затрудняет поход на город. (3) Большинство так называемых Эхинад-

ских островов также расположено против Эниад, непосредственно перед устьем Ахелоя. Ахелой, как большая река, постоянно образует здесь при наводнении наносы, и некоторые острова, вероятно, в непродолжительном времени также соединятся с ним. Действительно, река эта широкая, многоводная и илистая. Острова тесно примыкают друг к другу и задерживают речные наносы, не позволяя им растворяться в воде. Расположенные беспорядочно, а не один за другим, острова мешают водам реки впадать в море прямым путем. Впрочем, острова эти невелики и необитаемы. (4) Сказание гласит, что Аполлон изречением оракула повелел Алкмеону, сыну Амфиарая, во время его скитаний по земле после убиения матери избрать эту землю в качестве прибежища. При этом оракул предупредил Алкмеона, что тот не освободится от страшных видений, пока не найдет приюта на той земле, которая при убиении матери еще не была сушей и солнце ее не видело, потому что вся другая земля осквернена его злодеянием. (5) Алкмеон, гласит далее сказание, долго не знал, что делать. Наконец, он заметил эти наносы в устье Ахелоя и решил, что здесь со времени его скитаний после матереубийства образовалось достаточно земли, чтобы поселиться на ней. Так он и обосновался в области Эниадов и стал ее правителем. Впоследствии страна получила название от его сына Акарнана. Такое предание об Алкмеоне дошло до нас.

103. Афиняне во главе с Формионом отплыли из Акарнании обратно в Навпакт и в начале весны возвратились в Афины. Они везли с собой пленников, свободных по рождению, взятых в плен в морских битвах, а также захваченные неприятельские корабли. Пленников они обменяли человека на человека. Так окончилась эта зима, а с ней и третий год войны, которую описал Фукидид.

КНИГА ПЯТАЯ

1. СЛЕДУЮЩИМ летом истек срок годичного перемирия, но военные действия не возобновлялись до начала Пифийских игр. Еще во время перемирия афиняне заставили жителей Делоса выселиться с острова, по причине какой-то древней вины сочтя их нечистыми, недостойными близости к святыне. Кроме того, и очищение, которое они совершили, как они считали правильно, удалив с острова гробницы покойников, о чем я рассказал выше, теперь казалось афинянам недостаточным. Большинство делосцев поселились в Атрамиттии в Азии, который им предоставил Фарнак, другие же направились кто куда захотел.

2. По окончании перемирия Клеон убедил афинян послать его на Фракийское побережье с эскадрой из 30 кораблей во главе 1200 афинских гоплитов, 300 всадников и со множеством союзников. (2) Прибыв сперва в Скиону, которую тогда афиняне все еще осаждали, он взял с собой отряд гоплитов из числа осаждавших город и затем высадился в гавани Кофе близ города Тороны. (3) Оттуда Клеон, узнав от перебежчиков, что Брасида нет в Тороне и гарнизон ее слишком слаб, двинулся с сухопутным войском к городу и отправил десять кораблей крейсировать у гавани. (4) Сначала Клеон подошел к новой обводной стене, которую Брасид велел возвести вокруг города, включая и предместье (при этом Брасид уничтожил часть старой стены и таким образом создал единый город).

3. На защиту стены поспешил начальник лакедемонского гарнизона Пасителид и пытался отбить нападение афинян. Когда, однако, защитникам приходилось трудно, а корабли, посланные к гавани, находились близко, Пасителид испугался, как бы десант с кораблей не захватил город, оставшийся без обороны, а сам он в случае захвата стены не был отрезан. Поэтому, оставив стену, он поспешил назад в город. (2) Между тем афиняне успели уже взять Торону, частью десан-

том с кораблей, частью же сухопутным войском, вслед за тем ворвавшимся в город через пролом в старой стене. В рукопашной схватке пелопоннесцы и торонеане были частью перебиты афинянами, остальные же (среди них и военачальник Пасителид) взяты в плен. (3) Брасид выступил было на выручку Тороны, но, узнав по дороге, что город уже в руках афинян, вернулся назад: опоздал он всего на каких-нибудь 40 стадий пути, чтобы предупредить захват города. (4) Клеон и афиняне поставили два трофея: один — в гавани, другой — у стены. Торонских женщин и детей они продали в рабство, мужчин же торонян и пелопоннесцев, а также много бывших в городе халкидян (в общем 700 человек) отослали в Афины. Впоследствии по мирному договору пелопоннесцы были освобождены, остальных же в обмен на равное число пленных афинян увезли олинфяне. (5) Приблизительно в это же время беотийцы путем измены захватили афинское пограничное укрепление Панакт. Клеон между тем, оставив в Тороне гарнизон, снова вышел в море, идя вокруг Афона на Амфиполь.

4. Около этого же времени Феак, сын Эрасистрата, с двумя товарищами отплыл на двух кораблях в Италию и Сицилию как афинский посол. (2) Ибо после заключения договора и ухода афинян из Сицилии в Леонтинах многие получили гражданские права, и народная партия задумала новый передел земли. (3) Узнав об этом, знатные граждане призвали на помощь сиракузян и изгнали демократов, которые с тех пор рассеялись по всей стране. Знатные же, договорившись с сиракузянами, разорили и оставили свой город и затем переселились в Сиракузы, получив там права гражданства. (4) Впоследствии некоторые из них покинули Сиракузы (так как им пришлось там не по душе) и заняли часть города Леонтины под названием Фокеи и укрепление Брикинии в Леонтинской области. Здесь к ним присоединилось большинство изгнанных в свое время демократов, и они превратили эти укрепления в опорные пункты для своих военных действий. (5) Узнав об этом, афиняне отправили Феака в Сицилию, чтобы побудить своих тамошних союзников и, если возможно, также и прочих сицилийцев к общему походу против ставших слишком могущественными Сиракуз и спасти демократию в Леонтинах. (6) По прибытии Феаку удалось склонить на свою сторону Камарину и Акрагант. Но в Геле он встретил сопро-

тивление и поэтому отказался от посещения других городов, которые, как он понял, не удастся убедить, и вернулся через область сикелов в Катану. Заехав еще по пути в Брикинии и ободрив тамошних жителей, он сел затем на корабль и отплыл назад.

5. На пути в Сицилию и во время возвращения Феак вел переговоры с различными италийскими городами о союзе с Афинами. Он встретил также недавно изгнанных из Мессены локрийских поселенцев: после примирения сицилийских эллинов одна партия в Мессене во время восстания призвала на помощь локров, которые были отправлены на поселение в Мессену (некоторое время Мессена даже принадлежала локрам). (2) Феак встретил их, когда они возвращались из Мессены, но не причинил им обиды, так как локры договорились с ним о союзе с афинянами. (3) Действительно, они были единственными афинскими союзниками, которые после примирения сицилийских эллинов не заключили никакого договора с афинянами. Они даже и теперь не сделали бы этого, если бы не воевали с соседями — иппонийцами и медмеями. Через некоторое время Феак возвратился в Афины.

6. Между тем Клеон по пути из Тороны в Амфиполь произвел из Эйона безуспешное нападение на Стагир, колонию Андроса. Зато ему удалось взять штурмом Галепс, колонию Фасоса. (2) Он отправил послов к Пердикке с требованием по союзному договору прийти на помощь с войском, а также во Фракию к царю одомантов Поллу и приказал ему послать возможно больше фракийских наемников. Сам Клеон тем временем оставался в Эйоне, ожидая подкреплений. (3) Узнав об этом, Брасид также расположился лагерем напротив афинян близ Кердилия (местность неподалеку от Амфиполя в области аргилиев на возвышенности за рекой). Отсюда можно было обозреть все окрестности, так что Клеон со своим войском не мог бы выступить незаметно для противника. Брасид только и ждал, когда Клеон двинется на Амфиполь с имеющимся у него войском, невзирая на численность врага. (4) Одновременно Брасид готовился к битве: он призвал 1500 фракийских наемников и всех эдонов, как легковооруженных, так и всадников. Миркинских и халкидских легковооруженных воинов у него было 1000 человек, кроме находившихся в Амфиполе. (5) Гоплитов же он набрал всего около 2000 и еще 300 эллинских всадников. Из общего числа воинов 1500 че-

ловек было в лагере Брасида у Кердилия, остальные находились под командой Клеарида в Амфиполе.

7. Некоторое время Клеон оставался на своей позиции, но в конце концов был вынужден поступить именно так, как ожидал Брасид. (2) Действительно, воины Клеона стали роптать на долгое бездействие. Они сравнивали его невежественное и слабое командование с опытностью и отвагой противника и вспоминали, как неохотно они пошли за ним из Афин. Заметив этот ропот и не желая вызвать своим бездействием еще большее раздражение воинов, Клеон решил двинуться вперед. (3) Он поступил в этом случае так же, как в деле под Пилосом, где выдавшаяся удача внушила ему самоуверенность. Клеон полагал, что никто не выступит против него с боем; он говорил, что двинулся в поход лишь для разведки. Подкреплений он ждал не для того, чтобы иметь решительный перевес в том случае, если будет поставлен в необходимость сразиться, а для того, чтобы окружить и штурмом взять город. (4) Поэтому, подойдя к Амфиполю, Клеон отдал приказ войску остановиться на крутом холме и стал осматривать заболоченную низменность Стримона и часть города на фракийской стороне. Он полагал при этом, что в любой момент сможет отступить без боя. (5) И действительно, на городской стене никого не было видно, и никто не показывался у ворот, которые были открыты. Поэтому Клеон сожалел, что не захватил с собой осадных машин; так он мог бы взять город, лишенный защитников.

8. Лишь только Брасид заметил приближение афинян, он также немедленно спустился с высоты Кордилия и вошел в Амфиполь. (2) Однако выйти из города и построить войско в боевом порядке против афинян Брасид не решился: он не доверял своему войску, считая, что оно уступает афинскому, но не численно (ведь по численности силы противников были почти равны), а в качественном отношении. Действительно, афинское войско состояло из граждан и лучших воинов с Лемноса и Имброса. Поэтому Брасид решил напасть на врага, применив военную хитрость. (3) Если он, думал Брасид, покажет врагу малочисленность и плохое вооружение своего войска, то у него будет меньше шансов на победу, чем в том случае, если противник не увидит заранее его войско и не составит о нем пренебрежительное представление, соответствующее

действительности. (4) Итак, отобрав себе полтораста гоплитов, он передал остальных Клеариду, чтобы внезапно атаковать врагов, пока те не успеют отступить. Если афиняне получат подкрепление, полагал Брасид, он уже не сможет подобным образом врасплох захватить их в таком уединенном положении. Поэтому, собрав своих воинов, чтобы воодушевить их и разъяснить свои планы, Брасид обратился к ним с такой речью.

9. «Пелопоннесцы! Не нужно много слов, чтобы напомнить вам, что вы пришли из той страны, которая благодаря своей доблести всегда была свободной, и что вам, дорийцам, предстоит битва с ионянами, которых вы привыкли побеждать. (2) Я хочу объяснить вам мой план нападения: не думайте, что мы слишком слабы оттого лишь, что только малая часть нас, а не все идут в бой, и потому не падайте духом. (3) Я полагаю, что неприятель поднялся на это место, вероятно, презирая нас; быть может, он даже, беззаботно и в беспорядке обозревая местность, вовсе не рассчитывает, что кто-нибудь посмеет выступить против него. (4) Если учесть такие промахи противника и затем атаковать его, сообразуясь со своими силами (не в строевом порядке и не в открытую, а всячески используя выгодную обстановку), то мы всего вернее добьемся успеха. (5) Громкую славу приносят те военные хитрости, которые лучше всего обманывают врага, а своим приносят наибольшую пользу. (6) Поэтому, пока враги еще не подготовились к сражению и полны спокойствия и, видимо, вообще не думают оставаться здесь, но предпочли бы скорее незаметно уйти, я хочу с моими людьми напасть на них, ударив по возможности в центр их войска, прежде чем они успеют прийти в себя и составить план действий. (7) А ты, Клеарид, лишь только заметишь, что я тесню врагов, внезапно открой ворота и со своими воинами (и с людьми из Амфиполя и другими союзниками) сделай вылазку и как можно скорее вступай в рукопашную схватку. Надеюсь, что после этого враги скорее всего обратятся в бегство. (8) Ведь вторичный натиск со стороны для врага страшнее борьбы с противником, который уже сражается с ним. (9) Сам же ты держись доблестно, как подобает спартиату, и вы, союзники, храбро следуйте за вашим вождем. Знайте лишь, что для успеха в бою необходимы три условия: твердая решимость, чувство чести и пови-

новение начальникам. Знайте же, что сегодня решится ваша участь: сохраните ли вы вашей доблестью свободу и почетное звание союзников лакедемонян или станете рабами афинян: в лучшем случае (если вам посчастливится и вы не будете проданы в рабство), вам грозит более тяжкая, чем раньше, кабала, и вы помешаете делу освобождения прочих эллинов. (10) Итак, смелее в бой! Вы видите, за какое великое благо идет борьба. Я же докажу, что не только способен внушать мужество другим, но могу проявить его и на деле».

10. После такой речи Брасид начал готовиться к вылазке и выстроил остальную часть войска во главе с Клеаридом у так называемых Фракийских ворот, откуда Клеарид по его приказу должен был атаковать афинян. (2) Между тем афиняне заметили, что Брасид уже спустился с Кердилия и, как можно было видеть, приносит жертвы в святилище Афины по установленным обрядам. Клеон с войском приблизился к городу для наблюдения за неприятелем, и тут он получил сообщение, что все вражеское войско в городе и можно предположить по множеству человеческих и конских ног, видных из-под ворот, что неприятель намеревается сделать вылазку. (3) После этого Клеон сам подошел к воротам и, убедившись в правильности сообщения, приказал дать сигнал к отступлению (ведь он не желал вступать в бой с врагом до прибытия подкреплений), полагая, что, быстро отступив, успеет еще избежать сражения. Он велел левому крылу начавшего уже отход войска отступать по направлению к Эйону (что только и было возможно). (4) Клеону казалось, что отход идет слишком медленно, и он сам стал, повернув правое крыло, отступать с войском назад, обнажив фланг для атаки врага. (5) Лишь только Брасид заметил, что настал благоприятный момент и афинское войско двинулось, он закричал своим и прочим воинам: «Они нас не ожидают: это ясно видно по движению копий и голов. Ведь не так обыкновенно ожидают нападающих. Теперь откройте ворота, которые я приказал, и смело, не медля, ударим на врага». (6) И тут Брасид, выступив через ворота частокола и через первые ворота длинной стены, бегом устремился со своим отрядом по прямому пути туда, где теперь на самом укрепленном пункте стоит трофей. Ударив в центр афинян, устрашенных и расстройством своих рядов, и отвагой противника, Брасид обратил их в бег-

ство. (7) Одновременно и Клеарид, согласно приказу, выступил из Фракийских ворот и бросился на врагов. Получилось так, что афиняне, неожиданно атакованные с двух сторон, пришли в полное замешательство. (8) Левое крыло афинян, уже продвинувшееся вперед по дороге на Эйон и оторвавшееся от своих, тотчас же бежало. Когда оно уже было опрокинуто, Брасид бросился в атаку на правое крыло и при этом был ранен. Афиняне не заметили, что Брасид упал, и находившиеся рядом воины подняли и унесли его. (9) Правое крыло афинян держалось более стойко. Клеон с самого начала не думал удерживать позиции и тотчас же обратился в бегство, но был настигнут миркинским пелтастом и убит. Его гоплиты, однако, оттесненные к холму, сомкнув ряды, два или три раза отражали атаки Клеарида и держались до тех пор, пока миркинская и халкидская конница и пелтасты не окружили их со всех сторон и, осыпая дротиками, не заставили обратиться в бегство. (10) Теперь уже все афинское войско бежало, и все, кто не пал в рукопашном сражении и не был убит халкидской конницей или пелтастами, по разным дорогам через горы с трудом добрались до Эйона. (11) Воины, вынесшие Брасида с поля битвы еще живым, доставили его в город. Он узнал о победе своих и немного спустя скончался. Остальное войско под командой Клеарида, завершив преследование неприятеля, сняло доспехи с павших и поставило трофей.

11. После этого все союзники в полном вооружении проводили Брасида и похоронили его с возданием общественных почестей в городе перед нынешней площадью. Впоследствии жители Амфиполя обнесли оградой гробницу Брасида и теперь приносят ему как герою заупокойные жертвы. В его честь они установили также состязания и ежегодные жертвоприношения. С этого времени они стали считать Брасида основателем города, разрушив все сооружения Гагнона и уничтожив все, что могло напоминать о нем как об основателе колонии. Они поступили так, отчасти действительно считая Брасида спасителем города, и отчасти оттого, что при тогдашних обстоятельствах они из страха перед афинянами придавали величайшее значение союзу с лакедемонянами; и теперь при их враждебном отношении к афинянам они более уже не находили для себя ни выгод, ни удовольствия от почи-

тания Гагнона. (2) Тела павших жители Амфиполя выдали афинянам. Афинян погибло около 600 человек, врагов же — только 7, потому что афинянам пришлось сражаться не в правильном боевом порядке, а в столь чрезвычайных обстоятельствах, да к тому же афиняне уже заранее были охвачены паникой. (3) После погребения павших афиняне отплыли домой, Клеарид же и его войско стали упорядочивать политические дела в Амфиполе.

12. Приблизительно в это же время, в конце лета, лакедемоняне Рамфий, Автохарид и Эпикидид направились к Фракийскому побережью со вспомогательным отрядом из девятисот гоплитов. Прибыв в Гераклею Трахинскую, они занялись улаживанием тамошних непорядков. Во время их пребывания там произошла битва под Амфиполем, и наступил конец лета.

13. В начале зимы Рамфий с товарищами продолжал поход и дошел до горы Пиерия в Фессалии. Так как фессалийцы не желали пропускать их войска через свою землю, а Брасид, к которому они должны были присоединиться, тем временем умер, то они возвратились домой. Идти во Фракию теперь, думали они, было бы совсем некстати: ведь афиняне ушли оттуда после поражения, а сами они не считали себя способными осуществить планы Брасида. (2) Впрочем, главной причиной их ухода из Фракии была известная им еще при выступлении из Лакедемона склонность лакедемонян к миру.

14. После битвы под Амфиполем и ухода Рамфия из Фессалии обе воюющие стороны уже не возобновляли военных действий и думали больше о мире, чем о войне. Афиняне, потерпев поражение при Делии и вскоре затем вторично под Амфиполем, ныне утратили ту веру в свои силы, с которой они прежде отвергали мир, полагая, что при своих тогдашних успехах они выйдут победителями. (2) Кроме того, афиняне опасались, как бы их союзники, подняв голову при виде их неудач, не начали бы еще больше стремиться к отложению, и теперь даже сожалели, что не заключили мира после удачи под Пилосом, когда для этого представился удобный случай. (3) С другой стороны, лакедемоняне также склонялись к миру, так как война приняла неожиданный для них оборот: они полагали, что смогут за несколько лет сокрушить афинскую мощь, опустошив вражескую землю. Они же потерпели на острове

поражение, какого Спарта еще никогда не испытывала; земля их подвергалась разбойничьим набегам из Пилоса и Кифер; илоты перебегали на сторону врага, и лакедемоняне пребывали в вечном страхе, как бы те из илотов, кто еще не бежал к врагам, соблазнившись удобным случаем (как некогда раньше), не подняли восстания. (4) К тому же вскоре истекал срок 30-летнего мира с Аргосом, и аргосцы не желали заключать новый мирный договор, если им не возвратят область Кинурию. Лакедемоняне же считали невозможным воевать одновременно с аргосцами и с афинянами. Они подозревали также, что некоторые пелопоннесские города готовы изменить им и перейти на сторону аргосцев, что и случилось на самом деле.

15. Исходя из этих соображений, обе воюющие стороны решили заключить мирное соглашение. В особенности желали мира лакедемоняне, которым было очень важно вернуть своих людей, попавших в плен на острове: ведь среди пленников были знатнейшие спартиаты, связанные родством с первыми людьми в государстве. (2) Лакедемоняне начали мирные переговоры сразу же после захвата в плен этих спартиатов, однако афиняне, пока счастье им благоприятствовало, еще не желали заключения мира на равных условиях. Только после неудачи при Делии лакедемоняне поняли, что теперь афиняне скорее пойдут на уступки и поэтому сразу же предложили заключить перемирие на один год. За это время уполномоченные обеих сторон должны были встретиться и договориться о прочном мире в дальнейшем.

16. Между тем афинян постигла вторичная неудача в битве под Амфиполем, где пали оба главных противника мира — Клеон и Брасид. Один был настроен воинственно потому, что война принесла ему успех и почет, а другой опасался, что с установлением мира его злокозненность легче обнаружится, и его клеветническим наветам уже не будут доверять. Теперь в обоих государствах наиболее энергично стали выступать за окончание войны два человека, стремившиеся занять первое место в своем городе. То были царь лакедемонян Плистоанакт, сын Павсания, и Никий, сын Никерата,— наиболее удачливый полководец своего времени. Никий, которому до сих пор всегда сопутствовало счастье и почет в городе, предпочитал не рисковать этим и желал не только сам избежать тягостей войны,

но и избавить от них сограждан, оставив потомкам память о себе как человеке, который за всю свою жизнь не принес несчастья родине. Никий полагал, что добиться этого можно, не пускаясь в рискованные предприятия и как можно меньше полагаясь на счастливую судьбу; наилучшей же защитой от опасностей является мир. Плистоанакт, напротив, желал мира из-за клеветнических нападок своих недругов на его возвращение из изгнания. Когда в Лакедемоне случалась беда, враги укоряли царя, утверждая, что причина несчастья заключается в его противозаконном возвращении из изгнания. (2) Так, враги обвиняли царя и брата его Аристокла в том, что те склонили жрицу в Дельфах при посещении лакедемонянами дельфийского оракула всякий раз изрекать ответ: «Лакедемоняне должны вернуть с чужбины в свою землю потомка полубога Зевсова сына. Иначе им придется пахать землю серебряным лемехом». (3) С течением времени жрица убедила лакедемонян возвратить царя после 19-летнего изгнания с плясками, жертвоприношениями и торжественными обрядами, какие были установлены для первых царей при основании Лакедемона. Царь Плистоанакт был изгнан из-за своего отступления из Аттики, которое произошло, как подозревали, вследствие его подкупа. Он жил в изгнании на горе Ликей, занимая из страха перед лакедемонянами половину дома внутри священного участка Зевса.

17. Итак, досадуя из-за столь тяжких обвинений, Плистоанакт усердно стремился к мирному соглашению. В мирное время, когда уже не будет никаких поражений и лакедемоняне вернут своих пленников, враги, как думал царь, наконец оставят его в покое, тогда как во время войны всю вину за неудачи, естественно, продолжают сваливать на руководителей государства. (2) Переговоры начались уже этой зимой, а с приближением весны лакедемоняне, полагая, что этим окажут давление на афинян и они, быть может, скорее склонятся к уступкам, угрожающе ускорили военные приготовления: повсюду в союзных городах было приказано строить укрепления. В то же время, после долгих переговоров (когда обе стороны выставили много взаимных претензий), в конце концов противники согласились возвратить друг другу захваченные во время войны земли и заключить мир. Однако Нисея была оставлена афинянам, так как в ответ на требование

выдать Платеи фиванцы заявили, что они захватили это место не силой оружия или изменой, но с добровольного согласия жителей. На этом же основании и афиняне требовали отдать им Нисею. Затем лакедемоняне созвали союзников и большинством голосов, всех, кроме беотийцев, коринфян, элейцев и мегарцев, которые возражали, высказались за мир. Таким образом, наконец было решено заключить мир. Лакедемоняне принесли торжественные клятвы афинянам, а афиняне — лакедемонянам хранить следующий договор.

18. Заключили мир афиняне и лакедемоняне и их союзники на следующих условиях и принесли клятвы каждый город отдельно. (2) Относительно общих святилищ: всякий желающий может по законам предков приходить и совершать там жертвоприношения, вопрошать оракулы и посылать праздничные посольства сушей и морем беспрепятственно. Священный участок и храм Аполлона в Дельфах и народ дельфийский пусть будут независимы, по обычаям отцов, с правом самообложения и пользования налогами для себя со своим собственным судом над людьми и страной. (3) Мир между афинянами и союзниками, с одной стороны, и лакедемонянами и их союзниками, с другой, должен соблюдаться в течение 50 лет без обмана нерушимо на суше и на море. (4) Не дозволяется воевать, какими бы то ни было способами и средствами причиняя вред другой стороне, ни лакедемонянам с их союзниками против афинян и их союзников, ни афинянам и их союзникам против лакедемонян с их союзниками. Все могущие возникнуть споры между ними решать судом и затем скреплять клятвами соблюдение согласованного приговора. (5) Лакедемоняне и их союзники должны возвратить афинянам Амфиполь. Жители всех городов, возвращенных лакедемонянами афинянам, могут уйти со своим имуществом куда пожелают. Города, вносящие дань, установленную при Аристиде, должны быть независимыми. По заключении мира афиняне и их союзники не должны посылать войско против этих городов, если они выплачивают дань. Города эти — Аргил, Стагир, Аканф, Скол, Олинф и Спартол — не должны быть союзниками ни лакедемонян, ни афинян. Если же они добровольно пожелают вступить в союз с афинянами, то афиняне могут их принять. (6) Мекиберняне, санеи и сингеи пусть живут

в своих городах на тех же условиях, как олинфяне и аканфяне. (7) Лакедемоняне и их союзники должны возвратить афинянам Панакт; афиняне же вернут лакедемонянам Корифасий, Киферы, Мефаны, Птелей и Аталанту и выдадут всех лакедемонян, которые томятся в государственных темницах в Афинах или где-либо во владениях афинян в качестве пленников. Афиняне должны также отпустить пелопоннесцев, осажденных в Скионе, и остальных союзников лакедемонян, посланных туда Брасидом, равно как и всех лакедемонских союзников, находящихся в государственной темнице в Афинах или в государственной темнице где-либо в пределах афинских владений. Пусть лакедемоняне и союзники таким же образом вернут афинянам и их союзников, находящихся у них в темницах. (8) Что до Скионы, Тороны и Сермилы или каких-нибудь других городов во владениях афинян, то пусть афиняне решают их участь по своему усмотрению. (9) Афиняне должны связать себя клятвой лакедемонянам и их союзникам о соблюдении мира в каждом городе отдельно. Пусть <17 человек> от каждого города принесут величайшую клятву по обычаю их предков. Клятва же должна гласить так: «Я буду соблюдать этот договор и мир по справедливости и без обмана». Такую же клятву пусть принесут лакедемоняне и их союзники афинянам. Обе стороны должны ежегодно эту клятву повторять снова. (10) Столбы поставить в Олимпии, в Пифо, на Истме, в Афинах на акрополе и в Лакедемоне в храме Аполлона в Амиклах. (11) Если одна из сторон при этом допустит какие-либо упущения, то каждая сторона может без нарушения клятв открыто и честно обсудить этот случай, чтобы с согласия обеих сторон — афинян и лакедемонян — внести изменения в договор.

19. Мирный договор заключен при эфоре Плистоле в Лакедемоне в 24-й день месяца артемисия, в Афинах же при архонте Алкее в 26-й день месяца элафеболиона. Приносили клятвы и заключали договор со стороны лакедемонян: Плистоанакт, Агис, Плистол, Дамагет, Хионид, Метаген, Аканф, Даиф, Исхагор, Филохарид, Зевксид, Антипп, Теллид, Алкинад, Эмпедий, Менас, Лафил; со стороны афинян: Лампон, Истмионик, Никий, Лахет, Евтидем, Прокл, Пифодор, Гагнон, Миртил, Фрасикл, Феаген, Аристократ, Иолкий, Тимократ, Леонт, Ламах, Демосфен.

20. Мир этот был заключен в конце зимы и самом начале весны, непосредственно после городских Дионисий. Со времени первого вторжения в Аттику и начала этой войны прошло 10 лет и несколько дней. (2) Следует определять время событий, принимая во внимание отсчет времен года, зимы и лета, а не полагаться на списки архонтов или иных официальных лиц, по именам которых обозначаются в различных городах даты исторических событий. Ведь при таком способе исчисления все же остается неясным, произошло ли данное событие в начале или середине или в какой-либо другой срок службы указанного лица. (3) Если же считать по летам и зимам, как сделал это я, то, учитывая, что обе половины, лето и зима, вместе составляют год, найдем, что в период этой первой войны прошло 10 лет и столько же зим.

21. Лакедемоняне тотчас же отпустили своих пленников (так как им выпал жребий сделать это первыми) и отправили уполномоченных — Исхагора, Менаса и Филохарида — на Фракийское побережье с приказом Клеариду передать Амфиполь афинянам, а другим городам — принять статьи мирного договора, касающиеся каждого города. (2) Однако фракийские города не соглашались на договор, считая его для себя неприемлемым. И Клеарид, в угоду халкидцам, не отдал Амфиполя, ссылаясь на то, что он не может сделать это против воли граждан. (3) Вместе с послами халкидских городов Клеарид прибыл оттуда прямо в Лакедемон, чтобы оправдаться, если Исхагор с товарищами обвинят его в неподчинении приказу. Он желал также узнать: нельзя ли еще изменить условия договора. По прибытии, однако, Клеарид узнал, что лакедемоняне уже связаны договором. Его самого отослали назад во Фракию с приказанием передать город афинянам, в случае же, если это невозможно, то вывести оттуда всех пелопоннесцев, и он спешно направился обратно в Амфиполь.

22. Представители союзников находились тогда в Лакедемоне, и лакедемоняне настаивали, чтобы непокорные города приняли мирный договор. Однако те отказались на том основании, что и прежде, требуя более справедливых условий мира. (2) Так как союзники не подчинились, то лакедемоняне отпустили их и решили одни заключить союз с афинянами. Они считали, что аргосцы, отказавшиеся вновь заключить мирный дого-

вор по предложению прибывших к ним лакедемонских послов Лиха и Ампелида, теперь без помощи афинян для них неопасны, а остальные пелопоннесские города, по всей вероятности, сохранят спокойствие. (3) Поэтому лакедемоняне воспользовались пребыванием афинских послов в Спарте, чтобы вступить с ними в переговоры о союзе, который и был заключен с клятвами на следующих условиях.

23. «Лакедемоняне и афиняне будут союзниками в течение 50 лет на следующих условиях. Если кто-нибудь пойдет враждебно на лакедемонскую землю, причиняя зло лакедемонянам, то афиняне должны по всем их силам и возможностям оказать помощь лакедемонянам. Если враг, разорив страну, отступит, то пусть он будет врагом лакедемонян и афинян, и земля его будет разорена обоими государствами, мир же оба города должны заключать только сообща. Все эти совместные действия они должны производить честно, усердно и без обмана. (2) Если же кто-нибудь пойдет враждебно на афинскую землю, причиняя зло афинянам, то лакедемоняне также должны по всем их силам и возможностям оказать афинянам помощь. Если же враг, причинив разорение стране, отступит, то пусть он будет врагом лакедемонян и афинян, и земля его будет разорена обоими государствами, мир же оба города должны заключить только сообща. Все эти совместные действия пусть совершаются справедливо, усердно и без обмана. (3) В случае восстания рабов афиняне должны прийти на помощь лакедемонянам по возможности всеми силами. (4) Договор этот должен быть скреплен клятвой с обеих сторон теми же лицами, которые скрепили первый. Возобновлять клятву следует ежегодно, для чего лакедемонянам надлежит являться в Афины на Дионисии, а афинянам — в Лакедемон на Гиакинфии. (5) Обе стороны обязаны поставить стелы — одну в Лакедемоне в храме Аполлона в Амиклах, а другую в Афинах на акрополе в храме Афины. Если лакедемоняне и афиняне решат добавить или исключить какой-либо пункт из настоящего договора о союзе, то обе стороны имеют право сделать это, не нарушая клятвы».

24. Со стороны лакедемонян клятву принесли: Плистоанакт, Агис, Плистол, Дамагет, Хионид, Метаген, Аканф, Даиф, Исхагор, Филохарид, Зевксид, Антипп, Теллид, Алкинад, Эмпедий, Менас, Лафил; со стороны

афинян: Лампон, Истмионик, Лахет, Никий, Евтидем, Прокл, Пифодор, Гагнон, Миртил, Фрасикл, Феаген, Аристократ, Иолкий, Тимократ, Леонт, Ламах и Демосфен. (2) Этот союз был заключен вскоре после установления мира. Афиняне возвратили лакедемонянам пленников с острова. Затем наступило лето одиннадцатого года войны. Этим заканчивается описание первой войны, которая продолжалась непрерывно в течение этих 10 лет.

25. Договор о мире и союзе, которым закончилась 10-летняя война лакедемонян с афинянами, был заключен при эфоре Плистоле в Лакедемоне и архонте Алкее в Афинах. Теперь в городах, принявших договор, наступил мир. Однако коринфяне и некоторые другие пелопоннесские города начали подрывать только что достигнутое соглашение. Вскоре у союзников возник новый повод для трений с лакедемонянами. (2) Кроме того, с течением времени афиняне стали с подозрением относиться к лакедемонянам, так как те не выполняли некоторых условий договора. (3) Правда, в течение 6 лет и 10 месяцев обе стороны воздерживались от взаимных нападений на земли друг друга, но в чужих областях они старались (при неустойчивости мирных отношений) вредить друг другу насколько возможно. Наконец, они были вынуждены нарушить мир, заключенный после первых 10 лет военных действий, и объявить открытую войну.

26. И эту войну также описал Фукидид афинянин, последовательно, по ходу событий, которые он считал из года в год по летам и зимам, пока лакедемоняне и союзники не сокрушили афинскую державу, захватив Пирей и Длинные стены. Вплоть до этого момента война продолжалась в течение 27 лет. (2) И ошибется тот, кто не сочтет войной промежуток времени между двумя периодами открытой войны. Достаточно бросить взгляд на события, которые я описал, чтобы убедиться, что вряд ли можно говорить о мире, когда обе стороны не возвратили и не получили назад всего, что было обусловлено договором. Кроме того, в мантинейской и эпидаврийской войне и в других делах были также допущены нарушения пунктов договора. Союзники с фракийского побережья не менее враждебно относились к афинянам, а беотийцы соблюдали перемирие, которое должно было возобновляться каждые десять дней. (3) Итак, если, считая по зимам и летам, приба-

вить срок первой 10-летней войны к продолжительности последовавшего за ней сомнительного перемирия и дальнейших военных лет, то получится указанное мной точное количество лет с несколькими лишними днями. Можно убедиться также, что из всех делавшихся предсказаний о длительности этой войны оправдалось только это одно. (4) Сам я хорошо помню, как с начала и до конца войны многие часто повторяли предсказание, что война должна продлиться трижды девять лет. (5) Я пережил всю войну уже в зрелом возрасте и внимательно следил за событиями, прилагая старания, чтобы в точности узнать их. К тому же двадцать лет мне пришлось пробыть в изгнании после моего командования под Амфиполем, и я имел возможность, благодаря моему положению изгнанника, лично наблюдать ход событий у обеих сторон — у пелопоннесцев не менее, чем у афинян,— и составить себе на досуге непредвзятое суждение о них. (6) Теперь я буду продолжать рассказ о раздорах после 10-летней войны, о разрыве мирного договора и о дальнейших военных событиях.

27. После заключения 50-летнего мира и затем союза с афинянами пелопоннесские послы, приглашенные для этого на собрание, покинули Лакедемон. (2) Все они уехали домой, кроме коринфян, которые отправились сначала в Аргос. Здесь коринфяне вступили в переговоры с некоторыми аргосскими должностными лицами. Они объявили аргосцам, что лакедемоняне заключили мир и союз со своими исконными злейшими врагами — афинянами не с добрыми намерениями, а с целью поработить весь Пелопоннес; аргосцы обязаны поэтому принять меры к спасению пелопоннесцев. Они должны предложить всем независимым эллинским городам, признающим взаимное равноправие, вступить в оборонительный союз с Аргосом. Переговоры об этом следует, однако, вести не в народном собрании, а через нескольких полномочных представителей, чтобы ни на кого не пала тень в случае неудачи в народном собрании. Коринфяне добавили, что многие города из ненависти к лакедемонянам присоединятся к союзу. (3) После этого коринфяне возвратились домой.

28. Выслушав эти предложения, аргосцы доложили их своим сотоварищам и народному собранию. Народ-

 ное собрание приняло предложение коринфян и вы-

брало 12 уполномоченных, с которыми все эллины, кроме афинян и лакедемонян, могли бы заключить союз, афиняне же и лакедемоняне — только с разрешения народного собрания. (2) Аргосцы тем охотнее пошли на это, что предвидели войну с лакедемонянами, срок мирного договора с которыми истекал. Кроме того, они питали надежду получить господствующую роль в Пелопоннесе. Ведь в это время репутация лакедемонян действительно пала очень низко: военные неудачи вызвали к ним даже пренебрежительное отношение. Напротив, положение Аргоса во всех отношениях было превосходным: он не участвовал в аттической войне и, сохраняя мирные отношения с обеими воюющими сторонами, сумел извлечь для себя выгоды. Поэтому аргосцы были готовы принять всех желающих эллинов в свой союз.

29. Первыми к союзу с Аргосом присоединились мантинейцы и их союзники из страха перед лакедемонянами. Ведь мантинейцы, которые еще во время войны с афинянами подчинили себе часть Аркадии, полагали, что лакедемоняне теперь, когда у них есть время и возможность обратиться против них, не позволят им удержать эту землю. Поэтому мантинейцы с радостью вступили в союз с Аргосом, принимая во внимание могущество этого города, который к тому же, подобно им, всегда противостоял лакедемонянам, имея демократическое правление. (2) После отпадения Мантинеи и в остальных пелопоннесских городах начали толковать о том, что и им следовало бы поступить так же. Пелопоннесцы думали, что мантинейцы, перейдя на сторону Аргоса, рассчитывали получить для себя особые выгоды. Кроме того, раздражение пелопоннесцев вызывала статья договора, разрешавшая афинянам и лакедемонянам, если им вздумается, прибавлять или исключать из договора без нарушения клятвы какие угодно пункты. (3) Эта статья договора особенно беспокоила пелопоннесцев, вызывая у них подозрение, что лакедемоняне намереваются при помощи афинян подчинить себе пелопоннесских союзников. Они указывали на то, что право на изменение договора должно принадлежать лишь всему союзу в целом. (4) Итак, опасаясь лакедемонян, большинство пелопоннесских городов было готово немедленно вступить в союз с Аргосом.

30. Когда лакедемоняне услышали об этих толках и волнениях в Пелопоннесе и узнали, что за всем этим стоят коринфяне, которые и сами склонны заключить союз с Аргосом, то отправили в Коринф послов, чтобы предотвратить нежелательный ход событий. Послы винили во всем коринфян, утверждая, что те нарушат клятвы, если отложатся от лакедемонян и вступят в союз с аргосцами; что коринфяне уже поступили несправедливо, не приняв мирного договора с афинянами, хотя в нем есть статья, гласящая, что решение большинства союзников обязательно для всех, если боги и герои этому не воспрепятствуют. (2) Коринфяне, уже раньше пригласившие к себе остальных союзников, также не принявших договора подобно им, в их присутствии возражали лакедемонянам. Не указывая прямо на то, чем они были обижены, лакедемоняне не добились возвращения им Соллия и Анактория и вообще поступились их интересами. Свой отказ присоединиться к мирному договору они мотивировали тем, что не могли покинуть союзников во Фракии, с которыми их связывает клятва с восставшей ранее других Потидеей, а затем и с остальными. (3) На этом основании коринфяне отрицали, что нарушают союзнический договор этим отказом. Напротив, изменив потидейцам, они нарушили бы данную им ранее клятву именем богов: в договоре сказано: «если нет препятствий со стороны богов и героев», а препятствием такого рода в их глазах являлась эта клятва. (4) Так высказались коринфяне о своих прежних клятвах. Что до союза с аргосцами, то они объявили, что посоветуются со своими друзьями и затем поступят по справедливости. (5) После этого лакедемонские послы уехали домой. В это время в Коринфе находились и послы аргосцев, которые убеждали коринфян, не раздумывая долго, заключить с ними союз. Коринфяне, однако, предложили им явиться на следующее собрание.

31. Вскоре прибыли также элейские послы, которые сначала заключили союз с коринфянами, а затем направились в Аргос и (как было решено уже заранее) вступили в союз с аргосцами. Элейцы были тогда в ссоре с лакедемонянами из-за города Лепрея. (2) Во время войны между лепрейцами и некоторыми аркадскими племенами лепрейцы призвали на помощь элейцев с условием отдать им как союзникам половину своей земли. По окончании войны элейцы разре-
 шили жителям Лепрея самим обрабатывать эту землю

с условием выплаты за нее лишь 1 таланта Олимпийскому Зевсу. (3) Лепрейцы и выплачивали эти деньги вплоть до аттической войны. Однако, воспользовавшись началом войны, они перестали вносить плату. Когда элейцы попытались силой заставить их, то лепрейцы прибегли к помощи и защите лакедемонян. Дело было передано в третейский суд лакедемонян. Однако элейцы, подозревая, что приговор будет несправедлив, отклонили третейский суд и разорили землю лепрейцев. (4) Лакедемоняне решили, что Лепрей — независимый город, и возложили вину на элейцев. Когда элейцы не подчинились приговору третейского суда, то лакедемоняне послали гарнизон из гоплитов в Лепрей. (5) Элейцы сочли, что лакедемоняне приняли под защиту город, отпавший от них. При этом элейцы ссылались на статью союзного соглашения, по которой каждый участник аттической войны по окончании ее сохраняет все владения, бывшие у него в начале войны. Считая решение суда неправильным, элейцы перешли к аргосцам и заключили с ними союз, как это уже сказано. (6) Сразу же после них в аргосский союз вступили также коринфяне и халкидяне фракийского побережья. Беотийцы же и мегарцы хотя и вели речи о том же, однако ничего не предприняли для вступления в союз с Аргосом, полагая, что государственный строй лакедемонян более сродни их олигархическому правлению, чем демократические порядки в Аргосе.

32. Около того же времени в это лето афиняне захватили осажденную ими Скиону. Всех взрослых мужчин они перебили, продали в рабство женщин и детей и отдали землю в пользование платейцам. Жителей Делоса они возвратили на остров, побужденные понесенными ими неудачами и оракулом, полученным от бога в Дельфах. (2) Фокийцы и локры начали войну между собой. (3) Коринфяне и аргосцы, теперь уже союзники, обратились к Тегее, желая склонить ее к отпадению от лакедемонян. Они рассчитывали, что если им удастся присоединить к своему союзу эту значительную область Пелопоннеса, то весь Пелопоннес будет на их стороне. (4) Когда в Тегее им ответили, что не будут враждовать с лакедемонянами, то коринфяне, до сих пор действовавшие энергично, ослабили свои старания, опасаясь, что ни один город не захочет присоединиться к ним. (5) Однако они все же обрати-

лись к беотийцам, приглашая их заключить союз с ними и аргосцами и впредь сообща решать интересующие их дела. Затем коринфяне попросили беотийцев сопровождать их в Афины, чтобы помочь заключить дополнительное соглашение о 10-дневном перемирии, подобно соглашению, установленному между Афинами и Беотией немного спустя после 50-летнего мира. В случае несогласия афинян коринфяне просили беотийцев вообще отказаться от перемирия и впредь не заключать его без их участия. (6) На просьбу коринфян вступить в союз с Аргосом беотийцы предложили им подождать. Все же они прибыли вместе с коринфянами в Афины; однако добиться 10-дневного перемирия для коринфян им не удалось. Афиняне отвечали, что существующий мирный договор распространяется и на коринфян, поскольку те являются союзниками лакедемонян. (7) Тем не менее сами беотийцы не отказались от 10-дневного перемирия, несмотря на требования и напоминания коринфян о взаимном уговоре об этом. Таким образом, у коринфян с афинянами фактически существовало перемирие без договора.

33. В то же лето лакедемоняне выступили в поход под предводительством Плистоанакта, сына Павсания, на землю паррасиев, подвластных мантинейцам в Аркадии. Лакедемонян призвала к себе часть паррасиев из-за происшедшего у них восстания. Кроме того, лакедемоняне намеревались, если удастся, разрушить также крепость в паррасийском городе Кипселы, угрожавшую лаконской области Скиритиде. Мантинейцы построили эту крепость, охраняемую их гарнизоном. (2) Лакедемоняне разорили поля паррасиев; мантинейцы же поручили защиту своего города аргосскому гарнизону, чтобы самим защитить землю союзников. Однако они не смогли спасти крепость в Кипселах и паррасийские города от разорения и возвратились домой. (3) Лакедемоняне объявили паррасийцев независимыми, разрушили крепость, а затем вернулись домой.

34. Тем же летом вернулось из Фракии войско, отправленное туда во главе с Брасидом; его привел назад Клеарид после заключения мира. Лакедемоняне решили даровать свободу илотам, сражавшимся под начальством Брасида, с правом жить где угодно. Вскоре, однако, лакедемоняне, будучи уже во вражде с элей-

цами, переселили освобожденных илотов вместе с неодамодами в Лепрей на границе Лаконии и Элиды. (2) Пленных спартиатов, сложивших на острове оружие, лакедемоняне лишили некоторых гражданских прав, права занимать общественные должности (хотя некоторые из этих людей уже эти должности занимали) и права покупки и продажи: это было вызвано опасением, как бы эти люди не подумали, что из-за своего несчастья окончательно потеряют гражданские права, а с другой стороны, оставаясь полноправными гражданами, не затеяли государственный переворот. Впрочем, со временем они были восстановлены в гражданских правах.

35. В то же лето жители Дия захватили союзный афинский город Фисс на афонском побережье. (2) Хотя все это лето отношения афинян с лакедемонянами оставались мирными, тем не менее они сразу же после заключения мира стали проявлять взаимное недоверие из-за отказа возвратить захваченные местности, упомянутые в договоре. (3) Действительно, лакедемоняне, которые по жребию должны были первыми возвратить Амфиполь и другие места, не вернули их. Кроме того, они не заставили своих фракийских союзников и даже беотийцев и коринфян подписать мирный договор, хотя постоянно и уверяли, что если те не сделают этого добровольно, то они вместе с афинянами заставят их силой. Все же лакедемоняне объявили затем (хотя и не в письменной форме) о согласии считать врагами обеих договорившихся сторон все города, не подписавшие договор после определенного срока. (4) Видя, что эти обещания на деле так и остаются обещаниями, афиняне стали подозревать лакедемонян в нечестности. Поэтому они со своей стороны также (несмотря на требования лакедемонян) отказались вернуть Пилос и уже раскаивались, что освободили узников с острова. Афиняне решили удержать и остальные, находившиеся в их руках, местности, пока лакедемоняне не возвратят всего, указанного в договоре. (5) Лакедемоняне же утверждали, что сделали все возможное с их стороны: они отдали афинских пленников, вывели свое войско с фракийского побережья и, по возможности, выполнили и остальные пункты договора. Амфиполь же они не могут возвратить, так как не владеют им. Все же они попробуют склонить беотийцев и коринфян подписать договор, до-

биться возвращения Панакта и выдачи афинских пленников в Беотии. (6) При этом лакедемоняне продолжали требовать возвращения Пилоса или по крайней мере вывода оттуда мессенцев и илотов (подобно тому как они вывели свое войско из Фракии); афиняне же, если им угодно, могут охранять это место своими силами. (7) В результате длительных совещаний в течение этого лета лакедемоняне убедили афинян вывести из Пилоса мессенцев, илотов и остальных лакедемонских перебежчиков. Лакедемоняне поселили их в Краниях на Кефаллении. Таким образом, в это лето все было спокойно, и обе стороны мирно договаривались между собой.

36. Следующей зимой, когда в Лакедемоне были уже другие эфоры (не те, при которых был заключен мир, и среди них даже несколько противников мира), туда прибыли послы союзников, а также из Афин, Беотии и Коринфа. После долгих переговоров послы, однако, не достигли соглашения. Когда они уже собирались уезжать, Клеобул и Ксенар, главные противники мира среди эфоров, завели с беотийцами и коринфянами частные переговоры по собственному почину и прежде всего советовали им твердо стоять друг за друга. Сначала беотийцы должны, говорили они, постараться вступить в союз с аргосцами, а затем побудить аргосцев примкнуть вместе с коринфянами к лакедемонскому союзу. Таким образом беотийцы избавятся от необходимости присоединяться к аттическому договору. Ведь лакедемоняне придают больше значения дружбе и союзу с Аргосом, чем вражде с Афинами и расторжению мирного договора. Действительно, лакедемонянам был нужен прочный мир с Аргосом, поскольку тогда, по их мнению, гораздо легче вести войну за пределами Пелопоннеса. (2) При этом эфоры просили беотийцев передать Панакт лакедемонянам, чтобы, если возможно, обменять его на Пилос и затем, более уверенно, снова начать войну с афинянами.

37. С такими предложениями от Ксенара и Клеобула для сообщения своим правительствам послы беотийцев и коринфян уехали домой. (2) На обратном пути через Аргосскую область их поджидали двое аргосцев, членов аргосского правительства. Аргосцы вступили с послами в переговоры в надежде, что беотийцы (подобно коринфянам, элейцам и мантинейцам) вступят
 в их союз. Если бы только это удалось, то, по их мне-

нию, легче было бы в согласии с союзниками воевать или заключать мир по желанию с лакедемонянами или со всяким другим городом. (3) Эти предложения пришлись по душе беотийским послам, к тому же они совпадали с советами их лакедемонских друзей. После этого аргосцы, убедившись, что их предложения приемлемы для беотийцев, уехали с обещанием прислать к ним послов. (4) По возвращении беотийские послы доложили беотархам о предложениях, полученных ими в Лакедемоне и при встрече с аргосцами. Беотархи обрадовались и тем охотнее склонялись к союзу с аргосцами, обнаружив, что как их лакедемонские друзья, так и аргосцы стремятся к одной цели. (5) Вскоре в Фивы явились также аргосские послы и предложили заключить условленное соглашение. Беотархи одобрили предположение послов и отпустили их с обещанием отправить посольство в Аргос для заключения союза.

38. Между тем беотархи и послы коринфян, мегарцев и из фракийской Халкидики решили сначала клятвенно обязаться защищать друг друга и не начинать ни с кем войны и не заключать союза без общего согласия. Поэтому беотийцы и мегарцы (которые и раньше действовали сообща) должны были заключить союз с Аргосом. (2) Однако до принесения клятвы беотархи доложили об этом четырем советам беотийского союза (которым принадлежала вся полнота власти), советуя заключить союз со всеми городами, желающими присоединиться к ним ради взаимной защиты. (3) Однако члены беотийских советов не согласились с этим предложением: они опасались обидеть лакедемонян, вступив в союз с отпавшими от них коринфянами: беотархи не сообщили советникам об обстоятельствах переговоров в Лакедемоне, и именно о совете эфоров Ксенара и Клеобула и их тамошних друзей сначала вступить в союз с аргосцами и коринфянами, а затем с лакедемонянами. Беотархи полагали, что советники даже и без этого примут именно то решение, которое будет предложено им на основании предварительных переговоров. (4) Дело, таким образом, расстроилось, и коринфские и фракийские послы уехали безрезультатно. Беотар[illegible] же, предполагавшие ранее, если бы договоренность была достигнута, заключить союз с Аргосом, уже не стали вносить в советы предложения о союзе, и обещанного посольства в Аргос не

состоялось. Все велось с каким-то равнодушием и вялостью.

39. В ту же зиму олинфяне внезапным нападением захватили Мекиберну, где находился афинский гарнизон. (2) Афиняне, между тем, все время продолжали переговоры с лакедемонянами о возврате им занятых во время войны пунктов. Если афиняне получат от беотийцев Панакт, как рассчитывали лакедемоняне, то им удастся обменять это укрепление на Пилос. Поэтому лакедемоняне отправили послов в Беотию с просьбой вернуть Панакт и афинских пленников, чтобы за это возвратить себе Пилос. (3) Однако беотийцы отказались выдать это укрепление, если лакедемоняне не заключат с ними отдельный союз, как и с афинянами. Лакедемоняне прекрасно понимали, что они не вправе это сделать (ведь по договору ни одна сторона не могла ни с кем заключать союза или начинать войны без согласия другой), но страстно желали получить Панакт, чтобы обменять его на Пилос. В то же время лакедемонские противники мира с Афинами энергично хлопотали об этом союзе. Поэтому лакедемоняне в конце зимы и в начале весны заключили союз с беотийцами. Беотийцы сразу же принялись за разрушение Панакта. Так окончился одиннадцатый год этой войны.

40. В самом начале весны следующей летней кампании в Аргосе стало известно, что беотийцы разрушают Панакт, а лакедемоняне заключили с беотийцами отдельный союз. Между тем обещанное посольство от беотийцев не прибыло. Тогда аргосцы стали опасаться, что останутся в одиночестве и все их союзники перейдут к лакедемонянам. (2) Они считали, что лакедемоняне уговорили беотийцев разрушить Панакт и присоединиться к мирному договору с афинянами; афинянам же, видимо, все это известно, так что теперь им, аргосцам, уже невозможно вступить в союз даже с афинянами (тогда как до сих пор они полагали, что при неприязни между обеими державами союз, по крайней мере с одной из них, им обеспечен). (3) И вот, приведенные в замешательство утратой этой надежды и опасаясь, как бы не пришлось воевать одновременно с тегейцами, лакедемонянами, беотийцами и афинянами, они решили немедленно отправить в Лакедемон послами Евстрофа и Эсона, которые считались самыми близкими друзьями лакедемонян. Прежде аргосцы

отвергали союз с лакедемонянами, мечтая о владычестве в Пелопоннесе, но в настоящем положении находили, что лучше всего заключить союз с лакедемонянами, чтобы так или иначе сохранить мир.

41. По прибытии в Лакедемон аргосские послы начали переговоры об условиях мира. (2) Прежде всего они потребовали передачи спора о пограничной местности Кинурии (с городами Фиреей и Анфеной, подвластными лакедемонянам), из-за которой шли постоянные раздоры между ними, на третейский суд какого-нибудь города или единоличного судьи. Лакедемоняне, однако, заявили, что об этом не может быть и речи; если же аргосцы хотят мира, то они, лакедемоняне, готовы заключить договор на прежних условиях. Наконец, аргосские послы предложили заключить по крайней мере 50-летний мир, причем обе стороны оставляют за собой право решить спор об этой земле оружием (если в Лакедемоне и Аргосе не случится болезни или войны), как это было раньше, когда обе стороны приписали себе победу (причем, однако, не разрешалось преследовать побежденных за пределами Аргоса и Лакедемона). (3) Сначала это предложение показалось лакедемонянам нелепым, но затем (так как им очень важно было при всех обстоятельствах сохранить хорошие отношения с Аргосом) они приняли его и составили проект письменного договора. Лакедемоняне предложили послам еще до вступления договора в силу возвратиться в Аргос и представить проект на утверждение народного собрания и, в случае одобрения, возвратиться в Лакедемон к Гиакинфиям и принести клятвы. Затем послы уехали.

42. Между тем, пока шли эти переговоры с аргосцами, лакедемонские послы Андромен, Редим и Антименид, которым надлежало получить от беотийцев Панакт и афинских пленников для передачи афинянам, обнаружили, что Панакт уже разрушен самими беотийцами. Беотийцы ссылались на стародавний спор с афинянами из-за этой земли и на якобы существовавшее клятвенное соглашение никому не селиться на этой земле, но лишь сообща выгонять туда скот на пастбище. Все же Андромен с товарищами доставили в Афины находившихся у беотийцев афинских пленников и передали их афинянам. Они сообщили также о разрушении Панакта, считая, что возвращено и это место, поскольку никакие враги афинян уже не будут там

жить. (2) Такие речи послов вызвали негодование и протесты афинян. Афиняне считали, что лакедемоняне поступили вероломно, допустив разрушение Панакта, который по договору они были обязаны возвратить в прежнем состоянии. К тому же афиняне узнали о их сепаратном союзе с беотийцами, который был заключен, несмотря на обещание совместно заставлять города, не подписавшие договора, принять его. Припоминая и другие случаи невыполнения договора, афиняне считали себя обманутыми и поэтому грубо ответили послам и отослали их домой.

43. При таких разногласиях противники мира в Афинах немедленно принялись с усердием хлопотать о разрыве договора. (2) Самым главным из них был Алкивиад, сын Клиния, человек тогда еще молодой (как считалось бы в других городах), который, однако, благодаря славе своих знатных предков уже пользовался уважением. Он предпочитал, правда, союз с Аргосом, но в то же время из гордости и в силу оскорбленного честолюбия был противником мира. Действительно, лакедемоняне вели мирные переговоры с Никием и Лахетом, его же по молодости обошли, пренебрегши стародавними узами взаимного гостеприимства с его семьей. Правда, дед Алкивиада добровольно отказался от этого гостеприимства, но сам Алкивиад, оказав услуги лакедемонским пленникам на острове Сфактерии, надеялся его возобновить. (3) Итак, чувствуя себя во всех отношениях обиженным, Алкивиад сначала выступил против мира, утверждая, что лакедемонянам нельзя верить и что они потому только и заключили мир, чтобы с помощью афинян сокрушить аргосцев и затем напасть на самих афинян, когда у тех уже не будет союзников. Потом, однако, когда у афинян с лакедемонянами начались трения, он тотчас послал от себя лично в Аргос вестника с предложением немедленно прибыть вместе с уполномоченными Мантинеи и Элиды в Афины и привлечь афинян к союзу, которому он готов всемерно содействовать, считая его вполне своевременным.

44. Получив это сообщение и узнав, что союз беотийцев с лакедемонянами заключен без ведома и согласия афинян и что у афинян возник глубокий разлад с лакедемонянами, аргосцы оставили без внимания, что их послы уже ведут переговоры о союзе в Лакеде-
 моне, и обратились к Афинам. Они исходили из того,

что Афины — исстари дружественный им город. Подобно им у афинян — демократия, и, кроме того, если дело дойдет до войны, это для них — могущественный союзник на море. (2) Итак, аргосцы тотчас же отправили послов в Афины, чтобы договориться о союзе; к посольству присоединились также элейцы и мантинейцы. (3) Туда же поспешно прибыли трое лакедемонских послов — Филохарид, Леонт и Эндий, слывшие друзьями афинян. Послы были отправлены из боязни, что раздраженные афиняне могут заключить союз с Аргосом и вместе с тем чтобы настаивать на возвращении Пилоса взамен Панакта, а также объяснить афинянам, что союз с беотийцами заключен не во вред им.

45. Выступление в Совете Пятисот послов, прибывших, по их словам, с неограниченными полномочиями уладить все спорные вопросы, встревожило Алкивиада. Он опасался, что послы, заявив то же самое в народном собрании, могут склонить народ на свою сторону, и союз с Аргосом будет отвергнут. (2) Тогда Алкивиад придумал следующую хитрость. Давши слово, он убедил лакедемонян, что поможет вернуть Пилос и уладить все остальные разногласия, употребив все свое влияние, чтобы склонить народ к этому, вместо того чтобы, как теперь, противодействовать, если только они ничего не сообщат народному собранию о своих неограниченных полномочиях. (3) Однако действительная цель Алкивиада заключалась в том, чтобы отвратить лакедемонян от Никия и заключить союз с Аргосом, Элидой и Мантинеей, если ему удастся дискредитировать послов в народном собрании, выставив их людьми подозрительными и неискренними, которые утверждают то одно, то другое. (4) Так и вышло, когда послы явились в народное собрание и на вопрос, есть ли у них неограниченные полномочия (как они только что утверждали в Совете), ответили отрицательно, то афиняне не стерпели. Не обращая внимания на послов, они стали слушать только Алкивиада, который бранил лакедемонян еще яростнее прежнего. Теперь народ был готов немедленно пригласить аргосцев и остальных для заключения союза. Однако как раз перед принятием решения произошло землетрясение, и собрание на этот раз было отложено.

46. Никий также был сбит с толку отречением обманутых лакедемонских послов от своих полномочий. Тем

не менее он выступил на следующий день в народном собрании, отстаивая необходимость твердого союза с лакедемонянами, отложив переговоры с аргосцами. Он предложил также снова отправить послов к лакедемонянам и разузнать об их намерениях. При этом Никий разъяснял, что отсрочка войны пойдет на пользу для афинян и к невыгоде для лакедемонян: ведь при теперешних благоприятных для Афин обстоятельствах им желательно как можно дольше сохранить свое счастливое положение. Лакедемонянам же, потерпевшим неудачу, находкой представляется немедленная попытка новой войны. (2) Никию удалось убедить афинян отправить послов в Лакедемон (одним из них был он сам) с требованием, если они действительно питают добрые намерения, отстроить и возвратить Панакт, вернуть Амфиполь и отказаться от союза с беотийцами, если те не присоединятся к мирному договору, так как договор не позволяет ни одной из сторон заключать союз без согласия другой. (3) Кроме того, послы должны дать понять лакедемонянам, что и афиняне, если бы решились нарушить справедливость, уже давно могли бы заключить союз с аргосцами, послы которых прибыли в Афины специально ради этого. Сообщить обо всем этом и о прочих претензиях к лакедемонянам афиняне поручили Никию и другим послам и затем отправили их. (4) По прибытии в Лакедемон послы изложили свои поручения и под конец заявили, что если лакедемоняне не расторгнут союза с беотийцами в случае отказа беотийцев подписать мирный договор, афиняне заключат союз с Аргосом и его союзниками. Под давлением эфора Ксенара и его единомышленников лакедемоняне отказались разорвать союз с беотийцами. Однако по просьбе Никия они согласились подтвердить свои прежние клятвы на верность договору. Действительно, Никий опасался навлечь на себя нападки врагов, вернувшись ни с чем. Так действительно и случилось; его сочли ответственным за мирный договор с лакедемонянами. (5) Узнав, по возвращении Никия, о полной неудаче его посольства, афиняне пришли в негодование. Считая себя обиженными, они тотчас же заключили договор о мире и союзе с аргосцами и их союзниками (послы их в это время находились в Афинах по приглашению Алкивиада) на следующих условиях.

47. Мир на сто лет, бесхитростный и нерушимый, за-
374 ключили афиняне, аргосцы, мантинейцы и элейцы

для себя и подвластных им союзников на суше и на море. (2) Аргосцам, элейцам и мантинейцам с их союзниками не дозволяется какими бы то ни было средствами поднимать оружие ко вреду афинян и их союзников, а афинянам и их союзникам — против аргосцев, элейцев, мантинейцев и их союзников. (3) Афинянам, аргосцам, элейцам и мантинейцам быть союзниками в течение ста лет на таких основаниях. В случае нападения врага на афинскую землю аргосцы, элейцы и мантинейцы должны оказывать афинянам по первому их требованию всяческую помощь по мере возможности самым решительным образом. Если же, разорив их землю, враг уйдет, то его город пусть будет врагом аргосцам, элейцам, мантинейцам и афинянам и понесет наказание от всех этих городов. Ни одному из этих городов не дозволено без согласия всех остальных прекращать войну с вражеским городом. (4) Если враг нападет на землю элейцев, мантинейцев и аргосцев, то афиняне также должны по первому требованию этих городов всячески помогать им по мере возможности. Если же враг, разорив их землю, уйдет, то его город пусть будет врагом афинян, аргосцев, мантинейцев и элейцев и несет наказание от всех этих городов. Прекращать же войну не дозволяется без согласия всех городов. (5) Вооруженным людям не дозволяется проходить через союзную землю и через земли подвластных им союзников, а также по морю без дозволения всех союзных городов — афинян, аргосцев, мантинейцев и элейцев. (6) Город, посылающий вспомогательное войско, должен доставить продовольствие на 30 дней со дня прибытия в город, вызывавший на помощь; так же и при уходе войска. Если же город, просивший помощи, пожелает оставить у себя войско на более долгий срок, то обязан выдать продовольствие каждому гоплиту, легковооруженному и лучнику на 3 эгинских обола в день, а всаднику по 1 эгинской драхме. (7) Командовать войском должен город, попросивший помощи, пока войско находится на его земле. Если же союзные города решат выступить в поход куда-либо сообща, то командование должно быть разделено между всеми городами. (8) Афиняне должны клятвенно подтвердить договор за себя и своих союзников, аргосцы же, мантинейцы и элейцы и их союзники — принести клятву каждый город за себя. Торжественную клятву должно приносить общепринятым

в каждом городе образом при жертвоприношении взрослых животных. Клятва же должна гласить следующее: «Я буду верен союзу согласно договору и буду соблюдать договор справедливо, нерушимо и честно и не стану нарушать его какими-либо ухищрениями». (9) Приносить присягу в Афинах должны совет и власти, а пританы — приводить к присяге. В Аргосе — совет, «восемьдесят» и артины, а приводить к присяге — «восемьдесят». В Мантинее — демиурги, совет и остальные власти, а приводить к присяге — феоры и полемархи. В Элиде — демиурги, высшие власти и «шестьсот», а приводить к присяге — демиурги и фесмофилаки. (10) Возобновлять присягу афиняне должны в Элиде, Мантинее и Аргосе за 30 дней до начала Олимпийских игр. Аргосцы же, элейцы и мантинейцы — в Афинах за 10 дней до Великих Панафиней. (11) Соглашение о договоре, присяге и союзе начертать на каменном столбе и поставить афинянам на акрополе, аргосцам — на рыночной площади в святилище Аполлона, мантинейцам — в святилище Зевса на рыночной площади. Союзники должны совместно воздвигнуть медный столп в Олимпии на предстоящих теперь Олимпийских играх. (12) Если эти города сочтут желательным внести какие-либо изменения в договор, то должны сообща обсудить их, после чего единодушное решение вступит в силу.

48. Таким образом, был заключен мир и союз. Однако из-за этого от прежнего договора между лакедемонянами и афинянами ни одна из сторон не отказалась. (2) Все же коринфяне, несмотря на свой союз с аргосцами, не присоединились к договору (так же как они не вступили и в ранее заключенный элейцами, аргосцами и мантинейцами оборонительно-наступательный союз). Коринфяне заявили, что достаточно оборонительного союза для взаимной помощи, а нападать ни на кого они не желают. (3) Таким образом, коринфяне отделились от своих союзников и вновь перешли на сторону лакедемонян.

49. В это лето состоялись Олимпийские игры, на которых аркадец Андросфен в первый раз победил в борьбе и кулачном бою. Лакедемонян элейцы не допустили в святилище (поэтому те не смогли принести жертву и участвовать в состязаниях) за то, что лакедемоняне не отказались уплатить пеню, наложенную на них

элейцами по олимпийскому уставу. Элейцы утверждали, что лакедемоняне напали на их крепость Фирк и послали своих гоплитов в Лепрей во время олимпийского перемирия. Пеня же составляла сумму в 2000 мин, по 2 мины за каждого гоплита, согласно олимпийскому уставу. (2) Лакедемоняне возражали против этого приговора через послов, считая, что приговор был несправедливым, так как праздничное перемирие еще не было объявлено в Лакедемоне во время посылки ими гоплитов. (3) Элейцы отвечали, что тогда у них уже наступило перемирие (ведь они всегда первыми объявляют его для себя), и в то время как они, полагаясь на перемирие, не ожидали нападения, лакедемоняне вероломно нанесли им удар. (4) Лакедемоняне в свою очередь возражали: если бы элейцы уже тогда были убеждены в их (лакедемонян) виновности, то им вовсе не следовало после этого объявлять в Лакедемоне о перемирии. Тем не менее элейцы поступили таким образом именно потому, что тогда думали иначе. После объявления же перемирия они, лакедемоняне, уже больше нигде не нападали на них. (5) Элейцы все же настаивали, что лакедемоняне неправы и никогда не смогут убедить в противном. Впрочем, если лакедемоняне пожелают возвратить им Лепрей, то они не только отказываются от своей части денежной пени, но готовы уплатить за них даже часть, подобающую божеству.

50. Когда лакедемоняне отвергли это предложение, элейцы тотчас же выставили новое требование: пусть лакедемоняне, если угодно, не возвращают Лепрея; но если они все-таки желают, чтобы их допустили в святилище Олимпийского Зевса, то им следует подняться к алтарю и перед всеми эллинами клятвенно обещать пеню впоследствии. (2) Лакедемоняне, однако, не согласились и на это и потому были лишены доступа в святилище и приносили жертвы дома. Прочие эллины, кроме лепрейцев, прислали своих послов в Олимпию. (3) Впрочем, элейцы из опасения, что лакедемоняне могут силой ворваться в святилище и принести там жертвы, установили стражу из вооруженных молодых воинов. К ним на помощь прибыли также по 1000 аргосцев и мантинейцев и афинские всадники, ожидавшие празднество в Гарпине. (4) Между тем все собрание охватил сильный страх, как бы вооруженные лакедемоняне не совершили нападения, особенно по-

сле того как лакедемонянин Лихас, сын Аркесилая, был подвергнут побоям блюстителями порядка на месте состязаний. Его упряжка одержала победу, но победителем была, однако, провозглашена упряжка города беотийцев (так как ему, как лакедемонянину, было запрещено участие в состязаниях). Тогда Лихас выступил на арену и увенчал возницу венком, желая показать этим, что колесница принадлежит ему. Поэтому все участники празднества и подавно встревожились, ожидая, что произойдет нечто ужасное. Тем не менее лакедемоняне сохраняли спокойствие, и празднество прошло для эллинов без дальнейших помех. (5) После олимпийского празднества аргосцы и союзники прибыли в Коринф, чтобы пригласить коринфян присоединиться к их союзу. Лакедемонские послы также были там. Несмотря на долгие переговоры, участники ни к чему не пришли, и когда случилось землетрясение, они разъехались по домам. Так окончилось лето.

51. Следующей зимой произошла битва гераклейцев, что в Трахинии, с эниенами, долопами, мелийцами и некоторыми фессалийскими племенами. (2) Эти племена жили по соседству и враждовали с Гераклеей, так как город этот был построен как оборонительный пункт исключительно против них. Они были исконными врагами Гераклеи и наносили ей ущерб насколько могли. Также и в этой битве фессалийцы победили гераклейцев, причем пал и правитель Гераклеи лакедемонянин Ксенар, сын Книдиса, и много гераклейцев было перебито. Так окончилась зима и с ней двенадцатый год войны.

52. В начале следующего лета беотийцы захватили Гераклею, которая после упомянутой битвы находилась в тяжелом состоянии. Они выселили лакедемонского правителя Агесиппида за дурное управление. Захватили же беотийцы город из опасения, что афиняне могут им овладеть, пока лакедемоняне отвлечены раздорами в Пелопоннесе. Лакедемонян этот поступок беотийцев сильно раздражил. (2) Тем же летом Алкивиад, сын Клиния, афинский стратег, действуя совместно с аргосцами и их союзниками, прибыл с небольшим отрядом афинских гоплитов и лучников в Пелопоннес. Получив подкрепления от пелопоннесских союзников, он во время своего прохождения через страну всюду устраивал союзные дела. Так, он уговорил жи-

телей Патр построить длинные стены до моря. Он собирался также возвести крепость на мысе Рие Ахейском. Однако коринфяне, сикионцы и другие, кому это сооружение могло принести вред, явились и помешали постройке этого укрепления.

53. В то же лето вспыхнула война между эпидаврийцами и аргосцами. Поводом к ней был отказ эпидаврийцев послать жертвы в храм Аполлона Пифаеского, которые они были обязаны послать как дань за приречные заливные луга (храм этот находился под верховной опекой и защитой аргосцев). Но и без указанного повода (который был лишь предлогом) Алкивиад и аргосцы решили при любой возможности любыми средствами заставить эпидаврийцев присоединиться к союзу, чтобы обеспечить нейтралитет Коринфа и дать возможность афинянам переправлять свое войско в Аргос кратчайшим путем из Эгины (а не плыть вокруг Скиллейского мыса). Аргосцы действительно сами собирались вторгнуться в Эпидавр под предлогом взыскания с эпидаврийцев жертвы.

54. Приблизительно в это же время и лакедемоняне со всем своим ополчением выступили под предводительством царя Агиса, сына Архидама, в поход на Левктры, что на границе Лаконии по направлению к Ликею. Никто, даже города, доставившие войско, не знал, куда они идут. (2) Однако жертвоприношения на границе оказались неблагоприятными, и лакедемоняне возвратились домой, оставив союзникам приказ готовиться к походу по окончании следующего священного дорийского месяца карнея. (3) После ухода лакедемонян аргосцы вторглись в Эпидаврийскую область за четыре дня до конца месяца, предшествующего карнею, продлили этот календарный день на все время похода и принялись разорять эту область. (4) Тогда эпидаврийцы призвали на помощь союзников. Некоторые из них, однако, отказались помочь, сославшись на священный месяц; другие же дошли до границы Эпидавра, но там остановились.

55. В то время, когда аргосцы находились в Эпидаврийской области, в Мантинею по приглашению афинян собрались послы от разных городов. Во время переговоров коринфянин Евфамид заявил, что речи послов расходятся с делами: ведь пока здесь на совещаниях идет речь о мире, Эпидавр с союзниками и аргосцы противостоят друг другу с оружием в руках. Пре-

жде всего уполномоченным обеих сторон следовало бы отправиться на место и настоять на прекращении враждебных действий, а затем они могут вернуться назад и снова начать переговоры о мире. (2) Собрание согласилось с этим советом. Уполномоченные отправились в Эпидавр и заставили аргосцев отступить. Затем послы вновь собрались в Мантинее, однако и теперь не смогли договориться, и аргосцы снова вступили в Эпидаврийскую область и начали ее разорять. (3) Лакедемоняне также пошли походом на Карии. Когда же жертвоприношения на границе оказались и на этот раз неблагоприятными, лакедемоняне возвратились назад. (4) Между тем аргосцы, опустошив около трети Эпидаврийской области, также вернулись домой. Тысяча афинских гоплитов под начальством Алкивиада пришла им на помощь. Однако, узнав, что поход лакедемонян закончен и они больше не нужны, афиняне возвратились назад. Так прошло лето.

56. Следующей зимой лакедемоняне отправили морем в Эпидавр тайно от афинян 300 воинов во главе с Агесиппидом для охраны. (2) Аргосцы прибыли в Афины с жалобой на то, что афиняне, вопреки пункту договора, запрещающему врагам проход через землю одного из союзников, разрешили лакедемонянам пройти морем вдоль их берегов: поэтому, если афиняне не доставят в Пилос мессенцев и илотов, чтобы опустошать набегами Лаконию, то они, аргосцы, сочтут это нарушением союзного договора. (3) По предложению Алкикивиада афиняне приписали на лаконской стеле на Акрополе, что лакедемоняне нарушили клятву, и затем переправили в Пилос илотов (недавно поселенных в Краниях), чтобы оттуда грабить Лаконию, но в остальном не проявляли враждебности. (4) Война аргосцев с эпидаврийцами в эту зиму продолжалась, однако дело не дошло до настоящей битвы. Происходили лишь мелкие стычки и нападения из засады, причем всякий раз с обеих сторон погибало по нескольку человек. (5) В конце зимы и уже с наступлением весны аргосцы двинулись на Эпидавр с лестницами для штурма (полагая, что в городе из-за войны нет защитников), чтобы взять его с налета, но были вынуждены уйти ни с чем. И так эта зима кончилась, а с ней приходил к концу и тринадцатый год войны.

57. Между тем лакедемоняне увидели, что их эпидавр-
 рийские союзники в тяжелом положении, а остальные

пелопоннесские города либо уже отпали от них, либо ненадежны. (2) Они решили тогда, что если не предпринять предупредительных мер, то события будут развиваться в опасном для них направлении. Поэтому в середине следующего лета сами лакедемоняне выступили в поход на Аргос во главе с царем Агисом, сыном Архидама, со всем своим войском и илотами. (3) В походе приняли участие также тегейцы и остальные союзные аркадские города. Другие союзники из Пелопоннеса и из-за Истма собрались во Флиунте: из Беотии прибыло 5000 гоплитов и столько же легковооруженных, 500 всадников с сидящим за каждым всадником пехотинцем; из Коринфа — 2000 гоплитов, из остальных городов кто сколько смог выставить, а из Флиунта все войско, потому что союзное войско собиралось на их земле.

58. Между тем аргосцы уже заранее получили сведения о военных приготовлениях лакедемонян. Видя теперь, что лакедемоняне действительно двинулись во Флиунт на соединение с союзниками, аргосцы также выступили в поход. К ним присоединились мантинейцы со своими союзниками и 3000 элейских гоплитов. (2) Продвигаясь вперед, аргосцы встретили лакедемонян у Мефидрия в Аркадии, где оба войска заняли позиции на холмах. Аргосцы готовились сразиться с лакедемонянами прежде их соединения с союзниками. Но царь Агис ночью поднял свое войско и незаметно выступил во Флиунт к союзникам. (3) На заре аргосцы узнали об его уходе и также двинулись сначала в Аргос, а затем на Немейскую дорогу, по которой, как они предполагали, лакедемоняне с союзниками спустятся на равнину. (4) Однако Агис против их ожидания не пошел по этой дороге, но спустился на аргосскую равнину с лакедемонянами, аркадцами и эпидаврийцами (которым он отдал соответственный приказ) по другой, более трудной дороге. Коринфяне, пелленцы и флиунтцы также шли другим крутым путем. Беотийцам, мегарцам и сикионцам было приказано спуститься по Немейской дороге, где находились аргосцы, для того чтобы, если аргосцы вернутся и нападут на отряд Агиса на равнине, была бы возможность преследовать их конницей. (5) Расположив в таком порядке свои отряды, Агис двинулся на равнину и стал опустошать Саминф и другие местности.

59. При известии об этом аргосцы уже днем выступили из Немеи на помощь. Встретив отряды флиунтцев

и коринфян, они перебили несколько флиунтцев, а сами потеряли в стычке с коринфянами немногим больше. (2) Беотийцы же, мегарцы и сикионцы, согласно приказу, шли по Немейской дороге, однако аргосцев они там уже не нашли, так как те, видя опустошение своей земли, спустились на равнину и стали строиться в боевой порядок для битвы. Лакедемоняне, со своей стороны, также готовились к бою. (3) Аргосцы были теперь окружены врагами. Со стороны равнины их отрезали от главного города лакедемоняне с союзниками, со стороны холмов на равнине преграждали путь коринфяне, флиунтцы и пелленцы, а со стороны Немеи — беотийцы, сикионцы и мегарцы. Конницы у аргосцев не было, а единственные союзники, имевшие конницу — афиняне, еще не прибыли. (4) Однако большинство аргосцев и их союзников в данный момент не считали свое положение столь опасным. Напротив, они думали, что можно будет дать битву при благоприятных условиях на выгодной позиции и как раз в своей стране вблизи от своего города поймать лакедемонян в ловушку. (5) Однако двое аргосцев — Фрасил (один из пяти стратегов) и Алкифрон, проксен лакедемонян,— подошли к Агису, когда оба войска должны были уже вступить в бой, и стали уговаривать его не давать сражения. Аргосцы, говорили они, готовы уладить взаимные претензии на приемлемых для обеих сторон условиях и удовлетворить возможные жалобы лакедемонян и впредь желают жить с ними в мире.

60. Оба аргосца действовали при этом лишь по собственному почину, а не по поручению аргосского народа. Агис также принял их предложения своей властью, не обсуждая с большинством военачальников отдельных отрядов. Он сообщил о своем решении только одному высшему лакедемонскому должностному лицу в его войске и заключил с аргосцами перемирие на 4 месяца, в течение которых те должны были выполнить соглашение. После этого царь тотчас же увел свое войско, не сказав ничего военачальникам остальных союзников. (2) Лакедемоняне и союзники, правда, подчинились приказу согласно воинской дисциплине, но между собой тем более резко порицали царя. Действительно, здесь, по их мнению, была упущена прекрасная возможность дать бой врагу: ведь враг был со всех сторон окружен их пехотой и конницей, и все-таки им

пришлось уйти, не совершив ничего достойного столь великой боевой силы. (3) И в самом деле, никогда еще в Элладе до этого дня не собиралось такого прекрасного войска. Вид его был совершенно поразителен, когда после соединения оно стояло еще у Немеи. Лакедемоняне стояли там со всеми своими боевыми силами; рядом выстроились в боевом порядке аркадцы, беотийцы, коринфяне, сикионцы, пелленцы, флиунтцы и мегарцы — отборные воины из каждого города, которые могли бы, вероятно, сразиться не только с аргосцами и их союзниками, но даже с еще более многочисленным противником. (4) Так войско отправилось в обратный путь и, проклиная Агиса, разошлось по домам. (5) Аргосцы, со своей стороны, между тем также были недовольны и еще более резко обвиняли своих земляков, заключивших перемирие без народного одобрения. Они также думали, что столь благоприятный случай больше никогда не повторится и что они позволили лакедемонянам ускользнуть: ведь битва произошла бы у ворот их города, и с ними было большое число храбрых союзников. (6) На обратном пути, дойдя до ущелья Харадры (где после похода обычно происходит суд перед вступлением в город), аргосцы стали побивать Фрасила камнями. Ему удалось спастись под защиту алтаря. Но имущество его было конфисковано.

61. Вскоре после этого прибыли афинские подкрепления из 1000 афинских гоплитов и 300 всадников под начальством Лахеса и Никострата. Хотя аргосцы и были недовольны перемирием, но разорвать договор с лакедемонянами все же не решались. Они просили афинян покинуть Аргос и сначала даже не допустили их в народное собрание, с которым афиняне желали договориться, пока не были вынуждены к этому настоятельными требованиями мантинейцев и элейцев, еще находившихся в Аргосе. (2) Афинские послы, среди которых был и Алкивиад, заявили в народном собрании аргосцам и союзникам, что аргосцы не имели права заключать перемирие без согласия остальных союзников и теперь (раз афиняне прибыли в благоприятный момент) следует продолжать войну. (3) Союзники согласились с этим, и тотчас все, кроме аргосцев, выступили против аркадского Орхомена. Хотя аргосцы были того же мнения, они сначала не присоединились, но позднее также пришли. (4) Общими силами союз-

ники, окружив Орхомен, начали осаду города и неоднократно пытались взять его штурмом. Они стремились захватить этот город в особенности потому, что лакедемоняне поместили там аркадских заложников. (5) При слабости своих укреплений жители Орхомена опасались, что не устоят перед столь многочисленным войском и погибнут до прибытия какой-либо помощи. Поэтому они решили сдаться, согласившись на союз с аргосцами, а также выдать мантинейцам от себя заложников и освободить тех, которые были оставлены у них лакедемонянами.

62. Захватив Орхомен, союзники стали совещаться, против кого им пойти в первую очередь. Элейцы требовали похода на Лепрей, а мантинейцы — на Тегею. Аргосцы и афиняне присоединились к мнению мантинейцев. (2) После этого элейцы с досады, что союзники решили на Лепрей не нападать, возвратились по домам. Остальные же союзники в Мантинее стали готовиться к нападению на Тегею, тем более что среди тегейцев имелись люди, готовые предать город.

63. Между тем после заключения четырехмесячного перемирия и ухода лакедемонян из Аргосской области лакедемоняне стали резко упрекать Агиса за то, что тот не завоевал Аргоса (для чего, по их мнению, представлялся удобный случай, какого никогда не было: нелегко вновь собрать такое множество сильных союзников). (2) Но когда донеслась весть о взятии Орхомена, лакедемоняне вознегодовали еще более: в гневе, вопреки своему обычаю, они решили было срыть дом Агиса и наложить на него штраф в 100 000 драхм. Но царь начал упрашивать их не делать этого. (3) Он обещал загладить свою вину в следующем походе; в противном случае, говорил он, пусть с ним поступят, как им угодно. (4) Лакедемоняне отказались от наложения штрафа и разрушения дома царя, но приняли по этому случаю постановление, какого еще никогда не было у них: они приставили к царю 10 спартиатов советниками, без согласия которых он не имел права выступать с войском из города.

64. Тем временем лакедемоняне получили от своих друзей из Тегеи известие: если они не окажут немедленной помощи, город перейдет на сторону Аргоса и его союзников и почти готов отпасть от лакедемонян. (2) Тогда лакедемоняне с небывалой поспешностью со всем своим войском (включая илотов) выступи-

ли в поход и направились в Оресфий (что в области Меналии). (3) Своим аркадским союзникам они приказали немедленно собраться и следовать за ними в Тегее. Вплоть до Оресфия лакедемоняне шли со всем войском. Отсюда они отослали домой для защиты города шестую часть лакедемонян старшего и младшего возраста и с остальными силами прибыли в Тегею. Вскоре подошли и аркадские союзники. (4) Затем лакедемоняне послали коринфянам, беотийцам, фокийцам и локрам приказ немедленно идти на помощь в Мантинейскую область. Однако этот срочный приказ вызвал у них затруднения. Им пришлось ожидать друг друга, так как нельзя было иначе как всем вместе пройти через промежуточную враждебную им область; но все же они спешили. (5) Лакедемоняне же вместе с прибывшими аркадскими союзниками выступили в Мантинейскую область и, разбив лагерь у святилища Геракла, начали разорять землю.

65. Заметив врагов, аргосцы и союзники заняли позицию на крутом и труднодоступном месте и построились в боевом порядке. (2) Лакедемоняне же подошли к неприятелю на расстояние полета камня или дротика, готовясь к нападению. В это время один старый воин, видя, что лакедемоняне идут на сильно укрепленную вражескую позицию, закричал Агису, что тот думает зло лечить злом. Этим он хотел сказать, что царь желает своим несвоевременным порывом возместить необоснованное отступление от Аргоса. (3) И Агис, то ли из-за этого окрика, то ли потому, что сам переменил свой план, внезапно быстрым маршем отступил без боя. (4) Возвратившись в Тегейскую область, он велел отвести оттуда воды реки в Мантинейскую землю (мантинейцы с тегейцами постоянно воюют из-за этой реки, так как она наносит вред земле, по которой протекает). Агис надеялся, что аргосцы и союзники, узнав об отводе реки, спустятся с холма, чтобы помешать этому; тогда он сможет дать битву на равнине. (5) Итак, царь оставался там весь этот день и велел заняться отводом реки. Аргосцы же и союзники сначала удивились внезапному отступлению врагов (когда те были уже так близко) и не знали, что им и подумать. Затем, однако, когда лакедемоняне стали отступать все дальше и наконец исчезли из вида, сами аргосцы, вместо того чтобы преследовать неприятеля, спокойно стояли на месте. Здесь они снова начали об-

винять своих стратегов за то, что те и раньше дали лакедемонянам возможность ускользнуть, когда они попали в невыгодное положение у Аргоса, и теперь не думают преследовать бегущего врага. Напротив, врагам позволяют спокойно спастись, а их самих предают. (6) Стратеги аргосцев сначала были смущены, а затем увели войско с холма и, продвинувшись на равнину, расположились лагерем перед выступлением на врагов.

66. На следующий день аргосцы и союзники выстроились в боевом порядке, чтобы дать сражение, если враг появится. Лакедемоняне, между тем, возвратились от реки к своему прежнему лагерю близ святилища Геракла. Здесь они увидели неподалеку от себя все вражеское войско, спустившееся с холма и уже выстроенное в боевом порядке. (2) Никогда еще лакедемоняне, насколько они помнили, не были так напуганы, как в тот момент. (3) После короткой задержки они стали готовиться к бою и построились в своем обычном порядке. По обычаю царь Агис отдавал все распоряжения: ведь когда у лакедемонян царь участвует в походе, то все приказы исходят от него. Он передает необходимые распоряжения полемархам, те — лохагам, лохаги — пентеконтерам; эти же — эномотархам, а последние, наконец,— эномотии. Таким образом, приказы царей идут в одном и том же порядке и последовательности и быстро достигают своего назначения. Ведь лакедемонское войско почти целиком состоит из начальников над начальниками и ответственность за точное выполнение приказов лежит на целом ряде лиц.

67. На левом крыле лакедемонян и на этот раз находились скириты — на том месте, на которое лишь они одни из лакедемонян имеют право. Рядом с ними стояли воины, сражавшиеся во главе с Брасидом во Фракии, вместе с неодамодами. Далее по порядку стояли сами лакедемоняне, построенные по лохам, и подле них аркадцы из Гереи; за ними стояли меналийцы; на правом крыле — тегейцы с небольшим числом лакедемонян на самом конце линии. Конница стояла по обоим флангам. Таково было боевое построение лакедемонян. (2) У противников правое крыло занимали мантинейцы, так как сражение происходило на их земле; затем шли аркадские союзники, затем тысяча отборных аргосцев, которые обучались военному делу

с детства на общественный счет; затем — остальные аргосцы, а за ними — союзные клеонцы и орнейцы; наконец, на самом конце левого крыла стояли афиняне со своей конницей.

68. Таковы были построение и приготовления к битве с обеих сторон. Численный перевес был, по-видимому, у лакедемонян. (2) Впрочем, истинную численность обеих армий я точно указать не могу, как по отдельным отрядам, так и в целом. Ведь о числе лакедемонян официально ничего неизвестно из-за скрытности, господствующей у них всюду. С другой стороны, данные о численности войск других народов при известной склонности людей хвастаться мощью своей страны, по-моему, не заслуживают доверия. Тем не менее следующие соображения могут дать некоторое представление о тогдашней численности лакедемонского войска. (3) В этом сражении у них было семь лохов, кроме 600 скиритов; в каждом лохе было по четыре пентекостии, и в каждой пентекостии — четыре эномотии. В первом ряду каждой эномотии сражалось четыре человека. Глубина ряда не всюду, конечно, была одинаковой, но зависела от усмотрения отдельных лохагов; в среднем же она составляла восемь человек. По всей же линии фронта стояло 448 человек, не считая скиритов.

69. Перед началом битвы начальники отдельных отрядов обратились к своим людям со словами ободрения. Мантинейцам говорили, что они будут биться за родину и, кроме того, им придется выбирать между господством и рабством: от первого (узнав его на опыте) они не должны отказываться, с последним же им не следует вновь мириться. Аргосцам внушали: борьба идет за их исконное владычество в Пелопоннесе и за последующее равноправие со Спартой, для того чтобы с ними не покончили навсегда; и, кроме того, за то, чтобы отомстить соседям-врагам за множество нанесенных ими обид. Афинянам говорили, что для них является делом чести совместное сражение со множеством столь доблестных союзников и возможность сравняться с храбрейшими из них. Победив лакедемонян в Пелопоннесе, афиняне расширят и укрепят свое владычество там, и ни один захватчик никогда уже не вступит на их собственную землю. (2) Так воодушевляли вожди аргосцев и их союзников. Лакедемоняне же ободряли отдельные отряды своего войска воинственными пес-

нями и напоминанием о старинной доблести. Они по нимали, что давнишний опыт в военном деле больше значит, чем произносимые перед битвой красноречивые увещания.

70. Затем началась схватка. Аргосцы и союзники стремительным натиском атаковали противника. Лакедемоняне, напротив, двигались медленно под звуки воинственной мелодии, исполняемой множеством флейтистов, стоявших в их рядах. Это заведено у них не по религиозному обычаю, а для того, чтобы в такт музыке маршировать в ногу и чтобы не ломался боевой строй (как обычно случается при наступлении больших армий).

71. Еще до того, как противники сошлись, царю Агису пришло на ум произвести следующий маневр. Обычно все армии при наступлении удлиняют свое правое крыло, причем каждая стремится охватить своим правым крылом левое крыло противника. Ведь каждый воин, опасаясь за свою незащищенную сторону, старается сколь возможно прикрыться щитом своего товарища справа и думает, что чем плотнее сомкнуты ряды, тем безопаснее его положение. Первый повод к этому дает правофланговый воин первого ряда. Он всегда напирает вправо, чтобы отвернуть свою незащищенную сторону от врага, и затем тот же страх заставляет и остальных воинов следовать его примеру. (2) И на этот раз мантинейцы глубоко охватили с фланга линию скиритов, а лакедемоняне и тегейцы на своем правом крыле, поскольку они были многочисленнее, еще дальше зашли за линию афинян. (3) Тогда Агис из опасения обхода своего левого фланга, решив, что мантинейцы уже слишком далеко охватили его левый фланг, дал сигнал скиритам и воинам Брасида вытянуть свою линию в левую сторону от него и выровняться с мантинейцами. Полемархам Гиппоноиду и Аристоклу царь приказал перейти с двумя лохами с правого крыла для заполнения образовавшейся бреши. Он полагал, что его правое крыло все-таки не ослабеет, а левое (против мантинейцев) еще более укрепится.

72. Агис отдал свой приказ в последний момент, когда атака уже началась, и Аристокл и Гиппоноид отказались произвести этот маневр (что впоследствии было сочтено трусостью и за что они поплатились изгнанием из Спарты). (2) Между тем атака врагов началась

раньше, чем ожидал царь, и скириты при отсутствии обоих лохов не смогли своевременно согласно приказу возвратиться на прежнюю позицию, чтобы заполнить образовавшуюся брешь. Хотя лакедемоняне, вообще говоря, сильно уступали врагу в искусстве тактического маневрирования, зато они блестяще доказали свое умение побеждать мужеством. (3) После начала рукопашной схватки правое крыло мантинейцев обратило в бегство лакедемонских скиритов и воинов Брасида. Затем мантинейцы с союзниками и тысяча отборных аргосских воинов хлынули через открывшуюся брешь в рядах лакедемонян и проникли в глубь их войска. Окружив врагов, они убивали бегущих и преследовали их до обозных телег, где также перебили нескольких пожилых воинов, прикрывавших обоз. (4) На этом фланге лакедемоняне терпели поражение. Однако на других участках фронта, и особенно в центре (где стоял царь Агис с 300 телохранителей, так называемых «всадников»), лакедемоняне атаковали аргосских ветеранов и так называемые «пять лохов», а также клеонцев, орнейцев и стоявших рядом с ними афинян и обратили их в бегство. Большинство их не выдержало рукопашного боя и из боязни попасть в плен даже тотчас отступило, а некоторые были смяты и растоптаны своими же.

73. На этом участке фронта отступить пришлось аргосцам и союзникам; разбитые части были отрезаны от центра и отброшены к флангам. Тем временем вытянутое правое крыло лакедемонян и тегейцев стало окружать также и афинян. Теперь опасность грозила афинянам с двух сторон: их окружали с одной стороны, а на другой они уже были разбиты. И, вероятно, афиняне понесли бы наибольшие потери из всего войска, если бы не их конница, сослужившая им хорошую службу. (2) Тем временем Агис, заметив тяжелое положение на своем левом крыле против мантинейцев и тысячи аргосцев, приказал всему войску идти на помощь разбитым частям. (3) Афиняне, между тем, лишь только вражеское войско по этому приказу повернуло влево и стало отходить, успели спокойно отступить вместе с разбитым отрядом аргосцев. Мантинейцы же, их союзники, и отборный отряд аргосцев уже не думали о том, чтобы теснить врага; напротив, видя, что их войско разбито и лакедемоняне победоносно наступают на них, обратились в бегство. (4) При этом манти-

нейцы понесли довольно тяжелые потери, тогда как бóльшая часть отборного отряда аргосцев спаслась. Однако преследование не было настойчивым, и бегство продолжалось недолго. Ведь обычно лакедемоняне сражаются упорно и настойчиво и держатся непоколебимо, пока не победят, но опрокинув врага, долго его не преследуют.

74. Такова или почти такова была эта битва, с древнейших времен величайшая из битв между самыми значительными эллинскими городами. (2) Лакедемоняне, выстроившись на поле битвы перед телами павших врагов, тотчас же воздвигли трофей. Затем они сняли доспехи с убитых врагов, подобрали тела своих воинов и отправили в Тегею, где и предали погребению. Заключив перемирие, они передали неприятелям тела их воинов. (3) Аргосцев, орнейцев и клеонцев пало 700 человек, мантинейцев — 200, афинян вместе с эгинцами — 200 (в том числе и оба стратега). Союзники лакедемонян не понесли значительных потерь. Относительно самих лакедемонян установить истину было трудно. Передавали, однако, что у них пало до 300 человек.

75. Незадолго до этого сражения другой царь, Плистоанакт, выступил из Спарты на помощь с войском, состоявшим из граждан как старшего, так и младшего возраста, и дошел до Тегеи. Однако, получив известие о победе, он возвратился домой. (2) Призыв своих союзников из Коринфа и за Истмом лакедемоняне отменили. Сами они, распустив остальных союзников, также вернулись домой и справляли наступивший праздник Карнеи. (3) Так одним этим подвигом они сняли с себя обвинение в трусости (из-за неудачи на острове), в недостатке проницательности и в медлительности. Теперь видно, что только несчастный случай навлек на них эти обвинения со стороны эллинов, ибо по характеру они оставались все теми же. (4) Накануне этой битвы эпидаврийцы со всем своим войском вторглись в Аргосскую область, воспользовавшись тем, что она лишена защитников. Они перебили там значительную часть охраны, в то время как главные силы аргосцев выступили в поход. (5) После битвы на помощь к мантинейцам прибыли 3000 элейских гоплитов и второй отряд афинян в 1000 человек. Пока лакедемоняне справляли Карнеи, все союзники выступили в поход на Эпидавр и начали возводить осадную стену

вокруг города, разделив между собой работы. (6) Однако вскоре остальные союзники прекратили работы, и лишь афиняне быстро закончили порученную им часть — укрепление мыса, где находилось святилище Геры. В построенном здесь укреплении все союзники оставили охрану и затем разошлись по своим городам. Так кончилось это лето.

76. В самом начале следующей зимы, тотчас после праздника Карнеев, лакедемоняне выступили в поход. Прибыв в Тегею, они послали в Аргос мирные предложения. (2) В Аргосе уже и раньше имелись сторонники лакедемонян, желавшие свергнуть у себя демократию. После неудачной битвы им было уже гораздо легче склонить народ к миру. Сначала они желали заключить мир с лакедемонянами, а позднее и союз и, в случае удачи, напасть на народную партию и свергнуть демократию. (3) И вот в Аргос от лакедемонян прибыл проксен аргосцев Лихас, сын Аркесилая, с двумя предложениями: одно на случай продолжения войны, а другое — если аргосцы пойдут на мир. После долгих переговоров (на которых присутствовал и Алкивиад) сторонникам лакедемонян, выступившим уже открыто, удалось побудить аргосцев принять мирные предложения, гласившие:

77. На следующих условиях угодно народному собранию лакедемонян заключить мир с аргосцами. Аргосцы должны возвратить орхоменцам их детей, менаслийцам взрослых граждан, а лакедемонянам — заложников в Мантинее. Они должны также покинуть Эпидаврскую область и разрушить осадную стену. (2) Если афиняне откажутся уйти из Эпидаврской области, то они будут считаться врагами аргосцев и лакедемонян, а также союзников лакедемонян и аргосцев. (3) Лакедемоняне также обязаны выдать всем городам детей заложников, находящихся в их руках. (4) Что касается жертвы богу, то пусть аргосцы, если пожелают, возложат на эпидаврийцев принесение клятвы или сами принесут ее. (5) Города же в Пелопоннесе, большие и малые, должны быть все независимы, по обычаям предков. (6) Если какой-нибудь город вне Пелопоннеса пойдет со злым умыслом на пелопоннесскую землю, то обе стороны должны, договорившись, принять те меры, чтобы отразить врага, какие признают наиболее справедливыми пелопоннесцы. (7) Все союзники лакедемонян вне Пелопоннеса должны находиться

в одинаковом положении с другими их союзниками и союзниками аргосцев и сохранять свои владения. (8) Обе стороны должны представить союзникам договор для одобрения; если же союзники выставят какие-либо возражения, то должны отослать договор домой.

78. После принятия аргосцами этих мирных предложений лакедемонское войско возвратилось из Тегеи домой. Затем оба города приступили к переговорам, и немного спустя та же самая партия, которая заключила мирное соглашение, добилась отказа от союза с мантинейцами, элейцами и афинянами и заключила союз с лакедемонянами. Договор гласил:

79. Лакедемоняне и аргосцы решили заключить мир и союз на 50 лет на следующих условиях. Они должны подчиняться третейскому суду на справедливых и равных условиях по заветам отцов. Прочие пелопоннесские города могут присоединиться к договору о мире и союзе, сохраняя независимость, государственное устройство и свои владения и подчиняясь третейскому суду на справедливых и равных условиях по заветам отцов. (2) Все союзники лакедемонян вне Пелопоннеса будут в том же положении, что и лакедемоняне, а союзники аргосцев — в том же положении, что и аргосцы, при сохранении своих владений. (3) В случае необходимости общего похода лакедемоняне и аргосцы должны договориться между собой, как совершить его, сколь возможно справедливейшим для союзников образом. (4) Если какой-нибудь город в Пелопоннесе или вне его вступит в спор о границе или по какому-либо другому поводу, то спор следует решать судом. Если между двумя союзными городами возникнут раздоры, то они должны обратиться к посредничеству третьего города, который признают беспристрастным обе стороны. Споры между согражданами следует решать по заветам отцов.

80. На таких условиях был заключен этот мир и союз, и лакедемоняне и аргосцы договорились о возвращении захваченных во время войны земель и по некоторым другим спорным вопросам. Теперь они уже действовали единодушно и решили не принимать афинского глашатая или посольства, если афиняне не уйдут из Пелопоннеса и не покинут своих тамошних укреплений. И впредь они решили воевать и заключать мир только сообща. (2) Вообще союзники действовали с большой энергией. Так, оба города отправили по-

сольства к фракийским городам и к Пердикке, которого они убедили присоединиться к союзу. Впрочем, Пердикка не сразу изменил афинянам, но задумал изменить по примеру аргосцев (ведь и сам он был аргосского происхождения). С халкидцами союзники возобновили прежний договор и заключили новый. (3) Аргосцы отправили также послов в Афины с требованием покинуть укрепление в Эпидавре. Так как афинский отряд составлял лишь незначительную часть гарнизона, то афиняне послали Демосфена вывести его. По прибытии в Эпидавр Демосфен устроил для виду гимнастическое состязание перед укреплением и, когда остальной гарнизон вышел из крепости, он велел закрыть ворота. Впоследствии, после возобновления договора с эпидаврийцами афиняне передали укрепление им.

81. После выхода аргосцев из союза мантинейцы еще некоторое время сопротивлялись, но без аргосцев они были беспомощны и поэтому им пришлось также согласиться на мир с лакедемонянами, отказавшись от господства над городами. (2) Затем лакедемоняне и аргосцы выступили совместным походом, выставив с каждой стороны по 1000 воинов. Сначала лакедемоняне одни пришли в Сикион и установили там еще более удобное для них олигархическое правление, а потом оба союзника вместе покончили с демократией и в самом Аргосе, заменив ее дружественной лакедемонянам олигархией. Это произошло уже в конце зимы и начале весны. Так окончился четырнадцатый год войны.

82. Следующим летом жители Дия на Афоне, изменив афинянам, перешли на сторону халкидцев, а лакедемоняне установили в Ахайе более соответствующую их интересам форму правления. (2) Между тем народная партия в Аргосе, поспешно объединив свои силы, снова обрела мужество: выждав время празднования Гимнопедий в Лакедемоне, демократы напали на олигархов. При этом дело дошло до уличных боев, и народ одержал верх: при этом сторонники олигархов были частью перебиты, а частью изгнаны. (3) Друзья олигархов призвали на помощь лакедемонян. Последние, однако, заставили себя слишком долго ждать, но затем все-таки отложили празднование Гимнопедий и выступили в поход. Впрочем, узнав в Тегее о поражении олигархов, лакедемоняне не пожелали, несмо-

тря на просьбы изгнанников, идти дальше и возвратились домой справлять Гимнопедии. (4) Немного спустя в Лакедемон прибыли послы от аргосцев, захвативших власть в городе, и от изгнанников. После долгого обсуждения в присутствии союзников лакедемоняне осудили победившую партию и решили идти в поход на Аргос. Но тут, однако, возникли препятствия и проволочки. (5) Между тем народная партия в Аргосе из боязни лакедемонян вновь стала склоняться к союзу с Афинами, ожидая для себя в результате этого большой выгоды. Затем, готовясь отразить нападение лакедемонян, демократы начали строить длинные стены до моря, чтобы в случае блокады с суши обеспечить с помощью афинян подвоз продовольствия морем. (6) Некоторые из пелопоннесских городов знали о постройке стены. В Аргосе весь народ — сами граждане с женами и рабами принялись возводить стену, и афиняне послали им плотников и каменщиков. Так кончилось лето.

83. Следующей зимой лакедемоняне, узнав о строительстве стены, выступили с союзниками (кроме коринфян) в поход на Аргос. В самом Аргосе также была партия, сочувствовавшая лакедемонянам. Во главе похода стоял Агис, сын Архидама, царь лакедемонян. (2) Надежды лакедемонян на помощь из города не оправдались. Впрочем, лакедемонянам удалось захватить и разрушить строившуюся стену. Они также заняли Гисий (место в Аргосской области) и перебили всех захваченных в плен свободных жителей. Затем лакедемоняне и союзники снова отступили и разошлись по своим городам. (3) После этого аргосцы также пошли в поход на Флиунтскую область (потому что большая часть их изгнанников нашла приют и поселилась во Флиунте). Разорив землю флиунтцев, аргосцы возвратились домой. (4) В ту же зиму афинская эскадра блокировала македонское побережье. Афиняне осуждали Пердикку за союз с лакедемонянами и аргосцами, а также за то, что царь бросил их на произвол судьбы, когда они собирались послать войско во главе с Никием, сыном Никерата, против фракийских халкидян и Амфиполя. Поход не удался главным образом из-за измены Пердикки. Теперь он стал врагом афинян. Так окончилась зима и с нею пятнадцатый год войны.

84. На следующее лето Алкивиад, отплыв на 20 кораб-
394 лях в Аргос, приказал схватить там 300 аргосцев, подо-

зреваемых в сочувствии лакедемонянам. Афиняне поместили их на одном из подвластных им островов, находившемся поблизости. Затем афиняне выступили в поход на остров Мелос с эскадрой в составе 30 своих кораблей, 6 хиосских и 2 лесбосских, имея на борту 1200 гоплитов, 300 лучников, 20 конных стрелков из самих Афин и еще около 1500 воинов от союзников и островитян. (2) Мелос — лакедемонская колония, и жители ее не желали подчиняться афинянам подобно другим островитянам. Сначала мелосцы пытались оставаться нейтральными. Затем, когда афиняне стали принуждать их подчиниться, опустошая остров, дело дошло до открытой войны. (3) Итак, стратеги Клеомед, сын Ликомеда, и Тисий, сын Гисимаха, расположились на острове лагерем с упомянутыми силами. Однако до начала враждебных действий они отправили послов, чтобы договориться с мелосцами. Мелосцы же не допустили послов в народное собрание, но предложили изложить свое поручение в кругу властей и нескольких знатнейших граждан.

85. Афинские послы сказали следующее: «Наши переговоры ведутся не в народном собрании, очевидно, с той целью, чтобы мы сразу не ввели в обман ваших людей, если бы смогли развернуть перед ними в одной связной речи соблазнительные и неопровержимые доводы. Мы ведь понимаем, что ради этого вы и привели нас в этот тесный круг. Оградите же себя от этого соблазна еще вернее, вы, заседающие здесь; судите не по одной речи: вы можете прерывать нас и возражать по каждому отдельному пункту в случае несогласия с ним. И прежде всего скажите, согласны ли вы с нашим предложением?»

86. Мелосские синедры отвечали: Мы не возражаем против вашего благожелательного предложения спокойно обсудить дело. Однако ваши военные приготовления (а не только намерения) явно противоречат вашим словам. (2) Ведь мы видим, что вы пришли сюда как судьи с притязанием на окончательное решение в предстоящих переговорах. И, по всей вероятности, если мы при этом останемся правы, а потому не уступим, то будет война; если же согласимся, то нас ожидает рабство.

87. Афиняне. Конечно, если вы пришли, чтобы строить догадки о будущем или с какой-либо иной целью, а не для того, чтобы обсуждать меры для спасения вашего

города, мы можем кончить переговоры. Если же вы пришли для такого обсуждения, то мы можем к нему приступить.

88. Мелосцы. Людям в нашем положении естественно и простительно много говорить и высказывать различные мнения. И притом, это собрание созвано для нашего спасения. Поэтому пусть обсуждение, если вам угодно, идет, как предлагаете вы.

89. Афиняне. Очень хорошо. Однако мы и сами не будем прибегать к красивым, но неубедительным словам, распространяясь о том, что наше право на владычество приобретено победой над Мидянином или что мы пришли наказать вас за причиненную обиду, и вас просим — не думайте убедить нас тем, что вы, будучи колонией лакедемонян, не участвовали в их походах, или тем, что никогда не чинили нам обид: добивайтесь только того, что и вы и мы по здравому рассуждению одинаково считаем возможным. Ведь вам, как и нам, хорошо известно, что в человеческих взаимоотношениях право имеет смысл только тогда, когда при равенстве сил обе стороны признают общую для той и другой стороны необходимость. В противном случае более сильный требует возможного, а слабый вынужден подчиниться.

90. Мелосцы. Как нам по крайней мере кажется, полезно,— раз уж вы решили, устранив вопрос о праве, говорить только о пользе, чтобы вы не отменяли понятие общего блага; чтобы с каждым человеком, находящимся в опасности, поступали по пристойной справедливости и чтобы получил какую-то помощь и тот, чья правота не доказана с полной очевидностью. (2) И это так же в ваших интересах, как и в наших, тем более что в случае падения вы подадите другим пример жестокого возмездия.

91. Афиняне. Мы не падаем духом при мысли, что может наступить конец нашему владычеству. Ведь не те, кто господствует над другими, как лакедемоняне, страшнее всего побежденным (да и не с лакедемонянами теперь у нас идет борьба), но гораздо опаснее подчиненные, если они восстанут против своих властителей и победят их. (2) Но заботу об этом вы уж предоставьте нам. Мы постараемся показать вам, что пришли ради пользы нашего владычества, и будем говорить с вами теперь о спасении вашего города. Ведь мы не желаем такого господства над вами, которое было бы

для вас тягостно; напротив, мы хотим вашего спасения к обоюдной выгоде.

92. Мелосцы. Но как же рабство может быть нам столь же полезно, как вам владычество?

93. Афиняне. Потому что вам будет выгоднее стать подвластными нам, нежели претерпеть жесточайшие бедствия. Наша же выгода в том, чтобы не нужно было вас уничтожить.

94. Мелосцы. Но не согласитесь ли вы оставить нас нейтральными, не врагами вам, а друзьями, с условием не вступать ни в один из союзов?

95. Афиняне. Ваша неприязнь вредит нам не столь сильно: ваша дружба в глазах подвластных нам будет признаком нашей слабости, а вражда ваша — доказательством мощи.

96. Мелосцы. Неужели подвластные вам считают правильным не делать различия в отношении к городам, вовсе независимым от вас, и теми вашими колониями, которые после восстания вновь подчинены вами?

97. Афиняне. По мнению наших подданных, ни у тех, ни у других нет недостатка в возражениях. Все же они понимают, что независимые города сохраняют свободу потому лишь, что в состоянии защищаться, и мы не нападаем на них из страха. Поэтому ваше подчинение, помимо расширения нашего господства, усилит нашу безопасность. Тем более, что мы господствуем на море и вы, как островитяне, будучи слабее других островитян, должны нам подчиниться.

98. Мелосцы. А разве наше предложение не может обеспечить вам безопасности? Но так как вы, отклонив наши соображения, основанные на требованиях справедливости, убеждаете нас подчиниться требованиям вашей выгоды, то и мы также попытаемся объяснить вам нашу выгоду, убедить вас в том, что она совпадает с вашей. (2) Неужели вы хотите все нейтральные города сделать своими врагами? Ведь, увидев нашу участь, они поймут, что когда-нибудь придет и их черед. Разве этим вы еще больше не усилите ваших нынешних врагов и не заставите против воли стать вашими врагами тех, кто и не помышлял об этом?

99. Афиняне. Нам вовсе не так опасны какие-то материковые города, которые еще долго будут медлить с мероприятиями для защиты своей свободы. Мы опасаемся скорее независимых островитян вроде вас и всех, которые уже раздражены необходимостью под-

чиниться нам. Ведь эти еще не покоренные города, дав волю своему безрассудству, скорее всего подвергнут и самих себя, и нас явной опасности.

100. Мелосцы. Действительно, если и вы идете на столь великую опасность, чтобы сохранить свое господство, и уже порабощенные города — чтобы освободиться от него, то для нас, еще свободных, было бы величайшей низостью и трусостью не испробовать все средства спасения, прежде чем стать рабами.

101. Афиняне. Вовсе нет, если только вы здраво рассудите. Ведь вы не состязаетесь в доблести с равным противником, которому уступить зазорно, а ищете спасения, встретив противника, которому вы не в силах противостоять.

102. Мелосцы. Как известно, военное счастье иной раз благоприятствует даже более слабому и разница в силах обоих противников не дает безусловного перевеса одному из них. Если мы тотчас уступим вам, то лишаемся всякой надежды; если же будем действовать, то у нас останется хоть надежда выстоять.

103. Афиняне. Надежда, утешение во всякой опасности, если и повредит человеку, располагающему избытком средств, то не погубит его окончательно. Но тот, кто ставит на карту все свое состояние (ведь надежда по природе расточительна), лишь в самый момент своего полного крушения, когда уже поздно остерегаться, видит всю ее обманчивость. (2) Вы бессильны, и ваше существование на волоске. Не подвергайте же себя такой опасности, не повторяйте ошибок большинства людей, которые в беде или во время недуга, когда спасение еще не превышает человеческих возможностей, пренебрегши действительными надеждами, обращаются к призрачным и прибегают к предсказаниям, оракулам и подобным обманным средствам, которые верящим в них несут гибель.

104. Мелосцы. Будьте уверены, мы хорошо знаем, как трудно бороться против вашего могущества и счастья (если оно и тут даст вам преимущества). Однако мы все же верим, что божество нас не умалит, ибо мы благочестиво противостоим вам, поступающим неправедно. Недостаток военных сил нам возместит союз с лакедемонянами, которые, хотя бы ради племенного родства и из чувства чести, должны оказать нам помощь. Поэтому-то наша решимость сопротивляться не так уж неразумна.

105. Афиняне. Благость богов, надеемся, не оставит и нас, ибо мы не оправдываем и не делаем ничего противоречащего человеческой вере в божество или в то, что люди между собой признают справедливым. (2) Ведь о богах мы предполагаем, о людях же из опыта знаем, что они по природной необходимости властвуют там, где имеют для этого силу. Этот закон не нами установлен, и не мы первыми его применили. Мы лишь его унаследовали и сохраним на все времена. Мы уверены также, что и вы (как и весь род людской), будь вы столь же сильны, как и мы, несомненно, стали бы так же действовать. (3) Итак, со стороны божества, у нас, полагаем, нет оснований опасаться поражения. Что же до лакедемонян, то если вы воображаете, что они чести ради помогут вам, то мы преклоняемся перед вашим прекраснодушием, но не завидуем вашему неразумию. (4) Лакедемоняне сами по себе, в большинстве своих внутренних установлений проявляют много доблести. О внешней же их политике многое можно было бы сказать, но лучше, пожалуй, обобщая, охарактеризовать ее так: среди всех известных нам людей они с наибольшей откровенностью отождествляют приятное для них — с честным, а выгодное — со справедливым. А при таком образе их мыслей видеть в них вашу надежду на спасение в нынешних условиях неосновательно.

106. Мелосцы. Однако именно этот их образ мыслей и позволяет нам верить, что они, соблюдая свою выгоду, не захотят предать мелосцев, своих колонистов, утрачивая доверие своих друзей в Элладе и потворствуя своим врагам.

107. Афиняне. Но разве вы не думаете, что выгода зависит от безопасности, а справедливая и честная политика приносит только опасность? На эту политику лакедемоняне большей частью и не осмеливаются.

108. Мелосцы. Все же думается, что ради нас они будут готовы скорее, чем ради других, подвергнуться риску, и сочтут его в этом случае меньшим. Ведь мы находимся вблизи от театра военных действий в Пелопоннесе, и лакедемоняне могут скорее положиться на нашу преданность им, так как мы — их соплеменники.

109. Афиняне. Тот, кого призывают на помощь на войне, находит опору не в доброжелательстве ищущего помощи, но в превосходстве его военной мощи. И лакедемоняне придают этому больше значения, чем дру-

гие: они так мало доверяют собственным военным силам, что нападают на соседей только вместе с многочисленными союзниками. Поэтому маловероятно, чтобы при нашем господстве на море они переправились на ваш остров.

110. Мелосцы. Но они ведь могут послать нам и союзников. Ведь Критское море велико, и поэтому господствующему на нем флоту труднее захватить противника, чем последнему скрыться от него. (2) Если же лакедемонянам не удастся помочь нам на море, они могут напасть на вашу землю и на ваших союзников (еще оставшихся у вас после похода Брасида). Тогда вам придется воевать уже не за чужую страну, но за союзную область и вашу собственную зе́млю.

111. Афиняне. Если действительно случится что-либо подобное, то для нас это не будет неожиданностью, да и вам по опыту известно, что афиняне еще никогда не снимали осады из страха перед врагом в другом месте. (2) Мы замечаем, однако, что несмотря на то, что вы, по вашим словам, желаете договориться о спасении вашего города, вы в этой долгой беседе вовсе не упомянули о средствах спасения, на которые люди обычно рассчитывают. Ваша крепчайшая опора — это надежда на будущее. Ваши собственные силы слишком слабы в сравнении с противостоящей вам теперь мощью, которую вам не одолеть. Поэтому с вашей стороны было бы весьма неразумно, отсылая нас, не принять более здравого решения. (3) Вы не поддадитесь, конечно, тому ложному чувству чести, которое в явных и несущих позор и опасность положениях чаще всего толкает людей на гибель. Действительно, многие заранее видели, что им предстоит, но так называемое чувство чести соблазнительной силой этого слова довело их до того, что они, склонившись перед ним, попадали в непоправимые беды, а затем прибавляли к ним еще больший позор, скорее из-за своего постыдного безрассудства, чем в силу неблагоприятных обстоятельств. (4) Итак, будьте же благоразумны и остерегайтесь этого. Не думайте, что противоречит нашей чести отказ от сопротивления великой державе, которая выставляет умеренные требования, заключающиеся в том, чтобы вы присоединились к союзу с нею (с уплатой дани), сохраняя владение своей землей. Если вам предлагают выбор: война или безопасность — не настаивайте из упрямства на худшем. Ведь те, кто не уступает

равным себе, с могущественными ведет себя благоразумно, а со слабыми — умеренно, преуспеют более всего. (5) Итак, после нашего ухода всесторонне обсудите положение и подумайте, что вы решаете судьбу отечества, преуспевание или гибель которого теперь всецело зависит от единого вашего решения.

112. Затем афиняне покинули собрание. Мелосцы же, оставшись одни, посоветовались между собой и приняли решение в том же смысле, как они высказывались уже раньше во время переговоров с афинянами, и отвечали так: (2) «Афиняне! Наше мнение и воля неизменны, и мы не желаем в один миг отказываться от свободы в городе, существующем уже 700 лет. Полагаясь на судьбу, до сих пор по божественной воле хранившую нас, и на помощь людей и в их числе лакедемонян, мы попытаемся сохранить нашу свободу. (3) Мы предлагаем вам мир и дружбу, но в войне желаем остаться нейтральными и просим вас покинуть нашу страну, заключив приемлемый для обеих сторон договор».

113. Таков был ответ мелосцев. Афиняне же, считая, что на этом переговоры закончены, ответили им: «Итак, если судить по вашим решениям, то вы — единственные люди, для кого будущее достовернее настоящего, которое у вас пред глазами, и вы принимаете незримое за уже осуществляющееся, так как оно вам желательно. Предавшись всецело вере в лакедемонян и в судьбу, вы рискнули всем, но вы все и потеряете!»

114. Затем афинские послы возвратились в свой лагерь. А так как мелосцы не пошли ни на какие уступки, то афинские военачальники тотчас же открыли военные действия: распределив осадные работы между отдельными городами, они окружили мелосцев осадной стеной. (2) Потом афиняне снова отступили с большой частью войска, оставив гарнизон из граждан и союзников. Оставшиеся продолжали осаду города с моря и с суши.

115. Приблизительно в то же время аргосцы совершили набег на Флиунтскую область, но попав в засаду, устроенную флиунтцами и аргосскими изгнанниками, потеряли до 80 человек. (2) Афинский гарнизон в Пилосе захватил большую добычу у лакедемонян. За это лакедемоняне, не отказываясь от мирного договора, открыли военные действия. Они приказали объявить,

что любому лакедемонянину разрешается совершать грабительские набеги на афинян. (3) Затем коринфяне из-за каких-то своих частных распрей начали войну с афинянами. Прочие пелопоннесцы оставались в покое. (4) Мелосцы ночным нападением захватили часть афинской осадной стены близ лагерного рынка, перебили несколько человек из афинской стражи и ввезли в город сколько могли хлеба и другого продовольствия. Затем мелосцы отступили и больше вылазок не возобновляли. После этого афиняне установили более строгую охрану стены. Так окончилось лето.

116. Следующей зимой лакедемоняне собрались походом на аргосскую землю, но возвратились домой ввиду того, что пограничные жертвоприношения оказались неблагоприятными. Эти сборы лакедемонян дали повод аргосцам подозревать некоторых граждан в городе в сочувствии лакедемонянам. Часть подозреваемых была схвачена, а другим удалось бежать. (2) Около этого же времени мелосцам удалось захватить другую плохо охраняемую часть осадной стены афинян. (3) После этого из Афин на помощь осаждающим прибыли новые подкрепления под начальством Филократа, сына Демея. Теперь афиняне всеми силами энергично принялись за осаду, и к тому же в среде самих осажденных завелась измена. Поэтому мелосцам пришлось сдаться на милость победителей. (4) Афиняне перебили всех взрослых мужчин и обратили в рабство женщин и детей. Затем они колонизовали остров, отправив туда 500 поселенцев.

КСЕНОФОНТ

ГРЕЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

КНИГА ПЕРВАЯ

1. ЧЕРЕЗ несколько дней после этого прибыл из Афин Фимохар с несколькими кораблями, и тотчас по его прибытии снова вступили в бой лакедемонская и афинская эскадры, причем победили лакедемоняне, предводительствуемые Агесандридом. Короткое время спустя, в начале зимы, прибыл на рассвете из Родоса в Геллеспонт с флотом из четырнадцати кораблей Дориэй, сын Диагора. Заметив его, афинский караульный оповестил об этом стратегов, и они вышли против него с двадцатью кораблями. Чтобы избежать встречи с ними, Дориэй втащил на берег свои триеры около Ретия.

Когда афиняне приблизились, начался бой с кораблей и с берега; эта битва продолжалась до тех пор, пока афиняне не отплыли в Мадит к остальному войску, не добившись никаких успехов. Миндар из Илия, где он приносил жертву Афине, заметил, как идет эта битва, и решил оказать помощь с моря. Стащив свои триеры в море, он отплыл на соединение с флотом Дориэя.

Но и афиняне со своей стороны выплыли ему навстречу в море и, выстроившись вдоль берега, вступили около Абидоса в бой, продолжавшийся до сумерек. В одних местах побеждали афиняне, а в других сами терпели поражение, когда вдруг приплыл Алкивиад с восемнадцатью кораблями. Тогда пелопоннесцы устремились в бегство к Абидосу; Фарнабаз оказывал им всяческую помощь: и сам он сражался, пока только это было возможно, въехав на лошади в море, и другим своим всадникам и пехотинцам приказывал поступить так же. Пелопоннесцы составили сплошную стену из кораблей и, выстроившись на берегу, под их защитой продолжали бой. Вскоре афиняне уплыли назад в Сест, захватив тридцать вражеских кораблей без экипажа и вернув себе те корабли, которые они сами потеряли в сражении. В Сесте осталось только со-

рок афинских кораблей; прочие разошлись из Геллеспонта в разные стороны для сбора контрибуции, а один из стратегов, Фрасилл, поплыл в Афины, чтобы оповестить афинян о случившемся и попросить войска и кораблей. После этого Тиссаферн прибыл в Геллеспонт, взял в плен Алкивиада, прибывшего к нему на одной только триере с дарами гостеприимства, и заключил его в темницу в Сардах, говоря, что персидский царь повелевает воевать с афинянами. Спустя тридцать дней Алкивиад, вместе с взятым в плен в Карии Мантифеем, раздобыв лошадей, бежал ночью в Клазомены. В это время находившиеся в Сесте афиняне, узнав, что Миндар собирается напасть на них с флотом из шестидесяти кораблей, бежали ночью в Кардию. Туда же прибыл из Клазомен и Алкивиад с пятью триерами и эпактридой. Здесь он узнал, что корабли пелопоннесцев уплыли из Абидоса в Кизик, и отправился сам в Сест во главе отряда пехотинцев, приказав кораблям обогнуть полуостров и прибыть туда же. Когда же они прибыли и Алкивиад уже собирался сняться с якоря и выйти в бой, приплывает Ферамен с двадцатью кораблями из Македонии и Фрасибул также с двадцатью из-под Фасоса; оба в это время уже взыскали контрибуцию. Тогда Алкивиад отплыл в Парий, приказав и им следовать за собой, убрав большие паруса. Затем все корабли, собравшись в Парии в числе восьмидесяти шести, с наступлением ночи снялись с якоря и на следующий день во время завтрака прибыли в Проконнес. Там афиняне узнали, что Миндар находится в Кизике и что там же и Фарнабаз с пехотой. Этот день они провели в Проконнесе, а на следующий Алкивиад, созвав общее собрание войска, выступил с увещательной речью, говоря, что необходимо сражаться и на море и на суше, равно как и вести осаду. «Ведь у нас,— говорил он,— денег нет, а враг получает их в изобилии от персидского царя». Еще накануне, как только они причалили, Алкивиад собрал в кучу вокруг своего судна все корабли, даже самые маленькие, чтобы никто не мог сообщить врагу о числе их, и объявил, что тот, кто будет застигнут переплывающим на материк, будет наказан смертной казнью. Распустив собрание, он сделал все приготовления для битвы и отчалил в Кизик под проливным дождем. Когда же он был уже близ Кизика, погода прояснилась, засияло солнце, и он увидел, что шестьдесят кораблей Миндара, маневрирующие вдали от бухты, отрезаны

им от гавани. Пелопоннесцы, со своей стороны, увидя афинские триеры в гораздо большем числе, чем прежде, и находящимися у гавани, обратились в бегство, устремляясь к суше; они пригнали к берегу корабли и, выстроив их вплотную друг к другу, под защитой их отражали наступающего врага. Алкивиад же обогнув место сражения с двадцатью кораблями из своей эскадры, вышел на берег; увидя это, и Миндар вышел на сушу, где и погиб в сражении, а войско его обратилось в бегство. После этого афиняне уплыли в Проконнес, захватив все корабли, кроме флота сиракузян (последние сожгли свои корабли). Оттуда афиняне на следующий день поплыли на Кизик. Жители его, после того как пелопоннесцы и Фарнабаз ушли отсюда, впустили в город афинян. Алкивиад пробыл здесь двадцать дней и взыскал с кизикиян крупную контрибуцию; затем он отплыл назад в Проконнес, не причинив городу никакого другого ущерба. Отсюда он отплыл в Перинф и Селимбрию, причем перинфияне открыли войску ворота, а селимбрийцы в город войска не впустили, но уплатили контрибуцию. Отсюда они отправились в Хрисополь, расположенный в Калхедонской области, и, обнеся его стеною, учредили здесь таможню, где взымался десятипроцентный сбор с кораблей, приплывающих из Понта. Для охраны были оставлены тридцать кораблей под командой двух стратегов, Ферамена и Евмаха, которые должны были наблюдать за крепостью и выплывающими кораблями и вообще всячески вредить врагу. Прочие же стратеги ушли в Геллеспонт. В это же время было захвачено и доставлено в Афины письмо, посланное в Лакедемон Гиппократом, эпистолеем Миндара. Письмо было такого содержания: «Корыта погибли, Миндар преставился. Экипаж голодает. Как быть, не знаем». Фарнабаз увещевал все пелопоннесское войско и союзников не отчаиваться из-за каких-то корыт, говоря, что их у царя сколько угодно, были бы только воины здравы и невредимы, и дал каждому платье и паек на два месяца. Вооружив матросов, Фарнабаз назначил их на гарнизонную службу в прибережной полосе, находившейся под его властью. Затем, собрав командиров отдельных союзных контингентов и начальников триер, поручил им выстроить в Антандре триеры в таком числе, какое каждый потерял в бою; он дал им деньги и обещал доставлять лес с Иды. Сиракузяне, принимая участие в этих работах по сооружению кораблей,

в то же время помогли жителям Антандра выстроить часть городской стены и, исполняя гарнизонную службу, были с горожанами в лучших отношениях, чем все прочие воины. По этой причине сиракузяне носят в Антандре почетный титул евергетов и пользуются правами гражданства. Устроив это, Фарнабаз тотчас же отправился на помощь в Калхедон.

В это время сиракузские военачальники получили с родины весть, что народное собрание объявило их изгнанниками. Было созвано собрание сиракузских воинов, и Гермократ, выступив от имени всех военачальников, горько жаловался на судьбу, говоря, что они все несправедливо и противозаконно были объявлены изгнанниками, и увещевал воинов и впредь быть такими же храбрыми и повиноваться приказам, как прежде. «Вспомните,— говорил он,— сколько битв вы одержали и сколько кораблей вы захватили одни, без посторонней помощи... А сколько раз вы, под нашей командой, оказались непобедимыми, сражаясь вместе с другими, имея наилучшую военную выправку благодаря как нашему умению, так и вашей храбрости, проявленной вами и на суше и на море». Затем он предложил войску выбрать временных начальников, пока не прибудут с родины выбранные вместо них заместители. Но войско с громким криком настаивало, чтобы они оставались у власти,— особенно же настаивали начальники триер, морские воины и кормчие. Стратеги в ответ на это сказали, что нехорошо устраивать мятеж против своего государства и что они просят только, чтобы выступили имеющие против них обвинения, а они со своей стороны сочтут своим долгом оправдаться. Но никто и ни в чем не обвинял военачальников, и они по общей просьбе остались на занимаемых ими должностях до прибытия заместителей: Демарха, сына Эпикида, Мискона, сына Менекрата, и Потамия, сына Гносия. Большинство начальников триер поклялось, что они, вернувшись на родину, добьются отмены декрета об изгнании; затем их отпустили на все четыре стороны, осыпая похвалами; больше всего горевали при этом приближенные Гермократа, вспоминая о его заботливости, великодушии и общительности: так, например, он два раза в день — рано утром и с наступлением вечера — собирал в свою палатку тех из начальников триер, кормчих и морских воинов, которых считал наиболее даровитыми, и сообщал им содержание своих будущих речей и что он на-

мерен совершать; он занимался также их военным образованием, заставляя их высказывать свои мнения как экспромтом, так и по здравом размышлении. Поэтому-то Гермократ пользовался большим успехом на собраниях, имея репутацию наилучшего оратора и тактика.

Гермократ, после того как он выступил в Лакедемоне с обвинением против Тиссаферна (причем свидетелем был и Астиох) и ему поверили, что он говорит правду, прибыл к Фарнабазу. Он получил деньги прежде, чем он их попросил, и стал готовить наемников и триеры для возвращения в Сиракузы. В это время пришли в Милет преемники сиракузских военачальников и переняли корабли и войско.

В это же время в Фасосе произошел мятеж, и была изгнана лаконофильская партия, а также и гармост лаконец Этеоник. Пасиппид, обвиненный в том, что он вместе с Тиссаферном устроил этот мятеж, был вынужден бежать из Спарты. Для начальствования же над флотом, который тот собрал у союзников, был вызван Кратесиппид и он перенял флот в Хиосе. Приблизительно тогда же — в то время, как Фрасилл находился в Афинах,— Агис, устроив вылазку из Декелеи для фуражировки, подошел к самым афинским стенам. Фрасилл, выведя афинян и всех прочих, находившихся в городе, выстроил их около Ликейского гимнасия, готовых сразиться в случае приближения неприятеля. Агис же, увидя это, быстро увел войско, причем некоторые из воинов его арьергарда — в небольшом, однако, числе — были убиты легковооруженными. Вследствие этого афиняне отнеслись с еще большим энтузиазмом к тому делу, ради которого прибыл Фрасибул, и декретировали ему набор в тысячу гоплитов, сто всадников и пятьдесят триер. Агис же, видя из Декелеи, что в Пирей прибывает много кораблей с хлебом, объявил, что нет никакой пользы в том, что его войско столько времени подряд не дает афинянам собирать хлеб с полей, если только не удастся завладеть и тем пунктом, из которого к ним приходит хлеб по морю; лучше всего было бы, по его мнению, послать в Калхедон и Византий Клеарха, сына Рамфия, византийского проксена. Когда это решение было принято, Клеарх экипировал пятнадцать кораблей из Мегар и от прочих союзников — скорее транспортных, чем боевых,— и отправился в путь. Но из его эскадры три корабля были уничтожены в Геллеспонте теми девятью

аттическими кораблями, которые там все время наблюдали за проходящими судами, а остальные бежали в Сест, а оттуда добрались невредимыми в Византий. Так закончился тот год, в который карфагеняне, отправившись под предводительством Ганнибала походом на Сицилию со ста тысячами войска, в три месяца захватили два греческих города — Селинунт и Гимеру.

2. На следующий год [в который состоялась 93-я Олимпиада, где в дополнительном состязании двуконных колесниц победил Евагор элеец, а в бегах — Евбот киренец, при эфоре Евархиппе в Спарте, при архонте Евктемоне в Афинах] афиняне обнесли стеной Форик, а Фрасилл, получив суда, которые ему были декретированы, и обратив 500 из моряков в пельтастов [чтобы иметь возможность пользоваться также и пельтастами], уплыл в начале лета в Самос. Пробыв там три дня, он поплыл в Пигелы и там опустошал местность и атаковал городские стены. В это время пришел на помощь пигелейцам отряд милетцев и стал преследовать рассеянных по равнине афинских легковооруженных. Пельтасты и два лоха гоплитов бросились на помощь своим легковооруженным, перебили, за исключением нескольких человек, почти всех прибывших из Милета и, захватив около двухсот щитов, поставили трофей. На следующий день афиняне отплыли в Нотий, а оттуда после необходимых приготовлений отправились в Колофон. Колофонцы присоединились к ним, и с наступлением ночи они вторглись в Лидию. Это произошло в такое время года, когда хлеб на полях уже созрел. Здесь афиняне сожгли много деревень и захватили деньги, рабов и другую добычу в большом числе. Перс Стаг, находившийся в этих местах со своей конницей, в то время как афиняне рассеялись из лагеря, каждый за добычей для себя, захватил одного из них живым и семерых убил. После этого Фрасилл отвел войско обратно к морскому берегу, чтобы уплыть в Эфес. Узнав об этом замысле, Тиссаферн собрал многочисленное войско и разослал всадников с извещением, чтобы шли в Эфес, на помощь Артемиде. Фрасилл же на восемнадцатый день после вторжения в Лидию приплыл в Эфес; он высадил гоплитов около Коресса, а всадников, пельтастов, матросов и прочее войско близ болота, расположенного по другую сторону города, и с наступлением дня подвел к городу оба войска. Против них выступили граждане,

а вместе с ними те союзники, которых привел Тиссаферн и сиракузяне как с прежних двадцати кораблей, так и еще с пяти, прибывших только недавно под командой Евкла, сына Гиппона, и Гераклида, сына Аристогена [и, наконец, два селинунтских]. Все они сперва обратились против гоплитов, находившихся в Корессе; обратив их в бегство и убив около ста человек из них, преследовали их до морского берега, после чего обратились против расположившихся у болота. И здесь афиняне бежали, потеряв около трехсот человек. Эфесцы же поставили два трофея: здесь и у Кореса. В этих сражениях сиракузцы и селинунтцы отличились больше всех; за это были розданы награды за храбрость как их государствам, так и отдельным храбрецам из их числа, и каждый желающий получил вечное право жить в Эфесе, не уплачивая податей. Селинунтцам же, так как их город погиб, они дали и право гражданства. Затем афиняне, заключив перемирие для уборки трупов, уплыли в Нотий; похоронив там убитых, они поплыли к Лесбосу и Геллеспонту. Причалив к Мефимне на Лесбосе, они увидели двадцать пять сиракузских кораблей, плывущих мимо из Эфеса; выйдя в море против них, они захватили четыре корабля вместе с экипажем, а остальных отогнали назад в Эфес. Всех пленных Фрасилл отослал в Афины, исключая афинянина Алкивиада, племянника знаменитого Алкивиада, с которым тот вместе бежал. Его Фрасилл приказал побить камнями. Оттуда Фрасилл поплыл в Сест к остальному войску, из Сеста же все войско переправилось в Лампсак.

Затем наступила та самая зима, в которую военнопленные сиракузцы, заключенные в камнеломне в Пирее, прорыв скалу, бежали ночью в Декелею; некоторые бежали также в Мегары.

Когда Алкивиад выстраивал вместе все войско в Лампсаке, старые воины не захотели находиться в одном строю с воинами Фрасилла, так как они сами никогда еще не были поражены, а те пришли к ним после перенесенного поражения. Здесь все они перезимовали, укрепляя Лампсак. Затем пошли походом на Абидос; Фарнабаз выступил против них с многочисленной конницей, но, побежденный в бою, бежал. Алкивиад с конницей и ста двадцатью из числа гоплитов под командой Менандра преследовал его, пока не помешала наступившая ночь. После этой битвы воины по собственному почину сошлись друг с другом и ла-

сково приветствовали прибывших с Фрасиллом. В эту зиму они совершили еще несколько вылазок на материк и опустошали царские владения. В это время лакедемоняне, согласно заключенному перемирию, дали свободный выход гелотам, устроившим мятеж и бежавшим из Малеи в Корифасий. Тогда же ахейцы в Гераклее Трахинской предали поселенных с ними в Гераклее колонистов в то время, как они все стояли в боевом порядке против своих врагов этейцев, так что их погибло около семисот вместе с присланным из Лакедемона гармостом Лаботом. Так закончился тот год, в который мидяне отложились от персидского царя Дария и затем снова подчинились ему.

3. В следующем году был сожжен молнией храм Афины в Фокее. Когда же кончилась зима [при эфоре Пантакле, при архонте Антигене], с наступлением весны [когда с начала войны прошло уже двадцать два года], афиняне уплыли со всем войском. Отправившись оттуда походом на Калхедон и Византий, они расположились лагерем у Калхедона. Заметив приближение афинян, калхедонцы заложили все свое имущество у соседей, вифинских фракийцев. Тогда Алкивиад, взяв небольшое количество гоплитов и всадников и приказав кораблям плыть с ним рядом, прибыл в Вифинию и потребовал выдачи имущества калхедонян, угрожая в противном случае войной. Вифинцы отдали просимое, и Алкивиад, заключив с ними мирный договор, вернулся в лагерь с богатой добычей. Затем он огородил деревянной стеной весь город от моря до моря с перерывом в том месте, где протекала река, причем этот перерыв был сделан настолько узким, насколько это только было возможно; работало при этом все войско. Лакедемонский гармост Гиппократ вывел на бой из города воинов; афиняне выстроились против него, а Фарнабаз, находясь вне ограды, оказывал поддержку пехотой и многочисленной конницей. Долгое время в войсках Гиппократа и Фрасилла сражались только гоплиты, пока не пришел на помощь Алкивиад с небольшим количеством гоплитов и конницей. В этом бою Гиппократ погиб, а его войско бежало в город. Фарнабаз также не имел возможности присоединиться к Гиппократу, так как ограда настолько близко примыкала к реке, что оставалась лишь узкая дорожка, негодная для войска; он удалился к храму Геракла в Калхедонской области, где был расположен его лагерь.

В то же время и Алкивиад отправился в Геллеспонт и на Херсонес для взыскания денег. Прочие же стратеги заключили с Фарнабазом договор, причем он обязался дать афинянам двадцать талантов выкупа за то, чтобы они пощадили Калхедон, и согласился сопровождать их посольство к царю; затем они обменялись с Фарнабазом взаимными клятвами в том, что калхедонцы повинны платить афинянам ту же подать, какую они прежде обыкновенно платили, и обязуются вернуть денежный долг за прежнее время, и что афиняне, со своей стороны, не будут воевать с калхедонянами, пока не вернутся послы от царя. Алкивиад не присутствовал при заключении этого договора,— он был близ Селимбрии. Когда же он взял этот город, он пошел в Византий, ведя с собою все херсонесское ополчение, фракийских солдат и более трехсот всадников.

Фарнабаз, считая справедливым, чтобы и Алкивиад дал клятву, ждал в Калхедоне, пока тот не прибудет в Византий. Алкивиад же, прибыв туда, сказал, что он не поклянется, пока и Фарнабаз также не даст ему клятвы. После этого Алкивиад дал клятву в Хрисополе послам Фарнабаза Митробату и Арнапу, а Фарнабаз — в Калхедоне, алкивиадовым послам Евриптолему и Диотиму. Они произнесли клятвы на верность договору как представители государств, а кроме того, обменялись клятвами и как частные люди. Тогда Фарнабаз тотчас же удалился и приказал отправленным к царю послам встретиться с ним в Кизике. Послами же были афиняне Дорофей, Филодик, Феоген, Евриптолем и Мантифей; с ними отправились аргивяне Клеострат и Пирролох; к ним примыкали еще лакедемонские послы Пасиппид и другие, Гермократ, тогда уже изгнанный из Сиракуз, и брат его Проксен; Фарнабаз дал им провожатых. В это же время афиняне осаждали Византий, обнеся его стеной и завязывая перестрелки и атаки. В Византии в это время начальствовал лакедемонский гармост Клеарх, а с ним было некоторое количество периэков и немного неодамодов, мегарцы под командой Геликса и беотийцы под командой Кератада. Афиняне, не будучи в состоянии добиться чего-либо силой, убедили каких-то византийцев предать город. Гармост Клеарх, будучи уверенным, что никто не решится на предательство, устроив все наилучшим образом и передав команду в городе Кератаду и Геликсу, перешел на другой берег к Фар-

набазу. Это было сделано с целью получить у него жалованье для солдат и собрать корабли — как те, которые были в одиночку оставлены Пасиппидом в геллеспонтских гаванях и в Антандре для сторожевой службы, так и те, которые имел во Фракии Агесандрид, морской офицер Миндара,— а также с тою целью, чтобы в Антандре были выстроены новые корабли. Все эти корабли, собравшись вместе, должны были всячески вредить союзникам афинян, чтобы отвлечь их войско от Византия. Когда же Клеарх уплыл, условившиеся предать город приступили к делу. Это были следующие лица: Кидон, Аристон, Анаксикрат, Ликург и Анаксилай. Последний был некоторое время спустя привлечен к суду в Лакедемоне за это предательство, и ему угрожала смертная казнь, но он добился оправдания, указав, что он не предал города, но спас его, видя, как гибнут от голода женщины и дети... Ведь он византиец, а не лакедемонянин. А весь хлеб, бывший в городе, Клеарх на его глазах отдавал лакедемонским солдатам. Вот почему, говорил Анаксилай, он впустил в город врага, а никак не вследствие подкупа и не из ненависти к лакедемонянам.

Когда были сделаны необходимые приготовления, заговорщики, открыв ночью ворота, выходившие на так называемое Фракийское поле, впустили в город войско и Алкивиада. Геликс и Кератад, не зная ничего о происшедшем, бросились на помощь со всем войском к агоре. Но так как враг занял весь город, они оказались в безвыходном положении и принуждены были сдаться. Оба стратега были отосланы в Афины, но Кератад, когда они сходили с корабля в Пирее, скрылся в толпе и бежал в Декелею.

4. Фарнабаз и послы, находясь зимой во Фригийском Гордии, услышали о том, что произошло в Византии. В начале весны на пути к царю с ними встретились возвращающиеся оттуда же лакедемонские послы Беотий (по имени) со своей свитой и другие, и рассказали, что лакедемоняне добились у царя всего того, чего они желали, а Кир, которому поручалась власть над всей приморской областью и который должен был быть союзником лакедемонян, нес с собою письмо с царской печатью, обращенное ко всем жителям приморской полосы, в котором было написано между прочим следующее: «Шлю Кира караном всех собирающихся в Кастольскую равнину». А «каран» означает «владыка». Афинские послы, услыша это и увидя Ки-

ра, захотели либо отправиться к царю, либо, в противном случае, вернуться домой. Кир же велел Фарнабазу или выдать ему послов или вообще под тем или иным предлогом не отпускать домой, не желая, чтобы афиняне узнали о происходящем. Фарнабаз долгое время удерживал послов, то обещая отвести их к царю, то отослать домой, чтобы не заслужить никакого упрека от Кира. Когда же прошли три года, он упросил Кира отпустить их, говоря, что он поклялся отвезти их к морю, раз уж не к царю. Отослав послов к Ариобарзану, он просил дать им провожатых. Провожатые Ариобарзана отвели послов в мисийский город Кий, откуда последние отплыли к остальному войску.

Алкивиад, желая отправиться на родину со своим войском, тотчас же отплыл в Самос, а оттуда с двадцатью кораблями в Керамический залив, находящийся в Карии; здесь он взыскал сто талантов контрибуции и затем вернулся назад в Самос. Фрасибул же с тридцатью кораблями отправился во Фракию и там покорил целый ряд селений, отпавших к Лакедемону, а в их числе и Фасос, находившийся в тяжелом положении из-за войн, мятежей и голода. В это же самое время Фрасилл с остальным войском отплыл назад, в Афины. Еще до его прибытия афиняне произвели выборы стратегов, и выбранными оказались изгнанный Алкивиад, отсутствующий Фрасибул и только третий — Конон — был выбран из находившихся на родине афинян. Что же касается Алкивиада, то он отплыл с деньгами из Самоса в Парос на двадцати кораблях, а оттуда направился прямо в Гифий, чтобы наблюдать за триерами, которые, по слухам, лакедемоняне там снаряжали в числе тридцати, и разведать относительно возможности возвращения на родину — как относятся к нему в Афинах. Когда же он убедился, что афиняне к нему благосклонны, выбрали его стратегом и что его близкие частным образом усиленно рекомендуют ему вернуться, он поплыл на родину и прибыл в Пирей в тот день, когда город справлял Плинтерии, причем изваяние Афины было окутано, что многие считали дурным предзнаменованием и для самого Алкивиада и для города, так как никто из афинян никогда не решается предпринять в такой день какое-либо серьезное дело. Когда же он приплыл, чернь из Пирея и города собралась к кораблям, горя любопытством увидеть Алкивиада. Одни называли его наилучшим из граждан, говорили, что он единственный человек, ко-

торый [был оправдан, так как] был несправедливо изгнан, что он пал жертвой злого умысла со стороны людей, уступавших ему во влиянии и в ораторском красноречии, занимавшихся государственными делами лишь в целях собственной выгоды, тогда как он всегда содействовал общественному благу, напрягая для этой цели все силы — как свои личные, так и общественные; Алкивиад, мол, хотел, чтобы возведенное незадолго до того против него обвинение в кощунственном преступлении относительно мистерий разбиралось немедленно; но враги его, несмотря на справедливость его требования, отложили процесс и заочно лишили Алкивиада отечества. В это время он, оказавшись в безвыходном положении, был вынужден сделаться рабом своих злейших врагов, ежедневно рискуя погибнуть; и хотя он видел, что его самые близкие сограждане и сородичи и весь город пошли по ложному пути, он был не в силах помочь ему, так как изгнание отрезало его от Афин. Такие люди, как Алкивиад, говорили они, выше того, чтобы жаждать переворотов или мятежей; ведь и без того народ оказывал ему больший почет, чем его ровесникам, и не меньший, чем гражданам, которые были старше его. О противниках же Алкивиада, по их словам, господствовало такое мнение: прежде они выжидали, а когда им удалось погубить тех, которые были лучше их, остались у дел они одни, и это было единственной причиной, почему народ терпел их: он не имел никого другого, более достойного, кому можно было бы вверить кормило правления. Другие же говорили, что он единственный виновник всех происшедших до тех пор несчастий и что следует ожидать, что он же и только он окажется виновником тех ужасов, которые ожидают город впереди.

Алкивиад, пристав к берегу, не сошел тотчас с корабля, опасаясь врагов, но, взобравшись на палубу, высматривал, не пришли ли его близкие. И только тогда, когда он заметил своего двоюродного брата Евриптолема, сына Писианакта, а вместе с ним и прочих родственников и друзей, он, наконец, сошел с корабля и поднялся в город, причем сопровождавшие его приготовились к защите на случай нападения. Он выступил в совете и народном собрании с оправдательной речью, в которой доказывал, что он не кощунствовал и пострадал невинно. Затем было произнесено еще несколько речей в том же духе; говорить во враждебном

ему тоне никто не решался, так как народ не допустил бы этого. Как человек, который в силах восстановить былую афинскую мощь, он был провозглашен главноначальствующим всех войск с неограниченными полномочиями. Первым делом он дал афинянам возможность совершать по суше торжественную процессию мистерий, которую афиняне из страха пред врагом отправляли тогда по морю, выведя для защиты паломников всех солдат. Затем он произвел набор войска — 1500 гоплитов, 150 всадников и 100 кораблей. На третий месяц после своего возвращения на родину он выступил против отпавшего от Афин острова Андроса, а вместе с ним были посланы избранные стратегами сухопутных сил Аристократ и Адимант, сын Левколофида. Алкивиад высадил свое войско в Гаврии, на территории Андроса. Когда же андросцы выступили из стен для защиты своего города, афиняне прогнали их назад и заперли в городе, причем небольшое количество было убито; в числе павших были и лаконцы, находившиеся в городе. Алкивиад поставил трофей и, пробыв там несколько дней, отплыл в Самос, а затем продолжал войну, пользуясь этим пунктом как исходной базой для своих операций.

5. За короткое время до этого лакедемоняне, по истечении срока наварxии Кратесиппида, послали наварxом Лисандра. Прибыв в Родос и взяв оттуда корабли, он отплыл в Кос и Милет, а оттуда в Эфес и остался там с семьюдесятью кораблями до прибытия Кира в Сарды. Когда же тот прибыл, Лисандр отправился к нему с послами из Лакедемона. Там они рассказали о поведении Тиссаферна и просили самого Кира оказать какую только возможно поддержку в этой войне. Кир ответил, что всякое содействие лакедемонянам было предписано ему его отцом и вполне соответствует его собственным убеждениям, что он привез с собой пятьсот талантов, но если этого не хватит, то он готов тратить свое личное имущество, полученное от отца; если же и этого не хватит, то он готов разбить трон, на котором он сидит (а трон этот был весь из золота и серебра). Лакедемоняне одобрили это и посоветовали ему установить каждому моряку жалованье в размере аттической драхмы, поясняя, что если жалованье будет таково, то афинские моряки покинут свои корабли, так что в общем результате это будет экономнее. Кир согласился с этим, но сказал, что не может поступить иначе, чем поручил ему царь. Ведь существовал

договор, по которому он должен был давать каждому кораблю, сколько их ни будет у лакедемонян, тридцать мин в месяц. На этот момент Лисандр промолчал; когда же после ужина Кир, провозгласив тост за здоровье Лисандра, спросил, какому подарку он был бы более всего рад, Лисандр ответил: «Если ты каждому моряку прибавишь к жалованью по оболу». С этих пор жалованье стало четыре обола вместо трех. Кир заплатил все жалованье, которое он задолжал за прежнее время, и еще за месяц вперед, так что войско стало много бодрее. Афиняне же, услыша об этом, впали в уныние и послали к Киру послов через Тиссаферна. Но Кир не принял послов, несмотря на то, что Тиссаферн просил его об этом и убеждал поступать так же, как держал себя он сам по наущению Алкивиада, а именно — тщательно наблюдать, чтобы ни одно эллинское государство не стало могущественным, но чтобы все были бессильными из-за междоусобиц.

Лисандр, когда его флот был собран к бою, вытащив на берег девяносто кораблей, находившихся в Эфесе, пребывал в бездействии, пока корабли конопатились и просушивались. Алкивиад же, услышав, что Фрасибул вышел из Геллеспонта, чтобы окружить осадными сооружениями Фокею, переправился к нему, оставив во главе флота своего кормчего Антиоха, причем запретил ему нападать на корабли Лисандра. Антиох же вплыл из Нотия в Эфесскую гавань лишь с двумя кораблями — с тем, на котором он был кормчим, и еще одним — и продефилировал мимо самых носов кораблей Лисандра. Лисандр сначала преследовал его, стащив в воду лишь несколько кораблей из своей эскадры; когда же афиняне пришли на помощь Антиоху с большим количеством кораблей, тогда и он выстроил все свои корабли в боевой порядок и поплыл против афинян. После этого и афиняне выплыли из Нотия, стащив в воду остальные триеры. Затем началось сражение, причем лакедемоняне стояли в боевом порядке, а афинские суда были беспорядочно рассеяны; бой продолжался до тех пор, пока афиняне не обратились в бегство, потеряв пятнадцать триер. Из экипажа же большинство бежало, но некоторые были взяты в плен. Лисандр, взяв на абордаж вражеские корабли и поставив трофей в Нотии, переправился в Эфес, а афиняне ушли в Самос. После этого Алкивиад, прибыв в Самос, выплыл в море со всей эскадрой, выстроил ее у выхода из Эфесской гавани и ждал, не

вступят ли лакедемоняне в бой. Но так как Лисандр не вышел навстречу, зная, что его эскадра была значительно малочисленнее афинской, Алкивиад отплыл назад в Самос. Лакедемоняне же некоторое время спустя взяли Дельфиний и Эйон. Когда известие об этой морской битве дошло до афинян, находившихся на родине, они вознегодовали на Алкивиада, думая, что афинские корабли погибли из-за его небрежности и распущенности, и выбрали других десять стратегов: Конона, Диомедонта, Леонта, Перикла, Эрасинида, Аристократа, Архестрата, Протомаха, Фрасилла и Аристогена. Алкивиад же, к которому плохо относились в войске, на одной триере отплыл в Херсонес, в принадлежащий ему замок. После этого Конон с теми двадцатью кораблями, которые он имел в своем распоряжении, по постановлению афинского народного собрания отплыл из Андроса к флоту в Самос, а вместо Конона афиняне послали в Андрос Фаносфена с четырьмя кораблями. Последний, встретившись случайно с двумя фурийскими триерами, захватил их в плен вместе с экипажем. Афиняне заключили в тюрьму всех попавших в плен, исключая начальника их, получившего право гражданства в Фуриях, Дориэя, родосца по рождению, задолго до того изгнанного афинянами из Афин и Родоса, причем он был со всеми своими сородичами присужден к смертной казни. Сжалившись над ним, афиняне отпустили его на волю, даже не взяв за него выкупа.

Конон прибыл на Самос и застал экипаж в тяжелом настроении духа. Ему удалось экипировать только восемьдесят триер вместо прежних, которых было более ста, и, выйдя на них в море вместе с прочими стратегами, он, высаживаясь от времени до времени на берег, опустошал вражескую землю. Так закончился год, в который карфагеняне, отправившись походом в Сицилию на ста двадцати триерах и со ста двадцатью тысячами пешего войска, взяли измором Акрагант; в бою они были побеждаемы, но добились сдачи семимесячной осадой.

6. На следующий год, когда было лунное затмение и сгорел древний храм Афины в Афинах [при эфоре Питии и афинском архонте Каллии], лакедемоняне, в виду истечения срока службы Лисандра (на двадцать пятый год войны), послали во флот заместителем Калликратида. Передавая же корабли, Лисандр указывал, что он передает Калликратиду командова-

ние как владыка моря и победитель в морском бою. Последний же предложил ему, проплыв из Эфеса влево от Самоса, где были афинские корабли, передать ему корабли в Милете, и тогда он, мол, признает, что Лисандр действительно владыка моря. Когда же Лисандр сказал, что он не хочет возиться, раз начальствует другой, Калликратид взялся сам за дело, и к тем кораблям, которые он взял у Лисандра, присоединил еще пятьдесят экипированных им из Хиоса, Родоса и других союзных городов. Собрав все корабли вместе, причем их оказалось всего сто сорок, он стал приготовляться к встрече с врагом. Но вскоре он узнал, что друзья Лисандра строят козни против него и не только не оказывают должного содействия, но и разглашают по городам, что лакедемоняне совершают крупную ошибку, постоянно меняя навархов, причем часто на эту должность попадают люди, непригодные к этому, лишь недавно познакомившиеся с морским делом и не умеющие обращаться с экипажем; посылая новичков в морском деле, чуждых всему во флоте, они подвергаются опасности претерпеть из-за этого несчастье. Узнав об этом, Калликратид созвал присутствующих там лакедемонян и сказал им следующее:

«Поскольку дело зависит от меня, я бы с удовольствием остался дома; пусть Лисандр или кто-либо другой претендуют на бóльшую опытность в морском деле,— я не стал бы спорить. Но я послан ко флоту государством. Что же мне в таком случае делать, как не исполнять веления своего государства по мере сил моих? Что же касается того, что я считаю для себя величайшей честью и из-за чего возведен навет на наше государство (о чем я говорю — вы знаете не хуже моего), посоветуйте, что вам кажется наилучшим в моем положении: остаться мне здесь или отплыть на родину и рассказать все, что здесь делается».

Все присутствующие высказали мнение, что он должен повиноваться велениям своего отечества и делать то, за чем он прислан; выступить с противоположным мнением не осмелился никто. Тогда Калликратид отправился к Киру и стал просить жалованье экипажу. Кир же сказал ему, чтобы он подождал два дня. Эта проволочка и обивание порогов вывели из себя Калликратида. «Эллины — несчастнейшие люди,— вскричал он,— если им приходится льстить варварам из-за денег». Затем отплыл в Милет, говоря, что если он вернется на родину цел и невредим, то он прило-

жит все усилия, чтобы примирить лакедемонян с афинянами. Из Милета он послал триеры за деньгами в Лакедемон, а сам, собрав народное собрание милетян, сказал следующее:

«Милетяне! Мой долг — повиноваться властям своей родины. Что же касается вас, то вы, кажется мне, должны с наибольшим рвением относиться к этой войне, так как, живя среди варваров, вы претерпели от них больше всего несчастий. Вы должны служить примером всем прочим союзникам, дабы мы могли как можно скорее и чувствительнее вредить врагу — прежде чем прибудут послы из Лакедемона, которых я послал за деньгами. Ведь Лисандр ушел отсюда, возвратив Киру, как что-то ненужное, все бывшие при нем деньги. Кир же, когда я явился к нему, все откладывал аудиенцию, а я никак не мог заставить себя обивать его порог. Обещаю, по прибытии денег из Лакедемона, достойным образом отблагодарить вас за те пожертвования, которые получу от вас. Итак, с божьей помощью покажем варварам, что и без низкого угождения им мы в силах отмстить врагу».

После него выступил ряд ораторов, главным образом те, которые прежде его обвиняли и которые поэтому боялись противоречить; они предлагали декретировать ассигновку Калликратиду, а также объявили частную подписку. Последний, взяв эти деньги, а также полученные им из Хиоса, выдал каждому моряку по пять драхм путевых денег и отправился в Мефимну на Лесбосе, которая была в это время враждебна лакедемонянам. Жители этого города не пожелали добровольно подчиниться, так как здесь находился афинский гарнизон и партия, стоявшая у власти, была афинофильской; поэтому Калликратид стал атаковать город и взял его приступом. Все имущество было разграблено воинами, а рабов Калликратид велел собрать на агору. Союзники настаивали, чтобы и свободные мефимняне были проданы с публичного торга, но Калликратид заявил, что, пока он у власти, никто из эллинов, поскольку это зависит от него, не будет порабощен. На следующий день всех свободных граждан он отпустил на волю, а афинский гарнизон и тех, которые и раньше были рабами, продал с молотка; Конону же велел передать, что тот завладел морем коварно, как овладевают чужой женой, но он положит конец этой преступной связи. Заметив, что Конон на рассвете выплыл в море, Калликратид погнался за ним, от-

резав ему путь в Самос, дабы лишить его возможности бежать туда. Конон обратился в бегство; его корабли были очень быстры на ходу, так как из целого ряда гребных команд он выбрал наилучших гребцов и составил из них несколько команд. Он спасся в Митилену на Лесбосе, а с ним из числа десяти стратегов Леонт и Эрасинид. Но Калликратид вплыл в бухту вслед за ними, преследуя их на ста семидесяти кораблях. Калликратид успел вовремя помешать Конону, и последний был принужден сразиться у входа в гавань, причем потерял тридцать кораблей; экипаж бежал с этих кораблей на сушу. Что же касается остальных кораблей, которых оставалось еще сорок, то Конон вытащил их на берег, под защиту крепости. Калликратид со своей стороны ввел корабли в гавань, бросил якоря и вел правильную осаду, имея свободный выход для кораблей. С суши он приказал явиться всем мефимнянам поголовно, а по морю перевез войско из Хиоса. В это же время он получил деньги от Кира.

Конон был осажден и с суши и с моря; неоткуда было достать хлеба, в городе была масса народу, а афиняне подмоги не присылали, так как не знали о происходящем. Поэтому Конон, спустив пред рассветом два наиболее быстроходных корабля, экипировал их, выбрав со всех кораблей наилучших гребцов, посадил в трюм морских воинов, и покрыл эти корабли завесами. Весь день эти суда стояли таким образом, под вечер же, когда становилось темно, экипаж выходил на берег так, чтобы враги не могли этого заметить. На пятый день в полдень, когда караульные врагов небрежно следили за осажденными, а некоторые из них даже спали, афиняне выплыли из бухты, взяв с собою умеренное количество хлеба, причем одна триера направилась в Геллеспонт, а другая поплыла в открытое море. Караульные, собравшись, в замешательстве бросились к кораблям, так как они в это время завтракали на суше. Взойдя на корабли и снявшись с якорей, они преследовали триеру, ушедшую в открытое море, догнали ее на закате и, победив в бою и взяв на буксир, отвели в лагерь вместе с экипажем. Но другому кораблю, убежавшему к Геллеспонту, удалось спастись; он прибыл в Афины и принес весть об осаде. Диомедонт отправился на помощь осажденному Конону с двенадцатью кораблями и причалил к берегу в Митиленском проливе. Однако Калликратид внезапно напал на
 него и ему удалось захватить десять кораблей из эска-

дры Диомедонта; последний бежал с двумя кораблями, считая в том числе тот, на котором он плыл сам. Афиняне, услыхав о происшедшем и об осаде, постановили послать на помощь сто десять кораблей, составив экипаж из всех взрослых жителей Афин — как свободных, так и рабов. В тридцать дней сто десять кораблей были экипированы и отправились в путь. На этих кораблях было перевезено также большое количество всадников. После этого они поплыли в Самос и взяли там десять самосских кораблей. Кроме того, они собрали еще более тридцати кораблей от разных союзников, заставляя всех сесть на корабли, даже в том случае, если флот был в отсутствии. Всего же оказалось кораблей более полутораста. Услыша, что афинская подмога уже в Самосе, Калликратид оставил на месте пятьдесят кораблей под предводительством Этеоника, а сам отплыл со ста двадцатью. Он устроил роздых для ужина близ Малейского мыса на Лесбосе [против Митилены]; а афиняне ужинали в этот день на Аргинусских островах, расположенных [против Лесбоса, на Малейском мысе] против Митилены. Калликратид заметил ночью огни; узнав от кого-то, что эти огни — из афинского лагеря, он выплыл в море в полночь, чтобы произвести внезапное нападение; но гроза и значительное поднятие уровня воды в море помешали отплытию. Только на рассвете, когда прояснилось, он поплыл к Аргинусам. Афиняне выплыли навстречу ему, причем левый фланг был обращен к открытому морю. Выстроились они в таком порядке: Аристократ предводительствовал левым флангом, имея под своей командой пятнадцать кораблей; рядом с ним Диомедонт — также во главе пятнадцати кораблей; позади Аристократа выстроился Перикл, позади Диомедонта — Эрасинид. Рядом с Диомедонтом находились десять самосских кораблей, выстроенных в одну линию; над ними начальствовал самосец Гиппей. Рядом с ними стояли десять кораблей, управляемых таксиархами, также выстроенные в одну линию. Позади их три корабля, управляемых навархами, и все прочие союзнические корабли, какие только были. Правый фланг занимал Протомах во главе пятнадцати кораблей; рядом с ним Фрасилл, тоже с пятнадцатью; позади Протомаха выстроился Лисий, имея равное с ним количество кораблей, позади Фрасилла — Аристоген. Целью такого расположения было помешать врагу прорвать особым маневром

линию кораблей, так как афинские суда были хуже на ходу. Лакедемонские же суда были все выстроены в одну линию, чтобы удобно было выполнить указанный выше маневр, а также маневр обхода, так как они были на ходу лучше. Калликратид занимал правый фланг. Мегарец Гермон, кормчий Калликратида, сказал ему, что следовало бы убраться подобру-поздорову, так как афинские триеры были гораздо многочисленнее спартанских, но Калликратид возразил Гермону, что Спарта будет благоденствовать не хуже прежнего, если он умрет, а бежать позорно.

После этого начался бой и продолжался долгое время, причем сражались сперва сплоченной массой, а потом в одиночку. Когда же Калликратид от удара неприятельского корабля упал с борта и скрылся в пучине, а Протомах со своим отрядом на правом афинском фланге победил левый фланг лакедемонян,— лакедемоняне обратились в бегство и устремились в Хиос, а очень многие также и в Фокею. Тогда афиняне отплыли обратно на Аргинусы. У афинян в этом бою погибло 25 кораблей вместе с экипажем, исключая лишь немногих воинов, которых волны вынесли на сушу; у пелопоннесцев погибло девять лаконских кораблей, которых всего-то было десять, да у прочих союзников погибло более шестидесяти. Афинские стратеги решили также, чтобы триерархи Ферамен и Фрасибул и несколько таксиархов поплыли на сорока семи триерах за тонувшими кораблями и находившимся на них экипажем и чтобы прочие корабли направились против флота Этеоника, осаждавшего Митилену. Но исполнению этого приказания воспрепятствовали поднявшиеся в это время сильный ветер и буря; поэтому афиняне ограничились тем, что поставили трофей и расположились на ночлег на Аргинусах. Прибывшая к Этеонику скороходная лодка принесла ему подробное извещение о происшедшей морской битве. Этеоник приказал, чтобы лодка немедленно же вышла назад из гавани, соблюдая полную тишину и не вступая ни с кем в разговоры, а затем, чтобы она тотчас же вернулась назад в лагерь; при этом пусть экипаж уберет себя венками, громко провозглашая, что Калликратид победил в морском бою и что афинские корабли погибли — все до одного. Прибывшие поступили так, как он им приказал; по их прибытии Этеоник совершил благодарственные жертвоприношения за добрую весть и приказал воинам пообедать; маркитан-

там он велел, тихонько убрав на корабли свои товары, плыть в Хиос (в это время в ту сторону дул попутный ветер). Триерам он велел уплыть как можно скорее туда же, а сам ушел во главе пехоты в Мефимну, сжегши предварительно лагерь. Конон, воспользовавшись тем, что враги бежали и что дул благоприятный ветер, стащил корабли в море, и, выплыв, встретился с афинянами, которые в это время также вышли уже из Аргинус; встретившись, Конон сообщил афинянам, что́ произошло с Этеоником. Афиняне отплыли назад в Митилену, оттуда отправились в Хиос и, не достигнув никакого результата, поплыли в Самос.

7. На родине все стратеги, кроме Конона, были устранены (народным собранием) от занимаемых ими должностей, а в сотоварищи Конону избрали стратегами Адиманта и Филокла. Из участвовавших в сражении стратегов Протомах и Аристоген вовсе не вернулись в Афины. Когда же́ прочие шесть стратегов — Перикл, Диомедонт, Лисий, Аристократ, Фрасилл и Эрасинид приплыли на родину, Архедем, бывший тогда народным вождем и заведовавший диобелией, наложил предварительный штраф на Эрасинида и выступил с обвинением перед судом, утверждая, что он увез из Геллеспонта и присвоил себе деньги, принадлежащие государству. Он возбудил против Эрасинида также обвинение в преступлении по должности стратега. Суд постановил подвергнуть Эрасинида тюремному заключению. После этого стратеги сделали доклад в совете о морской битве и о том, как сильна была буря. Тогда Тимократ внес предложение, чтобы и прочих стратегов арестовать и представить на суд народного собрания, и совет подверг их аресту. После этого состоялось народное собрание, в котором стратегов обвинял целый ряд лиц, а в особенности же Ферамен. Говорили, что справедливо было бы, чтобы они подверглись ответственности за то, что не подобрали пострадавших в морском бою. Доказательством того, что они никого другого не обвиняли в этом, кроме самих себя, Ферамен выставил письмо, адресованное стратегами в афинские советы и народное собрание, где они указывали на бурю, как на единственную причину. После этого каждый из стратегов произнес краткую защитительную речь (так как им не было позволено говорить столько, сколько полагается вообще по закону); они рассказали о том, что произошло: что они плыли на врагов, а подобрать пострадавших в мор-

ском бою поручили нескольким из триерархов, людям, подходящим для этого дела и занимавшим уже должность стратега,— Ферамену, Фрасибулу и другим такого же рода людям. И если уж хотеть во что бы то ни стало кого-нибудь обвинить за то, что жертвы морского боя не были подобраны, то в качестве обвиняемых могут предстать только те, кому это было поручено сделать. «Но,— добавили стратеги,— хотя они и обвиняют нас, мы не солжем и не скажем, что с их стороны есть в этом какая-либо вина: ужасная буря была единственной причиной того, что пострадавших в бою не удалось подобрать». Свидетелями сказанного они выставили кормчих и многих других из числа плывших с ними. Такими словами они склоняли народное собрание к снисхождению; кроме того, многие частные лица поднялись и заявили, что готовы взять их на поруки. Было решено отложить разбор до следующего собрания, так как было уже поздно, и в случае голосования нельзя было бы заметить числа поднятых рук. Совету же было предложено внести по предварительном обсуждении предложение в народное собрание по вопросу о том, каким способом произвести суд над обвиняемыми. Затем наступил праздник Апатурий, в который отцы и сородичи семейств сходятся вместе. На этом празднике пособники Ферамена убедили большую массу людей, одетых в черную траурную одежду и остриженных в знак траура наголо, чтобы они предстали пред народным собранием как сородичи убитых, а также склонили Калликсена к тому, чтобы он выступил в совете с обвинением против стратегов. Затем было созвано народное собрание, в котором совет представил на обсуждение следующее предложение, внесенное Калликсеном:

«Выслушав на предыдущем собрании выставленные против стратегов обвинения и их защитительные речи, народ постановил: произвести голосование между всеми афинянами по филам; поставить в присутственном месте каждой филы две урны для голосования; пусть глашатай в каждом из сих присутственных мест громогласно приглашает тех, кто полагает, что стратеги виновны в том, что не подобрали победителей в морском бою, бросать свои камешки в первую урну, а тех, кто держится обратного мнения,— во вторую. Если стратеги будут признаны виновными, то тем самым они будут считаться присужденными к смерт-
 ной казни; они будут переданы в распоряжение кол-

легии одиннадцати, а имущество их будет конфисковано в казну, причем десятая часть будет отчислена в казну Афины». Затем выступил перед народным собранием человек, заявивший, что он спасся на барже с хлебом; по его словам, погибшие поручили ему, если он спасется, передать народному собранию, что стратеги не приняли мер к спасению тех, кто совершил блестящие подвиги во славу отечества. Евриптолем, Писианакт и несколько других лиц выступили против Калликсена с обвинением во внесении противозаконного предложения. Но их выступление встретило в народном собрании одобрение лишь немногих; толпа же кричала и возмущалась тем, что суверенному народу не дают возможности поступать, как ему угодно. Вслед затем Ликиск предложил, чтобы приговор относительно стратегов распространялся и на тех, которые подняли вопрос, о законности предложения Калликсена, если они не примут назад своих протестов: толпа подняла сочувственный шум, и протестовавшие должны были отказаться от своих возражений. Когда же и некоторые из пританов заявили, что они не могут предлагать народу противозаконное голосование, Калликсен, взойдя на кафедру, предложил включить и их в число обвиняемых. Народ громко закричал, чтобы отказывающиеся ставить на голосование были тоже привлечены к суду, и тогда все пританы, устрашенные этим, согласились поставить предложение на голосование,— все, кроме Сократа, сына Софронискова. Последний заявил, что он во всем будет поступать только по закону. После этого Евриптолем взошел на кафедру и сказал в защиту стратегов следующее:

«Афиняне! Я взошел на эту кафедру с троякою целью. Прежде всего я явился сюда в роли обвинителя, несмотря на то, что Перикл — мой близкий родственник, а Диомедонт — мой друг. По другим пунктам я хочу выступить как защитник и, наконец, я считаю своим долгом подать совет относительно того, что мне кажется наивысшим благом для всего государства. Обвинять я хочу стратегов в том, что они переубедили некоторых членов своей коллегии, предлагавших послать письмо совету и вам, в котором было бы указано, что на Ферамена и Фрасибула было возложено поручение отправиться с сорока семью триерами на спасение погибавших, а они этого не исполнили. И вот стратеги, всей коллегией, отвечают за преступление отдельных триерархов, а последние, в благодарность за

то, что стратеги тогда были сострадательны к ним, теперь вместе с некоторыми другими злоумышляют против них и привели их на край гибели... Но нет! Этого не может быть и не будет, если только вы, вняв мне, не нарушите ни человеческого, ни божеского закона; если вы будете вести процесс таким путем, чтобы узнать всю истину, поскольку только это возможно, дабы впоследствии вам не пришлось раскаяться и слишком поздно понять, какой страшный грех вы совершили против богов и созданных вашими же руками законов. Я вам дам такой совет, что, последовав ему, вы не сможете быть обманутыми ни мной, ни кем-либо другим. Послушав меня, вы разыщете действительных преступников и наложите на них какое хотите наказание; вы сможете обвинить как всех вместе, так и каждого в отдельности. Только предоставьте им, если уж не больше, то хоть один день, чтобы они сами могли выступить в свою защиту, и не доверяйтесь другим больше, чем самим себе. Афиняне! Всем вам известно, что есть в наших законах суровое постановление Каннонова, в силу которого каждого оскорбившего величество афинского народа надлежит арестовать и он должен представить объяснения народному собранию; если он будет признан виновным, он подвергается смертной казни через ввержение в Барафр; имущество его конфискуется в казну, причем десятая часть поступает в сокровищницу храма Афины. На основании этого-то постановления я и предлагаю вам судить стратегов и, клянусь, ни слова не возражу, если первым окажется привлеченным по такому обвинению мой близкий родственник Перикл. Ведь не правда ли, было бы позорно, если б он был мне дороже, чем благо всего государства. Или, если вам так угодно, судите их по закону о святотатцах и предателях, а закон этот таков: «Лица, предавшие город или похитившие посвященные богам предметы, подлежат суду присяжных. Если они будут осуждены, то запрещается хоронить их в Аттике, а имущество их конфискуется в казну». Пусть же обвиняемые будут привлечены по одному из этих законов, по какому, вы сами решите — и пусть дело каждого обвиняемого разбирается отдельно. Что же касается судебной процедуры, то я предлагаю разделить день на три части. В первую часть дня вы соберетесь и произведете голосование по вопросу с том, виновны ли стратеги в происшедшем или невиновны; во вторую часть дня вы заслушаете обвинительные речи,

а третья будет посвящена защите. При таком порядке судопроизводства виновные подвергнутся самой тяжелой каре, а невинных вы оправдаете, и они не погибнут понапрасну. Судите же их на основании законов, не кощунствуя и не нарушая данной вами, как гражданами, клятвы; не будьте невольными союзниками лакедемонян, противозаконно и без суда губя тех, которые победили их и уничтожили семьдесят их кораблей. Скажите же, из страха перед чем вы так спешите? Неужели вы думаете, что не в вашей власти будет казнить или миловать кого вам будет угодно, если вы поведете дело установленным в законе порядком, а не беззаконно, как добивается Калликсен, убедивший совет предложить вам одним голосованием осудить всех? А ведь при таком порядке вы можете казнить и невинного, вы вспомните о раскаянии только спустя много времени, когда это будет уже бесполезно; и тяжело вам будет, и пятном будет лежать на вашей совести грех смертоубийства. Какое ужасное дело вы творите: ведь даже Аристарху вы дали, согласно его желанию, день времени для оправдания каким угодно способом и предоставили ему все прочие льготы, положенные в законе,— тому самому Аристарху, который сперва содействовал гибели демократии, а затем стал предателем, выдав Эною нашим врагам-фиванцам. А ваших стратегов, которые во всем творили лишь волю избравшего их народа, которые одержали блестящую победу над врагом,— их вы лишаете всего этого! Нет, афиняне, пусть так не случится. Свято блюдите созданные вашими же руками законы — залог вашего величия — и ни в чем от них не отступайте.

Мы пришли теперь к вопросу о том, в чем же состоит преступление, вменяемое в вину стратегам. Когда наш флот, одержав верх в морской битве, причалил к суше, Диомедонт предложил, выстроившись гуськом, выйти в море и подобрать обломки кораблей и пострадавших; Эрасинид же считал наиболее целесообразным, чтобы все с величайшей поспешностью плыли на врага, находящегося в Митилене. Тогда Фрасилл внес предложение, благодаря которому достигалось и то и другое: именно — чтобы часть кораблей осталась на месте, а остальные поплыли против врага; в случае принятия этого плана Фрасилл предложил, чтобы каждый из восьми стратегов оставил на месте по три корабля из находящейся под его командой части флота; кроме того, он предложил оставить на месте десять

кораблей, управляемых таксиархами, десять самосских и, наконец, три корабля, находящихся под командой навархов; всего это выходит сорок семь,— по четыре на каждый из погибших двенадцати кораблей. В числе оставленных триерархов были также между прочим Фрасибул и Ферамен, выступавший на предыдущем собрании с обвинением против стратегов. Прочие же корабли вышли против вражеского флота.

В чем же из всех описанных мною фактов стратеги поступили неправильно с точки зрения пользы или справедливости? Разве те, которым была поручена борьба с врагом, не должны быть привлекаемы к суду только за преступления в бою с неприятелем? А за неоказание помощи пострадавшим в морском бою разве не следует привлекать к суду лишь тех, кому это было приказано, но которые не исполнили приказания стратегов? Но нельзя в оправдание как тех, так и других не упомянуть о том, что из всего того, что стратеги собирались предпринять, не удалось выполнить ничего вследствие страшной бури. Свидетелями этого могут быть те из пострадавших в этом бою, которым удалось случайно спастись. Такая участь постигла, например, и одного из стратегов, спасшегося на обломке затонувшего корабля, которому, по требованию обвинителей, предстоит быть осужденным тем же злополучным голосованием, как и тем, которые не исполнили возложенных на них поручений, хотя он сам нуждался в том, чтобы его спасли из пучины. Счастливые победители,— вы хотите поступить, как несчастные пораженные... Столкнувшись с ниспосланным богом неизбежным роком, вы готовы осудить, как изменников, людей, которые не в силах были поступить иначе, чем они поступали, не будучи в состоянии из-за бури исполнить приказанное... Не делайте же этого: ведь гораздо справедливее увенчать победителей венками, чем подвергнуть их смертной казни, послушавшись совета дурных людей».

Произнеся эту речь, Евриптолем внес письменное предложение судить обвиняемых на основании постановления Каннонова, каждого порознь; по предложению же, одобренному советом, всем им предстояло быть осужденными одним голосованием. Сперва большинство поднятых рук было за предложение Евриптолема; когда же Менекл принес установленную клятву, было произведено новое голосование, и верх взяло предложение совета. Затем (произошло голосование

по существу дела); все восемь сражавшихся стратегов были осуждены и шестеро из них, находившиеся в Афинах, подверглись смертной казни.

Прошло немного времени, и афиняне раскаялись. Было принято предложение, что те, которые обманули народ, должны быть привлечены к ответственности и предстать пред народным собранием, а до явки на суд они должны представить поручителей. В числе привлеченных к ответственности пяти лиц был и Калликсен. Все они были заарестованы своими поручителями. Им удалось еще до суда бежать из Афин во время того мятежа, в котором был убит Клеофонт; Калликсен впоследствии получил возможность вернуться в Афины вместе с афинянами, запершимися в Пирее, но он умер от голода, ненавидимый всеми.

КНИГА ВТОРАЯ

1. ВОЙСКО, находившееся на Хиосе под командой Этеоника, пока было лето, кормилось плодами земли, в изобилии произрастающими в это время года, а также нанималось за плату на полевые работы. Но наступила зима, и солдаты лишились всего этого. Голодные, неодетые и необутые, они устроили заговор и условились совершить нападение на Хиос.

Решено было, что примкнувшие к этому заговору будут носить тростниковую палочку, чтобы заговорщики могли узнать друг друга. Проведав об этом заговоре, Этеоник оказался в крайне затруднительном положении вследствие многочисленности заговорщиков. Он считал неуместным открыто выступить против заговорщиков, опасаясь, что они окажут вооруженное сопротивление, захватят город и, став врагами командованию, сведут на нет все одержанные успехи. Но даже и своевременное усмирение мятежа связано было с невыгодными последствиями: Этеонику казалось ужасным погубить большое количество лакедемонских союзников, так как это могло послужить причиной распространения по Греции дурных слухов о лакедемонянах и вызвать недовольство в остальных частях войска. При таком положении дел Этеоник, взяв с собой отряд из пятидесяти человек, вооруженных короткими кинжалами, отправился к городу и, встретив выходящего из лечебницы человека, страдающего глазами и опиравшегося на тростниковую палочку, убил его. Это вызвало смятение и многие спрашивали, за что погиб этот человек. Этеоник велел объявить, что он погиб за то, что носил тростниковую палочку. Вследствие этого все, носившие такие палочки, выбросили их, так как каждый, услышав о происшедшем, боялся, чтобы не заметили, что и он носит тростинку. После этого Этеоник, созвав хиосцев, приказал им собрать деньги для того, чтобы моряки получили жалованье и
 не замышляли мятежа. Деньги были собраны. Вместе

с тем он дал сигнал морякам занять свои места на кораблях и, обойдя по очереди все корабли, в длинных речах ободрял и увещевал матросов, как будто ничего не зная о происшедшем, и дал каждому жалованье за месяц. После этого хиосцы и прочие союзники, собравшись в Хиосе на совещание о текущих делах, решили отправить в Лакедемон послов, которые рассказали бы о происшедшем и попросили бы прислать для управления флотом Лисандра, которому его прежнее управление флотом доставило блестящую репутацию у союзников после того, как он победил в морской битве при Нотии.

Послы отправились в Лакедемон вместе с послами от Кира, имевшими инструкции такого же содержания. Но лакедемоняне послали к ним Лисандра в качестве эпистолея, а навархом послали Арака, так как по их закону одно и то же лицо не может занимать дважды должности наварха. Однако (действительная) команда над кораблями была вверена Лисандру. [Прошло уже двадцать пять лет с начала войны.]

[В том же году Кир убил Автобесака и Митрея, сыновей сестры Дариея, дочери Ксеркса, сына Дариева, за то, что они, встретив его, не выставили рук наружу из кор. Корой называется по-персидски очень длинный рукав, совершенно лишающий человека возможности действовать руками. Однако так полагается встречать только царя. Иерамен и его жена жаловались Дариею и говорили, что будет невыносимым, если царь оставит безнаказанным такое высокомерие; царь послал вестников и позвал Кира к себе, ссылаясь на свою болезнь.]

На следующий год [при эфоре Архите, при архонте в Афинах Алексии] Лисандр, прибыв в Эфес, призвал к себе из Хиоса Этеоника с кораблями, собрал все остальные корабли, рассеянные по различным пунктам, привел их в порядок и выстроил новые корабли в Антандре. Затем он пришел к Киру и стал просить денег; но тот ему ответил, что не только все полученные им от царя деньги истрачены, но и еще очень много его собственных, указав точно, сколько он выдал каждому наварху, но все же дал ему деньги. Лисандр, взяв эти деньги, назначил на триеры триерархов и выдал морякам следуемое жалованье. Афинские стратеги на Самосе со своей стороны тоже стали приготовляться к морской войне.

После этого Кир призвал к себе Лисандра, так как к нему прибыл вестник от отца, который сообщил ему, что царь лежит больной в Фамнериях, в Мидии, близ отпавших от него Кадусий, на которые он шел походом. Когда же Лисандр явился, Кир сказал ему, чтобы он не вступал в морской бой с афинянами, пока его флот не станет значительно более многочисленным; у царя и у него много денег, так что с денежной стороны не будет препятствий к тому, чтобы экипировать много новых кораблей. Кир передал в распоряжение Лисандра всю ту дань с городов, которая шла в его личную пользу, и отдал ему весь наличный остаток казны. Затем Кир напомнил ему о той дружбе, которую он питал к лакедемонянам вообще и к Лисандру в частности, и отправился к отцу.

Лисандр, после того как Кир, передав ему все свои доходы, отправился на зов своего больного отца, раздал жалованье войску и отплыл в Карию, в Керамический залив. Он пошел приступом на союзный с Афинами город Кедрии и на следующий день овладел им приступом, а жителей обратил в рабство,— жители этого города были полуварвары. Оттуда лакедемоняне отплыли в Родос. Афиняне, выступив из Самоса, жестоко опустошали владения царя, собирались идти походом на Хиос и Эфес и готовились к морскому бою. Они выбрали стратегами в дополнение к прежним Менандра, Тидея и Кефисодота. Лисандр поплыл из Родоса вдоль берегов Ионии к Геллеспонту для надзора за подплывающими грузовыми судами, а также для борьбы с отложившимися городами. Афиняне также выплыли из Хиоса напрямик через открытое море, так как все побережье Малой Азии было в руках врага.

Лисандр в это же время поплыл из Абидоса вдоль берега в союзный с Афинами Лампсак. С ним вместе прибыли по суше абидосцы и прочие союзники под командой лакедемонянина Форака. Лампсак был взят приступом и разграблен солдатами. Это был город, богатый вином, хлебом и прочими припасами. Все свободное население Лисандр отпустил на волю. Афиняне, следуя за ним по пятам, причалили на ста восьмидесяти кораблях к Элеунту на Херсонесе. Здесь во время завтрака к ним приходит известие о гибели Лампсака. Афиняне тотчас же отплыли в Сест. Оттуда, запасшись хлебом, немедленно поплыли в Эгоспотамы, против Лампсака: Геллеспонт имеет в этом месте около пятнадцати стадий ширины. Там афиняне ужи-

нали. На следующую ночь, на заре, Лисандр дал сигнал солдатам, чтобы они, позавтракав, заняли свои места на кораблях, подготовил все необходимое для морской битвы и, развесив щиты, предохраняющие от неприятельских стрел, приказал, чтобы никто не выходил из строя и не снимался с якоря. Афиняне же с восходом солнца выстроились у гавани в одну линию для морского боя, но, так как Лисандр не вышел им навстречу и был уже поздний час дня, отплыли обратно к Эгоспотамам. Лисандр приказал быстроходнейшим из своих кораблей следовать за афинянами и, заметив, что́ они будут делать по выходе на берег, отплыть назад и сообщить ему. В то же время он запретил экипажу покидать свои места на судах прежде, чем возвратятся эти корабли. Так он поступал ежедневно в течение четырех дней; афиняне точно так же ежедневно выходили в море в боевом порядке. Алкивиад заметил из своего замка, что афинская стоянка находится на пустынном морском берегу, вдали от городского поселения, и что за припасами им приходится отправляться за пятнадцать стадий от кораблей в Сест, тогда как вражеский флот стоит в гавани, у самого города, и снабжен всем необходимым. Он явился к афинским стратегам и сказал им: «Вы выбрали крайне неудачное место для стоянки флота. Настоятельно советую вам переправить флот в Сест, где вы будете в гавани и близ города. Там вступайте себе в бой, когда захотите». Но стратеги (главным образом Тидей и Менандр) велели ему убираться прочь. «Пока еще,— говорили они,— стратеги мы, а не ты». После этого Алкивиад удалился. Лисандр же, на пятый день после прибытия афинян, приказал разведчикам на посланных им в этот день кораблях, чтобы они, как только заметят, что афиняне вышли из гавани и рассеялись по Херсонесу, возвращались назад и, пройдя полпути, подняли щит. Такие экспедиции афиняне совершали регулярно каждый день для покупки хлеба в весьма отдаленных от стоянок местах; они не боялись флота Лисандра, презирая его за то, что он не принимал их вызова на бой. Заметив, что на дозорных кораблях щит поднят, Лисандр тотчас же дал сигнал флоту плыть полным ходом. Рядом шел Форак во главе пехотного войска. Увидев, что лакедемоняне наступают, Конон дал сигнал экипажу занять места на кораблях и оказать врагу посильное сопротивление. Но матросы разбрелись кто куда; на некоторых кораблях из трех ярусов весел

гребцы остались только на двух, на иных на одном, а на иных и вовсе не было гребцов. Лишь триера Конона и еще семь, бывших под его командой, да «Паралия» вышли в бой с полным числом гребцов; остальные корабли даже не отчалили от берега и были захвачены Лисандром на якорях. Из экипажа большинство он захватил в плен в то время, как они были рассеяны по берегу; лишь немногим удалось бежать в крепости. Узнав, что афинское дело безвозвратно проиграно, Конон обратился в бегство на девяти кораблях. Он причалил к Абарнидскому мысу в Лампсакской области и захватил там большие паруса, оставленные Лисанром. После этого сам он отправился с восемью кораблями к Евагору в Кипр, а Паралийская триера поплыла в Афины, чтобы известить о происшедшем. Лисандр переправил корабли, пленников и добычу в Лампсак. В числе пленных были и стратеги: Филокл, Адимант и другие. В тот же день он послал милетского пирата Феопомпа в Лакедемон с вестью о происшедшем; Феопомп на третий день пути прибыл в Лакедемон и принес известие. После этого Лисандр собрал союзников на совещание о судьбе пленных. На этом совещании против афинян выдвигался ряд обвинений как по поводу тех преступлений, которые они уже совершили, так и по поводу тех, которые они имели в виду совершить в силу решения народного собрания, постановившего, чтобы у всех пленных была отрублена правая рука. Вспоминали и о том, что афиняне, захватив две триеры, коринфскую и андросскую, сбросили в пропасть весь находившийся на них экипаж; эта смерть была делом рук афинского стратега Филокла. Было произнесено еще много подобных речей, и в конце концов было постановлено казнить из числа пленных всех афинян, кроме Адиманта; он был помилован потому, что он один возражал в народном собрании против постановления об отсечении рук; но некоторые считали действительной причиной этого помилования то, что он именно предал афинские корабли лакедемонянам. Когда Филокла, сбросившего в пропасть андросцев и коринфян, вели на казнь, Лисандр спросил его, какого наказания достоин он, положивший начало преступлениям против соплеменников-эллинов. После этого Филокл был казнен.

2. Лисандр, приведя все в порядок в Лампсаке, поплыл на Византий и Калхедон. Эти города открыли

ему ворота, с афинским гарнизоном он заключил мирный договор на условии, чтобы гарнизон удалился из города. Лица же, предавшие Алкивиаду Византий, бежали сперва в Понт, а затем в Афины и получили право афинского гражданства. Лисандр отослал афинский гарнизон в Афины, дав им гарантию безопасности только для следования в этот город, а не в какой-либо другой; при этом он рассчитывал на то, что чем больше соберется народу в самом городе и Пирее, тем скорее наступит недостаток в съестных припасах; так же он поступал и со всякими другими афинянами, попадавшимися в его руки. Оставив гармостом Византия и Калхедона лаконца Сфенелая, он сам отплыл в Лампсак и приводил там в боевую готовность свои корабли.

«Паралия» прибыла ночью в Пирей и оповестила афинян о постигшем их несчастье. Ужасная весть переходила из уст в уста, и громкий вопль отчаяния распространился через Длинные стены из Пирея в город. Никто не спал в ту ночь; оплакивали не только погибших, но и самих себя; ждали, что от спартанцев придется претерпеть то же, чему подвергли афиняне лакедемонских колонистов мелийцев, когда после осады их город был взят, гистиейцев, скионейцев, торонейцев, эгинян и многих других греков. На следующий день было созвано народное собрание, на котором было решено запрудить все гавани Аттики, кроме одной, заново отремонтировать городские стены, расставить гарнизоны и сделать все прочие необходимые приготовления для обороны города во время осады.

В то время как афиняне были заняты этими приготовлениями, Лисандр прибыл с двадцатью кораблями из Геллеспонта в Лесбос и привел в порядок государственные дела в ряде городов, в том числе в Митилене. В города Фракийского побережья он послал Этеоника с десятью триерами, который принудил всю эту область перейти на сторону лакедемонян. И вся остальная Греция тотчас же после морского поражения отпала от афинян, исключая лишь Самос: здесь было устроено кровавое избиение знати, и городом овладела народная партия. После этого Лисандр послал гонцов к Агису в Декелею и в Лакедемон с извещением, что он возвращается назад с флотом в 200 кораблей. По зову второго лакедемонского царя Павсания вышли в поход лакедемоняне — все поголовно — и прочие пелопоннесцы, кроме аргивян. Когда все были

в сборе, Павсаний отправился с ними к Афинам и расположился близ города, в Академии. В то же время Лисандр, прибыв в Эгину, возвратил город его изгнанным жителям, собрав их отовсюду, сколько только он мог. Так же он поступил с мелийцами и другими греками, изгнанными из отечества афинянами. После этого, опустошив Саламин, он причалил к Пирею на 150 кораблях и преградил доступ приплывающим коммерческим судам.

Осаждаемые и с суши и с моря афиняне оказались в безвыходном положении. У них не было уже ни флота, ни союзников, ни провианта, неоткуда было ждать спасения; приходилось, по-видимому, подвергнуться всем тем ужасам, которым они прежде подвергали других греков. Разница была лишь та, что лакедемоняне теперь готовились отомстить афинянам за их прежние преступления, а афиняне обижали жителей мелких городов не отомщения ради, а только из высокомерия: они даже не выставляли никакого другого предлога, кроме того, что те были союзниками лакедемонян. Поэтому они даровали полную амнистию всем лишенным прав состояния, но крепились и, несмотря на то, что в городе множество народа умирало от голода, не вступали в переговоры о мире. Но когда запас продуктов совершенно истощился, они послали к Агису послов, предлагая ему мир на условии, что они будут союзниками лакедемонян, а за то получат право сохранить невредимыми Длинные стены и Пирей. Но Агис сказал, чтобы они отправились в Лакедемон, так как он не имеет полномочий на заключение мира. Послы вернулись в город и известили афинян об ответе царя: тогда афиняне послали их в Лакедемон. В Селласии, городе [вблизи] Лаконии, их встретили эфоры и, узнав, с какими предложениями они пришли — это были те же условия мира, которые были предложены Агису,— велели им уходить тотчас же назад и, если им нужен мир, то возвращаться не прежде, чем они не обдумают получше положение вещей. Когда послы вернулись и доложили об этом ответе, афинян охватило отчаяние; если не сдаться, всех ожидает порабощение; если же вступить в новые переговоры, то, пока придет новый ответ из Лакедемона, множество народа помрет от голода. Но никому и в голову не приходило согласиться на то, чтобы стены были срыты. Так, Архестрат был заключен в темницу за то, что он предложил в совете заключить с лакедемонянами мир, уступив им во

всех их требованиях, называя этот выход наилучшим; а требовали лакедемоняне, чтобы была срыта часть Длинных стен — на десять стадий с каждой стороны. Было принято постановление, воспрещавшее вносить предложения такого рода. При таких обстоятельствах Ферамен предложил в народном собрании, чтобы его отправили послом к Лисандру; там, мол, он разузнает, должно ли служить лакедемонянам снесение стен только средством для обращения афинян в рабство, или это им нужно для обеспечения их верности лакедемонянам. Его послали, и он пробыл у Лисандра три месяца с лишним, выжидая, пока афиняне из-за недостатка хлеба не дойдут до такого состояния, что готовы будут согласиться на какие угодно условия. Лишь на четвертый месяц он вернулся и доложил в народном собрании, что Лисандр долго медлил с ответом и удерживал его при себе; в конце концов же он сказал, чтобы Ферамен отправился в Лакедемон, так как сам он якобы не уполномочен дать ему ответ: это право эфоров. После этого он был выбран вместе с еще девятью лицами полномочным послом в Лакедемон. Лисандр, со своей стороны, послал в Лакедемон афинского изгнанника Аристотеля вместе с несколькими лакедемонянами и поручил им передать эфорам, что при переговорах с Фераменом он заявил, что одни лишь эфоры полномочны в вопросах мира и войны. По прибытии Ферамена и прочих послов в Селласию им был задан вопрос, по какому делу они пришли. Когда послы ответили, что они прибыли полномочными послами по вопросу о мире, эфоры велели позвать их в город. Затем было созвано народное собрание, на котором особенно горячо возражали против заключения мира коринфяне и фиванцы, а также и многие другие эллины; они требовали совершенного разрушения Афин. Но лакедемоняне категорически отказались стать виновниками порабощения жителей греческого города, столь много потрудившегося в эпоху тяжких бедствий, когда великая опасность угрожала Греции. Они выразили согласие на мир при условии снесения Длинных стен и укреплений Пирея, выдачи всех кораблей, кроме двенадцати, возвращения изгнанников и вступления в число союзников лакедемонян с подчинением их гегемонии, с обязательством следовать за ними повсюду — на суше и на море,— куда они ни поведут, и иметь одни и те же государства союзниками и врагами. Ферамен и сопровождавшие его послы

принесли этот ответ в Афины. Когда они вошли в город, их окружила многочисленная толпа; все боялись, что они вернулись с пустыми руками, а ждать больше нельзя было, так как очень уж много народу погибло от голода. На следующий день послы доложили об условиях, поставленных лакедемонянами для заключения мира. Говорил от их имени Ферамен; он убеждал повиноваться лакедемонянам и согласиться срыть стены. Кое-кто возражал ему, но огромное большинство ораторов одобряло его мысль и, наконец, было постановлено принять мирные условия лакедемонян. После этого и Лисандр вернулся в Пирей. Изгнанники были возвращены; стены были срыты при общем ликовании под звуки исполняемого флейтистками марша: этот день считали началом свободной жизни для греков. Так закончился год, в средине которого Дионисий, сын Гермократа, стал сиракузским тираном, причем карфагеняне сперва потерпели от сиракузян поражение, но затем взяли измором Акрагант, покинутый населявшими его сикелиотами.

3. В следующем году [в котором были Олимпийские игры, причем в беге победил фессалиец Крокин, при эфоре Эндии в Спарте, при афинском архонте Пифодоре, которого афиняне не упоминают в списке архонтов потому, что он был избран при олигархическом строе, но называют этот год годом анархии; начался этот олигархический строй таким образом] народ постановил избрать тридцать человек для составления свода законов в духе старины; эти законы должны были лечь в основу нового государственного строя. Выбранными оказались следующие лица: Полихар, Критий, Мелобий, Гипполох, Евклид, Гиерон, Мнесилох, Хремон, Ферамен, Аресий, Диокл, Федрий, Херелей, Анетий, Писон, Софокл, Эратосфен, Харикл, Ономакл, Феогнид, Эсхин, Феоген, Клеомед, Эрасистрат, Фидон, Драконтид, Евмаф, Аристотель, Гиппомах и Мнесифид. После этого Лисандр поплыл в Самос, а Агис, выведя пехоту из Декелеи, распустил контингенты по домам.

В это же время [приблизительно тогда же, когда случилось солнечное затмение] Ликофрон Ферский победил в кровопролитном бою ларисейцев и других фессалийцев, противодействовавших его стремлению властвовать над всей Фессалией.

В то же время и сиракузский тиран Дионисий был
440 разбит карфагенянами и принужден уступить им Гелу

и Камарину. Короткое время спустя и леонтинцы, поселенные в Сиракузах, отпали от Дионисия и Сиракуз и вернулись в свой город. Дионисий тотчас же отправил также и сиракузских всадников в Катану.

Самосцы, хотя и были заперты со всех сторон Лисандром, тем не менее сперва не хотели вступать с ним в соглашение, и только тогда, когда Лисандр решил уже пойти на город приступом, они согласились сдаться под условием, чтобы каждый свободный житель мог уйти из города, взяв с собой одну смену платья; все же прочее должно было быть выдано лакедемонянам. На этих условиях Лисандр позволил им уйти. Затем он передал город и все находившееся в нем имущество прежним его жителям и, поручив управление города десяти архонтам с гарнизоном, распустил союзнический флот по городам. Сам же он во главе лаконских кораблей поплыл в Лакедемон и повез туда акротерии взятых в плен кораблей, выданный афинянами пирейский флот, за исключением двенадцати триер, венки, которыми награждали его лично союзные государства, 470 талантов серебра, которые остались у него не употребленными из податей, переданных ему Киром для расходов по войне, и всю остальную военную добычу. Все это он передал лакедемонянам в конце лета [того самого, в которое исполнилось 28 лет с начала войны, в течение которой эфорами-эпонимами были следующие лица: первым был Энесий, при котором началась война, на пятнадцатом году после заключения тридцатилетнего перемирия, последовавшего за взятием Евбеи. Преемниками Энесия были следующие эфоры: Брасид, Исанор, Состратид, Эксарх, Агесистрат, Ангенид, Ономакл, Зевксипп, Питий, Плистол, Клиномах, Иларх, Леонт, Херил, Патесиад, Клеосфен, Ликарий, Эперат, Ономантий, Алексиппид, Мисголаид, Исий, Арак, Евархипп, Пантакл, Питий, Архит и Эндий, при котором Лисандр, выполнив то, о чем мы только что говорили, вернулся на родину].

Тридцать правителей были избраны тотчас же по срытии Длинных стен и укреплений Пирея. Но, будучи избранными только для составления законов, которыми государство должно было руководствоваться, они все откладывали составление и опубликование свода законов, а пока что назначили членов совета и прочих магистратов по своему усмотрению. Затем они первым делом арестовали и казнили тех, о кото-

рых при демократическом строе всем было известно, что они сикофанты, и тягостны добрым гражданам. Совет осудил их на смерть с чувством удовлетворения, да и все прочие граждане ничего не имели против их осуждения, поскольку они сами не были повинны в том же грехе. Но вскоре правители стали думать лишь о том, чтоб им можно было распоряжаться всеми государственными делами по своему усмотрению. Для этого они прежде всего послали в Лакедемон к Лисандру Эсхина и Аристотеля с просьбой, чтобы он посодействовал присылке в Афины лакедемонского гарнизона, который должен был оставаться в Афинах, пока правители не устранят дурных элементов населения и не приведут в порядок государственного устройства; они обещали содержать гарнизон на свой счет. Лисандр исполнил их просьбу и исходатайствовал для Афин гарнизон и гармоста Каллибия. Получив гарнизон, правители стали всячески ублаготворять Каллибия, чтобы и он, со своей стороны, одобрял все их действия, и так как в их распоряжении была часть прибывших с Каллибием солдат, то они стали арестовывать кого угодно: не только дурных и безнравственных людей, но вообще тех, про которых они полагали, что они наименее склонны терпеливо переносить надругательства и что, в случае если бы они попытались противодействовать правителям, к ним бы примкнуло наибольшее число приверженцев. Первое время Критий был единомышленником и другом Ферамена. Когда же первый стал склоняться к тому, чтобы казнить направо и налево, не считаясь с количеством жертв, так как сам он пострадал от афинской демократии, будучи изгнанным, Ферамен стал противиться: «Нехорошо,— говорил он,— казнить людей, вся вина которых в том, что они пользовались популярностью в массе, если от них не было никакого вреда добрым гражданам. Ведь и я и ты сам многое говорили и делали только лишь для того, чтобы угодить афинянам». Критий, который был тогда еще другом Ферамена, возражал ему на это: «Честолюбивые люди должны стараться во что бы то ни стало устранить тех, которые в состоянии им воспрепятствовать. Ты очень наивен, если полагаешь, что для сохранения власти за нами надо меньше предосторожностей, чем для охранения всякой иной тирании: то, что нас тридцать, а не один, нисколько не меняет дела». Некоторое время спустя, после того как было казнено много людей, часто совершенно невин-

ных, и повсюду можно было заметить, как сходятся граждане и с ужасом спрашивают друг у друга, какие новые порядки их ожидают,— Ферамен снова выступил с речью, говоря, что без достаточного количества политических единомышленников никакая олигархия не может долго держаться. При таком положении вещей страх охватил Крития и прочих правителей; особенно же они боялись, чтобы оппозиция не сгруппировалась вокруг Ферамена. Они сочли себя вынужденными допустить к правлению три тысячи граждан, по составленному ими списку. Но и на это Ферамен возразил, что прежде всего ему представляется нелепостью то, что они, желая иметь единомышленниками благонамереннейших из граждан, отсчитали ровно три тысячи, как будто есть какая-то внутренняя причина, в силу которой добрых граждан должно быть как раз столько, и будто вне списка не может оказаться порядочных людей, а в списке — негодяев. Далее, по его мнению, правители в своих действиях самим себе противоречат: они решили править, опираясь исключительно на силу, а между тем они слабее тех, кем им придется управлять. Таковы были доводы Ферамена. Между тем правители устроили смотр граждан. Трем тысячам было приказано собраться на агоре, а прочим в другом месте. Затем им была дана команда выступить в полном вооружении. Когда они расходились по домам, правители послали лакедемонских солдат и своих приверженцев из числа граждан отобрать оружие у всех афинян, кроме трех тысяч, попавших в список, снести его на Акрополь и сложить в храм. После этого правители получили возможность делать все, что им угодно, и много афинян пало жертвой их личной вражды; многие также были казнены ради денег. Чтобы раздобыть необходимые средства для уплаты жалованья гарнизону, они постановили, что каждый из правителей может арестовать одного метэка, убить его и конфисковать его имущество в казну. Они предлагали и Ферамену воспользоваться этим правом, но он возразил им на это: «Не подобает тем, которые именуют себя лучшими гражданами, поступать еще более несправедливо, чем сикофанты. И в самом деле сикофанты ведь не лишали жизни тех, кого им удавалось обобрать, тогда как мы убиваем людей, ни в чем перед нами не провинившихся, только для того, чтобы воспользоваться их имуществом. Конечно, это во много раз несправедливее, чем все то, что творили сикофан-

ты». Тогда прочие соправители, видя, что он является помехой во всех их предприятиях и не дает им управлять по своему произволу, стали злоумышлять против Ферамена, всячески клеветали на него и говорили, что он поносит существующий государственный строй. Был созван совет; на это собрание было приказано явиться с кинжалами за пазухой юношам, имевшим репутацию наиболее отважных. По прибытии Ферамена Критий, взойдя на кафедру, произнес следующую речь: «Члены совета! У многих из вас, вероятно, появилась мысль, что слишком много гибнет народу,— больше, чем это необходимо. Но примите во внимание то, что так бывает при государственных переворотах всегда и везде. Наибольшее же число врагов сторонники олигархического переворота, само собой разумеется, должны иметь здесь, в Афинах: ведь наш город многолюднейший в Элладе, и народ здесь наиболее продолжительное время рос и воспитывался на гражданской свободе. Для таких людей, как мы с вами, демократический строй, конечно, крайне тягостен и невыносим; вдобавок лакедемонянам, даровавшим нам жизнь и свободу, сторонники народовластия испокон века были врагами, тогда как благонадежные слои населения были всегда им преданы. Поэтому-то, с одобрения лакедемонян, мы и установили этот государственный строй; поэтому-то, если до нашего сведения доходит, что кто-либо враждебно относится к олигархическому правлению, мы принимаем все возможные меры для устранения таких лиц. А если в рядах поносящих новый государственный строй окажется кто-либо из нашей среды, мы должны его преследовать еще более энергично. Такой случай, граждане, ныне налицо: оказывается, что находящийся здесь Ферамен всячески добивается гибели — как нашей, так и вашей. В истинности моих слов вы убедитесь, если обратите внимание на то, что никто еще не выступал с таким резким порицанием существующих порядков, как присутствующий здесь Ферамен; точно так же каждый раз, как мы хотим устранить с нашего пути кого-либо из демагогов, мы наталкиваемся на сопротивление с его стороны. Пусть бы он был с самого начала такого образа мыслей,— мы бы его считали, конечно, нашим врагом, но у нас не было бы никакого основания обвинять его в непорядочности. Но нет! Именно он положил начало союзу и дружбе с лакедемонянами, именно он первый организовал уничтожение народовластия; наконец,

именно он-то и побуждал вас наказать тех, которые первыми предстали перед вами как обвиняемые. А теперь, когда мы с вами открыто выступили врагами народовластия, он почему-то возмущается происходящим. Цель его ясна: он хочет оградить себя от возможной опасности, взвалив на нас всю вину за то, что творится теперь. Вот почему нам и вам следует наказать его не только как врага, но и как предателя. Ведь предательство тем ужаснее открытой войны, что от тайных козней труднее уберечься, чем от открытого нападения. И к предателю следует относиться суровее, чем к врагу; с врагом возможно ведь примирение и обмен дружественными клятвами, тогда как никто и никогда не станет заключать договоров или вообще в чем-либо доверять человеку, уличенному в предательстве. Теперь я напомню вам обо всех делах Ферамена, чтобы вы убедились, что он меняет свои убеждения не впервые, что предательство впитано им с молоком матери. Он начал свою деятельность с того, что вступил в число вожаков демократии. И он же, по примеру своего отца Агнона, стал ревностным сторонником переворота, поставившего на место народовластия правление четырехсот, и даже играл руководящую роль в этом правительстве. Но затем тот же Ферамен проведав, что против господствующей олигархии растет сильная оппозиция, оказался в числе первых вождей народного движения против правителей. За это-то и прозвали его котурном. Ведь и котурн как будто приходится впору на обе ноги, но плохо сидит как на правой, так и на левой. Да, Ферамен, не тот человек имеет право на жизнь, который ловко заводит своих товарищей на опасный путь, а сам меняет фронт при первом же препятствии, а тот, который подобно отважному мореплавателю борется со стихиями, пока не подует попутный ветер. Если же при каждой буре мы будем менять направление пути и плыть по ветру, мы никак не сможем когда-либо приплыть к намеченной цели. Ты обвиняешь нас в том, что мы казнили слишком много народу, но никто из нас не повинен в таком количестве смертей, как ты сам: действительно, всякий политический переворот приносит с собой ряд смертных казней; без тебя же не обходится ни один переворот, и потому ты повинен как в смерти олигархов, погибших от рук демократии, так и в смерти демократов, погибших от рук знати. Ты, а не кто другой получил приказание стратегов подобрать

жертвы кораблекрушения в морской битве близ Лесбоса. Ты не исполнил этого приказания и тем не менее решился выступить с обвинением против стратегов и добился их смертной казни, дабы остаться самому безнаказанным. Можно ли щадить человека, который явно во всем ищет лишь своей выгоды, нимало не заботясь ни об общем благе, ни о своих друзьях? Зная о его политических метаморфозах, можем ли мы не принимать предосторожностей, чтобы он не мог поступить и с нами так же, как поступил с другими? По всем этим причинам мы его и привлекли к суду по обвинению в злоумышлении и предательстве против нас и вас. Правильность нашего поведения видна еще и из следующего. Несомненно, наилучший государственный строй — это лакедемонский. А у них если кто-нибудь из эфоров не подчинится безусловно постановлению большинства и станет выказывать дерзостное неуважение к власти и противиться ее решениям, он, разумеется, будет подвергнут эфорами и народным собранием тягчайшему наказанию. Если вы действительно мудры, то будьте же более сострадательны к себе самим, чем к нему. Ведь, если он избегнет казни, это даст повод поднять голову многим нашим политическим противникам, а его гибель отнимет последнюю надежду у всех мятежников как скрывающихся в нашем городе, так и бежавших за границу».

Этими словами Критий закончил свою речь и удалился на свое место.

Его сменил Ферамен. «Я начну, о мужи,— заявил он,— с того обвинения против меня, которым закончил свою речь предыдущий оратор. Он сказал, что, выставив обвинение против стратегов, я был виной их смерти. Но не я первый выступил с обвинением, а они, обвинив меня в том, что я не исполнил их приказания и не подобрал несчастных жертв морского боя при Лесбосе. Тогда я в свою защиту сослался на бурю, которая была так сильна, что нельзя было даже выплыть в море, а не то что подбирать затонувших. Народное собрание удовлетворилось моими объяснениями и признало, что выставленное стратегами против меня обвинение должно быть обращено на них же самих: ведь они, будучи убеждены, что спасение погибших возможно, тем не менее уплыли, оставив несчастных погибать. Впрочем, меня нисколько не удивляет, что рассказ Крития не соответствует действительности: ведь, когда все описанное происходило, его не было

в нашем городе, он находился в Фессалии и был занят тем, что помогал Прометею устраивать демократический переворот и вооружал пенестов для борьбы со своими господами. Вот чего он там добивался,— да не случится того же и у нас! Только в одном я согласен с Критием: если кто либо злоумышляет лишить вас власти и содействует усилению злоумышляющих против вас, он должен по справедливости подвергнуться высшей мере наказания. Но кто́ из нас так поступает, вы прекрасно рассудите, я в этом не сомневаюсь, если сравните все мое поведение — в прошлом и в настоящем — с поведением того же Крития. Разве между всеми нами не было полного единодушия, пока деятельность наша была направлена на привлечение к суду заведомых сикофантов, в ту эпоху, когда мы призвали вас в члены совета и назначали новых магистратов. Но с тех пор как правители стали арестовывать добрых граждан, я разошелся с ними во взглядах. Когда был казнен Леонт Саламинец, который не только считался, но и действительно был вполне добропорядочным человеком и решительно ни в чем не был повинен, я понял, что эта казнь не может не привести в ужас всех подобных ему добрых граждан и что эти граждане силою вещей должны будут стать врагами существующему государственному порядку. Точно так же арест богача Никерата, сына Никия, по моему глубокому убеждению, не мог не создать враждебного настроения к правительству в кругах богатых и благонамеренных граждан: ведь ни сам Никерат, ни отец его никогда и ни в чем не проявляли симпатий к демократии. Но когда от наших рук погиб тот самый Антифонт, который снарядил на свой счет во время войны две быстроходные триеры, я окончательно понял, что с этих пор все те, которые прежде сочувственно относились к новоорганизованному государству, станут смотреть на нас с подозрением. В другой раз я выступил с возражением, когда правители издали постановление, что каждый из них может собственной властью арестовать одного метэка: ведь было совершенно ясно, что с гибелью этих метэков весь этот слой станет врагом господствующего строя. Далее, когда правители отняли у народа оружие, я снова выступил с возражением, считая вредным ослабление мощи нашего народа. Я прекрасно понимал, что лакедемоняне вовсе не для того сохранили нам жизнь и свободу, чтобы мы, будучи бессильными, не в состоянии были оказать им

помощи. Ведь, если такова их цель, они могли бы никого из нас не оставить в живых, помучив нас еще короткое время голодом. Не понравилось мне и приглашение наемного гарнизона,— ведь нетрудно было набрать из среды самих граждан столько стражей, чтобы правительство могло беспрепятственно управлять подчиненным ему народом. Далее, когда я увидел, что в государстве появилось много противников этого правительства и что много народу удалено в изгнание, мне показалось нецелесообразным присуждать к изгнанию Фрасибула, Анита или Алкивиада. Я считал, что это наилучший способ для усиления противников: народ получал таким образом надежных вождей, а люди с жаждой ко власти — множество союзников. После всего сказанного — как вы думаете, следует ли по справедливости считать человека, открыто подающего такие советы, благожелательным или же предателем? Критий! Не те люди, которые препятствуют увеличению числа врагов и дают способ приобрести как можно больше союзников, играют на руку врагу, а, наоборот, те, которые несправедливо отнимают деньги у сограждан и убивают ни в чем не повинных людей, безусловно содействуют увеличению числа противников и своим низким корыстолюбием предают не только своих друзей, но и самих себя. Если вы еще не убедились в правильности моих слов, то обратите внимание хотя бы на следующее: неужели вы думаете, что Фрасибул, Анит и прочие изгнанники больше хотели бы, чтобы здесь царили те порядки, которых я добиваюсь, чем то положение дел, до которого мои соправители довели государство? Нет, я думаю, что при нынешнем положении вещей они убеждены, что они всюду встречают скрытое сочувствие; но если бы нам удалось привлечь на свою сторону лучшие элементы населения,— они считали бы самую мысль вернуться когда-либо на родину почти несбыточной. Еще было выдвинуто им против меня обвинение, что я постоянно готов менять свои убеждения. Рассмотрим же, насколько оно основательно. Заметьте, что правление четырехсот было установлено голосованием самого народного собрания, которому удалось внушить, что лакедемоняне охотнее заключат мир и вступят в союз при каком угодно другом строе, только не при демократическом. Но расчет этот оказался ошибочным, лакедемоняне ничуть не стали снисходительнее в выставляемых ими мирных условиях, а стратеги с Аристоте-

лем, Меланфием и Аристархом во главе были уличены в том, что соорудили на городском рву укрепление и рассчитывали, впустив сюда врагов, при их помощи заполучить власть в свои руки и в руки своих единомышленников. Узнав об этом, я действительно всячески противодействовал их затее,— но разве это называется предать друзей? Критий называет меня «котурном», так как я стараюсь угодить и нашим и вашим. Но скажите, бога ради, как же назвать того, который не нравится ни тем, ни другим? Ведь ты в демократическом государстве был злейшим врагом демократии, а в аристократическом — злейшим врагом добрых граждан. Я же, Критий, все время неустанно борюсь с крайними течениями: я борюсь с теми демократами, которые считают, что настоящая демократия — только тогда, когда в правлении участвуют рабы и нищие, которые, нуждаясь в драхме, готовы за драхму продать государство; борюсь и с теми олигархами, которые считают, что настоящая олигархия — только тогда, когда государством управляют по своему произволу несколько неограниченных владык. Я всегда — и прежде и теперь — был сторонником такого строя, при котором власть принадлежала бы тем, которые в состоянии защитить государство от врага, сражаясь на коне или в тяжелом вооружении. Ну же, Критий, укажи мне случай, когда бы я пытался устранить от участия в государственных делах добрых граждан, став на сторону крайних демократов или неограниченных тиранов. Если тебе удастся уличить меня в том, что я поступал когда-либо или теперь поступаю так, я согласен, претерпев самые ужасные муки, подвергнуться справедливой смертной казни».

Этими словами Ферамен окончил речь. Раздался одобрительный гул и стало ясно, что сочувствие большинства на его стороне. Критий понял, что если он позволит совету голосовать вопрос о Ферамене, то тот избегнет наказания, а с таким решением он никак примириться не мог. Поэтому он после предварительного совещания с соправителями вышел из помещения совета и приказал юношам, вооруженным кинжалами, занять места на ограде, так, чтобы они были видны членам совета. Затем он вернулся к совету и сказал: «Члены совета! Я полагаю, что только тот достойным образом защищает своих друзей, кто, видя, что они вовлечены в обман, приходит им на помощь и не позволяет, чтобы этот обман продолжался. Я хочу в насто-

ящем случае поступить таким же образом; ведь, стоящие там люди говорят, что они не позволят, чтобы я выпустил из рук человека, явно поносящего олигархию. По новым законам правительство не имеет права казнить никого из среды трех тысяч, если вы не примете большинством голосов соответствующего постановления. Зато лиц, не включенных в список, правители могут казнить по собственному усмотрению. Поэтому я, согласно желанию всех тридцати правителей, вычеркиваю из списка вышеуказанного Ферамена, и мы предадим его казни собственной властью». Ферамен, услышав это, вскочил на алтарь Гестии и воскликнул: «Граждане, умоляю вас оказать мне законнейшую услугу: да не будет Критию предоставлено право вычеркивать из списка по своему усмотрению ни меня, ни кого-либо другого из числа вас. Пусть они судят и меня и вас по тому закону, который они сами составили относительно судопроизводства над лицами, попавшими в список. Я прекрасно знаю, клянусь богами, что и этот священный алтарь мне не принесет никакого спасения; я припал к нему только для того, чтобы показать, что наши правители не только бессовестнейшие нарушители человеческих установлений, но и величайшие безбожники. Я буду крайне поражен, почтеннейшие граждане, если вы в этом деле не придете мне на помощь. Ведь этим вы защитите ваши собственные интересы, так как правители с таким же легким сердцем, как меня, могут вычеркнуть каждого из вас». После этого глашатый тридцати правителей приказал коллегии одиннадцати арестовать Ферамена. Последние явились в сопровождении служителей, начальником их был Сатир, самый наглый и храбрый во всей компании. Тогда Критий сказал: «Вот мы передаем вам Ферамена, осужденного по закону. Схватите этого человека, отведите его куда следует, и поступите с ним так, как полагается вслед за приговором». После этого Сатир и служители оторвали его от алтаря. При этом Ферамен, как обыкновенно бывает в таких случаях, призывал и богов и людей в свидетели происходящего. Но члены совета не нарушили спокойствия, так как они видели, что на ограде стоят молодцы, вроде Сатира, что все пространство перед помещением совета полно гарнизонными воинами, и хорошо знали, что все они вооружены кинжалами. Ферамен, пока его вели через агору, громким голосом жаловался на учи-
450 ненную над ним несправедливость. Передают такую,

будто бы сказанную им, остроту. Сатир велел ему замолчать, говоря, что в противном случае ему будет худо. На это Ферамен возразил: «А если я замолчу, разве мне не будет худо?» Когда же Ферамена, осужденного на смерть, заставили выпить кубок цикуты, он выплеснул оставшееся на дне и проговорил при этом, как это делается при игре в коттаб: «Дарю это моему ненаглядному Критию». Я хорошо знаю, что эти изречения вряд ли достойны упоминания; однако в человеке достойно уважения то, что, стоя лицом к лицу со смертью, он не теряет ни ясности ума, ни весело-игривого настроения духа.

4. Так погиб Ферамен. Теперь правители могли уже властвовать и распоряжаться, ничего не опасаясь. Они закрыли для лиц, не вошедших в список, доступ в город; кроме того, они арестовывали и сгоняли этих людей с усадеб вне города, желая завладеть их землею, а также раздать ее своим друзьям. Изгнанники бежали в Пирей, но и там они подвергались той же участи; поэтому Мегара и Фивы наполнились беглецами.

Сейчас вслед за этими событиями Фрасибул, совершив из Фив вылазку с отрядом приблизительно из семидесяти человек, захватил укрепленный пункт Филу. Тридцать правителей вышли ему навстречу из города с отрядом из трех тысяч вошедших в список граждан и всадников. Была чудная ясная погода. Тотчас же по прибытии этого отряда группа самонадеянной молодежи пошла приступом на крепость; но они получили лишь поранения и, не достигнув никакого результата, вынуждены были отступить. Тогда тридцать правителей решили обнести крепость со всех сторон стеною, чтобы повести правильную осаду и отрезать подвоз съестных припасов. Но ночью выпал густой снег и шел весь следующий день. Окоченевшие от снега, они вернулись в Афины, причем обоз потерпел жестокий урон от стрел защитников Филы. Тогда правители поняли, что если не будет надлежащей охраны, неприятель примется грабить поля Аттики, и отправили к границе почти весь лакедемонский гарнизон и две филы всадников. Этот караул был размещен стадиях в пятнадцати от Филы. Здесь он расположился лагерем в кустах и был настороже.

После того как собравшийся в Филе отряд достиг почти семисот человек, Фрасибул с этим отрядом ночью спустился в равнину, занял пост приблизительно

в трех или четырех стадиях от вражеского гарнизона и выжидал. На рассвете, когда гарнизонные солдаты разошлись из лагеря по своим надобностям и конюхи с громким шумом чистили скребницей лошадей, солдаты Фрасибулова отряда, вооружившись, бегом устремились на гарнизон. Кое-кто был убит на месте, остальных Фрасибул обратил в бегство и преследовал на расстоянии шести-семи стадий, убив более ста двадцати человек гоплитов, а из всадников — Никострата, известного под прозванием Красавца, и еще двух. Они были захвачены врасплох и убиты на своих постелях. После этого отряд Фрасибула вернулся к месту стоянки. Поставили трофей, запаковали отнятые у неприятеля оружие и утварь и затем удалились в Филу. Пришли на подмогу всадники из города, но они уже не застали никого из врагов и прождали лишь, пока прибывшие родственники убитых подобрали трупы, а затем вернулись в город. После всех этих событий тридцать правителей поняли, что их положение стало далеко не безопасным, и поэтому остановились на мысли завладеть Элевсином, чтобы иметь, в случае нужды, убежище. Дав приказ коннице сопровождать их, правители, с Критием во главе, отправились в Элевсин. Здесь они устроили перепись местных жителей в присутствии всадников под тем предлогом, что якобы желают выяснить число этих жителей и в какой вооруженной охране они нуждаются. Они приказали всем по очереди подходить и записываться, а записавшиеся должны были поодиночке через калитку проходить к морю. На берегу же моря были расставлены справа и слева всадники, и каждого выходящего прислужники хватали и вязали. Когда все были связаны, правители приказали гиппарху Лисимаху отвести их в город и передать одиннадцати. На следующий день правители созвали в Одеон вошедших в список гоплитов и всех всадников. Ораторскую трибуну занял Критий и сказал следующее: «Введенный нами, правителями, государственный строй преследует не в меньшей мере ваши интересы, чем наши собственные. Вы пользуетесь преимуществами, которые вам предоставляет этот строй, а потому должны подвергаться и сопряженным с новым устройством опасностям. Мы с вами должны решаться на одни и те же рискованные шаги и нести одинаковую ответственность; поэтому вы должны подать голос за то, чтобы арестованные элевсинцы были казнены». Затем он указал место, в кото-

рое каждый должен был открыто класть свой камешек. Посреди же Одеона стоял вооруженный лаконский гарнизон; все это было по душе не только правителям, но и тем из граждан, которыми руководила только жажда власти наживы.

Вскоре после этих событий Фрасибул во главе собравшихся в Филе, число которых достигло уже тысячи, прибыл ночью в Пирей. Узнав об этом, правители тотчас же вышли ему навстречу, ведя с собой всадников, гоплитов и лаконский гарнизон, и направились по большой дороге, ведущей в Пирей. Прибывшие из Филы сперва пытались не пропустить их; но, так как окружность, по которой надлежало расставить гарнизон, оказалась слишком велика и требовала очень большого количества солдат, а отряд их был весьма малочислен, то они стянули все свое войско в один пункт, в Мунихию. Войско же, пришедшее из города, прибыв на Гипподамов рынок, первым делом выстроилось так, что заполнило всю дорогу, ведущую к святилищу Артемиды Мунихии и к Бендидию. В глубину это войско имело не меньше чем 50 щитов. Выстроившись таким образом, войско двинулось вверх. Пришедший из Филы отряд вышел им навстречу по той же дороге, имея в глубину не более десяти гоплитов, за этими гоплитами выстроились пельтофоры и легковооруженные метатели дротиков, за ними отряд, вооруженный камнями для метания. Этих последних было много, так как сюда прибывало порядочно и местного народу. Пока неприятель приближался, Фрасибул приказал солдатам оставаться под оружием, сняв только щиты, и, сделав то же и сам, вышел на середину войска и сказал следующее: «Граждане! То, что я хочу вам сказать, одни из вас узнают впервые; другим это уже известно и послужит только напоминанием. В наступающем на нас войске правый фланг занимают те, кого вы четыре дня тому назад обратили в бегство и преследовали бегущими. Что же касается тех, которых вы видите с краю на левом фланге,— это те самые тридцать правителей, которые лишили нас безо всякой вины отечества, выгнали из насиженных мест и лишили нас самых дорогих и близких людей. Но теперь дело в таком положении, какого они никогда не предвидели, но которое было всегда нашей заветной целью: мы противостоим нашим противникам с оружием в руках. Много пришлось нам перенести несправедливостей: одни из нас были захвачены во

время обеда, другие во время сна, третьи на рынке; некоторые не только не совершили никакого преступления, но даже в то время, как были объявлены изгнанниками, были вдали от родины. За все это боги теперь явно выступили нам на помощь: когда им это полезно, они ниспосылают грозу при ясном небе; благодаря их помощи нам удается, будучи малочисленными, побеждать в бою огромные полчища врагов и ставить трофеи. И теперь они привели нас в такое место, что враги не могут пускать стрел и дротиков, так как они выстроились вверх по косогору, благодаря чему передние ряды мешают задним; мы же, бросая вниз по склону копья, дротики и камни, легко попадаем в них и многих раним. Не думайте, что первым рядам придется сражаться на равных условиях: если вы теперь, как и следует ожидать, храбро пустите во врага град стрел, то ни одна стрела не пропадет даром,— все попадут в цель, так как на всей дороге нет ни местечка, которое не было бы занято вражеским солдатом. Защищаясь от стрел, им придется прятаться за щиты, так что можно будет как слепым наносить им удары куда вздумается и, нападая, обращать их в бегство. Граждане! Вы должны вести себя так, чтобы каждый из вас был в глубине души убежден, что он главный виновник победы. С божьей помощью эта победа вернет нам родину, домашний очаг, свободу, почет, детей — тем, у кого они есть,— и жен. Блаженны те из нас, которым суждено победить и увидеть этот радостнейший день. Счастливы и те, кому суждено пасть в бою: ни один богач в мире не воздвигнет себе такого чудного памятника. Когда наступит подходящий момент, я первый запою пэан; при словах песни, призывающих Эниалия, мы единодушно бросимся на врага и отомстим тем, которые оскорбили нас».

Сказав это и обратив фронт к неприятелю, Фрасибул спокойно ждал неприятельского нападения. Дело в том, что прорицатель изрек ему, что он может нападать на врага не прежде, чем кто-либо из его войска будет ранен или убит. «Случится же это,— сказал прорицатель,— так, что я буду идти впереди, а вы пойдете вслед за мной, и вы победите, а меня, мнится мне, ожидает смерть». Он не ошибся в своем предсказании: как только воюющие выступили в бой, сам он, как будто руководимый каким-то тайным роком, первый выскочил из строя и, ворвавшись в ряды неприятеля, нашел там смерть. Похоронен он в Кефисе, в том месте, где

его переходят вброд. Но его товарищи по оружию действительно победили и преследовали неприятеля до самой равнины. Из тридцати правителей в этом бою погибли Критий и Гиппомах, из Пирейской коллегии десяти — Хармид, сын Главконов, кроме того в этом бою пало около семидесяти человек. Солдаты Фрасибула сняли оружие с побежденных, но ни с кого из граждан не сняли хитонов. После этого было заключено перемирие для уборки трупов. Многие солдаты воюющих сторон подходили друг к другу и дружелюбно разговаривали. Глашатай мистов Клеокрит, обладавший звучным голосом, дав знак, чтобы водворилась тишина, сказал следующее: «Граждане, за что вы нас изгоняете? За что хотите нашей смерти? Ведь мы никогда не причинили вам никакого зла, мы были вашими соучастниками в самых священнейших богослужениях и жертвоприношениях, в самых пышных празднествах; мы вместе плясали, вместе ходили в школу, вместе сражались, вместе неоднократно мы обрекали себя на крайнюю опасность и на суше и на море за общее наше спасение и свободу. Во имя богов — покровителей наших отцов и матерей, во имя родственников, свойственников и друзей — все это ведь у многих из нас общее — постыдитесь богов и людей и положите конец творимому вами преступлению против отечества, перестаньте повиноваться безбожнейшим тридцати правителям, которые ради собственной прибыли убили за восемь месяцев чуть ли не больше афинян, чем все пелопоннесское войско за десять лет войны. И тогда, когда ничто нам не препятствует наслаждаться благами мира и пользоваться хорошим государственным устройством, они заставляют нас сражаться друг с другом в самой позорной, тягостной, безбожной, враждебной и богам и людям войне. Вы ведь и сами хорошо знаете, что по многим из тех, которые теперь погибли от наших рук, горюете не только вы, но и мы плачем горючими слезами».

Такую речь произнес Клеокрит. Оставшиеся же в живых из правителей, принужденные в дополнение к поражению еще выслушать такую речь, увели своих воинов в город. На следующий день правители сидели в заседании совета, всеми покинутые и глубоко удрученные. Что же касается трех тысяч граждан, то они на своих постах вели между собою оживленные споры. Те, которые имели на своей совести какое-нибудь насилие и потому опасались, упорно повторяли, что не

следует уступать занявшим Пирей; те же, которые не знали за собой никакого преступления, прекрасно понимали и других убеждали, что нет никакой необходимости оставаться дальше в беде, говоря, что не надо повиноваться правителям и позволять им губить народ. В конце концов они приняли постановление отнять власть у правителей и выбрать на их место других. Было выбрано десять человек, по одному от каждой филы.

После этого тридцать правителей бежали в Элевсин, а власть над горожанами, крайне испуганными и не доверяющими друг другу, перешла в руки избранных десяти лиц и гиппархов. По ночам в Одеоне дежурил гарнизон всадников, имея наготове и коней и щиты; вследствие тревожного состояния эти всадники ходили дозором по городской стене вечером со щитами, а утром верхом, постоянно опасаясь, чтобы на горожан не напал кто-нибудь из засевших в Пирее. Последние, вследствие стечения разнообразного народа, стали уже очень многочисленными; они сделали себе щиты — одни из массивного дерева, другие из ивовых прутьев — и выкрасили их в белую краску. Ранее чем прошло десять дней с захвата Пирея, они дали клятву, что чужеземцы, которые будут воевать вместе с ними, будут уравнены в податях с гражданами, и стали совершать вылазки из стен. В их войске было очень много гоплитов и множество легковооруженных; были у них и всадники в числе около семидесяти. Они производили фуражировку и, захватывая дрова и плоды, к ночи возвращались назад в Пирей. Что же касается городских войск, то из пехотинцев никто не решался выйти, но всадникам удавалось от времени до времени уводить в плен отдельных грабителей из числа пирейских солдат и наносить им урон, когда они выходили сплоченным строем. Встретились они также с несколькими эксонейцами, отправившимися за припасами на свои поля. Гиппарх Лисимах казнил их, несмотря на их мольбы и негодование многих всадников. Засевшие в Пирее, со своей стороны, убили из числа всадников Каллистрата из филы Леонтиды, захваченного на поле. Они стали настолько уверены в себе, что стали атаковать городскую стену. Позволю себе еще рассказать следующее о городском военном механике. Узнав, что неприятель собирается подвести стенобитные машины к городской стене и расставить их на
 пространстве между нею и Ликеем, он приказал, что-

бы на каждую телегу был положен огромный камень, чтобы пара лошадей отвезла каждый такой камень к стене и чтобы эти камни были сброшены в различных местах указанного пространства. Когда это было исполнено, каждый из камней причинил массу хлопот неприятелю. Затем были отправлены послы в Лакедемон; тридцать правителей послали своих послов из Элевсина, а граждане, попавшие в список,— своих, из города. Послы просили их прислать помощь, заявляя, что афинский народ отложился от лакедемонян. Лисандр полагал, что засевших в Пирее можно будет скоро взять осадой, если запереть их с суши и с моря и лишить подвоза съестных припасов; он исходатайствовал афинянам ссуду в сто талантов и добился того, что сам он был послан гармостом во главе сухопутного войска, а брат его Либий — навархом. Направившись в Элевсин, он присоединил к себе по пути много пелопоннесских гоплитов; наварх же сторожил на море, чтобы к засевшим в Пирее не было никакого подвоза съестных припасов. Таким образом последние скоро оказались в самом затруднительном положении, а городское войско в виду поддержки Лисандра стало снова верить в свой успех. Вследствие такого блестящего положения дел царь Павсаний стал завидовать Лисандру: он боялся, что тот, выполнив свое предприятие, прославится и сделает Афины своим владением. Поэтому он, склонив на свою сторону троих из числа эфоров, снаряжает экспедицию в Афины. За ним последовали все союзники, кроме беотийцев и коринфян. Последние заявили, что они считают клятвопреступничеством идти на афинян, ничем не нарушивших союзного договора. Они знали, что лакедемоняне имеют в виду покорить афинян и сделать их своими верноподданными, и это было действительной причиной их отказа. Павсаний расположился лагерем в так называемом Галипеде, около Пирея, занимая правый фланг; Лисандр же с наемниками занял левый. Затем Павсаний послал послов к засевшим в Пирее с предложением прекратить войну и вернуться к мирному труду, получив назад свое прежнее имущество; когда же они отказались, он стал атаковать их только для вида, чтобы не выдать своего расположения к ним. Этот приступ был безрезультатным, и он вынужден был отступить, но на следующий день, взяв с собой две моры лакедемонских и три филы афинских всадников, он прибыл в Тихую Гавань, чтобы высмотреть,

с какой стороны Пирея удобнее всего возвести осадные укрепления. На обратном пути на него напал отряд врагов и причинил ему много беспокойства; он рассердился и приказал всадникам погнаться во весь опор за ними, а вместе с ними и пехоте призыва последних десяти лет; вслед за ними двинулся он сам с остальными солдатами. Они убили около тридцати легковооруженных, а остальных преследовали до Пирейского театра. Там стояли под оружием все пирейские пельтасты и гоплиты. Легковооруженные тотчас же выбежали и стали бросать дротики, крупные камни, стрелы и камешки из пращей. Лакедемоняне, после того как многие из них были ранены, оказались в трудном положении и стали шаг за шагом отступать, не поворачивая фронта; но враги, заметя это, стали наступать еще ожесточеннее. Тогда в лакедемонском войске оказались даже и убитые: Херон и Фибрах, оба полемарха, победитель на олимпийских играх Лакрат и много других; это те самые лакедемоняне, могилы которых можно видеть перед воротами в Керамике. Увидя это, Фрасибул и прочие гоплиты бросились на подмогу и тотчас же выстроились по восемь человек в ряд перед легковооруженными. Павсаний оказался в крайне затруднительном положении; он отступил приблизительно на четыре или пять стадий к какому-то холму и известил лакедемонян и прочих союзников, чтобы они шли к нему. Так он выстроился в очень глубокую фалангу и двинулся на афинян. Противник не уклонился от рукопашного боя, но вскоре часть афинян была оттеснена в расположенное в Галийском деме топкое место, а часть была обращена в бегство; из них погибло при этом около полутораста человек. После этого Павсаний поставил трофей и удалился. Он не только не думал гневаться на противников, но даже втайне подослал к ним людей, которые вразумили засевших в Пирее, с какими предложениями они должны послать послов к нему и к бывшим с ним эфорам. Те послушались его совета. Павсанию удалось также расколоть и находившихся в городе афинян на две партии; сторонникам одной из них он предложил, чтобы они, собравшись в как можно большем числе, явились к нему и к эфорам и заявили, что им нет никакого смысла воевать с занявшими Пирей, но что они хотят примириться и сообща быть друзьями лакедемонян. Навклид, один из эфоров, с удовольствием выслу-
458 шал такие речи афинян. У лакедемонян полагается,

что царя сопровождают в поход двое из числа эфоров; поэтому в лагере и присутствовал Навклид и другой эфор; оба они больше склонялись к образу мыслей Павсания, нежели Лисандра. Поэтому они охотно препроводили в Лакедемон послов от засевших в Пирее, шедших с предложениями мира, а также и представителей партии меньшинства в городе — Кефисофонта и Мелета. После того как они ушли в Лакедемон, туда отправились послы от афинского правительства с заявлением, что они предают самих себя и все свои укрепления на волю лакедемонян. «Пусть же,— сказали они,— и засевшие в Пирее, если они действительно, как они утверждают, друзья лакедемонянам, сдадут им Пирей и Мунихию». Услышав обо всем этом, эфоры и экклеты послали в Афины пятнадцать человек и поручили им вместе с Павсанием постараться изыскать наилучшие условия для примирения враждующих партий. Им удалось помирить афинян на следующих условиях: 1) обе партии должны отныне не враждовать между собой; 2) каждый получает свое прежнее имущество, кроме тридцати правителей, коллегии одиннадцати и десяти бывших начальников Пирея; 3) кто из владевших городом боится народного мщения, может поселиться в Элевсине. Добившись примирения на таких условиях, Павсаний распустил свое войско, а засевшие в Пирее взошли с оружием в руках на Акрополь и совершили жертвоприношение Афине. Когда они спустились с Акрополя, стратеги созвали народное собрание, и Фрасибул сказал следующее: «Я очень рекомендовал бы вам, занимавшим прежде город, дать себе отчет в вашем образе действий. Для этого прежде всего рассудите, пожалуйста: какие такие заслуги дали вам право быть настолько самонадеянными, чтобы претендовать на власть над нами? Не считаете ли вы себя более справедливыми, нежели мы? Но ведь народ, будучи беднее вас, никогда не причинял вам обид с целью выгоды, вы же, будучи самой богатой частью населения города, учинили целый ряд гнусностей корысти ради. Итак, вы нас нисколько не превосходите в справедливости. Теперь рассмотрим, не может ли, чего доброго, ваше самомнение основываться на храбрости. Но разве мог быть лучший случай убедиться в том, кто из нас храбрее, чем та борьба, которую мы вели друг с другом? Или, может быть, вы скажете, что вы превосходите нас разумом? Но ведь вы имели в своих руках и крепость, и оружие,

и деньги, и союзников-пелопоннесцев,— и тем не менее вашей власти положили конец люди, лишенные всего этого! Или ваше самомнение основано на расположении к вам лакедемонян,— тех самых лакедемонян, которые теперь спокойно ушли, выдав вас обиженному вами народу, как выдают пострадавшему укусившую его собаку, предварительно посадив ее на цепь? Вы же, занимавшие Пирей, несомненно не только никогда не нарушали своих клятв, но, в дополнение к прочим душевным качествам, доказали, что вы верны слову и благочестивы». Он говорил еще много подобных вещей и закончил тем, что не следует устраивать никаких переворотов, но надо исполнять старые афинские законы. Затем он распустил народное собрание. С этих пор, выбрав должностных лиц, они стали жить под сенью старых законов. Через некоторое время, однако, пришло известие, что засевшие в Элевсине приглашают к себе на службу наемников. Тогда составилось всенародное ополчение, отправившееся против них. Стратеги элевсинцев, вышедшие для переговоров, были убиты, а к остальным были подосланы друзья и родственники, которые убедили их заключить мир с афинянами. Обе стороны дали клятвы, что не будут помнить прошлого зла; засевшие в Элевсине по сию пору пользуются гражданскими правами, и народ не нарушает своих клятв.

КНИГА СЕДЬМАЯ

1. В СЛЕДУЮЩЕМ году прибыли в Афины полномочные послы от лакедемонян и их союзников для выработки условий будущего союза лакедемонян с афинянами. После ряда речей, произнесенных как афинянами, так и неафинянами, в которых указывалось, что в основу соглашения должно быть положено полное равенство договаривающихся, выступил флиунтец Прокл и произнес следующую речь:

«Афиняне! В виду того, что вы почли за благо вступить в дружбу с лакедемонянами, нужно, кажется мне, тщательно заботиться о том, чтобы эта дружба была как можно более долговечной. Если условия договора будут таковы, что они окажутся наиболее подходящими для обеих сторон, то и самое соглашение, само собой разумеется, будет наиболее прочным. В особом рассмотрении нуждается только вопрос о гегемонии; в прочих пунктах почти нет разногласий. Ваш совет уже дал свою предварительную санкцию предложению, по которому вам должна принадлежать гегемония на море, а лакедемонянам — на суше.

Мне кажется, что это разграничение не есть человеческое установление,— оно предопределено природой и божественным промыслом. Этому в высшей степени соответствует прежде всего географическое положение вашей страны: большая часть городов, нуждающихся в море, расположена вокруг вашего города, и все они слабее вашего отечества. Кроме того, у вас есть гавани, без которых невозможно стать могущественными на море. Далее, у вас большой флот, и из поколения в поколение у вас выработалась привычка постоянно его увеличивать. Все те искусства, которые служат для морского дела, развиты на вашей родине. Опытом в морском деле вы также далеко превосходите всех других греков; ведь, большая часть населения вашей страны находит себе пропитание морскими промыслами. Таким образом, каждый из вас, за-

ботясь о своей личной пользе, одновременно с тем становится опытнее в морских боях. Прибавлю к этому еще то, что нет больше ни одной гавани, откуда могло бы одновременно выплыть так много триер, как из вашей. Это крайне важно для разрешения вопроса о гегемонии, потому что все государства наиболее охотно группируются вокруг того, кто и без них достаточно силен. Вдобавок боги даровали вам удачу в морском деле: в целом ряде величайших морских сражений вы одержали, в огромном большинстве случаев, победы, проиграв лишь очень немного боев. Поэтому вполне естественно, что ваши союзники подвергнутся опасности в морском бою охотнее всего под вашим предводительством. То, что верховное попечение о флоте должно принадлежать вам и необходимо вам, ясно из следующего. Когда-то лакедемоняне воевали с вами много лет подряд, но, несмотря на то, что им удалось овладеть вашей страной, они ничуть не приблизили вас этим к окончательному поражению. Но когда случилось так, что боги даровали им победу в морском бою, тотчас же вы оказались всецело в их власти. Из этого очевидно, что залог вашего спасения в море. При таком положении дел разве справедливо было бы, если бы вы позволили предводительствовать на море лакедемонянам, которые прежде всего и сами соглашаются, что вы опытнее их в морском деле? Далее, идя в морской бой, вы и они подвергаетесь далеко не одинаковой опасности: они рискуют только корабельным экипажем, вы же ставите на карту ваших детей, жен и все ваше государство.

Таково ваше положение в этом деле; теперь рассмотрим, в каком положении лакедемоняне. Прежде всего заметим, что они живут в глуби материка, поэтому, имея преобладание на суше, они смогут прекрасно просуществовать, даже если будут отрезаны от моря. Понимая это, они с самого раннего возраста упражняются в искусстве сухопутной войны. Далее, в военном деле самое важное — это повиновение начальству; и вот у лакедемонян наилучшая дисциплина в сухопутном войске, а у вас в морском. Затем, подобно тому, как у вас во флоте, у них в сухопутном войске все организовано так, что они могут в кратчайшее время двинуть наибольшее количество вооруженных сил. Поэтому естественно, что, присоединяясь к ним, союзники чувствуют себя в наибольшей безопасности. Сверх того, подобно тому как божество даровало вам

удачу на море, точно так же оно даровало им удачу на суше: участвуя в целом ряде сухопутных сражений, они почти всегда выигрывали их и очень редко терпели поражения.

То, что им руководство сухопутным войском не менее необходимо, чем вам руководство флотом,— ясно из хода исторических событий. Вы вели с ними много лет войну, многократно побеждали на море, и тем не менее вам никогда не удавалось поставить их в безвыходное положение. Но, когда один раз случилось, что они были побеждены на суше, им тотчас же пришлось опасаться за своих детей, жен и все государство. Так не ужасно ли было бы для них предоставить другим власть на суше, тогда как они наиболее искусны в сухопутной войне? Таково мое мнение, вполне согласное с предварительным решением совета. Я думаю, что это решение будет наиболее полезным для вас обоих. Обсудите же и найдите счастливый и наилучший для всех выход».

После этой речи раздались одобрения: она пришлась по душе и афинянам и присутствующим там лакедемонянам. Однако вслед затем выступил Кефисодот с такими словами:

«Афиняне, неужели вы не понимаете, что вас обманывают? Уделите мне немного внимания, и я вам это сейчас же разъясню. Допустим, что вы будете начальствовать на море. Лакедемоняне, будучи вашими союзниками, конечно, пошлют во флот своих граждан начальниками триер, пожалуй, еще и морскими воинами; матросами же на их судах будут, само собой разумеется, либо илоты, либо наемники. Вот над ними-то вы и будете предводительствовать. Когда же лакедемоняне прикажут вам выставить свои контингенты в сухопутное войско, вы, несомненно, пошлете ваших гоплитов и всадников. Таким образом, они окажутся предводителями вас самих, а вы — только их рабов и общественных отбросов. Отвечай-ка мне, лакедемонянин Тимократ, не говорил ли ты только что, что ты прибыл сюда, чтобы хлопотать о союзе на началах полного равноправия сторон?»

«Да,— отвечал тот,— я говорил это».

«В таком случае,— возразил Кефисодот,— не будет ли более соответствовать идее равенства, если обе стороны будут поочередно начальствовать то над флотом, то над сухопутным войском? При этом вы получите свою долю в тех выгодах, которые представляет на-

чальствование над морем, а мы — в тех, которые связаны с командованием на суше».

Услышав это, афиняне передумали и постановили, чтобы каждой стороне принадлежала верховная команда в течение пяти дней.

Затем афиняне, лакедемоняне и их союзники выступили походом в Коринф. Здесь они решили вместе охранять Оней. Когда фиванцы и их союзники выступили в поход, они выстроились с целью охраны в разных местах Онея; при этом лакедемоняне и пелленцы заняли наиболее доступное для нападения место. Фиванцы и их союзники, подойдя на расстояние в тридцать стадий к этим гарнизонам, расположились лагерем на равнине. Затем они выступили против лакедемонского гарнизона с таким расчетом, чтобы подойти к нему вплотную пред рассветом. Они не ошиблись в расчете и напали на лакедемонян и пелленцев, когда уже были сняты ночные караулы и солдаты, только что встав со своих постелей, отправляли разные потребности. В этот момент фиванцы, будучи в полной боевой готовности и выстроенные в боевой порядок, напали на них, не успевших ни приготовиться, ни выстроиться. Те, которым удалось спастись в этом столкновении, бежали на близлежащий холм. При этом лакедемонский полемарх имел полную возможность, присоединив к себе какое угодно количество союзнических гоплитов или пельтастов, удержать за собой эту позицию,— съестные припасы он мог беспрепятственно получать из Кенхрей. Однако он не сделал этого, а несмотря на то, что фиванцы были в затруднении, не зная, как им спуститься со склона гор, обращенного к Сикиону, и даже подумывали возвратиться обратно,— заключил перемирие с фиванцами, по общему мнению, более выгодное для них, чем для лакедемонян. Затем он отступил и увел с собой своих воинов.

После этого фиванцы в полной безопасности спустились с горы и соединились со своими союзниками аркадянами, аргивянами и элейцами; затем они тотчас же пошли приступом на Сикион и Пеллену, после чего отправились походом на Эпидавр и опустошили всю Эпидаврскую область, и вернулись преисполненные высокомерного презрения ко всем своим противникам. Приблизившись к Коринфской городской крепости, они устремились бегом к воротам, от которых идет дорога на Флиунт, с целью вторгнуться через

них, если они окажутся случайно открытыми. Навстречу им вышли из города легковооруженные и встретились с «отборным отрядом» фиванцев на расстоянии менее четырех плефров от городской стены. Коринфяне взобрались на надгробные памятники и другие возвышенные пункты и стали метать стрелы и дротики в фиванцев, причем в первых рядах было убито очень много людей и фиванцы обратились в бегство. Их преследовали на расстоянии приблизительно трех или четырех стадий. После этого коринфяне унесли все трупы и собрали их около городских стен. Фиванцы просили перемирия и выдачи трупов, коринфяне удовлетворили их просьбу и поставили трофей. Этот случай поднял бодрость духа у лакедемонских союзников.

В это же время к лакедемонянам пришла по морю помощь от Дионисия — более двадцати триер. На них были кельты, иберы и около пятидесяти всадников. На следующий день фиванцы и прочие их союзники выстроились, заполнив всю равнину моря до смежных с городом холмов: при этом они уничтожили все, что находили на равнине. Афинские и коринфские всадники почти не решались близко подходить к этому войску, видя, что противник многочислен и силен. Зато всадники, присланные Дионисием, как мало их ни было, рассеялись по равнине и, подъезжая к фиванскому войску в разных местах, бросали в него дротики, затем, когда враг бросался к ним навстречу,— отступали, затем снова поворачивались к неприятелю и бросали в него дротики. Во время этих нападений они по временам сходили с коней и отдыхали. Если же в это время на них кто-либо нападал, они ловко вскакивали на коня и ускользали. Если же кто-либо решался преследовать их при отступлениях, отходя на большое расстояние от своего войска, они устремлялись против этих людей и наносили им тяжкий урон своими дротиками, вынуждая все фиванское войско ради них двигаться вперед и отходить назад. Фиванцы простояли здесь еще несколько дней и вернулись на родину; то же сделали и все их союзники. После этого присланное Дионисием войско вторглось в Сикионскую область, сразилось с сикионянами в открытой равнине и одержало победу, причем сикионян пало около семидесяти. Затем они взяли приступом крепость Дерас. Этот первый вспомогательный отряд Дионисия, выполнив все это, отплыл назад в Сиракузы. Фиванцы и все

отложившиеся от Лакедемона до этих пор действовали единодушно, выступая в поход под предводительством фиванцев. Но в это время выступил на политическую сцену некто Ликомед, мантинеец по происхождению, никому не уступающий по знатности, очень богатый и честолюбивый человек. Он преисполнил сердца аркадян высокомерием, уверяя их, что только для них Пелопоннес — настоящее отечество, так как только они природные его жители; кроме того, он указывал им, что аркадяне — самое многочисленное из греческих племен и занимает первое место по телесной силе. Доказательством их мощи он считал то, что нуждающиеся в вооруженной помощи всегда обращаются преимущественно к аркадянам. Без помощи аркадян ни лакедемоняне никогда не вторгались в Аттику, ни фиванцы не шли теперь походом на Лакедемон.

«Итак,— добавил он,— если вы хотите вести разумную политику, вы должны перестать следовать за всяким, кто вас ни позовет на помощь: до сих пор вы содействовали росту лакедемонского могущества, выставляя свои контингенты в лакедемонское войско; если вы теперь не остережетесь заблаговременно, будете продолжать войну под руководством фиванцев и не потребуете, чтобы верховное командование войском чередовалось между вами и ими, то смотрите, чтобы они не оказались для вас вторыми лакедемонянами». Эти речи преисполнили гордостью сердца аркадян и послужили к необыкновенной популярности Ликомеда; его одного только считали достойным называться мужем. Затем произошли выборы должностных лиц, и были выбраны те, которых он рекомендовал. Благоприятное стечение обстоятельств также содействовало росту самомнения аркадян.

В это время аргивяне вторглись в Эпидаврскую область и, будучи окружены и лишены выхода наемниками Хабрия, афинянами и коринфянами, находились в самом критическом положении. Однако на помощь к ним пришли аркадяне и вывели их из затруднительного положения, несмотря на то, что им пришлось бороться не только с людьми, но и с самой природой. Далее, аркадяне пошли походом на Асину, лежащую в Лаконской области, победили в бою лакедемонский гарнизон, убили Геранора, занимавшего ранее должность спартанского полемарха, и предали разграблению предместье Асины.

Когда они решали выступить в поход, им не могли помешать ни ночь, ни вьюга, ни продолжительность пути, ни непроходимые горы. По всем этим причинам они считали себя в это время самыми храбрыми из греков. Эти же причины вызвали зависть и недоброжелательство фиванцев к аркадянам. Элейцы просили, чтобы аркадяне выдали им города, прежде отнятые у них лакедемонянами, но убедились, что аркадянам нипочем данные ими обещания; что для них дороже всего интересы трифилийцев и других отпавших от элейцев племен, так как последние утверждают, что они — аркадяне. Поэтому и элейцы стали относиться враждебно к аркадянам.

Таким образом, каждый из союзников был преисполнен высокомерия. В это время прибыл от Ариобарзана абидосец Филиск с большой суммой денег. Он начал с того, что созвал для переговоров о мире в Дельфы фиванцев, их союзников и лакедемонян. Собравшиеся здесь послы не доверили божеству решение вопроса о том, какие условия мира будут наилучшими, а стали обсуждать этот вопрос между собой. Так как фиванцы не соглашались признать господство лакедемонян над Мессеной, Филиск собрал большое наемное войско для войны в союзе с лакедемонянами.

Во время этих событий прибыл также второй вспомогательный отряд от Дионисия. Афиняне полагали направить его в Фессалию против фиванцев, лакедемоняне — в Лаконию. На собрании союзников верх взяло второе мнение, и присланный Дионисием отряд поплыл вокруг Пелопоннеса в Лакедемон и примкнул к Архидаму, который выступил в поход во главе гражданского ополчения. Он взял приступом Карии и перебил всех оставшихся в живых граждан. Оттуда он немедленно отправился походом на Паррасии, лежащие в Аркадии, и вместе с прибывшим от Дионисия отрядом предал разграблению эту область.

Когда на помощь паррасийцам пришли аркадяне и аргивяне, Архидам отступил и расположился лагерем на холмах, господствующих над Медеей. В то время как он занимал эту позицию, начальник присланного Дионисием вспомогательного отряда Киссид заявил, что уже истек срок, на который он был прислан. Заявив это, он немедленно же двинулся по дороге на Спарту. Однако во время этого похода мессенцы отрезали Киссиду путь, загнав его в ущелье, и он отправил

гонца к Архидаму с просьбой о помощи. Последний двинулся на помощь, но когда он прибыл к тому месту дороги, где от нее ответвляется дорога на Евтресии, аркадяне и аргивяне продвинулись по направлению к Лаконской области, также имея в виду отрезать ему отступление на родину. Он вышел на ровную площадку, расположенную при слиянии дорог на Евтресии и Медеи, и там выстроил войско для боя.

Рассказывали, что он обошел ряды войск и обращался к воинам с такими увещаниями: «Граждане, если мы теперь проявим храбрость, мы снова сможем смотреть друг другу прямо в глаза: мы передадим нашим потомкам отечество в таком же состоянии, в каком получили его от своих отцов. Положим же конец такому положению, при котором нам приходится стыдиться детей, жен, стариков и иностранцев, в глазах которых мы прежде были лучшим образцом храбрости из всех греков».

Во время этой речи ясная погода, как передают, внезапно сменилась громом и молнией: в этом видели счастливое предзнаменование для Архидама. Кроме того, случилось так, что у правого фланга войска как раз оказался священный участок и статуя Геракла. Все это, как говорят, придало воинам столько храбрости и смелости, что начальникам трудно было удержать их от стремления броситься вперед. Когда же Архидам вывел войско в бой, лишь немногие из врагов выдержали штыковой натиск и пали на своих позициях, все остальные обратились в бегство и были перебиты при отступлении. Множество их погибло от рук всадников; очень многие также пали под ударами кельтов. Когда битва окончилась, лакедемоняне водрузили трофей и тотчас же послали на родину гонца Демотела с известием о победе. Они передали обо всем блеске этой победы: из лакедемонян не погибло ни одного, а противников их пало огромное множество. Передают, что, когда спартанцы услышали эту весть, они все залились слезами, включая Агесилая, геронтов и эфоров: настолько одинаково выражается у людей и горе и радость. Этой неудаче аркадян радовались фиванцы и элейцы не многим меньше, чем лакедемоняне,— до такой степени они были недовольны высокомерием аркадян.

Фиванцы постоянно думали только о том, как бы им добиться верховного командования над всеми гре-

ческими силами. В конце концов они решили, что, отправив посольство к персидскому царю, они добьются от него больших выгод. Поэтому они сделали соответственное предложение своим союзникам, мотивируя свое решение тем, что и лакедемонянин Евтикл находился тогда при дворе царя. Затем отправились в глубь Азии от фиванцев Пелопид, от аркадян Антиох, победитель в панкратии, от элейцев Архидам. Кроме того, с ними был и представитель аргивян. Услышав об этом, и афиняне отправили, со своей стороны, послами Тимагора и Леонта. По прибытии послов ко двору Пелопид удостоился наибольшего почета от перса. Действительно, он мог сослаться на то, что фиванцы одни из всех греков сражались на стороне персов в Платейской битве и что после этого они никогда не выступали против царя, и что лакедемоняне боролись с ними за то, что они не хотели вместе с Агесилаем выступить против персидского царя и не позволили ему принести в Авлиде жертву Артемиде. Очень содействовало успеху Пелопида у царя и то, что фиванцы были победителями в Левктрской битве и предали разграблению Лакедемонскую область. Вдобавок Пелопид утверждал, что аргивяне и аркадяне потому были побеждены лакедемонянами, что фиванцы не явились им на помощь. Афинский посол Тимагор засвидетельствовал справедливость всех заверений Пелопида и был почтен царем после Пелопида больше всех остальных греков. После этого царь задал Пелопиду вопрос, какие он желал бы условия мира. Тот ответил, что он считает необходимым, чтобы Мессена была независима от лакедемонян и чтобы афиняне вытащили на сушу свои корабли. Если они не подчинятся этому решению, то против них следует выступить походом, и если какое-нибудь государство не захочет выставить своих контингентов в союзное войско, против него следует выступить прежде всего. Когда все это было занесено в мирный договор и прочтено послам, Леонт произнес так громко, что царь услышал: «Клянусь Зевсом, афиняне, по-видимому, вам пришла пора искать вместо царя какого-нибудь другого друга». После того как царский секретарь перевел слова Леонта царю, договор был снова унесен и принесен назад со следующей припиской: «Если афиняне остановятся на более справедливых условиях мира, то они могут снова явиться к царю с соответствующим заявлением». Когда послы вернулись в свои родные го-

рода, Тимагор был казнен афинянами, осужденный по обвинению, возбужденному Леонтом. Последний жаловался на то, что Тимагор не хотел находиться с ним в одной палатке и во всех своих мнениях примыкал к Пелопиду.

Из остальных послов элеец Архидам восхвалял все, что он видел у царя, так как царь отнесся к элейцам лучше, чем к аркадянам. Антиох же, обиженный тем, что царь пренебрег аркадянами, отказался принять подарки и заявил в собрании десяти тысяч, что у царя, правда, очень много пекарей, поваров, виночерпиев и привратников, но, однако, при всем старании ему не удалось увидать людей, которые могли бы сражаться с греками. К этому он прибавил, что россказни о царских сокровищах он также считает пустым бахвальством: ведь даже пресловутый золотой платан оказался такой величины, что под тенью его листвы не мог бы найти защиты от солнца даже кузнечик.

После этого фиванцы созвали представителей от всех государств для слушания царского послания. Принесший грамоту перс сперва показал царскую печать, а затем прочел грамоту. Вслед за этим фиванцы предложили всем, желающим заключить с ними и царем договор, присягать на верность присланным условиям. Послы возразили на это, что они посланы только для заслушания письма, а не для принесения клятвы. Если же фиванцам угодно приводить к присяге, то пусть они пошлют своих представителей по городам. Аркадянин Ликомед прибавил к этому, что местом собрания союзников должны быть вовсе не Фивы, а тот пункт, где вспыхнет война. Когда это вызвало неудовольствие фиванцев и они заявили, что он губит дело союза, он не пожелал далее участвовать в совещании и тотчас же удалился на родину вместе с прочими аркадскими послами.

Так как депутаты не захотели принести присяги в Фивах, фиванцы отправили послов ко всем греческим государствам с предложением принести присягу на верность условиям, изложенным в царской грамоте, полагая, что каждый отдельный город будет бояться вооружить против себя сразу и царя и фиванцев. Первым делом эти послы прибыли в Коринф. Коринфяне воспротивились предложению фиванцев и ответили, что они не видят никакой нужды в том, чтобы греки связали себя по отношению к царю общей присягой. Их примеру последовали и прочие города, давшие та-

кой же ответ. Таков был результат затеи Пелопида и фиванцев, имевшей целью доставить им господство.

После этого Эпаминонд, желая подчинить себе ахейцев, чтобы внушить этим уважение к себе аркадянам и прочим союзникам, решил отправиться походом на Ахайю. Он уговорил аргивянина Писия, занимавшего в Аргосе должность стратега, предварительно завладеть Онеем. Писий, узнав, что Оней весьма небрежно охраняется Навклом, начальником лакедемонских наемников, и афинянином Тимомахом, двинулся с отрядом из двух тысяч гоплитов и захватил ночью холм, господствующий над Кенхреями, имея при себе припасов на неделю. В течение этой недели фиванцы успели прибыть и, перевалив через Оней, двинулись со всеми союзниками на Ахайю под предводительством Эпаминонда. Ахейские аристократы обратились к нему с мольбой о снисхождении, и ему удалось благодаря своему влиянию настоять на том, чтобы знать не была изгнана и чтобы государственный строй не был насильственно изменен: фиванцы удалились на родину, удовлетворившись клятвенным заверением ахейцев, что они будут воистину союзниками и примут участие во всех походах фиванцев, против кого бы они ни были направлены. Однако это вызвало со стороны аркадян и оппозиционных партий в самой Ахайе обвинение в том, что Эпаминонд своим поведением подготовил в Ахайе благоприятную почву для лакедемонян. Поэтому фиванцы решили послать в ахейские города гармостов. Последние, прибыв на место назначения, при помощи народных масс изгнали аристократов и учредили во всех ахейских городах демократический строй. Изгнанники вскоре объединились и, оказавшись в весьма значительном числе, двинулись поочередно к каждому из городов; им удалось овладеть всеми ими и вернуться в свои родные города. Конечно, вернувшись к власти, они уже не держались больше нейтральной политики, но стали ревностными союзниками лакедемонян. Поэтому аркадяне теперь были теснимы с двух сторон: с одной — лакедемонянами, с другой — ахейцами.

Сикион до этих пор управлялся по исконным установлениям. Но после этих событий Евфрон, пользовавшийся у лакедемонян наибольшим почетом из всех сикионцев, решил добиться такой же первостепенной роли и у их противников. Он заявляет аргивянам и аркадянам что если власть в Сикионе будет в руках бога-

чей, то ясно, что при первом удобном случае город снова станет на сторону Лакедемона. «Если же,— добавил он,— власть попадет в руки демократии, то можете не сомневаться, что город останется вам верен навсегда. Поэтому, если вы мне обещаете поддержку, я готов (взять на себя организацию этого переворота и) созвать народ, что послужит доказательством моей преданности вам, и в то же время вы сделаете наш город верным вашим союзникам. Я поступаю так потому, что, как и вы, давно уже негодую на высокомерие лакедемонян и был бы очень рад случаю избавиться от их ига». Аркадяне и аргивяне с удовольствием приняли это предложение и обещали ему свою поддержку. Тотчас же после этого он собрал на агоре в присутствии аркадян и аргивян народное собрание, заявляя, что отныне государственный строй преобразуется на началах полного равноправия. Когда собрание открылось, Евфрон предложил народу выбрать стратегов по собственному усмотрению. Были выбраны: сам Евфрон, Гипподам, Клеандр, Акрисий и Лисандр. После этого он назначил начальником наемников своего сына Адея, сместив прежнего начальника Лисимена. Части этих наемников Евфрону удалось внушить к себе преданность подарками; сверх того он набрал новых наемников, не щадя ни казенных денег, ни храмовых сокровищ. Вдобавок он пользовался имуществом тех, которых он изгонял по обвинению в лаконофильстве. Из своих товарищей по должности он часть коварно убил, часть предал изгнанию. Таким образом он подчинил все своей власти и сделался явным тираном. Чтобы не натолкнуться при этом на сопротивление союзников, он действовал путем взяток, а также располагал их к себе тем, что его наемное войско охотно сопровождало их во всех походах.

2. В это время флиунтцы оказались в ужасном положении, терпя недостаток в пищевых продуктах. Их теснили с двух сторон: с одной стороны аргивяне воздвигли против них укрепление Трикаран над храмом Геры, с другой стороны сикионцы укрепили пограничный пункт Фиамию. Тем не менее флиунтцы оставались верными своим союзникам.

Историки никогда не забывают упомянуть о всяком славном деле, совершенном крупными государствами. Мне кажется, что еще более достойно упоминания то
 государство, которое, будучи незначительным, тем не

менее совершило многочисленные и доблестные подвиги.

Таковы флиунтцы. Они были друзьями лакедемонян тогда, когда те были величайшим государством Греции, и остались им верными также после того, как их постигла неудача в Левктрской битве, после того, как от них отложилось очень много периэков, все илоты и кроме того все союзники, за исключением лишь очень немногих, а против них выступили чуть ли не все греки. Несмотря на то, что врагами их были могущественнейшие племена Пелопоннеса — аргивяне и аркадяне,— они все же отправили свое войско на помощь лакедемонянам. На них выпал жребий двигаться в Прасии в хвосте союзного вспомогательного войска, состоявшего из коринфян, эпидаврцев, трезенцев, гермионцев, галийцев, сикионцев и пелленцев; однако они не воспользовались этим для отпадения. Мало того: когда ксенаг их оставил и присоединился к передним отрядам, они не только не повернули назад, но, наняв проводника из Прасии, благодаря всевозможным ухищрениям проскользнули в Спарту, несмотря на то, что неприятель стоял близ Амикл. Лакедемоняне за это осыпали их почестями и послали им быка, как дар гостеприимства. После ухода врагов из Лаконии аргивяне, раздраженные поддержкой, оказанной флиунтцами лакедемонянам, вторглись всенародным ополчением во Флиунтскую область и предали ее опустошению. Однако флиунтцы не примирились с этим: после того как враги удалились, уничтожив все, что могли, флиунтские всадники погнались за ними и напали на арьергард; несмотря на то, что флиунтцев было всего шестьдесят, а враг поставил в арьергарде всю свою конницу со включением нескольких взводов пехоты, им удалось обратить вражеский арьергард в бегство. Несмотря на то, что они перебили лишь немного врагов, им удалось в виду неприятеля водрузить трофей,— точь-в-точь, как если бы все неприятельское войско было перебито.

После этого лакедемоняне и их союзники снова охраняли Оней; фиванцы же подошли, намереваясь перевалить через горы. Когда аркадяне и элейцы, двигаясь на соединение с фиванцами, проходили через Немею, флиунтские изгнанники предложили им завладеть Флиунтом, утверждая, что для этого им стоит только согласиться появиться в виду города. Сговорившись относительно этого, изгнанники засели под са-

мой городской стеною, имея при себе лестницы; кроме них там засело еще около шестисот человек. В то время как дозорщики на Трикаранских высотах подали сигнал о приближении врага и все внимание горожан было поглощено этим известием, решившие предать город подали сигнал засевшим внизу, чтобы они лезли на стену. Те взобрались наверх, прогнали с постов дневных караульных, которых было десять, а также заняли и те караульные посты, которые оставались без стражи вследствие того, что из каждых пяти караульных днем оставался на своем посту только один. Из этих караульных один был застигнут спящим на своем посту и убит; другой погиб в то время как он искал убежища в храме Геры. Остальные караульные спустились бегом по склону стены, обращенному к городу, после чего взобравшиеся на стены всецело завладели акрополем. Шум достиг до города, и граждане выступили против врагов. Последние сначала устремились им навстречу, выйдя из акрополя, и завязали бой перед воротами, ведущими в город, однако под напором горожан они вскоре отступили назад в акрополь. Туда же ворвались вслед за ними и граждане. Последним удалось тотчас очистить от врагов всю внутреннюю часть акрополя, но противники, взобравшись на стены и башни, оттуда наносили удары и метали снаряды в находящихся внутри. Те отбивались снизу, стремясь получить доступ к лестницам, ведущим на стены. После того как гражданам удалось завладеть башнями, расположенными по обе стороны крепости, они с мужеством отчаяния бросились на противников, занявших стены, и завязали с ними рукопашный бой. Последние под напором храбро наступающих граждан становились все малочисленнее. Как раз в это время аркадяне и аргивяне окружили акрополь и пытались подрыть его стену в ее головной части. В то же время из занявших крепость граждан одни отражали врагов, успевших уже взобраться на стену; другие наносили удары тем из них, которые находились еще на лестницах и старались взобраться наверх снаружи, третьи теснили тех, которые еще удерживали в своих руках некоторые из башен, и так как в палатках граждан оказался припасенным огонь, они подожгли эти башни, обложив их снопами, снятыми с нивы, расположенной внутри акрополя. Приведенные в ужас этим пожаром находившиеся в башнях противники стали прыгать вниз; те же из них, которые стояли на стенах,

стали также падать вниз под ударами граждан. Это послужило началом полного поражения, и вскоре вся городская крепость была очищена от врагов. Тотчас вслед за этим выступила из города конница. Увидя ее, враги стали отступать, оставив лестницы и не подобрав павших в бою и даже некоторых из оставшихся в живых,— тех, которые получили ранения, лишившие их возможности уйти.

Всего погибло неприятелей, считая как тех, кто пал в бою внутри крепости, так и тех, кто разбился, прыгая наружу, не менее восьмидесяти. В этот момент можно было увидеть трогательное зрелище, как мужчины пожимали друг другу руки, поздравляя с благополучным избавлением, и как женщины, принося им пить, плакали от счастья. На лицах всех этих людей можно было видеть подлинные слезы радости.

На следующий год все войско аргивян и аркадян снова вторглось во Флиунт. Они нападали постоянно на флиунтцев не только по той причине, что были враждебно настроены против них: они всегда надеялись вынудить их к сдаче съестных припасов, так как Флиунтская область была расположена между владениями тех и других. Конница и отборный отряд флиунтцев и в этот раз выступили против врагов: они напали вместе с находившимися там афинскими всадниками на вторгшихся врагов, когда последние переходили через реку, одержали над ними победу и принудили их всю остальную часть дня подвигаться вплотную у подножий горных хребтов; получалось такое впечатление, как будто они движутся по дружественной стране и опасаются, как бы нечаянно не вытоптать хлеба, растущего на равнине.

Был и еще поход на Флиунт, предпринятый начальником фиванского отряда в Сикионе. Он двинулся во главе своих гарнизонных воинов, а также сикионцев и пелленцев, обязавшихся уже в то время участвовать в предпринимаемых фиванцами походах. Его сопровождало также около двух тысяч наемников с Евфроном во главе. На вершине, расположенной близ ворот, обращенных к Коринфу, он оставил сикионцев и пелленцев, чтобы флиунтцы не могли обойти здесь его войско и занять позицию, господствующую над храмом Геры; все же прочие воины перевалили через Трикаранские высоты и спустились к храму Геры с намерением опустошить равнину. Когда горожане узнали, что враги устремляются к равнине,

они выслали против неприятеля всадников и отборный отряд, которым удалось противостоять врагу и не допустить его к вторжению на равнину. Большая часть дня прошла в перестрелке; то отряду Евфрона удавалось оттеснить врага настолько в глубь равнины, что становилось возможным ввести в бой конницу, то гражданам удавалось продвинуться до храма Геры. Наконец неприятель счел нужным перейти к решительным действиям и двинулся в обход через Трикаранские высоты, так как узость прохода перед городской стеной не давала ему возможности пройти к пелленцам по этому, кратчайшему, пути. Флиунтцы некоторое время следовали за ними по подъему, а затем свернули в сторону и устремились по дороге, шедшей вдоль городской стены, на пелленцев и других, бывших вместе с ними. Войско, руководимое фиванским начальником, поняв намерения флиунтцев, бросилось также взапуски вперед, чтобы успеть прийти вовремя на помощь пелленцам. Флиунтские всадники прибыли тем не менее прежде их и врезались в неприятельское расположение. Пелленцы выдержали первый натиск; но когда флиунтцы, отступив, соединились с прибывшей пехотой, снова налетели на врагов и вступили в рукопашную,— последние обратились в бегство, причем погибло несколько сикионцев и очень много пелленцев, в том числе лучшие бойцы. После этого флиунтцы по обычаю поставили трофей и громко запели победную песню. Прибывшее под предводительством фиванского начальника Евфрона войско производило такое впечатление, как будто оно только затем обежало вокруг, чтобы полюбоваться этим зрелищем. После этого враги удалились в Сикион, а флиунтцы вернулись в город.

А вот еще один благородный поступок флиунтцев: когда ими был взят в плен живым их пелленский проксен, они отпустили его без выкупа, несмотря на то, что были в крайней нужде. Разве можно не назвать людей, совершающих подобные поступки, благородными и великодушными?

Теперь приведу пример, из которого с полной очевидностью вытекает, что флиунтцы сохраняли верность друзьям даже в минуты самых тяжких лишений. Когда они однажды были отрезаны от своих полей, они кое-как пробивались, частью добывая припасы во время набегов на вражеские поля, частью покупая их в Коринфе. Путешествие на рынок было сопряжено

с большой опасностью; трудно было раздобыть денег для уплаты; еще труднее было найти посредников для получения денег взаймы; неимоверных усилий, наконец, стоило найти людей, которые поручились бы за целость упряжного скота, который отвезет эти продукты во Флиунт. Оказавшись в таком ужасном и безвыходном положении, флиунтцы добились, чтобы к ним был прислан конвой под командой Харета. Когда последний прибыл во Флиунт, флиунтцы попросили его конвоировать в Пеллену неспособное к ношению оружия население. Прибыв туда, флиунтцы оставили там неспособных к войне граждан, закупили продукты, раздобыли, сколько только можно было, упряжный скот и ночью отправились в обратный путь. Они прекрасно знали, что враги поджидают их в засаде, но считали, что лучше принять бой, чем оставаться без припасов.

Флиунтцы и Харет подвигались вперед, пока не встретились с врагами. Тогда флиунтцы немедля устремились на врага, ободряя друг друга, завязали битву и громкими криками призывали Харета помочь им. Им удалось одержать победу и прогнать врага с дороги, благодаря чему они получили для себя и для припасов, которые они везли с собой, свободный проход на родину. Так как вся ночь прошла без сна, они легли спать утром и спали до довольно позднего часа дня. По пробуждении Харета к нему подошли всадники и доблестнейшие из гоплитов и сказали:

«Сегодня, Харет, тебе представляется случай выполнить славное дело: сикионцы укрепляют один из пунктов на нашей границе; там много рабочих, но совсем немного гоплитов. Впереди двинемся мы, всадники и сильнейшие из гоплитов; ты же с твоим наемным войском будешь следовать за ними сзади. Быть может, к тому времени, как ты прибудешь, дело уже будет сделано, но возможно, что именно твое появление и обратит врага в бегство, как было в Пелленской области. Если же ты затрудняешься исполнить наше предложение, то спроси совета у богов через жертвенное гадание. Мы полагаем, что боги дадут тебе такой совет еще охотнее, чем мы. Не забывай, Харет, и того, что если ты исполнишь это, ты приобретешь укрепленный пункт, откуда ты будешь угрожать врагам; ты принесешь спасение дружественному государству; наконец, ты прославишься больше всех в своем государстве, твое имя прогремит среди союзников и вра-

гов». Харет внял их просьбам и приступил к жертвоприношениям; в это же время флиунтские всадники немедля надели панцири и взнуздали лошадей, а гоплиты снарядились для пехотного боя. Затем они под оружием отправились к тому месту, где совершались жертвоприношения; их встретили Харет и гадатель и сообщили им, что жертвоприношения дали благоприятные предзнаменования. «Подождите,— прибавил он,— сейчас и наше войско выступит в поход». Как только глашатаи объявили об этом, наемники, как бы подстрекаемые какой-то высшей силой, быстро выбежали в путь. Когда Харет двинулся в путь, флиунтская конница и пехота опередили его; сперва они подвигались быстрым шагом, а затем перешли в бег; наконец, всадники погнали лошадей изо всех сил, пехота также побежала изо всей мочи, поскольку это было возможно, не расстраивая рядов; за ними поспешно следовал Харет. Это произошло за короткое время до захода солнца, и враги в укреплении были застигнуты врасплох: одни в это время умывались, другие готовили обед, третьи месили тесто, четвертые постилали постели. Увидев, с какой стремительностью на них нападают, бывшие в укреплении пришли в ужас и тотчас же бежали, оставив храбрецам все припасы. Эти поужинали продуктами, найденными здесь, а также принесенными ими с родины, совершили по случаю удачи возлияния, пропели победную песню, расставили гарнизоны и погрузились в сон. Прибывшее ночью в Коринф известие о взятии Фиамии было встречено очень сочувственно: глашатаи объявили о поставке всякого рода телег и упряжного скота, телеги эти были наполнены хлебом и отправлены во Флиунт; этот подвоз совершался ежедневно в течение почти всего того времени, пока захваченное укрепление заканчивалось постройкой.

3. Этим я заканчиваю повествование о постоянной преданности друзьям и военной храбрости флиунтцев, которые не нарушили верности союзникам, даже испытывая лишения во всем необходимом. Приблизительно в это же время стимфалиец Эней, занимавший пост аркадского стратега, считая недопустимым создавшееся в Сикионе положение, вступил со своим войском в акрополь этого города и призвал к себе оставшихся в городе, а также изгнанных без народного постановления представителей аристократической партии. Это привело в страх Евфрона; он бежал в Си-

кионскую гавань, призвал туда из Коринфа Пасимела и при его посредничестве передал гавань лакедемонянам; таким образом он оказался снова в числе их союзников. При этом он утверждал, что все время был им верен; по его словам, во время голосования вопроса об отложении от лакедемонян он был в числе немногих противников этого предложения; после этого он ратовал за введение демократического строя, имея единственной целью отомстить изменившим ему. «Таким образом,— заметил он,— ныне мною изгнаны все те, которые вам изменили. Если бы власть осталась в моих руках, я бы отложился к вам вместе со всем городом; ныне же я передаю вам только гавань, которой мне удалось овладеть». Многие выслушали эту речь; однако неизвестно, многие ли ему поверили.

Раз я уже начал, я доведу до конца эпизод об Евфроне. В то время как в Сикионе шла партийная борьба между аристократией и демократией, Евфрон, взяв из Афин наемническое войско, возвратился с ним на родину. При помощи демократов ему удалось овладеть городом; однако он прекрасно понимал, что, пока акрополь в руках фиванского гармоста, ему не удастся овладеть государством; поэтому, раздобыв денег, он отправился в Фивы, чтобы при помощи подкупа склонить фиванцев изгнать из Сикиона аристократов и снова передать город в его руки. Однако приверженцы бывшей прежде в изгнании партии, узнав об его отправлении и предварительных мерах, также отправились в Фивы. Здесь они увидели, что Евфрон в коротких отношениях с членами фиванского правительства. Опасаясь, что ему удастся добиться исполнения своих замыслов, некоторые из прибывших флиунтцев дерзновенно убили Евфрона в акрополе в присутствии совместно заседавших членов правительства и совета. Правители привели виновных в совет и сказали при этом следующее:

«Граждане, мы выступаем как обвинители убийц Евфрона и предлагаем вам осудить их на смертную казнь. При этом мы обращаем внимание на то, что благоразумные люди никогда не преступают божеских и человеческих законов; злодеи, если и поступают так, то, по крайней мере, стараются скрыть свои поступки. Обвиняемые же настолько превосходят всех остальных людей наглостью и низостью, что они самоуправно убили этого человека в присутствии самих правителей и вас, которым принадлежит неограничен-

ное право решать, кто заслуживает смерти и кто ее не заслуживает. Если эти люди не подвергнутся самой суровой каре,— кто сможет прибыть в наше государство, не подвергаясь риску? Что станет с нашим государством, если каждый сможет здесь по произволу убивать другого даже прежде, чем тот успеет сообщить о цели своего прибытия в наш город? Поэтому мы привлекаем этих людей к суду, как величайших преступников против божеской и человеческой справедливости и против закона, как проявивших самое презрительное отношение к нашему государству.

Итак, выслушайте это дело и наложите на них такое наказание, какого они, по вашему мнению, достойны».

После того как правители сделали это заявление, обвиняемые заявили, что они отрицают свою виновность в приписываемом им преступлении; только один из них сознался в убийстве и начал свою оправдательную речь приблизительно так:

«Фиванцы, мыслимо ли, чтобы человек, прекрасно сознающий, что в вашей власти сделать с ним все, что вам угодно, мог бы относиться к вам с презрением? Так на что же я в таком случае рассчитывал, убивая этого человека? Будьте уверены, что при этом я прежде всего основывался на том, что я поступаю справедливо; кроме того, я рассчитывал, что вы вынесете справедливый приговор. Ведь мне было прекрасно известно, что когда приверженцы Архия и Гипата поступали подобно тому, как теперь Евфрон, вы не ждали результатов голосования, а отомстили им, как только представилась возможность, будучи уверены, что очевидные безбожники, явные предатели и покушающиеся захватить тираническую власть всеми людьми признаются достойными смертной казни. А ведь Евфрон повинен во всех этих преступлениях! Действительно, когда он захватил власть, святилища были наполнены золотыми и серебряными посвятительными дарами; ныне же он оставил их совершенно пустыми. Далее, кого можно назвать более явным предателем, чем Евфрон? Сперва он был лучшим другом лакедемонян; затем предпочел им вас; затем, обменявшись с вами взаимными клятвами верности, снова вас предал, выдав гавань неприятелям.

И как можно сомневаться в том, что он был тираном, когда он рабам даровал не только свободу, но
480 и права гражданства, а граждан убивал, изгонял и ли-

шал имущества, и притом не тех, которые совершили какое-либо преступление, но всех, кого ему только ни вздумается? А этими неугодными ему людьми оказались как раз лучшие. Сверх того, обратите еще внимание на то, что он вернулся в наш город с вашими заклятыми врагами афинянами и обратил оружие против назначенного вами гармоста; когда же ему не удалось вытеснить последнего из акрополя, он, запасшись деньгами, прибыл сюда. Ведь, если бы он явился к вам, собрав войско, вы были бы мне благодарны за то, что я его убил; так неужели же было бы справедливо, если бы вы меня подвергли смертной казни за то, что я наказал человека, который пришел к вам, запасшись деньгами, дабы развратить вас и убедить вас назначить его снова полновластным господином. Ведь те, которые принуждаются силой оружия, терпят ущерб, но не становятся бесчестными; те же, которые развращаются деньгами и совершают благодаря этому несправедливости, не только терпят ущерб, но и становятся предметом позора.

Правда, если бы он был мне врагом, а вам другом, нехорошо было бы, если бы я его убил в вашем городе,— с этим я согласен. Но ведь он предал вас; так почему же он мне был большим врагом, чем вам? На это мне могут возразить: однако, ведь он прибыл сюда добровольно. Значит, если бы кто-нибудь убил его не на вашей земле, то заслужил бы похвалы, а теперь убить его преступно, и преступно только потому, что он снова прибыл к вам, готовый присоединить новые злодеяния к уже содеянным. Это ведь нелепо! Где в Греции видано, чтобы чтились договоры и обычаи в отношениях с предателями, обратными перебежчиками и тиранами? Вдобавок вспомните, как вы сами вынесли решение, что изгнанники должны быть подвергнуты аресту и насильственно выводимы из всех союзных городов. Так разве же можно считать несправедливым, что погиб тот изгнанник, который самовольно вернулся на родину без общего постановления союзников? Итак, я утверждаю, что если вы меня казните, то этим вы заступитесь за человека, который был самым заклятым вашим врагом; если же вы признаете, что я поступил справедливо, то вы справедливо отомстите за вас самих и за всех ваших союзников».

Выслушав его речь, фиванцы признали, что Евфрон претерпел справедливую кару. Однако его сограждане перевезли его труп на родину, похорони- 481

ли, как доблестного гражданина, на агоре и почитают как героя — основателя города. Отсюда ясно, что толпа склонна считать доблестными людьми тех, которые ей угождают.

4. Этим я заканчиваю повествование об Евфроне. Теперь я возвращусь к тому месту моего главного рассказа, где я его прервал.

В то время как флиунтцы еще возводили укрепления в Фиамии и Харет еще там находился, Ороп был захвачен изгнанниками. Узнав об этом, афиняне выступили против Оропа всенародным ополчением, призвав также и Харета из Фиамии. В это же время Сикионская гавань была снова захвачена сикионскими гражданами и аркадянами. Никто из союзников не явился на помощь афинянам, и им пришлось удалиться, оставив Ороп во временной оккупации у фиванцев до третейского разбирательства.

Ликомед, узнав, что афиняне недовольны союзниками за то, что те доставили им много хлопот, а сами ни в чем не помогли, убедил собрание десяти тысяч вступить в переговоры о союзе с ними. На первых порах некоторые из афинян негодовали, считая несправедливым стать из друзей лакедемонян союзниками их противников. Когда же по зрелом обсуждении они сообразили, что от того, что аркадяне не будут нуждаться в фиванцах, получат не меньшую выгоду лакедемоняне, чем сами афиняне, они приняли союз с аркадянами. Когда Ликомед, закончив эти переговоры, вернулся из Афин на родину, он погиб смертью, явившейся очевиднейшим доказательством божественного промысла. Он имел выбор из большого числа судов при отправлении на родину; он выбрал из них какое сам захотел и приказал корабельщикам высадить его там, где он сам прикажет. И оказалось, что то место, которое он сам выбрал для высадки, было как раз тем пунктом, где собрались изгнанники. Таким образом он погиб, но заключенный им союз тем не менее продолжал существовать.

Демотион выступил в афинском собрании с предложением, одобряющим дружественный союз с аркадянами и рекомендующим, с другой стороны, предписать стратегам принять меры для того, чтобы обеспечить Коринфскую область за афинским народом. Услышав об этом, коринфяне немедля же разослали достаточно сильные гарнизоны по всем тем городам, где находилась афинская стража, и предложили

афинским гарнизонам удалиться, говоря, что эти города больше уж не нуждаются в гарнизонах. Афиняне исполнили это. Когда афиняне сошлись из укрепленных мест в город, коринфяне объявили через глашатая, чтобы те из афинян, которые считают себя в чем-либо обиженными, сделали об этом письменное заявление, и их право будет восстановлено. При таких обстоятельствах прибыл в Кенхреи Харет со своим флотом. Узнав о случившемся, он сказал, что пришел на помощь городу, так как якобы слышал, что замышляется мятеж. Коринфяне удостоили его за это похвалы, но тем не менее не позволили его кораблям войти в гавань, предложив ему уплыть назад; точно также они предложили удалиться и гоплитам после того, как были удовлетворены все их законные требования. Таким способом афиняне были удалены из Коринфа. С другой стороны, союзный договор вынуждал их посылать всадников на помощь аркадянам, если кто-либо пойдет войной на Аркадию. Однако они не открыли военных действий против Лаконии.

Коринфяне были озабочены сохранением своей независимости; теперь это стало особенно трудно: до сих пор они терпели поражения на суше; с этих пор они потеряли вдобавок и симпатии афинян. Поэтому они решили составить и пехоту и конницу из наемников. Имея под своей командой это войско, они одновременно и охраняли город и вдобавок причиняли серьезный ущерб враждебным соседям. У фиванцев коринфяне запросили, согласились ли бы они на мир, если бы к ним были присланы послы с соответствующим предложением. Когда фиванцы ответили, что они согласны на мир, и предложили отправить послов, коринфяне попросили позволить им опросить союзников, чтобы к этому миру могли примкнуть те, кому это по душе; кому же по душе война, пусть продолжают воевать. Фиванцы позволили им выполнить и это. Вслед затем коринфяне явились в Лакедемон и заявили следующее: «Лакедемоняне, мы прибыли к вам как друзья и просим вас, если вы видите для нас какой-нибудь способ сохранить независимость, несмотря на то, что мы будем упорно продолжать эту войну, указать и нам этот способ. Если вы считаете наше положение безвыходным, то заключите вместе с нами мир, если только это и для вас представляет выгоды: нам приятнее, спасаясь, иметь товарищами вас, чем кого бы то ни было другого. Если же вы считаете, что для вас вы-

годно продолжать войну, то просим вас позволить нам заключить сепаратный мир. Сохранив независимость, мы, может быть, еще окажемся вам полезными; если же мы теперь погибнем, то, конечно, уж мы никогда не сможем принести вам пользы».

Выслушав это заявление, лакедемоняне посоветовали коринфянам заключить мир; из прочих союзников они позволили прекратить войну всем, кто не желал ее продолжать в союзе с ними. При этом они заявили, что сами будут продолжать войну, готовые претерпеть все, что угодно божеству, но никогда не примирятся с потерей Мессены, которую они получили в наследие от отцов. Услышав это, коринфяне отправились в Фивы для заключения мира. Фиванцы предложили им заключить еще и клятвенный союз; но коринфяне ответили на это, что союз — это не мир, а война при новых условиях, тогда как они прибыли для заключения мира на справедливых условиях, если это угодно фиванцам. Фиванцам понравилось, что они, даже находясь в опасности, не захотели вступить в войну со своими благодетелями, и они заключили мир с коринфянами, флиунтцами и со всеми прочими, пришедшими вместе с ними в Фивы, на условиях сохранения каждым из государств своей наличной территории. На верность этим-то условиям и были принесены клятвы. После того как было заключено соглашение на этих условиях, флиунтцы тотчас же ушли из Фиамии. Однако аргивяне, несмотря на то, что они приняли мир на тех же условиях, как и прочие, и принесли соответствующую клятву, пытались добиться, чтобы в Трикаране остались флиунтские изгнанники, ссылаясь на то, что занимаемый этими изгнанниками пункт якобы находился на аргосской территории. Когда им не удалось этого достичь, они заняли Трикаран своим гарнизоном; при этом они заявили, что участок, на который они претендовали, всегда им принадлежал, несмотря на то, что за короткое время до этого они опустошали эту землю, как вражескую. Флиунтцы потребовали третейского разбирательства, но им было отказано в этом.

Приблизительно в это же время, когда Дионисий I уже скончался, сын его послал на помощь лакедемонянам двенадцать триер под предводительством Тимократа. Прибыв в Грецию, последний помог лакедемонянам покорить Селласию и, выполнив это дело, отплыл на родину.

Через короткое время после этого элейцы покорили Ласион, который принадлежал им с незапамятных времен, но в это время вступил в число членов Аркадского союза.

Аркадяне не остались равнодушными к этому; они тотчас же созвали контингенты из государств, входящих в союз, и устремились на выручку Ласиона. Против них выступил элейский «отряд трехсот» и еще четыреста человек. Элейцы еще днем разбили лагерь на равнине против них. Ночью аркадяне взобрались на вершину горы, господствующей над элейским лагерем, и на рассвете спустились и выступили против элейцев. Последние видели, что аркадяне спускаются по склону и что, вдобавок, они превосходят их численностью. Тем не менее они считали позорным отступить, пока враг еще находился на значительном расстоянии; они сошлись с неприятелем и, вступив в рукопашную, обратились в бегство. При этом они потеряли много людей и оружия, так как отступали по непроходимым дорогам.

Выполнив это, аркадяне выступили против городов акрорейцев. Подчинив себе все эти города, кроме лишь Фравста, аркадяне прибыли в Олимпию, обнесли палисадом Кроний, поставили здесь гарнизон и таким образом овладели и Олимпийским холмом. Затем, при помощи предателей, аркадяне овладели и Марганеей. Вследствие этих их успехов элейцы впали в глубокое уныние; аркадяне же пошли приступом на город. Им удалось даже дойти до агоры, но здесь против них выступили всадники и прочие граждане, вытеснили их из города, убили кое-кого из неприятелей и поставили трофей. Дело обстояло так: уже и до этого в Элиде шла партийная борьба; партия Харопа, Фрасонида и Аргея стремилась к установлению демократического строя, а партия Сталка, Гиппия и Стратола — олигархического. Так как аркадяне, располагавшие огромными силами, были по всем видимостям союзниками сторонников демократического строя,— партия Харопа стала действовать смелее и по уговору с аркадянами, обещавшими прислать подмогу, захватила акрополь. Всадники и «отряд трехсот» немедля взобрались на акрополь и вытеснили оттуда противников, обратив в бегство около четырехсот граждан с Аргеем и Харопом во главе. Присоединив к себе некоторое количество аркадян, последние короткое время спустя захватили Пилос. К ним перебежало из города

Элиды много демократов, так как захваченный беглецами Пилос был прекрасным укреплением и вдобавок последние имели своими союзниками могущественных аркадян. Аркадяне делали и еще раз попытку вторгнуться в Элейскую область, так как изгнанники убедили их, что город подчинится им добровольно. Но в этот раз в городе оказались союзники элейцев ахейцы, которые и спасли город.

Поэтому аркадяне предали страну опустошению и затем удалились, не достигнув никаких успехов. Узнав, что пелленцы в Элиде, аркадяне, немедленно по удалении из Элейской области, захватили у них Олур, совершив для этого в течение ночи длиннейший переход (пелленцы тогда уже снова перешли на сторону лакедемонян и вступили с ними в союз). Узнав о том, что произошло с Олуром, пелленцы двинулись оставшимися еще в их распоряжении окольными путями и вернулись на родину в Пеллену. После этого, несмотря на свою крайнюю малочисленность, они вступили в борьбу с засевшими в Олуре аркадянами и со всеми сторонниками демократического строя в их собственном городе; они боролись до тех пор, пока не овладели Олуром.

В это время аркадяне пошли снова походом на Элиду. Когда они расположились лагерем между Килленой и этим городом, на них напали элейцы; аркадяне сразились с ними и одержали победу. Элейский гиппарх Андромах, который, по-видимому, затеял эту стычку, покончил самоубийством, а остальные отступили в город. В этом бою погиб также случайно оказавшийся здесь спартиат Соклид; в это время лакедемоняне были уже союзниками элейцев. Элейцы, терпя неудачи в своей собственной области, отправили к лакедемонянам послов с просьбой напасть на аркадян, полагая, что, будучи вынужденными вести войну на два фронта, аркадяне скорее всего окажутся в безвыходном положении. Архидам действительно двинулся в поход с гражданским ополчением и захватил Кромн. Для охраны этого пункта он оставил здесь три из двенадцати лохов спартанского войска и затем удалился на родину. Аркадское ополчение, еще не распущенное после похода на Элиду, направилось на выручку Кромна, обнесло его двойной оградой и спокойно вело осаду. Лакедемонские государственные власти, крайне огорченные тем, что лакедемонские граждане томятся в осаде, отправили на выручку вой-

ско под предводительством того же Архидама. Последний выступил и стал опустошать все, что возможно было, в Аркадии и Скиритиде, делая все, что только было мыслимо, для отвлечения осаждающих. Аркадяне тем не менее пренебрегли всем этим и не двигались с места. Тогда Архидам заметил какой-то холм, по склону которого проходила устроенная аркадянами внешняя ограда. Он полагал, что ему удастся овладеть этим холмом; в этом случае, по его мнению, осаждающие не смогут удержаться на своих местах, находясь ниже его. Он повел войско на холм кружным путем. Его передовой отряд пельтастов, заметив вне ограды вражеских эпаритов, напал на них, конница также пыталась врезаться в ряды противника; однако враг не обратился в бегство, а остался на своих местах. Лакедемоняне возобновили нападение. Однако враг и на этот раз не обратился в бегство, а даже перешел в нападение. Поднялась ужасная суматоха, и Архидам сам устремился на помощь и повернул по большой дороге, ведущей на Кромн, ведя воинов по два в ряд, как они были выстроены до сражения. Оба войска приблизились друг к другу, причем войско Архидама было выстроено длинным флангом, что было сделано для удобства передвижения по узкой дороге, а аркадяне были собраны в тесную группу, щит к щиту.

В этом сражении лакедемонянам не удалось уже одержать верх над аркадянами: вскоре Архидам был ранен в ногу навылет, пали сражавшиеся перед ним Полиенид и муж сестры Архидама Хилон; всего погибло их в этом сражении не меньше тридцати.

Когда, пройдя по дороге, лакедемоняне вышли на широкую равнину, они выстроились против аркадян в боевой порядок. В это время аркадяне оставались на месте в боевом порядке; они уступали врагу по численности, но далеко превосходили его бодростью духа, так как нападали на наступающих и уже перебили много людей. В лакедемонском же лагере господствовало глубокое уныние: они видели, что Архидам ранен, и слышали в числе погибших имена храбрых мужей и к тому же как раз самых известных в государстве. Когда враги приблизились, кто-то из воинов старшей призывной категории воскликнул: «Мужи, зачем нам сражаться? Почему нам не прекратить распри и не заключить мира?» Обе стороны с удовольствием выслушали это предложение и заключили между собой мир. Затем лакедемоняне удалились, похоронив

трупы, а аркадяне, возвратившись на то место, откуда они начали наступление, поставили трофей.

В то время как аркадяне находились близ Кромна, элейцы, оставшиеся в своем городе, первым делом пошли походом на Пилос. По пути они встретились с пилийцами, отраженными от Фалам. Увидя их, элейские всадники двинулись по направлению к ним и немедля бросились на них, причем одних перебили, а другим в небольшом числе удалось бежать на какой-то холм. Когда же подошла и пехота, были выбиты из позиций и последние; из них часть была перебита, а остальные были взяты в плен живыми, в числе около двухсот. Из этих пленных те, которые не были прежде элейскими гражданами, были проданы в рабство, а элейские изгнанники были казнены. После этого, так как никто не пришел на помощь пилийцам, элейцы покорили их, завладев их укреплением, и снова подчинили себе марганейцев.

Некоторое время спустя лакедемоняне, снова напав ночью на Кромн, овладели той частью ограды, близ которой стояли аргивские войска, и стали вызывать к себе осажденных лакедемонян. Тем из последних, которые находились к ним ближе всего и энергично взялись за дело, действительно удалось выйти. Прочих успело догнать устремившееся со всех сторон на помощь аркадское войско; они были загнаны внутрь ограды, окружены со всех сторон, взяты в плен и поделены между союзниками: часть досталась аргивянам, часть фиванцам, часть аркадянам, часть мессенцам; всего было захвачено в плен более ста спартиатов и периэков.

После того как аркадяне уже покончили дела под Кромном, им снова пришлось иметь дело с элейцами. Они снабдили Олимпию более сильным гарнизоном и, когда наступил Олимпийский год, стали делать приготовления к устройству Олимпийских игр вместе с жителями Писы, утверждавшими, что первоначально им принадлежало заведование святилищем. Когда наступил тот месяц, в который происходят Олимпийские игры, и те дни, в которые собираются все греки на празднества, элейцы стали делать открытые приготовления и, призвав к себе на помощь ахейцев, двинулись на Олимпию. Аркадяне никогда не ожидали, что элейцы выступят против них, и вместе с жителями Писы руководили всенародным празднеством. Уже окончились конные состязания, а также беговые из числа

состязаний пентатла; в это время между состязающимися, сохранившими шансы на победу, шел уже кулачный бой, происходивший не на беговой дорожке, как прочие состязания пентатла, а между нею и алтарем. Вооруженные элейцы проникли уже в священный участок. Аркадяне не вышли навстречу им на далекое расстояние, а выстроились близ реки Кладая, которая течет по границе Альтии и впадает в Алфей. Вместе с ними были и их союзники — до двух тысяч аргивских гоплитов и около четырехсот афинских всадников. Элейцы выстроились на другом берегу реки и, совершив жертвоприношения, тотчас же перешли в наступление. Несмотря на то, что в предшествующее время к их военным способностям относились с презрением как аркадяне и аргивяне, так и ахейцы и афиняне, в этот день они руководили действиями союзников, как если бы они были наиболее доблестными; они тотчас же обратили в бегство аркадян, с которыми им прежде всего пришлось столкнуться, затем завязали сражение с пришедшими на помощь аркадянам аргивянами, причем одержали победу и над ними. Загнав врага в промежуток между зданием совета, святилищем Гестии и театром, примыкающим к этим зданиям, они продолжали сражаться с неменьшей энергией и оттолкнули врагов к алтарю; однако последние засыпали их снарядами с портиков, со здания совета и с большого храма, а также сражались на равнине, причем убили многих элейцев и в том числе самого начальника «отряда трехсот» Стратола. После этого элейцы отступили в свой лагерь. Аркадяне и их союзники так боялись следующего дня, что не ложились спать всю ночь, срубая стоившие стольких хлопот временные сооружения и устраивая из них ограду. На следующий день элейцы, приблизившись к противнику, увидели крепкую стену и большую массу людей, взобравшихся на крыши храмов; поэтому они отступили в свой город.

В этом столкновении элейцы оказались очень храбрыми: если божеству угодно, оно может в один день прославить людей, вдохнув в них храбрость; людям же даже за очень долгое время не удалось бы сделать доблестными тех, которые таковыми не были.

Аркадское правительство распоряжалось храмовой казной и выдавало из нее жалованье эпаритам. Мантинейцы были первыми, вынесшими постановление, запрещающее пользоваться храмовой казной; причи-

тающуюся на их долю сумму для уплаты эпаритам они пополнили из ресурсов своего государства и отослали назад союзному правительству. Члены правительства заявили, что они оскорбили этим Аркадский союз и вызвали их представителей на суд в собрание десяти тысяч. Так как те не явились на суд, они были осуждены, и были посланы эпариты для насильственного привода осужденных. Однако мантинейцы заперли ворота и не впустили их в город. Сейчас же после этого и некоторые другие стали заявлять в собрании десяти тысяч, что не следует расходовать священной казны, чтобы не навлечь на себя на вечные времена обвинения потомства в нечестии. Тогда и общее собрание решило впредь не расходовать священной казны. Вскоре после этого те из эпаритов, которые не могли служить без жалованья, ушли со службы; с другой стороны, те люди, которые могли просуществовать без жалованья, подбодряя друг друга, становились эпаритами, чтобы не зависеть от своих противников, а чтобы, наоборот, те от них зависели. Члены правительства, распоряжавшиеся священной казной, понимали, что если им придется давать отчет, то им угрожает опасность погибнуть; поэтому они отправили послов в Фивы, которые сказали фиванцам, что если они не пойдут походом на аркадян, то можно опасаться, что последние снова перейдут на сторону лакедемонян. Тогда фиванцы стали готовиться к походу.

Люди, желающие добра Пелопоннесу, убедили Аркадский союз отправить в Фивы послов с заявлением, чтобы фиванцы не вступали в Аркадию вооруженные, пока их не позовут. В то же время они решили, что война для них совершенно бесполезна: они считали ни к чему не нужным заведование святилищем Зевса и, наоборот, полагали, что поступят справедливее и благочестивее и больше угодят богу, если вернут заведование святилищем обратно элейцам. Так как и элейцы хотели того же, то обе стороны решили заключить мир, и был заключен мирный договор.

Затем были принесены клятвы, причем в числе прочих поклялись также и тегейцы и сам фиванский начальник, находившийся в Тегее с отрядом из трехсот беотийских гоплитов. После этого собравшиеся в Тегее аркадяне остались здесь еще на некоторое время, обедали, благодушествовали, совершали возлияния и пели песни, как полагается при заключении

мира. Фиванский же начальник и те из членов аркадского правительства, которые боялись отчета, вместе с беотийцами и единомышленниками из числа эпаритов заперли ворота тегейской городской стены, отправили воинов к пирующим и арестовали членов аристократической партии. Так как здесь собрались представители всех аркадских государств, причем все они желали мира, пришлось арестовать очень многих людей, так что скоро наполнились ими и тюрьма и здание правительственных установлений. Таким образом многие были арестованы, многим удалось соскочить вниз со стены, некоторые были выпущены даже через ворота, так как враждебно к ним были настроены только сами те, которые боялись собственной гибели. Фиванский начальник и его соучастники больше всего были недовольны тем, что им удалось арестовать лишь немногих мантинейцев, несмотря на то, что их-то им было желательнее всего захватить. Причиной этого было то, что вследствие близости их города почти все они ушли уже на родину.

Когда наступил день и мантинейцы узнали о случившемся, они отправили тотчас же послов в прочие аркадские города, советуя взяться за оружие и охранять проходы. Кроме того, они отправили послов в Тегею с требованием выдачи всех задержанных мантинейцев, прибавив к этому, что они считают беззаконным, чтобы кто бы то ни было из жителей других аркадских городов был арестован или казнен без суда. Если же правители имеют обвинение против кого-либо из них, то послам было поручено заявить, что Мантинейское государство клятвенно ручается представить их на суд Аркадского союза.

Выслушав послов, фиванский начальник не знал, как ему быть, и отпустил всех арестованных. На следующий день он созвал всех аркадян, которые только пожелали явиться, на общее собрание, и выступил с оправданием, ссылаясь на то, что он был введен в заблуждение: он, якобы, слышал, что вооруженные лакедемоняне стоят на границе и что некоторые из аркадян обещали им выдать Тегею. Выслушав его, собрание не подвергло его никакому наказанию, хотя и знало, что он говорит неправду; однако в Фивы были отправлены послы, которые обвиняли его и требовали смертной казни. Говорили, что Эпаминонд, бывший тогда как раз стратегом, заявил в ответ на это, что обви-

няемый гораздо более прав в том, что он арестовал указанных людей, чем в том, что он их выпустил. «В то время как мы,— сказал он,— были вовлечены в войну вами, вы заключаете мир без нашего согласия. Разве после этого вас не следует обвинять в предательстве? Будьте уверены, что мы выступим с войском в Аркадию и будем воевать рука об руку с нашими единомышленниками в вашей стране».

5. Когда Аркадский союз и отдельные входящие в него государства получили известие об этом ответе, мантинейцы и люди, желавшие добра Пелопоннесу в других аркадских государствах, равно как и элейцы и ахейцы, заключили из него, что фиванцы несомненно стремятся совершенно обессилить Пелопоннес, чтобы его было легче поработить. «Для чего же другого,— говорили они,— фиванцы хотят, чтобы мы воевали, как не для того, чтобы мы взаимно вредили друг другу и чтобы таким образом обе стороны нуждались в них? Иначе почему же они приготовляются к выступлению, несмотря на то, что мы заявили им, что ныне мы в них не нуждаемся? Не ясно ли, что они затевают поход для того, чтобы принести нам какой-нибудь вред?»

Были отправлены послы в Афины с просьбой о помощи; точно также и в Лакедемон отправились послы от эпаритов, которые должны были обратиться к лакедемонянам с призывом воспрепятствовать общими силами вторжению кого бы то ни было в Пелопоннес с целью его порабощения. Тут же был предрешен и вопрос о гегемонии: предводительствовать союзным войском должен был тот, на чьей территории шла война.

В то время как шли эти переговоры, выступил в поход Эпаминонд с войском, составленным из всенародного ополчения беотийцев, из евбейцев и из большого количества фессалийцев, присланных как Александром, так и его противниками. Однако фокейцы отказались выставить свой контингент в это войско, заявляя, что по договору они обязались приходить на помощь, если кто-нибудь пойдет походом на Фивы; участвовать же в наступлениях фиванцев договор их не обязывает. Зато Эпаминонд рассчитывал, что в самом Пелопоннесе к его услугам будут аргивяне, мессеняне и сторонники беотийцев в Аркадии. Это были тегейцы, мегалопольцы, асейцы и паллантцы; такой же

политики придерживались и еще некоторые города, вынужденные к этому тем, что они были расположены между этими городами и были сами очень слабы. Эпаминонд выступил с большой поспешностью. Он прибыл в Немею и здесь выжидал, надеясь, что ему удастся захватить афинян, когда они будут проходить мимо этой местности; он считал, что это имело бы большое значение для воодушевления союзников и, наоборот, привело бы в уныние противников; одним словом, поражение афинян, по его мнению, сулило всяческие блага фиванцам. Пока он выжидал в Немее, все его единомышленники сошлись в Мантинею. Когда же Эпаминонд услыхал, что афиняне раздумали отправиться по суше и готовятся к морской экспедиции, чтобы помочь аркадянам, проникнув к ним через Лакедемон, он выступил из Немеи и прибыл в Тегею. Я не мог бы назвать этот поход счастливым для Эпаминонда; однако этот муж был безукоризнен во всем том, что достигается предусмотрительностью и мужеством. Прежде всего я одобряю то, что он устроил свой лагерь в самой Тегейской крепости, так как здесь он был в большей безопасности, чем если бы он устроил лагерь вне города, и здесь легче было скрыть свои планы от врага. Кроме того, находясь в городе, легче было заготовлять себе все необходимое. Далее, так как противник расположился вне города, Эпаминонд мог следить за его действиями,— были ли они правильными или ошибочными. Хотя он и считал себя сильнее противников, однако, он не давал убедить себя напасть на врага, пока тот занимал выгодные позиции.

Видя, что ни один город не присоединяется к нему, а время проходит, он полагал, что необходимо перейти к делу; в противном случае он ожидал, что вместо былой славы его постигнет полное бесславие. Вскоре он узнал, что противники стоят укрепленным лагерем близ Мантинеи, что на помощь к ним вызван Агесилай со всем лакедемонским войском; до него дошли также известия, что Агесилай уже выступил в поход и находится в Пелленской области. Получив эти известия, он поужинал, а затем дал сигнал к выступлению и повел войско тотчас же на Спарту.

Если бы какой-то критянин по божественному внушению не прибыл к Агесилаю и не сообщил ему о приближении войска, он взял бы город, как беспомощное гнездо, так как он был совершенно лишен за-

щитников. Однако Агесилай узнал об этом заблаговременно и успел вовремя вернуться в город; спартиаты выстроились и охраняли город, но было их очень немного: всей их конницы не было налицо, так как она находилась в Аркадии: отсутствовало также наемное войско и три из двенадцати лохов граждан. Когда Эпаминонд прибыл в Спарту, он не двинул войска ни по такому пути, на котором он принужден был бы принять сражение на ровном месте, причем враг мог бы осыпать его снарядами с крыш домов, ни по такому, на котором его численное превосходство не дало бы ему никакого преимущества: ему удалось захватить позицию, которую он считал наиболее выгодною; отсюда он спустился, но, тем не менее, овладеть городской крепостью ему не удалось.

Виновником дальнейших событий можно считать божество; но можно сказать также, что никакая сила не может противостоять людям, доведенным до отчаяния.

Архидам повел против фиванцев отряд менее чем в сто человек, прошел мимо тех мест, которые могли бы служить естественной защитой против врага, и двинулся по откосу навстречу наступающим. И тут случилось то, что огнедышащие «победители лакедемонян», подавляющие противника численностью и уже занявшие господствующие возвышенности, не выдержали натиска отряда Архидама и обратились в бегство. Находившиеся в первых рядах войска Эпаминонда пали в этом бою; однако, когда горожане, возгордившись одержанной победой, стали преследовать врага дальше предопределенной черты, они в свою очередь пали: по-видимому, божество точно определило границу, до которой им может быть дарована победа. Архидам поставил трофей на том месте, где он одержал победу над врагом, и выдал погибших здесь неприятелей, даровав для этого перемирие. Эпаминонд полагал, что аркадяне придут на помощь Лакедемону; он не желал сражаться одновременно и с ними и со всеми лакедемонянами, собравшимися вместе, причем, вдобавок, противники только что одержали победу, а его войска потерпели поражение. Поэтому он отправился назад с величайшей быстротой в Тегейскую область; здесь он позволил гоплитам расположиться на отдых, а конницу послал в Мантинею, обратившись к ней с призывом быть стойкой и указывая, что, по всей вероятности,

весь мантинейский скот находится вне города, равно как и все жители; одной из причин этого было то, что это было как раз время уборки хлеба. После этого фиванская конница отправилась в Мантинею. В это время афинские всадники вышли из Элевсина, поужинали на Истме, уже прошли через Клеоны и как раз вошли в Мантинею, где и расположились лагерем внутри городских стен, в домах. Когда мантинейцы заметили, что приближаются враги, они попросили афинскую конницу по мере возможности защитить их, так как весь их скот, люди рабочего возраста, а также огромное количество детей и стариков свободных граждан находились вне городских стен.

Выслушав это, афиняне выступили против врагов, хотя еще ни они сами, ни их кони не получали завтрака. Можно ли не восторгаться и их доблестью, проявленной в этом случае? Они видели, что враг далеко превосходит их численностью, вдобавок их конница только что перенесла поражение под Коринфом; тем не менее афиняне не считались ни с этим, ни с тем, что им предстояло сражаться с фиванцами и фессалийцами, пользовавшимися репутацией лучшей конницы в Греции. Они считали позором, находясь на территории союзников, не оказать им никакой помощи; поэтому они, как только увидели врагов, ринулись в бой, горя желанием сохранить отцовскую славу. Этой битвой им удалось достигнуть того, что было спасено все, находившееся у мантинейцев вне стен города; правда, у них погибло много доблестных мужей, но несомненно, что и со стороны врагов погибло много таких же, так как у обеих сражающихся сторон не было ни одного копья, которое было бы настолько коротко, чтобы оно не достигало до врага. Они не оставили на поле битвы трупов павших соратников и даже выдали некоторые вражеские трупы, даровав для этого перемирие врагу. Эпаминонд принял в соображение, что через несколько дней ему придется вернуться на родину, так как истекал срок его военной службы; если же он уйдет, оставив на произвол судьбы своих союзников, то противники станут их теснить, и его собственная слава будет покрыта несмываемым позором после того, как его многочисленное тяжеловооруженное войско было разбито в Лакедемоне небольшим отрядом, а конница потерпела поражение под Мантинеей; после того, как он своим походом на Пелопоннес вызвал

соединение лакедемонян, аркадян, ахейцев, элейцев и афинян. Поэтому ему казалось невозможным уйти, не дав сражения; при этом он рассчитывал, что в случае победы все это будет искуплено; если же он погибнет в бою, он считал достойной смерть в борьбе за то, чтобы его отечество властвовало над Пелопоннесом. Меня не очень удивляет, что он рассуждал таким образом,— такие размышления свойственны честолюбивым людям; мне кажется гораздо более удивительным то, что ему удалось дать своему войску такое воспитание, что оно не утомлялось ни от каких трудов — ни дневных, ни ночных, что оно не уклонялось от опасностей, что оно охотно повиновалось даже тогда, когда ощущался крайний недостаток в съестных припасах. Точно так же и в этот последний раз, когда он дал приказ воинам готовиться к битве, всадники стали с энтузиазмом покрывать по его приказанию шлемы белой краской; аркадские гоплиты стали рисовать (на щитах) палицы, как будто они были фиванцами; кроме того, все солдаты стали оттачивать копья и мечи и наводить блеск на щиты.

То, что он сделал после того, как вывел в бой воинов снаряженными таким образом, достойно внимательного рассмотрения. Прежде всего он, само собой разумеется, выстроил войско в боевой порядок; этим он, по-видимому, обнаруживал, что готовится к бою. Когда же его войско было выстроено так, как он хотел, он не повел его по кратчайшему пути против врага, а двинул его к горам, расположенным к западу, насупротив Тегеи. Это произвело на его противников такое впечатление, будто он не собирается вступить в сражение в этот день. Сверх того, подойдя к подножию горы, как только войско удлинило ряды, он приказал остановиться под высотами и снять оружие, так что получилось впечатление, будто он располагается лагерем. Этими приемами он достиг того, что лишил большинство врагов их готовности к немедленному бою — как в душевном настроении, так и в военных снаряжениях. После этого он перевел свои лохи, следовавшие длинною колонной, во фронтовое расположение, усилив при этом крыло, находившееся под его начальством. Затем он скомандовал снова вооружиться и двинулся вперед, ведя за собой войско. Когда враги сверх ожидания увидели, что войско Эпаминонда наступает, у каждого из них оказалась масса хлопот:

одни бежали на свои места в строю, другие выстраивались, третьи взнуздывали лошадей, четвертые одевали панцири; все это производило впечатление скорей надвигающегося поражения, чем победы. Эпаминонд двигал войско вперед узкой частью, как военный корабль, полагая, что в том месте, где ему удастся прорвать линию неприятельского расположения, он нанесет окончательное поражение и всему вражескому войску. Он собирался ввести в дело только самую сильную часть своего войска и отодвинул далеко назад более слабую часть, зная, что поражение какой-либо части войска влечет за собою уныние в смежных частях и подъем духа у врага. Противники Эпаминонда придали коннице такую же глубину, как и строю тяжеловооруженных, выстроили ряды ее тесно один за другим и не приставили к ней пехотинцев, «прикомандированных к коннице».

Эпаминонд же сделал очень сильным также строй конницы и приставил к ней вперемежку «прикомандированных к коннице пехотинцев»; при этом он полагал, что если ему удастся изрубить вражескую конницу, то это решит поражение всего вражеского войска, так как очень трудно найти воинов, которые захотели бы оставаться на своих позициях, видя кого-либо из своего же войска бегущим. Для того же, чтобы афиняне с правого фланга не могли помочь находящимся рядом воинам, он разместил на лежащих против них холмах всадников и гоплитов, которые должны были внушать афинянам опасение, что если они устремятся на помощь союзникам, те нападут на них сзади. Так обставил Эпаминонд это столкновение и действительно не ошибся в своих расчетах: одержав победу в том месте, где он врезался в ряды противников, он обратил в бегство и все вражеское войско. Однако после того как сам Эпаминонд пал в бою, оставшиеся в живых не сумели даже как следует воспользоваться его победой; несмотря на то, что войско неприятеля бежало, гоплиты никого из них не убили и даже не продвинулись вперед с того места, где произошла схватка; несмотря на то, что была обращена в бегство и вражеская конница, также и всадники их, преследуя врага, не убили никого ни из гоплитов, ни из всадников, а, наоборот, боязливо вернулись через ряды убегающих врагов на свои места, как если бы они были побеждены. Правда, «прикомандированные к коннице» и пель-

тасты, одержавшие победу вместе с всадниками, прибыли, как победители, на левый фланг врага; но здесь бóльшая часть их пала от рук афинян.

Эти события привели таким образом к последствиям прямо противоположным тем, которые ожидались всеми людьми. Здесь собралась вместе почти вся Греция и выступила с оружием в руках друг против друга; все ожидали, что, если произойдет сражение, то те, которые победят, получат в свои руки власть над Грецией, а побежденные подчинятся им. Однако по воле божества случилось так, что обе стороны, как победители, поставили трофей и ни те ни другие не в силах были воспрепятствовать противникам сделать это; обе стороны, как победители, выдали противникам трупы, заключив для этого перемирие, и обе же стороны, как побежденные, согласились на это. Далее, обе стороны утверждали, что они победили, и тем не менее ни одна из сторон не приобрела после этой битвы ни нового города, ни лишней территории или власти по сравнению с тем, что она имела до этого боя. Это сражение внесло еще большую путаницу и замешательство в дела Греции, чем было прежде.

На этом я закончу свой рассказ; последующие же события, быть может, заинтересуют какого-нибудь другого автора.

Приложение

КВИНТ КУРЦИЙ РУФ

ИСТОРИЯ АЛЕКСАНДРА МАКЕДОНСКОГО

КНИГА III(I)

МЕЖДУ тем Александр, отправив Клеандра с деньгами, чтобы привести солдат из Пелопоннеса, и уладив дела в Ликии и Памфилии, подвел войско к городу Келенам. 2. Посреди города в то время протекала река Марсий, прославленная в греческих легендах. 3. Эта река берет начало на самой вершине горы, с большим шумом низвергает свои воды на стоящую внизу скалу, затем, растекаясь, орошает прилегающие поля, оставаясь прозрачной и несущей только свои воды. 4. Поэтому цвет ее воды, подобный цвету спокойного моря, дал основание для поэтического вымысла, будто бы нимфы, полюбившие эту реку, пребывают на этой скале. 5. Впрочем, пока она течет по городу, она сохраняет свое название, но там, где она вытекает за пределы его и катит воды с большей силой, ее называют Ликом. 6. Итак, Александр вошел в город, оставленный жителями; намереваясь взять приступом крепость, в которую они убежали, он посылает туда вестника сказать им, что если они не сдадутся, то претерпят крайние бедствия. 7. Те приводят вестника к башне, выдающейся своим расположением и укрепленной, предлагают ему посмотреть, какова ее высота, и передать Александру, что он сам и местные жители по-разному расценивают укрепления города: они считают их неприступными, в крайнем случае они готовы умереть по долгу верности. 8. Впрочем, когда они увидели, что крепость осаждена, и что у них с каждым днем становится меньше запасов, они, заключив перемирие на 60 дней, обещали сдать город, если в течение этого времени Дарий не придет им на помощь; так как никакой помощи прислано не было, они в назначенный день сдались царю.

9. Затем приходят послы от афинян с просьбой вернуть им пленных греков, захваченных у реки Граник. На это Александр ответил, что по окончании войны с персами он прикажет возвратить к своим не только

этих, но и остальных греков. 10. Сам же Александр, угрожая Дарию, о котором он узнал, что тот еще не перешел Евфрата, собирает отовсюду войска, чтобы вступить в столь опасную войну со всеми своими силами. 11. Во Фригии, через которую Александр вел войско, было больше сел, чем городов. 12. Там же находился прославленный в то время дворец Мидаса. Название города — Гордий; через него протекает река Сангарий, и он находится на одинаковом расстоянии от Понтийского и Киликийского морей. Здесь, между этими морями, как мы знаем, самое узкое место Азии, так как и то и другое море сдавливают землю, создавая теснины. 13. Хотя Азия и соединена с континентом, но большей частью окружена водой и схожа с островом; и если бы не было этого перешейка, разделяющего моря, то они слились бы друг с другом. 14. Александр, покорив город своей властью, вступает в храм Юпитера. Там он увидел колесницу, на которой, как утверждают, ездил Гордий, отец Мидаса. Она по своему убранству ничем не отличалась от самых дешевых, наиболее распространенных. 15. Примечательным было ярмо, стянутое многочисленными узлами, спутанными между собой и скрывающими связи. 16. Когда жители города сказали Александру, что, по предсказанию оракула, Азию покорит тот, кто развяжет этот запутанный узел, им овладело страстное желание выполнить то, что предсказано. 17. Вокруг царя собралась толпа фригийцев и македонцев: первые напряженно ждали, а вторые испытывали страх из-за безрассудной самоуверенности царя. И действительно, ремень был так плотно связан узлами, что было невозможно ни рассчитать, ни увидеть, где начинается и где кончается сплетение. Попытки царя развязать узел внушали толпе опасение, как бы неудача не оказалась плохим предзнаменованием. 18. Долго и напрасно провозившись с этими запутанными узлами, царь сказал: «Безразлично, каким способом будут они развязаны», и, разрубив все узлы мечом, он не то посмеялся над предсказанием оракула, не то выполнил его. 19. Затем, решив захватить Дария, где бы тот ни был, чтобы иметь прочный тыл, Амфотеру он поручил командование флотом у берегов Геллеспонта, а Гегелоху — сухопутными войсками, чтобы освободить от вражеских гарнизонов острова Лесбос, Хиос и Кос. 20. Им было выдано на расходы 500 талантов, а Антипатру
 и защищавшим греческие города послано 600 талан-

тов. От союзников царь потребовал, согласно договору, прислать корабли для охраны Геллеспонта. 21. Александр еще не знал тогда о смерти Мемнона, внушавшего ему большие заботы, так как Александр понимал, что все будет легко выполнить, если не помешает Мемнон.

22. И уже он прибыл в город Анкиру, откуда, произведя подсчет своим войскам, вступает в Пафлагонию. По соседству с ней жили генеты, от которых, как думают, происходят венеты. 23. Вся эта страна покорилась царю; дав заложников, жители ее добились, чтобы их не принуждали платить подать, которой они не платили даже персам. 24. Во главе этой страны был поставлен Калас, а сам Александр, приняв только что прибывшие из Македонии войска, направился в Каппадокию.

II.— Дарий, узнав о смерти Мемнона и, естественно, обеспокоенный и лишившийся всякой надежды, решил сам сразиться с Александром: он осуждал все, совершенное его полководцами, будучи убежден, что многим из них недоставало усердия и всем — удачи. 2. И вот, расположившись лагерем у Вавилона, чтобы солдаты с большим усердием начали войну, он выставил напоказ все свои силы и, построив укрепление вместимостью в 10 тысяч вооруженных воинов, начал производить подсчет войскам по примеру Ксеркса. 3. От восхода солнца до ночи отряды, как было приказано, входили в укрепление. Выходя оттуда, они заняли равнины Месопотамии, и казавшиеся бесчисленными конница и пехота заставляли думать, что армия больше, чем на самом деле. 4. Персов было 100 тысяч, из них 30 тысяч всадников, мидийцев — 10 тысяч всадников и 50 тысяч пехотинцев. 5. Барканцев было 2 тысячи всадников, вооруженных двусторонними секирами и легкими щитами, очень похожими на цетры, за ними следовало 10 тысяч пехоты с таким же вооружением. 6. Гирканцы набрали 6 тысяч отличных, как у всех этих племен, всадников, прибавив к ним тысячу тапурийцев. 7. Дербики снарядили 40 тысяч пехотинцев; у большинства из них были копья с медными или железными наконечниками, у некоторых же — обожженные на огне брезна; их сопровождали 2 тысячи всадников из того же племени. 8. С Каспийского моря прибыло 8 тысяч пехотинцев и 200 всадников. С ними были и другие, неизвестные племена, выставившие 2 тысячи пехоты и вдвое больше конницы. 9. К этим силам

прибавилось 30 тысяч греческих наемников, прекрасных молодых воинов. Поспешность помешала собрать бактрийцев, согдийцев, индов и другие, живущие у Красного моря племена, названия которых не знал и сам царь.

10. Меньше всего другого у него ощущался недостаток в количестве солдат. Радуясь столь многочисленному войску и слушая придворных, воспламенявших, как обычно, своей лестью его надежды, он обратился к афинянину Харидему, опытному в военном деле и ненавидевшему Александра за свое изгнание из Афин по его приказу, и стал расспрашивать его, считает ли он его достаточно сильным, чтобы раздавить врага. 11. Но Харидем, забывший о своем положении и о гордости царя, ответил: «Ты, может быть, не захочешь выслушать правду, но если не теперь, то в другой раз я не смогу уже ее высказать. 12. Эта столь вооруженная армия, состоящая из стольких народов со всего Востока, оторванных от своих очагов, может внушать страх своим соседям: она сверкает золотом и пурпуром, поражает богатством вооружения, которое невозможно представить себе, не увидев своими глазами. 13. Македонское же войско, дикое и без внешнего блеска, прикрывает щитами и копьями неподвижный строй и сомкнутые ряды крепких воинов. Этот прочный строй пехоты они называют фалангой: в ней воин стоит к воину, оружие одного находит на оружие другого. Фаланга обучена по первому же знаку идти за знаменами, сохраняя ряды. 14. Солдаты исполняют все, что им приказывают: сопротивляются, окружают, разделяются на фланги; менять ход сражения они умеют не хуже полководцев. 15. И не думай, что их влечет жажда золота и серебра: эта дисциплина до сих пор крепка, ибо создана бедностью: постелью уставшим служит земля, еды им достаточно той, которую они раздобудут, а время их сна — неполная ночь. 16. А фессалийскую, ахарнянскую и этолийскую конницу, эти непобедимые в сражении отряды, разве отразят пращи и обожженные бревна? Тебе нужны равноценные им силы: ищи их для себя в той земле, которая их породила, пошли твое золото и серебро для найма солдат». 17. Дарий по характеру был мягким и отзывчивым, но счастье часто портило его податливую натуру. И вот, не снеся правды, он приказал увести на казнь преданного ему гостя, давшего столь полезный совет. 18. Грек, не забывший и тогда о своем

свободном происхождении, сказал: «Уже готов мститель за мою смерть, за пренебрежение моим советом накажет тебя тот, против которого я предостерегал тебя. А ты, будучи неограниченным царем, так быстро изменился, что послужишь потомкам примером того, как люди, ослепленные удачей, забывают о своей природе». 19. Едва он произнес эти слова, как слуги по приказу царя задушили его. Но потом к царю пришло позднее раскаяние, и, признав, что грек говорил правду, он велел похоронить его с почетом.

III.— Фимод, сын Ментора, был доблестным юношей. Ему царь приказал принять от Фарнабаза командование всеми иноземными войсками, на которые царь больше всего надеялся, чтобы использовать их во время войны. Самому же Фарнабазу царь передал военную власть, которую предоставил Мемнону. 2. Под действием постоянных забот царя стали и во время сна беспокоить угрожающие видения, вызываемые его тревогой или пророческими свойствами души. 3. То ему снилось, что лагерь Александра сверкает ослепительным светом, то что Александра привели к нему в таком же одеянии, какое раньше носил он сам, то, что, проезжая верхом по Вавилону, Александр вместе с конем вдруг исчез с его глаз. 4. Еще и предсказатели усиливали его беспокойство разными истолкованиями его снов. Одни говорили, что это хорошее предзнаменование, так как вражеский лагерь горел, и Дарий видел Александра, снявшего царскую одежду и приведенного к нему в обычной одежде персов; 5. другие толковали это иначе: блеск македонского лагеря предсказывает успех Александру, а что ему предназначено владеть Азией, бесспорно доказывалось тем, что Дарий был в такой же одежде, когда его провозгласили царем. 6. Как всегда бывает, беспокойство напомнило и старые пророчества. Вспомнили, что Дарий в начале царствования приказал изменить форму персидских ножен для акинака по образцу греческой, а халдеи тогда же объявили, что власть над персами перейдет к тем, оружию которых он подражает 7. Впрочем, Дарий, радуясь и благоприятным толкованиям предсказателей, которые разглашались в народе, и видениям своих снов, приказал перевести лагерь поближе к Евфрату.

8. У персов был древний обычай не отправляться в путь до восхода солнца. Сигнал к выступлению давали трубой из царского шатра, когда уже совсем рас-

светало. Над шатром, откуда все могли его видеть, поднималось блестящее изображение солнца на стекле. 9. Походный строй был таков. Впереди на серебряных алтарях несли огонь, который считается у персов вечным и священным. Шедшие за ним маги пели древние гимны. 10. За ними следовали 365 одетых в пурпурные плащи юношей, по числу дней года, так как и у персов год делится на столько же дней. 11. Затем белые кони везли колесницу, посвященную Юпитеру, за ней следовал конь огромного роста, называемый конем солнца. Золотые ветви и белые одеяния украшали правящих конями. 12. Недалеко от них находились 10 колесниц, обильно украшенных золотом и серебром. За ними шли всадники 12 племен в разном вооружении согласно обычаям. 13. Далее шли те, кого персы называют «бессмертными», числом до 10 тысяч, ни у кого больше не было столь по-варварски пышной одежды: у них были золотые ожерелья, плащи, расшитые золотом, и туники с длинными рукавами, украшенные даже драгоценными камнями. 14. На небольшом расстоянии шли так называемые «родичи царя», числом до 15 тысяч. Эта толпа с ее почти женской роскошью в нарядах выделялась больше пышностью, чем красотой вооружения. 15. Следовавшие за ними придворные, которые обычно хранили царскую одежду, назывались копьеносцами. Они шли перед колесницей царя, в которой он возвышался над остальными. 16. С обеих сторон колесница была украшена золотыми и серебряными изображениями богов, дышло украшали сверкающие драгоценные камни, а над ними возвышались две золотые статуи, каждая в локоть высотой: одна — Нина, другая — Бела. Между ними находилось священное золотое изображение, похожее на орла с распростертыми крыльями. 17. Одежда самого царя превосходила роскошью все остальное: пурпурная туника с вытканной посредине белой полосой; 18. плащ, расшитый золотом, украшенный золотыми ястребами, сходящимися друг с другом клювами, по-женски опоясанный кушаком. Царь подвесил к нему акинак в ножнах из драгоценного камня. 19. Головной убор царя, называемый персами «кидарис», был украшен фиолетовыми с белым завязками. 20. За колесницей шли 10 тысяч копьеносцев с богато украшенными серебром копьями и стрелами с золотыми наконечниками. 21. Около 200 приближенных вельмож сопровождали царя справа и слева. Их отряд замыка-

ли 30 тысяч пехотинцев в сопровождении 400 царских коней. 22. За ними на расстоянии одного стадия колесница везла мать царя Сисигамбис, в другой колеснице была его жена. Толпа женщин сопровождала цариц на конях. 23. За ними следовали 15 повозок, называемых гармамаксами: в них находились царские дети, их воспитатели и толпа евнухов, вовсе не презираемых у этих народов. 24. Далее ехали 360 царских наложниц, одетых тоже в царские наряды, затем 600 мулов и 300 верблюдов везли царскую казну: их сопровождал отряд стрелков. 25. Следом за ними ехали жены родных и друзей царя и толпы маркитантов и обозной прислуги. Последними шли замыкавшие строй отряды легковооруженных воинов, каждый со своим командиром.

26. Если бы кто мог тогда же увидеть македонскую армию, она представила бы собой совсем иное зрелище: люди и кони в ней блестели не золотом и пестрыми одеждами, но железом и медью. 27. Эта армия была готова идти или стоять, не была перегружена поклажей или прислугой, чутко отзывалась не только на сигналы, но даже на знаки полководца. У нее всегда находилось место для лагеря и провизии для воинов. 28. У Александра не было недостатка и в солдатах. Дарий же, обладатель такой огромной армии, из-за тесноты места, на котором он сражался, свел ее к такой же малочисленности, за какую презирал врага.

IV.— Между тем Александр, поставив во главе Каппадокии Абистамена, отправился со всем своим войском в Киликию и прибыл на место, называемое «Лагерь Кира»: там была стоянка Кира, когда он вел армию в Лидию против Креза. 2. Это место находилось на расстоянии 50 стадиев от входа в Киликию. Местные жители называют его теснины «воротами»; по своей природной форме они напоминают укрепления, созданные человеческими руками. 3. Поэтому Арзам, правивший Киликией, вспомнив о советах Мемнона в начале войны, решил применить на деле, хоть и поздно, его спасительный план; он опустошает Киликию огнем и мечом, чтобы оставить врагу пустыню, и уничтожает все, что может оказаться полезным неприятелю, чтобы голой и бесплодной оставить землю, которую он не мог защитить. 4. Гораздо полезнее было бы закрыть большим отрядом войска узкий проход, открывающий путь в Киликию, и завладеть скалой, удобно нависающей там над проходом, с которой он

без риска мог бы остановить или уничтожить приближающегося врага. 5. Теперь же, оставив немногих для охраны горных проходов, он отступил, став разорителем страны, которую должен был спасти от разорения. Поэтому оставленные им, считая себя преданными, не захотели даже увидеть врага, хотя и меньшее число людей могло бы защитить проходы. 6. Ведь Киликия защищена непрерывной крутой и обрывистой цепью гор; она начинается у моря и, как бы описав дугой залив, снова возвращается другим своим концом к морю в другом месте. 7. Через эту горную цепь, в том месте, где море наиболее вдается в берега, ведут три узких и крутых прохода; войти в Киликию можно по одному из них. Эта страна, плоская в сторону моря, пересечена многими реками: через нее протекают знаменитые реки Пирам и Кидн. 8. Кидн замечателен не шириной потока, но чистотой воды, так как плавным течением от своих истоков он течет по чистой почве, и нет никаких притоков, которые могли бы замутить его спокойные воды. 9. Поэтому вода его очень чиста и холодна, живописные берега все время осеняют его течение, и в море он впадает таким же, каким выходит из истоков. 10. В этой стране время истребило много памятников, прославленных в песнях: здесь были видны места, где стояли города Лирнес и Фивы, пещера Тифона и Корикийская роща, где растет шафран, и другие, о которых сохранилась только молва!

11. Александр вошел в горный проход, называемый «воротами». Рассмотрев окружающую местность, он, говорят, особенно удивился своему счастью: он признался, что мог бы быть завален камнями, если бы кто-нибудь стал сбрасывать их в проход на его войско. 12. Дорога едва давала возможность идти по ней только четырем вооруженным воинам в ряд; гора нависала над дорогой, не только узкой, но обрывистой и часто пересекаемой потоками, текущими с гор. 13. Все же Александр приказал легковооруженным фрикийцам идти в голове отряда и осматривать тропы, чтобы спрятавшийся враг не мог внезапно наброситься на вступающую армию. Отряд стрелков также занял горный проход: они держали луки наготове, так как им внушили, что армия вступает не в горный проход, а на поле сражения. 14. Таким образом армия подошла к городу Тарсу, который персы в это время поджигали, чтобы не достался врагу богатый город. 15. Но Александр послал Пармениона с отрядом легковооружен-

ных потушить огонь и, узнав, что варвары побежали от его людей, тотчас вошел в спасенный им город.

V.— Река Кидн, о которой уже было сказано, протекает посредине города. Тогда было летнее время, и солнечный жар раскалял Киликию больше, чем какую-нибудь другую страну, и наступило самое жаркое время дня.

2. Прозрачные воды реки соблазнили царя, покрытого потом и пылью, выкупаться, чтобы обмыть свое разгоряченное тело. Сняв одежду на виду у войска, полагая, что будет пристойно показать своим воинам, как мало нужно ему для ухода за своим телом, он вошел в реку. 3. Но едва он вступил в воду, как его члены, охваченные дрожью, начали цепенеть, затем он побледнел, и жизненное тепло почти покинуло его тело. 4. Слуги подхватили его, полуживого, на руки и, почти потерявшего сознание, отнесли в шатер. 5. В лагере распространилось беспокойство и даже почти печаль; со слезами все скорбели о том, что славнейший царь всех времен и преданий в самом расцвете успеха и славы был поражен не врагом, не в сражении, но вырван из их рядов смертью в то время, как обмывал водой свое тело. 6. Победителем окажется Дарий, еще не видевший своего врага. А им, воинам, придется завоевывать снова те земли, где они уже раз прошли с победой и где все уничтожено ими же или врагами. В бесплодной пустыне они будут терзаться голодом и нуждой, даже если никто не захочет их преследовать. 7. Кто будет руководить ими в обратном походе? Кто осмелится занять место Александра? Даже если они доберутся в своем бегстве до Геллеспонта, кто приготовит флот для переправы? 8. Затем их скорбь снова обратилась к царю, и, забыв о себе, они начали печалиться, что такой великий гений, в то же время их царь и товарищ по оружию, вырван из их рядов в расцвете юности.

9. Между тем царь стал дышать свободнее, открыл глаза и по мере того, как сознание возвращалось к нему, стал узнавать окружавших его друзей. Ослабление его болезни проявилось уже и в том, что он осознал величину несчастья. 10. Но душевная боль вновь отняла у него силы, когда ему сообщили, что Дарий будет в Киликии на 5-й день. Александр жаловался, что он с головой выдан Дарию, и что из его рук вырвана славная победа, и сам он поражен мрачной и бесславной смертью в своей палатке. 11. Итак, созвав своих

друзей и врачей, он сказал: «Вы видите, при каких обстоятельствах поразила меня судьба. Мне кажется, что я слышу звон вражеского оружия, а сам, начав эту войну, не могу в ней участвовать. 12. Значит, Дарий, когда писал столь дерзкое письмо, определил мою судьбу. Но этого не будет, если я буду лечиться, как сам хочу. 13. Мое положение не допускает медленно действующих средств и осторожных врачей: для меня лучше сразу умереть, нежели поправиться слишком поздно. Поэтому, если у врачей есть возможность и уменье, то пусть они знают, что мне нужно средство не для спасения жизни, а для продолжения войны». 14. Эта пылкая безрассудность царя внушила всем большое беспокойство. И каждый в отдельности начал уговаривать его не увеличивать опасности поспешностью, но подчиниться воле врачей. 15. У войска, мол, есть основания опасаться неиспытанных лекарств, ибо враг может даже среди его близких подкупить кого-нибудь, чтобы погубить его. 16. Действительно, Дарий объявил, что всякому, кто умертвит Александра, он даст тысячу талантов. Поэтому полагали, что никто не осмелится применить лекарство, которое может показаться подозрительным из-за своей новизны.

VI.— Среди знаменитых врачей, следовавших за Александром из Македонии, был акарнянин Филипп, особенно преданный царю. Он был другом и хранителем здоровья царя с его детских лет и особенно любил его не только как своего царя, но и как своего воспитанника. 2. Он обещал дать лекарство не столь быстро, сколь сильно действующее, и ослабить болезнь целебным питьем. Его обещание не понравилось никому, кроме того, кому предназначалось, из-за опасности. 3. Ведь царь согласен был претерпеть что угодно, кроме затяжки болезни: оружие и армия были у него перед глазами, и он считал, что победа зависит от его возможности занять место перед знаменами. Он тяготился тем, что по предписанию врача должен был выпить лекарство лишь через три дня.

4. В это время царь получил от самого верного из своих царедворцев, Пармениона, письмо с предупреждением не доверять своего здоровья Филиппу, которого подкупил Дарий тысячей талантов и обещанием выдать за него свою сестру. 5. Это письмо наполнило душу Александра великим беспокойством, и тайно от других он взвешивал в уме страх и надежду. 6. «Решиться ли мне принять лекарство? Ведь если в него

положен яд, то покажется, что я заслужил случившееся. Заподозрить ли преданность врача? Допустить ли, чтобы я был убит в своей палатке? Все же лучше умереть от преступления другого, чем от собственного страха». 7. После долгих размышлений он, не сообщив никому содержания письма, запечатал его своим перстнем и спрятал под подушку, на которой лежал. 8. По истечении двух дней таких раздумий забрезжил день, назначенный врачом, и Филипп вошел, держа в руках чашу, в которой развел лекарство. 9. Увидев его, Александр, приподнявшись на постели и держа письмо Пармениона в левой руке, взял чашу и бесстрашно выпил лекарство. Затем он приказал Филиппу прочесть письмо, а сам не отрывал от него глаз, думая, что заметит признаки виновности в выражении его лица. 10. Но Филипп, прочитав письмо, выказал больше негодования, чем страха, и, бросив перед постелью письмо и плащ, сказал: «О царь, мое дыхание всегда зависело от тебя, но теперь я убедился, что оно выходит из твоих свято почитаемых уст. 11. Обвинение в убийстве, направленное против меня, будет опровергнуто твоим выздоровлением, спасенный мною, ты дашь мне жизнь. Прошу и заклинаю тебя, отбрось свой страх, позволь лекарству проникнуть в твои вены, облегчи на некоторое время душу, которую твои друзья, несомненно преданные, но слишком осторожные, смущают неуместной заботливостью». 12. Эти слова не только успокоили царя, но придали ему радостную надежду. Он сказал: «О Филипп, если бы боги предоставили тебе испытать мои чувства наиболее угодным тебе способом, ты мог бы избрать и другой путь, но ты не мог даже пожелать более верного способа, чем тот, который ты применил. 13. Прочитав это письмо, я все же выпил приготовленное тобой лекарство и теперь верю, что ты беспокоишься о своей верности не меньше, чем о моем здоровье». Сказав это, он протянул Филиппу правую руку. 14. Но сила напитка была столь велика, что последующие события как будто подтвердили обвинение Пармениона: дыхание царя стало прерывистым и затрудненным. Но Филипп не упустил ни одного средства: он применил горячие припарки, возбуждал бесчувственного ароматом то пищи, то вина. 15. Как только он замечал, что Александр пришел в себя, он не переставал напоминать ему то о матери и сестрах, то о приближающейся великой победе. 16. Когда же лекарство растеклось по венам и его цели-

тельная сила стала ощущаться во всем теле, сначала дух, а затем и тело Александра обрели прежнюю силу, даже быстрее, чем ожидалось; ведь уже через три дня, проведенные в таком состоянии, он появился перед солдатами. 17. Все войско приняло Филиппа с таким чувством, как самого царя; каждый жал ему руку и благодарил его, как посланного богом. Трудно передать, как велика была, помимо прирожденного почтения македонцев к царям, их преданность именно этому царю, их пламенная к нему любовь. 18. Все были убеждены, что он ничего не предпринимает без помощи богов; ибо если кому-либо постоянно сопутствует счастье, то даже безрассудство ведет его к славе. 19. Возраст царя, едва созревшего для таких деяний, оказался вполне достаточным и прославил все его дела. Вещи, которым обычно не придают значения, имеют большую цену в глазах солдат: соревнование царя с солдатами в телесных упражнениях, его одежда и манера держаться, мало отличающие его от простого человека, его воинский дух. 20. Все это как дар ли природы или как достижение души сделало его в равной степени достойным уважения и любви.

VII.— Дарий, получив известие о болезни Александра, со всей скоростью, на которую была способна его тяжеловесная армия, поспешил к Евфрату, перекинул через него мост и переправлял свою армию в течение 5 дней, торопясь завладеть Киликией. 2. Александр же, восстановивший свое здоровье, прибыл в город Солы. Заняв его, он наложил на него штраф в 200 талантов и поместил в крепости гарнизон солдат. 3. Затем он выполнил обеты, данные за его выздоровление, устроил торжественные состязания в честь Эскулапа и Минервы; этим он показал, как презирает варваров. 4. Когда он смотрел на состязания, пришли хорошие известия из Галикарнаса: в сражении персы были побеждены его войсками, покорены ему были Миндии, Каунии и много земель на том же пути. 5. Затем, окончив состязания и снявшись с лагеря, он перешел по мосту реку Пирам и прибыл в город Малл, а оттуда на второй день достиг города Кастабал. 6. Там его встретил Парменион, посланный вперед разведать путь через горные проходы, по которым можно было пройти к городу по названию Исс. 7. Заняв самую узкую часть дороги и оставив там небольшой отряд, Парменион захватил Исс, также покинутый варварами. Продвинувшись оттуда, он вытеснил занявших внутренние гор-

ные районы, все укрепил гарнизонами и, овладев дорогой, как было сказано, пришел с известиями о своих успехах. 8. Тогда и Александр придвинул свою армию к Иссу. Там, после обсуждения, идти ли дальше или лучше ждать свежие силы, шедшие, как было известно, из Македонии, Парменион высказал мнение, что нет другого более удобного места для сражения. 9. Ведь здесь силы обоих царей будут равны, узкий проход не сможет вместить большого количества людей, а его людям надо избегать равнин и открытых полей, где их могут окружить и перебить в бою на два фронта. Он боялся, что македонцы будут побеждены не силой врага, но из-за своей усталости: если они станут более свободным строем, то свежие силы персов будут непрерывно наступать на них. 10. Разумные доводы его легко были приняты, и Александр решил дожидаться врага среди горных теснин.

11. В армии Александра был перс по имени Сисен, когда-то присланный царю Филиппу правителем Египта; получив дары и почести всякого рода, он променял родину на изгнание, последовал за Александром в Азию и считался среди его верных друзей. 12. Ему солдат-критянин передал письмо, запечатанное перстнем, печать которого была ему незнакома. Это письмо прислал полководец Дария Набарзан, убеждая Сисена сделать что-либо достойное его происхождения и нрава, чтобы заслужить почет у Дария. 13. Это письмо ни в чем не повинный Сисен часто пытался передать Александру, но видя, как царь занят разными заботами и приготовлениями к войне, дожидался удобного случая, и это увеличило подозрение, что он замышляет преступление. 14. Ибо письмо до передачи ему попало в руки Александра, который, прочитав его и запечатав незнакомым Сисену перстнем, велел отдать его персу, чтобы испытать верность варвара. 15. Но так как он не приближался к Александру несколько дней, показалось, что он скрыл письмо с преступной целью; в походе он был убит критянами, без сомнения, по приказу царя.

VIII.— Греческие воины, полученные Фимодом от Фарнабаза, главная и почти единственная надежда Дария, пришли, наконец, к царю. 2. Они усиленно уговаривали его вернуться на просторные равнины Месопотамии или, если он это отвергнет, по крайней мере разделить свои несметные силы и не допускать, чтобы вся армия его зависела от одного удара судьбы.

3. Этот совет был не так неприятен царю, как его придворным: они говорили, что здесь отражена сомнительная верность и купленное на деньги предательство и разделить его армию предлагается для того, чтобы сами греки могли разойтись в разных направлениях и выдать Александру данные им поручения; 4. благоразумнее всего окружить их всем войском, засыпать стрелами и тем доказать, что предательство не остается безнаказанным. 5. Но Дарий, человек справедливый и мягкого характера, заявил, что не совершит такого преступления, как избиение солдат, поверивших его слову. Какое племя доверит ему после этого свою судьбу, если он обагрит руки кровью стольких солдат? 6. Никого не следует наказывать за неразумный совет, так как никто не решится давать советы, если это будет связано с опасностью. Ведь и они сами ежедневно призываются к нему на совещание и высказывают разные мнения, однако он не считает более преданным того, кто высказывает более разумный совет. 7. Итак, он приказал сообщить грекам, что благодарит за их расположение, но, если бы он стал отступать, то ему, конечно, пришлось бы отдать свое царство врагу. Исход войны зависит от воинской славы, а о том, кто отступает, думают, что он убегает. 8. Едва ли есть причины затягивать войну; приближается зима, и для его большой армии может не хватить припасов в местности, которую по очереди разоряли свои и враги. 9. Да и сохраняя обычаи предков, он не может разделить свою армию, так как персы всегда бросали в решительный бой все свои силы. 10. И боги свидетели, что Александр, царь прежде грозный, а теперь из-за его отсутствия вознесшийся в суетной самоуверенности, узнав о его приближении, сменил безрассудство на осторожность и спрятался в горных ущельях, подобно мелкому зверю, который, услышав шаги путника, скрывается в лесной норе. 11. Теперь он обманывает своих воинов, притворяясь больным. Но он, Дарий, больше не даст ему избегнуть столкновения: в той же тесноте, куда спрятались трусы, он перебьет всех, уклоняющихся от сражения. Но он не оправдал этих хвастливых слов. 12. Впрочем, отослав все свои деньги и самые большие драгоценности с небольшим отрядом солдат в Дамаск в Сирии, Дарий повел остальных в Киликию; его мать и жена по обычаю следовали за армией; его незамужние дочери и маленький сын тоже сопровождали отца. 13. Случилось так, что в одну и

ту же ночь Александр подошел к проходу, ведущему в Сирию, а Дарий к месту, называемому Аманские ворота. 14. Персы не сомневались, что македонцы покинули взятый ими Исс, потому что они захватили нескольких больных и раненых, которые не могли следовать за своим войском. 15. У них у всех по подстрекательству придворных с варварской жестокостью отрезали и прижгли руки, и Дарий приказал провести их по стану, чтобы они видели его армию и, осмотрев достаточно все, могли рассказать своему царю о виденном. 16. Затем Дарий снялся с лагеря и перешел реку Пинар, намереваясь преследовать по пятам предполагаемых беглецов. Но те, у кого отрезали руки, проникают в лагерь македонцев и сообщают, что за ними следует Дарий со всей доступной ему быстротой. 17. Им с трудом поверили: поэтому Александр приказал разведчикам узнать в приморских областях, идет ли сам Дарий, или кто-либо из его полководцев заставил подумать, что приближается вся армия. 18. Но когда разведчики возвращались, вдали уже показалось множество людей. Затем на полях зажглись огни, и казалось, что все охвачено сплошным пожаром, так как беспорядочная толпа из-за большого количества вьючных животных поставила шатры просторнее, чем обычно. 19. Тогда Александр приказал своим людям разбить лагерь на том месте, где они стояли, радуясь, что по всем его молитвам сражение произойдет именно в этих теснинах. 20. Впрочем, как всегда бывает, когда наступил решительный момент, его уверенность сменилась беспокойством. Он боялся той самой судьбы, по милости которой он имел столько успехов, и от мысли о ее благодеяниях он, вполне естественно, перешел к мысли об ее изменчивости: ведь только одна ночь оставалась до исхода великого столкновения. 21. С другой стороны, он убеждал себя, что ожидаемая награда больше, чем опасность, и что хотя нет твердой уверенности в его победе, но известно одно: что он погибнет храбро и с великой славой. 22. Поэтому он приказал солдатам подкрепиться и быть готовыми и вооруженными к третьей смене караула. Сам он поднялся на вершину высокой горы и при свете множества факелов принес по обычаю предков жертвы богам — хранителям места. 23. Солдаты же, предупрежденные заранее и готовые к походу и к сражению, как только услышали третий трубный сигнал, бодро

выступили по команде и к рассвету подошли к теснине, которую решено было занять.

24. Посланные вперед донесли, что Дарий находится на расстоянии 30 стадиев. Тогда Александр приказывает войску остановиться и, вооружившись сам, строит его для сражения. Перепуганные поселяне сообщили Дарию о приближении врага. Но ему не верилось, что преследуемые им беглецы идут ему навстречу. 25. Поэтому немалый страх охватил всех, кто подготовился больше к походу, чем к сражению, и все поспешно начали вооружаться. Но сама суета бегавших по лагерю и созывавших своих товарищей внушала еще больший страх. 26. Некоторые поднялись на горы, чтобы оттуда увидеть приближающихся врагов, многие взнуздывали коней. Армия, беспорядочная и не имеющая единого командования, пришла в полное смятение. 27. Сначала Дарий решил занять частью своих сил горные вершины, чтобы окружить врага спереди и сзади, а там, где море прикрывало его левый фланг, бросить в бой остальные силы и теснить врага со всех сторон. 28. Кроме того, вперед были посланы с отрядом лучников 20 000 пехоты, чтобы, перейдя реку Пинар, протекавшую между двумя армиями, выйти навстречу македонцам; если бы они не смогли это сделать, то должны были отступить в горы и тайно зайти в тыл врага. 29. Но судьба сильнее всех расчетов; она опрокинула этот выгодный план. Одни от страха не посмели выполнить приказ, другие же напрасно пытались это сделать, ибо там, где расшатываются части, рушится и целое.

IX.— Армия Дария построилась следующим образом: Набарзан с кавалерией и с примерно 20 000 пращников и лучников охранял правый фланг. 2. Там же находился Фимод во главе 30 тысяч наемных греков-пехотинцев. Это, без сомнения, был цвет войска, по силе равный македонской фаланге. 3. На левом фланге находился фессалиец Аристомед с 20 000 варваров-пехотинцев. В резерве поместили наиболее воинственные племена. 4. Сам царь думал сражаться на этом же фланге; его сопровождали 3000 отборной конницы (его обычная охрана) и 40 000 пехоты. 5. За ними стояла гирканская и мидийская конница, а за нею — всадники остальных племен, с правой и левой ее стороны. Перед этим строем, поставленным, как указано, стояли 6000 копейщиков и пращников. 6. Все тесное про-

 странство, где только можно было стать, было заполне-

но войском Дария, один фланг которого упирался в горы, другой — в море. Жену и мать Дария и остальных женщин поместили в центре. 7. Александр поставил сильнейшую часть македонской армии — фалангу в центре. Никанор, сын Пармениона, охранял правый фланг. Рядом с ним стояли Кен, Пердикка, Мелеагр, Птолемей и Аминта, каждый во главе своего войска. 8. На левом фланге, достигавшем морского берега, были Кратер и Парменион, но Кратеру было приказано повиноваться Пармениону; конница была поставлена на обоих флангах: на правом македонская вместе с фессалийской, на левом пелопоннесская. 9. Перед этим строем Александр поместил отряд пращников, смешанных с лучниками: впереди шли фракийцы и критяне, вооруженные также легко... Но против тех, кого Дарий послал вперед занять горный хребет, Александр поставил агриан, недавно приведенных из Греции. 10. Пармениону же он приказал насколько возможно растянуть свое войско к морю, чтобы находиться дальше от занятых варварами гор. 11. Но варвары, не посмевшие ни сразиться с подступившими македонцами, ни окружить их, когда они прошли, бежали, особенно испугавшись вида пращников, и это укрепило фланг войска Александра, опасавшегося нападения на него сверху. 12. Македонцы шли по 32 человека в ряд, так как узкое место не давало возможности больше развернуть строй. Но постепенно горные ущелья стали расширяться, пространства стало больше, так что не только пехота смогла наступать более широким строем, но и конница прикрывать ее с флангов.

X.— Обе армии уже видели друг друга, хотя и были на расстоянии, недосягаемом для копья. Тогда персы передних рядов подняли нестройный дикий крик. 2. И македонцы ответили им криком, не соответствовавшим их численности, ибо им отвечало эхо с горных вершин и из глубин лесов: ведь окружающие нас скалы и дубравы всегда с удвоенной силой отражают каждый воспринятый ими звук. 3. Александр шел перед знаменами, то и дело жестом руки удерживая своих людей, чтобы они в возбуждении, запыхавшись от поспешного хода, не бросались в бой с излишней горячностью. 4. Объезжая ряды, он обращался к воинам с разными речами, соответственно чувствам каждого. Македонцам, победителям в стольких войнах в Европе, отправившимся не только по его, но и по своей воле покорять Азию и самые дальние страны Востока,

он напомнил об их древней славе. 5. Они, мол, прошедшие по всему миру в пределах пути Геркулеса и отца Либера, покорят себе не только персов, но и все остальные народы: Бактрия и Индия станут македонскими провинциями. То, что они видят теперь,— это наименьшая часть их добычи; победа откроет перед ними все. 6. Их уделом будет не бесплодный труд на крутых скалах Иллирии и камнях Фракии, но весь Восток станет их добычей. Им почти не понадобятся мечи: всю вражескую армию, дрожащую от страха, они смогут отогнать щитами. 7. Он призвал в свидетели своего отца Филиппа, победителя афинян, и напомнил воинам, как была покорена Беотия и сравнен с землей ее славнейший город. Он говорил то о реке Гранике, то о том, сколь много городов было ими взято или сдалось на милость победителя, и напомнил воинам, что все, находящееся позади них, покорено ими и повержено к их ногам. 8. Обращаясь к грекам, он напоминал им, что война против Греции была начата народами Персии, сначала по дерзости Дария, а затем Ксеркса, потребовавших от них земли и воды, чтобы не оставить сдавшимся ни глотка из их источников, ни привычного куска хлеба. 9. Дважды были разрушены и сожжены греческие храмы, осаждались города и нарушались все божеские и человеческие законы. 10. Иллирийцам же и фракийцам, привыкшим жить грабежом, он приказывал смотреть на вражеское войско, сверкающее золотом и пурпуром, несущее на себе добычу, а не оружие; пусть они, как мужи, отнимут золото у этих по-женски слабых народов и обменяют свои голые скалы, промерзшие от вечного холода, на богатые поля и луга персов.

XI.— Враги подошли уже друг к другу на расстояние полета копья, когда персидская конница яростно устремилась на левый фланг неприятеля; Дарий хотел решить исход боя конницей, считая, что самая сильная часть македонского войска — фаланга, и он начал уже окружать правый фланг Александра. 2. Когда македонец заметил это, он приказал двум отрядам конницы оставаться на горах, а остальные решительно направил в самое опасное место сражения. 3. Затем он увел с линии сражения фессалийскую конницу и приказал ее командиру потихоньку позади своих пробраться к Пармениону и немедленно выполнить, что тот прикажет. 4. Ворвавшись в самую гущу персов, окруженные ими со всех сторон македонцы героически защи-

щались, но сжатые в кучу и притиснутые друг к другу, они не могли дать размах оружию, и копья, одновременно пущенные в одну цель, сталкивались и падали так, что мало их попадало во врагов, нанося им слабые и неопасные удары, большинство же без всякой пользы падало на землю. Принужденные сражаться врукопашную, воины тотчас же схватились за мечи. 5. Тогда произошло великое кровопролитие: обе армии находились так близко одна от другой, что щиты ударялись о щиты и клинки мечей направлялись прямо в лицо врагу. Ни слабые, ни трусы не могли уйти; они сражались плечом к плечу как в единоборстве, твердо стояли на одном месте и открывали себе путь только победой. 6. Ведь они продвигались, только опрокинув врага. Но уставшим приходилось биться все с новыми и новыми врагами, и раненые не могли, как это всегда бывает, уйти с поля боя, так как спереди теснил их враг, сзади наседало свое же войско. 7. Александр сражался не столько как полководец, сколько как солдат, стараясь прославиться убийством Дария, ибо Дарий стоял на своей колеснице, побуждая своих воинов защищать его, а врагов — нападать на него. 8. Поэтому брат его Оксатр, увидев, что Александр бросается к царю, поставил конницу, которой он командовал, перед самой колесницей Дария. Оксатр выделялся своим вооружением и физической силой, был храбр и предан царю, как немногие. Прославился он и в этой битве: наступавших слишком неосторожно он убивал, а других обращал в бегство. 9. Но македонцы, стоявшие рядом с Александром, ободряя друг друга, во главе с ним самим ворвались в середину персидской конницы. Тогда избиение врага походило на его полный разгром. Вокруг колесницы Дария лежали его самые славные полководцы, почетно погибшие на глазах своего царя, все они лежали ничком, так как пали, сражаясь и получив раны в грудь. 10. Среди них узнали Атизия, Реомифра и правителя Египта Сабака, командиров больших армий; вокруг них грудой лежали тела неизвестных всадников и пехотинцев. У македонцев тоже были убитые, хотя и немногие, но очень храбрые мужи; сам Александр был легко ранен мечом в правое бедро. 11. Кони, запряженные в колесницу Дария, исколотые копьями и взбесившиеся от боли, рвались из упряжки, сбрасывая царя с колесницы. Тогда он, опасаясь попасть живым в руки врага, соскочил с нее и был посажен на приготовленного для та-

кого случая коня, позорно бросив знаки царского достоинства, чтобы они не выдали его во время бегства. 12. Тогда остальные рассыпались в страхе и бежали, кто куда мог, бросая оружие, которое они только что взяли, чтобы защищаться; так паника заставляет бояться даже средств помощи. 13. Конница, высланная Парменионом, преследовала бегущих по пятам, и случайно бегство привело всех именно на его фланг. 14. На правом же фланге персы сильно теснили фессалийскую конницу, и один отряд был уже рассеян их натиском. Тогда фессалийцы, ловко повернув коней возвращаются в сражение и учиняют большое побо ище варварам, настолько уверенным в победе, что они уже рассеялись и сами расстроили свои ряды. 15. Кони и всадники персов в равной мере были отягощены пластиночными панцирями и с трудом двигались в этом сражении, где главное было — быстрота, так что фессалийцы на своих конях окружали их и брали в плен многих. 16. Когда Александру сообщили об этой удаче, он, раньше не осмеливавшийся преследовать варваров, теперь, победив на обоих флангах, стал теснить бегущих. 17. Царя сопровождало не более тысячи всадников, огромная же армия врага не устояла. Но кто считает войско в час победы или бегства? Персы, как овцы, бежали от столь немногочисленных врагов, но тот же страх, который заставлял их бежать, сковывал теперь их движения. 18. Греки же, сражавшиеся на стороне Дария во главе с Аминтой (он был полководцем Александра, а теперь стал перебежчиком), ускользнули, отделившись от других, но это не было бегством. 19. Варвары бежали в разных направлениях: кто по дороге, прямо ведущей в Персию, кто окольными путями в горы и в потайные их ущелья, лишь немногие — в лагерь Дария. 20. Но и в этот богатый всевозможными предметами роскоши лагерь уже ворвались победители. Солдаты захватили много золота и серебра, предметов не вооружения, а роскоши, и так как они набрали больше, чем могли унести, дороги были повсюду усыпаны менее ценными трофеями, которыми жадность пренебрегла, поскольку другие были дороже. 21. Добравшись до женщин, они срывали с них украшения тем яростнее, чем они были богаче; насилие и похоть не щадили и их тел. 22. Лагерь наполнился шумом и криком разного рода, кому какая выпала судьба, и не была упущена ни одна возмож-

ность проявить жестокость, так как необузданная ярость победителей не щадила ни возраста, ни сословия. 23. Тогда действительно можно было увидеть пример превратности Фортуны, ибо те, которые раньше украшали шатер Дария, наполненный предметами роскоши и богатства, охраняли его теперь для Александра, словно он был его старым хозяином. Ведь солдаты не тронули его только потому, что существовал обычай, чтобы побежденные встречали победителя в царском шатре. 24. Но все взоры и общее внимание обратили на себя пленные мать и жена Дария: первая внушала уважение не только своей судьбой, но и возрастом, вторая — своей красотой, не помраченной даже в ее новом положении. Она держала на руках сына, еще не достигшего 6 лет, рожденного для столь же счастливой судьбы, как та, которую только что потерял его отец. 25. А на груди старой бабушки лежали две взрослые девушки, ее внучки, подавленные скорбью не столько за себя, сколько за нее. Вокруг них стояла большая толпа знатных женщин, с распущенными волосами, в разорванных одеждах, забывших о своем прежнем достоинстве, величавших своих цариц и владычиц их истинными титулами, утратившими теперь значение. 26. Те же, забыв о своем несчастье, расспрашивали, на каком фланге был Дарий, каков был исход сражения: они не считали себя пленницами, пока был жив Дарий. А он, часто меняя лошадей, бежал и находился уже очень далеко. 27. В этом сражении было убито сто тысяч персидских пехотинцев и десять тысяч всадников. На стороне Александра было 504 раненых, недоставало всего тридцати двух пехотинцев и погибло 150 всадников. Столь легкой ценой досталась эта великая победа.

XII. — Царь, утомившись преследовать Дария, когда исчезла надежда догнать его и приблизилась ночь, направился в лагерь, недавно захваченный его воинами. 2. Здесь он приказал созвать своих самых близких друзей, так как царапина на бедре не мешала ему участвовать в пиршестве. Но внезапно горестные возгласы с воплями и причитаниями, по восточному обычаю, донеслись из соседней палатки и встревожили пирующих. 3. Когорта же, охранявшая шатер царя, опасаясь начала какого-нибудь беспорядка, стала вооружаться. 4. Причиной этой внезапной тревоги было то, что мать и жена Дария вместе с пленными знатными

женщинами с криком и рыданиями оплакивали, как они думали, убитого Дария. 5. Случайно оказавшийся у палатки женщин один пленный евнух увидал в чьих-то руках плащ, брошенный Дарием, чтобы не быть узнанным во время бегства, как об этом было сказано выше. Думая, что плащ снят с мертвого Дария, он и принес это ложное известие. 6. Говорят, что Александр, услышав об этом заблуждении женщин, прослезился над судьбой Дария и любовью к нему его семьи. 7. Сначала он приказал владевшему персидским языком Мифрену, сдавшему Сарды, пойти и утешить женщин, но затем, опасаясь, что вид предателя усилит боль и гнев пленниц, он послал Леоннната, из своих приближенных, сообщить женщинам, что они по ошибке оплакивают живого. Леоннат с несколькими оруженосцами вошел в палатку женщин и приказал объявить им, что он послан царем. 8. Но находившиеся у входа люди, увидев вооруженных воинов, подумали, что их госпожам пришел последний час, и вбежали в палатку, крича, что идут воины убивать пленниц. 9. Женщины не могли этому помешать, но и не решались допустить пришедших и в молчании ожидали свершения воли победителя. 10. Леоннат, долгое время прождавший приглашения войти, оставил своих спутников у входа и, так как никто не решался выйти к нему, сам вошел в палатку. Этот поступок перепугал женщин: им казалось, будто Леоннат ворвался к ним в палатку, а не вошел по приглашению. 11. Поэтому мать и жена Дария, бросившись к ногам Леонната, стали умолять разрешить им, прежде чем их убьют, похоронить прах Дария по их обычаям. Они, мол, готовы встретить смерть после того, как отдадут последний долг царю. 12. Леоннат сказал им, что Дарий жив, что их никто не тронет и они будут по-прежнему царицами и сохранят все знаки своего достоинства. Только тогда мать Дария позволила поднять себя. 13. На следующий день Александр, с почетом похоронив найденные им тела воинов, велел оказать такие же почести знатнейшим персам и предоставил матери Дария похоронить по обычаям их страны, кого она пожелает. 14. Она приказала похоронить некоторых из ее ближайших родственников, считая сообразно с новым положением вещей, что обычные у персов торжественные похороны неуместны, тогда победители сожгли прах своих товарищей без всякой пышности. 15. И те-

перь, отдав последний долг телам погибших, Александр послал известить пленниц, что сам идет к ним, и отпустив сопровождавших его, вошел в палатку с Гефестионом. 16. Это был самый любимый из друзей царя, выросший вместе с ним, поверенный всех его тайн, имевший больше других право подавать советы царю. Но этим правом он пользовался так, что казалось, будто он делает это по желанию царя, а не в силу своих притязаний. Будучи ровесником царя, он превосходил его ростом. 17. Поэтому царицы, приняв его за царя, выразили ему покорность по своему обычаю. Когда некоторые из пленных евнухов указали им, кто Александр, Сисигамбис упала к его ногам, прося прощения за то, что она не узнала царя, которого никогда прежде не видела. Царь, взяв ее за руку, помог ей подняться и сказал: «Ты не ошиблась, мать; и этот человек — Александр». 18. Я склонен думать, что если бы он сохранил эту скромность души до конца жизни, это принесло бы ему больше счастья, чем то триумфальное шествие, в котором он, подражая отцу Либеру, прошел как победитель по всем странам, от Геллеспонта до Океана. 19. Тогда он, конечно, умел бы подавлять в себе свои неодолимые пороки, гнев и гордыню, не стал бы убивать друзей на пирах и не осуждал бы на смерть без разбора людей, выдающихся в военном деле и вместе с ним покоривших столько народов. 20. В то время удача еще не помрачила его духа: приняв ее вначале очень скромно и мудро, он в конце концов не выдержал ее величия. 21. Он вел себя тогда так, что превзошел сдержанностью и милосердием всех прежних царей. К царственным девушкам изумительной красоты он относился с таким уважением, как к своим единородным сестрам. 22. Жену Дария, с которой не могла сравниться красотой ни одна женщина того времени, он не только не обидел сам, но и позаботился о том, чтобы никто не смел прикоснуться к пленнице. 23. Он приказал возвратить женщинам все их драгоценности, и они, как и прежде, ни в чем не испытывали недостатка, кроме чувства свободы. 24. Тогда Сисигамбис сказала: «О царь, ты достоин того, чтобы мы возносили за тебя те же молитвы, которые возносили за нашего Дария, так как ты превзошел столь великого царя не только счастьем, но и справедливостью. 25. Ты называешь меня матерью и царицей, а я признаю себя только твоей служанкой. Я могу подняться

до высоты моего прежнего положения и могу перенести тяжесть нынешнего. Но для тебя важно, чтобы ты в обращении с нами прославился больше милосердием, чем жестокостью». 26. Александр, ободрив женщин, взял на руки сына Дария, и ребенок, совсем не испугавшись человека, которого видел впервые, обхватил шею Александра руками. Тронутый доверчивостью ребенка, царь сказал Гефестиону: «Как бы я хотел, чтобы Дарий имел хоть немного такого характера». 27. Выйдя с этими словами из палатки, Александр воздвиг три алтаря: Юпитеру, Геркулесу и Минерве,— на берегу реки Пинара и направился в Сирию, послав Пармениона вперед в Дамаск, где находилась сокровищница царя.

XIII.— Парменион же, узнав, что его опередил сатрап Дария, и опасаясь, что малочисленность его людей вызовет у неприятеля презрение, решил призвать к себе подкрепление. 2. Но в руки высланных Парменионом разведчиков случайно попал мардиец; приведенный к Пармениону, он передал ему письмо, посланное Александру правителем Дамаска, добавив, что не сомневается в том, что правитель передаст Александру все сокровища и деньги царя. 3. Парменион, приказав взять мардийца под стражу, вскрыл письмо, в котором было написано, чтобы Александр поспешил прислать одного из своих полководцев с небольшим отрядом, чтобы он мог передать ему то, что Дарий поручил ему охранять. Узнав, в чем дело, Парменион послал мардийца с несколькими спутниками обратно к предателю. По дороге мардиец вырвался из рук своей стражи и до рассвета прибыл в Дамаск. 4. Это очень обеспокоило Пармениона, опасавшегося засады, и он не осмелился идти по незнакомому пути без проводника. Однако, веря в счастье своего царя, он приказал захватить нескольких поселян, чтобы они показывали путь. Поспешно были найдены проводники, и он прибыл на четвертый день в город, где правитель уже опасался, что ему не оказали доверия. 5. Будто не полагаясь на городские укрепления, правитель распорядился вынести из города до восхода солнца все деньги царя, называемые персами сокровищем, и самые большие драгоценности; он для вида готовился к бегству, на самом деле намеревался передать сокровище врагу, как добычу. 6. Когда он покидал город, за ним шло много

 тысяч мужчин и женщин, толпа, способная возбудить

сочувствие у всех, кроме человека, верности которого она была поручена. Чтобы повысить цену своего предательства, правитель готовился выдать врагу добычу дороже всяких денег: людей высокого рода, жен и детей полководцев Дария и, кроме того, посланцев греческих городов, которых Дарий оставил в руках предателя, как в самом безопасном месте. 7. Персы называют людей, переносящих тяжести на своих плечах, «гангабами». На этот раз эти люди не могли вынести внезапно последовавшего за бурей снегопада, когда скованная холодом земля смерзлась; они надели на себя пурпурные с золотом одежды, которые несли вместе с деньгами, и никто не посмел остановить их, так как судьба Дария освободила от страха перед ним даже людей самого низкого положения. 8. Пармениону они показались армией, которой не следует пренебрегать; он ободряет своих людей немногими, но особенно вескими словами, как перед настоящим сражением, и приказывает им, пришпорив коней, внезапно напасть на врага. 9. Но носильщики, побросав свою ношу, в ужасе пускаются бежать; по этой же причине сопровождавшие их вооруженные воины стали бросать оружие и прятаться в известных им укрытиях. 10. Префект, делая вид, что он сам в страхе, вызвал общую панику. По полям были разбросаны богатства царя, деньги, предназначенные для платы огромной армии, платья и украшения стольких знатных людей и благородных женщин, золотые сосуды, золотая сбруя, палатки, украшенные с царской роскошью, повозки, покинутые их владельцами и наполненные огромными богатствами. Печальная картина даже для грабителя, если что-либо препятствует удовлетворению его алчности. 11. Столь невероятное и несметное богатство, накопленное в течение стольких лет, теперь частью было изодрано ветвями кустарников, частью втоптано в грязь; у грабителей не хватало рук, чтобы подобрать добычу. 12. Наконец добрались до тех, кто бежал первыми: много женщин тащили своих детей следом за собой. Среди них были три девушки, дочери Оха, царствовавшего перед Дарием; они из-за перемены обстоятельств потеряли высокое положение, как дочери своего отца, но судьбе было угодно уготовить им еще более жестокую участь. 13. В этой же толпе была жена названного выше Оха, также и дочь Оксатра, брата Дария, и жена главы царских приближен-

ных Артабаза с его сыном по имени Илионей. 14. Были взяты в плен также жена Фарнабаза, которому Дарий поручил верховное командование на морском берегу, вместе с ее сыном, три дочери Ментора и жена и сын славного полководца Мемнона; едва ли какая-нибудь семья вельможи избежала столь печальной участи. 15. Вместе с ними были захвачены спартанцы и афиняне, которые, нарушив обязательства союзников, присоединились к персам: Аристогитон, Дронид и Ификрат, славнейшие по рождению и влиянию афиняне, и известные у себя на родине спартанцы Павсипп и Ономасторид с Монимом и Калликратидом. 16. Всей чеканной монеты было захвачено на 2600 талантов, а серебряных изделий на 500 фунтов весом. Кроме этого, были взяты 30 тысяч пленных и 7 тысяч вьючных животных, тащивших поклажу. 17. Впрочем, боги вскоре послали предателю столь великой судьбы должное наказание. Один из его соучастников несомненно из чувства преданности к царю даже в его несчастной судьбе принес Дарию голову убитого предателя: слабое возмещение преданному! Так отомстил Дарий своему врагу и вместе с тем убедился, что не во всех заглохла память о его величии.

КНИГА IV

А ДАРИЙ, недавний царь со столь многочисленным войском, вступивший в сражение на колеснице не столько борющимся за победу, сколько торжествующим ее, спасался бегством по полям, еще недавно заполненным его бесчисленными войсками, а теперь обезлюдевшим и ставшим обширной пустыней. 2. Немногие следовали за ним, ибо не все персы бежали по одному пути и из-за недостатка лошадей не могли поспевать за царем, менявшим лошадей. 3. Наконец, царь прибыл в Онхи, где его поджидали четыре тысячи греков; вместе с ними он поспешил к Евфрату, считая, что ему будет принадлежать только то, что он успеет захватить в скором продвижении.

4. Александр же приказал Пармениону тщательно стеречь пленников и добычу, захваченную им в Дамаске, и назначил его правителем Сирии, называемой Келесирия. 5. Сирийцы, еще недостаточно ослабленные военными поражениями, относились к новой власти с пренебрежением; но быстро усмиренные, они покорно стали исполнять ее приказания. 6. Сдался царю также остров Арад. Приморской полосой и землями, дальше отстоявшими от моря, владел тогда царь этого острова Стратон. Приняв от него выражение покорности, царь передвинул свой стан к городу Марафу.

7. Там ему вручается письмо Дария, вызвавшее сильное его возмущение своим заносчивым тоном; особенно его раздражило, что Дарий приписал себе царский титул, но не прибавил его к имени Александра. 8. Он не столько просил, сколько требовал, чтобы Александр, приняв от него столько денег, сколько мог бы собрать со всей Македонии, вернул ему мать, жену и детей и чтобы сразился с ним, если хочет, на равных условиях за царство. 9. Если, мол, он способен выслушать разумный совет, то пусть довольствуется отцовским царством и очистит пределы чужого, пусть будет

союзником и другом: в этом он согласен и сам дать ему клятву верности и принять ее от него.

10. В ответ Александр написал ему в следующем тоне: «Царь Александр Дарию. Дарий, имя которого ты принял, совершенно разорил греков, занимающих берег Геллеспонта и ионические колонии греков, а затем, объявив войну Македонии и Греции, с большим войском переправился через море. 11. Потом пришел Ксеркс для завоевания нашей страны с полчищами грубых варваров, потерпев поражение в морской битве, он все же оставил в Греции Мардония, чтобы и в свое отсутствие разорять города и выжигать поля. 12. Кто не знает, что родитель мой Филипп был убит людьми, которых вы соблазнили надеждой получить огромные деньги? Вы затеваете нечистивые войны и хотя имеете оружие, покупаете за деньги головы ваших врагов, как и ты, царь такого войска, хотел недавно нанять убийцу против меня за тысячу талантов. 13. Я обороняюсь от войны, а не иду войной. Да и боги поддерживают правую сторону: большую часть Азии я подчинил моей власти, тебя самого победил в бою. И хотя не следовало бы тебе, не признающему за мной даже прав войны, получить от меня никакого снисхождения, все же обещаю тебе, что если ты придешь ко мне с покорностью, получишь без выкупа и мать, и жену, и детей. Я умею побеждать и щадить побежденных. 14. А если ты боишься довериться мне, то я обещаю тебе, что ты придешь в безопасности. Кроме того, когда будешь мне писать, не забудь, что ты пишешь не просто царю, а своему царю».

15. Для передачи этого письма был послан Ферсипп. Сам Александр спустился в Финикию, где сдался ему на милость город Библ; оттуда он подошел к Сидону, известному своей древностью и славой своих основателей. 16. Царствовал в нем Стратон, поддерживаемый Дарием, и так как он сдал город на милость Александру не столько по своей воле, как по воле народа, он был признан недостойным царской власти и было поручено Гефестиону поставить там царем человека из сидонцев, которого он признает достойнейшим этого высокого сана. 17. У Гефестиона были там друзья, пользующиеся доброй славой среди юных своих сограждан; когда им представилась возможность получить царскую власть, они сказали, что по обычаям отцов в этот высокий сан может быть возведен только потомок царского рода. 18. Гефестион

был поражен величием духа людей, отвергающих то, чего другие добиваются огнем и мечом, и сказал: «Слава вашей доблести, вы первые поняли, насколько выше заслуга отказаться от царской власти, чем принять ее. Укажите же кого-нибудь из царского рода, который бы не забыл, что получил царское достоинство от вас». 19. Они же, видя, что многие питают эти надежды и, чрезмерно домогаясь царской власти, низкопоклонствуют перед друзьями Александра, решили, что нет никого более достойного, чем некий Абдалоним; он связан с царским родом дальним родством, но из-за бедности сам обрабатывает свой скромный пригородный сад. 20. Причиной его бедности, как у большинства, была его честность; занятый повседневным трудом, он и не слыхал звона оружия, сотрясавшего всю Азию.

21. Немедленно упомянутые лица с разукрашенной царской одеждой в руках входят в сад, который Абдалоним очищал от сухих трав. 22. Тогда один из них, приветствуя его как царя, сказал: «Тебе придется сменить твое рубище на одежду, которую ты видишь в моих руках. Омой тело свое, загрязненное в продолжительном труде, проникнись царственным духом, но в новом своем достоинстве, вполне тебе подобающем, сохрани свою скромность. Когда будешь сидеть на царском троне судьей над жизнью и смерью всех граждан, не забудь своего положения и своих качеств, ради которых ты принимаешь царство». 23. Все это казалось Абдалониму каким-то сном, потом он стал спрашивать, в здравом ли они уме, раз так жестоко смеются над ним; но, когда с него, все еще недоверчивого, снято было рубище и надета была на него одежда, украшенная пурпуром и золотом, и присутствующие принесли ему присягу, то он, как подлинный царь, в сопровождении тех же спутников отправился во дворец.

24. Слух об этом, как обычно, облетел весь город; у одних он вызвал сочувствие, у других возмущение; все богачи жаловались друзьям Александра на бедность Абдалонима и скромное его положение. 25. Александр сейчас же приказал призвать его и долго на него смотрел. «Внешний вид твой,— сказал он,— не противоречит славе твоего рода, но интересно мне узнать, терпеливо ли ты переносил свою бедность». Тогда тот ему ответил: «Хорошо будет, если я с такой же твердостью смогу перенести и царскую власть! Свои желания я всегда удовлетворял трудом

своих рук; ничего не имея, я никогда ни в чем не нуждался». 26. Александр убедился на основании этих слов Абдалонима в высоких качествах его души; итак, он передал ему не только все царское имущество Стратона, но много из персидской добычи, кроме того, подчинил его власти и область, прилегающую к городу.

27. Между тем Аминта, о котором мы сказали, что он перешел от Александра к персам, спасся бегством с четырьмя тысячами греков, последовавших за ним из строя, в Триполис. Оттуда, посадив своих солдат на корабли, он переправился на о. Кипр, полагая, что при данном положении вещей каждый будет обладать на основании бесспорного права лишь тем, что он сам захватит. Он решил захватить Египет; будучи врагом того и другого царя, он всегда подчинялся изменяющимся обстоятельствам. 28. Он внушил своим солдатам надежду на успех и убедил их в том, что претор Египта Сабак убит в бою, что персидское войско осталось без вождя и слабо, что египтяне всегда были враждебные своим преторам и примут греков не как врагов, а как друзей. 29. Крайняя необходимость заставляла их все испробовать и так как судьба не осуществила первых ожиданий, последующие казались более надежными. Итак, солдаты закричали, пусть ведет их, куда сам знает. Полагая, что надо использовать воодушевление солдат, он проникает в устье Нила, в Пелузий, выдавая себя за посланца Дария. 30. Завладев Пелузием, он продвинул свои войска в Мемфис. Узнав об этом, египтяне, народ пустой и более склонный к переворотам, чем к твердому управлению, сбегаются туда из своих деревень и городов для уничтожения персидских гарнизонов. Персы хоть и испугались, но не потеряли надежду удержать Египет. 31. Аминта, разбив их в сражении, загнал в город, а сам, поставив лагерь, повел своих победителей на опустошение полей; все имущество врагов расхищалось, словно предоставленное всем, кому угодно. 32. Таким образом, Мазак, хотя и знал, что его люди удручены неудачным сражением, все же, показав им, как враги бродят повсюду с беспечностью победителей, побудил их решиться на вылазку из города и вернуть себе потерянное имущество. 33. Этот совет оказался и разумным по замыслу и особенно удачным по результату: все враги до одного вместе со своим вождем были перебиты. Так Аминта заплатил своей жизнью за свою вину перед

обоими царями; не больше верности проявил он тому, к которому перебежал, чем к покинутому им.

34. Военачальники Дария, уцелевшие после битвы при Иссе, со всем войском, которое последовало за беглецами, присоединив к нему также молодежь каппадокийцев и пафлагонцев, пытались вернуть себе Лидию. 35. Во главе Лидии стоял претор Александра Антигон. Он хотя и отправил к царю много воинов из своих гарнизонов, все же, презирая варваров, повел своих людей в битву. Судьба сторон и в этом состязании оказалась такой же: персы после трех сражений в разных местах были рассеяны. 36. В то же время и флот македонцев, вызванный из Греции, победил Аристомена, посланного Дарием отвоевать берега Геллеспонта; все его корабли были либо потоплены, либо захвачены в плен. 37. Начальник персидского флота Фарнабаз, взяв деньги с жителей Милета и введя в город Хиос свой гарнизон, напал с сотней кораблей на острова Андрос и Сифн. Он занимает эти острова своими гарнизонами и облагает денежным штрафом. 38. Широкий размах войны, которая велась могущественнейшими царями Европы и Азии за обладание всем миром, заставил взяться за оружие Грецию и Крит. 39. Спартанский царь Агис, собрав восемь тысяч греков, которые беглецами из Киликии возвращались по домам, замыслил войну против Антипатра, префекта Македонии. 40. Критяне, примыкавшие то к одной, то к другой стороне, захватывались то спартанскими войсками, то македонскими. Но столкновения этих противников носили более легкий характер, так как судьба готовила другой главный бой, от которого зависел исход всех остальных.

II.— Уже вся Сирия, а также Финикия, за исключением города Тира, были под властью македонцев; царь стоял лагерем на материке, от которого город Тир отделен узким проливом. 2. Тир, выдающийся своими размерами и славой среди всех городов Сирии и Финикии, казалось, охотнее вступил бы с Александром в союз, чем признал бы его власть; поэтому послы города предлагали ему в подарок золотой венок, щедро и гостеприимно снабдив его перед этим продовольствием из города. 3. Царь приказал принять от них дары как от друзей и, благосклонно обратившись к ним, сказал, что хочет принести жертвы Геркулесу, особенно почитаемому тирийцами; цари, мол, македонские верят, что ведут свой род от этого бога, а ему самому

предписано исполнить это оракулом. 4. Послы отвечают ему, что есть храм Геркулеса за чертой города, на месте, называемом Палетир, там царь сможет принести жертву богу по установленному обряду. 5. Тут Александр не сдержал гнева, с которым обычно не мог совладать. «Так вы, — воскликнул он, — полагаясь на то, что занимаете остров, презираете наше сухопутное войско? Но я скоро покажу вам, что вы живете на материке! Знайте же: или вы впустите меня в город, или я возьму его силой». 6. С этими словами он отпустил послов. Друзья стали уговаривать тирийцев, чтобы они сами предоставили свободный доступ в город царю, которого приняли и Сирия и Финикия. Но они, достаточно полагаясь на неприступность места, решили выдержать осаду.

7. В самом деле, город отделяет от материка пролив шириной в четыре стадия. Так как он обращен в сторону африканского ветра, то по нему часто набегают на берег из открытого моря большие волны. 8. Поэтому именно этот ветер, как ничто другое, препятствовал производству работ, которыми македонцы задумали соединить остров с материком. Ведь большие глыбы камня с трудом можно перевозить даже и при спокойном море; африканский же ветер, вздымая волны, опрокидывал все, что свозили для постройки, да и нет ничего столь крепкого, чего не разъедали бы волны, то проникающие в скрепления отдельных частей, то при более сильном ветре перекатывающиеся через все сооружение. 9. Кроме того, было и еще не меньшее затруднение: у стены и башен море было очень глубоким; осадные машины могли действовать только издали, с кораблей, к стенам нельзя было подставить лестниц; отвесная стена над морем преграждала путь пехоте; кораблей у царя не было, да если бы он и двинул таковые, они по своей неустойчивости легко могли бы быть отражены метательным оружием. 10. Все это и поддерживало твердость тирийцев, хотя силы их были ничтожны. К ним тогда прибыли послы от карфагенян для празднования по обычаю предков священной годовщины; ведь Карфаген основали тирийцы, которые и почитались там всегда как предки. 11. Итак, пунийцы начали убеждать тирийцев, чтобы они мужественно вынесли осаду, обещая скорое прибытие помощи из Карфагена, ибо в те времена моря были в значительной мере во власти пунического флота.

12. Итак, решив вести войну, тирийцы расставляют на стенах и башнях метательные снаряды, раздают оружие молодым; ремесленников, которых в городе было множество, распределяют по оружейным мастерским. Все загудело в работе на войну: изготовлялись железные багры, называемые гарпагонами, чтобы набрасывать их на сооружения осаждающих, вороны и другие приспособления, придуманные для защиты городов. 13. Однако, когда на наковальню положили железо, которое нужно было ковать, и мехи стали раздувать огонь, из-под самого пламени, говорят, потекли ручьи крови; это знамение тирийцы истолковали как угрожающее македонцам. 14. Также и у македонцев, когда какой-то солдат стал отламывать хлеб, заметили вытекающие из хлеба капли крови; царь испугался, но опытнейший прорицатель Аристандер сказал, что если бы кровь потекла снаружи, то это предвещало бы беду македонцам; наоборот, кровь, потекшая изнутри, предвещает гибель города, который царь решил осаждать. 15. Так как флот Александра был далеко и он понимал, что продолжительная осада явится для него большим препятствием в осуществлении других его дел, он послал в город вестников склонить тирийцев к миру; но они, нарушив всякое право народов, убили их и бросили в море. Царь, возмущенный таким недостойным убийством своих людей, решил осаждать город.

16. Но сначала надо было воздвигнуть мол для соединения города с материком. Воины впали в отчаяние, когда увидали глубокое море, которое можно было забросать камнями разве только силами богов; где найти такие скалы, где такие огромные деревья? Нужно опустошить целые области, чтобы заполнить это пространство, а пролив все время волнуется, и чем теснее становится между островом и материком, тем сильнее он бушует. 17. А царь, уже научившийся воздействовать на умы воинов, объявляет им, что во сне ему явился Геркулес с протянутой вперед рукой, и Александр видел, как он сам вступил в город под его руководством и по открытому им пути. Тут же царь сообщил об убийстве послов, в нарушение прав народов, и что Тир — единственный город, осмелившийся задержать шествие победителя. 18. Затем всем командирам дается приказ воздействовать на своих солдат, и, когда все достаточно подготовились, приступили к сооружению. Большое количество камня было

под рукой: его предоставляли развалины древнего Тира; лесной материал для плотов и башен подвозился с Ливанских гор. 19. Уже со дна моря строительство поднялось на высоту горы, но еще не доходило до поверхности воды, и чем дальше от берега возводился мол, тем больше глубокое море поглощало все, что насыпалось. 20. А тирийцы, подъезжая на маленьких судах, издевались над тем, что воины, прославившиеся своим оружием, таскают на спине тяжести подобно вьючным животным. Они спрашивали их, неужели Александр сильнее Нептуна? Но эти насмешки только поднимали дух воинов.

21. Но вот уже мол стал немного выступать из воды, увеличилась ширина насыпи и она приближалась к городу. Тогда тирийцы, увидев большие размеры сооружения, рост которого они раньше не заметили, стали объезжать на легких судах не законченную еще постройку и засыпать копьями воинов, стоявших на месте работы. 22. Когда многие из них были ранены без отмщения, а ладьи тирийцев легко разворачивались и приставали к месту работ, воины должны были бросать работу, чтобы обороняться. 23. Поэтому царь приказал защитить сооружающих мол щитами и плотами, чтобы оградить их от стрел; и воздвиг две башни на конце мола, с которых можно было обстреливать подплывающие ладьи. 24. Но тирийцы подплывали на своих судах к берегу, скрываясь от неприятеля, высаживались с них и убивали переносивших камни. Так же и в Ливанских горах дикие арабы, нападая на отдельных македонцев, тридцать из них убили, некоторых — в меньшем числе — взяли в плен.

III. — Это обстоятельство принудило Александра разделить войска и, чтобы не казалось, что он бесполезно занят одним городом, он оставил во главе осады Пердикку и Кратера, а сам с отрядом воинов без обоза отправился в Аравию. 2. Тем временем тирийцы снарядили корабль больших размеров, загрузили его со стороны кормы песком и камнем, чтобы нос его сильно поднялся, и, обмазав его смолой и серой, погнали на веслах. Когда паруса его надулись от сильного ветра, он быстро подошел к молу; тогда гребцы подожгли его нос, а сами соскочили в следовавшие для этой цели за кораблем ладьи. 3. Пылающий в огне корабль стал распространять пожар на большое расстояние, и, прежде чем можно было принять против него меры, он охватил башни и другие сооружения на краю мола.

4. А моряки, соскочившие в маленькие лодки, добавили к этому еще и факелы и все, что могло служить пищей огню. И вот пожаром были охвачены не только основания башен македонцев, но и верхние ярусы, так что люди, стоявшие на башнях, частью погибали, частью, побросав оружие, прыгали прямо в море. 5. Тирийцы же больше хотели захватить их живьем, а не убивать, они старались поранить руки плавающих камнями или шестами, пока те совершенно не измучились и их можно было беспрепятственно вылавливать в лодки. 6. И не только пожар разрушил сооружения, но в тот же день случайно усилившийся ветер поднял все море из глубин на мол; от частых ударов волн разошлись все скрепы сооружения, и вода, обтекая камни, прорвала весь мол посередине. 7. Когда груды камней, на которых держалась насыпь земли, оказались размытыми, вся громада рухнула в глубины моря, так что вернувшийся из Аравии Александр не нашел даже и следов от мола. 8. Тут, как обычно при неудачах, каждый стал возлагать вину на другого, в то время как правильнее было бы всем жаловаться на суровость моря.

Царь начал сооружать новый мол, но не боком к направлению ветра, а прямо поперек, что создавало заслон для других работ, как бы укрытых им; он увеличил и ширину насыпи, чтобы башни, поставленные посередине мола, были недосягаемы для копий. 9. Бросали в море целые деревья с огромными ветвями, сверху заваливали их камнями, потом опять валили деревья и засыпали их землей; на все это накладывали новые слои деревьев и камней и таким образом скрепляли все сооружение как бы непрерывной связью. Но и тирийцы усердно создавали все, что можно было придумать для затруднения этих работ. 10. Больше всего им помогало следующее: они, укрываясь от неприятеля, незаметно скользя по воде, проникали до самого мола, зацеплялись крюками за торчащие из воды ветви деревьев, тянули их на себя; если они подавались, они увлекали за собой в глубину моря много другого материала; затем без труда сдвигали освободившиеся от нагрузки стволы и ветви деревьев, а при разрушении основания и все сооружение, державшееся на раскидистых ветвях деревьев, рушилось вслед за ним. 11. Но к Александру, уже упавшему было духом и не знавшему, продолжать ему осаду или удалиться, подошел флот с острова Кипра и вместе с ним

Клеандр, недавно прибывший в Азию с греческими солдатами. Флот в сто девяносто кораблей Александр разделил на два фланга: левым командовал кипрский царь Фитагор с Кратером; на правом был на царской квинквереме сам Александр. 12. Тирийцы, хотя и имели флот, не решались вступить в морской бой, они выставили перед стенами только три корабля, которые царь, налетев на них, потопил.

13. На следующий день, подведя флот к стенам города, царь стал со всех сторон сотрясать стены ударами метательных орудий и особенно таранов; но тирийцы поспешно засыпали пробоины камнями; со всех сторон они начали также воздвигать вторую внутреннюю стену, чтобы укрыться за ней, если не выдержит осады наружная. 14. Однако беда надвигалась на них с двух сторон: мол достиг расстояния ближе полета копья и флот окружил их стены; на них обрушились силы как сухопутные, так и морские. Македонцы связывали свои квадриремы по две, так что носы их соприкасались, а кормы расходились между собой насколько возможно. 15. Все расстояние между кормами кораблей они заполняли снастями с привязанными к ним крепкими бревнами, на которые настлали мост, способный выдержать тяжесть солдат; оборудованные таким образом квадриремы они подводили к городу, с них в безопасности метали стрелы в защитников стен, так как сами были защищены носовыми частями. 16. Была глубокая ночь, и царь отдает приказ флоту, построенному указанным способом, окружить город, и уже корабли со всех сторон приближались к городу, и тирийцы уже впали в полное отчаяние, как вдруг черные тучи заволокли все небо и густой мрак затмил остатки света. 17. Тогда неспокойное море стало подниматься, потом при усилившемся ветре по нему пошли валы, и связанные корабли стали ударяться друг о друга; потом скрепы, соединявшие квадриремы, начали разрываться, палубный настил ломался и со страшным шумом вместе с воинами рушился в морскую глубь. 18. При бурном море никак нельзя было управлять связанными кораблями, солдаты мешали матросам, гребцы не давали действовать солдатам, и, что часто бывает в таких случаях, люди опытные подчинялись неопытным: кормчие, привыкшие по-другому управлять кораблем, под страхом смерти исполняли чужие приказания. Наконец, море, настойчиво разбиваемое веслами, уступило морякам, как бы вырвав-

шим у него свои корабли; суда достигли берега, но многие из них были повреждены.

19. Примерно в те же дни прибыли тридцать послов от карфагенян, но они принесли осажденным не столько помощь, сколько сочувствие, так как заявили, что пунийцы затруднены своей войной, в которой они борются не за преобладание, а за свое спасение. 20. Тогда сиракузяне, опустошавшие Африку, расположились лагерем недалеко от стен Карфагена. Но тирийцы не пали при этом духом, хотя и лишились больших надежд: они передали своих жен и детей, чтобы их увезли в Карфаген и чтобы самим мужественнее переносить любую судьбу, если самое для них дорогое не будет разделять с ними их участи. 21. А когда один из граждан заявил на собрании, что ему явился во сне особенно почитаемый ими Аполлон, как бы покидающий их город, и что мол, воздвигнутый македонцами в море, обратился в лесное ущелье, 22. то, хотя рассказчик заслуживал мало доверия, все же под влиянием страха все были склонны верить всему плохому; поэтому они опутали статую Аполлона золотой цепью и приковали ее к жертвеннику Геракла, которому они раньше посвятили свой город, точно это божество могло удержать Аполлона. Когда-то пунийцы вывезли эту статую из Сиракуз и поставили в Тире на своей первоначальной родине, да и добычей из других захваченных ими городов они не столько украшали Карфаген, как Тир. 23. Нашлись даже люди, предлагавшие обратиться к давно уже не применявшемуся жертвоприношению, которое, по-моему, совсем не было угодно богам, именно к закланию в жертву Сатурну свободнорожденного младенца. Говорили, что карфагеняне до самого разрушения их города осуществляли это скорее святотатство, нежели жертвоприношение, завещанное им основателями их города. Если бы старейшины, по решению которых у них вершатся все дела, не воспротивились, то грубое суеверие взяло бы верх над гуманностью.

24. Впрочем, крайняя нужда сильнее всякого искусства, она подсказала, помимо обычных приемов борьбы, еще и новые. Так, для борьбы с кораблями, подплывавшими к стенам, они привязывали к крепким бревнам вороны и железные лапы с крюками, чтобы, вытолкнув бревно метательным орудием и быстро опустив канаты, набрасывать крюки на корабль. 25. Крюки и серповидные багры, свисавшие с тех же

бревен, повреждали как бойцов, так и самые корабли. Кроме того, они накаляли на сильном огне медные щиты, наполняли их горячим песком и кипящими нечистотами и внезапно сбрасывали их со стен. 26. Ничего так не боялись осаждающие, ибо горячий песок проникал под панцирь к телу, прожигал все, к чему прикасался, и его нельзя было никакими усилиями вытряхнуть: люди бросали оружие и, так как все средства защиты оказывались поврежденными, беззащитные были предоставлены любым ударам, а вороны и железные лапы, выбрасываемые орудиями, захватывали многих из них.

IV.— Тут царь, утомившись, решил было, сняв осаду, направиться в Египет. Ведь пройдя с огромной быстротой всю Малую Азию, он задержался перед стенами одного города и упускал время для разрешения многих важных дел. 2. Но, считая позором как уйти, не добившись цели, так и дальнейшую задержку, он полагал, что если он оставит Тир свидетелем своей неудачи, слух о его славе утратит свой вес, а при помощи доброй молвы он достигал большего, чем своим оружием. Итак, чтобы не оставить ничего не испробованным, он приказал двинуть к городу еще большее количество судов и посадить на них отборных воинов. 3. Вдруг морское чудовище необычайной величины, выдаваясь спиной над волнами, приблизилось, своим огромным телом рассекая волны, к самому молу, построенному македонцами, и было видно с той и другой стороны, 4. затем, погрузившись в море у края мола и то показываясь большей своей частью над волнами, то исчезая за их гребнями, всплыло недалеко от укреплений города. 5. Вид этого чудовища был приятен той и другой стороне: македонцы утверждали, что оно показало путь дальнейшему строительству, а тирийцы полагали, что Нептун, мстя за нарушение покоя, призвал это чудовище и что скоро, конечно, рухнет весь мол. Обрадовавшись такому предзнаменованию, они стали пировать и упились вином; отягощенные им, они с восходом солнца садятся на корабли, разукрасив их венками из цветов, не только поверив в указание победы, но уже и поздравляя себя с ней.

6. Случайно царь приказал вести флот в другую сторону, оставив тридцать малых судов у берега; из них два судна тирийцы захватили, на остальные навели силь-

ный страх, пока Александр, услыхав крик сво-

их людей, не подвел флота к тому берегу, с которого раздавался шум. 7. Первой из судов македонцев пришла на помощь одна квинкверема, особенно среди других быстроходная; как только тирийцы ее увидали два их корабля бросились на нее с двух сторон; в один из них квинкверема на всем ходу вонзилась своим носом, и его этим связала. 8. Другой, сохранивший свободу действий, устремился было быстрым ходом против другого борта квинкверемы, как вдруг, по счастливой случайности, еще она трирема из флота Александра с такой силой наскочила на корабль, угрожавший квинквереме, что тириец-кормчий свалился с кормы в море. 9. Затем подходит еще больше судов македонцев, находился на них и сам царь. Тогда тирийцы приналегли на весла и с большим трудом освободили свой корабль, пробитый квинкверемой, после чего их корабли устремляются в порт. Царь преследовал их, но задержанный летевшими в него со стен города стрелами не мог ворваться за ними. Корабли же неприятельские он почти все потопил или захватил.

10. После этого солдатам было дано 2 дня отдыха. Затем, приказав подвести к городу флот и осадные орудия, чтобы стеснить напуганных осажденных со всех сторон, сам царь поднялся на самый верх башни с тем бóльшим мужеством, чем больше была опасность. 11. Заметный по своим царским знакам и блестящему вооружению, он был главной мишенью для стрел. И он проявил доблесть, достойную зрелища: многих защитников стен он сразил копьем, некоторых вблизи зарубил мечом, отбрасывал врагов, напирая на них щитом, ибо башня, на которой он стоял, почти соприкасалась со стеной города. 12. Когда под частыми ударами тарана каменная кладка была разбита и защитные укрепления рухнули, флот вошел в порт, и группа македонцев поднялась на покинутые неприятелем башни. Тогда тирийцы, на которых обрушилось заодно столько бед, бросаются в храмы, ища там спасения, другие заперлись в своих домах, сами выбирали для себя род добровольной смерти, иные бросались на врагов, чтобы не умереть неотомщенными; 13. большое их число занимало крыши и оттуда бросало на проходящих камни и все, что попадалось под руку. Александр приказывает перебить всех, кроме укрывшихся в храмах, и поджечь все постройки города. 14. Хотя этот приказ был объявлен глашатаем, никто из вооруженных не искал защиты богов: храмы

наполнились женщинами и детьми, мужчины стояли у своих домов, готовые дать отпор свирепствующему победителю. 15. Многих спасли сидоняне, находившиеся в отрядах македонцев. Они вступили в город в числе победителей, но, помня о своем родстве с тирийцами (основателем обоих городов считался Агенор), они спасли многих их них, уводя к своим кораблям и тайно увозя их в Сидон. Так неистовства победителей обманно избежали 15 тысяч человек. 16. О том, сколько было пролито крови, можно судить хотя бы по тому, что внутри укреплений города было казнено шесть тысяч воинов. 17. Печальное для победителей зрелище было подготовлено яростью царя: две тысячи человек, на убийство которых не хватило ожесточения, были пригвождены к крестам на большом расстоянии вдоль берега моря. 18. Послов карфагенских царь пощадил, но объявил Карфагену войну, которая из-за крайних обстоятельств была отложена.

19. Тир, город, достойный памяти у потомства как по своей древности, так и по превратности судьбы, был взят на седьмой месяц после начала осады. Он был основан Агенором и долго властвовал не только в ближайших морях, но везде, куда только заходили его флотилии, и, если верить молве, тирийский народ либо изобрел письмена, либо первым стал их распространять. 20. Его колонии расселились почти по всему свету: Карфаген в Африке, Фивы в Беотии, Гадес на океане. Мне кажется, что они выбирали для своей многочисленной тогда молодежи незнакомые другим места для жительства или потому, что они, плавая по открытым морям, часто туда заезжали, или потому, что земледельцы их, измученные частыми землетрясениями — об этом тоже говорилось,— были вынуждены с оружием искать для себя новых колоний на чужбине. 21. Город этот испытал много падений, после которых вновь возрождался, теперь же под охраной римского гуманного владычества он пользуется продолжительным миром, содействующим всеобщему процветанию.

V.— Почти в те же дни доставлено было Александру письмо Дария, написанное, наконец, как царю. Он просил Александра вступить в брак с его дочерью, по имени Статира, в приданое ей он давал все земли между Геллеспонтом и рекой Галисом, сам же довольствовался землями, обращенными оттуда к востоку.

 2. Если, мол, Александр колеблется принять то, что

ему предлагается, то ведь счастье никогда не остается подолгу на том же месте, и люди, какую бы удачу ни имели, всегда вызывают к себе еще большую зависть (богов). 3. Он-де опасается, что Александр, подобно птицам, которых природная легкость влечет к звездам, предается пустому и незрелому увлечению: ведь нет ничего труднее, как в его возрасте справляться с таким счастьем. 4. У него самого остается еще очень много земель, да и не всегда можно быть застигнутым в теснинах, Александру же придется переправляться через Евфрат, Тигр, Аракс и Гидасп, великие защитные рубежи его царства. Придется ему дойти до земель, где живет так мало людей, что стыдно об этом говорить. 5. Когда-то он еще пройдет через Мидию, Гирканию, Бактрию и достигнет индусов, живущих у океана? Не говоря уже о согдийцах, арахозийцах и о других племенах, населяющих Кавказ и достигающих Танаиса. Раньше состаришься, чем обойдешь все эти земли, даже без сражений. 6. Пусть Александр больше не зовет его к себе, если он придет, то для его погибели.

7. Принесшему письмо Александр дал такой ответ: Дарий, мол, делает ему невыгодные предложения: хочет делиться тем, что уже целиком потерял, предлагает в приданое Лидию, Ионию, Эолиду и берега Геллеспонта, чем Александр уже владеет по праву победителя. Но условия диктуются победителями, а побежденными принимаются. Если он один только знает, в каком положении кто из них находится, то пусть возьмется как можно скорее за оружие. 8. Он, мол, сам, переправясь через море, предназначил покорить не Киликию или Лидию — это было бы ничтожной наградой за такую войну,— но столицу его царства, Персеполь, а затем Бактры и Экбатаны и область крайнего востока. Куда Дарий может бежать, туда и он сможет последовать за ним; пусть не пугает больше реками того, о ком знает, что он переправлялся и через моря.

9. Так писали друг другу цари. А родосцы приступили тогда к сдаче Александру своего города и гавани. Киликию Александр передал в управление Сократу, Филоту приказал начальствовать в области вокруг Тира, Сирию, называемую Келесирией, передал Андромаху Пармению, сам захотел заняться еще не законченной войной. 10. Царь, приказав Гефестиону объехать на кораблях берег Финикии, прибыл со все-

ми войсками в город Газу. 11. В те же примерно дни происходили торжества Истмийских игр, на которые стекается народ со всей Греции. На этом сборище греки, которые обычно откликаются на все события своего времени, отрядили к царю пятнадцать человек поднести ему золотой венок за победу в борьбе за благо и свободу Греции. 12. Немного ранее до них же дошел неопределенный слух (об оракуле), чтобы они следовали за судьбой, куда бы она ни повлекла их колеблющиеся души. 13. Впрочем, не только сам царь покорял города, все еще не признававшие ярмо власти Александра, но и его командиры, отличные вожди, проникали во многие места: Калант — в Пафлагонию, Антигон — в Ликаонию, а Балакр, одержав победу над командиром Дария Гидарном, захватил Милет. 14. Амфотер и Гегелох при помощи флота в сто шестьдесят кораблей подчинили власти Александра острова между Ахайей и Азией. Взяв Тенедос, они решили захватить также и Хиос, так как жители острова их призывали. 15. Но претор Дария Фарнабаз, схватив граждан, державших сторону македонцев, снова передал город с небольшим гарнизоном людям своей партии: Аполлониду и Афинагору. 16. Военачальники Александра продолжали осаждать город, полагаясь не столько на свои силы, сколько на волю самих осажденных. И они не обманулись в расчете: между Аполлонидом и военными командирами началась распря, давшая македонцам возможность ворваться в город.

17. Когда, проломив ворота, македонцы проникли в город, горожане, уже давно сговорившиеся отпасть, собираются вокруг Амфотера и Гегелоха; персидский гарнизон был ими перебит, а Фарнабаза с Аполлонидом и Афинагором они выдают в оковах. 18. Выданы были также двенадцать трирем с находившимися на них солдатами и гребцами, кроме них, тридцать кораблей, пиратские лембы и три тысячи греков-наемников у персов. Передав этих последних в свои военные резервы, военачальники Александра пиратов казнили, а пленных воинов и гребцов взяли в свой флот.

19. Случайно тиран Метимнский Аристоник, ничего не зная о происшедшем в городе Хиосе, прибыл в первую ночную стражу с пиратскими кораблями к закрытому входу в гавань и на вопрос стражи, кто он такой, ответил, что Аристоник прибыл к Фарнабазу.
 20. Сторожа говорят ему, что Фарнабаз уже спит и что

к нему сейчас пройти нельзя, но что для союзника и гостя гавань открыта, Фарнабаза можно будет видеть на следующий день. Аристоник без колебания вступил в гавань первым, за своим вождем последовали и пиратские лембы. 21. Пока они привязывали свои корабли к причалам в порту, стража запирает вход в гавань и будит спавших поблизости солдат, никто из пиратов не осмелился сопротивляться, на всех были наложены оковы, а затем их передают Амфотеру и Гегелоху. 22. Отсюда македонцы перешли в Митилену. Недавно, захватив этот город, в нем засел с персидским гарнизоном в две тысячи человек афинянин Харес; но он не мог выдержать осады, сдал город, выговорил для себя право свободно уйти и отправился в Имброс. Сдавшихся македонцы пощадили.

VI.— Дарий, отчаявшись добиться мира, которого думал достигнуть письмом через послов, энергично стал восстанавливать свои боевые силы для возобновления войны. 2. Он приказывает вождям отрядов собраться в Вавилон, также и командиру бактрийцев Бессу прийти, собрав как можно больше войска. 3. Бактрийцы, среди этих племен самые воинственные и суровые, по своим нравам совсем не похожи на изнеженных персов; они жили недалеко от весьма воинственного племени скифов, привыкли к грабежам и всегда бродили с оружием в руках. 4. Бесс, подозреваемый в вероломстве, несомненно с неудовольствием держался на вторых ролях, но все же внушая царю страх. Ведь он домогался царской власти, но боялся стать предателем, хотя только так и мог достигнуть цели. 5. Впрочем, Александр, несмотря на все расследования, не мог обнаружить, куда удалился Дарий, так как по своим обычаям все персы с удивительной преданностью хранили тайну своих царей. 6. Ни страхом, ни обещаниями нельзя было принудить их к словам, которые могли бы выдать тайну. Традиционное повиновение царям сделало священным молчание под страхом смерти. Несдержанность на язык карается у персов строже всякого другого проступка; считается, что нельзя доверять ничего важного тому, кому тяжело соблюдать молчание, хотя по природе это совсем нетрудно для человека.

7. Поэтому Александр осаждал город Газу, не зная ничего, что происходит у неприятеля. Начальником города был преданный своему царю Бетис, он с небольшим гарнизоном защищал город, укрепленный стена-

ми. 8. Александр, осмотрев местность, приказал рыть подкоп: мягкая почва облегчала эту тайную работу, так как находящееся поблизости море намывает много песка и нет здесь камней и скал, которые мешали бы рыть ход. 9. Итак, рытье началось с невидной для жителей стороны; чтобы отвлечь их внимание, царь велит придвинуть к стенам осадные башни. Но та же мягкая почва оказалась неудобной для передвижения башни, песок рассыпался и затруднял вращение колес, верхние яруcы башни распадались и многие получали ранения, а также утомлялись от поддерживания башен и от передвижения их. 10. Итак, царь дал знак к отступлению, а на другой день велел обложить стены города блокадой. Когда взошло солнце, он перед тем, как повести войско, совершал по обычаю отцов моление богам, прося у них помощи. 11. Случайно пролетавший ворон обронил комочек земли, который нес в когтях; упав на голову царя, земля рассыпалась, а птица села на ближайшей башне, обмазанной битумом и серой, птица прилипла крыльями к башне и тщетно старалась улететь; близстоящие воины ее поймали. 12. Это происшествие показалось достойным того, чтобы запросить о нем прорицателя, да и сам Александр не был совсем свободен от суеверий. Итак, Аристандр, пользовавшийся величайшим доверием, разъяснил, что этим знамением предвещается падение города, однако есть опасение, как бы не получил ранения сам царь. Он убедил его в тот день ничего не предпринимать. 13. И хотя царь очень досадовал, что один этот город препятствует ему спокойно вступить в Египет, он все же послушался прорицателя и дал сигнал к отступлению.

Тогда у осажденных поднялся дух, и они, выйдя из города, напирают на отступающих, считая, что промедление врагов для них благоприятно. 14. Они вступили в бой, хоть и с ожесточением, но не проявили стойкости и, увидев, что знамена македонцев движутся в обход, сразу же прекратили борьбу. Уже до царя достигали крики сражающихся, когда он, забыв о предсказании, но все же по просьбе друзей надев на себя панцирь, в который редко облачался, подошел к первым рядам. 15. Увидев его, один араб из воинов Дария, решившись на дело, непосильное для его судьбы, прикрывая меч щитом, бросился к ногам Александра под видом перебежчика. Тот приказал ему встать и велел принять его в число своих. 16. Но варвар, быстро пере-

бросив меч в правую руку, замахнулся им над головой царя, который, легким отклонением головы избегнув удара, отрубил промахнувшуюся руку варвара. Он считал, что в этом осуществилась предсказанная ему опасность. 17. Но я убежден, что судьба неотвратима, ибо рьяно сражаясь в первых рядах, царь был ранен стрелой; она прошла через панцирь и вонзилась в плечо, ее вынул врач царя Филипп. 18. Потекла обильно кровь, и все испугались, через панцирь не было видно, глубока ли рана. Сам царь, даже не побледнев, приказал остановить кровь и перевязать рану. 19. Долго еще после этого он оставался впереди знамен, скрывая боль или преодолевая ее, как вдруг кровь, задержанная перед этим лекарством, полилась сильнее, и рана, причинявшая мало боли, пока была свежа, распухла, когда кровь стала запекаться. 20. У царя потемнело в глазах, и подкосились ноги; ближайшие воины его подхватили и принесли в лагерь; а Бетис, считая, что он убит, вернулся в город, торжествуя победу.

21. Между тем Александр, еще не залечив раны, возвел насыпь, равную по высоте стенам, и приказал подвести под них несколько подкопов. 22. Горожане на прежней высоте стен надстроили новые укрепления, но и они не могли сравняться с высотой башен, возведенных на насыпи. Таким образом, внутренняя часть города была открыта для вражеских стрел. 23. Крайняя беда пришла к горожанам, когда стена, подрытая из подкопа, рухнула и через ее брешь в город ворвался неприятель. Передние ряды вел сам царь, но, ступив неосторожно, повредил себе камнем ногу. 24. Прежняя рана его еще не зажила, и он все же, опираясь на копье, оставался в первых рядах сражающихся, негодуя на то, что получил две раны при осаде этого города. 25. Когда разгорелась упорная битва, люди Бетиса, страдающего от многих ран, его покинули, но он не ослабил своего ожесточения, и оружие его было обагрено как его собственной, так и вражеской кровью. 26. И уже когда со всех сторон на него направлены были копья.., юный царь, упоенный торжеством победы, но все же признавая мужество также и во враге, сказал, обращаясь к Бетису: «Не так ты умрешь, как хотел; тебе придется вынести все виды пыток, какие могут быть придуманы для пленника». 27. Но Бетис, глядя на царя не только бесстрашным, но и надменным взором, ничего не ответил на его угрозы. 28. Тогда Александр воскликнул: «Видите ли,

как он упорно молчит? Склонил ли он колена, просит ли пощады? Но я заставлю его прервать молчание, и если не слова, то исторгну из него хотя бы стоны!». 29. Затем он от раздражения впал в ярость; уже тогда он стал перенимать чужие нравы. Через пятки еще дышавшего Бетиса были продеты ремни, его привязали к колеснице, и кони потащили его вокруг города, а Александр хвалился тем, что, придумав такую казнь врагу, он подражает Ахиллесу, от которого сам вел свой род. 30. Персов и арабов пало в этой битве около десяти тысяч, но и для македонцев победа не была бескровной. Эта осада получила известность не столько из-за славы города, сколько по случаю дважды угрожавшей царю опасности. 31. Торопясь вступить в Египет, он послал в Македонию Аминту с десятью триремами для нового набора солдат. Ведь и при удачах таяли военные силы, а к воинам из покоренных племен меньше было доверия, чем к своим.

VII.— Египтяне, давно уже враждебно относившиеся к персидским правителям, считая, что они алчны и высокомерны, с нетерпением ожидали прибытия Александра; они с радостью приняли даже перебежчика Аминту, пришедшего к ним добиваться власти. 2. Итак, в Пелузий, где ожидалось вступление царя, собралось множество народа. А он на седьмой день после отвода своих войск от Газы прибыл в ту область Египта, которая называется теперь Стан Александра. 3. Затем, приказав пешим войскам отправиться в Пелузий, сам с отборным отрядом воинов и без обоза поехал по реке Нилу; персы, напуганные отпадением, не оказали ему сопротивления. 4. Он уже был недалеко от Мемфиса, для защиты которого был оставлен претор Дария Мазан; он переправился через реку Орон и передал Александру 800 талантов и все царское имущество. 5. От Мемфиса по той же реке царь проникает во внутренние области Египта и, организовав все управление так, чтобы ни в чем не нарушать отечественных обычаев египтян, решил отправиться к оракулу Юпитера-Аммона. 6. Ему предстоял путь, едва доступный по трудности лишь немногим и притом опытным людям. Там недостаток влаги на земле и в воздухе, бесплодные пески, пышущие невыносимым жаром, и почва, раскаленная от солнечных лучей, обжигающая ноги. 7. Там надо бороться не только с жарой и засухой, но еще и с сыпучим и очень глубоким песком, в котором вязнут ноги. 8. Египтяне пре-

увеличивали эти трудности, но Александра побуждало страстное желание дойти до храма Юпитера, которого он, не довольствуясь происхождением от смертных, считал своим прародителем или хотел, чтобы его таковым считали.

9. Итак, с теми, которых он решил повести с собой, он спустился по реке до Мареотийского болота. Туда принесли ему дары послы киренцев, прося у него мира, и звали посетить их города. Он принял от них дары, заключил дружбу, но продолжал выполнять задуманное. 10. В первый и последующий дни трудности пути показались преодолимы, но они еще не дошли до бескрайней голой пустыни, хотя шли уже по бесплодной и вымерзшей земле. 11. Но когда перед ними открылись равнины с глубокими песками, то они уподобились морякам, вышедшим в открытое море и тщетно ищущим глазами следов земли. 12. Им не попадалось ни дерева, ни клочка возделанной земли. Не хватало уже и воды, которую везли в мехах верблюды и которой совсем не было в раскаленном песке. 13. Кроме того, палило солнце, рты у всех были сухи и опалены, как вдруг, то ли случайно, то ли по милости богов, застлавшие небо тучи закрыли солнце, что было большим облегчением для измученных, помимо недостатка воды, еще и зноем. 14. Когда же разразилась гроза и полил обильный дождь, каждый старался принять его на себя и многие, не сдерживаясь от жажды, ловили его прямо ртом. 15. Четыре дня они шли по бескрайней пустыне. Уже они находились недалеко от места оракула, когда на их отряд налетело множество воронов: они то медленно летели перед знаменем, то садились на землю, когда отряд двигался медленнее, то подымались на крыльях вверх, точно показывали путь и были проводниками.

16. Наконец, прибыли к святилищу бога. Кажется совершенно невероятным, что среди обширной пустыни оно со всех сторон закрыто густыми ветвями, едва пропускающими лучи солнца, и много источников пресной воды протекают повсюду, орошая лес. 17. Удивительная также там мягкость климата; он одинаково здоров здесь во все времена года и больше всего похож на весенний. 18. Ближайшие соседи здесь с востока — эфиопы, с юга — арабы, называемые троглодитами, область которых простирается до Красного моря. 19. А там, где она простирается на запад, живут другие эфиопы, которых называют скинитами. На севере

находится сиртское племя назамонов, живущее от добычи с кораблей: они стерегут на берегу моря, и если прилив занесет какой-нибудь корабль, они добираются до него по известным им бродам.

20. Обитатели самого оазиса, которых называют аммонийцами, живут в разбросанных шатрах; окружающая заросль служит им защитой, она охвачена тройной стеной. 21. Внутренняя заключает древнюю резиденцию тиранов, в средней черте живут их жены с детьми и наложницы; здесь же находится и оракул бога, наружные укрепления охватывают жилье сателлитов и оруженосцев. 22. Есть и другой оазис Аммона; посредине его источник, называемый солнечным: перед восходом солнца вода в нем теплая, в полдень, когда жар достигает крайней силы, она в нем холодная, ближе к вечеру она теплеет, среди ночи становится совершенно горячей, чем ближе подходит утро, тем больше вода теряет свою ночную теплоту и перед восходом солнца становится обычной температуры. 23. Почитаемое божество не имеет того вида, какой обыкновенно художники придают богам, оно больше всего похоже на выпуклость, украшенную смарагдами и жемчугом. 24. Когда вопрошается оракул, жрецы вносят это изображение на позолоченном морском судне, по обоим бортам которого свисает множество серебряных кубков; за ним следуют женщины и девушки, поющие по древнему обычаю какую-то неблагозвучную песнь, которой, как они верят, они содействуют тому, чтобы Юпитер дал ясный оракул.

25. На этот раз царя, подошедшего ближе, старейший жрец назвал сыном, утверждая, что этим он установил его родство по отношению к Юпитеру. Царь сказал, что принимает и признает это, отрекаясь от своего человеческого жребия. 26. Затем он спросил, надо всем ли миром отец его предназначил ему иметь власть. Жрец, продолжая льстить ему, объявил, что он будет правителем всех земель. 27. После этого царь спросил, все ли убийцы его отца наказаны. Жрец ответил, что его отец недоступен для преступления, но убийцы Филиппа наказаны; он добавил, что царь будет непобедим, пока не отойдет к богам. 28. Затем было совершено жертвоприношение и даны дары жрецам и богу. Кроме того, и друзьям было разрешено обратиться к Юпитеру за оракулом. Они ни о чем другом не спросили, как о том, разрешает ли им Юпитер воздавать своему царю божеские почести. Жрец отве-

тил, что Юпитеру тоже приятно (чтобы они воздавали божеские почести своему царю-победителю). 29. Правдиво и свято верящим ответы оракула могли, конечно, показаться пустыми; но судьба часто заставляет тех, кого приучила полагаться лишь на нее, более жаждать славы, чем быть достойными ее. 30. Итак, царь не только позволял называть себя сыном Юпитера, но даже отдал об этом приказ; он хотел этим возвеличить славу своих подвигов, но на деле подорвал ее. 31. И македонцы, привычные к царской власти, но все же с тенью большей свободы, чем у других народов, отвернулись от своего царя, добивавшегося бессмертия с настойчивостью, смущавшей их самих и не подобающей царю.

32. Но оставим это до своего времени; теперь продолжим изложение событий.

VIII.— Когда Александр, возвращаясь от Аммона, прибыл к Мареотийскому болоту, недалеко от острова Фароса, он, осмотрев местность, решил сначала основать новый город на самом острове. 2. Потом, когда оказалось, что остров мал для большого города, он выбрал для него то место, где теперь находится Александрия, названная по имени основателя. Он решил охватить все пространство между морем и болотом стенами длиной в восемьдесят стадиев и, оставив там людей наблюдать за постройкой города, отправился в Мемфис. 3. Им овладела естественная, но несвоевременная страсть проникнуть не только в глубь Египта, но посетить и Эфиопию. Желание увидеть прославленный древностью дворец Мемнона и Тифона увлекало его чуть ли не за пределы солнца. 4. Но предстоящая война, не законченная еще в большей своей части, не давала времени для досужего странствования. Итак, он поставил во главе Египта родосца Эсхила и македонца Певкеста, дав им для охраны этой страны четыре тысячи солдат, охранять же шлюзы на реке Ниле поручил Полемону, дав ему для этого тридцать трирем. 5. Во главе Африки, в областях, примыкающих к Египту, был поставлен Аполлоний, а ведать податными сборами с той же Африки и с Египта — Клеомен. Приказав перевести в Александрию часть жителей соседних городов, царь наполнил новый город многочисленным населением. 6. Есть предание, что когда царь по македонскому обычаю ячменем обозначил черту будущих стен города, налетели птицы и поклевали ячмень: многими это было истолкова-

но как дурное предзнаменование, но прорицатели разъяснили, что этот город всегда будет убежищем многим чужеземцам и будет снабжать много земель продовольствием.

7. Сын Пармениона Гектор, юноша в цветущем возрасте, особенно дорогой Александру, желая догнать царя, спускавшегося по реке, посадил с собой на маленькое судно больше людей, чем оно могло вместить. 8. Поэтому лодка потонула, и люди были предоставлены своим силам. Гектор долго боролся с рекой, но мокрая одежда и тяжелая обувь мешали ему плыть; все же он еле живой достиг берега, но как только пришел в себя от сильнейшего напряжения и страха, не получив ни от кого помощи (другие выплыли в других местах), вскоре испустил дух. 9. Царь был сильно опечален потерей Гектора и, найдя его тело, похоронил с пышностью. Отягчило его горе еще известие о гибели Андромаха, которого царь поставил во главе Сирии: его сожгли заживо самариты. 10. Чтобы отомстить за его смерть, царь ускорил свое движение, насколько мог; по его прибытии ему были выданы виновники этого преступления. 11. Предав казни лиц, погубивших его военачальника, царь на его место поставил Мемнона. Тиранов, и среди них Аристоника и Хрисолая из Мемфимн, он выдал народной партии этого города; те казнили их за содеянные ими несправедливости, сбросив со стены.

12. Затем он выслушал послов от афинян, родосцев и хиосцев. Афиняне поздравляли с победой и просили, чтобы пленные греки были возвращены к своим; родосцы и хиосцы жаловались на недостаточность гарнизонов: все получили то, чего желали. 13. Митиленцам за их верность он не только вернул деньги, вложенные ими в эту войну, но и присоседил к их области много земли. 14. Царям острова Кипра, перешедшим на его сторону от Дария и пославшим ему флот во время осады Тира, была воздана честь по заслугам. 15. Командир флота Амфотер, посланный для освобождения Крита, так как во многих местах остров подвергался осаде персидских и спартанских войск, получил приказ прежде всего очистить море от пиратов; так как оба царя были заняты войной, все море подпало под власть разбойников. 16. Дав такие распоряжения, он посвятил тирскому Геркулесу золотой сосуд с тридцатью золотыми чашами и велел объявить
550 выступление к Евфрату для преследования Дария.

IX.— А Дарий, узнав, что враг повернул из Египта в Африку, стал колебаться, остановиться ли ему в Месопотамии или отправиться во внутренние области царства; он, несомненно, сам лично легче поднял бы на войну отдаленные племена, которые трудно было ему мобилизовать через своих военачальников. 2. С другой стороны, широкое распространение получила молва, что куда бы он сам ни пошел, Александр повсюду последует за ним со всеми своими силами. Хорошо зная, с каким упорным врагом он имеет дело, Дарий приказал собраться всем военным силам отдаленных народов в Вавилон. Собрались бактрийцы, скифы и индусы, да и от других народов прибыли военные отряды. 3. Впрочем, поскольку войска собралось в полтора раза больше, чем было в Киликии, у многих не хватало оружия; оно собиралось с большим трудом. Покрытием всадников и коней служили панцири из железных пластинок, рядами скрепленных между собой; кому прежде не давалось ничего, кроме дротиков, теперь добавлялись щиты и мечи. 4. Кроме того, пехотинцам были даны табуны необъезженных лошадей, чтобы и конницы было больше прежнего; к этому для устрашения врагов было добавлено 200 серпоносных колесниц, единственная надежда всех этих племен. 5. На конце дышла торчали копья с железными наконечниками, с обеих сторон ярма направлены были против врагов по три меча; со спиц колес торчало помногу острых ножей, другие были прикреплены к ободьям колес или (под кузовом) направлены остриями вниз, чтобы подсекать все, что только попадется на пути скачущих коней.

6. Организовав таким образом и перевооружив свое войско, Дарий двинул его из Вавилона. Справа у него была знаменитая река Тигр, левый фланг прикрывал Евфрат, войско заполняло равнину Месопотамии.

7. Переправившись через Тигр и услыхав, что неприятель находится недалеко, Дарий послал вперед с тысячью отборных всадников начальника конницы Сатропата. 8. Командиру Мазею даны были шесть тысяч солдат, чтобы с ними воспрепятствовать переправе неприятеля через реку, ему же было поручено опустошать и выжигать области, в которые должен был вступить Александр. Дарий надеялся, что враг вынужден будет прекратить войну, если будет иметь только то, что захватит грабежом; ему самому провиант подвозился по суше и по Тигру. 9. Так Дарий достиг селения

Арбел, прославленного его последующим поражением. Сложив здесь большую часть продовольствия и багажа, он перебросил мост через реку Лик и пять дней переводил свое войско, как раньше через Евфрат. 10. Пройдя оттуда около восьмидесяти стадиев до другой реки по имени Бумод, он расположился там лагерем. Местность эта была удобна для развертывания армии; это была обширная равнина, удобная для конницы. Почва не закрыта там ни деревьями, ни кустарником, глазом легко рассмотреть даже то, что отстоит на большом расстоянии. Поэтому, если где была неровность поля, он велел заровнять ее и сделать одинаковый уровень почвы.

11. Македонские разведчики, издали определявшие, насколько возможно, численность войск Дария, едва убедили Александра, что после стольких потерь у персов создана новая и более многочисленная армия. 12. Впрочем, Александр презирал все опасности и особенно многочисленность неприятеля и за одиннадцать переходов достиг Евфрата; перекинув через него мост, он первыми переводит всадников, за ними посылает фалангу. Мазей же, подоспевший с шестью тысячами всадников, чтобы помешать переправе, так и не решился вступить в бой. 13. Затем, дав воинам несколько дней передышки, не столько для отдыха, сколько чтобы подбодриться, он начал усиленно догонять врага, боясь, как бы он не ушел в отдаленные свои области, куда пришлось бы идти за ним по безлюдным и пустынным местам. 14. Итак, на четвертый день, минуя Арбелы, он подходит к Тигру. Вся местность за рекой дымилась от недавнего пожара, ибо Мазей выжигал все там, куда проникал, словно враг. 15. Сначала, когда мгла от дыма застилала еще солнце, Александр остановился, опасаясь засады, но когда высланные разведчики сообщили, что путь безопасен, он послал вперед несколько всадников найти броды через реку. Глубина воды в ней была сначала по грудь лошади, а на середине русла — по шею. 16. Во всех восточных странах нет, конечно, другой такой реки, несущей в себе не только огромные потоки воды, но и камни. Из-за быстроты течения и название ей дано Тигр, что на персидском языке означает стрела.

17. Итак, пехотинцы, разделившись на небольшие отряды, в окружении своих всадников, подняв оружие над головой, без большого труда достигли глубины
552 русла. 18. Царь, вышедший первым среди пехотинцев

на берег, показывал солдатам брод рукой, если не хватало голоса. Все же нельзя было идти твердым шагом: то камни выскользали из-под ног, то подхватывало сильное течение. 19. Особенно тяжело было несущим груз на плечах: не владея твердо своими шагами, они не могли сопротивляться быстринам из-за неудобной ноши, и так как каждый берег свой багаж, то им приходилось бороться между собой даже больше, чем с потоками, много грузов, уносимых водой, сбивало с ног людей. 20. Царь убеждал их беречь только оружие, обещая возместить утраты; но никто не слыхал ни его советов, ни приказаний; все были охвачены страхом, и стоял большой шум от общих криков плывущих. 21. Наконец они выплыли на те места, где течение было слабое, и ничего не пропало, кроме некоторого количества багажа. 22. Если бы кто решился вступить здесь с ними в бой, все войско могло бы быть уничтожено; но неизменное счастье царя и на этот раз отвратило беду. Также переправился он через Граник, когда на другом берегу стояло много тысяч пехотинцев и всадников неприятеля; также победил множество своих врагов в ущельях Киликии. 23. Ведь смелость, которой он особенно отличался, может пересилить и разум, а царь никогда не задавался вопросом, не поступил ли он безрассудно. Мазей же, который несомненно разбил бы Александра, если бы застал его войско на переправе, начал завязывать бой уже с построившимися и перевооружившимися на берегу частями. 24. Он пустил вперед всего одну тысячу всадников. Узнав о малочисленности противника, Александр отнесся к нему с пренебрежением и приказал начальнику пеонских всадников Аристону налететь на врагов, отпустив поводья. 25. В этот день произошло знаменитое конное сражение, особенно для Аристона: он пронзил копьем в шею начальника персидской конницы Сатропата, преследовал его, ворвавшись в ряды врагов, сбросил его с коня и отсек мечом голову, которую вынес из боя и со славой положил к ногам царя.

X.— Царь оставался в этом лагере два дня; затем приказал объявить выступление на следующий день. 2. Однако в первую стражу началось затмение луны; сначала поблек ее свет, потом все окрасилось кровавым оттенком, и на людей, волнующихся перед решительным боем, напал какой-то суеверный страх. 3. Они жаловались, что их увлекают на край света против воли богов: к рекам, мол, невозможно подойти, светила

не сохраняют своего блеска, кругом — бескрайняя земля, голая пустыня; кровь стольких тысяч людей проливается по прихоти одного человека; о родине он забыл, от отца своего Филиппа отрекся, из-за пустых выдумок он добивается неба. 4. Дело чуть не дошло до открытого бунта, когда неустрашимый царь приказал собраться к преторию всем полководцам и старшинам воинов, а египетским прорицателям, которых он считал лучшими знатоками небесных светил, объявить, что они думают. 5. Те, хорошо зная, что круг времени исполняет определенный черед и что луна затмевается, когда заходит за землю или заслоняется солнцем, не объявили народу известное им самим обоснование этого явления. 6. Впрочем, они сказали, что солнце — светило греков, а луна — персов и что всякий раз, как луна затмевается, этим предсказывается поражение персов; еще они напомнили древние примеры того, как затмение луны указывало царям Персиды, что они сражались против воли богов. 7. Ничто не имеет такой силы над толпой, как суеверие; необузданная, жестокая, изменчивая, она под влиянием суеверия больше повинуется прорицателям, чем своим вождям. Итак, разъяснения египтян вернули смущенных воинов к надеждам и уверенности.

8. Царь, решив использовать подъем духа у воинов, снялся с лагеря уже во вторую стражу; справа у него был Тигр, слева — горы, называемые Гордиейскими. 9. Когда он вступил на этот путь, посланные вперед разведчики сообщили, что перед рассветом они догонят Дария. Поэтому, построив свои войска в маршевом порядке, он пошел сам в переднем ряду. 10. Но это оказался персидский заградительный отряд до тысячи человек, показавшийся большой армией; ведь если нельзя получить точных сведений, ложные от страха преувеличиваются.

11. Выяснив это, царь с небольшим отрядом настиг бегущего к своим неприятеля, многих перебил, других захватил в плен и послал всадников на разведку, приказав им тушить огонь, которым варвары жгли селения. 12. Ведь когда бегущие враги мимоходом бросали огонь на строения и скирды хлеба, то он охватывал только наружные части, но не проникал вглубь. 13. Когда удавалось затушить огонь, обретали много хлеба, начинали накопляться и другие запасы. Это поднимало у солдат дух для преследования неприятеля: ведь
 поскольку он все поджигал и опустошал, надо было

торопиться, чтобы он не уничтожил пожаром всего. 14. Так крайняя нужда привела к разумным действиям, ибо Мазей, сжигавший ранее селения на досуге, теперь был рад тому, что ему удается бежать, и многое оставлял врагу в целости. 15. Александр, узнав, что Дарий отстоит от него не дальше как на полтораста стадиев, в избытке снабженный всяким продовольствием, четыре дня оставался на одном месте. 16. Тут же были перехвачены письма Дария, в которых он подбивал солдат греков убить или выдать ему царя. Александр колебался, не огласить ли письма на сходке, твердо уверенный в преданности и расположении к нему греков. 17. Но Парменион отговорил его, убедив, что не следует доводить до слуха солдат таких соблазнительных вещей: ведь царь ничем не защищен от козней какого-либо одного преступника, для алчности нет ничего запретного. 18. Царь послушался его и снялся с лагеря.

В пути один из пленных евнухов, сопровождавший жену Дария, сообщил, что она заболела и чуть жива. 19. Измученная непрерывными трудностями пути и подавленная горестным состоянием духа, она лишилась сил и тут же умерла на руках свекрови и ее дочерей-девушек. С таким известием прибыл и второй вестник. 20. И царь предался стенаниям, как если бы ему сообщили о смерти его собственной матери, и пролив такие слезы, какие мог бы пролить и Дарий, пришел в палатку матери Дария, где она находилась при теле умершей. 21. Увидев простертую на земле, он поддался новому приливу скорби, а мать Дария, в которой новое горе освежило воспоминание о прежнем, обнимала своих взрослых дочерей, большое утешение в общем горе особенно для тех, кому она могла его принести. 22. Тут же был и ее маленький внук, особенно вызывавший жалость тем, что не сознавал несчастия, которое должно было отразиться больше всего на нем самом. 23. Можно было бы подумать, что Александр находится среди своих близких и не утешает их, а сам требует утешения. Он воздерживался от пищи, и при погребении им были соблюдены все почести, предписанные обычаями персов. Клянусь Геркулесом, он и тогда еще был достоин похвал за свое милосердие и сдержанность. 24. Он видел жену Дария всего один раз в тот день, когда она была взята в плен, когда пришел увидеть не ее, а мать Дария, и выдающа-

яся ее красота возбуждала в нем не страсть, а чувство гордости.

25. Тириот, из числа евнухов, окружавших царицу, воспользовавшись смятением горюющих, проскользнул через ворота, слабее охранявшиеся, как обращенные в противоположную от врагов сторону; он пришел в лагерь Дария, был признан стражей и приведен в палатку царя, стенающий и в изодранной одежде. 26. Дарий, увидев его, удрученный ожиданием всяких горестных известий и не зная, чего именно бояться, сказал ему: «Твой вид предвещает мне большое горе, но ты не щади слуха несчастного, я уже свыкся со своими бедствиями, а узнать о своей судьбе служит даже утешением в горе. 27. Неужели ты принес мне известие о том, что я подозреваю больше всего и о чем боюсь даже говорить — что мои родные подвергаются оскорблениям, что для меня и, я убежден, для них хуже всяких мучений?». 28. На это Тириот сказал: «Этого как раз совсем нет. Какой почет полагается царицам от подчиненных, такой и был оказан твоим царицам со стороны победителя; но жена твоя недавно скончалась». 29. Тогда весь лагерь огласился не только стонами, но воплями, ибо Дарий не сомневался, что она была убита, не соглашаясь на позор. Обезумев от горя, он воскликнул: «Какое совершил я преступление, о Александр, кого убил из твоих близких, что ты так жестоко отплатил мне? Ты ненавидишь меня без вины с моей стороны; если бы ты начал справедливую войну, разве тебе пришлось бы иметь дело с женщинами?».

30. Тириот стал убеждать его, заклиная отечественными богами, что жене его не было нанесено никакого оскорбления. Александр, мол, тоже стенал и пролил об ее смерти не меньше слез, чем он сам. 31. Но эти слова внушили любящему лишь новые заботы и подозрение; он предполагал, что такое чувство к пленнице зародилось, конечно, от обычного в таких случаях любодеяния. 32. Удалив всех свидетелей и задержав одного только Тириота и уже не плача, а тяжело вздыхая, он сказал ему: «Ты видишь, Тириот, что ложь невозможна, ведь здесь могут появиться и орудия пытки! Но не дожидайся их — во имя богов! Если только есть у тебя уважение к твоему царю, скажи,— о чем я домогаюсь узнать и о чем стыдно спрашивать,— неужели посягнул на нее победитель-юноша?». 33. Тот, согласный испытать пытки и призывая богов в свидетели,
 утверждал, что царица сохранила свою святую чисто-

ту. 34. Наконец, поверив в правдивость слов евнуха, покрыв себе голову, Дарий долго плакал, потом, сбросив покрывало с головы и все еще заливаясь слезами, он воздел к небесам руки и воскликнул: «О боги отцов, прежде всего укрепите мое царство, а затем, если уж судьба моя решена, то молю пусть будет царем Азии не кто другой, как этот столь справедливый враг, столь милосердный победитель».

XI. — Итак, хотя Дарий после двух тщетных попыток добиться мира обратил все свои помыслы к войне, теперь, пораженный сдержанностью врага, отправил к нему послами десять вельмож из своей родни с новыми условиями мира. Александр, созвав совещание, приказал их ввести. 2. Из них старший по возрасту сказал: «Дарий в третий раз обращается с предложением мира, не принуждаемый какой-либо силой, но по своей справедливости и сдержанности. 3. Он сознает, что его мать, жена и дети страдают не от плена, а от разлуки с ним. Ты бережешь чистоту женщин, остающихся в живых, заботишься о них, как отец, называешь их царицами, позволяешь сохранять знаки прежнего положения. 4. Я вижу в лице твоем ту печать, какую видел у Дария, когда он нас отпускал, но он оплакивает супругу, а ты врага. Ты стоял бы уже в строю, если бы не забота о погребении. Разве удивительно, что он просит мира у столь дружественной ему души? К чему оружие для тех, между которыми больше нет ненависти? 5. Раньше он определял пределом твоего царства реку Галис, границу Лидийского царства. 6. Теперь он предлагает в приданое за своей дочерью, которую выдает за тебя, все земли, лежащие между Геллеспонтом и Евфратом; сына Оха, который в твоих руках, сохрани заложником мира и его верности, а мать и двух дочерей-девушек — верни: за трех человек он просит тебя принять выкуп в тридцать тысяч талантов. 7. Если бы я не знал о твоей сдержанности, я бы не стал говорить, что теперь для тебя настало время не только согласиться на мир, но и добиваться его. Смотри, сколько земель ты уже прошел и скольких еще домогаешься. 8. Слишком большая власть таит в себе опасности: трудно удержать то, чего ты и взять не можешь. Разве ты не знаешь, что и корабли, превышающие меру, не поддаются управлению. 9. Может быть, и Дарий несет такие потери от того, что слишком обширные владения дают возможность больших утрат. Легче что-нибудь завоевать, чем потом

удержать. Клянусь Геркулесом, руки наши более способны хватать, чем удерживать! Сама смерть жены Дария может тебя убедить, что твое милосердие превысило пределы положенного».

10. Александр приказал послам выйти из палатки, спросил у совещания, какое принять решение. Долго никто не решался высказать своего мнения, не зная воли царя. 11. Наконец, Парменион сказал, что он уже и раньше советовал отпустить за выкуп пленников из Дамаска; можно выручить большие деньги за тех, которые из-за своей многочисленности требуют для охраны много рук храбрых воинов. 12. Он и на этот раз очень советует царю обменять одну старуху и двух девушек — обузу в пути и боевых действиях — на тридцать тысяч талантов золота. 13. Богатым царством можно овладеть при помощи договоров, а не войны, да и никто никогда не обладал на протяжении от Истра до Евфрата столь обширными и отдаленными землями. Лучше ему оглядываться на Македонию, чем взирать на Бактрию и индусов. 14. Речь его была неприятна царю. Итак, чтобы положить конец обсуждению, он сказал: «И я бы предпочел деньги славе, если бы был Парменионом. Но я Александр, я не беспокоюсь о недостатке денег и помню, что я не купец, а царь. 15. У меня нет ничего для продажи, а уж судьбу свою я, конечно, не продаю. Если угодно отпустить пленных, то почетнее вернуть их даром, чем взять за них выкуп». 16. Затем, пригласив снова послов, он сказал им так: «Сообщите Дарию, что выражение благодарности между врагами излишне, если я в чем проявил снисходительность и щедрость, то сделал это не ради его дружбы; в моем характере бороться не с несчастиями врага, а с его военными силами. 17. Я не веду войну с пленными и женщинами: враг мой должен иметь оружие в руках. 18. Если бы Дарий просил у меня мира чистосердечно, я подумал бы еще, не согласиться ли. Однако после того, как он то письмами побуждает моих солдат к измене, то на погибель мне деньгами подкупает моих друзей, мне должно преследовать его, пока он не будет убит, и не как честный враг, а как преступник, подстрекатель к убийству. 19. Если я приму условия, объявленные вами, то утвердится его победа. Он щедро дает мне, что лежит за Евфратом. Но где же вы беседуете со мной? Ведь я на вашей стороне Евфрата. Мой лагерь за чертой, которую он считает пределом обещанного приданого. От-

гоните меня отсюда, чтобы я знал, что вы мне уступаете вашу землю. 20. С такой же щедростью он отдает за меня свою дочь, но я знаю, что она собирается выйти замуж за какого-то его раба. Он оказывает мне много почета, предпочитая меня в качестве зятя Мазею. 21. Пойдите и сообщите вашему царю, что все, что он потерял и чем еще обладает,— есть награда мне за войну. Пока действуют ее законы, каждый будет иметь такие пределы в том и другом царстве, какие определит исход ближайшего дня. 22. Я пришел в Азию не для того, чтобы получать от других, но чтобы самому раздавать. Если он согласен считаться вторым, а не равным мне, я, пожалуй, сделал бы, о чем он просит. Впрочем, мир не может управляться двумя солнцами и вместить два величайших царства при неприкосновенности земель. 23. Поэтому пусть он приготовится к сдаче сегодня или к войне на завтра и пусть не ждет для себя другой судьбы, чем какую уже испытал». 24. Послы ответили, что он так поступает просто потому, что в душе лелеет войну и боится, как бы надежды на мир ему не помешали. Они, мол, сами просят, чтобы их скорее отпустили к царю: ему тоже надо готовиться к войне. Отъехав, они заявили, что бой уже начался.

XII.— Между тем Дарий спешно послал Мазея с тремя тысячами всадников занять пути, по которым должен был идти неприятель. 2. Александр, отдав должную честь телу его жены, оставил в том же укреплении под охраной небольшого гарнизона всю тяжелую часть своей армии, а сам направился навстречу врагу. 3. Пехоту он разделил на два крыла, окружил их с обеих сторон всадниками; обоз следовал за войском. 4. Затем, отрядив Мениду с легкой конницей, он велит ему разведать, где находится Дарий. Но так как Мазей засел неподалеку, тот не осмелился пройти дальше и мог только сообщить, что слышал голоса людей и ржание коней. 5. Также и Мазей, увидев издали разведчиков, вернулся в лагерь с известием о приходе неприятеля. Итак, Дарий, желавший сразиться на открытом поле, отдает приказ солдатам вооружиться и ставит их в строй. 6. На левом фланге шли бактрийские всадники, всего тысяча коней, столько же дагов; арахозцы и сузиане составляли четыре тысячи. За ними следовало сто серпоносных колесниц, следом за квадригами шел Бесс с восемью тысячами всадников, тоже бактрийцев. Эту колонну замыкали массагеты в со-

ставе двух тысяч коней. 7. Пехотинцы большинства этих народов не смешивались с конницей, но каждый держался вместе со своими. Затем персов с мардами и согдийцами вели Ариобарзан и Оронтобат. 8. Они командовали каждый своей частью, общее командование принадлежало Орсину, потомку одного из семи персов, возводившему свой род к славнейшему царю Киру. 9. За ними шли племена, мало известные даже своим союзникам; за ними шел Фрадат с большим отрядом каспийцев впереди пятидесяти квадриг. Инды и жители берегов Красного моря шли за колесницами скорее для численности, чем для настоящей помощи. 10. Весь этот строй замыкался другими пятидесятью серпоносными колесницами, к которым Дарий присоединил чужеземных солдат. За ними шли армяне из так называемой Малой Армении, за армянами — вавилоняне, за теми и другими белиты, жители Косских гор. 11. За этими шли гортуи с острова Евбеи, когда-то примкнувшие к мидийцам, но выродившиеся и забывшие родные обычаи. К ним Дарий присоединил фригийцев и катаонов; племя парфиенов, заселявшее земли, занятые теперь парфянами, вышедшими из Скифии, замыкало все движение. Таков был состав левого фланга. 12. На правом стояли армяне из Великой Армении, кадузии и каппадокийцы, сирийцы и мидийцы; у них тоже было пятьдесят серпоносных колесниц. 13. Общая численность всего войска была: всадников сорок пять тысяч, пехоты двести тысяч человек. Построившись таким образом, они проходят десять стадиев; получив приказ остановиться, они, вооруженными, ожидали появления врага.

14. Войско Александра было охвачено беспричинным страхом; все, как безумные, начинали трепетать, и какая-то робость закрадывалась всем в сердце. Зарницы на небе в жаркую летнюю пору производят впечатление пожара, и солдаты думали, что лагерь Дария охватило пламя, возникшее по недосмотру охраны. 15. Если бы Мазей, шедший по тому же пути, напал на них, они могли бы понести большое поражение; но он сидел тогда в бездействии на холме, заранее им занятом, довольный тем, что его не тревожат. 16. Александр, узнав о паническом настроении войска, дает сигнал к остановке и солдатам велит положить перед собой оружие, а самим отдохнуть, объясняя при этом, что нет причины для внезапного страха и что враг далеко. 17. Наконец, придя в себя, солдаты воспряли ду-

хом, снова взялись за оружие и из всех мер признали самой надежной укрепить лагерь на этом месте. 18. На следующий день Мазей, засевший с отборными всадниками на высоком холме, с которого был виден лагерь македонцев, вернулся к Дарию, то ли из страха, то ли оттого, что ему было приказано только произвести разведку. 19. Покинутый им холм был занят македонцами, потому что на нем было безопасней, чем в равнине, и, кроме того, с него было видно, как развертывается на поле строй неприятеля. 20. Но туман, поднявшийся с влажных гор вокруг равнины, не скрывший общего вида местности, все же не позволял рассмотреть порядок следования отдельных колонн. Множество людей заняло поле, и шум от многих тысяч людей поражал слух македонцев, стоявших вдали. 21. Царь сильно призадумался и с опозданием стал сравнивать свой план с предложением Пармениона, ибо зашел уже так далеко, что войско могло выйти оттуда лишь после победы и не без урона. 22. Итак, разобравшись в своих сомнениях, он приказал наемным всадникам из Пеонии идти впереди. 23. Сам он свою фалангу — как уже сказано — разделил на два крыла; каждое из них прикрывали всадники. Когда рассеялся туман и солнце ярче осветило строй неприятеля, македонцы, по живости своего характера или утомившись от ожидания, по боевому обычаю подняли громкий крик. Персы на него ответили, и окрестные рощи и долины огласились устрашающими звуками. 24. Тогда уже нельзя было удержать македонцев, которые рвались кинуться на врага. Но царь, решив лучше укрепиться на занятом холме, приказал насыпать вал и, когда это было в точности исполнено, сам вошел в палатку, из которой был виден весь строй неприятеля.

XIII.— Тогда перед его глазами открылось поле всей предстоящей битвы: лошади и люди сверкали вооружением; военачальники объезжали ряды своих воинов, что свидетельствовало о большой заботе врагов в подготовке к битве. 2. При этом людей, в напряженном ожидании, раздражало много пустых мелочей, как-го: людской говор, ржание коней, сверкание оружия. 3. Тогда Александр созывает совещание и, либо действительно колеблясь в душе, либо чтобы испытать дух своих людей, спрашивает, как лучше действовать. 4. Опытнейший в военном искусстве среди всех вождей Парменион предложил прибегнуть к обману, а не давать общего боя; важно, мол, напасть на врагов

темной ночью; когда-то еще приготовятся эти люди различных обычаев и языков к бою в ночной суматохе, испуганные среди сна? 5. А днем прежде всего увидишь бегущие на тебя страшные лица скифов и бактрийцев, их косматые бороды и нестриженые волосы, еще и огромный рост и мощные тела; солдаты-де, больше предаются страху от неосновательных причин, чем от серьезных. 6. Затем такое множество людей сможет со всех сторон окружить меньшее по численности войско: ведь сражение предстоит не в теснинах Киликии и не в бездорожных зарослях, а на открытой и гладкой равнине. 7. Почти все были согласны с Парменионом; Полиперкон не сомневался, что только так и можно одержать победу. 8. Царь, не желая снова порицать Пармениона, с которым он недавно поступил суровее, чем сам хотел, сказал, обращаясь к Полиперкону: «Вы мне советуете действовать как разбойнику и вору: у них только на уме — обман. 9. Но я не потерплю, чтобы моей славе всегда препятствовало или отсутствие Дария, или теснота местности, или ночное воровское действие. Надо, конечно, наступать при свете; я предпочитаю раскаиваться в неудаче, нежели стыдиться своей победы. 10. К тому же я узнал, что варвары несут ночные стражи и стоят под оружием, чтобы не быть застигнутыми врасплох. Итак, готовьтесь к битве». Подбодрив их так, он отпустил их отдохнуть.

11. Дарий, ожидая, что враг поступит именно так, как советовал Парменион, приказал лошадей не распрягать, большей части войска не слагать оружия и усердно проводить ночные стражи. Итак, огни горели по всему его стану. 12. Сам он с вождями и приближенными обходил отряды воинов, стоявших под оружием, взывая к Солнцу, Митре и к священному вечному огню, чтобы эти божества внушили персам мужество, достойное их древней славы и памяти предков. 13. «Конечно,— говорил он,— если только ум человеческий может понять предсказания божества, боги на нашей стороне. Они недавно навели внезапный страх на македонцев: до сих пор они носятся как безумные, бросая оружие: так карают боги, покровители персидского царства, врагов, лишив их разума. 14. Да и вождь их не более здрав разумом; он словно дикий зверь, видя добычу, бросается прямо в капкан, поставленный перед ней».

В лагере македонцев тоже было неспокойно, они провели эту ночь в страхе, будто сражение было назначено на ночное время. 15. Александр, никогда еще не знавший такого страха, приказал позвать Аристандра для молитв и обетов. Тот явился в белой одежде с жертвенной зеленью в руках, за ним шел царь, умилостивлявший молитвами Юпитера, Минерву и богиню Победы. 16. Тогда, совершив по ритуалу жертвоприношение, на остаток ночи царь вошел в палатку отдохнуть. Но он не мог ни заснуть, ни лежать спокойно: то он обдумывал, как спустить свой строй с холма на правый фланг персов, то как столкнуться с врагом прямым фронтом, то колебался, не ударить ли по левому флангу. 17. Наконец, утомленный беспокойством, он погрузился в глубокий сон.

Когда рассвело, командиры собрались для получения приказаний и были поражены необычной тишиной вокруг претория. 18. В других случаях царь обычно призывал их и бранил запаздывающих; теперь они удивлялись, что он не проснулся перед самой решительной битвой; думали, что он не спит, а оцепенел от страха. 19. Никто из телохранителей не решался войти в палатку, а время шло, солдаты без приказания вождя не могли ни взяться за оружие, ни занять свое место в строю. 20. После долгих колебаний Парменион сам отдает приказ солдатам принять пищу. И уже нужно было уходить; только тогда он входит в палатку, несколько раз окликает Александра и, наконец, будит его, прикоснувшись к нему. 21. «Давно уж свет,— говорит он,— враг двинул свой строй, а твои солдаты все еще не вооружены и ожидают приказов. Где же твой бодрый дух, не ты ли всегда будишь стражу?». 22. На это Александр ответил: «Неужели ты думаешь, что я мог заснуть прежде, чем облегчил душу от забот, которые не давали мне покоя?». И он велел дать трубой знак к битве. 23. Парменион все с тем же изумлением спросил его, от каких он освободился забот, когда заснул. «Ничего нет удивительного,— сказал он,— что когда Дарий выжигал земли, разрушал селения, уничтожал продовольствие, я был сам не свой. Чего же мне теперь опасаться, когда он согласен вступить в бой? 24. Геркулес исполнил мою молитву. Но отчет о моем решении будет дан после. Идите к своим войскам, кто какими командует. Я скоро приду и изложу, как я хочу действовать». 25. Редко Александр пользовался панцирем, чаще по настоянию друзей, чем в виду опасно-

сти; тогда же он надел на тело защитное оружие и подошел к рядам солдат. Никогда раньше они не видели его таким бодрым и по бесстрашному его лицу сами уверились, что победят.

26. Итак, он приказывает разбросать земляной вал, выводит свои войска и ставит так: на правом фланге свою отборную конницу во главе с Клитом; к нему он присоединил конные отряды Филота и рядом с ним поставил остальных начальников конницы. 27. Последним стояло крыло Мелеагра, за которым следовала фаланга. Позади нее были среброщитные воины; здесь командовал сын Пармениона Никанор. 28. Во вспомогательных частях стоял со своим отрядом Кэн, за ним отряды Ореста и Линкеста, позади всех Полиперкон, командир иноземного отряда. Начальником этого войска был Аминта. Фалек вел Балакра, только недавно принятого в союзники. Таков был состав правого фланга. 29. На левом фланге стоял Кратер с пелопоннесскими всадниками и присоединенными к ним отрядами ахейцев, локров и малиейцев. Эту группу замыкали фессалийцы под командой Филиппа; пеший строй был прикрыт конницей. Таков был состав левого фланга. 30. Во избежание обхода последняя колонна была окружена сильным отрядом. Фланги он тоже укрепил вспомогательными отрядами, поставив их не прямо по фронту, а с боков, чтобы они были готовы к битве, если враг попытается окружить их строй. 31. Здесь находились агриане, которыми командовал Аттал, как и критскими стрелками. Последние ряды он отвел от линии фронта, чтобы весь строй укрепить наподобие круга. 32. Здесь находились иллирийцы и солдаты, нанятые за плату. Также он поставил отдельно и легко вооруженных фракийцев. Весь строй он сделал настолько подвижным, что стоявшие сзади, чтобы не быть обойденными, могли повернуться и выйти вперед фронта. Итак, первые ряды были защищены не лучше флангов, а фланги не лучше тыловых частей.

33. Расставив так всех, он предписал, в случае если варвары с шумом пустят на них серпоносные колесницы, расступиться и встретить их натиск в молчании, он был уверен, что они проскочат, не причинив вреда, если никто под них не подвернется, если же их пустят без шума, то им самим следует пугать лошадей криком и, когда они понесут, поражать их с двух сторон
 стрелами. 34. Командиры флангов получили приказ

растянуть их, чтобы не быть обойденными, но вместе с тем и не ослаблять заднего строя. 35. Обоз с пленными, среди которых были под стражей мать Дария и его дети, он поместил недалеко от строя на возвышенном месте, с небольшим отрядом для защиты. Левое крыло, как и в других битвах, он поручил Пармениону, сам стал на правом фланге. 36. Стороны еще не приблизились на полет копья, когда какой-то перебежчик, Бион, со всех сил подбежал к царю и сообщил, что Дарий зарыл в землю там, где предполагал, что пройдет неприятельская конница, железные шипы, но места эти обозначены знаками, чтобы не вводить в обман своих. 37. Приказав взять перебежчика под стражу, Александр собирает командиров и, сообщив, что ему стало известно, убеждает их избегать указанной местности и сказать об этой опасности коннице. 38. Впрочем, войско не могло слышать его увещаний, так как шум от двух армий всех оглушал. Все же на виду у всех, объезжая командиров и близстоящих воинов, он стал говорить так...

XIV.— Он говорил, что перед ними, прошедшими столько земель в надежде на победу, за которую стоило бороться, осталось это последнее препятствие. Сражение на реке Гранике, преодоление гор Киликии, захват Сирии и Египта способны поддержать надежды на славу. 2. Персы будут сражаться, перехваченные в бегстве, потому что они уже не могут продолжать его. Уже третий день они стоят на одном месте, обессиленные страхом, отягченные своим вооружением. Верным доказательством их отчаяния служит то, что они сжигают свои города и поля, будучи уверены, что все, чего они не уничтожат, достанется победителю. 3. Нет основания бояться пустых имен неизвестных народов. Ничего не значит для решения спора в войне, кого называют скифами, а кого кадусиями. Раз они неизвестны, значит они недостойны славы. 4. Храбрые никогда не остаются в неизвестности, а люди невоинственные, выведенные из темноты,— это только пустые названия. Македонцы своим мужеством достигли того, что нет на земле места, где бы о них не знали. 5. Пусть они только посмотрят на неустройство персидского войска: у одних нет ничего, кроме дротика, другие мечут камни из пращей, лишь у немногих есть полное вооружение. Итак: там больше людей, у нас больше готовых сражаться. 6. Он-де не требует, чтобы они храбро бросились в бой, если сам не будет

подавать другим примера мужества. Он будет сражаться впереди всех знамен. Он обещает, что каждая его рана будет знаком отличия на его теле; они сами знают, что только он не участвует в разделе общей добычи и что все, добываемое победами, расходится на их награды, на их потребности. 7. Он знает, что говорит это мужественным воинам. Иначе он сказал бы им, что они зашли туда, откуда уже нельзя бежать. Отмерив столько пространств земли, оставив позади себя столько рек и гор, они должны теперь проложить себе путь на родину к пенатам своею собственной рукой. Такими словами он внушал мужество вождям и стоявшим вблизи солдатам.

8. Дарий находился на левом фланге, окруженный большим отрядом отборных всадников и пехотинцев; он с презрением смотрел на малочисленность неприятеля, полагая, что напрасно растянуты фланги его строя. 9. Впрочем, возвышаясь на колеснице и окидывая взором окружавшие его слева и справа полчища, он простер над ними руки и сказал: «Вам, незадолго до этого господам всех земель, которые с одной стороны омывает океан, а с другой замыкает Геллеспонт, теперь приходится сражаться не за славу, а за спасение или за то, что для вас дороже жизни, за свободу. Сегодняшний день или восстановит царство, обширнее которого не видал еще никакой век, или положит ему предел. 10. На Гранике мы сражались с врагом лишь небольшой частью наших сил, побежденных в Киликии, нас могла принять Сирия: прочной защитой царству служили реки Тигр и Евфрат. 11. Ныне мы пришли туда, откуда, в случае поражения, некуда даже бежать — все у нас в тылу разорено продолжительной войной: в городах не осталось жителей, в полях — земледельцев. Жены и дети сопровождают наше войско — готовая добыча для врагов,— если мы телом своим не прикроем дорогие нам существа. 12. Что касается моего долга, я собрал такое войско, что его едва вместила в себе обширнейшая равнина, я дал коней, оружие, предусмотрел, чтобы такое множество людей не осталось без продовольствия; я выбрал место, где все войско смогло бы развернуться. 13. Остальное зависит от вас: найдите отвагу для победы, презирайте молву, самое слабое оружие против мужественных людей.

Безрассудством оказалось то, что вы считали муже-
566 ством у врага и чего боялись: оно слабеет после перво-

го выпада, как животные, потерявшие свое жало. 14. В здешних просторах видно, как малочисленно неприятельское войско, горы Киликии его скрывали. Вы видите редкие ряды, растянутые фланги, центр пустой, истощенный, задние ряды повернуты так, что уже открывают тыл. Клянусь богами, их можно затоптать лошадьми, если я пошлю только серпоносные колесницы. 15. Если мы победим в этом бою, мы выиграем и всю войну; ведь и им бежать некуда; их запирают с одной стороны Тигр, с другой — Евфрат. 16. Все, что раньше было за них, теперь против них. Наше войско легкое и подвижное, у них отягощенное добычей. Мы перебьем их, заваленных нашим добром, и это будет основанием и плодом нашей победы. 17. Если кого из вас смущает имя этого народа, то знайте, что македонским осталось оружие, а не народ: вы взаимно пролили много крови, а при малочисленности потери всегда тяжелее. 18. Ведь Александр, как бы он ни казался страшным трусам и малодушным, все же только один человек и, поверьте мне,— безрассудный и неразумный, удачливый до сих пор не по своей доблести, а из-за паники. 19. Но ничего не бывает долговечно, если не основано на разуме. Допустим, что ему улыбается счастье, но это еще не покрывает его безрассудства. Кроме того, удачи и несчастья сменяются часто и судьба никогда не бывает неизменна. 20. Может быть, боги определили не погубить персидское царство, которое они в течение двухсот тридцати лет вели по пути удач и подняли на величайшую высоту, а скорее испытать и напомнить нам о непрочности человеческого бытия, о чем все при удаче мало думают. 21. Недавно еще мы ходили войной против Греции, теперь отражаем войну, угрожающую нашим домам. Так играет нами судьба. Ясно, что кто-то из противников не сохранит своего царства, раз мы взаимно этого добиваемся. 22. Впрочем, если бы даже не оставалось никаких надежд, к действию принуждает необходимость: мы дошли до крайности. Мою мать, двух дочерей, сына Оха, рожденного в надежде на это царство, первый отпрыск нашего царского рода, вождей ваших, словно преступников, враг держит у себя в оковах. Если бы не связь с вами, я и сам чувствовал бы себя тоже в плену. Освободите мое сердце от оков, верните мне залог, за который вы сами готовы умереть: мою мать, моих детей, ибо супругу я уже потерял в неволе.

23. Верьте, ныне все они протягивают к вам руки, молят родных богов, ждут от вас помощи, милосердия, верности, чтобы вы освободили их от оков рабства, из жалкого их положения. Или вы думаете, легко прислуживать тем, над кем и царствовать гнушаешься? 24. Я вижу, как приближается строй врагов, но чем я ближе к решительному бою, тем меньше я могу удовлетвориться тем, что уже сказал. Заклинаю вас отечественными богами, неугасимым огнем, пылающим на алтарях, блеском солнца, восходящего в пределах моего царства, вечной памятью Кира, первого, кто передал Персиде царства, отнятые им у мидийцев и лидийцев,— спасите от крайнего позора народ персидский и его имя. 25. Идите в бой бодрые и полные надежд, чтобы передать потомкам славу, унаследованную от предков. В ваших руках свобода, сила, надежды на все будущее время. Избегает смерти тот, кто ее презирает; и она поражает всех трепещущих. 26. Сам я еду на колеснице не только согласно нашему обычаю, но и для того, чтобы вы могли меня видеть и подражать мне, буду ли я вам давать пример мужества или малодушия».

XV.— Между тем Александр, чтобы обойти указанное перебежчиком место и встретиться с Дарием, который охранял левый фланг, приказывает наступать крылу, поставленному косо. 2. И Дарий повернул в ту сторону, известив Бесса, чтобы тот приказал всадникам-массагетам сбоку напасть на левое крыло Александра. 3. Перед ним самим были серпоносные колесницы, которые по данному знаку он пустил все на врага. Колесничие помчались, отпустив вожжи, чтобы потоптать больше людей, не ожидавших такого нападения. 4. Одних ранили копья, торчащие впереди из дышла, других — выставленные с боков косы; но македонцы не только отступали перед ними, но в бегстве расстроили свои ряды. 5. Еще и Мазей навел на них страх своим нападением, так как послал в обход тысячу всадников разграбить неприятельский лагерь, полагая, что пленные, заключенные все вместе, сами разорвут свои оковы, увидев приближение своих. 6. Но ему не удалось обмануть Пармениона, стоявшего на левом фланге. Тот поспешно посылает к царю Полидаманта сказать об опасности и спросить распоряжений. 7. Царь, выслушав Полидаманта, сказал ему: «Иди, скажи Пармениону: если мы победим в строю, то не только
 вернем свое, но и захватим принадлежащее врагам.

8. Итак, нет основания отнимать хоть сколько-нибудь сил у строя. Пусть он, достойно меня и моего отца Филиппа, пренебрежет потерей имущества и храбро сражается с врагом». 9. Между тем варвары привели в смятение обоз, а пленные, перебив многих из стражи и разорвав свои оковы, вооружаются чем попало, присоединяются к своим всадникам и с двух сторон нападают на попавших в беду македонцев. 10. Пленные, окружавшие царицу Сисигамбис, радуясь победе персов, объявляют, что враги потерпели великое поражение и совершенно лишились всякого багажа; они думали, что ход сражения на всех участках одинаковый и что победившие персы разбежались в поисках добычи. 11. Пленные убеждали Сисигамбис отбросить печаль, но она оставалась в прежнем положении, не издала ни звука, не изменилась в лице: она сидела неподвижно, точно боялась преждевременной радостью спугнуть счастливую судьбу; смотревшие на нее не могли решить, чего она желает. 12. Между тем начальник конницы Александра Менид, по собственному ли решению или по приказанию царя, подошел с несколькими отрядами всадников, чтобы оказать помощь обозу, но не выдержал натиска кавказцев и скифов и, едва вступив с ними в бой, вернулся к царю, не отомстив за урон, а лишь засвидетельствовав его. 13. Горестное чувство нарушило планы Александра, недаром он так опасался уводить из строя воинов для возвращения своего имущества. Итак, он посылает против скифов Арету, командира копейщиков, называвшихся сариссоносцами.

14. Между тем колесницы, расстроившие ряды перед знаменами, прорвались к фаланге: македонцы же, собравшись с мужеством, принимают их в свои ряды. 15. Строй их стал подобен валу: они сомкнули свои копья и с обоих боков прокалывали животы напиравших на них лошадей, потом они окружали колесницы и сбрасывали с них колесничих. 16. Строй заполнился упавшими лошадьми и возничими, они не могли больше управлять напуганными лошадьми, частыми рывками головой те не только рвали упряжки, но и опрокидывали колесницы, раненые тащили за собой убитых, взбесившиеся не могли остановиться, истощенные — двигаться. 17. Лишь немного колесниц достигло последних рядов строя, принеся ужасную смерть тем, на кого они налетали: иссеченные людские тела лежали на земле и, так как страдания доставляют лишь

свежие раны, прежде раненные и покалеченные не выпускали из рук оружия, пока, истекая кровью, не падали замертво. 18. Между тем Арета, убив вождя скифов, разграблявших обоз, все сильнее напирал и устрашал их. Но к ним пришли на помощь посланные Дарием бактрийцы и изменили судьбу сражения: много македонцев было задавлено при первом налете, большинство бежало к Александру. 19. Тогда персы, подняв крик, по обычаю побеждающих, еще яростнее бросились на врага, считая его повсюду смятым. Александр укорял испугавшихся, ободрял их, один оживлял уже падавший бой, и, подняв, наконец, дух своих воинов, посылает их в наступление.

20. Ряды персов на правом фланге несколько поредели: оттуда ушли бактрийцы для нападения на обоз. Итак, Александр бросается на ослабевшие ряды и производит в них большое избиение. 21. Персы же, стоявшие на левом фланге в надежде окружить его, придвинулись к нему с тыла; оказавшись в окружении, царь попал бы в весьма опасное положение, если бы агрианские всадники, пришпорив коней, не ударили на варваров, окруживших царя, и, рубя их, не заставили обратиться против них самих.

22. Оба строя пришли в смятение. Враги были у Александра и спереди, и с тыла; угрожавших ему сзади теснили агрианцы; бактрийцы, вернувшись после разграбления обоза, не могли найти своих прежних мест: много частей оказалось оторванными от своих, сражались, где кого с кем столкнул случай. 23. Присутствие царей делало рукопашный бой особенно жарким. Убитых было больше у персов, раненых — примерно поровну. 24. Дарий ехал в колеснице, Александр — на коне. Того и другого защищали, не помня себя, отборные дружинники; никто из них не хотел, да и не мог, пережить своего царя; каждый считал наиболее достойным умереть на виду у своего владыки. 25. Наибольшей же опасности подвергались те, кого больше всего оберегали, ибо каждый домогался чести убить царя своих врагов.

26. Впрочем, был ли это обман зрения или истинное явление, но люди, окружавшие Александра, утверждали, что видели невысоко над головой царя спокойно летающего орла, не пугающегося ни звона оружия, ни стонов умирающих; долгое время он не столько летал, как парил над конем Александра.
 27. Прорицатель Аристандр, одетый в белые одежды,

с лавровой ветвью в руке, конечно, указал жарко сражавшимся воинам на птицу — несомненное предсказание победы. 28. Недавно бывшие подавленными воины испытали теперь прилив бодрости и уверенности, особенно после того, как копьем был сражен возничий Дария, правивший конями, сидя перед ним. Ни персы, ни македонцы не сомневались, что убит сам царь. 29. Итак, родичи и оруженосцы Дария огласили весь строй бившихся до сих пор с равным успехом воплями печали, нестройными криками и стонами и левое крыло, обратившись в бегство, покинуло колесницу царя, которую обступили своим отрядом окружавшие его справа. 30. Говорят, что Дарий, обнажив акинак, колебался, не избавиться ли ему от позорного бегства почетной смертью, но совесть не позволила ему, возвышавшемуся в колеснице, предать своих еще не полностью выступивших из боя. 31. Пока он колебался между надеждой и отчаянием, персы стали постепенно отступать и разрежать ряды. Александр же, сменив коня,— он загнал уже многих,— разил сопротивлявшихся ему в лицо, а бегущих в спины. 32. И уже битва превратилась в побоище, когда обратился в бегство также и Дарий со своей колесницей. Победители висели на плечах убегающих, но тучи пыли, поднимавшиеся к небесам, застилали взоры. Итак, все блуждали, как в потемках, сходились на звук знакомых голосов вместо сигналов. 33. Но слышалось щелканье вожжей, которыми то и дело подгоняли лошадей, запряженных в колесницы. Это были единственные отзвуки бегства неприятеля.

XVI.— А на левом фланге македонцев, который охранял, как было сказано, Парменион, бой шел при других условиях для той и другой стороны. 2. Мазей, бурно налетев со своей конницей, теснил конные части македонцев. Имея численный перевес, он уже начал обходить неприятеля, когда Парменион приказал своим всадникам известить Александра, в каком они тяжелом положении: если, мол, царь быстро не придет на помощь, он не сможет сдержать общее бегство. 3. Когда от Пармениона пришло это тревожное известие, царь ускакал уже далеко, угрожая тылу бегущего врага. Он приказал остановить лошадей, которые несли, остановился и весь отряд. Александр был взбешен, что у него вырвали из рук победу и что Дарию удобнее теперь бежать, чем ему его преследовать. 4. Между тем до Мазея дошел слух о поражении Дария;

несмотря на перевес силы, испугавшись судьбы воюющих сторон, он ослабил нажим на смятого им противника. Парменион не знал, почему внезапно ослабла битва, но энергично воспользовался этим для победы. 5. Он приказывает призвать к себе фессалийских всадников и говорит им: «Видите ли вы ваших врагов, только что сильно на нас напиравших? Теперь, внезапно поддавшись страху, они дрогнули в бою! Конечно, нам сулит победу удача нашего царя. Все устлано телами персов. Что же вы медлите? Неужели вы не справитесь с убегающими?». 6. Слова его показались правдивыми, и надежда подняла упавший дух воинов. Пришпорив коней, все бросились на противника, и тот стал отступать не постепенно, а поспешным маршем. До подлинного бегства не хватало им только повернуться тылом. 7. Парменион, не зная об удаче царя на правом фланге, сдерживал своих людей, а Мазей, получив простор для бегства, не прямым, а обходным, но зато надежным путем переправился через Тигр и вступил с остатками разбитого войска в Вавилон.

8. Дарий с немногими спутниками своего бегства направился к реке Лику. Переправившись через нее, он не знал, разрушать ли ему мост, так как ожидали, что сейчас появится враг. Он понимал, что если сломать мост, то много тысяч его еще не дошедших до реки людей станут добычей врага. 9. Передают, что он, уходя и оставив за собой мост, сказал, что предпочитает дать переправиться преследующему его врагу, чем отнять путь у спасающихся бегством. Сам он, покрыв огромное расстояние в своем бегстве, к середине ночи прибыл в Арбелы. 10. Кто мог бы охватить умом или изложить в речи столько превратностей судьбы, гибель вождей и войск, бегство побежденных, гибель отдельных лиц и целой армии? Судьба поставила на кон в один этот день достижения многих, можно сказать, веков. 11. Одни убегали по кратчайшим путям, другие искали ущелий и незнакомых преследующим тропинок. Пехотинцы, потеряв своих вождей, смешивались со всадниками, безоружные — с вооруженными, раненые — с невредимыми. 12. Затем, забыв от страха о милосердии тех, кто не мог следовать за другими, оставляли на дороге, взаимно оплакивая их судьбу. Усталых и раненых особенно мучила жажда: у всех ручьев люди припадали к текучей воде и ртом втягивали ее в себя. 13. От жадности они глотали и мутную воду, по-

том испытывали боль в желудке, где осаживался ил; ноги их ослабели и плохо слушались, и если их настигал неприятель, они получали новые раны. 14. Если к ближайшим ручьям нельзя было подойти, люди отходили дальше от дороги, чтобы найти хоть тайно просачивающуюся влагу, и не оставалось ни скудного, ни удаленного водоема, который не утолил бы чьей-нибудь жажды. 15. А из ближайших к пути поселков доносились плач и стоны стариков и женщин, по варварскому обычаю призывавших Дария, все еще называя его царем.

16. Александр, задержав, как было сказано, натиск своих войск, подошел к реке Лику, когда толпа бегущих запрудила мост; многие, гонимые противником, бросались в реку и, обессиленные сражением и бегством, под тяжестью оружия погибали в пучине. 17. Уже не только мост не вмещал больше бегущих, но и река не принимала людей, неожиданно скучивавшихся в большие массы; ведь когда впадешь в панику, больше всего боишься того, что первое внушило страх. 18. Александр по настоянию своих воинов разрешил бы им преследовать безнаказанно бегущего противника, если бы этому не мешало то, что оружие у всех притупилось, руки бойцов устали, тела их были разбиты быстрой скачкой и день уже клонился к ночи. 19. В самом деле, когда его звали с левого фланга, который он считал прочно стоящим в бою, он решил вернуться, чтобы выручить своих, и уже повернул знамена, когда присланные Парменионом всадники сообщили о победе и на их фланге. 20. Но наибольшую опасность он испытал в этот день, когда отводил войско в лагерь. 21. Его сопровождали лишь немногие части без правильного строя, считавшие себя победителями, ибо думали, что все враги обратились в бегство или пали на поле битвы. Как вдруг навстречу им появился отряд всадников; сначала они замедлили ход, а затем, обнаружив малочисленность македонцев, бросились на повстречавшихся. 22. Царь ехал впереди знамени, скорее маскируя свой страх, чем преодолевая его. Но не оставило его и здесь обычное в беде его счастье. 23. В самом деле, жаждущего сразиться начальника неприятельской конницы и потому слишком на него наседавшего он пронзил копьем, а когда тот упал с лошади, он тем же копьем сразил следующего и еще многих других. 24. Бросились на них также и его приближенные. Но и персы не гибли неотомщенными:

и в общем бою всего строя не было столько горячности, как в этой стычке небольших отрядов. 25. Наконец, варвары, считая бегство в сумерках для себя безопаснее битвы, разъехались, разделившись на части. А царь, избавившись от этой неожиданной опасности, привел своих людей в лагерь невредимыми.

26. Персов пало в этом бою, как это смогли определить победители, тысяч сорок, потери македонцев не составили и 300 человек. 27. На этот раз царь обязан был за эту победу не столько своему счастью, сколько мужеству; он победил благодаря своему боевому духу, а не удобному местоположению, как раньше. 28. Здесь он и строй поставил весьма искусно, и сам сражался энергично, и проявил проницательность в том, что пренебрег потерей обоза, поняв, что судьба сражения решится в борьбе основного строя. 29. При неясном еще исходе битвы он действовал уже как победитель, обратил в бегство разбитого врага и бегущих преследовал — что едва вероятно при пылкости его характера — не с горячностью, а с благоразумием. 30. Ведь если бы он продолжал преследовать отступающих, пока часть войска еще стояла в строю, он мог бы оказаться побежденным по своей вине или победить благодаря мужеству других. И если бы он испугался множества напавших на него всадников, то победителю пришлось бы бежать или погибнуть жалким образом. 31. И вожди отрядов не опозорили своей славы: раны, полученные каждым из них, свидетельствуют о их храбрости. 32. У Гефестиона рука была пробита копьем, Пердикка, Кен и Менид чуть не были убиты стрелами. 33. И если мы хотим справедливо оценить македонцев, участвовавших в том походе, то должны сказать, что как царь был достоин своих помощников, так и они были достойны своего царя.

ГЕРОДОТ • ИСТОРИЯ

КНИГА ПЕРВАЯ • КЛИО

Стр. 33. *Красное море* — в данном случае речь идет о Персидском заливе, так называли в античности и весь Индийский океан. *Наше море* — Средиземное.

Финикияне — народность семитского происхождения, населявшая восточное побережье Средиземного моря.

Стр. 34. *Александр* — другое имя Париса, виновника Троянской войны.

Стр. 35. *Крез, родом лидиец...* — Время правления Креза — 560—546 гг. до н. э. Лидия — область в западной части Малой Азии. После победы Кира над Крезом, описываемой Геродотом, Лидия стала персидской провинцией. *Сирийцы* — здесь имеется в виду племя халибов, обитавшее на северо-востоке Малой Азии. *Пафлагонцы* — одна из народностей Азии, покоренная Крезом.

...покорив часть эллинов, заставил платить себе дань... — Речь идет о греческом населении Малой Азии.

Киммерийцы — Гомер называет так мифическое племя, обитавшее на крайнем западе в вечном мраке. В исторические времена так называли народ, населявший побережье Меотиды (Азовского моря) и под натиском скифов часто вторгавшийся в Малую Азию. Нашествие киммерийцев, упоминаемое Геродотом, и разграбление лидийской столицы Сард имело место в первой половине VII в. до н. э.

Тиран — термин, которым в античности обозначали властителя, достигшего власти незаконным путем независимо от мягкости или суровости его правления. Слово не име-

ло оценочного значения, поэтому самый суровый законный владыка не мог быть назван тираном.

Иардан — отец лидийской царицы Омфалы, в рабстве у которой, согласно мифам, три года находился Геракл.

Поколение — в античности принято было считать, что три поколения равны ста годам.

Стр. 37. *Архилох* — греческий поэт VII в. до н. э. Произведения его сохранились в виде фрагментов.

Дельфийский оракул — прорицалище в греческом городе Дельфы, важнейшем центре культа бога Аполлона. *Пифия* — прорицательница в Дельфах.

Стр. 38—39. *Пектида* — струнный инструмент типа современной арфы. *Мужские и женские флейты* — то есть флейты низкого и высокого тона.

Стр. 39. *...Афины по прозвищу Ассесии.* — Ассес — место, где находился храм. По-лидийски Афина именовалась Асви.

Стр. 40. *Арион* — поэт и музыкант VII—VI вв. до н. э., ему принадлежит заслуга художественной обработки *дифирамба* — торжественной песни в честь бога Диониса, введения для его исполнения чередующихся хоров. Из исполняемого таким образом дифирамба позднее развилась трагедия. *Кифаред* — играющий на кифаре, струнном инструменте наподобие лиры.

Стр. 42. *Биант* и *Питтак*, а также упоминаемый ниже *Солон* включались, как правило, в число «семи мудрецов». Наиболее распространенный их перечень: Фалес, Биант, Питтак, Клеобул, Периандр, Хилон, Солон,— были, впрочем, и другие варианты. Геродот допускает анахронизм, описывая их встречи с Крезом, так как Питтак и Солон умерли до прихода его к власти.

Стр. 43. *Амасис* — египетский фараон (569—526 гг. до н. э.). Солон не мог посетить его, так как путешествовал он в 594—584 гг. до н. э.

Стр. 44. *Вставные месяцы* — несовершенство летосчисления у греков заставляло их вводить каждые несколько лет вставные месяцы, чтобы сравнять солнечный и календарный годы.

Стр. 48. *Катарсий* — букв.: очиститель; *Эфестий* — странноприимец; *Этерий* — дружелюбец.

Стр. 49. *Кир* — даты правления этого основателя могущества персидской державы — 558—530 гг. до н. э.

Стр. 51. *Феодор из Самоса* — художник и литейщик VI в. до н. э. *...изображает женщину, выпекавшую царю хлеб.* — По преданию, эта женщина открыла намерение мачехи Креза отравить его хлебом.

Амфиарай — мифический прорицатель, знавший заранее об обреченности так называемого похода «семерых против Фав», но принужденный своей женой Эрифилой принять в нем участие. В битве, где погибли участники похода, он был поглощен разверзшейся землей.

Стр. 53. *Пеласги* — племя доиндоевропейского происхождения, населявшее в глубокой древности юг Балканского полуострова. Сведения, сообщаемые о них Геродотом, не имеют, по-видимому, реальных оснований.

Варварский язык — то есть негреческий.

Аттический — то же что афинский: Афины были столицей греческой области Аттика.

Хилон — один из «семи мудрецов» (см. прим. к стр. 42).

Стр. 54. *Обитатели побережья* (паралии), *равнинные жители* (педиеи), *гиперакрии* (букв.: нагорные) — группировки в социально-политической борьбе в Аттике в VI в. до н. э. Первая была умеренной торгово-купеческой, вторая представляла интересы землевладельческой олигархии, третья — демократическая — крестьянской бедноты.

...в войне с мегарцами... — Мегарцы — жители Мегариды — области на Коринфском перешейке, граничившей на северо-востоке с Аттикой.

Нисея — укрепленная гавань Мегар, столицы Мегариды. Война шла в 570—565 гг. до н. э.

Дем — округ в древних Афинах. Население Аттики делилось на филы, а те, в свою очередь, на демы.

Стр. 55 *...род Алкмеонидов... был поражен проклятием...* — Этот род, один из знатнейших в Афинах (к нему принадлежал и Перикл), считался проклятым за то, что

при ликвидации заговора Килона, с одобрения Мегакла (деда Мегакла, описываемого Геродотом), были убиты заговорщики, искавшие спасения у алтарей богов. Нарушение святости храмового убежища было тяжким религиозным преступлением. Писистрат не желал иметь детей от дочери Мегакла, чтобы не навлечь проклятия на собственное потомство.

Стр. 56. *...денежными сборами как из самих Афин, так и из области на реке Стримоне.* — Речь идет о доходах с рудников. — *...«очистил» ...остров Делос.* — Эта акция должна была снискать Писистрату поддержку со стороны служителей культа Аполлона.

Стр. 57. *Ликург* — легендарный спартанский царь-законодатель.

Энномотии — подразделение спартанского войска, по одним сведениям из 25, по другим — из 36 человек, связанных взаимной клятвой. *Триакада* — подразделение из 30 человек. *Сисситии* — совместные трапезы у спартанцев. *Эфоры* — выборная коллегия из 5 человек с годичным сроком полномочий, представляла собой нечто вроде органа надзора при органах высшей власти, которую осуществлял в Спарте совет старейшин (герусия) вместе с двумя царями.

Стр. 58. *...вот как это произошло.* — Эти события имели место, по-видимому, во второй половине VI в. до н. э.

Агатоерги (букв.: творящие добро) — ветераны, по возрасту выбывающие из всаднического корпуса, имевшего в Спарте привилегированное положение.

Стр. 62. *...день обратился в ночь...* — Это солнечное затмение произошло 28 мая 585 г. до н. э. Геродот же путает его с затмением 30 сентября 610 г. до н. э. и поэтому все события лидийской истории сдвинуты у него на 25 лет назад. Именно поэтому у него стала возможной встреча Креза с Солоном.

Стр. 64. *Тельмесские толкователи* пользовались славой на протяжении всей античности. Тельмесс — город в малоазийской области Ликия.

Матъ Диндимена — иначе «Мать богов», Рея-Кибела, малоазиатское божество, чей культ носил разнузданный экстатический характер.

Стр. 66. *Марды* — кочевое племя в центральной Персиде.

Стр. 70. *Локсий* — «Извилистый», то есть Запутанный в своих вещаниях, эпитет Аполлона.

Стр. 71. *Пронция* — то есть Афина Пронция — «Афина, что перед храмом», речь идет о храме Афины, находившемся перед храмом Аполлона в Дельфах.

«Чесальный гребень» — орудие пытки.

Земляной курган — этот курган высотой 80 м был раскопан в XIX в. и сохранился до наших дней.

Стр. 72. *Молодые девушки... все занимаются развратом...* — Геродот имеет в виду жриц вавилонской богини любви Иштар, занимавшихся так называемой священной проституцией.

Тирсения (Тиррения) — Этрурия, местность в Средней Италии. Происхождение этрусков (тирренцев, тирсенцев) от лидийцев считалось в древности общепризнанным и допускается частью современных ученых.

Омбрики — так греки называли италийское племя умбров.

Стр. 73. *Ассирийское владычество... продолжалось 520 лет.* — Ассирийская держава пала в 612 г. до н. э., возникновение ее относится, по Геродоту, к концу XII — началу XI вв. до н. э.

Примеру мидян последовали... прочие народности. — Под властью Ассирии находились вавилоняне, сирийцы, киликийцы, народности Урарту и — до 669 г. до н. э. — Египет.

Стр. 74. *Сандараковый цвет* — оранжево-красный. Сандарак — сернистый мышьяк.

Стр. 76. *Святилище Афродиты Урании.* — Речь идет о храме богини Астарты (Иштар), тождественной греческой Афродите.

Энареи — название происходит от иранского «анарья» — «немужественный», скопцы, гермафродиты — жрецы Астарты — Иштар.

...я расскажу в другой части моего труда... — Сочинение Геродота об Ассирии либо не сохранилось, либо так и не было написано.

Стр. 80. *«Око царя»* — так (а также «ушами царя») назывались чиновники, исполнявшие полицейские функции при персидском дворе.

Стр. 84 *...слух, что... Кира вскормила собака.* — «Кино» по-гречески (как Спако по-лидийски) означает собака (см. гл. 110). Собака считалась священным животным верховного бога Ахурамазды.

Стр. 87. *Так, Зевсу...* — Геродот отождествляет греческое верховное божество Зевса с персидским Ахурамаздой.

Митра — персидский бог солнца. Геродот путает его с богиней луны Анаитой, отождествлявшейся с Иштар — Астартой — Афродитой.

Стр. 88. *Тиара* — персидский головной убор в виде усеченного конуса.

«Теогония» (происхождение богов) — речь идет о стихах из Авесты — священной книги персов, исполнявшихся при жертвоприношениях. Их теогоническое содержание — домысел Геродота.

Стр. 90. *...убивают... белых голубей.* — Персы считали их носителями проказы.

На эту-то букву... — «с» (персидское «ш»). Однако персидские имена вовсе не всегда оканчиваются на эту букву, Геродоту, по-видимому, была известна лишь их греческая транскрипция.

Стр. 91. *Панионий* — всеионийское святилище.

Стр. 92. *...как и у ахейцев, которые их изгнали...* — Геродот излагает общепринятый в античности взгляд на историю греческого заселения Малой Азии. Согласно этой версии, ахеяне населяли южные и западные, а ионяне — северные области п-ова Пелопоннес. В конце XII в. до н. э. дорийцы из Средней Греции переселились на Пелопоннес, вытеснив ахеян, а те, в свою очередь, — ионийцев. Последние переселились в Малую Азию, а ахеяне остались на принадлежавших ионийцам северных тер-

риториях Пелопоннеса. Эта область в классическую эпоху называлась Ахайей.

Стр. 93. *Главк* — мифический царь племени ликийцев, союзник троянцев в Троянской войне. *Кавконы* — также как пеласги и лелеги считались догреческим населением Эллады.

Апатурии — праздник записи в члены рода детей, родившихся в течение года.

Так обстоит дело... — Эта фраза, по мнению многих ученых, является позднейшей вставкой.

Стр. 94. *«Сто островков»* — многочисленная группа маленьких островков между о-вом Лесбос и материком.

Стр. 97. *...не смеем выдать просящего защиты...* — Это считалось в античности нечестивым поступком.

Стр. 98. *«Круглые» корабли* — торговые суда, плававшие с малой скоростью. Военные 50-весельные суда и триеры (суда с тремя рядами весел) были более скоростными.

Стр. 99. *Кадмейская победа* — то есть гибельная для обеих сторон. Поговорка происходит от мифа о фиванских братьях Этеокле и Полинике, боровшихся за власть над Фивами и убивших друг друга в поединке (Кадмея — крепость Фив).

Стр. 101. *Минос* — легендарный царь острова Крит, сын бога Зевса, с его именем связывается расцвет критского государства, относящийся к 3000—1260 гг. до н. э. Возможно, что это имя было нарицательным для обозначения критских владык. *Лелеги* — см. прим. к стр. 93. Другие авторы не смешивают карийцев и лелегов.

Стр. 102. *Сарпедон* — вождь ликийцев и брат Миноса, принимал, согласно мифу, участие в Троянской войне и был убит Патроклом.

Стр. 104. *Окружность... составляет 480 стадий.* — Преувеличение. Согласно археологическим данным, окружность Вавилона не более 18 км.

Стр. 105. *Зевс Бел* — так Геродот называет вавилонского бога Мардука.

Халдеи — первоначально название аравийского племени, обитавшего южнее Евфрата, позднее (VII—VI вв. до н. э.) — правящая династия в Вавилоне. После ее падения так называлось вавилонское жреческое сословие. Греки и римляне называли халдеями любых восточных мудрецов и гадателей.

Стр. 106. *Зевс Фиванский* — египетский бог Аммон.

Нитокрис — Геродот приписывает ей сооружения, возведенные Навуходоносором II (605—562 гг. до н. э.). Об этой царице не сообщает больше никто из известных нам древних авторов.

Стр. 108. *Лабинет* (Набонид) правил в 556—539 гг. до н. э., но сомнительно, что он был сыном Нитокрис.

Стр. 109. *...сделал он вот что.* — Тут смешаны два взятия Вавилона — Киром (539 г. до н. э.) и Дарием (522 г до н. э.). Кир взял Вавилон без сопротивления, так как в это время против Лабинета восстали аккадцы.

Стр. 111. *Сесам* — кунжут.

Стр. 112. *Энеты* (венеты) населяли область нынешней Венеции.

Стр. 113. *Покойников... погребают в меду...* — Геродот называет так особую благовонную смолу, которой пропитывали тела покойников.

Такой же обычай существует и у арабов. — По мнению некоторых ученых, под арабами Геродот имеет в виду иудеев, так как именно у них существовал подобный обычай.

Каждая вавилонянка... должна отдаваться [за деньги]... — Геродот ошибается: священной проституцией занимались только жрицы Иштар (Милитты, Афродиты), а не все вавилонские девушки.

Стр. 114. *Аракс* — тут смешаны два Аракса: совр. Амударья и приток Куры. *Истр.* — Дунай.

Массагеты — воинственный кочевой народ, обитавший на северо-восточном берегу Каспия. *Исседоны* — обитали, по Геродоту, восточнее массагетов, по мнению некоторых ученых, это один и тот же народ.

Стр. 115. *Геракловы Столпы* — скалы у выхода из Гибралтара в Атлантический океан.

КНИГА СЕДЬМАЯ

Стр. 121. *Марафонская битва* произошла в 490 г. до н. э. у местечка Марафон неподалеку от Афин. Греческое войско под командованием Мильтиада нанесло поражение превосходящим его силам персов.

Стр. 122. *Дарий... скончался...* — в 486 г. до н. э.

Стр. 123. *Писистратиды* — дети Писистрата, о котором Геродот рассказывает в кн. I.

Мусей — мифический поэт догомеровского периода.

Лас из Гермионы — лирический поэт VII—VI вв. до н. э., из стихотворений которого сохранилось лишь несколько строк. Гермиона — город в греческой области Арголида.

Стр. 124. *Датис и Артафрен* — возглавляли войска Дария, посланные им против Афин и Эретрии (город на греческом о-ве Эвбея) и потерпевшие поражение при Марафоне.

А кто приведет лучше всего снаряженное войско... — Сатрапы — наместники персидских провинций снаряжали и возглавляли войско своей провинции.

Стр. 128. *...называются именем победителя.* — Пелопоннес (см. прим. к стр. 209).

Стр. 129. *Еще нет у меня зрелой мудрости...* — Ксерксу было в то время около 37 лет.

Стр. 131. *На исходе же пятого года...* — Пятого года правления Ксеркса, то есть в 481 г. до н. э.

Стр. 132. *Ионийское море* — часть Средиземного между Италией и Грецией, позднее соединилось в одно понятие с Адриатическим.

Пеней — река на п-ове Пелопоннес.

Стр. 133. *«Белый лен»* — волокно спартия (Spartium junceum), использовавшегося для канатов и произраставшего в Испании.

Стр. 134. *«Правдиво поведаю тебе»* — Гомер «Илиада», X, 413.

Стр. 135. *Я нарекаю тебя моим гостеприимцем...* — Этот титул считался очень почетным.

...потребовать земли и воды... — то есть повиновения.

Стр. 137. *...день обратился в ночь.* — Это солнечное затмение имело место 17 февраля 478 г. до н. э. Геродот допускает здесь неточность, так как поход на Грецию был предпринят на два года раньше.

Стр. 138. *1000 всадников.* — Это не указание на численность, а перевод персидского наименования телохранителей.

Колесница Зевса — речь идет о священной колеснице персидского бога Ахурамазды.

Стр. 139. *10000 пеших воинов* — опять не указание на численность, а название личной охраны царя.

Стр. 143. *...вознося молитвы солнцу...* — то есть богу Солнца Митре.

Стр. 144. *«...это ты мог бы совершить и без них!»* — В царе видели некое сверхчеловеческое существо.

Гелла — дочь мифического царя Афаманта и богини облаков Нефелы. Вместе со своим братом Фриксом спасалась от злой мачехи на посланном Нефелой волшебном златорунном баране. Над морем Гелла упала с барана и утонула, дав имя проливу Геллеспонт (море Геллы).

Стр. 145. *Мыс Серрий* — речь идет о части побережья между совр. городами Макри и Дедеагач.

1 700 000 человек. — Преувеличение. Численность персидской армии была, по-видимому, около 200 000 человек.

Кинжал — так называемая акинака, род короткого меча.

От него-то персы и получили свое имя. — На самом деле это имя происходит от области Персида, завоеванной персами в VII в. до н. э.

Стр. 146. *Так гласит о них мидийское предание.* — Эта этимология основана на созвучии слов Медея и Мидия.

Митра — повязка на лбу со свешивающимися по обе стороны лица концами.

Стр. 147. *Ливийский* — африканский; название Африка появилось в римские времена, греки называли ее Ливией.

Стр. 149. *Острова Красного моря* — острова в Персидском заливе

Битва при Микале — эта морская битва, в которой греки под командованием Леотихида и Ксантиппа нанесли поражение персам, произошла в 479 г. до н. э. Микала — отрог ионийской горы Мессогиса против о-ва Самос.

Стр. 151. *Красное море* — в данном случае Персидский залив (см. прим. к стр. 33).

...как говорят сами киприоты. — Согласно Геродоту, население Кипра делилось на три слоя: греков, финикийцев и эфиопов.

Стр. 152. *...в первой книге моего труда.* — Кн. I, 171.

Стр. 153. *Число... судов... доходило до 3000.* — Численность персидского флота преувеличена. По свидетельству Эсхила, флот персов в морской битве при Саламине насчитывал 1000 судов.

Стр. 158. *Эннеагодой* — по-гречески «Девять Путей».

Стр. 161. *Границей обитания львов...* — В более древние времена львы водились по всей Греции, о чем можно судить по изображениям микенской эпохи.

Стр. 163. *В числе же племен...* — Ксерксу подчинились все греческие города от Фессалии до Патрасского залива, не покорились западные области Эпир, Этолия и Акарнания, а также Аттика, Платеи, Эвбея, Коринф, часть островов и бóльшая часть Пелопоннеса.

Дельфийский бог — Аполлон; города, покорившиеся персам, должны были внести деньги в Дельфийское святилище Аполлона.

Стр. 163—164. *Какое несчастье постигло афинян <...> лакедемонян... поразил гнев Тальфибия...* — Умерщвление глашатаев было по понятиям античности нечестивым поступком, за который следовало ждать божественной кары.

Стр. 165. *Большинство... городов... сочувствовало персам.* — Действительно, почти во всех греческих городах существовали проперсидские партии, так же как и антиперсидские. К первым относились, как правило, земле-

дельческая аристократия и круги, заинтересованные в торговле с Персией, ко вторым — крестьянство и ремесленники.

Стр. 166. *«Хитоны стен»* — выражение, заимствованное, по-видимому, из какого-то прорицания.

Стр. 167. *Кекроп* — древнеаттическое божество земли; более поздние легенды называют его сыном богини земли Геи и первым царем Аттики. *Скала* Кекропа — афинский акрополь.

Тритогенея — эпиклеса Афины-Паллады.

Деметры дары — то есть плоды полей, Деметра была богиней — покровительницей земледелия.

Стр. 168. *Фемистокл* (ок. 525 — ок. 460 гг. до н. э.) — афинский политический деятель, вождь демократической партии, стратег (главнокомандующий) греческой армии во время войны с персами.

Стр. 169. *Гелон* (ум. в 478 г. до н. э.) был властителем большей части Сицилии (Сикелии).

Стр. 169—170. *...корабли с грузом зерна...* — Пелопоннес и Средняя Греция не могли прокормиться собственным хлебом и импортировали его из Северного Причерноморья.

Стр. 172. *Подземные богини* — богиня земледелия и плодородия Деметра и ее дочь, владычица царства мертвых, Персефона.

Иерофанты — верховные жрецы.

Стр. 173. *Гибла* — это название носили несколько сицилийских городов.

Стр. 176. *...афиняне, древнейший народ... не являются пришельцами...* — Согласно мифу, Кекроп, первый афинский царь (см. прим. к стр. 167) был порожден землей. На этом основании афиняне считали себя древнейшим населением Греции.

«Строить на битвы мужей» — Гомер «Илиада», II, 554. Речь идет об афинском герое Менеофее.

Стр. 177. *Ливийцы* — здесь имеются в виду племена, населявшие территории совр. Туниса и Алжира.

Стр. 179. *Похищенная варваром женщина из Спарты* — прекрасная Елена, супруга спартанского царя Менелая, похищенная троянским царевичем, варваром (то есть негреком) Парисом, что послужило поводом к Троянской войне.

...самая кровавая резня... — Эта битва произошла в 473 г до н. э.

Стр. 180. *Алевады* возглавляли проперсидски настроенную партию крупных землевладельцев в Фессалии.

Полемархи — начальники шести отрядов, на которые делилось спартанское войско.

Стр. 181. *Хитры* — это название происходит от слова «хитра» — «глиняный горшок». Такие горшки употреблялись для варки, в этом и смысл названия источников.

Стр. 183. *...из-за своего имени и поплатился смертью.* — «Леонт» по гречески «лев», то есть воплощение силы.

Каменный столп служил для предупреждения кораблей об опасности.

Стр. 185. *Индийские псы* — сторожевые и охотничьи собаки, ввозившиеся в Персию из Индии.

Стр. 187. *...залив, ведущий к Пагасам.* — Совр. залив Волос.

Афеты — бухта у п-ова Магнесии при входе в Пагасейский залив, где, согласно мифу, аргонавты оставили Геракла. Это название, по мнению древних, произошло от того, что отсюда отчалил корабль «Арго», то есть Афеты производятся от глагола aphiēmi — «отсылать», «расторгать», «распускать».

Стр. 188. *...едва хватило воды.* — Так сильно пересыхали летом ахейские реки.

Стр. 189. *Амфиктионы* — так назывались народы, жившие вблизи какого-либо святилища и заключавшие между собой союз — амфиктионию для защиты святилища, для совместных празднеств, для соблюдения во взаимных отношениях известных норм международного права. Наиболее известной была дельфийская амфиктиония.

Название это возводили к имени мифического героя Амфиктиона.

Стр. 202. *Двухсторонняя дощечка* — дощечка для письма. Такие дощечки покрывали воском и связывали по две или по три шнуром с печатью. На воске писали заостренной палочкой.

ФУКИДИД • ИСТОРИЯ

КНИГА ПЕРВАЯ

Стр. 208. *Олимпийские состязания* были общегреческим праздником и проводились раз в четыре года в городе Олимпии в области Элида на Пелопоннесе.

Города, основанные в последнее время... — Имеются в виду греческие колонии, такие, как Милет, Самос, Сиракузы и др.

Древние же города... — Кносс на о-ве Крит, Аргос, Афины и др.

Очищение Делоса, священного острова Аполлона, было произведено, чтобы снискать милость этого божества.

Стр. 209. *...женихи Елены... были связаны клятвой...* — Отец Елены Тиндарей обязал клятвой всех искавших ее руки помогать тому, кого она выберет в супруги. Выбор пал на Менелая, царя Спарты и брата Агамемнона. После похищения Елены Парисом ее бывшие женихи во главе с Агамемноном выступили в поход против Трои, чтобы отомстить похитителю и вернуть Елену мужу.

Пелопс — сын малоазийского правителя Тантала, отец Атрея Фиеста, Хрисиппа и дед Агамемнона и Менелая. *...страну назвали его именем...* — Пелопоннес («остров Пелопса»), где он был правителем.

Еврисфей — внук Персея, владыка Тиринфа и Микен, находясь у него в рабстве, Геракл совершил свои 12 подвигов.

Гераклиды — потомки Геракла.

Пелопиды — потомки Пелопса, в данном случае его сын Атрей и внук Агамемнон.

Персей — сын Зевса и Данаи, спаситель и супруг Андромеды, дед Еврисфея. Один из мифов называет Персея владыкой Тиринфа и основателем Микен.

...над тьмой островов... — Гомер «Илиада», II, 108.

Стр. 210. *...состояние Эллады к тому времени.* — Согласно археологическим данным, Троянский поход можно отнести к XII в. до н. э.

...лакедемоняне — владыки двух пятых частей Пелопоннеса... — Пелопоннес делился на 6 частей: Арголиду, Аркадию, Ахею, Лаконию, Мессению и Элиду. Фукидид считает за одну часть Лаконию и покоренную лаконцами (спартанцами) Мессению. Арголида и Ахея не участвовали в Пелопоннесском союзе, так что спартанцы не были во главе всего полуострова. Союзниками в остальной Элладе были Беотия, Локрида, Мегара, Фокида.

«Список кораблей» — часть II песни «Илиады» (ст. 484—785), где подробно перечисляются греческие вожди и их корабли.

Стр. 211. *Херсонес* — имеется в виду Херсонес Фракийский.

...на шестидесятом году после взятия Илиона... — Многие античные авторы датировали Троянскую войну 1192—1183 гг. до н. э., а фессалийское и дорийское переселение 1124—1104 гг. до н. э. Илион — Троя.

Стр. 211—212. *...В Беотии... называвшейся Кадмейской землей...* — По имени героя Кадма, мифического основателя Фив, главного города Беотии.

Стр. 212. *Тираны, царская власть* — см. прим. к стр. 35. Временем расцвета тиранических режимов в Греции можно считать VII—VI вв. до н. э.

Древнейшая морская битва... произошла у коринфян с керкирянами... — Никаких сведений об этой битве до нашего времени не дошло.

Истм — перешеек, соединяющий Пелопоннес с материком

...прозвали Коринф богатым. — Гомер «Илиада», II, 570

Поликрат правил на о-ве Самос с 530 (по другим сведениям с 565) по 522 г. до н. э. При нем Самос был сильнейшим морским государством в Эгейском море.

Стр. 213. *Пентеконтеры* — 50-весельные суда, более древние, чем *триеры* (в последних благодаря трехрядному устройству помещалось больше гребцов при той же длине корабля).

Война с эгинцами происходила в 506—481 гг. до н. э.

Война халкидян с эретрийцами велась ок. 700 г. до н. э. Халкида и Эретрия — города на о-ве Евбея.

Стр. 214. *Эта война* — Пелопоннесская, см. гл. 1.

Стр. 215. *Гармодий и Аристогитон... убили Гиппарха...* — Это произошло в 514 г. до н. э. Гиппарх, несмотря на то что правителем был его брат Гиппий, играл очень важную роль в Афинах. Сразу после убийства Гармодий был заколот телохранителями Гиппарха, а Аристогитон схвачен и казнен по приказу Гиппия. Тирания Гиппия была уничтожена 4 года спустя, но Гармодий и Аристогитон тем не менее получили название «тираноубийц» и им воздавались всяческие почести: им воздвигали статуи, воспевали в гимнах и т. д.

Леокорий — храм трех дев, дочерей афинского героя Леоса, принесенных в жертву отцом, чтобы спасти город от эпидемии.

Панафинейское шествие — часть праздника Великих Панафиней, когда для статуи богини Афины приносилась одежда, вытканная знатнейшими гражданками. В панафинейском шествии участвовал весь город.

Питанатский отряд — то есть отряд из лаконского города Питанаты.

Стр. 216. *Мидийская война* — то есть греко-персидская, описанная Геродотом.

Стр. 217. *Две битвы на море и две на суше* — по-видимому, речь идет о морских битвах при Артамисии и Саламине (обе 480 г. до н. э.) и сухопутные при Фермопилах (480 г. до н. э.) и Платеях (479 г. до н. э.).

 Ионический залив — Адриатическое море.

Иллирийцы — общее название родственных по языку народностей, обитавших на побережье Адриатики (тавлантии, дассареты, далматы, либурны и т. д.). Иллирией называли все восточное побережье Адриатики с примыкающими гористыми местностями.

Стр. 218. *Феаки* — мифическое блаженное племя мореходов, описанное в «Одиссее» Гомера. Феаки жили на о-ве Схермя, который отождествлялся в историческое время с Керкирой.

Стр. 224. *...не нарушите договора...* — Упоминаемый договор был заключен в 445 г. до н. э.

Стр. 227. *...против отпадения Самоса...* — 440—439 гг. до н. э. Самос — остров в Эгейском море.

Стр. 229. *...благоприятное... положение острова Керкиры...* — Власть над островом давала Афинам возможность контролировать торговлю с западом и изолировать пелопоннесцев от Италии и Сицилии.

Стр. 230. *Сиботы* — острова близ Керкиры. Так же называлась и гавань в Феспротии, упоминаемая ниже (гл. 50, 52).

Стр. 232. *Пэан* — торжественное песнопение в честь Аполлона.

Стр. 234. *Потидея* — коринфская колония во Фракии.

Пердикка — царь Македонии (454—413 гг. до н. э.).

Дерда — двоюродный брат Пердикки.

Халкидяне — жители п-ва Халкидика на севере Греции. *Боттиеи* (боттии) — обитатели македонской области Боттия (Боттиея, Боттика).

Стр. 236. *Иолай* — один из членов македонской царской семьи.

Стр. 240. *Мидиец, Варвар* — персидский царь.

Стр. 245. *...другие... имеющие владения где-нибудь на чужбине...* — то есть персы, карфагеняне и т. д.

Стр. 253. *Три естественные гавани* Пирея — Мунихия, Зея и собственно Пирей.

Стр. 254. *Византий* (ныне Стамбул) в описываемое время контролировал одну из двух переправ (наряду с Сестом)

между Европой и Малой Азией и сообщение с Черным морем.

Стр. 257. *Илоты* — государственные рабы в Лаконии, потомки порабощенных лаконцами мессенян. *Периэки* — свободные жители лаконских городов (кроме Спарты), не обладавшие политическим равноправием с жителями самой Спарты. *Фурия, Эфея* — поселки периэков в Мессении. *Ифома* — гора и крепость в Мессении. На Ифоме находилось святилище Зевса. Это восстание (469—468 гг. до н. э.) вошло в историю под названием третьей мессенской войны.

Стр. 258. *Ливиец* — африканец (см. прим. к стр. 147).

Стр. 259. *...поднял восстание против царя Артаксеркса...* — Египет был завоеван персами в 525 г. до н. э. Первое восстание египтян произошло в 485 г. до н. э. при царе Дарии, упоминаемое здесь — двадцатью с лишним годами позднее.

...овладели рекой... — В 459 г. до н. э.

Эпидаврийцы — жители города Эпидавра в греческой области Арголида. Война афинян с коринфянами, эпидаврийцами и эгинцами началась из-за того, что афиняне держали сторону Мегар в мегаро-коринфском конфликте.

Миронид (ум. ок. 455 г. до н. э.) — известный афинский военачальник, так же как и упоминаемый выше Леократ участвовал в знаменитой битве с персами при Платеях.

Стр. 261. *Сикион* — город в северной части Пелопоннеса.

Стр. 262. *Кимон* (504—449 гг. до н. э.) — известный афинский политический деятель и полководец, прославившийся в греко-персидских войнах.

Стр. 265. *...под командой Фукидида...* — Речь идет не об авторе, а о его тезке.

Стр. 269. *...жил в старину...* — Описываемые ниже события имели место в 636 или 632 г. до н. э. *Килон* был *победителем* Олимпийских игр 640 г. до н. э.

Стр. 270. *Милостивые богини* — Евмениды.

Стр. 271. *Перикл... был причастен к этой скверне...* — По матери он принадлежал к роду Алкмеонидов, изгнанных после заговора Килона: Мегакл, предок Перикла, как раз возглавлял тогда коллегию архонтов, попустительствовавшую святотатству.

Афина Меднодомная — этот эпитет связан с тем, что стены и крыша храма богини были обшиты медными листами.

Гермионская — из города Гермионы на побережье Арголиды.

Стр. 273. *Скитала* — шифровка, писавшаяся на ремне, обернутом вокруг палки. Чтобы прочесть ее, требовалось обернуть ремень вокруг палки такой же длины и толщины.

Стр. 275. *...во искупление святотатства...* — Имеется в виду нарушение священного права неприкосновенности любого, прибегнувшего в храм или к алтарю божества.

Остракизм... — изгнание путем голосования, причем мнение голосовавших писалось на черепках («остракон» по-гречески «черепок»).

Стр. 276. *Молоссы* — племя, обитавшее в Эпире, области на северо-западе Греции.

...когда царь обращался в Афины за помощью... — Какая именно помощь требовалась царю, неизвестно.

...к другому берегу... — Через Фермийский залив в Македонию. Александр I Филэллин, царь Македонии, правил примерно до 445 г. до н. э.

Стр. 277. *Артаксеркс* — персидский царь, вступил на престол в 465—464 гг. до н. э.

Стр. 278. *...изгнан за измену.* — Политические противники Фемистокла обвинили его в проперсидских настроениях. Умер Фемистокл между 467 и 469 гг. до н. э.

Мегарское постановление считалось в афинском народе основной причиной войны. *...укрывают... беглых рабов.* — Это связано со сплетней, что мегарцы укрыли ра-

бынь Аспасии, жены Перикла, которая оказывала на него давление и являлась якобы виновницей войны.

КНИГА ВТОРАЯ

Стр. 284. *...оставалось 4 месяца архонтства...* — Временем вступления новых архонтов в должность и окончания полномочий прежних архонтов было начало месяца гекатомбеона (июль, август).

...в начале ночного сна... — то есть в первой половине ночи.

Леонтиад — фиванский аристократ, убедивший своих сограждан взять сторону персов в греко-персидских войнах.

...союзником беотийцев по заветам отцов... — Являясь союзником Афин, Платея была беотийским городом, Фивы же были главным городом Беотии. Фиванцы призывали, таким образом, платейцев вспомнить об их исконном родстве.

Стр. 288. *Пеллена* — самый восточный из 12 ахейских городов.

Стр. 289. *Локры* — речь идет об опунтских и эпикнемидских, то есть северных локрах, озольские (южные) локры были союзниками Афин.

Стр. 291. *Гостеприимец* (проксен) — так назывались в античной Греции люди, связанные друг с другом проксенией (узами гостеприимства). Проксения предусматривала оказание всевозможной помощи гостю и защиту его от каких бы то ни было обид и гарантировала подобную поддержку у того на родине. Узы гостеприимства считались священными, а нарушение их — святотатством. Человек мог быть проксеном целого полиса, как, например, упоминаемый ниже (гл. 29) Нимфодор. В подобном случае проксен представлял собой нечто близкое современному консулу.

Стр. 292. *Пропилеи* — мраморные ворота, ведущие на афинский акрополь с северо-западной его стороны.

...самой богини... — Афины, покровительницы города.

Стр. 293. *Пританей* — место собрания должностных лиц.

Фесей (Тесей) — знаменитый мифический герой, ему приписывалось объединение аттических общин в единое государство.

Синойкии — букв.: совместные дома.

Каллироя — букв.: прекраснотекущая.

Стр. 294. *Пеларгик* — точное нахождение этого места неизвестно.

Стр. 295. *Эноя* — укрепление на границе Аттики и Беотии, точное местоположение его не установлено.

Элевсин — город в Аттике, в обширной элевсинской равнине, которая была житницей Аттики, и поэтому подверглась разорению в первую очередь. *Фриасийская равнина* — восточная часть элевсинской. *Рейты* — соленые ключи на дороге, соединяющей Афины с Элевсином. *Кропия* — селение в Аттике между горами Парнефом и Эгалеем.

Стр. 298. *Мефона* — город-крепость на юго-западном побережье Пелопоннеса.

Стр. 299. *Фроний, Алопа* — города в Локриде опунтской.

Солнечное затмение — 3 августа 431 г. до н. э.

Проксен — см. прим. к стр. 291. О Ситалке см. Геродот, кн. VII, 137.

Стр. 300. *...женщины... совершили... злодеяние над Итисом.* — Согласно мифу Прокна, дочь Пандиона, желая отомстить своему мужу Терею за насилие над своей сестрой Филомелой, с помощью последней убила собственного сына Итиса и накормила Терея его мясом. Прокна, Терей и Филомела были обращены в ласточку, удода и соловья.

Палереи — жители города Палера в Акарнании.

Палейцы, крании, самеи и проннейцы — от названий городов Пала и Крании в западной, Сама и Пронны в восточной части Кефаллении.

Стр. 301. *...взяли Нисею.* — В 424 г. до н. э.

Стр. 302. *...в красивейшем предместье города.* — Это предместье называлось Керамик.

...воздавали... хвалу законодателю... — Речь идет о Солоне; на самом деле кто ввел этот обычай, неизвестно.

Стр. 310. *...опишу ее проявления...* — Ряд современных медиков считает, что описываемые симптомы напоминают симптомы тифа.

Стр. 314. *Паралийская область* — то есть приморская часть Аттики, Лаврион расположен на самом юге Аттики.

Стр. 320. *...Перикл прожил еще 2½ года.* — Он умер в 429 г. до н. э.

Стр. 321. *...послы лакедемонян... отправились в Азию...* — Об этом см. Геродот, кн. VII, 137.

Стр. 326. *...насыпали возле города вал.* — Вал был одной высоты с городской стеной — 20 м.

Стр. 328. *...около восхода Арктура...* — то есть за несколько дней до осеннего равноденствия.

Стр. 329. *...в пору созревания хлебов...* — в конце мая.

...Немного спустя... — В конце июня — начале июля.

Стр. 330. *Паравеи* так же как *молоссы* и *атинтаны* — эпирское племя. *Фарип* был прапрадедом Александра Македонского по материнской линии.

Стр. 333. *...послали советниками...* — Советники являлись как бы помощниками наварха, занимая при нем подчиненное положение.

Брасид — выдающийся спартанский полководец и политический деятель.

Стр. 339. *...в начале зимы...* — В начале ноября.

КНИГА ПЯТАЯ

Стр. 347. *Годичное перемирие* — с весны 423 г. по весну 422 г. до н. э. *Пифийские игры* справлялись в честь Аполлона в его святилище в Дельфах раз в три года в августе.

Фарнак был сатрапом Геллеспонта.

Клеон — афинский политический деятель, противник Перикла, особенно выдвинувшийся после его смерти. Клеон опирался на беднейшие слои населения и проводил ра-

дикальную антиспартанскую политику, погиб в 422 г. до н. э. Наглость и себялюбие Клеона высмеяны Аристофаном в комедии «Всадники».

Стр. 354. *...погибло... врагов же — только 7...* — Ученые отрицают достоверность этой цифры, считая, что потери пелопоннесцев были гораздо больше и что Фукидид воспользовался в данном случае спартанским официальным отчетом.

Стр. 355. *Никий* (ок. 469—413 гг. до н. э.) — афинский политический деятель, после смерти Перикла занявший должность стратега. Никий был противником Клеона и в отношении Спарты держался умеренно-миролюбивой позиции. Мир, заключенный со Спартой его стараниями в 421 г. до н. э., получил название Никиева, но был непродолжителен.

Стр. 357. *Общие святилища* — дельфийское, истмийское, немейское и олимпийское.

Стр. 358. *...в 24-й день... артемисия... в 26-й день... элафеболиона.* — Это произошло около середины апреля 421 г. до н. э. Артемисий — месяц лаконского календаря, элафеболион — афинского.

Стр. 359. *Непокорные города* — Амфиполь, Коринф, Мегары, а также города Беотии, Фракии и Элиды.

Стр. 361. *...объявить открытую войну.* — Военные действия возобновились в 413 г. до н. э.

Стр. 364. *...в ссоре... из-за города Лепрея.* — Лепрей, хоть и находился в Элиде, но был независим от нее и дружествен Спарте.

Стр. 372. *Алкивиад* (ок. 450—404 гг. до н. э.) — знатный афинянин, талантливый политический деятель и полководец. Движимый личным честолюбием, Алкивиад зачастую проводил авантюристическую политику, и карьера его отмечена множеством разнообразных перипетий. О нем рассказывает в «Греческой истории» Ксенофонт.

Стр. 376. *«Восемьдесят»* — функции их, так же как и *артинов*, нам неизвестны.

«Шестьсот» — речь идет о Совете Шестисот. *Великие Панафинеи* — то есть великие всеафинские празднества в честь богини Афины были главным афинским праздником, справлявшимся раз в четыре года (в третий год каждой Олимпиады).

Лакедемонян... не допустили... — Речь идет о лакедемонской феории — официальной делегации. Частные лица могли присутствовать на состязаниях.

Стр. 379. *...кому это сооружение могло принести вред...* — Укрепление Рия принесло бы Афинам господство над входом в Коринфский залив.

Храм Аполлона Пифаеского находился на побережье Аргосского залива в г. Асине.

Карней примерно соответствовал августу.

Стр. 386. *Он передает... полемархам, те — лохагам...* — В подчинении у полемарха (начальника моры) было 4 лохага, 8 пентеконтеров и 16 эномотархов.

Скириты — один из лохов, всегда стоявший на левом фланге.

Стр. 393. *...велел закрыть ворота.* — Таким образом Демосфен овладел крепостью.

Гимнопедии — летний праздник в Спарте с плясками и гимнастическими состязаниями.

Стр. 395. *...в кругу властей...* — То есть в совете.

...сказали следующее... — Диалог афинян с мелосцами вымышлен.

КСЕНОФОНТ • ГРЕЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

КНИГА ПЕРВАЯ

Стр. 405. *Через несколько дней после этого...* — Ксенофонт начинает свой труд с событий, на которых остановился Фукидид (см. об этом во вступ. статье), однако можно предполагать, что самое начало книги Ксенофонта утрачено, так как никакой ссылки на Фукидида у него нет, да и сам ход событий прерывается.

...в начале зимы... — Осенью 411 г. до н. э.

Миндар — спартанский полководец.

Фарнабаз — перс, принимавший деятельное участие в Пелопоннесской войне.

Стр. 406. *Тиссаферн* — персидский сатрап, командовавший персидскими войсками в Малой Азии, соперник Фарнабаза.

Эпактрида — небольшое судно для береговой службы.

Ферамен — афинский полководец и политический деятель.

Фрасибул — афинский полководец, противник Алкивиада.

...убрав большие паруса... — Они затрудняли маневрирование и перед боем снимались.

Стр. 407. *Эпистолей* — помощник командующего флотом.

Стр. 408. *Евергет* по-гречески «благодетель».

Гермократ — знаменитый сиракузский полководец.

Стр. 409. *Гармост* — в данном случае наместник Спарты.

Стр. 410. *...в начале лета...* — То есть в начале апреля.

Трофей — памятный знак, ставившийся на месте обращения в бегство врага. Представлял собой ствол или шест, увешанный захваченным у врагов оружием или — после морской битвы — носами вражеских кораблей.

...на помощь Артемиде. — То есть на защиту храма этой богини. Храм Артемиды в Эфесе, сожженный в 356 г. до н. э. Герострáтом, считался в древности одним из семи чудес света.

Стр. 412. *В следующем году...* — В 409/408 г. до н. э.

...заложили... имущество у соседей... — То есть ввиду опасности переправили все имущество в соседнее союзное государство.

...от моря до моря... — От Босфора до Пропонтиды.

Стр. 414. *Фракийское поле* — большая площадь в Византии.

Кир — персидский царевич, сын Дария и брат Артаксеркса. Ксенофонт принял участие в его походе, имевшем целью свержение Артаксеркса и захват престола. Об этом предприятии Ксенофонт рассказывает в своем «Анабасисе».

Стр. 415. *Изгнанный Алкивиад* — неточность: постановление об изгнании Алкивиада из Афин было отменено еще в 411 г. до н. э.

Плинтерии — от греческого слова plinō — «мою», праздник в честь Афины, когда обмывалась ее статуя. Справлялся в июне.

Стр. 416. *...рабом своих злейших врагов...* — То есть сотрудничал со спартанцами и персами.

Стр. 417. *...совершать... процессию мистерий...* — Речь идет об Элевсинских мистериях, ежегодных празднествах в честь богинь Деметры и Персефоны, справлявшихся в центре их культа городе Элевсине, куда из Афин двигалась в праздничные дни торжественная процессия.

Лисандр (умер в 395 г. до н. э.) — знаменитый спартанский полководец, чье искусство во многом способствовало успеху спартанцев на заключительном этапе Пелопоннесской войны.

...о поведении Тиссаферна... — То есть о его двурушнической политике в отношении афинян и спартанцев.

Стр. 419. *На следующий год...* — 406/405 гг. до н. э. Лунное затмение произошло 15 апреля 405 г. до н. э.

Стр. 423. *...как свободных, так и рабов.* — Призыв рабов на военную службу был редкостным случаем. В награду им давали свободу и гражданские права.

...особым маневром... — Маневр (diekplous) состоял в прорыве неприятельского строя, при этом у вражеских судов обрубались весла и повреждались борта.

Стр. 425. *...все стратеги... были устранены...* — Им вменялось в вину то, что они не погребли погибших и не оказали помощь тонущим.

Диобелия — часть государственной казны, деньги, расходовавшиеся на раздачу неимущим с тем, чтобы те могли платить за вход в театр.

Стр. 426. *Апатурии* — «праздник рода», когда собирались вместе члены родовых фратрий и в их списки вносились новорожденные.

Стр. 426—427. *Коллегия одиннадцати* ведала тюрьмами и исполнением приговоров.

Стр. 427. *Противозаконное предложение* заключалось в том, что одним голосованием осуждалось несколько человек, тогда как упоминаемое ниже Канноново постановление предписывало рассматривать каждое обвинение отдельно.

Перикл — тезка знаменитого стратега.

Стр. 428. *Барафр* — пропасть на окраине Афин, куда бросали приговоренных к смерти.

КНИГА ВТОРАЯ

Стр. 432. *Этеоник* — спартанский полководец.

Стр. 433. *Прошло уже двадцать пять лет...* — На самом деле 26. В следующем абзаце еще одна неточность. Дарий (Дарией) был сыном не Ксеркса, а Артаксеркса. Ряд ученых считает все это место до слов: «ссылаясь на свою болезнь» — позднейшей вставкой.

На следующий год — 405/404 г. до н. э.

Стр. 436. *«Паралия»* — одно из двух афинских судов (второе называлось «Саламиния»), служивших в торжественных и официальных случаях: для перевозки послов, праздничных процессий и т. д.

...афинское дело... проиграно... — Поражение при Эгоспотамах было одной из величайших неудач афинян в Пелопоннесской войне.

Евагор — правитель о-ва Кипр.

...послал... пирата Феопомпа... — Вероятно, потому, что пиратские суда были очень быстрыми.

Стр. 437. *...подвергли... мелийцев... гистиейцев...* — См. обо всем этом у Фукидида: о расправе с мелийцами (жителями Мелоса), скионейцами и торонейцами — кн. V, 116, 3 и 32, о гистиейцах (о-в Евбея) — кн. I, 114, о жителях Эгины — кн. II, 27.

Стр. 438. *Академия* — участок близ Афин, посвященный мифическому герою Академу, где находился гимна-

сий — место для физических упражнений. В Академии учил знаменитый философ Платон, отсюда значение этого слова в новых языках.

В Селласии, городе [вблизи] Лаконии... — Слово «вблизи» является позднейшей ошибочной вставкой: Селласия находилась в самой Лаконии.

Стр. 439. *...великая опасность...* — Имеется в виду нашествие персов.

Стр. 440. *В следующем году...* — 404/403 г. до н. э.

...избрать тридцать человек... — Это означало, по сути, возвращение к додемократическому олигархическому строю. Избранные лица получили прозвание «тридцати тиранов», избрание это было подготовлено лаконскими властями. Правление «тридцати тиранов» продолжалось всего около года, после чего были восстановлены демократические порядки.

Стр. 441. *Акротерии* — украшения на носах кораблей.

...28 лет с начала войны... — Это место представляет собой позднейшую вставку. Война продолжалась до описываемого момента 27,5 лет. Если же считать вслед за Ксенофонтом окончанием войны свержение «тридцати тиранов» и восстановление демократии, то она шла 28,5 лет.

Стр. 442. *Сикофанты* — профессиональные доносчики, *добрые граждане* — аристократы.

Критий (погиб в 403 г. до н. э.) занимал самое видное место среди «тридцати тиранов». Он был образованным человеком, поэтом и оратором, но отличался чрезвычайной жестокостью, чем возбудил против себя всеобщую ненависть.

Стр. 446. *...в... битве близ Лесбоса.* — То есть при Аргинусах (см. кн. I, 7).

Стр. 447. *Пенесты* — крепостные в Фессалии.

Леонт Саламинец — афинский наварх, казненный без суда по распоряжению «тридцати».

Стр. 448. *Фрасибул* (см. прим. к стр. 406) и *Анит*, будущий обвинитель знаменитого философа Сократа, изгнанные «тридцатью», руководили восстанием против них и по-

сле свержения «тридцати» играли центральные роли в афинском руководстве.

Стр. 451. *Коттаб* — игра заключалась в том, что вино переливали из одной чаши в другую, находящуюся на расстоянии. Главной задачей было не разбрызгать его и лить ровной струей, чтобы раздался звонкий плеск. При этом произносилось имя любимой или любимого.

Стр. 452. *Одеон* — общественное здание для слушания музыки и декламации.

Стр. 453. *...открыто класть свой камешек.* — То есть голосовать не закрыто, когда камешки бросались в урну, а открыто.

Бендидий — храм Артемиды Бендиды.

Стр. 455. *Глашатай мистов* — почетная должность в Элевсинских мистериях.

Стр. 456. *Эксонейцы* — жители Эксоны, прибрежного аттического дема.

Стр. 457. *Галипед* — местность между Афинами и Пиреем.

Тихая гавань — часть Пирейской.

КНИГА СЕДЬМАЯ

Стр. 461. *В следующем году* — 369/368 г. до н. э. На самом деле описываемые события охватывали и конец 370/369 г. до н. э.

Ваш совет уже дал... — Предложения, вносившиеся в народное собрание, предварительно рассматривались советом.

Стр. 463. *Кефисодот* — известный афинский оратор.

Стр. 465. *...вернулись на родину...* — В сентябре 369 г. до н. э.

Стр. 466. *...обращаются к аркадянам.* — Аркадяне часто служили наемниками в войсках других государств.

Стр. 469. *Панкратий* — вид спорта, сочетающий приемы борьбы и кулачного боя.

Стр. 471. *...Эпаминонд... решил отправиться... на Ахайю.* — Описанные ниже события развернулись в 367 г. до н. э.

Стр. 475. *На следующий год* — 368 г. до н. э.

Был и еще поход на Флиунт — в 367 г. до н. э.

Стр. 481—482. *...похоронили... на агоре...* — Это считалось великой честью.

Стр. 484. *Приблизительно в это же время* — конец 366 г. — начало 365 г. до н. э.

Стр. 485. *Акрорейцы* — жители горной местности на севере Элиды.

Кроний — холм, посвященный богу Крону, отцу Зевса.

Стр. 487. *Эпариты* — отборное войско аркадского союза.

Стр. 488. *Олимпийский год* — 364/363 г. до н. э., когда праздновались 104 Олимпийские игры.

Стр. 489. *Пентатл* — род пятиборья, включавшего в себя бег на четыре различные дистанции и кулачный бой. Победителем становился одержавший наибольшее число побед.

Альтии — священный участок Зевса.

Стр. 492. *...выступил в поход Эпаминоид...* — 362 г. до н. э.

Стр. 494. *«Победители лакедемонян»* — в битве при Левктрах (371 г. до н. э.).

Стр. 495. *...перенесла поражение под Коринфом...* — О какой битве здесь речь, неизвестно.

Стр. 496. *...дал приказ готовиться к битве...* — Битва произошла 5 июля 362 г. до н. э.

КВИНТ КУРЦИЙ РУФ • ИСТОРИЯ АЛЕКСАНДРА МАКЕДОНСКОГО

Первые две книги «Истории Александра» не сохранились.

Даты жизни Александра Македонского — 356—323 гг. до н. э.

КНИГА III (I)

Стр. 502. *Дарий* — персидский царь Дарий III Кодоман (336—330 гг. до н. э.)

Стр. 536. *Квинкверема* — судно с пятью рядами весел. Руф здесь и далее использует латинские, а не греческие термины.

Квадрирема — судно с четырьмя рядами весел.

Стр. 547. *...дойти до храма Юпитера...* — Речь идет о египетском боге Аммоне. Руф называет его именем римского верховного божества.

Троглодиты — пещерные жители, дикари.

Стр. 552. *Арбелы* — город на территории нынешнего северного Ирака, битва при Арбелах произошла 1 октября 331 г. до н. э.

Абанты — ионийское племя на о-ве Евбее (Эвбея).

Абарнида — мыс у города Лампсака, на азиатском берегу Геллеспонта.

Абдеры — город во Фракии.

Абидос — город на проливе Геллеспонт.

Авлида — город в греческой области Беотия.

Агора — город на п-ве Херсонес Фракийский.

Агреи — этолийское племя.

Агрианы — племя во Фракии.

Агригент (Акрагант, совр. Агридженто) — город в Сицилии.

Аканф — фракийский город на п-ве Халкидика.

Аканфское море — часть Средиземного.

Акарнания — область на западном побережье Средней Греции.

Акбатаны — город Мидии, столица древнемидийского царства.

Акрагант — см. Агригент.

Акрофоон — город на горе Афон.

Аксий — река во Фракии (совр. Вардар).

Актий — мыс в Акарнании.

Алмопия — часть Македонии.

Алопа — город в области, где обитало племя локров опунтских (на побережье против о-ва Евбея).

Амиклы — город в Лаконии.

Ампракия — коринфская колония в Эпире (северо-западная Греция).

Амфилохия — область Акарнании.

Амфиполь — город на фракийском побережье.

Андрос — один из Кикладских островов.

Анактории — город в Акарнании.

Анап — река Акарнании.

Анфемунт — область Македонии.

Анфена — город в области Кинурия на п-ве Пелопоннес.
Аполлония — город в Иллирии, в Ионийском заливе. Колония коринфян.
Аравия — область в Азии.
Аракс — река в Азии.
Аргил — греческий город во Фракии в совр. заливе Орфани.
Аргинусы — о-ва между о-вом Лесбос и материком.
Арголида — область Пелопоннеса.
Аргос — 1. Столица Арголиды. 2. Город в Амфилохии.
Аркадия — горная область на севере Пелопоннеса.
Артемисий — мыс, северная оконечность о-ва Евбея.
Асея — место на юге Аркадии.
Асоп — 1. Река в греческой области Беотия. 2. Река в Пелопоннесе.
Астак — город в Акарнании.
Аталанта — остров у берегов опунтской Локриды.
Атрамиттий — город в малоазийской области Мисии.
Аттика — область Греции с главным городом Афинами.
Афитий — город на п-ве Паллена в Халкидике.
Афон — гора на Халкидике.
Ахайя — область Пелопоннеса.
Ахарны — город в 60 стадиях к северу от Афин.
Ахелой — река в Акарнании, самая большая река Греции.
Ахеронт — река в области Феспротия.

Белая стена — укрепления Мемфиса в Египте.
Беотия — область в Средней Греции.
Беroя — город Македонии.
Бибасс — город в Карии.
Бисальтия — область во Фракии.
Бистонида (совр. Буру) — озеро в Македонии.
Болба — в македонской области Мигдония.
Борисфен — 1. Город Скифии, совр. Николаев. 2. Река Скифии, совр. Днепр.
Боспор Киммерийский — совр. Керченский пролив.
Боспор Фракийский — пролив Босфор, соединяющий Черное море (Евксинский Понт) с Мраморным (Пропонтидой).
Боттиеида (Боттия, Боттиея, Боттика) — область на севере Греции, граничащая с Македонией.

Бриллес (Пентеликон) — горный хребет в Аттике, знаменитый добываемым там мрамором.
Брикиннии — крепость в Сицилии у города Леонтины.
Будор — крепость на северо-западной оконечности о-ва Саламин.

Вавилон — город на р. Евфрате, столица нововавилонского царства.
Византий (позднее Константинополь, совр. Стамбул) — город на Босфоре.
Вифиния — страна в Малой Азии.

Галиакмон — река в Македонии.
Галиеи — город в Аргосском заливе.
Галикарнасс — город в Карии, родина Геродота.
Галис — река в Малой Азии, с юга ограничивавшая Лидию.
Гебр (совр. Марица) — река во Фракии.
Гела — город в Сицилии, то же название носила одна из сицилийских рек.
Геллеспонт («море Геллы») — совр. пролив Дарданеллы.
Гем — горная цепь на севере Фракии.
Герания — горная цепь в Греции.
Гереон — мыс близ Коринфа.
Герея — город в Аркадии.
Гермиона — город в Арголиде.
Гестиея — город на о-ве Евбея.
Гибла — город в Сицилии.
Гигон — город в Македонии.
Гиела (Элея) — город в Энотрии (южная Италия), знаменитый своей философской школой.
Гонн — город в Македонии.
Гортина — город на о. Крите.
Гортиния — город в Македонии.
Грайская земля — область в Аттике.
Грестония — область в Македонии.

Давлия — город Фокиды.
Дардан — город на Геллеспонте.
Девять Путей (Эннеагодой) — местность на реке Стримоне.
Делос — священный остров Аполлона и Артемиды, один из Кикладских островов в Эгейском море.

Дельфы — город в области Фокида у горы Парнас, центр культа Аполлона.
Дидимы — местность в окрестностях Милета с знаменитым оракулом Аполлона.
Дикея — город во Фракии.
Дима — город в Пелопоннесе.
Дион — город на горе Афон.
Додона — город в Эпире со знаменитым святилищем и оракулом Зевса.
Долопия — область в Фессалии.
Дорида — область в Средней Греции.
Дриопида — более древнее название Дориды.
Драбеск — город фракийского племени эдонян.

Евбея — 1. Город в Сицилии. 2. Остров у побережья Беотии и Аттики.
Евен — река в Этолии.
Евксинский Понт («гостеприимное море») — Черное море.
Евримедонт — река в малоазийской области Памфилии.
Европ — город в Македонии.

Закинф — остров в Ионическом море.
Занкла (совр. Мессина) — город в Сицилии.
Зона — город на о-ве Самофракии.

Иапигия — часть италийской области Калабрия.
Иберия — страна на территории совр. Испании.
Ида — гора в Троянской области на Геллеспонте.
Илион (Троя) — город и область на азиатском берегу Геллеспонта.
Иллирия — страна к западу от Македонии.
Иония — западное побережье Малой Азии.
Ис — город и река в Вавилонии.
Исмарида — озеро во Фракии.
Истм — Коринфский перешеек.
Истр — река Дунай.
Ифома — город в пелопоннесской области Мессении.

Кавн — город в Карии.
Калинда — город на границе Ликии и Карии.

Каппадокия — область на востоке Малой Азии на границе с Фригией.

Кария — крайняя юго-западная часть Малой Азии.

Кастол — город в Лидии.

Катана — город в Сицилии.

Керкира (совр. Корфу) — остров у берегов Эпира, в Ионическом море.

Кефалления — остров в Ионическом море.

Киклады — острова в Эгейском море.

Киллена — город в Элиде.

Киноссема — мыс Херсонеса Фракийского.

Кинурия — область между Арголидой и Лаконией.

Кирена (Киренаика) — страна на северном побережье Африки и главный город ее.

Коринф — город на Коринфском перешейке, один из важнейших городов Греции.

Коронея — город в Беотии.

Крании — город на о-ве Кефалления.

Крисейский залив — часть Коринфского залива.

Крит — остров в Эгейском море.

Ксанф — река и город в малоазийской области Ликии.

Лаврий — гора в Аттике с серебряными рудниками.

Лакедемон (Лакония, Лаконика) — область в Пелопоннесе с главным городом Спартой, Лакедемоном называли и саму Спарту.

Лампсак — город на азиатском берегу Геллеспонта.

Ларисы — эолийский город.

Ласий — город на границе Аркадии и Элиды.

Левкада (совр. Лефкас) — остров в Ионическом море.

Левкимма (Левкимна) — южная оконечность Керкиры.

Левктры — город в Беотии.

Лемнос — остров в Эгейском море.

Леонтины — греческая колония в Сицилии.

Лесбос — остров в Эгейском море.

Ливия — греческое название Африки.

Лидий — река на границе Македонии и Боттиеи.

Лидия — область и царство в Малой Азии.

Ликия — область в Малой Азии между Карией и Памфилией.

Локрида Озольская — область на северном побережье Коринфского залива.

Локрида Опунтская — область на южном побережье Евбейского залива.

Локрида Эпизефирская — область в Италии.

Магнесия — 1. Город в Карии. 2. Область в Фессалии.

Малая Азия — самый западный полуостров Азии, омываемый Черным, Эгейским и Средиземным морями, там жило множество племен и существовало много различных монархий. В VI—IV вв. до н. э. Малая Азия находилась под властью Персии, позднее была завоевана Александром Македонским, еще позже вошла в состав Римской империи.

Малея — юго-восточная оконечность Пелопоннеса.

Мантинея — город в Аркадии.

Марафон — селение на восточном побережье Аттики.

Мегарида — область между Пелопоннесом и Аттикой с главным городом *Мегарами*.

Мегары гиблейские — город в Сицилии.

Мекиберна — город во Фракии.

Мелас — залив в Геллеспонте и река, в него впадающая.

Мелос — остров в Эгейском море.

Мемфис — город в Египте.

Меналия — часть Аркадии.

Меотида — Азовское море.

Мессена (Мессина) — город Сицилии.

Мефимна — город на Лесбосе.

Мефона — город в Лаконии.

Мигдония — область Македонии.

Мидия — область между Каспийским морем и Месопотамией.

Микены — город в Арголиде.

Микала — гора и мыс между Эфесом и Милетом.

Милет — город в Ионии, в Малой Азии, в устье реки Меандра, крупный культурный и промышленный центр.

Мисия — область Малой Азии.

Миунт — город и гавань на Меандре, северо-восточнее Милета.

Моликрей — город в Этолии, точное расположение неизвестно.

Молоссы — эпирское племя.

Навпакт — город на побережье Коринфского залива.

Наксос — 1. Город на восточном побережье Сицилии. 2. Крупнейший из Кикладских островов.

Наше море — Средиземное.

Неаполь — город на п-ве Паллене.

Немея — город в Арголиде.

Нисей — равнина в Мидии, знаменитая коневодством.

Нисея — гавань Мегар.

Обители Керкопов — местность близ Фермопил.

Океан — в представлениях античности река, окружающая всю сушу.

Олен — город в Пелопоннесе.

Олимп — гора в Фессалии.

Олимп Мисийский — гора на северо-востоке Малой Азии.

Олимпия — город в Элиде.

Олинф — город на побережье залива Паллены.

Онохон — река в Фессалии.

Опида (Опис) — город в Вавилонии.

Опунт — город в Локриде.

Ороп — крепость в Аттике на границе с Беотией.

Орхомен — 1. Город в Аркадии. 2. Город в Беотии.

Офриней — 1. Город в Троаде. 2. Гора на юге Фессалии.

Паллена — западная часть Халкидики.

Памфилия — область Малой Азии.

Панакт — крепость в Аттике.

Панорм — 1. Город Ахеи. 2. Гавань Милета.

Парос — один из Кикладских островов.

Патары — город в малоазийской области Ликии.

Патры — ахейский город.

Парнеф — горный хребет на северо-востоке Аттики.

Пафлагония — область в Малой Азии, на южном побережье Черного моря, покоренная Крезом.

Пафос — город на о. Кипре.

Пелион — гора в Фессалии.

Пелла — город на севере Греции.

Пеллена — город в Пелопоннесе.

Пеней — река в Фессалии.
Персида (Персия) — область к востоку от совр. Персидского залива.
Пиерия — область Македонии.
Пилос — город в Мессении и город в Элиде.
Пинд — горный кряж на севере Греции.
Писа — город в Элиде.
Питана — 1. Город в Мисии. 2. Селение в Лаконике.
Платеи — город в Беотии.
Понт — см. Евксинский Понт.
Потидея — город в Паллене.
Прасии — город в Лаконике.
Пропонтида — Мраморное море.
Просопитида — остров в дельте Нила.
Птерия — укрепление Каппадокии.

Регий — город в южной Италии.
Родопы — горный хребет между Македонией и Фракией.
Родос — остров в Эгейском море.

Саламин — остров у берегов Аттики.
Самос — остров в Эгейском море.
Сарды — столица лидийского царства.
Селимбрия — город на северном побережье Мраморного моря.
Селинунт — город в Сицилии.
Сест — город на Геллеспонте, в одном из наиболее узких мест Херсонеса.
Сиботы — 1. О-ва близ Керкиры. 2. Название гавани в Фесротии.
Сикания — древнее название Сицилии.
Сикелия — Сицилия.
Сикион — город к западу от Коринфа.
Сиракусы (Сиракузы) — богатый город на Сицилии.
Сирия — страна у северо-восточного побережья Средиземного моря, затем вся область до р. Тигра на западе, Киликии и Армянских гор на севере и Аравийской пустыни на юге. Сирийцами первоначально называли лишь племена, обитавшие на Черноморском побережье Каппадокии, затем племена восточного побережья Средиземного

моря. *Сирийцы палестинские*, по-видимому, тождественны семитскому племени халибов.

Скамандр — река в Троаде, в Малой Азии.

Скиона — мыс на Паллене.

Скиритида — область Лаконии.

Скирос — один из Спорадских островов в Эгейском море.

Скифия — область по нижнему течению Истра и к северу от Черного и Каспийского морей. Племя скифов иранского происхождения.

Соллий — город Акарнании.

Смила — город во Фракии.

Смирна — город в Ионии.

Согдиана — округ Персии.

Спарта (Лакедемон) — один из важнейших городов Греции, столица Лаконии.

Сперхей — река в Фессалии.

Стимфал — город в Аркадии.

Стратос — город в Акарнании.

Стримон — река во Фракии.

Сусы (Сузы) — город на р. Хоаспе, одна из резиденций персидских царей.

Тавлантии — племя, обитавшее в Иллирии.

Танагра — город в Беотии.

Тарант (Тарент) — греческая колония в южной Италии.

Тартесс — город к западу от Гибралтара.

Тегея — город в Аркадии.

Телос — остров у побережья Малой Азии.

Темнос — город на р. Герме.

Темпейская долина (Темпе) — узкий проход между Фессалией и Македонией.

Тенедос — остров в Эгейском море, у берегов Малой Азии.

Теос — город в Ионии.

Тир — город в Финикии, крупный торговый центр.

Тирсения (Тиррения) — область в Италии. Тирсенами греки называли этрусков.

Трахин — город в Фессалии у горы Эты.

Трезен — город и область в Арголиде.

Тринакрия — одно из названий Сицилии.

Троада (Троянская или Илионская) область в Малой Азии.

Троя — город в Малой Азии, центр области Троады.

Фасис (совр. **Риони**) — река в Колхиде, на территории Грузии.

Фарос — остров на Ниле в Египте.

Фасос — остров у берегов Фракии.

Ферма — город на месте современных Салоник в Греции.

Фермопилы — горный проход из Средней Греции в Фессалию.

Феспии — город в южной части Беотии.

Феспротия — часть греческой области Эпир.

Фессалия — восточная часть северной Греции, делилась на области: Фтиотида, Фессалиотида, Пеласгиотида, Магнесия и Гестиея.

Фиамис — река в Эпире.

Фивы — 1. Главный город Беотии. 2. Город в Египте.

Финикия — страна в Малой Азии с главными городами Сидоном и Тиром. Финикийцы были искусными мореходами и активно занимались торговлей.

Фиска — город в центральной Македонии.

Флиунт — город в северном Пелопоннесе.

Фокея — один из крупнейших торговых городов Малой Азии.

Фокида — область в Средней Греции.

Форик — селение в южной части Аттики.

Фравст — местность в Элиде.

Фракия — область северной Греции, пограничная со Скифией и Македонией.

Фригии — местечко в нескольких километрах к северо-востоку от Афин.

Фригия — область в Малой Азии, между Лидией и Каппадокией.

Фроний — город в Локриде Опунтской.

Фтиотида — южная часть Фессалии.

Халестра — город в Македонии.

Халкида — 1. Город на о-ве Евбея. 2. Город в Этолии.

Халкидика — полуостров на севере Греции, во Фракии.

Херонея — город в Беотии.

Херсонес — «полуостров», такое название имели в античности многие места. Наиболее известные: Херсонес — местность в Карии у г. Бибасса, город Херсонес Коринфский, Херсонес Таврический — Крымское побережье;

Херсонес Фракийский — полуостров между Геллеспонтом и Фракийским морем (северная часть Эгейского моря с Сарросским заливом), ныне Галлипольский полуостров. Как правило, под Херсонесом античные историки имеют в виду именно Херсонес Фракийский.

Хиос — один из спорадских островов в Эгейском море.

Хитры («горшки») — горячие источники в Фермопильском проходе.

Хоасп (совр. Керха) — река в Мидии.

Хрисополь — город в Вифинии.

Эвен — река в Этолии.

Эга — город на п-ве Паллена.

Эгейра — город в Пелопоннесе.

Эги — город в Пелопоннесе.

Эгина (Энона) — остров в Сароническом заливе.

Эгира — город в Пелопоннесе.

Эгироесса — город в Малой Азии.

Эгоспотамы («козьи речки») — речка на Херсонесе Фракийском, впадающая в Геллеспонт.

Эдоняне — фракийское племя.

Элевсин — город в Аттике, центр культа Деметры и Персефоны, где в их честь справлялись знаменитые Элевсинские мистерии.

Элида (Элея) — западная прибрежная часть Пелопоннеса.

Энея — город в Македонии.

Энотрия — греческое название южноиталийских областей Лукании и Бруттия.

Энусские острова — группа островков близ Хиоса.

Эолита — древнее название Фессалии.

Эолия — часть побережья Малой Азии.

Эпидавр — город в Пелопоннесе в области Арголида.

Эпидамн — город на побережье Ионического моря в совр. Албании.

Эпир — западная часть северной Греции, граничащая на Западе с Ионическим морем, на востоке с Фессалией.

Эта — гора в Фессалии.

Этолия — горная область на западе Греции, севернее Патрасского залива (совр. залив Патраикос).

Эя (Эйя) — город в Колхиде, в устье Фасиса.

Эхинады — острова в устье реки Ахелой.

Апелла — народное собрание в Спарте.

Архонт — высшее должностное лицо в Афинах, именем первого из архонтов (*архонта — эпонима*) назывался год.

Беотархи — высшие должностные лица в Беотии.

Гармост — спартанский наместник в подвластных Спарте городах.

Герусия — совет старейшин в Спарте.

Гетерии — политические организации в Афинах.

Гоплиты — тяжеловооруженные воины.

Дем — округ в Аттике.

Евмолпиды — один из жреческих родов в Афинах.

Илоты — государственные крепостные в Спарте.

Исономия — равноправие, равенство перед законом.

Канефора — девушка, несущая на голове корзину со священной утварью во время праздничных жертвоприношений.

Келевсты — начальники гребцов, отбивавшие для них такт.

Керики — один из жреческих родов в Афинах.

Ксенаг — командующий войсками иноземных наемников.

Ктисты — основатели колонии.

Литургии — общественные повинности, налагаемые на состоятельных граждан в Афинах.

Лох — подразделение спартанского войска численностью в 100 человек.

Лохаг — начальник лоха.

Метэки — иностранцы, жившие в Афинах и платившие за право проживания специальный налог

Мора — в спартанском войске пехотное подразделение численностью от 400 до 900 человек.

Наварх — командующий флотом.

Неодамоды — илоты (см.), получившие свободу, но не имеющие равных политических прав со спартанскими гражданами.

Номофеты (законоположники) — выборная комиссия в Афинах по пересмотру законов.

Олимпиада — четырехлетний промежуток между играми, проводившимися в честь Зевса в городе Олимпии. По Олимпиадам велось летосчисление.

Пелтасты (пельтофоры) — легковооруженные пехотинцы.

Пентеконтер — в Спарте командир отряда в 50 человек.

Пентеконтера — пятидесятивесельное судно.

Периполы — наемные солдаты в пограничных частях Аттики.

Периэки — жители лаконских городов (кроме самой Спарты), свободные, но не равноправные со спартиатами.

Полемарх — букв.: военачальник, в Спарте командир моры.

Полис — античное город-государство.

Притан — член особой коллегии пританов в Афинах, которые председательствовали по очереди в *Совете Пятисот*, афинском законодательном органе.

Пританей — общественное здание в Афинах, где заседали пританы и где за государственный счет

кормили послов и лиц, оказавших какие-либо услуги государству.

Пробулы — в Афинах комиссия, рассматривавшая дела перед вынесением их в Народное Собрание.

Проксения — обычай взаимного гостеприимства, которое оказывали друг другу жители различных полисов. Гость пользовался всяческой защитой и покровительством своего гостеприимца *(проксена)*. Человек мог быть проксеном целого государства, то есть оказывать покровительство его гражданам у себя на родине, взамен получая от этого государства те или иные привилегии.

Псефисма — постановление, декрет.

Синедры — член совета.

Стратег — военачальник, в Афинах член комиссии 10 стратегов, обладавшей высшей исполнительной властью.

Триера — судно с тремя рядами гребцов.

Триерарх — командир триеры; в Афинах лицо, на свой счет снаряжающее триеру.

Триерархия — один из видов литургии (см.) в Афинах, снаряжение триеры за свой счет.

Феор — полномочный представитель государства.

Феты — низшее сословие в Афинах, обязанное служить во флоте гребцами.

Фесмофилаки — «блюстители законов».

Филы — территориальное деление Аттики.

Форос — дань, взимаемая Афинами с подвластных им городов.

Экклеты — члены народного собрания — экклесии — в Спарте.

Эномотарх — начальник *эномотии*, мелкого — в 25 человек — подразделения спартанского войска.

Эпибаты — морская пехота.

Эпоним — лицо, именем которого что-либо названо.

Эфор — в Спарте член коллегии из 5 эфоров, контролировавшей все государственные учреждения в Спарте.

ГРЕЧЕСКИЕ МЕРЫ ДЛИНЫ И ВЕСА

Дактиль — 18,5 мм.
Плефр — 29,6 м.
Стадий аттический — 177,6 м.
Стадий олимпийский — 192,27 м.
Статер золотой (дарик) — 8,4 г.
Мина аттическая — 341,2 г.
Драхма — 4,366 г
Талант серебряный (аттический) — 26,196 кг.
Котила — 0,274 л.
Обол — 1/6 драхмы — 0,728 г.

НАЗВАНИЯ АФИНСКИХ МЕСЯЦЕВ

1. *Гекатомбэон* — июль — август, в Спарте — карней.
2. *Метагитнион* — август — сентябрь.
3. *Боедромион* — сентябрь — октябрь.
4. *Пианепсион* — октябрь — ноябрь.
5. *Маймактерион* — ноябрь — декабрь.
6. *Посидеон* — декабрь — январь.
7. *Гамелион* — январь — февраль.
8. *Анфестерион* — февраль — март
9. *Элафеболион* — март — апрель, в Спарте — гиакинфий.
10. *Мунихион* — апрель — май.
11. *Фаргелион* — май — июнь.
12. *Скирофорион* — июнь — июль.

Афинский год начинался 22 июня, после летнего солнцестояния.

СОДЕРЖАНИЕ

М. ТОМАШЕВСКАЯ
Историческая проза античности
5

ГЕРОДОТ • ИСТОРИЯ
Перевод Г. Стратановского под редакцией Н. Мещерского
КНИГА ПЕРВАЯ • КЛИО
33
КНИГА СЕДЬМАЯ • ПОЛИГИМНИЯ
121

ФУКИДИД • ИСТОРИЯ
Перевод Г. Стратановского
КНИГА ПЕРВАЯ
205
КНИГА ВТОРАЯ
284
КНИГА ПЯТАЯ
347

КСЕНОФОНТ • ГРЕЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ
Перевод С. Лурье
КНИГА ПЕРВАЯ
405

КНИГА ВТОРАЯ

432

КНИГА СЕДЬМАЯ

461

ПРИЛОЖЕНИЕ

КВИНТ КУРЦИЙ РУФ • ИСТОРИЯ АЛЕКСАНДРА МАКЕДОНСКОГО

Перевод с латинского

КНИГА III (I)

Перевод К. Морозовой под редакцией В. Соколова

501

КНИГА IV

Перевод В. Соколова

527

ПРИМЕЧАНИЯ

575

СЛОВАРЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

606

СЛОВАРЬ ГРЕЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ

617

Историки античности: В двух томах. Том пер-
И 90 вый. Древняя Греция: Пер. с древнегреч. / Сост., вступ. ст. и примеч. М. Томашевской; Ил. С. Крестовского.— М.: Правда, 1989.—624 с., ил.

Исторические сочинения в античности не выделялись из сферы художественной литературы. Писатели, представленные в настоящем двухтомнике, стояли у истоков европейской исторической науки, но в то же время их творчество является одной из вершин античной прозы, сохраняющей свою художественную ценность до сегодняшнего дня. Произведения, включенные в издание полностью и в отрывках, посвящены наиболее значительным моментам античной истории и представляют интерес для самых широких кругов читателей.

В первый том вошли сочинения древнегреческих историков: Геродота, Фукидида, Ксенофонта.

И $\frac{4703000000-1768}{080(02)-89}$ 1768—89 84(0)3

Литературно-художественное издание

ИСТОРИКИ АНТИЧНОСТИ

в двух томах

ТОМ ПЕРВЫЙ

ДРЕВНЯЯ ГРЕЦИЯ

СОСТАВИТЕЛЬ
Томашевская Мария Николаевна

РЕДАКТОР
Л. М. Кроткова

ОФОРМЛЕНИЕ ХУДОЖНИКА
Г. И. Саукова

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР
И. С. Захаров

ТЕХНИЧЕСКИЙ РЕДАКТОР
К. И. Заботина

ИБ 1768

Сдано в набор 05.10.88. Подписано к печати 01.02.89
Формат 84×108$^{1}/_{32}$. Бумага книжно-журнальная
Гарнитура «Диги Антиква». Печать высокая.
Усл. печ. л. 32,76 Усл. кр.-отт. 33,18. Уч.-изд. л. 33,91
Тираж 400 000 экз. (1-й завод. 1—200 000)
Зак. № 105 Цена 2 р. 90 к.

Набор и фотоформы изготовлены в ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типографии имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда» 125865. ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Отпечатано в типографии издательства «Уральский рабочий», г. Свердловск, проспект Ленина, 49.